Уважаемые коллеги и читатели!

Вашему вниманию представлен заключительный в 2025 г. номер рецензируемого федерального научно-практического и аналитического журнала «Вестник экономики, права и социологии».

Из опубликованных в настоящем номере научных работ, на наш взгляд, требуют особого внимания статьи: «Кооперация и цепочки поставок на предприятиях ОПК: особенности управления и риски современной среды» Гудковой О.Е – доктора экономических наук, доцента Московского университета им. С.Ю. Витте (филиал в г. Рязань), «Особенности организации муниципального управления на территориях опережающего развития» Соколова А.П. – доктора экономических наук, профессора Российского государственного университета им. Г.В. Плеханова и Рыжова И.В. – доктора экономических наук, профессора Российской государственной академии интеллектуальной собственности, «Проблемы применения критериев охраноспособности объектов интеллектуальной собственности в цифровой среде» Аламовой С.М. – кандидата юридических наук, доцента Университета управления «ТИСБИ», «Модели организации прокуратуры в зарубежных странах: к вопросу независимости прокуратуры и свободы усмотрения прокурора (сравнительно-правовой аспект)» Белозеровой И.И. – кандидата юридических наук, доцента Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН) и Растопшина Р.А. – заместителя начальника собственной безопасности ГУ МВД РФ по городу Санкт-Петербург и Ленинградской области, «Рациональность: ценность и/или антиценность культуры?» Ибрагимовой З.З. – кандидата философских наук, доцента, Сайкиной Г.К. – доктора философских наук, профессора и Юринова В.Ю. – кандидата философских наук, доцента Казанского (Приволжского) федерального университета, «Современные социальные теории в исследовании отношений человека и искусственного интеллекта» Минзарипова Р.Г. – доктора социологических наук, профессора и Порошенко О.Ю. – доктора философских наук, доцента Казанского (Приволжского) федерального университета.

Также от имени Редакционного совета поздравляю Всех наших коллег и читателей с Новым 2026 годом, желаю всем крепкого здоровья, бодрости, оптимизма, профессиональной востребованности, новых весомых успехов в научно-преподавательской деятельности!

Приглашаю Вас к плодотворному сотрудничеству с нашим журналом.

С уважением,
Главный редактор журнала
«Вестник экономики, права и социологии»,
Доктор экономических наук

В.В. Шлычков

Содержание

Экономика

Антипин И.А., Есвейн Р.И.
Устойчивое развитие и резильентность региона: вопросы теории и практики 8
Бабичев М.А.
Государственное регулирование миграции как фактор экономической безопасности региона на примере Омской области 15
Волченко Т.А.
Региональные аспекты диверсификации направлений туризма: вызовы и решения на примере Российской Федерации 22
Гарифуллина Р.С., Сафин Ф.М.
Эффективность туристских дестинаций: комплексный подход 27
Губайдуллин Р.Р.
Актуальные угрозы экономической безопасности российских предприятий в условиях возрастающей неопределенности социально-экономической среды и механизмы их минимизации 34
Гудкова О.Е.
Кооперация и цепочки поставок на предприятиях ОПК: особенности управления и риски современной среды 39
Двас Г.В., Бушенева Ю.И., Олифир Д.И.
Организационная модель и механизм управления городскими агломерациями межрегионального типа 46
Квасников В.А.
Актуальные угрозы финансовой безопасности РФ и их влияние на развитие рынка казначейских услуг 56
Ким О.Л., Фугалевич Е.В., Кокорева В.Н.
Цифровые коммуникации органов государственной власти и общества: вопросы повышения эффективности 61
Мустафина Г.Н.
Цифровая трансформация российских хозяйствующих субъектов-цели, этапы и потенциальные угрозы экономической безопасности процесса 68
Мясников Д.А., Михайлов Ф.Б.
Влияние выбора инновационной политики на стратегию управления персоналом 74
Ноженко Д.Ю., Шишкина Е.А.
Направления развития внутрирегиональных агломераций: инфраструктурный аспект 80
Сезонова О.Н.
Эволюция концепции турбулентности в экономических системах разного уровня 85
Сидоренко А.В.
Оценка доходности ЦФА с учетом кредитного риска эмитента 89
Соколов А.П., Рыжов И.В.
Особенности организации муниципального управления на территориях опережающего развития 98
Соколовская А.А.
Новые организационно-методические подходы к оценке и анализу устойчивого развития экономических субъектов государственного сектора 103
Хамаганова К.В.
Парадигма брендинга в современных социально-экономических условиях развития общества 109
Шлычков В.В.
Факторы экономической безопасности и их влияние на казначейское сопровождение государственного заказа и государственного оборонного заказа 113

Штанько А.Ю., Паникарова С.В.
Экономическая устойчивость российского рынка медицинских изделий 119
Ягудина Е.В., Павлова А.В.
Организационные детерминанты успеха внедрения искусственного интеллекта: сравнительный анализ российской и зарубежной практик 126

Право

Аламова С.М.
Проблемы применения критериев охраноспособности объектов интеллектуальной собственности в цифровой среде 134
Александрова А.С.
Административно-правовой механизм уведомления Роскомнадзора об осуществлении обработки персональных данных: проблемы функционирования и направления совершенствования 141
Асылбаева П.А.
Соотношение правовых концепций с документами стратегического планирования 146
Ахмадзода Р.С.
Особенности субъекта и субъективной стороны преступлений, связанных с незаконной миграцией, по уголовному законодательству Российской Федерации и Республики Таджикистан 151
Белозерова И.И., Растопшин Р.А.
Модели организации прокуратуры в зарубежных странах: к вопросу независимости прокуратуры и свободы усмотрения прокурора (сравнительно-правовой аспект) 157
Грачёва О.А., Лиходаев Е.Г.
Участие прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях: теоретические предпосылки 162
Корнилова А.Е.
Интернет-коммуникации и факторы риска формирования деструктивного поведения у несовершеннолетних 167
Лимарь А.С., Михайлова И.А., Захаров Н.В.
Транснациональная преступность: характеристика и детерминация 172
Минзянова Д.Ф., Выстропов В.Г.
Некоторые особенности противодействия экстремизму в условиях развития информационно-коммуникационных технологий 179
Скоробогатов А.В., Скоробогатова А.И., Рыбушкин Н.Н.
Уголовно-правовые запреты и формирование правосознания 184
Хабибуллин М.И.
ИИ-агенты в цивилистическом процессе: влияние на правоотношения, вопросы их правомерного использования 189

Социология

Алексеев С.А.
Особенности городского активизма студенческой молодежи г. Казани 194
Амелькина О.В.
Социальное партнерство вуза и «Движения первых»: ценностно-ориентированная модель преемственности участия молодежи 199
Беляев В.А., Сибаева Г.Р.
Целевое зонирование в социополитической стратегии США: зоны безопасности и контроля 207

Брыкова С.С.
Влияние физической культуры на демографическую ситуацию в ДФО 212
Бурганова Л.А., Мягков Г.П., Юрьева О.В.
Отношение университетских преподавателей к искусственному интеллекту 220
Горчакова Д.С.
Трансформация российского общества в связи с социально-экономическими противоречиями в развитии городов (на примере г. Москвы): традиционные и инновационные группы 226
Дьякова В.В., Петрякова Е.А., Горяева С.Н.
Историческая память как элемент патриотической идентичности: День Победы в восприятии студентов 233
Ершов А.Н., Сытин А.В.
Феномен государственного управления в зеркале процессов децентрализации власти: социологический анализ 239
Ефлова М.Ю., Максимова О.А., Минзарипов Р.Г, Нагматуллина Л.К.
Образовательные стратегии молодежи: принципы конструирования и контуры будущего в международной перспективе 245
Закирова А.М.
Цифровая социализация студенческой молодежи в России: тенденции, риски и стратегии адаптации в образовании и на рынке труда 254
Ибрагимова А.А.
Этнокультурные предпочтения молодежи и готовность вступления в межэтнический брак (на примере Республики Татарстан) 260
Ибрагимова З.З., Сайкина Г.К., Юринов В.Ю.
Рациональность: ценность и/или антиценность культуры? 265
Идиатуллина А.М., Натапова Н.В.
Применение социологических методов в педагогических исследованиях: по результатам контент-анализа статей научных журналов 272
Корсун И.И.
Управление трудовой мотивацией в условиях распространения прекарной занятости 278
Крейк А.И., Юркина Д.А.
Актуальные аспекты использования термина «дизайн» в социологии малых групп 283
Минзарипов Р.Г., Порошенко О.Ю.
Современные социальные теории в исследовании отношений человека и искусственного интеллекта 288
Нагматуллина Л.К., Ефлова М.Ю., Максимова О.А., Минзарипов Р.Г.
Профессиональные и карьерные планы современного поколения молодежи (по результатам международного исследования) 293
Сергеева З.Х.
Учебная мотивация и практики самодисциплины студентов: по данным эмпирического исследования 299
Сытин А.В., Ершов А.Н.
Институциональные и социальные механизмы гражданского участия в деятельности местных сообществ (опыт Франции) 303
Тихонов О.В.
Цифровая идентичность в условиях надзорного капитализма: между самовыражением и коммодификацией 309
Тоганова Ж.К.
Влияние цифровой среды на процессы социализации подростков (на примере Казахстана) 313
Фазлеев А.Н.
Проблемы социокультурной адаптации иностранных обучающихся из стран Ближнего Востока к образовательной среде (на примере Казанского федерального университета) 320
Шадрина Л.Ю.
Особенности и перспективы внедрения омниканальной коммуникационной стратегии в деятельность современного российского университета 326

Обзорные работы

Апон М.Е.
Формирование комфортной городской среды в Санкт-Петербурге: особенности и перспективы развития 331

Бачуринская И.А., Черных А.Е.
Стратегия государственного управления при работе с молодежью в Российской Федерации: региональный аспект 336

Вафина Ю.А.
Краудсорсинг как технология общественного участия в системе государственного управления: социологический анализ 345

Гениберг Т.В.
Влияние изменения ключевой ставки Центрального банка на экономическое состояние России в 2024-2025 годах 349

Ким О.Л., Фугалевич Е.В., Геврасев Н.С.
Совершенствование государственной антикоррупционной политики через призму расширения масштабов использования новых информационных технологий 354

Минигулова И.Р.
Цифровизация правовых инструментов в сфере международной миграции (на примере стран СНГ) 361

Насретдинов И.Т.
Особенности экономического развития в условиях глобализации 367

Снеткова Т.А.
Институт исламского страхования: структура и стандарты учета 372

Черноморец А.Б., Шматко А.Д.
Риски кадровой безопасности в условиях удалённой работы: проблемы и управленческие решения 376

Мнения и суждения

Беляев В.А., Сибаева Г.Р.
Лабильность зон безопасности и контроля в социополитической стратегии России 384

Нуруллин Р.А.
Угрожает ли искусственный интеллект человечеству? 389

Персоналии

Цветкова Г.А.
О жизненном мире современного ученого-социолога 394

Практика применения

Воблая И.Н., Стрижак М.С., Сейфиева Е.Н.
Технологии в PR-стратегии: понятие, управление, интеграция 401

Горушкина С.Н. Морковкина И.Е.
Трансформация компетенций руководителей организаций культуры в сфере культурной политики 407

Дружинина И.А., Сиразеева Т.Т.
Формирование качеств патриотизма и гражданственности у студентов-первокурсников в образовательном и воспитательном процессе 416

Иванов А.В.
Типичные ошибки, допускаемые при производстве обыска в помещении 422

Павлова А.В., Ягудина Е.В.
От пилота к масштабу: как гибридные архитектуры и модели управления определяют успех внедрения искусственного интеллекта в бизнесе 426

УДК 332.1
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-8-14

Устойчивое развитие и резильентность региона: вопросы теории и практики

Антипин И.А.
Доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург)

Есвейн Р.И.
Аспирант Уральского государственного экономического университета, главный специалист управления программно-целевого планирования и оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления Департамента экономики Администрации города Екатеринбурга

Вопросы устойчивого развития и резильентности стран, регионов и муниципальных образований не теряют своей актуальности, более того, приобретают всё большую значимость в условиях происходящих социально-экономических трансформаций. В настоящее время исследование устойчивости и резильентности российских регионов крайне актуально в силу различных, поступающих один за другим вызовов их экономическому развитию. Целью настоящего исследования является проведение оценки резильентности Свердловской области. Научная новизна исследования и настоящей статьи заключается в расширении перечня показателей, учитываемых при оценке резильентности и в усовершенствовании существующих методик «экологической компонентой». Практическая значимость характеризуется определением показателей, которые не являются резильентными и требуют повышенного внимания. А также авторскими предложениями, касательно недостаточной раскрытости потенциала развития природоохраны в Свердловской области и необходимости активизации управленческих действий, в т.ч. увеличения финансирования экологических проектов.

По результатам исследования в статье сделан вывод о том, что Свердловская область справедливо считается резильентным регионом, успешно реагирующим на происходящие социально-экономические трансформации (турбулентность экономики, политические события, связанные с началом и продолжением специальной военной операции, и т.д.).

Ключевые слова: *устойчивое развитие, резильентность, регион, неопределенность, турбулентность*

Для цитирования: *Антипин И.А., Есвейн Р.И. Устойчивое развитие и резильентность региона: вопросы теории и практики // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 8–14. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-8-14.*

В условиях усиления санкционного давления, продолжающегося воздействия факторов неопределенности, продолжения Специальной военной операции и т.д., не теряет своей актуальности категория устойчивого развития. Более того, она сохраняет не столько актуальность, но и необходимость постоянного контроля и регулярной актуализации. Поступающие вызовы национальной экономике декомпозируются на уровни регионов и муниципальных образований. Оказываемое давление, пребывание национальной экономики в турбулентном состоянии подвергают аналогичным процессам и региональные экономические системы.

В Российской Федерации имеется колоссальный опыт исследования устойчивого развития. Например, устойчивое развитие территории подробно изучено в трудах Т.В. Усковой [1–3], Г.Ю. Гагариной и С.Н. Мирошникова [4], Б.А. Ерзнкян и К.А. Фонтана [5; 6], Т.В. Алферовой и Е.А. Третьяковой [7; 8] и других исследователей.

Также в Российской Федерации ученые исследуют понятия, родственные устойчивому развитию: шокоустойчивость [9], ударопрочность [10], резильентность.

Слово «резильентность» происходит от латинского «*resilire*», что означает «восстанавливаться». Впервые в науках данное понятие было применено в инженерных и естественных сферах для объяснения способности систем сохранять устойчивость при воздействии внешних шоковых возмущений [11].

Факторы резильентности исследованы В.В. Акбердиной, которая утверждает, что резильентность прямо соотносится со скоростью, с которой любая система возвращается к своему исходному состоянию после шока, полностью поглощая экзогенный импульс [12].

К определению экономической резильентности существует множество подходов. Некоторые из них представлены в таблице 1.

Категория «региональная резильентность» призвана оценивать способность региональной экономической системы противостоять проявляющимся шокирующим событиям. Кроме того, немаловажными функциями экономической резильентности являются: оценка скорости восстановления региональной экономической системы после реализации рисков; индикация источников таких шокирующих событий; формирование основ для планирования предупреждения негативных сценариев в дальнейшем [14].

Оценку резильентности региона следует производить за дотурбулентный, турбулентный и, если возможно, посттурбулентный период, поскольку исследуемые аспекты совершенствования резильентности зависят от характера, глубины и продолжительности рецессии, от предшествующего пути роста региона [15].

Таблица 1

Определения экономической резильентности [13, с. 10]

Автор	Определение
Л. Бригульо и др. (2006 г.)	способность экономики восстанавливаться или приспосабливаться к последствиям неблагоприятных потрясений
Р. Дюваль и др. (2007 г.)	способность экономики в ответ на шоки поддерживать объем производства, близкий к потенциальному
Дж.Х. Хилл и др. (2008 г.)	способность экономики успешно справляться с шоками, которые вызывают либо замедление роста, либо в значительной мере ограничивают рост
Р. Мартин (2012 г.)	способность экономики в ответ на шоки адаптировать свою структуру таким образом, чтобы поддерживать приемлемый рост производства, занятости и благосостояния с течением времени
А. Роуз (2007 г.)	способность системы поддерживать функционирование при шоке
А. Роуз и Э. Краусманн (2013 г.)	способность экономики, характеризующая скорость восстановления после шока

Материалы и методы

Одной из актуальных методик оценки региональной резильентности является методика авторства В.В. Климанова, С.М. Казаковой, А.А. Михайловой [16]. Данная методика подразумевает проведение статистической оценки резильентности региона с задействованием данных по аналогичным показателям для прочих регионов, представленных в применяемой выборке.

Показателями, предлагаемыми авторским коллективом для оценки региональной резильентности, являются:

– ВРП на душу населения, руб.;

– уровень безработицы, %;

– общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, кв.м;

– среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций, руб.;

– доля населения с денежными доходами ниже границы бедности/прожиточного минимума, %;

– объем инвестиций в основной капитал на одного занятого в социальной сфере, руб.;

– доля расходов консолидированного бюджета на социальную сферу в общей сумме расходов, %.

Необходимо помнить, что одной из компонент устойчивого развития региона (категории, пограничной с региональной резильентностью) является экологическая компонента. Ее наличие в составе компонент обусловлено ролью экологии региона как в вопросах сохранения жизни, здоровья, состояния трудоспособности населения, так и ролью в формировании привлекательности региона для жизни.

Иными словами, экологическая обстановка в регионе оказывает прямое влияние как на экономические, так и на социальные показатели устойчивого развития региона, а значит должна учитываться и при оценке резильентности.

В целях наиболее полного охвата такой обширной категории, как экологическое благополучие, предлагается задействование показателей, характеризующих наличие природных ресурсов в регионе, а также показателей, характеризующих обращение с ними.

В качестве таких дополняющих показателей могут быть задействованы: «Доля улавливания загрязняющих атмосферу веществ, отходящих от стационарных источников, %», «Доля лесных земель в общей площади земельных угодий, %» и «Инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды, по отношению к величине ВРП, руб. на руб.».

Ввиду всероссийского характера переживаемых экономических потрясений последних лет (пандемия *COVID*-19, проведение Специальной военной операции и т.д.), выборка для анализа представлена регионами России безотносительно географических, экономических и иных группировок. База расчетов представлена данными за 2017–2023 гг.

Методика В.В. Климанова, С.М. Казаковой, А.А. Михайловой предписывает проведение оценки резильентности для каждого указанного показателя по формуле [16]:

$$Z = \frac{(x - \mu)}{\sigma}$$

где Z – значение оценки резильентности показателя, x – исходное значение показателя, μ – среднее по выборке, σ – стандартное отклонение.

Затем оценка резильентности региона рассчитывается как среднее значение оценок по всем показателям за каждый исследуемый период в отдельности.

Проведем оценку резильентности Свердловской области. Исходные данные для расчетов по вышеназванным показателям представлены в таблице 2.

В целях дальнейшего проведения оценки рассчитаны необходимые средние значения указанных показателей по выборке. Результаты расчетов представлены в таблице 3.

Кроме средних значений показателей по выборке требуются данные о стандартном отклонении этих показателей за каждый период. Расчет представлен в таблице 4.

Результаты

Имея в распоряжении рассчитанные данные, возможно проведение оценки резильентности, результаты представлены в таблице 5.

Согласно методике, если значение оценки больше 0, регион относится к резильентным. При значении ниже 0 регион относится к нерезильентным и требует принятия управленческих решений в данном направлении.

Выводы и обсуждение

Динамика рассчитанных показателей резильентности Свердловской области демонстрирует равную устойчивость региона как к турбулентности экономики, связанной с завершающим этапом пандемии *COVID*-19, так и к экономическим и политическим

Таблица 2

Значения показателей Свердловской области

Показатель	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
ВРП на душу населения, руб.	522156	560977	586468	588270	723303	818465	977597
Уровень безработицы, %	5,5	4,8	4,2	5,8	4,1	3,5	2,4
Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, кв. м	25,7	26,1	26,6	27,3	28,1	29,0	29,8
Среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций, руб.	33022	34246	39876	43256	48590	47565	51348
Доля населения с денежными доходами ниже границы бедности/прожиточного минимума, %	9,8	9,5	8,9	9,0	8,6	8,1	7,6
Инвестиции в основной капитал на одного занятого в социальной сфере, руб.	25784	40720	178426	84511	68044	74050	93982
Доля расходов консолидированного бюджета на социальную сферу в общей сумме расходов, %	21,7	22,3	31,3	27,4	21,6	21,3	20,1
Доля улавливания загрязняющих атмосферу веществ, отходящих от стационарных источников, %	88,7	88,9	88,7	89,8	89,6	90,3	90,1
Доля лесных земель в общей площади земельных угодий, %	70,2	70,2	70,2	70,2	70,2	70,2	70,2
Инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды, по отношению к величине ВРП, руб. на руб.	0,002	0,002	0,002	0,002	0,002	0,002	0,004

Рассчитано по: [17–23].

событиям, связанным с началом и продолжением специальной военной операции.

На протяжении всех исследуемых периодов нерезильентным показателем является подушевой ВРП. Учитывая целевую динамику демографических показателей, при стабильном объеме ВРП показатель подушевого ВРП будет демонстрировать лишь отрицательную динамику по мере повышения рождаемости. В направлении повышения уровня ВРП Свердловской области требуется принятие определенных мер.

Среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций как показатель демонстрирует отрицательную оценку на протяжении 2017–2022 гг., а по итогам 2023 г. – минимально преодолела пороговое значение. Аналогично

Таблица 3

Средние значения показателей по выборке

Показатель	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
ВРП на душу населения, руб.	586775	682228	715141	682541	943111	1081610	1172900
Уровень безработицы, %	6,4	6,0	5,7	7,0	5,9	4,8	3,9
Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, кв. м	25,5	26,0	26,5	27,1	27,9	28,6	29,2
Среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций, руб.	33786	35575	41514	45864	50163	48731	51346
Доля населения с денежными доходами ниже границы бедности/прожиточного минимума, %	14,7	14,2	14,2	13,9	12,9	11,3	10,7
Инвестиции в основной капитал на одного занятого в социальной сфере, руб.	42802	53266	108150	96166	93962	114737	121524
Доля расходов консолидированного бюджета на социальную сферу в общей сумме расходов, %	21,5	22,2	34,5	30,2	22,4	21,0	19,6
Доля улавливания загрязняющих атмосферу веществ, отходящих от стационарных источников, %	49,4	49,3	48,9	50,6	50,8	53,1	51,8
Доля лесных земель в общей площади земельных угодий, %	38,1	38,1	38,2	38,2	38,1	38,1	38,3
Инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды, по отношению к величине ВРП, руб. на руб.	0,002	0,002	0,003	0,002	0,002	0,003	0,003

Таблица 4

Стандартные отклонения показателей по выборке

Показатель	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
ВРП на душу населения, руб.	819053	1014843	1035370	815436	1404650	1707540	1736580
Уровень безработицы, %	3,5	3,4	3,4	4,0	4,0	3,6	3,3
Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, кв. м	3,6	3,7	3,8	4,0	4,2	4,4	4,6
Среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций, руб.	14718	15312	17879	19947	21259	20087	20238
Доля населения с денежными доходами ниже границы бедности/прожиточного минимума, %	5,1	5,1	5,1	5,0	4,6	4,2	4,1
Инвестиции в основной капитал на одного занятого в социальной сфере, руб.	29540	38080	188201	39121	43358	62670	65280
Доля расходов консолидированного бюджета на социальную сферу в общей сумме расходов, %	4,8	5,1	8,6	7,5	5,3	4,8	4,0
Доля улавливания загрязняющих атмосферу веществ, отходящих от стационарных источников, %	27,2	27,0	26,7	27,5	27,7	28,7	27,9
Доля лесных земель в общей площади земельных угодий, %	23,0	23,0	23,0	23,0	23,0	23,1	23,0
Инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды, по отношению к величине ВРП, руб. на руб.	0,003	0,004	0,003	0,003	0,003	0,004	0,003

Рассчитано по: [17–23].

Таблица 5

Оценка резильентности показателей Свердловской области

Показатель	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
ВРП на душу населения, руб.	-0,08	-0,12	-0,12	-0,12	-0,16	-0,15	-0,11
Уровень безработицы, %	1,25	1,34	1,45	1,29	1,45	1,38	1,47
Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, кв. м	0,07	0,04	0,03	0,06	0,04	0,09	0,13
Среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций, руб.	-0,05	-0,09	-0,09	-0,13	-0,07	-0,06	0,001
Доля населения с денежными доходами ниже границы бедности/прожиточного минимума, %	1,96	1,94	2,01	1,97	1,94	1,76	1,77
Инвестиции в основной капитал на одного занятого в социальной сфере, руб.	-0,58	-0,33	0,37	-0,30	-0,60	-0,65	-0,42
Доля расходов консолидированного бюджета на социальную сферу в общей сумме расходов, %	0,04	0,02	-0,37	-0,37	-0,15	0,06	0,14
Доля улавливания загрязняющих атмосферу веществ, отходящих от стационарных источников, %	1,44	1,47	1,49	1,43	1,40	1,30	1,37
Доля лесных земель в общей площади земельных угодий, %	1,39	1,39	1,39	1,39	1,39	1,39	1,39
Инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды, по отношению к величине ВРП, руб. на руб.	0,03	0,03	-0,33	0,03	0,03	-0,25	0,33
Резильентность региона (итоговая оценка)	**0,55**	**0,57**	**0,58**	**0,53**	**0,53**	**0,50**	**0,60**

случаю с подушевым ВРП, в Свердловской области требуется регулирование уровня заработной платы.

За исключением 2019 г. размер инвестиций в основной капитал, приходящийся на одного занятого в социальной сфере, также имеет отрицательную оценку резильентности, что говорит о недостаточных темпах развития и обновления инфраструктуры данного направления.

Остальные показатели, задействованные при оценке резильентности, демонстрируют нормальные (допустимые) значения по мере адаптации экономики к пережитым и длящимся шокирующим событиям.

Внедренные в методику показатели, относящиеся к экологической компоненте устойчивого развития, в отдельности демонстрируют экологическую резильентность региона. Колоссальные площади лесных массивов, имеющиеся в Свердловской области, а также комплексная работа по модернизации и контролю стационарных источников загрязнения атмосферы оказывают позитивное воздействие как на экологическое благополучие региона, так и на итоговую оценку его резильентности. Вместе с тем объем инвестиций, направляемых на охрану окружающей среды, в сравнении с объемом ВРП демонстрирует недостаточную раскрытость потенциала развития природоохраны в Свердловской области. Результаты оценки отдельно этого показателя предписывают необходимость активизации управленческих действий, увеличения финансирования экологических проектов.

В целом по итогам проведенной оценки Свердловская область справедливо считается резильентным регионом. Тем не менее понимание значений показателей и наличие промежуточной оценки их индивидуальной резильентности позволяет выделить показатели, которые не являются резильентными и требуют повышенного внимания.

Литература:

1. Ускова Т.В. К вопросу о научно-методическом обеспечении устойчивого развития регионов // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2021. № 4 (67). С. 19–26.
2. Ускова Т.В. Пространственные аспекты устойчивого развития региона // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2021. № 1 (64). С. 81–88.
3. Ускова Т.В. Еще раз о факторах устойчивости территорий // Проблемы развития территории. 2025. № 2(29). С. 7–9.

4. Гагарина Г.Ю., Мирошников С.Н. Применение целей устойчивого развития ООН в стратегиях субъектов Российской Федерации // Управленческое консультирование. 2019. № 1(121). С. 54–63.
5. Ерзнкян Б.А., Фонтана К.А. Потенциал циркулярной экономики и «природных решений» – возможность достижения устойчивого развития // Экономический анализ: теория и практика. 2022. Т. 21. № 4(523). С. 616–642.
6. Ерзнкян Б.А., Фонтана К.А. Циркулярная экономика и устойчивое развитие городов // Региональные проблемы преобразования экономики. 2021. № 7(129). С. 7–22.
7. Алферова Т.В., Третьякова Е.А. Структурное моделирование взаимосвязей целей устойчивого развития регионов // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. 2024. № 2. С. 4–24.
8. Алферова, Т.В., Третьякова Е.А. Формирование методологии исследования устойчивого развития социо-эколого-экономических систем регионов // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2024. № 2. С. 160–171.
9. Жихаревич Б.С., Климанов В.В., Марача В.Г. Шокоустойчивость территории: концепция, измерение, управление // Региональные исследования. 2020. № 3(69). С. 4–15.
10. Данилова И.В., Антонюк В.С., Богданова О.А. «Ударопрочность» монопрофильных регионов в условиях внешних шоков: оценка и управленческие решения // Управленец. 2023. Т. 14. № 6. С. 33–49.
11. Wang X., Li M. Determinants of Regional Economic Resilience to Economic Crisis: Evidence from Chinese Economies // Sustainability. 2022. № 14 (809). DOI:10.3390/su14020809
12. Акбердина В.В. Факторы резильентности в Российской экономике: сравнительный анализ за период 2000–2020 гг. // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2021. Т. 17. № 8(401). С. 1412–1432.
13. Акбердина В.В. Резильентность экономики: факторы устойчивости к шокам // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы VII Межд. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 19–20 апреля 2021 г.: в 2-х т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. Т. 1. С. 8–15.
14. Высоцкий С.Ю. Экономическая резильентность территорий: теоретическое обоснование и применение // Финансы и бизнес. 2022. № 2. С. 3–21.
15. Martin R., Sunley P., Gardiner B., Tyler P. How Regions React to Recessions: Resilience and the Role of Economic Structure // Regional Studies. 2016. № 4 (50). P. 561–585.
16. Климанов В.В., Казакова С.М., Михайлова А.А. Ретроспективный анализ устойчивости регионов России как социально-экономических систем // Вопросы экономики. 2019. № 5. С. 46–64.
17. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с.
18. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2019. 1204 с.
19. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: стат. сб. / Росстат. М., 2020. 1242 с.
20. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: стат. сб. / Росстат. М., 2021. 1112 с.
21. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: стат. сб. / Росстат. М., 2022. 1124 с.
22. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: стат. сб. / Росстат. М., 2023. 1128 с.
23. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023 : стат. сб. / Росстат. М., 2024. 1081 с.

Sustainable Development and Regional Resilience: Theoretical and Practical Issues

Antipin I.A.
Ural State University of Economics (Yekaterinburg)
Esvein R.I.
Ural State University of Economics,
Administration of the City of Yekaterinburg (Yekaterinburg)

Sustainable development and resilience in countries, regions, and municipalities remain relevant and are increasingly important in the context of ongoing socioeconomic transformations. Research into the sustainability and resilience of Russian regions is currently extremely important due to the various,

successive challenges to their economic development. The purpose of this study is to assess the resilience of the Sverdlovsk Region. The scientific novelty of this study and this article lies in expanding the range of indicators considered in resilience assessments and, accordingly, improving existing methods with an "environmental component." The practical significance is characterized by the identification of indicators that are not considered resilient and require increased attention. The article also includes the author's proposals regarding the insufficient exploitation of the potential for environmental development in the Sverdlovsk Region and the need to intensify management actions, including increasing funding for environmental projects. Based on the results of the study, the article concludes that the Sverdlovsk region is rightly considered a resilient region, successfully responding to ongoing socio-economic transformations (economic turbulence, political events associated with the beginning and continuation of a special military operation, etc.).

Keywords: sustainable development, resilience, region, uncertainty, turbulence

УДК 314.93
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-15-21

Государственное регулирование миграции как фактор экономической безопасности региона на примере Омской области*

Бабичев М.А.
Кандидат экономических наук,
инженер сектора методов исследования проблем развития регионов
Омского научного центра Сибирского отделения РАН

В статье подробно рассматривается комплексная проблема миграционного регулирования как ключевого фактора обеспечения экономической безопасности в региональном контексте. Цель исследования заключается в проведении комплексного анализа современных тенденций и вызовов, связанных с миграционными процессами, их влиянием на социально-экономическое развитие территорий и обеспечение стабильности региональных экономик, а также в разработке методических рекомендаций по совершенствованию региональной экономической политики.

Актуальность исследуемой проблемной области обусловлена существующим законодательным, экономическим и социальным восприятием мер государственного регулирования со стороны регионов различных степеней развития и вовлеченности в формирование систем региональной поддержки и развития. В условиях глобализации и усиления миграционных потоков особую значимость приобретает разработка эффективных механизмов управления миграционными процессами на региональном уровне.

Также обозначены ключевые тренды, способствующие возможному ослаблению региональных позиций. На примере Омской области проанализированы миграционная, трудовая и бизнес-среда развития региона в период 2023–2025 гг. Дана оценка проблем и предложены возможные направления решений. Статья может быть рассмотрена как элемент основы для оценки, пересмотра, формирования и корректировки мер регионального экономического развития, а также в части адаптации мер государственной поддержки под нужды региональных экономик.

Ключевые слова: *экономическая безопасность, миграция, демография, уровень занятости населения, население региона, среднесписочная численность работников, Омская область*

Для цитирования: *Бабичев М.А. Государственное регулирование миграции как фактор экономической безопасности региона на примере Омской области // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 15–21. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-15-21.*

Миграция населения является не только демографическим индикатором, но и точным барометром социально-экономического самочувствия региона. В современной России, находящейся в условиях структурных трансформаций и внешних вызовов, миграционные тренды приобрели особую значимость, сместившись из столичных агломераций в сторону крупных региональных центров и приграничных территорий.

* Работа выполнена по государственному заданию Омского научного центра СО РАН (номер госрегистрации проекта 121022000112-2).

Омская область, как один из ключевых субъектов Западной Сибири с населением около 1,8 млн чел., исторически занимала неоднозначную позицию на миграционной карте страны. Будучи некогда мощным индустриальным и научным хабом, в постсоветский период регион столкнулся с устойчивым оттоком населения в более благополучные западные области. Однако текущий период 2024–2025 гг. знаменует собой потенциальный переломный момент, который отражается в части смещения негативных тенденций с позиции ряда индикативных показателей [1].

На сложившуюся десятилетиями ситуацию начинают влиять новые мощные факторы, которые в состоянии изменить существующие тенденции, а также корректировка данных факторов со стороны государства может быть рассмотрена как элемент обеспечения экономической безопасности.

Макроэкономическая и геополитическая переконфигурация, смещающая экономические и логистические потоки в Азиатскую часть России, повышает потенциальную значимость Омска как транзитного и промышленного узла. Данное условие может быть рассмотрено в качестве окна возможностей для проведения соответствующих мероприятий в части корректировки мер по удержанию кадров соответствующей квалификации в рамках региональной экономики.

Реализация государственных программ стимулирования («Дальневосточный гектар», «Программа переселения соотечественников»), создающих косвенную конкуренцию за человеческий капитал. В данном случае общегосударственные меры поддержки и стимулирования миграционных потоков могут оказать неоднозначное воздействие на потенциал экономической безопасности отдельных регионов, в частности, Омской области.

Внутренние инициативы региональных властей, направленные на удержание молодежи и квалифицированных специалистов. В зависимости от масштаба и эффективности мероприятий, они могут быть оценены как элемент, усиливающий позитивные тренды развития в контексте комплексного рассмотрения с дополнительными элементами обеспечения экономической безопасности.

Целевой установкой текущего исследования можно считать комплексный анализ особенностей региональной миграции в Омской области в период 2024–2025 гг. В задачи исследования входит: выявление основных направлений и объемов миграционных потоков, оценка влияния новых тенденций и эффектов от реализуемых мер на демографическую и трудовую структуру области, а также прогнозирование устойчивости сложившихся трендов на ближайшую перспективу.

Если рассматривать миграционные процессы с позиции влияния на экономические показатели региональных субъектов, то теоретическая и нормативная база исследований дает возможность определить ряд блоков, в которых сгруппированы различные индикаторы экономической активности региона. Условно это такие группы, как макроэкономические показатели, рынок труда, социальная сфера, демографическое направление.

Принимая во внимание разнонаправленность показателей в рамках каждой группы, возможно провести анализ тенденций, угроз и позитивных трендов на примере такого региона Сибирского федерального округа, как Омская область, и рассмотреть его в контексте сибирской группы регионов.

Первый блок элементов, рассматриваемых в текущем исследовании, – рынок труда в части развития в Омской области в 2024–2025 гг.

Ретроспективный анализ последних лет показал положительную динамику по наполненности кадрами предприятий региона и снижение отрицательных эффектов безработицы. Итоги представлены в таблице 1.

Таблица 1

Структура занятости населения Омской области 2021–2024 гг. [2]

Год	Уровень занятости населения, в % к численности населения в возрасте от 15 лет	Общее число безработных, тыс. чел.
2021	59,5	64,1
2022	59,8	51,2
2023	59,9	34,1
2024	60,1	28,1

Можно отметить стабильный рост занятости, но со сниженными темпами роста, что, с одной стороны, может быть рассмотрено как положительный эффект от принимаемых мер развития в регионе, с другой – как то, что рынок труда Омской области в 2024–2025 гг. является зеркальным отражением общих для России вызовов, но с выраженной региональной спецификой [3]. Он функционирует в парадоксальных условиях, характеризующихся одновременным сосуществованием высокого уровня безработицы и растущего кадрового дефицита. Этот дисбаланс становится системообразующей тенденцией и ключевой проблемой для экономического развития региона.

Обозначим ключевые тренды 2024–2025 гг.

Усиление структурного дисбаланса и кадрового голода. Это центральный тренд, определяющий все остальные процессы. Ситуация усугубляется по нескольким направлениям. Во-первых, профессионально-квалификационное несоответствие. Наблюдается переизбыток предложения на рынке низкоквалифицированного труда (продавцы, водители, офисные служащие) при острейшем дефиците специалистов рабочих профессий (токари, сварщики, фрезеровщики, наладчики станков с ЧПУ). Спрос

на IT-специалистов, инженеров-конструкторов и технологов также стабильно превышает предложение. Во-вторых, географический дисбаланс. Основной объем вакансий сконцентрирован в г. Омске и его промышленной агломерации. В то же время районы области, особенно отдаленные, сталкиваются с высокой локальной безработицей и отсутствием диверсифицированного рынка труда.

Давление со стороны оборонно-промышленного комплекса (ОПК). Омск, как крупный промышленный центр с мощным ОПК (заводы «Полёт», «Омсктрансмаш», «Омское моторостроительное КБ» и др.), испытывает на себе прямое влияние госзаказа. В 2024–2025 гг. это приводит к:

– «перетягиванию» кадров. Крупные предприятия ОПК, обеспеченные госзаказом, предлагают более высокие, по меркам региона, зарплаты и социальный пакет, что приводит к оттоку квалифицированных инженеров и рабочих с гражданских предприятий (пищевая промышленность, легкая промышленность, сфера услуг);

– росту зарплатных ожиданий. Конкуренция за ограниченный пул специалистов заставляет предприятия повышать уровень заработных плат, что создает дополнительную нагрузку на бизнес в несырьевом секторе.

Демографическое давление и последствия миграционных трендов. На рынок труда выходит малочисленное поколение 2000-х гг., что не позволяет восполнить естественную убыль трудоспособного населения, усугубляемую исторически сложившимся оттоком молодежи в Москву, Санкт-Петербург и Новосибирск [4].

Новая роль внешней миграции. Приток трудящихся из стран Средней Азии (Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан) становится структурным элементом рынка. Они занимают ниши в строительстве, ЖКХ, логистике и сфере услуг, сглаживая остроту дефицита в низкоквалифицированных сегментах. Однако их интеграция в высокотехнологичные отрасли затруднена.

Трансформация форматов занятости. Рост удаленной занятости как пандемийный и постпандемийный тренд закрепился. Работодатели рассматривают удаленную работу как одно из условий труда в части формирования запросов к персоналу, а сотрудники выбирают место работы с учетом условий полного или частичного перехода на уделанный режим. Таким образом, омские специалисты в сферах IT, маркетинга, дизайна и консалтинга все чаще работают на столичные и международные компании, не покидая региона. Это создает новую конкуренцию для местных работодателей, которые вынуждены пересматривать условия труда и оплаты, чтобы удержать ценные кадры.

В дополнение к дистанционным вакансиям прослеживается развитие гибких форм занятости: проектная работа, аутсорсинг и частичная занятость становятся все более популярными, особенно в сфере услуг и среди малого бизнеса.

Одновременно с обозначенными тенденциями наблюдаются преобразования в части адаптации системы образования и переподготовки кадров. Наблюдается возрождение интереса к СПО: под давлением рынка и при поддержке государства среднее профессиональное образование (колледжи, техникумы) переживает рост интереса и востребованности. Предприятия активно участвуют в создании образовательных программ и прохождении практик. Как субтенденция существует рост спроса на курсы переподготовки: растет спрос на краткосрочные интенсивные программы, позволяющие быстро получить востребованную рабочую профессию или повысить квалификацию.

В части выводов целесообразно определить, что на период 2024–2025 гг. основным вызовом для рынка труда Омской области остается углубление структурного дисбаланса. Безработица, возможно, будет сохраняться на фоне рекордно низкого уровня предложения для целого ряда критически важных для экономики профессий.

Как следствие, существуют риски для малого и среднего бизнеса: МСБ, не имея финансовых возможностей крупных корпораций, будет проигрывать в борьбе за кадры, что может тормозить его развитие. А также повышение значимости миграционной политики. То есть региону потребуется целенаправленная политика не только по привлечению внешних мигрантов, но и по их адаптации и, где возможно, профессиональному обучению.

Таким образом, рынок труда Омской области находится в состоянии переходной турбулентности. Его дальнейшая стабилизация будет напрямую зависеть от способности региональных властей, бизнеса и образовательных институтов действовать согласованно, превращая структурные проблемы в точки роста через инвестиции в человеческий капитал и целевое привлечение, и целенаправленное удержание талантов и кадров соответствующих компетенций [5].

Далее определим основные элементы демографического положения региона. Демографическая ситуация в Омской области в 2024–2025 гг. представляет собой комплекс взаимосвязанных вызовов, формирующих негативную динамику, которая оказывает возрастающее давление на все сферы социально-экономической жизни региона. Рассмотрим базовые тенденции.

1. Устойчивая естественная убыль населения.

Превышение смертности над рождаемостью остается структурной проблемой. Несмотря на общегосударственные меры поддержки (материнский капитал, пособия), положительного перелома тренда не наблюдается.

Старение возрастной пирамиды. Доля населения старше трудоспособного возраста продолжает расти, увеличивая демографическую нагрузку на экономически активную часть. Это приводит к росту расходов на здравоохранение и социальное обеспечение.

Отсроченные последствия демографических падений 1990-х гг., выражающиеся в том, что основу кризисной массы составляют сегодня люди в возрасте 25–35 лет – ключевой репродуктивный контингент [6].

2. Миграционный отток как доминирующий фактор депопуляции.

Направление трудовой миграции «Восток – Запад» трудоспособного населения усиливается. Регион сохраняет отрицательное сальдо миграции с центральными и южными регионами России (Москва, Санкт-Петербург, Краснодарский край, Калининградская область) [7].

Целевая миграция молодежи в части выпускников омских вузов и наиболее амбициозных специалистов, которые рассматривают регион как «трамплин» для дальнейшего переезда в города с более высоким качеством жизни и широкими карьерными возможностями.

Как следствие, истощение человеческого капитала, так как регион покидает не просто статистическая единица, а наиболее образованная, профессионально подготовленная и мобильная часть населения, что ведет к снижению интеллектуального и инновационного потенциала области.

3. Пространственная и возрастная асимметрия

Происходит гиперконцентрация населения в Омске, вследствие чего наблюдается дальнейшее покидание сельских районов и малых городов области (за исключением некоторых пригородных территорий). Это создает дисбаланс в развитии территорий и ведет к запустению обширных сельскохозяйственных земель. Соответственно, можно наблюдать демографическое старение села. В сельской местности проблема старения населения и дефицита молодежи стоит наиболее остро, что ставит под угрозу развитие агропромышленного комплекса – одной из ключевых отраслей региона.

Таким образом, в части демографических тенденций можно выделить ряд угроз для рассмотрения с целью их нивелирования интеграцией мер государственного стимулирования демографического положения региона.

К экономико-производственным угрозам возможно отнести сокращение потенциала трудовых ресурсов. Уменьшение численности и старение экономически активного населения ведет к прямому сокращению валового регионального продукта (ВРП) и замедлению экономического роста. Также возникает рост нагрузки на бюджет и пенсионную систему. В силу уменьшения числа плательщиков налогов при одновременном росте числа получателей пенсий и социальных выплат создается серьезное фискальное давление. И как следствие, снижение потребительского спроса. Сокращение населения, особенно в молодых и средних возрастных группах, ведет к сужению внутреннего рынка, что негативно сказывается на торговле и сфере услуг.

В части социальных угроз присутствует обострение кадрового дефицита в социальной сфере. Регион рискует столкнуться с острой нехваткой врачей, учителей, воспитателей и социальных работников, особенно в сельской местности, что приведет к снижению качества и доступности ключевых социальных услуг [8]. Наблюдается усиление социальной напряженности. Конкуренция за рабочие места между местным населением и трудовыми мигрантами в определенных секторах может стать источником конфликтов. А также происходит снижение инвестиционной привлекательности, на которую влияет ухудшающаяся демографическая ситуация (сокращение рынка труда, снижение потребительского спроса), что делает регион менее привлекательным для долгосрочных инвестиций, замыкая порочный круг экономической стагнации.

В стратегическом контексте прослеживается ряд инфраструктурных угроз. В частности, угроза устойчивому развитию территорий с позиции депопуляции целых районов, что ставит под вопрос целесообразность содержания там объектов инфраструктуры (школы, дороги и т.д.), ведя к их постепенной деградации. И как один из итогов – потеря человеческого капитала как основного стратегического ресурса. Учитывая то, что длительный отток молодежи и квалифицированных специалистов подрывает основу для будущего инновационного развития региона.

Демографический кризис в Омской области в 2024–2025 гг. перестает быть просто статистическим показателем и превращается в системный вызов, угрожающий социально-экономической стабильности и долгосрочному потенциалу региона [9; 10]. Меры, направленные лишь на краткосрочное стимулирование рождаемости, не способны переломить тренд.

Необходим комплексный подход, включающий:

– активную миграционную политику, нацеленную не только на привлечение, но и на закрепление в регионе талантливой молодежи и высококвалифицированных специалистов через создание современных рабочих мест, развитие городской среды и социальной инфраструктуры;

– повышение эффективности здравоохранения для снижения предотвратимой смертности, особенно в трудоспособном возрасте;

– стимулирование пространственного развития, то есть поддержка малого бизнеса в малых городах и на селе для создания там точек роста и закрепления населения.

Без таких скоординированных усилий негативные демографические тенденции будут только усугубляться, ограничивая будущее Омской области.

Если оценивать ситуацию не с позиции потенциальных трендов, а с точки зрения реальности, то краткосрочная ретроспектива жизни региональной экономики показывает рост. Как косвенный показатель эффективности можно рассмотреть налоги МСБ, рост занятости и заработных плат (но не во всех отраслях) с снижением динамики миграционного оттока. Данные тенденции положительны с позиции перехода 2023–2024 гг. к 2024–2025 г. Например, в 2024 г. малый и средний бизнес принес в бюджет Омской области 32 млрд руб. При этом средние предприятия заплатили налогов на сумму 4,3 млрд руб., что на 556 млн руб. больше, чем в 2023 г. Объем налоговых поступлений в бюджет региона в 2024 г. от малых предприятий составил 11,9 млрд руб., что на 2,4 млрд руб. больше, чем в 2023 г. Микропредприятия пополнили бюджет Омской области на 15,8 млрд руб. Это на 3,5 млрд руб. больше, чем в 2023 г. В целом, по данным управления Федеральной налоговой службы по Омской области, поступления выросли почти на 6,4 млрд руб. к уровню 2023 г. [11].

Также отметим, что положительная динамика экономических показателей региональной экономики (например, увеличение объема налоговых поступлений) во многом определяется ростом госзаказа и ГЧП в целом. То есть рост экономики инспирирован государством и, как следствие, находится от него в прямой зависимости. В 2024 г. крупнейшие заказчики приобрели у субъектов МСП региона товаров и услуг на 45,8 млрд руб. [12]. Это рекордный показатель. Объем закупок вырос более чем на 33 %. Также Омская область в 2024 г. занимает 1 место среди регионов Сибирского федерального округа по итогам рейтинга субъектов РФ по уровню развития государственно-частного партнерства, входит в ТОП-10 регионов России по фактору оценки опыта реализации проектов ГЧП, и в ТОП-7 по объему инвестиций по ГЧП-проектам [13].

Стоит иметь в виду, что рост госзакупок может положительно сказаться в краткосрочной перспективе, но не всегда может отличаться управляемостью со стороны регионального государственного регулирования.

Объединяя нормативные и теоретические положения государственного регулирования экономической безопасности в стране и на региональном уровне в частности, определим ряд направлений воздействия властей на миграционные и демографические процессы. В частности, в качестве регуляции миграционных потоков на рынке труда.

К основным направлениям государственного воздействия на миграционные процессы целесообразно отнести:

– оптимизация миграционных потоков – создание условий для более равномерного распределения населения по территории страны;

– балансировка рынка труда – обеспечение соответствия между спросом и предложением рабочей силы в разных регионах;

– перераспределение трудовых ресурсов – разработка механизмов перемещения квалифицированных кадров между региональными рынками труда;

– сохранение населения в регионах с высоким оттоком, особенно в северных, дальневосточных и сибирских территориях;

– создание рабочих мест в регионах, испытывающих дефицит населения;

– контроль соотношения между внутренними и иностранными трудовыми ресурсами.

Определим сегмент проблем исходя из представленного анализа и общефедеральных тенденций. Основные положения представлены в таблице 2.

На основе обзора современных исследований миграционной политики Российской Федерации и ориентиров стратегических документов, принятых за последние годы, можно сформулировать принципы построения региональной миграционной политики:

1) принцип программно-целевого стратегического планирования;

2) принцип главенства законности и безопасности;

3) принцип сбалансированного развития местных рынков труда;

4) принцип оптимизации ресурсов;

5) принцип дифференцированных интересов;

6) принцип интеграции;

7) принцип информационной поддержки миграционной политики.

Таблица 2

Проблемы миграции и инструменты регулирования

Основные проблемы, на которые направлено государственное регулирование	Инструменты государственного регулирования для достижения целей
– Классический отток населения из депрессивных регионов в экономически развитые территории – Географическая направленность миграций: жители Сибири, Дальнего Востока и северных регионов переезжают в ЦФО – Внутрирегиональные перемещения – отток населения из региональных центров в Москву и Санкт-Петербург – Международные потоки – как приток из стран ближнего зарубежья, так и отток квалифицированных специалистов в развитые государства	– Целевые программы поддержки регионов – Экономические стимулы для привлечения населения – Развитие инфраструктуры в перспективных территориях – Социальные гарантии для переселенцев – Создание привлекательных условий труда и жизни – Образовательные и культурные программы

Адаптация этих принципов к миграционным процессам как вариант интеграции в общую концепцию экономической безопасности представлена в таблице 3.

Проведенный анализ демографической ситуации и миграционных процессов в Омской области позволяет сделать следующие ключевые выводы.

Наблюдается устойчивый отток населения из региона. Миграционная убыль значительно превышает естественный прирост населения. Основной поток миграции направлен в центральные регионы России (Москва, Санкт-Петербург) и южные территории (Краснодарский край). Основные проблемы региона заключаются в следующем: сокращение трудоспособного населения создает серьезные вызовы для экономического развития и демографическая нагрузка на трудоспособное население постоянно возрастает. Урбанизация региона происходит на фоне оттока населения из сельских территорий.

Для стабилизации ситуации необходимо:

– оптимизировать миграционную политику через выравнивание уровня доходов и развития социальной инфраструктуры;

– развивать экономическую базу региона для создания привлекательных условий проживания;

– усилить меры по поддержке рождаемости и снижению смертности;

– совершенствовать систему привлечения и закрепления квалифицированных кадров.

Текущая демографическая и миграционная ситуация в Омской области требует комплексного подхода к решению выявленных проблем и разработки эффективных мер по стабилизации положения в регионе. Особое внимание следует уделить вопросам экономического развития и создания привлекательных условий для проживания населения. Соблюдая преемственность исследований, возможно рассмотреть уточнение и корректировку разработанной ранее модели [14] в части дополнения отдельных элементов принципами, вызовами и угрозами текущей работы.

Таблица 3

Ключевые принципы регуляторного воздействия государственного регулирования в миграционном и демографическом контексте

Принцип	Содержательное уточнение
1) Принцип программно-целевого стратегического планирования	Миграционные потоки, исходящие и входящие в регион, порождают комплекс социальных, экономических, политических, культурных процессов, каждый из которых является объектом регионального управления и учитывается в стратегии развития территории. Программно-целевой харак-тер государственного управления в нашей стране позволяет концентрировать ресурсы на наиболее значимых вопросах и решать их комплексно, что значимо в сфере миграционной политики
2) Принцип главенства законности и безопасности	Прибытие в регион значительного числа мигрантов может нести угрозу безопасности, что обусловлено политическими тенденциями в мире и социально-культурными противоречиями с принимающим сообществом. При этом приезжающие нуждаются в правовой поддержке и защите
3) Принцип сбалансированного развития местных рынков труда	Миграционные процессы напрямую отражаются на демографическом составе населения региона и на структуре местных рынков труда. В этой связи миграционная политика является инструментом, обеспечивающим восполнение и совершенствование трудовых ресурсов
4) Принцип оптимизации ресурсов	Структуризация целей и приоритетов миграционной политики даёт возможность концентрировать ограниченные ресурсы регионов на ключевых вопросах и использовать их более эффективно
5) Принцип дифференцированных интересов	Входящие и исходящие потоки миграций неоднородны, имеют разнообразные цели и характерные черты, что требуется учитывать при выработке миграционной политики. При этом различные акторы местного сообщества также могут иметь различные интересы как субъекты социального взаимодействия. Управляющие структуры в регионе являются координаторами данных разнородных целей и интересов
6) Принцип интеграции	Привлечение мигрантов в регион порождает необходимость их обустройства, адаптации и приживаемости. Для этого важно не только чтобы приезжие интегрировались в местное сообщество, но чтобы происходили обратные процессы – принятия местным населением мигрантов и адаптация к сосуществованию с ними, конкуренции на рынках труда, развития толерантности как нормы поведения
7) Принцип информационной поддержки миграционной политики	Цели и содержание миграционной политики должны быть поняты и приняты местным сообществом, для чего важна информационная открытость и целенаправленное формирование общественного мнения для преодоления негативных последствий миграций

Литература:

1. В Омской области сократилась миграционная убыль. URL: https://omsk.rbc.ru/omsk/03/10/2024/66fe4a4b9a7947144631256b.
2. Занятость и безработица за 2024 год. URL: https://55.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/rabsila-info_2024.pdf
3. Социально-экономическое положение России Москва январь-август 2024 года. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-08-2024.pdf
4. Демографический ежегодник России 2023 URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Demogr_ejegod_2023.pdf.
5. Социально-экономическое положение Омской области январь – март 2025 года. URL: https://55.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/sep-info_03-2025.pdf
6. Росстат. Инфографика. URL: https://55.rosstat.gov.ru/infografika/document/240121
7. Общие итоги миграции населения Омской области в январе – декабре 2024 года. URL: https://55.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/migr_12-2024.htm
8. Численность и заработная плата работников организаций за 2024 год. URL: https://55.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/zp-info_12-2024.pdf
9. Распределение численности населения Омской области по полу и отдельным возрастным группам на 1 января 2024 года. URL: https://55.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pol-vozrast-2023.htm
10. Распределение численности населения Омской области по полу и отдельным возрастным группам на 1 января 2023 года. URL: https://55.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pol-vozrast-2022.htm
11. В Омской области выросли поступления в бюджет от малого и среднего бизнес. URL: https://bk55.ru/news/article/243004/.
12. Госкомпании стали чаще закупаться у омского малого и среднего бизнеса. URL: https://bk55.ru/news/article/242772/.
13. В Омской области растет количество субъектов МСП. URL: https://bk55.ru/news/article/244899/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru.
14. Бабичев М.А., Карпов В.В. Миграция как фактор устойчивости региональной экономики на примере Омской области // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 15–20.

State Regulation of Migration as a Factor of Economic Security of the Region on the Example of the Omsk Region

Babichev M.A.
Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

The article examines in detail the complex problem of migration regulation as a key factor in ensuring economic security in the regional context. The purpose of the study is to analyze current trends and challenges related to migration processes, their impact on the socio-economic development of territories and ensuring the stability of regional economies, as well as to formulate a number of methodological recommendations in the field of regional economic policy implementation.

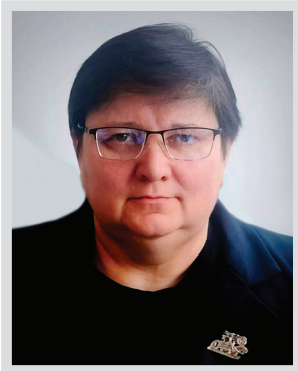
The relevance of the problem area under study is determined by the existing legislative, economic and social perception of government regulation measures by regions of various degrees of development and involvement in the formation of regional support and development systems. In the context of globalization and increasing migration flows, the development of effective mechanisms for managing migration processes at the regional level is of particular importance.

The key trends contributing to a possible weakening of regional positions are also outlined. Using the example of the Omsk region, the migration, labor and business environment of the region's development in the period 2023-2025 is analyzed. An assessment of the problems is given and possible solutions are proposed. The article can be considered as an element of the basis for the assessment, revision, formation and adjustment of regional economic development measures, as well as in terms of adapting government support measures to the needs of regional economies.

Keywords: economic security, migration, demography, employment rate, population of the region, average number of employees, Omsk region

УДК 338.48
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-22-26

Региональные аспекты диверсификации направлений туризма: вызовы и решения на примере Российской Федерации

Волченко Т.А.
Аспирант факультета экономики и таможенного дела
Казанского кооперативного института (филиала)
Российского университета кооперации

Исследование посвящено анализу региональных особенностей развития туризма в условиях структурных и внешнеэкономических изменений, повлиявших на переориентацию спроса на внутренние направления. Целью работы является выявление факторов, определяющих устойчивость и диверсификацию туристских потоков на уровне субъектов Российской Федерации. Научная значимость состоит в уточнении роли туризма как системного элемента пространственного развития и показателя качества жизни населения; практическая ценность выражается в формировании ориентиров для регионального планирования и корректировки инфраструктурной политики. В числе результатов зафиксированы рост внутреннего туризма при территориальных асимметриях, формирование кластеров и специализированных форматов, а также потребность в институционализации природоориентированных практик. Новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении диверсификации туризма как инструмента снижения региональных диспропорций и повышения конкурентоспособности национальной туристской системы.

Ключевые слова: *региональное развитие туризма, диверсификация туристских направлений, внутренний туризм, туристские кластеры, специализированные виды туризма, инфраструктурные ограничения*

Для цитирования: *Волченко Т.А. Региональные аспекты диверсификации направлений туризма: вызовы и решения на примере Российской Федерации // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 22–26. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-22-26.*

Современный туризм характеризуется разветвлённой структурой вариантов отдыха и территориального распределения в широком пространстве регионов Российской Федерации. В связи с необходимостью обеспечения комплекса услуг в рамках туристического продукта точечные улучшения среды региона теряют эффективность без согласованных изменений. Специфика отрасли оказывает мультипликативное воздействие, распространяя эффекты на смежные сектора экономики принимающего региона [1, с. 131]. Оценка потенциала дестинации предполагает комплексный учёт ресурсной базы, уровня инфраструктуры, транспортной доступности, силы бренда и экологической ёмкости. За последнее десятилетие туризм укрепил позиции как один из крупнейших и наиболее динамичных сегментов мировой экономики [2, с. 208, 209]. Его роль выходит за пределы локальной отрасли, превращаясь в регионально распределённый фактор экономического роста, эффективность которого определяется взаимосвязанностью ресурсов, инфраструктуры и пространственной организации. Геополитические факторы в сочетании с последствиями пандемии, санкционными ограничениями снизили деловую активность малого и среднего бизнеса, ослабили рубль и уменьшили доходы населения, что вызвало

уменьшение выездного туризма и смещение интереса к внутреннему отдыху [3, с. 67]. Международная обстановка оказывает на отрасль разнонаправленное воздействие, а переориентация спроса на национальные направления делает их устойчивость и региональную динамику ключевым предметом анализа для дальнейшего развития.

С 2002 по 2021 гг. число туристов в регионах России выросло на 507,1 %, что выше динамики зарубежных направлений (403,9 %); наибольший прирост обеспечили Москва и Центральный федеральный округ, значительно опередив общероссийский уровень [4, с. 77, 79]. Для анализа санкционного периода показательно сопоставление поездок по федеральным округам: в 2014–2024 гг., несмотря на спад в 2020 г., тренд внутреннего туризма остаётся восходящим [5, с. 138]. В 2023 г. внутренний поток превысил показатели 2019 г., достигнув почти 80 млн чел.; особенно выделились Северо-Западный округ (+1,7 п.п.) и Северо-Кавказский округ (+30,4 %), где ключевую роль сыграл Дагестан (+80 %) [6, с. 14, 15]. По данным «МТС Travel», Дагестан (+37 %) и Северная Осетия (+33 %) стали лидерами по росту поездок, а крупнейшие доли сохранили Московский регион (9,5 %), Краснодарский край (9 %) и связка Санкт-Петербург – Ленинградская область (5 %) [7]. Долгосрочная динамика подтверждает укрепление позиций ведущих регионов и формирование новых центров притяжения, что отражает как географическую диверсификацию, так и перераспределение экономических эффектов внутри страны.

Туризм активно влияет на переустройство городского пространства, формируя устойчивую территориальную организацию потоков, объектов и сервисов. Он усиливает существующие точки притяжения городских территорий и инициирует появление новых функциональных узлов, выступая одним из ключевых «организаторов» городской среды [8, с. 128, 133]. Влияние туризма на город проявляется в трансформации пространственной структуры и формировании новых центров активности, что делает его важным инструментом градостроительного развития.

Исследование Р.А. Абрамова показывает положительную связь диверсификации экономики региона с параметрами качества жизни. В более разнообразных по структуре хозяйства субъектах РФ, например, Нижегородской области, соответствующие индикаторы выше примерно на 12 % относительно более моноотраслевых территорий, таких как Республика Карелия [9, с. 43]. Увеличение степени экономической диверсификации регионов создает благоприятные условия для роста качества жизни, что подтверждает значимость многопрофильного развития как фактора устойчивости территорий.

Рост дальневосточного туризма заметно опирается на федеральные механизмы поддержки. В Бурятии расширение туристского пространства идёт через включение новых локаций с ресурсной базой и их интеграцию в существующие маршрутные сети [10, с. 139, 143]. Опора на государственные стимулы и включение новых территорий в туристские маршруты превращают Дальний Восток и Байкальский регион в стратегические зоны пространственного расширения внутреннего туризма.

Стратегические приоритеты Чувашской Республики направлены на повышение конкурентоспособности через сбалансированное пространственное развитие: равномерное распределение потоков, увеличение длительности пребывания туристов, укрепление межмуниципальных связей и параллельное развитие инфраструктуры [11, с. 61, 67]. Однако наблюдаются диспропорции: ускоренный рост областных центров сопровождается стагнацией сельских территорий, а туристско-рекреационный потенциал используется неравномерно [12, с. 71, 86]. По данным 2019 г., свыше 50,7 % размещений концентрировались в ограниченном числе регионов — Краснодарском крае, Крыму, Москве, Санкт-Петербурге, Московской и Ленинградской областях, тогда как ДФО и СКФО сохраняли уязвимые позиции [13, с. 212]. Сопоставление динамики крупных агломераций и периферийных зон показывает, что эффективное развитие отрасли требует снижения территориальной концентрации спроса и более равномерного использования ресурсов.

Агротуризм усиливает финансовую стабильность крестьянско-фермерских хозяйств, создаёт новые источники доходов и рабочие места, а также поддерживает культурное наследие и инфраструктуру сельских районов [14, с. 191, 195]. Научно-популярные форматы на стыке науки, туризма и волонтёрства отвечают спросу на уникальный опыт и расширяют продуктовый спектр дестинаций [15, с. 15, 22]. Экстремальный туризм развивается через освоение новых территорий и усложнение специализации в пределах пяти ключевых направлений — наземного, водного, воздушного, горного и экзотического [16, с. 120]. Для природоориентированных практик принципиальны экологическая устойчивость, просветительская функция и выгоды для местных сообществ; на объектах Всемирного наследия эти требования обязательны [17, с. 110–112]. Разнообразие форматов – от агротуризма до экстремальных и научно-популярных практик – обеспечивает диверсификацию турпредложения и более равномерное распределение потоков.

Финансовая устойчивость коллективных средств размещения остаётся ключевым фактором территориального развития; в арктических муниципалитетах лишь около 10,31 % объектов способны обслуживать процентные платежи, что отражает их высокую долговую нагрузку [18, с. 439, 454]. К инфраструктурным проблемам относится транс-

порт: при увеличении протяжённости дорог средств на их содержание не хватает, а удовлетворённость качеством автосетей, по данным Росстата, остаётся умеренной; в круизном сегменте ограничением служит дефицит мощностей для приёма крупных судов, особенно на Дальнем Востоке [19, с. 119, 123]. Расширение железнодорожных туров способствует занятости и перераспределению потоков между регионами [20, с. 167]. Дополнительные кадры можно готовить через программы допобразования, включая обучение руководителей эколого-туристских маршрутов [21, с. 70, 71]. Совмещение организационных и экономических инноваций с сохранением уникальности продукта повышает конкурентоспособность и перестраивает систему управления качеством [22, с. 1325]. Выявленные диспропорции в размещении и транспорте требуют адресного устранения, тогда как развитие железнодорожных направлений, образовательных инициатив и инновационных решений создаёт возможности для улучшения качества услуг и более равномерного распределения туристских потоков.

Нормативная политика ориентирована на приведение качества услуг к международным стандартам, модернизацию инфраструктуры и подготовку кадров [23, с. 23, 24]. Эти приоритеты отражены в «Стратегии развития туризма… до 2035 года» и нацпроекте «Туризм и индустрия гостеприимства», где на примере Тюменской области обозначен дисбаланс между растущим спросом и ограниченными мощностями индустрии [24, с. 77, 78, 86]. В стратегических документах закреплён формат макротерриторий – объединений регионов и муниципалитетов в единые маршруты и бренды, рассчитанные на увеличение въездного потока и расширение объёма услуг [25, с. 1137]. Реализация включает пять федеральных проектов, среди которых «Кадры для туризма»; важным инструментом выступает типологизация муниципалитетов по социально-экономической динамике для настройки адресных мер [26, с. 11, 13]. Совмещение стандартов качества, развитие макротерриториальных маршрутов и федеральная поддержка создают основу для снижения региональных диспропорций и роста конкурентоспособности национальной туристской системы.

Кластеризация на Северном Кавказе способна сформировать узнаваемый бренд и привлечь частные инвестиции; с учётом «ментальных границ» региона в совместное продвижение органично включаются Краснодарский край и Ростовская область, что усиливает эффект общего южнороссийского бренда [27, с. 108]. Синергии поддерживают межрегиональные культурно-исторические маршруты – «Золотое кольцо», «Серебряное ожерелье», «Государева дорога» – как проверенные модели кооперации [28, с. 118–119]. Формирование туристских кластеров и развитие межрегиональных маршрутов усиливают интеграцию южных территорий России, создавая условия для укрепления брендов и более равномерного распределения инвестиционных и туристских потоков.

Ряд природоориентированных форм (охота, рыбалка, сбор дикоросов) пока не обеспечен полноценной институциональной рамкой и едиными национальными стандартами. Параллельно продвигаются требования и рекомендации по уменьшению экологического следа туризма и практической реализации принципов экотуризма [29, с. 124, 125, 127]. Недостаточная нормативная проработанность природоориентированных форм туризма делает их развитие зависимым от скорейшей институционализации и внедрения единых экологических стандартов.

Комплексный анализ показал, что диверсификация туризма в России выступает не только способом сглаживания региональных дисбалансов, но и фактором укрепления устойчивости территорий: внутренние направления формируют новые центры роста, специализированные виды расширяют продуктовую матрицу, инфраструктурные и нормативные обновления создают базу для конкурентоспособности, а кластерные и межрегиональные инициативы усиливают интеграцию и перераспределение экономических эффектов в национальном масштабе.

Литература:

1. Халтурина О.А., Терешкина Н.Е. Туризм в России: итоги реализации национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2025. № 2-1. С. 130–135.
2. Чхотуа И.З., Мурадов А.А. Глобальные и национальные тренды развития туризма в современных условиях // Стратегирование: теория и практика. 2023. Т. 3. № 2. С. 207–217. DOI: 10.21603/2782-2435-2023-3-2-207-217.
3. Романова М.М., Кульгачев И.П. Современные тенденции развития отечественного туризма в реалиях геополитической обстановки // Экономические и социальные проблемы России. 2023. № 4. С. 66–80.

4. Чуйков Ю.С., Чуйкова Л.Ю., Арустамов Э.А., Волкова И.Н., Потапов М.М., Птуха Н.И. Динамика и основные направления развития туристической отрасли в современной России // Географическая среда и живые системы. 2023. № 4. С. 73–90. DOI 10.18384/2712-7621-2023-4-73-90.
5. Кузнецова В.Д., Уманская М.В. Современные тенденции и пути развития внутреннего туризма России в условиях санкций // Экономика и бизнес: теория и практика. 2025. № 1-2(119). С. 136–139. DOI 10.24412/2411-0450-2025-1-2-136-139.
6. Леонидова Е.Г. Развитие туристической индустрии в регионах Северо-Запада России в современных условиях // Проблемы развития территории. 2025. Т. 29. № 1. С. 10–29. DOI: 10.15838/ptd.2025.1.135.2
7. Аналитика МТС Travel: в 2023 году внутренний турпоток вырос на 10 %. URL: https://clck.ru/3PQB8R (дата обращения: 25.09.2025).
8. Соколов Н.Д. Изменение городского пространства под влиянием туризма: географическая концепция и опыт исследования // Вестник Удмуртского университета. Серия Биология. Науки о Земле. 2025. Т. 35. № 1. С. 128–136. DOI: 10.35634/2412-9518-2025-35-1-128-136.
9. Абрамов Р.А. Взаимосвязь между экономической диверсификацией и устойчивым развитием регионов Российской Федерации // Вестник университета. 2024. № 1. С. 41–49.
10. Максанова Л.Б.Ж., Будаева Д.Г., Хребтова Т.А. Национальная туристская политика на Дальнем Востоке России: пример Республики Бурятия // Известия Русского географического общества. 2024. Т. 156. № S2-1. С. 138–154. DOI: 10.31857/S0869607124020047.
11. Родионов Е.И. Анализ документов стратегического планирования регионального и муниципального уровней с позиций развития туризма (на примере Чувашской Республики) // Современные проблемы сервиса и туризма. 2024. Т.18. № 3. С. 53–68. DOI: 10.5281/zenodo.15035241.
12. 12. Захарова Ж.А., Сураев М.В. Предпосылки формирования межрегионального туристско-рекреационного кластера Верхневолжского макрорегиона // Проблемы развития территории. 2024. Т. 28. № 6. С. 70–90. DOI: 10.15838/ptd.2024.6.134.6.
13. Фролова Е.В., Рогач О.В. Ограничения и перспективы развития внутреннего туризма в регионах России // Экономика региона. 2023. № 19(1). С. 208–219. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-1-16.
14. Дмитриева О.А., Морковкин Д.Е., Симагин Ю.А., Поляков А.Е. Развитие агротуризма как фактор диверсификации региональной экономики: влияние на качество жизни сельского населения // Народонаселение. 2025. Т. 28. № 1. С. 190–203. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-190-203.
15. Афанасьева А.В., Логвина Е.В., Христов Т.Т. Методологические основы научно-популярного туризма // Сервис в России и за рубежом. 2023. Т.17. № 2. С. 5–25. DOI: 10.5281/zenodo.8104849.
16. Калабкина И.М., Кицис В.М., Кусерова А.И. Организация экстремального туризма в России // Сервис в России и за рубежом. 2023. Т.17. № 6. С. 118–126. DOI: 10.5281/zenodo.10441583.
17. Ржепка Э.А., Головченко Т.П. Вопросы развития экологического туризма на территории Прибайкалья // Известия Байкальского государственного университета. 2024. Т. 34. № 1. С. 109–121. DOI: 10.17150/2500-2759.2024.34(1).109-121.
18. Каргинова-Губинова В.В., Васильева А В. Финансовое состояние гостиничной инфраструктуры Арктической зоны России и определяющие его факторы // Journal of Applied Economic Research. 2025. Т. 24. № 2. С. 438–461. DOI: 10.15826/vestnik.2025.24.2.015.
19. Пшеничных Ю.А., Маслак Е.Н. Роль транспорта в развитии туристического сектора России // Сервис в России и за рубежом. 2024. Т. 18. № 5. С. 112–128. DOI: 10.5281/zenodo.14948027.
20. Клейменов А.А. Развитие инфраструктуры и сервиса железнодорожного туризма в Российской Федерации: опыт и перспективы// Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 7(113). С. 129–133. DOI: 10.24412/2411-0450-2024-7-129-133.
21. Лагусева Н.Н., Лагусев Ю.М., Зорин И.В., Данюшенков В.С. Организационно-методические подходы к подготовке специалистов по развитию экологического туризма в регионах России // Гуманизация образования. 2024. № 4. С. 66–75. DOI 10.24412/2541-8734-2024-4-66-75.
22. Молчанов И. Н. Особенности управления развитием туризма в России // Лидерство и менеджмент. 2025. Том 12. № 5. С. 1311–1328. DOI: 10.18334/lim.12.5.123211.
23. Оборин М.С., Орлов С.П. Трансформация приоритетов государственного регулирования сферы туризма и рекреации в Российской Федерации // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2024. Т. 10. № 2. С. 16–35. DOI: 10.18413/2408-9346-2024-10-2-0-2.
24. Попкова А.А., Третьякова О.В. Развитие внутреннего туризма в России: региональный аспект // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2025. № 1. С. 76–88. DOI: 10.31660/1993-1824-2025-1-76-88.
25. Чуваткин П.П., Левченко К.К. Формирование интегрированной территориальной структуры внутреннего туризма. Экономика региона. 2023. 19(4). С. 1135–1145. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-4-14.
26. Молчанов И. Н., Молчанова Н. П. Трансформация экономического пространства: новые векторы комплексного развития территорий. Экономика. Налоги. Право. 2025. № 18(4). С. 6–15. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-4-6-15.
27. Лапин А.С. Туристический кластер Северного Кавказа как новая точка роста внутреннего туризма. Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2024. № 2(31). С. 106–114. DOI: 10.54220/v.rsue.1991-0533.2024.24.72.012.

28. Черноморец А.Б., Шматко А.Д. Социально-экономические эффекты и перспективы развития межрегионального сотрудничества в сфере туризма в России // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 116–120. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-116-120.
29. Михайлова Г.В. Природоориентированные виды туризма и их влияние на сохранение и использование биоресурсов северных территорий России // Успехи современного естествознания. 2023. № 12. С. 121–128. DOI: 10.17513/use.38181.

Regional Aspects of Tourism Diversification Directions: Challenges and Solutions on the Example of the Russian Federation

Volchenko T.A.
Kazan Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation

The study is devoted to the analysis of regional features of tourism development under conditions of structural and foreign economic changes that have affected the reorientation of demand towards domestic destinations. The purpose of the work is to identify factors determining the sustainability and diversification of tourist flows at the level of constituent entities of the Russian Federation.

The scientific significance lies in clarifying the role of tourism as a systemic element of spatial development and an indicator of the population's quality of life. The practical value is expressed in the formation of guidelines for regional planning and adjustment of infrastructure policy.

Among the results, the growth of domestic tourism with territorial asymmetries, the formation of clusters and specialized formats, as well as the need for institutionalization of nature-oriented practices have been recorded. The novelty of the research lies in the comprehensive consideration of tourism diversification as a tool for reducing regional disparities and increasing the competitiveness of the national tourism system.

Keywords: regional tourism development, tourism diversification, domestic tourism, tourism clusters, specialized types of tourism, infrastructure constraints

УДК 338.48
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-27-33

Эффективность туристских дестинаций: комплексный подход

Гарифуллина Р.С.
Доктор педагогических наук,
профессор кафедры культурного наследия и туризма
Казанского государственного института культуры

Сафин Ф.М.
Доктор экономических наук,
профессор кафедры культурного наследия и туризма
Казанского государственного института культуры,
профессор кафедры Всемирного культурного наследия
Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье рассматривается эффективность туристской дестинации, которая является одним из важных факторов устойчивого развития туризма на конкретной территории. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью преодоления фрагментарности в оценках и разработки целостной, комплексной системы показателей, адекватно отражающей многогранную природу эффективности современной туристской дестинации. Целью исследования является разработка и научное обоснование комплексной модели оценки эффективности туристской дестинации, позволяющей проводить ее всестороннюю диагностику и формировать стратегии сбалансированного развития туристской территории. Научная новизна исследования заключается в разработке комплексной модели оценки эффективности туристской дестинации, интегрирующей экономические, социальные, экологические, институциональные и управленческие компоненты в единую систему. На основе данных официальной статистики, стратегических документов и научных публикаций выявлены конкурентные преимущества Республики Татарстан, к которым отнесены: диверсификация туристского продукта; высокая концентрация объектов культурного наследия ЮНЕСКО; развитая инфраструктура; успешный опыт реализации крупных событийных мероприятий. Практическая значимость данной статьи определяется тем, что результаты исследования могут быть использованы в качестве инструмента при разработке региональных и муниципальных программ развития, стратегического планирования и повышения конкурентоспособности туристских дестинаций.

Ключевые слова: *туристская дестинация, эффективность, комплексная оценка, устойчивое развитие, ключевые показатели эффективности (KPI)*

Для цитирования: *Гарифуллина Р.С., Сафин Ф.М. Эффективность туристских дестинаций: комплексный подход // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 27–33. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-27-33.*

Одной из актуальных исследовательских направлений устойчивого развития туристской территории является комплексный анализ эффективности туристских дестинаций. Туристская дестинация является базовым объектом исследования уровня развития туризма в конкретном регионе, на конкретной территории. Эффективность туристской дестинации – системная, многокритериальная категория, отражающая способность территории достигать поставленных целей в сфере туризма, оптимально используя имеющиеся ресурсы и учитывая интересы всех стейкхолдеров. В условиях глобальной конкуренции и растущих ожиданий туристов способность дестинации не просто привлекать, но и эффективно удовлетворять спрос, обеспечивая при этом устойчивое развитие, становится ключевым фактором долгосрочного успеха туристской индустрии. Сущностные характеристики дестинации эволюционировали от экономической трактовки к интегральной оценке, включающей экономические, социальные, экологические, институциональные и управленческие аспекты. Успех дестинации определяется не только наличием уникальных туристских ресурсов, но и эффективностью их использования, сбалансированностью экономических, социальных и экологических результатов, а также качеством управленческих решений. В этих условиях ключевым фактором успешного позиционирования и долгосрочного развития территории становится способность органов управления объективно оценивать и повышать эффективность использования туристского потенциала территории, туристских дестинаций. Комплексная система оценки эффективности дестинации служит инструментом консолидации, обеспечивая всех участников процесса объективными данными для выработки согласованных решений. Она позволяет перевести управление из области субъективных мнений в плоскость фактологического менеджмента. Это означает, что оценка эффективности туристских дестинаций выходит за рамки сугубо академического интереса и является практическим императивом для обеспечения их долгосрочной конкурентоспособности и устойчивого развития. Несмотря на наличие значительного количества исследований в данной области, сохраняется методологический разброс и отсутствие универсальной, адаптируемой под специфику разных типов дестинаций модели оценки. Данная статья направлена на систематизацию существующих подходов и разработку параметров комплексной оценки эффективности туристской дестинации.

Важность анализа эффективности туристских дестинаций заключается в их многогранной практической значимости:

1. Для органов государственной и муниципальной власти: это основа для стратегического планирования, обоснования бюджетных ассигнований, разработки целевых программ и оценки результативности деятельности подведомственных учреждений.

2. Для инвесторов: объективные данные снижают риски и позволяют принимать взвешенные решения о вложениях в гостиничную, ресторанную, развлекательную и транспортную инфраструктуру.

3. Для турбизнеса (туроператоров, турагентов): понимание сильных и слабых сторон дестинации помогает в формировании конкурентоспособных турпакетов и выборе приоритетных направлений для продвижения.

4. Для местного сообщества: оценка позволяет измерять и нивелировать негативные последствия туризма (например, антропогенную нагрузку) и максимизировать положительные эффекты (создание рабочих мест, развитие малого бизнеса). Таким образом, оценка эффективности трансформируется из сугубо теоретической в насущную практическую задачу, от решения которой зависит успешное позиционирование дестинации в конкурентной среде.

Теоретической и методологической базой исследования выступают труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные вопросам устойчивого развития туризма, комплексной оценки туристских дестинаций, а также собственный опыт авторов с последующим применением метода интерпретации данных.

Анализ литературных источников показывает, что проблема оценки эффективности дестинаций находится в поле зрения многих зарубежных и отечественных ученых. Эволюция подходов к оценке туристской дестинации прошла несколько этапов: от учета исключительно количественных параметров (число туристов, количество ночевок) до интеграции качественных и устойчивых показателей. Значительный вклад в изучение проблематики туристской дестинации внесли зарубежные исследователи R. Butler [1], C. Cooper [2], J. Ritchie [3], которые подчеркивали важность жизненного цикла дестинации и многокритериальности оценки. Российская научная школа предлагает солидный теоретико-методологический фундамент для решения практических задач по повышению конкурентоспособности и устойчивому развитию туристских дестинаций в России. Доминирующей методологической тенденцией является синтез различных подходов – от классического ресурсного до современного маркетингового и системного анализа эффективности туристских дестинаций. Ведущими российскими исследователями, такими как А.Ю. Александрова [4], С.А. Быстров [5], Р.С. Гарифуллина [6], Е.А. Джанджугазова [7], И.В. Зорин [8], В.А. Квартальнов [8], М.А. Морозов [9], А.Д. Чудновский [10] и другие, наряду с другими направлениями исследований в сфере туризма, активно развивают понимание дестинации не просто как направления, террито-

рии, а как комплексной социально-экономической и территориальной политструктурной системы, бренд-пространства, идет продуктивная разработка оценочных критериев эффективности туристских дестинаций, их инвестиционной привлекательности, методов и инструментов конкурентоспособности, устойчивого развития туристских территорий. Обоснованно излагается позиция, что эффективное управление дестинацией невозможно без внедрения регулярного мониторинга ее эффективности на основе предложенных принципов и методик оценки. Для оценки эффективности используется система взаимодополняющих показателей (*KPI*), которые позволяют увидеть картину с экономической, социальной, экологической и управленческой точек зрения. Ключевым вызовом для российских исследователей и практиков остается разработка унифицированной, но гибкой системы показателей, которая была бы применима для оценки дестинаций разного типа (лечебно-оздоровительные, культурно-познавательные, деловые и т.д.) и масштаба, и позволяла бы проводить сравнительный анализ. Следует иметь в виду, что не существует одной «универсальной» формулы, каждая дестинация отличается от другой, поэтому и набор *KPI* для каждой дестинации должен быть индивидуальным и соответствовать ее стратегическим целям (увеличение доходов, продление сезона, привлечение определенного сегмента туристов и т.д.).

При оценке результатов деятельности предприятий разных сфер деятельности возникает ряд сложностей, среди которых особое место занимают понятия эффекта и эффективности, которые часто воспринимаются как синонимичные понятия, однако это неверно. Эффект – это конкретное достижение, которое было получено путём воплощения процесса или реализации какой-либо операции. Такое достижение может быть со знаком плюс и минус, часто употребляется в экономической литературе, где показывает конкретную стоимость, характеризуется абсолютностью. Эффективность же подразумевает результативность процесса путём отношения эффекта к затраченным ресурсам, т.е. данное определение имеет относительный характер и не может быть отрицательным [11; 12].

Понятие «эффективность» применительно к туристской дестинации является многогранным. Изначально эффективность дестинации оценивалась через призму в основном экономических показателей. По мере развития научной мысли стало очевидно, что такой подход не в полной мере отражает всю сложность феномена. Современное понимание эффективности туристских дестинаций является многомерным и комплексным. Оно охватывает не только экономическую, но и социально-культурную, экологическую, институциональную и управленческую сферы. Эффективность туристской дестинации – это ее способность оптимально использовать имеющиеся ресурсы (природные, культурные, человеческие, инфраструктурные) для достижения сбалансированных целей развития, включающих конкурентное преимущество, благосостояние местного сообщества, устойчивость окружающей среды и экономическую рентабельность. Туристская дестинация – это сложная целостная управляемая социально-экономическая система, предназначенная для удовлетворения потребностей туристов в отдыхе, познании и впечатлениях. В современных условиях туристский поток становится более мобильным, индивидуализированным и требовательным, что вынуждает дестинации постоянно совершенствовать свой продукт и доказывать свою привлекательность. Традиционные подходы, фокусирующиеся преимущественно на экономических показателях (туристский поток, доходы от туризма), в настоящее время оказываются недостаточными для оценки эффективности туристских дестинаций и вклада туризма в социально-экономическое развитие территории. Сложившиеся реальные условия и растущая конкуренция диктуют необходимость перехода к комплексной оценке эффективности туристской дестинации. Комплексная модель оценки эффективности туристской дестинации формируется из пяти ключевых компонентов (блоков) эффективности, включающих количественные и качественные показатели:

I. **Экономическая компонента** отражает прямые и косвенные экономические результаты от туризма.

1.1. Туристский поток: не только общее число, но и структура (сегменты, страны, цели визита). Это абсолютный показатель популярности дестинации.

1.2. Туристские расходы: общий объем и средние расходы на одного туриста в разбивке (проживание, питание, развлечения, сувениры). Показывает реальную экономическую отдачу. Данный анализ позволяет понять структуру туристских расходов и выявить «слабые» места в цепочке создания ценности.

1.3. Совокупный экономический эффект: валовая добавленная стоимость туризма позволяет оценивать вклад туризма в валовый региональный продукт региона.

1.4. Налоговые поступления: поступления в местный и региональный бюджет от туриндустрии (налоги на прибыль, НДФЛ, курортный сбор и т.д.).

1.5. Занятость: количество поддерживаемых рабочих мест (прямые + косвенные + индуцированные в туриндустрии с учетом смежных отраслей).

1.6. Инвестиционная привлекательность: объем частных инвестиций в туристскую инфраструктуру (отели, рестораны, аттракционы, мероприятия).

1.7. Диверсификация туристского предложения: количество и разнообразие новых продуктов, событий, услуг. Показывает способность к инновациям.

II. **Социально-культурная компонента** характеризует влияние туризма на местное сообщество и сохранение культурного наследия.

2.1. Количество и посещаемость объектов культурного наследия: рассчитывается на основе статистической динамики за определенный период.

2.2. Уровень сохранности объектов культурного наследия, аутентичной культурной среды: оценивается в соответствии с принятой методикой (экспертная, стоимостная, функциональная).

2.3. Наличие и частота проведения культурных событий (фестивалей, праздников): рассчитывается на основе статистической динамики за определенный период.

2.4 Уровень удовлетворенности местного населения развитием туризма: рассчитывается по формуле:

(количество положительных ответов – – количество отрицательных ответов) / общее число респондентов * 100 %

или по методике с принятой шкалой оценивания от 0 до 10.

2.5. Уровень привлекательности дестинации для туриста: анализ онлайн-репутации.

2.6. Повторное посещение дестинации (лояльность): рассчитывается по формуле:

количество туристов, посетивших дестинацию повторно / общее количество туристов * 100 %.

2.7. Удовлетворенность качеством услуг, безопасностью, гостеприимством: рассчитывается на основе выборочного социологического опроса.

III. **Экологическая компонента** оценивает нагрузку на окружающую среду и меры по ее минимизации, характеризующие принципы устойчивого развития.

3.1. Антропогенная нагрузка на природные комплексы, качество воздуха, воды.

3.2. Уровень загрязнения и объем отходов, производимых туристами.

3.3. Использование возобновляемых источников энергии в туриндустрии.

3.4. Наличие и площадь охраняемых природных территорий.

3.5. Количество туробъектов, имеющих «зеленые» сертификаты. Наличие эко-сертифицированных предприятий.

IV. **Инфраструктурная компонента** определяет качество и достаточность материальной и сервисной базы дестинации.

4.1. Обеспеченность средствами размещения (номерной фонд). Используются данные гостиничной статистики.

4.2. Сопутствующая инфраструктура (общественное питание, ритейл, навигация). Фактические данные с учетом динамики туристского потока.

4.3. Качество транспортной доступности и логистики. Рассчитывается на основе выборочного опроса туристов.

4.4. Наличие экскурсионных бюро, спа-центров, развлекательных комплексов. Используется статистика субъекта управления туристской дестинации.

4.5. Уровень развития цифровой инфраструктуры (Wi-Fi, онлайн-бронирование, умные сервисы). Используются экспертные оценки, опросы туристов.

V. **Управленческая компонента** характеризует алгоритмы решения поставленных задач и достижения целей.

5.1. Качество управления. Наличие и реализация стратегии, программы развития дестинации.

5.2. Качество нормативно-правовой базы, регулирующей туристскую деятельность на территории.

5.3. Координация действий всех участников рынка: государства, бизнеса, местного сообщества, успешность реализации совместных проектов.

5.4. Эффективность маркетинговых кампаний. Имидж и продвижение. Узнаваемость бренда, рентабельность туристского бизнеса;

5.5. Сбалансированность туристского потока (временного, территориального).

5.6. Цифровизация дестинации: доступность Wi-Fi, развитие smart-решений.

Количество ключевых показателей (*KPI*) с учетом методики и отличительных характеристик туристской дестинации (от базовых до детализированных) может быть множество. В данной статье предложены наиболее доступные и широко используемые показатели для оценки эффективности туристских дестинаций. Для агрегированной оценки предлагается использовать метод взвешенных балльных оценок. Каждому показателю присваивается балл с учетом его весового коэффициента, определяемого экспертным путем. Интегральный показатель эффективности (ИПЭ) рассчитывается как сумма весовых коэффициентов отдельно по каждой компоненте. Комплексная оценка эффективности туристской дестинации (КО) рассчитывается как сумма интегральных показателей по ключевым блокам с использованием весовых коэффициентов.

Базовая формула:

$$КО = \Sigma (K_i \times I_i)$$

где:

КО – Комплексная Оценка дестинации (итоговый индекс).

K_i – Весовой коэффициент *i*-го блока показателей ($\sum K_i = 1$).

I_i – Интегральный показатель i-го блока.

Республика Татарстан является показательной моделью устойчивого развития туристской дестинации мезоуровня, что подтверждается количественными и качественными показателями туристского потока и событийными мероприятиями. Татарстан выстраивает стратегию формирования дестинаций как ключевых точек роста туризма через возрождение историко-культурного наследия с акцентом на культурное многообразие; комплексное развитие

брендов; вовлечение в межрегиональные маршруты; активное участие в национальном проекте «Туризм и индустрия гостеприимства»; сотрудничество с корпорацией «Туризм.РФ» и т.д. В республике реализуются перспективные проекты, направленные на устойчивое развитие туризма, которые включают комплексные программы развития территорий, кластеризацию, инфраструктурное обеспечение, цифровизацию отрасли, общественно-политические, спортивные, научно-образовательные и культурные мероприятия регионального, национального, международного уровней. За прошедшие пять лет в республике туристский поток вырос в 2,3 раза (2020 г. – 1,9 млн туристов, 2024 г. – 4,3 млн туристов), объем реализации услуг в сфере туризма с учетом смежных отраслей увеличился в 6,3 раза (2020 г. – 17,0 млрд руб., 2024 г. – 106,8 млрд руб.), прогноз на 2025 г. порядка 120 млрд руб., количество средств коллективного размещения увеличилось на 25 % (2020 г. – 539, 2024 г. – 674) [13]. Индустрия туризма активно поддерживает создание рабочих мест. По данным ежегодного исследования Всемирного совета по туризму и путешествиям (WTTC) с участием экспертов *Oxford Economics* за 2025 г. при совокупном расходе туристов в 2024 г. 7,2 трлн долл. число рабочих мест в сфере туризма составило 357 млн единиц [14]. При экспертной оценке каждый миллиард долларов создает ориентировочно 49,5 тыс. рабочих мест. Опираясь на данную методику, экспертным путем нами подсчитано, что туристская отрасль республики в 2024 г. поддерживала ориентировочно 65 тыс. рабочих мест. По объему туристского потока республика занимает 7-е место в Российской Федерации (после Москвы, Московской области, Санкт-Петербурга, Ленинградской области, Краснодарского края, Крыма) и 1-е место в Приволжском федеральном округе. Согласно методологии Национального туристического рейтинга, которая включает критерии для оценки развития туристической отрасли российских регионов, их туристической привлекательности и туристического потенциала, популярности среди отечественных и иностранных туристов, Республика Татарстан по итогам 2024 г. заняла 4-е место в Российской Федерации, уступая городам Москва, Санкт-Петербург и Краснодарский край [15]. В период с 2021 по 2024 гг. реализованы мероприятия национального проекта на общую сумму 1 969,6 млн руб. (за счет средств федерального бюджета – 1 523,7 млн руб., за счет средств бюджета республики 445,9 млн руб.), поддержано 175 туристических проектов. Государственным комитетом Республики Татарстан по туризму совместно с АО «Корпорация Туризм.РФ» ведется работа по созданию новой туристской дестинации «Казань марина» в Лаишевском районе республики площадью 72 га. Прогнозируемая стоимость дестинации 29,4 млрд руб. В рамках проекта будут построены гостиницы на 1,2 тыс. номеров, спа-комплексы, рестораны, пляжные клубы, сервис для 500 судов. Республика Татарстан является инициатором межрегионального туристского проекта «Великий Волжский путь», разрабатываемого с 2016 г. Государственным комитетом Республики Татарстан по туризму. Проект объединяет серию межрегиональных маршрутов по 14 субъектам Приволжского федерального округа, имеющим географическую, историческую и культурную общность, национальную самобытность и принадлежность к главной торговой и жизнеобеспечивающей артерии – реке Волге. Проект призван открыть российским и иностранным туристам культурные и природные достопримечательности, а также этнические традиции и кухни регионов Поволжья. В настоящий момент под брендом «Великий Волжский путь» разработано более 20 межрегиональных маршрутов, а маршрут «Великий Волжский путь» (Казань – Чебоксары – Йошкар-Ола) получил статус национального туристского маршрута. В рамках данного проекта формируются территориальные локальные туристские дестинации [13].

Продолжается динамичное развитие в республике локальных туристских дестинаций. В частности, в основных туристских дестинациях Республики Татарстан за 5 лет туристский поток на остров-град Свияжск увеличился в 3,5 раза (2020 г. – 480 тыс. чел., 2024 г. – 1,7 млн чел.), в Великий Болгар – в 4,5 раза (2020 г. – 200 тыс. чел., 2024 г. – 909 тыс. чел.). Многократно вырос туристский поток в Елабугу (2020 г. – 68 тыс. чел., 2024 г. – свыше 1 млн чел.), Тетюши (2020 г. – 58 тыс. чел., 2024 г. – 230 тыс. чел.). Продолжили активно развиваться и другие точки туристического притяжения – Камское Устье, Лаишево, Алексеевский, Кукморский, Арский, Мамадышский муниципальные районы и другие [13].

Опыт Татарстана демонстрирует, что именно системный подход, подкрепленный постоянным мониторингом и оценкой различных аспектов деятельности, позволяет не просто увеличивать турпоток, но и делать это устойчиво, с растущей экономической отдачей и положительным социальным эффектом. Удачное сочетание историко-культурного и событийного туризма, успешный баланс между развитием и сохранением культурного наследия, эффективная государственная поддержка и инвестиционная привлекательность, высокая транспортная и инфраструктурная доступность, положительный имидж и гостеприимство, и, конечно, профессиональное управление и продвижение стали ключевыми факторами успешности Республики Татарстан – как устойчивой и динамичной туристской дестинации мезоуровня.

Эффективная дестинация – это не просто место с большим количеством достопримечательностей. Это высокоорганизованная, адаптивная и хорошо

управляемая система, способная генерировать позитивный опыт для посетителей, обеспечивая при этом долгосрочное устойчивое развитие для своего сообщества и сохраняя окружающую среду для будущих поколений. Предложенный комплексный подход, интегрирующий экономические, социально-культурные, экологические, инфраструктурные и управленческие индикаторы, является более релевантным инструментом для управления развитием дестинации, чем одномерные экономические подходы. Анализ эффективности туристских дестинаций позволяет сделать следующие выводы:

1. Эффективность – системна. Она не сводится только к экономическим выгодам, а представляет собой триединую формулу: экономическая устойчивость + социальная справедливость + экологическая ответственность.

2. Эффективность – относительна. Она оценивается относительно стратегических целей, которые ставит перед собой дестинация (например, стать лидером по оздоровительному туризму или центром культурно-познавательного туризма).

3. Эффективность – результат профессионального управления. Ключевую роль играет наличие консолидирующего центра, способного гармонизировать интересы всех стейкхолдеров: бизнеса, власти и местного сообщества для достижения синергетического эффекта.

Современный этап развития туризма в России требует от исследователей и практиков перехода от фрагментарных оценок к комплексному мониторингу эффективности дестинаций на основе многофакторной модели. Только такой подход позволит обеспечить долгосрочную конкурентоспособность и устойчивое развитие туристских территорий нашей страны.

Литература:

1. Butler R.W. The concept of a tourist area cycle of evolution: implications for management of resources // Canadian Geographer. 1980. Vol. 24. № 1. P. 5–12.
2. Cooper C., Hall C.M. Contemporary Tourism: An International Approach. Oxford: Butterworth-Heinemann, 2018. 388 p.
3. Ritchie J.R.B., Crouch G.I. The Competitive Destination: A Sustainable Tourism Perspective. Wallingford: CABI Publishing, 2003. 267 p.
4. Александрова А.Ю. Международный туризм. М.: КНОРУС, 2024. 459 с.
5. Быстров С.А., Морозова М.А. Экономика туристской индустрии. М.: КНОРУС, 2020. 282 с.
6. Сафин Ф.М., Гарифуллина Р.С. Туристско-рекреационный потенциал территорий: монография. Казань: НИЦ «Школа», 2019. 330 с.
7. Джанджугазова Е.А. Маркетинг туристских территорий. М.: Изд-во Юрайт, 2019. 208 с.
8. Зорин И.В., Квартальнов В.А. Энциклопедия туризма: Справочник. М.: Финансы и статистика, 2003. 368 с.
9. Морозов М.А., Морозова Н.С. Экономика туристских дестинаций. М.: КНОРУС, 2022. 246 с.
10. Чудновский А.Д., Жукова М.А. Управление индустрией туризма. М.: КНОРУС, 2022. 438 с.
11. Тимиргалеева Р.Р., Гришин И.Ю., Матюнина М.В., Шостак М.А., Фастунова В.А. Развитие туристских дестинаций: модели, методы, инструменты: электронное научное издание (монография). Электрон. дан. (3,42 Мб). Майкоп: ЭлИТ, 2020. 292 с. URL: https://201824.selcdn.ru/elit-125/pdf/9785604474525.pdf.
12. Рассохина Т.В. Управление устойчивым развитием туристских дестинаций: теория и методология. М.: Креативная экономика, 2018. 238 с.
13. Материалы коллегии Государственного комитета Республики Татарстан по туризму за 2024 г. URL: https://tourism.tatarstan.ru/documents.htm?pub_id=4444084
14. Туризм в мировой экономике в 2024 г. URL: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/turism_2025.pdf
15. Лидеры Индекса туристической привлекательности регионов России. URL: https://russiacb.com/upload/iblock/e98/46p8eqt8qvn1b3083o3bgreav9im0exl.pdf/ (дата обращения 25.08.2025)

Tourism Destination Efficiency: an Integrated Approach

Garifullina R.S.
Kazan State Institute of Culture

Safin F.M.
Kazan State Institute of Culture,
Kazan (Volga Region) Federal University

The article discusses the effectiveness of a tourist destination, which is an important factor in the sustainable development of tourism in a particular territory. The relevance of this research is due to the need to overcome fragmentation in assessments and develop a holistic, comprehensive system of indicators that adequately reflect the multifaceted nature of the effectiveness of a modern tourist destination. The purpose of this research is to develop and scientifically substantiate a comprehensive model for assessing the effectiveness of a tourist destination, which allows for comprehensive diagnostics and the formation of strategies for the balanced development of a tourist territory. The scientific novelty of the study lies in the development of a comprehensive model for assessing the effectiveness of a tourist destination, which integrates economic, social, environmental, institutional, and managerial components into a single system. Based on official statistics, strategic documents, and scientific publications, the article identifies the competitive advantages of the Republic of Tatarstan, which include the diversification of the tourism product, the high concentration of UNESCO cultural heritage sites, the developed infrastructure, and the successful implementation of major events. The article also identifies problematic areas, such as the seasonality of demand and the load on the facilities. The practical significance of this article lies in the fact that the research results can be used as a tool for developing regional and municipal development programs, strategic planning, and improving the competitiveness of tourism destinations.

Keywords: tourist destination, efficiency, comprehensive assessment, sustainable development, key performance indicators (KPIs)

УДК 338
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-34-38

Актуальные угрозы экономической безопасности российских предприятий в условиях возрастающей неопределенности социально-экономической среды и механизмы их минимизации

Губайдуллин Р.Р.
Директор ООО «Татнфеть-Инжиниринг» (Лениногорск)

Целью представленной работы является оценка текущего состояния социально-экономической среды функционирования российских предприятий и выявление актуальных рисков экономической безопасности бизнеса в условиях возрастания её неопределённости и геоэкономической турбулентности. Автор доказывает, что именно внешние угрозы в текущих реалиях несут максимальные предпринимательские риски процессу развития и поддержания жизненного цикла российских компаний, и показывает, что их источниками являются не только внеправовые и политически мотивированные санкции коллективного Запада, нечестная конкурентная борьба или противоправные действия партнеров, но и вполне законная деятельность российских органов власти и управления, приводящая к усилению административного и налогового давления на отечественный бизнес и увеличивающая риски ухода части предпринимателей в «серую зону».

Научная новизна представленной статьи заключается в уточнении определений категорий «экономическая безопасность», «экономическая безопасность предприятия» и «угроза экономической безопасности предприятия», а также в приращении теоретико-методологической основы для проведения дальнейших научных изысканий в данной области.

В процессе достижения поставленной цели исследования использовались системный и доказательный подходы, а также следующие методы научного познания: ретроспективный, функциональный и сравнительный анализ; синтез; дедукция и индукция.

Ключевые слова: *экономическая безопасность предприятия, угрозы экономической безопасности, механизм противодействия угрозам, внешние и внутренние угрозы, факторы экономической безопасности*

Для цитирования: *Губайдуллин Р.Р. Актуальные угрозы экономической безопасности российских предприятий в условиях возрастающей неопределенности социально-экономической среды и механизмы их минимизации // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 34–38. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-34-38.*

Наметившийся во втором десятилетии текущего века процесс устойчивого роста российской экономики был прерван эпидемией *COVID*-19. Начиная с 2020 г. российские предприятия стали осуществлять свою финансово-хозяйственную деятельность в условиях повышенной турбулентности как глобальной социально-экономической среды в целом, так и национального хозяйства в частности. При этом, невзирая на ощутимую поддержку государства, основные издержки борьбы с пандемией тогда легли «на плечи» самих отечественных субъектов хозяйствования, вынужденных значительно снизить свою инвестиционную активность и производить товары и оказывать услуги в условиях жестких ограниче-

ний практически всех сфер экономики и снижения потребительского спроса, спровоцированного значительным падением производства. Впоследствии обозначившийся в начале 2022 г. тренд роста российской экономики был остановлен уже беспрецедентными по объему внешними рестрикциями и ограничениями, введенными коллективным Западом против России в рамках политически мотивированной санкционной войны. Как следствие, внутренняя экономическая среда и предпринимательский климат, не достигнув допандемийного состояния, стали перманентно ухудшаться, создавая российским товаропроизводителям акцессорные угрозы экономической безопасности, минимизация и эффективное противодействие которым требует как привлечения дополнительных ресурсов, так и максимальной мобилизации существующего социально-экономического потенциала компании. И несмотря на высокие адаптационные способности российских предприятий, в значительной мере определяющих устойчивость национальной социально-экономической системы, сегодня отечественные компании в процессе своей предпринимательской деятельности подвергаются разнонаправленному воздействию внешней и внутренней сред функционирования при общем увеличении их негативной составляющей из-за постоянно усиливающегося санкционного давления и возрастающих издержек, связанных с проведением СВО.

Научно-теоретические подходы к определению понятий «экономическая безопасность», «экономическая безопасность предприятия» и «угрозы экономической безопасности предприятия»

Как самостоятельная дефиниция термин «экономическая безопасность» впервые был публично использован Президентом США Ф.Д. Рузвельтом в 1933 г. в послании к нации, провозгласившем «Новый курс» страны по выходу из глобального экономического кризиса 1930-х гг., ключевыми элементами которого стали создание государственных институтов регулирования экономикой и восстановление её конкурентоспособности через государственное стимулирование приоритетных отраслей и поддержку американских корпораций. В дальнейшем теоретическое обоснование необходимости активного вмешательства государства в бизнес-процессы для обеспечения безопасности национальной экономики было дано в работах Джона Мейнарда Кейнса, Френка Хайнемана Найта, Артура Сесила Пигу, Йозефа Алоиза Шумпетера и др., что позволило на сегодня создать на Западе достаточно солидную научно-методическую основу для дальнейшего изучения понятия «экономическая безопасность» и связанных с ней категорий. Причем на международном уровне термин «экономическая безопасность» официально был «закреплен» 17 декабря 1985 г. в резолюции «Международная экономическая безопасность», принятой на 40-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН [1].

В информационном пространстве современной России официальные документы, упоминавшие категорию «экономическая безопасность», стали регулярно появляться начиная с 1993 г., а утвержденная Указом Президента РФ от 13.05.2017 г. № 208 «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» окончательно определила её как «состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации» [2], что, на наш взгляд, является достаточно информативным и в рамках представленной работы позволяет полно раскрыть заявленную тему.

Необходимо отметить, что отечественное научное сообщество с начала процесса перехода российской экономики к рыночным основам функционирования в 90-х гг. прошлого века весьма активно подключилось к процессу исследования категории «экономическая безопасность» и задолго до появления официальной трактовки его ведущие представители предложили свои подходы к определению этой научной дефиниции. Так академик Л.И. Абалкин еще в 1994 г. определял экономическую безопасность как «совокупность условий и факторов, обеспечивающих независимость национальной экономики, ее стабильность и устойчивость, способность к постоянному обновлению и совершенствованию» [3]. А известный экономист и государственный деятель В.К. Сенчагов рассматривал экономическую безопасность как «состояние экономики, которое способно защитить национальные интересы, обеспечить социальную защищенность населения, обороноспособность страны даже в условиях неблагоприятного развития внутренних и международных кризисов» [4].

На сегодняшний день отечественная научная библиография по проблемам экономической безопасности, состоящая из работ академиков С.Ю. Глазьева, Е.А. Олейникова, А.И. Татаркина и других известных российских ученых, постоянно обновляется и дополняется научными публикациями, обусловленными вызовами глубокой трансформации существовавших ранее экономических рисков и угроз, спровоцированной стремительно изменяющейся геоэкономической средой. Решая задачи научно-методологического сопровождения процесса обеспечения экономической безопасности в целом, исследователи также уделяют самое пристальное внимание изучению её отдельных элементов, к которым мы можем отнести экономическую безопасность предприятий.

Российское законодательство определяет предприятие в качестве «имущественного комплекса, используемого для осуществления предпринимательской деятельности» [5, ст. 132]. При этом именно предприятие является первичным звеном российской экономической системы, а их совокупность образует фундамент отечественной экономики и в значительной степени формирует экономический потенциал страны, внося основной вклад в создание национального ВВП. В то же время экономическая безопасность предприятия как ключевого элемента народного хозяйства составляет основу национальной экономической безопасности, доказывая корреляционную зависимость и взаимосвязь процессов её обеспечения на макро- и микроуровнях.

И несмотря на то, что изучение проблем экономической безопасности предприятий имеет обособленный объект и является самостоятельным направлением научных изысканий, с высокой долей вероятности можно утверждать, что они проводятся на теоретической основе и с использованием понятийно-категориального аппарата, выработанных в процессе исследования национальной экономической безопасности, причем подчас одними и теми же акторами. Так, упоминавшийся выше, профессор В.К. Сенчагов трактовал экономическую безопасность предприятия как «защищенность его научно-технического, технологического, производственного и кадрового потенциала от прямых (активных) или косвенных (пассивных) экономических угроз» [6]. А профессор Г.А. Скачко рассматривал экономическую безопасность предприятия как «умение предприятия, посредством грамотного распределения и использования ресурсов, получать максимально высокий результат, достигая ежемесячных целей и анализируя возможность постоянного повышения эффективности своей деятельности, направленной на быстрый рост компании и поддержание ее конкурентоспособности на высоком уровне [7]. Обобщая существующие на сегодня различные подходы к определению понятия «экономическая безопасность предприятия», в рамках статьи предлагаем читателям в дальнейшем рассматривать данную научную категорию как состояние, «позволяющее своевременно выявлять и успешно противодействовать внешним и внутренним угрозам процессу социально-экономического развития бизнес-структуры, достигаемое путем рационального и эффективного использования её ресурсного потенциала» [8], отмечая при этом её «схожесть с понятием защищенности от внешних и внутренних угроз» [9, с. 105].

С учетом того, что экономическая безопасность предприятия тесно связана с понятием «угроза экономической безопасности», необходимо также рассмотреть существующие трактовки этой категории, в значительной мере вытекающие из её официального определения как «совокупности условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам Российской Федерации в экономической сфере» [2]. Соглашаясь с тем, что угроза экономической безопасности предприятия – это «такое развитие событий, в результате которых появляется возможност, либо повышается вероятность нарушения нормального функционирования предприятия и не достижения им своих целей, в частности нанесения любого вида ущерба» [10], автор в дальнейшем предлагает рассматривать данную дефиницию как совокупность факторов негативного влияния внешней и внутренней среды функционирования, направленных на нанесение ущерба компании, несущих вызовы процессу развития бизнес-структуры и повышающих риски досрочного завершения её жизненного цикла.

Актуальные угрозы экономической безопасности российских предприятий в условиях повышенной турбулентности экономической среды

Угрозы экономической безопасности классифицируются по степени опасности, масштабу, длительности действия, целевой направленности, источникам возникновения, вероятности наступления и т.д. Мы же в настоящей работе ограничимся сепарацией угроз на внутренние и внешние, отмечая условность данного разграничения и взаимную высокую эластичность этих факторов экономической безопасности предприятия. Исследователи по-разному оценивают степень воздействия каждой из этих угроз на состояние экономической безопасности компании, в большинстве случаев отдавая приоритет внутренним аспектам ведения бизнеса, справедливо полагая, что предприятие эффективно использующее свой социально-экономический потенциал, будет способно более результативно противодействовать любым угрозам и вызовам. Однако, на наш взгляд, объективная оценка влияния той или иной угрозы на конкретный хозяйствующий субъект может быть дана, только опираясь на анализ состояния среды его функционирования в конкретный исторический период и на сегодня именно внешние факторы формируют главные риски процессу развития российских предприятий, оставаясь при этом за пределами контроля и встречного управляющего воздействия с их стороны.

Механизм противодействия и минимизации негативных последствий потенциальных угроз экономической безопасности предприятия направлен на недопущение их перерастания в реальные и предполагает: выявление источника и определение характера конкретной угрозы; оценку вероятности её наступления и прогнозирование размера возможного ущерба; выработку системы ответных мер и составление «дорожной карты» по их реализации.

Возрастающие издержки проводимой СВО и усиливающееся санкционное давление потребовали

коренного пересмотра приоритетов и корректировки текущей налогово-бюджетной политики. Правительство РФ, сохраняя социальную направленность бюджета, в текущем году пошло по пути усиления налоговой нагрузки на российский бизнес, отказавшись от варианта ликвидации бюджетного дефицита путем эмиссии рубля. При этом одновременно была увеличена федеральная составляющая собираемых налогов за счет уменьшения доли регионов и муниципалитетов, которые, в свою очередь, отменили почти все льготы для предпринимателей и значительно подняли кадастровую стоимость налогооблагаемых объектов на своих территориях. Кроме того, значительно сократилась бюджетная поддержка отечественного бизнеса, уменьшен перечень льгот и преференций для приоритетных сфер и направлений деятельности, а доступ к выделяемым ограниченным государственным ресурсам максимально усложнился.

В то же время западные экономические санкции также усилили свое негативное воздействие как на российскую экономику в целом, так и на финансовые институты и экспортно-ориентируемые предприятия, в частности. Введенные коллективным Западом вторичные санкции заставили ряд зарубежных партнеров как минимум ограничить сотрудничество с российскими бизнес-структурами, значительно увеличив транзакционные издержки финансово-хозяйственной деятельности последних и риски увеличения их технологического отставания. И уже три года ведущие свою финансово-хозяйственную деятельность без доступа к глобальным финансово-инвестиционным ресурсам и инновационным технологиям отечественные предприятия сегодня могут обеспечить конкурентоспособность и развитие своего бизнеса в основном за счет собственного ресурсного потенциала, подняв его эффективность путем улучшения качества планирования и усиления контроля, роботизации и технологического обновления производства, автоматизации и цифровизации бизнес-процессов, а также повышения квалификации и расширения компетенции персонала, усилив его мотивацию к труду.

Выводы и заключение:

1. В настоящее время отсутствует единая и официально утвержденная методика оценки угроз экономической безопасности российских компаний, и каждый фактор, участвующий в процессе её обеспечения, может быть их потенциальным источником.

2. Угрозы экономической безопасности предприятия нацелены на нанесение ему ущерба, интегральный показатель которого показывает уровень уменьшения ресурсного потенциала компании за оцениваемый временной промежуток негативного воздействия.

3. В условиях высокой турбулентности экономической среды функционирования российских предприятий среди актуальных вызовов их экономической безопасности наиболее значимыми для бизнеса сегодня являются внешние угрозы, находящиеся вне влияния хозяйствующих субъектов и несущие максимальные предпринимательские риски процессу развития и поддержания жизненного цикла компаний.

4. Источниками негативных внешних угроз для отечественных хозяйствующих субъектов на сегодня являются не только внеправовые и политически мотивированные санкции коллективного Запада, нечестная конкурентная борьба или противоправные действия партнеров, но и вполне законная деятельность российских органов власти и управления, провоцирующая усиление административного и налогового давления на бизнес, а также приводящая к сужению сфер и сокращению объемов государственной поддержки предпринимательства.

5. Усиление налогового и административного давления на бизнес существенно повышает риски снижения предпринимательской активности и перехода его части в «серую» зону, что приведет к значительным издержкам для национальной экономики уже в среднесрочной перспективе.

Литература:

1. Документ ООН A/RES/40/173. URL: https://docs.un.org/ru/A/RES/40/173
2. Указ Президента РФ от 13.05.2017 г. № 208 «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС КонсультантПлюс.
3. Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 4–13.
4. Экономическая безопасность: Производство – Финансы – Банки / Под ред. В.К. Сенчагова. М.: Финстатинформ, 1998. 356 с.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Принят Государственной Думой от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // СПС Гарант
6. Сенчагов В.К. Экономическая безопасность России: общий курс: учеб. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2012. 813 с.
7. Скачко Г.А., Никандрова Л.К., Суркова Е.В. Обеспечение экономической безопасности хозяйствующих субъектов // Аудитор. 2020. № 5. С. 33–36.
8. Губайдуллин Р.Р. Цифровизация предприятия: объект, цели и основные акторы процесса // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 21–24. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-21-24.
9. Экономическая безопасность в новой реальности. Теория и методология / [О.А. Миронова и др.]; под ред. О.А. Мироновой, В.Л. Поздеева. М.: ЮНИТИ-Дана, 2024. 407 с.
10. Рудая О.В. Угрозы экономической безопасности предприятия // Актуальные исследования. 2021. № 11 (38). С. 61–63. URL: https://apni.ru/article/2059-ugrozi-ekonomicheskoj-bezopasnosti-predpriyat

Current Threats to the Economic Security of Russian Enterprises in the Context of Increasing Uncertainty of the Socio-Economic Environment and Mechanisms for their Minimization

Gubaidullin R.R.
LLC «Tatnfet-Engineering» (Leninogorsk)

The purpose of this work is to assess the current state of the socio-economic environment in which Russian enterprises operate and to identify relevant risks to business economic security in the context of increasing uncertainty and geo-economic turbulence. The author proves that it is external threats that currently pose maximum entrepreneurial risks to the development and maintenance of the life cycle of Russian companies. It is shown that these threats originate not only from extralegal and politically motivated sanctions from the collective West, unfair competition, or unlawful actions of partners, but also from legitimate activities of Russian authorities and governance bodies, which lead to increased administrative and tax pressure on domestic business and increase the risks of some entrepreneurs moving into the "grey zone".

The scientific novelty of this article lies in refining the definitions of the categories "economic security", "enterprise economic security", and "threat to enterprise economic security", as well as in enriching the theoretical and methodological framework for further scientific research in this field.

In achieving the research objective, the author used a systematic and evidence-based approach, as well as the following methods of scientific cognition: retrospective, functional, and comparative analysis; synthesis; deduction and induction.

Key words: enterprise economic security, economic security threats, threat counteraction mechanisms, external and internal threats, economic security factors

УДК 338.45:658.7
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-39-45

Кооперация и цепочки поставок на предприятиях ОПК: особенности управления и риски современной среды

Гудкова О.Е.
Доктор экономических наук,
доцент кафедры бизнеса и управления
Московского университета им. С.Ю. Витте (филиал в г. Рязань)

Исследование направлено на анализ управленческих проблем кооперации и организации цепочек поставок в оборонно-промышленном комплексе в условиях усиления геополитической нестабильности, санкционных ограничений и технологической зависимости. Повышенное внимание к данной тематике связано с выявленной уязвимостью оборонного снабжения при внешних шоках и ограниченной готовностью существующих управленческих моделей к кризисным режимам функционирования. Цель работы заключается в выявлении особенностей управления оборонными цепочками поставок и форм кооперации предприятий с учётом рисков современной среды. В рамках исследования решаются следующие задачи: анализ структуры оборонных цепочек; рассмотрение внутригосударственных и международных кооперационных механизмов; систематизация управленческих рисков и способов их минимизации. Научная значимость исследования определяется разработкой структурированной интерпретации взаимосвязи между архитектурой кооперации и устойчивостью цепочек поставок ОПК. Практическая ценность работы связана с возможностью применения полученных выводов при формировании управленческих решений в сфере промышленной политики и экономической безопасности. Основные результаты подтверждают необходимость перехода от ориентации на краткосрочную эффективность к управлению допустимой избыточностью и прозрачностью кооперационных связей. Научная новизна заключается в интеграции управленческого и институционального подходов к анализу рисков оборонных цепочек поставок.

Ключевые слова: *оборонно-промышленный комплекс, цепочки поставок, кооперация предприятий, управленческие риски, устойчивость снабжения, геополитическая фрагментация, экономическая безопасность, промышленная политика, стратегическое управление*

Для цитирования: *Гудкова О.Е. Кооперация и цепочки поставок на предприятиях ОПК: особенности управления и риски современной среды // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 39–45. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-39-45.*

Предприятия оборонно-промышленного комплекса (далее – ОПК) функционируют в условиях, требующих особых подходов к управлению цепочками поставок и межфирменной кооперации. В современную эпоху глобальных геополитических изменений и технологических вызовов, обеспечение устойчивости и эффективности оборонных поставок стало приоритетной задачей государственной политики и стратегического менеджмента предприятий отрасли. Актуальность темы обусловлена недавними кризисами (пандемия, санкционные войны), выявившими уязвимость глобализированных

цепочек поставок в обороне. Так, перебои в международных логистических цепочках и дефицит критически важных компонентов продемонстрировали, насколько остро национальная безопасность зависит от надёжности и гибкости снабжения.

Цель данной статьи – проанализировать особенности управления цепочками поставок в ОПК и механизмы кооперации между предприятиями в контексте рисков современной среды. Для этого решаются следующие задачи:

1) выявить специфические черты оборонных цепочек поставок, отличающие их от гражданских;

2) рассмотреть формы кооперации (внутри страны и международной) в оборонной индустрии и их влияние на устойчивость поставок;

3) оценить основные риски современной среды (геополитические, экономические, технологические) для оборонных поставок и подходы к их минимизации.

Научная новизна исследования состоит в систематизации последних данных о проблемах и решениях в области управления оборонными цепочками поставок. Практическая значимость связана с возможностью использования выводов для повышения надёжности снабжения войск и конкурентоспособности предприятий ОПК.

Материалы исследования охватывают совокупность отечественных и зарубежных научных и аналитических источников, посвящённых проблематике оборонных цепочек поставок, кооперации и управлению рисками. Их анализ позволил сформировать целостное представление о текущем состоянии и трансформации управленческих практик в ОПК.

В аналитической работе Д. Ливене [1] рассмотрены источники уязвимости оборонных цепочек поставок, с акцентом на многоуровневую структуру кооперации и ограниченную прозрачность субпоставщиков. В исследовании Д. Лоски, С. Генчева, Н. Рича и Т. Малика и др. [2] предложена концепция кооперативного управления оборонными цепочками, ориентированная на совместное распределение рисков и ответственности. В отраслевом докладе консалтинговой группы *Deloitte* [3] проанализированы управленческие стратегии повышения устойчивости цепочек поставок в аэрокосмическом и оборонном секторе. Д.С. Струин и М.А. Прилуцкая [4] исследовали механизмы внешней кооперации машиностроительных предприятий и их влияние на организацию производственных связей. В работе Е.Н. Кручинкиной, А.С. Мокроусова и И.А. Шахяна [5] рассмотрены проблемы устойчивости международных цепочек поставок в условиях санкционного давления. Д.Ю. Байдаров и Д.Ю. Файков [6] проанализировали диверсификацию деятельности предприятий ОПК как инструмент адаптации к изменяющейся среде. Е.В. Черняев [7] изучил влияние кооперационных отношений на эффективность выполнения государственного оборонного заказа. В аналитическом материале Дж. Килпатрика и др. [8] предложены подходы к реструктуризации базы поставщиков с учётом требований устойчивости.

Для написания статьи применялись методы анализа научных источников, сравнительный подход, системное обобщение и управленческая интерпретация, что позволило выявить взаимосвязь между архитектурой кооперации и рисками цепочек поставок в оборонной промышленности.

Анализ литературы показывает, что цепочки поставок в сфере обороны обладают уникальной спецификой, отличающей их от коммерческих производственно-сбытовых сетей. Во-первых, оборонные поставки характеризуются высокой сложностью и множеством уровней кооперации. Производство современного вооружения и техники требует участия множества подрядчиков и субподрядчиков, образующих многоуровневые сети поставщиков специализированных компонентов [1]. Эти сети интегрируются в конечную сборку продукции на головных предприятиях, причём часто сами головные подрядчики не имеют полного обзора нижестоящих звеньев. Отмечается, что крупные оборонные компании нередко не знают в деталях полный список своих субпоставщиков на низших уровнях, что затрудняет оценку надёжности поставок и создаёт «серые зоны» риска. Во-вторых, цепочки ОПК исторически были ориентированы на безопасность и качество в ущерб гибкости и эффективности: длительные циклы разработки, строгие требования к сертификации и секретности сказываются на скорости и адаптивности поставок. В последние десятилетия под влиянием концепций бережливого производства и оптимизации затрат многие оборонные структуры переняли коммерческие практики (включая аутсорсинг, минимизацию запасов), что повысило эффективность, но одновременно привело к уязвимости перед неожиданными потрясениями. Например, стремление сократить издержки и держать минимальные склады означает, что в случае внезапного роста спроса или срыва поставок у предприятий ОПК не хватает резервов и альтернативных поставщиков.

Кооперация между предприятиями ОПК играет ключевую роль в функционировании этих цепочек. Под кооперацией понимаются различные формы взаимодействия: долгосрочные партнёрства между главным подрядчиком и поставщиками, стратегические альянсы между крупными оборонными компаниями, совместные проекты и консорциумы, а также международное сотрудничество в рамках союзов. Исследования показывают, что кооперационные отношения в оборонной отрасли строятся на принципах доверия, разделения рисков и выгоды, поскольку от слаженности работы всех участников зависит успех программы. Например, концепция *Defense*

Supply Chain Collaboration (*DSCC*), разработанная в недавнем исследовании, определяет сотрудничество в оборонной цепочке поставок как отношения, характеризующиеся открытостью и доверием, при котором стороны совместно несут риски, издержки и выигрыши [2]. Такая модель предполагает глубокую интеграцию компаний – обмен информацией о планах, совместное прогнозирование спроса, согласование мер по управлению запасами. Выявлено, что при прочих равных у оборонных проектов с развитой культурой сотрудничества (например, программы международного консорциума по созданию новой техники) выше показатели своевременности и качества поставок [2]. Однако достичь полноформатной кооперации непросто: исследования отмечают, что, несмотря на признание ценности сотрудничества, на практике оборонные цепочки ещё не реализовали свой кооперативный потенциал в полной мере [2]. Традиционные отношения «покупатель – поставщик» в обороне остаются жёстко регламентированными контрактами, и переход к более гибким партнёрским моделям сдерживается как культурными факторами (нежелание делиться излишней информацией), так и институциональными ограничениями (государственные требования к закупкам, конкуренция и антимонопольные нормы).

Современная среда предъявляет новые риски к цепочкам поставок предприятий ОПК, обнажая проблемные места существующей системы управления. В таблице 1 представлена систематизация рисков и управленческих реакций по уровням кооперации.

Одним из наиболее существенных вызовов стала геополитическая напряжённость и связанная с ней фрагментация глобальных цепочек. Глобализация прошлых десятилетий привела к тому, что оборонные компании во многих странах интегрировались в международные производственные сети, полагаясь на поставки компонентов из разных регионов мира. Это давало экономию и доступ к передовым технологиям, однако события последних лет продемонстрировали обратную сторону глубокой взаимозависимости. Пандемия *COVID*-19, а затем военный конфликт в Восточной Европе нарушили привычные цепочки: закрытие границ, санкции и торговые ограничения привели к задержкам и перебоям в поставках критически важных материалов и комплектующих. Например, сокращение производства микрочипов в Азии из-за локдаунов вызвало цепной эффект, отразившийся даже на оборонных отраслевых программах в Европе и США. Кроме того, введение экспортных контролей на высокотехнологичную продукцию и сырье (редкоземельные материалы, электроника двойного назначения) создало прямые риски дефицита для предприятий ОПК, особенно в странах, зависимых от импорта таких товаров. Теперь правительства многих стран пришли к пониманию необходимости снижать зависимость от отдельных иностранных источников. Европейский Союз, к примеру, в 2022–2023 гг. реализовал ряд инициатив по обеспечению «стратегической автономии» – приняты Акты о критически важных сырьях и о микрочипах, направленные на локализацию производства ключевых компонентов и диверсификацию поставок [3]. В сфере обороны это соответствует курсу на импортозамещение и поиск альтернативных партнёров по кооперации среди союзников. США в Национальной оборонной стратегии промышленности (*NDIS* 2023) также подчёркивают важность объединения усилий с союзными странами для наращивания устойчивости цепочек поставок. Иными словами, международная кооперация в обороне приобретает новое измерение: это не только совместная разработка техники, но и создание распределённой

Таблица 1

Типология рисков цепочек поставок ОПК и управленческие механизмы реагирования по уровням кооперации (составлено автором на основе [1–3, 7, 8])

Уровень цепочки поставок	Доминирующие группы рисков	Проявления рисков в кооперации	Управленческие механизмы реагирования
Головные предприятия и системные интеграторы	Геополитические, институциональные	Разрывы контрактов, санкционные ограничения, несинхронизированность программ	Межгосударственная координация, долгосрочные рамочные соглашения, распределение производственных задач между союзниками
Основные поставщики первого уровня	Технологические, производственные	Зависимость от уникальных технологий, ограниченная заменяемость компонентов	Ранняя интеграция поставщиков в проектирование, совместное планирование мощностей, технологическая диверсификация
Субпоставщики нижних уровней	Операционные, кибернетические, контроль качества	Ограниченная прозрачность, контрафакт, уязвимость цифровых систем	Повышенные требования к сертификации, сквозная прослеживаемость, стандартизация кибербезопасности
Логистическая и инфраструктурная подсистема	Организационные, внешнеэкономические	Сбои транспортировки, административные барьеры, зависимость от узловых маршрутов	Резервирование маршрутов, локализация складской инфраструктуры, межведомственная координация

сети «безопасных» поставщиков среди дружественных государств, чтобы исключить зависимость от потенциально враждебных источников.

Другой существенный риск современной среды – ориентация на мирное время в ущерб готовности к кризису [4–6]. За последние десятилетия методы управления оборонными закупками претерпели изменения под влиянием идей эффективности. Во многих странах произошла приватизация и аутсорсинг вспомогательных функций, внедрялись практики «точно в срок» поставок и сокращения излишних запасов. В мирных условиях это оправдано снижением затрат, однако текущие исследования отмечают, что такая культура создаёт уязвимость в случае внезапного конфликта или чрезвычайной ситуации. В докладах Министерства обороны США подчёркивается, что долгое время устойчивость цепочек считалась второстепенной задачей, поскольку свободное функционирование мировой торговли считалось нормой. Приоритет отдавался минимизации цены и соблюдению графиков, а риски перебоев оставались гипотетическими. Только глобальный шок (пандемия) заставил обратить внимание на хрупкость оборонных поставок. Культурно сформировалось убеждение, что избыточная надёжность – это лишние расходы, снижающие прибыль и эффективность программы. Например, резервирование альтернативных поставщиков или наращивание складских запасов воспринималось как накладные расходы без явной отдачи. В результате многие оборонные цепочки оказались «тонко настроены» под нормальные условия, но не готовы к резкому скачку спроса (например, для войны) или к преднамеренному воздействию противника.

С точки зрения управленческой логики подобная настройка отражает институциональный перекос в пользу краткосрочной оптимизации, при котором устойчивость рассматривается как вторичное свойство системы. В оборонной промышленности подобный подход приводит к асимметрии ответственности: стратегические решения о сокращении запасов и специализации поставщиков принимаются на уровне корпоративного или государственного менеджмента, тогда как последствия сбоев проявляются на операционном уровне в виде остановки производственных программ. Отсутствие формализованных механизмов распределения ответственности за провалы цепочек усиливает системные риски, поскольку ни один уровень управления не фиксирует долгосрочные последствия собственных решений. В этой связи управление оборонными поставками требует перехода от логики «экономии ресурсов» к логике проектирования допустимого уровня избыточности как управляемого параметра, а не отклонения от нормы.

С этим связан и риск враждебного влияния на оборонные цепочки. Специалисты по безопасности предупреждают, что сложные глобальные цепи поставок могут быть целенаправленно атакованы противником: через внедрение уязвимостей (например, закладок в электронные компоненты), промышленный шпионаж, кибернетические атаки на системы управления поставками или просто путём скупки критических звеньев конкурентами [7]. Оборонные предприятия уязвимы к таким воздействиям особенно на нижних уровнях кооперации, где меньше контроля. Отмечаются случаи контрафактных деталей, проникших в оборонную технику, и кибератак на заводы – всё это демонстрирует необходимость повышенного внимания к безопасности всей цепочки, а не только собственного производства. Таким образом, современная среда диктует, что управление рисками должно стать неотъемлемой частью управления цепочками поставок ОПК.

Полученные результаты указывают на ряд важных особенностей управления оборонными цепочками поставок. Во-первых, подтверждается, что надёжность и безопасность стоят на первом месте, даже если это снижает экономическую эффективность. В отличие от гражданского сектора, где наибольшее значение придаётся себестоимости и скорости вывода продукта на рынок, в ОПК приоритетом является гарантированное получение нужных компонентов требуемого качества в нужные сроки для выполнения оборонного заказа. Это требует от менеджмента поддержания более плотных связей с поставщиками, проведения дополнительных проверок, хранения страховых запасов критических деталей. С точки зрения теории управления цепями поставок, здесь преобладает модель повышенной устойчивости к редким, но высокоамплитудным сбоям, при которой система проектируется с расчётом на сохранение работоспособности в условиях экстремальных нарушений. Анализ подтверждает слова экспертов: сокращение запаса прочности ради экономии может обернуться провалом всей программы, если наступит чрезвычайная ситуация [1; 3; 8]. Таким образом, менеджеры ОПК вынуждены балансировать между эффективностью и рисками, закладывая резервы на случай кризиса.

Во-вторых, эффективное управление цепочкой в ОПК немыслимо без кооперации и партнёрства. Предприятия оборонки исторически работали по принципу вертикальной интеграции (когда большая часть компонентов производится внутри компании). Однако современные образцы вооружений слишком сложны, чтобы одна фирма производила всё самостоятельно, поэтому возникает сеть специализированных исполнителей. Управлять такой сетью по жёстко контрактному принципу (отдал заказ – ждёшь результат) уже недостаточно. Требуется активно вовлекать ключевых поставщиков в процесс планирования и разработки. Эмпирические данные свидетельствуют, что привлечение поставщиков

к ранним стадиям разработки техники (так называемое интегрированное проектирование с участием поставщиков) улучшает конечные показатели – снижаются риски несоответствия компонентов, уменьшается время на доработки, повышается инновационность решений. Таким образом, практикуется совместное управление цепочкой поставок: крупные корпорации ведут себя не как единоличные заказчики, а как лидеры партнёрской сети. Это отражается и в появлении должностей вроде «директор по сотрудничеству с цепочкой поставок», и во внедрении цифровых платформ для обмена данными в реальном времени между участниками цепи.

Международное оборонное сотрудничество заслуживает отдельного внимания. Выводы исследования показывают, что сегодня оно становится фактором устойчивости: союзники стремятся связать свои оборонные индустрии, чтобы в случае кризиса поддержать друг друга. Успешным примером является координация стран НАТО в поддержке Украины: создана контактная группа, объединяющая оборонные ресурсы более 50 стран, что фактически представляет собой интеграцию цепочек поставок на международном уровне. Такой опыт показывает, что объединение промышленных потенциалов разных государств позволяет быстрее восполнить дефицит, перераспределить нагрузку и использовать взаимные сильные стороны. Однако и риски при этом возрастают: политические разногласия или изменения в отношениях между странами способны мгновенно отразиться на поставках. Управление международными оборонными цепочками требует уже межправительственного взаимодействия и создания специальных механизмов. В *NDIS* США прямо указано на необходимость «сопряжения» оборонных индустрий союзников для совместного противодействия волатильной среде. В ЕС обсуждается идея единого органа по мониторингу стратегических цепочек (включая оборону). То есть на высшем уровне признаётся: кооперация – это не опция, а императив для современной обороны, но ей нужны наднациональные инструменты управления.

Что касается рисков, то обсуждение результатов подтверждает: современная среда характеризуется сдвигом акцента с чисто внутренних производственных рисков (срыв на заводе, брак) к рискам внешним и системным. Геополитика превратилась в фактор производственной среды – менеджерам приходится отслеживать санкционные списки, прогнозировать возможные торговые конфликты, диверсифицировать цепочки с учётом политических блоков. Например, оборонные фирмы начали активнее искать вторичные источники сырья (редкие металлы) вне традиционно дешёвых, но рискованных стран, даже если это дороже – своего рода «премия за суверенитет». В техническом плане обнажилась критическая зависимость от узких мест: когда для всего мира есть лишь несколько производителей определённого чипа или материала, потеря одного сразу бьёт по всем. Вероятность таких событий ранее оценивалась как низкая, но теперь их рассматривают как вполне реальные. Отсюда появляется концепция устойчивости цепочек поставок, которая активно обсуждается в отраслях, включая оборонную. Концепция устойчивости подразумевает способность цепочки восстанавливать функционирование после нарушения. Для её обеспечения предлагаются конкретные меры: увеличение числа резервных поставщиков, создание стратегических запасов, развитие гибких производственных линий, способных быстро наращивать выпуск дефицитной продукции. Обзор показывает, что ведущие аналитики советуют *A&D*-компаниям сместить фокус с максимальной эффективности на баланс с надёжностью [8]. Иными словами, немного избыточности и дублирования – это плата за уменьшение рисков срыва поставок.

Существенным вызовом остаётся кибербезопасность и прозрачность оборонных цепочек поставок. Цифровизация управления поставками (системы *ERP*, онлайн-порталы для подрядчиков) с одной стороны ускоряет процессы, но с другой – создаёт новые точки уязвимости. Враждебные акторы могут атаковать не только сами заводы, но и информационные системы логистики. Учитывая критичность оборонных поставок, кибератаки способны парализовать производство или украсть конфиденциальные данные о заказах. На предприятиях ОПК вводят всё более строгие стандарты кибербезопасности для всех подрядчиков, вплоть до мелких, требуя соблюдения протоколов (например, стандарта *Cybersecurity Maturity Model* в США). Более того, встаёт задача «подсветить» всю цепочку – получать данные даже о субпоставщиках низшего уровня. Появляются инициативы по «подсветке» цепочек, когда с помощью больших данных и аналитики предприятие или государство пытается построить полную карту поставщиков до исходных сырьевых источников. Без такой прозрачности трудно выявить слабые звенья и спланировать превентивные меры.

Прозрачность оборонных цепочек следует рассматривать не как техническую задачу цифровизации, а как элемент стратегического управления. Формирование полной картины кооперационных связей трансформирует саму модель принятия решений: управление перестаёт опираться на агрегированные показатели и переходит к адресному воздействию на конкретные узлы цепочки. В практическом измерении это означает отказ от универсальных мер реагирования в пользу дифференцированных управленческих режимов для различных групп поставщиков. Для критически значимых звеньев оправдан жёсткий контроль и прямое участие государства, для периферийных сегментов – стандартизирован-

ные требования и выборочная проверка. Подобное разграничение повышает управляемость системы без чрезмерного роста административной нагрузки и снижает вероятность каскадных отказов при внешнем воздействии.

Управление цепочками поставок в оборонно-промышленном комплексе в современных условиях представляет собой балансирование между эффективностью и безопасностью, самостоятельностью и кооперацией. Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие основные выводы.

Цепочки предприятий ОПК гораздо более сложные, многоуровневые и регламентированные, чем в гражданских отраслях. Они имеют высокую степень взаимозависимости между участниками, при этом отраслевая практика длительной работы «на минимуме» запасов и ресурсов сделала их уязвимыми к резким потрясениям. Для преодоления этого требуется пересмотр управленческих подходов в сторону повышения устойчивости – создания резервов, дублирующих мощностей и каналов снабжения, особенно для критически важных компонентов.

Кооперация между предприятиями ОПК – будь то внутри страны или между союзниками – стала ключевым фактором успеха. Тесное сотрудничество (обмен информацией, совместное планирование, распределение рисков) повышает гибкость и скорость реакции цепочки на изменения спроса или внешние вызовы. Международная кооперация, несмотря на сложности, признана стратегическим приоритетом: интеграция оборонных промышленных баз союзников рассматривается как средство обеспечить бесперебойные поставки во время кризисов и повысить общий оборонный потенциал блока.

Главные риски для оборонных цепочек сегодня – геополитические разрывы глобальной торговли, технологическая зависимость от узкого круга поставщиков и киберугрозы. Эти риски смещают акцент менеджмента с сугубо экономической эффективности на устойчивость и безопасность цепей поставок. Предприятия ОПК внедряют стратегии диверсификации (поиск альтернативных поставщиков в дружественных странах, разработка заменяющих технологий), усиливают контроль над нижними звеньями (повышают требования прозрачности, проверяют контрагентов), инвестируют в устойчивость (создание запасов, локализация производства ключевых узлов). Появилась концепция «поставка в военное время», предполагающая готовность быстро переходить с мирного режима на режим массового снабжения в случае конфликта – для этого заблаговременно планируются мощности и логистика.

Научная значимость проведённой работы заключается в комплексном рассмотрении взаимодействия кооперации и рисков в оборонных цепочках поставок на основе новейших данных. Результаты подтверждают актуальность разработки новых моделей сотрудничества предприятий ОПК и государственного управления цепочками, учитывающих возросшую турбулентность среды. Практическая ценность полученных выводов состоит в предложениях по укреплению устойчивости оборонных поставок: развития многоуровневой кооперации с союзниками, внедрения механизмов совместного управления рисками, перехода к проактивному мониторингу всей цепочки от сырья до конечного продукта. В условиях современной геополитической обстановки такие меры помогут снизить вероятность срывов в снабжении войск и повысить готовность оборонно-промышленного комплекса к любым неожиданным вызовам.

Литература:

1. Levene D. Causes of Vulnerabilities and Key Threats to Defense Supply Chains. URL: https://www.airuniversity.af.edu/Wild-Blue-Yonder/Article-Display/Article/4207857/causes-of-vulnerabilities-and-key-threats-to-defense-supply-chains (дата обращения: 15.12.2025).
2. Loska D., Genchev S., Rich N., Malik T. Defense supply chain collaboration: an exploratory study and empirical framework // Journal of Defense Analytics and Logistics. 2024. Vol. 8. № 1. P. 2–37. DOI: https://doi.org/10.1108/JDAL-10-2023-0012.
3. Aerospace and defense supply chain risk management 2022. URL: https://www.deloitte.com/global/en/Industries/defense-security-justice/perspectives/gx-a-and-d-supply-chain-risk-management-strategies.html (дата обращения: 15.12.2025).

4. Струин Д.С., Прилуцкая М.А. Организация внешней кооперации на машиностроительном предприятии // Вестник магистратуры. 2025. № 2-1 (161). С. 36–43.
5. Кручинкина Е.Н., Мокроусов А.С., Шахян И.А. Об устойчивости международных цепочек поставок предприятий в условиях санкций // Компетентность. 2022. № 9–10. С. 4–10.
6. Байдаров Д.Ю., Файков Д.Ю. Диверсификации деятельности предприятий оборонно-промышленного комплекса: системность, стратегия, практика // Экономическая безопасность. 2024. Т. 7. № 1. С. 191–214. DOI: 10.18334/ecsec.7.1.120184.
7. Черняев Е.В. К вопросу о влиянии кооперационных отношений на эффективность выполнения гособоронзаказа // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. 2024. Т. 15. № 3. С. 210–224. DOI: 10.18287/2542-0461-2024-15-3-210-224.
8. Kilpatrick J., Berckman L., Faver A.D., Hardin K., Sloane M. Restructuring the supply base: Prioritizing a resilient, yet efficient supply chain. 2024. URL: https://www.deloitte.com/us/en/insights/industry/manufacturing-industrial-products/global-supply-chain-resilience-amid-disruptions.html (дата обращения: 15.12.2025).

Cooperation and Supply Chains at Defense Industry Enterprises: Management Features and Risks of the Modern Environment

Gudkova O.E.
Witte Moscow University (Ryazan branch)

The research is aimed at analyzing the management problems of cooperation and the organization of supply chains in the military-industrial complex in the context of increasing geopolitical instability, sanctions restrictions and technological dependence. Increased attention to this topic is associated with the identified vulnerability of defense supplies to external shocks and the limited readiness of existing management models for crisis modes of operation. The purpose of the work is to identify the features of defense supply chain management and forms of enterprise cooperation, taking into account the risks of the modern environment. The research solves the tasks of analyzing the structure of defense chains, considering domestic and international cooperative mechanisms, as well as systematizing management risks and ways to minimize them. The scientific significance of the research is determined by the development of a structured interpretation of the relationship between the architecture of cooperation and the sustainability of defense industry supply chains. The practical value of the work is related to the possibility of applying the findings in the formation of management decisions in the field of industrial policy and economic security. The main results confirm the need to move from focusing on short-term efficiency to managing acceptable redundancy and transparency of cooperative relationships. The scientific novelty lies in the integration of managerial and institutional approaches to the risk analysis of defense supply chains.

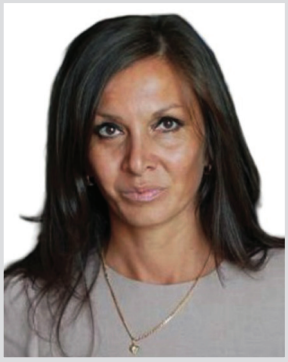
Keywords: military-industrial complex, supply chains, enterprise cooperation, management risks, supply stability, geopolitical fragmentation, economic security, industrial policy, strategic management

УДК 353.9
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-46-55

Организационная модель и механизм управления городскими агломерациями межрегионального типа

Двас Г.В.
Доктор экономических наук, профессор, ректор
Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина

Бушенева Ю.И.
Доктор экономических наук, доцент,
профессор кафедры экономики и управления
Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина

Олифир Д.И.
Кандидат географических наук,
доцент кафедры туризма, гостеприимства и сферы обслуживания
Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина

Управление городскими агломерациями направлено на реализацию социально-экономического потенциала территорий, находящихся под воздействием положительных агломерационных эффектов. Сложность в организации управления межрегиональными агломерациями (Московской, Санкт-Петербургской, Краснодарско-Адыгейской и Симферопольско-Севастопольской) заключается в интеграции двух основных форм сотрудничества – межмуниципального и межрегионального. В межрегиональных агломерациях, включающих города федерального значения, организационная модель управления должна также учитывать разницу управленческих полномочий между органами местного самоуправления города федерального значения и примыкающего к нему субъекта Российской Федерации. Целью статьи является определение организационной модели и механизма управления межрегиональными городскими агломерациями. Научная значимость работы заключается в развитии теоретико-методологических основ государственного и муниципального управления в области межрегионального сотрудничества посредством выработки формы, модели и механизма управления межрегиональной агломерацией. Материалы исследования могут быть использованы в деятельности региональных и муниципальных органов государственной власти. Ценность и научная новизна проведенного исследования связаны с оценкой агломерационных взаимоотношений двух субъектов Российской Федерации в пределах межрегиональных агломераций, которая дана на основе анализа документов стратегического планирования, обосновании договорной межрегионально-межмуниципальной организационной

модели управления межрегиональными агломерациями, выделении ключевых полномочий органов местного самоуправления в городах федерального значения и в субъектах Российской Федерации, предложенном варианте юридического оформления и механизме управления межрегиональными агломерациями.

Ключевые слова: *межрегиональные городские агломерации, документы стратегического планирования, межрегиональное сотрудничество, межмуниципальное сотрудничество, межрегионально-межмуниципальная модель, принципы управления агломерацией*

Для цитирования: *Двас Г.В., Бушенева Ю.И., Олифир Д.И. Организационная модель и механизм управления городскими агломерациями межрегионального типа // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 46–55. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-46-55.*

В настоящее время городские агломерации представляют собой одну из наиболее прогрессивных и эффективных форм пространственной организации населения и экономики. Согласно утверждённой Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.12.2024 г. № 4146-р «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года», раскрытие экономического потенциала, обеспечение научно-технологического и инновационного развития городских агломераций определено в качестве одного из основных направлений и задач пространственного развития страны. Кроме того, в Стратегии отмечается, что Московская и Санкт-Петербургская агломерации вносят существенный вклад в устойчивый рост экономики [1]. Однако протекающие агломерационные процессы имеют стихийный характер, преимущества положительных агломерационных эффектов используются в недостаточной степени, а управление городскими агломерациями сталкивается с рядом сложностей, прежде всего связанных с вопросами нормативно-правового обеспечения, противоречий между интересами субъектов агломерационной политики, бюджетных ограничений и т. п. Обозначенные проблемы существенно ограничивают возможности раскрытия и реализации экономического потенциала отдельных субъектов Российской Федерации, в которых сформировались крупные и крупнейшие городские агломерации. По данным Фонда «Институт экономики города», в нашей стране насчитывается 45 городских агломераций [2, с. 72], а в Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 г. выделялось около 40 городских агломераций, из которых 19 относятся к крупным и крупнейшим агломерациям [3].

Управление городскими агломерациями в Российской Федерации осуществляется на региональном уровне государственной власти преимущественно в формах межмуниципального сотрудничества. Большинство городских агломераций относится к агломерациям регионального типа, которые сформированы в пределах одного субъекта Российской Федерации. Исключение составляют четыре городские агломерации, относящиеся к межрегиональным – Московская, Санкт-Петербургская, Краснодарская (Краснодарско-Адыгейская) и Симферопольско-Севастопольская. Управление городскими агломерациями межрегионального типа усложняется тем, что к формам межмуниципального сотрудничества добавляется форма межрегионального сотрудничества, т.е. происходит, как отмечают Е.С. Шугрина и Г.В. Миронова, «сотрудничество субъекта РФ и муниципальных образований – заведомо неравноправных партнёров... не все модели, используемые в региональных агломерациях, применимы к межрегиональным» [4, с. 15]. Кроме того, первые три межрегиональные агломерации сформированы на основе городов федерального значения, органы местного самоуправления которых имеют ограниченные управленческие полномочия, в отличие от органов местного самоуправления других регионов (субъектов Российской Федерации), что также усложняет организационную модель управления такими агломерациями.

Проведённый анализ отечественной научной литературы, посвящённой управлению городскими агломерациями, позволил выделить три доминирующих исследовательских направления. Первое направление посвящено моделям управления городскими агломерациями. К нему относится работа И.В. Волчковой и Н.Н. Минаева, в которой учёные выделяют две модели управления: одноуровневую, включающую единое муниципальное управление, разновидностью которой является договорная модель, основанная на межмуниципальном сотрудничестве, и двухуровневую, предусматривающую создание надмуниципального органа управления [5]. Э. Маркварт и Р.В. Петухов к базовым моделям управления относят административную и договорную. При административной модели создаются специальные институты управления городской агломерацией, а при договорной модели в управлении принимают участие входящие в состав агломерации муниципальные образования [6]. Н.Н. Мусинова

и Н.К. Попадюк определяют три формы управления агломерациями: централизованную (управляет единый агломерационный центр), децентрализованную (договорная форма межмуниципального сотрудничества) и смешанную [7]. Е.С. Шугриной и Г.В. Мироновой проведён анализ шести моделей управления агломерациями: модель создания межрегиональных органов управления; модель формирования проектных офисов (рабочих групп); договорная межмуниципальная модель; договорная регионально-межмуниципальная модель; модель укрупнения муниципальных образований и модель централизации полномочий на уровне субъектов Российской Федерации [4]. Н.Л. Лисина с соавторами выделяют четыре модели управления: горизонтальную (межмуниципальное сотрудничество без участия органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации), вертикальную (основана на перераспределении полномочий между органами местного самоуправления и органами исполнительной власти субъекта Российской Федерации), смешанную (взаимодействие органов местного самоуправления и органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации посредством создания Координационного совета) и модель города федерального значения. По отношению к последней модели управления учёные считают, что она «предполагает создание на базе городской агломерации самостоятельного субъекта РФ с особым вариантом территориального устройства и с определением на уровне федерального законодательства ряда особенностей осуществления публичной власти» [8, с. 486].

Второе направление связано с вопросами нормативно-правового регулирования городских агломераций. Так, в статье А.Н. Швецова рассматриваются специфические особенности организации управления городскими агломерациями, приводится классификация организационных схем управления агломерациями, анализируется роль государства в агломерационных процессах [9]. К.В. Бавиной и И.Е. Лабушкиной проведён анализ правовых условий управления городскими агломерациями в России и предложен комплекс мероприятий, необходимых при разработке направлений законодательного регулирования городских агломераций [10]. А.В. Ильиных изучен опыт нормативно-правового регулирования статуса городских агломераций в субъектах Российской Федерации, выделены правовые проблемы управления и перспективы законодательного регулирования [11]. А.В. Одинцова, рассматривая проблемы нормативно-правового регулирования городских агломераций в России, приходит к выводу о том, что «основные проблемы развития агломераций носят институциональный характер. При наличии достаточно широкого опыта, накопленного в регионах, нормативно-правовая база формирования и развития агломераций пока не создана» [12, с. 76].

Третье направление основывается на стратегическом планировании управления городскими агломерациями. В работе С.А. Соболева представлена модель стратегического планирования городских агломераций, состоящая из семи этапов: проведение стратегической диагностики, определение миссии, определение дерева целей, выявление сильных и слабых сторон, возможностей и угроз, оценка стратегических альтернатив, выбор стратегии и реализация стратегии [13]. Е.Ю. Фролкина выделяет шесть принципов стратегического планирования в развитии городских агломераций: многоуровневость власти (федеральная, региональная и местная), результативность и эффективность, вовлечение бизнес-сообществ, учёт особенностей каждой агломерации, прозрачность (открытость), обеспечение устойчивого развития [14]. О.Б. Иванов и Е.М. Бухвальд рассматривают эволюцию направлений государственной агломерационной политики и определяют возможности и задачи агломерационных процессов в отраслевом и пространственном разрезе национальной экономики, приходя к выводу о том, что «для эффективного обновления Стратегии пространственного развития Российской Федерации необходимо включение в данный документ стратегического планирования развернутого блока вопросов, касающихся агломерационных процессов на субфедеральном уровне» [15, с. 20].

Таким образом, анализ литературных источников показал, что, несмотря на повышенное внимание научного сообщества к вопросам управления городскими агломерациями, к настоящему времени отсутствуют исследования, посвящённые управлению городскими агломерациями межрегионального типа, что предопределило цель представленной работы, заключающейся в определении организационной модели и механизма управления межрегиональными агломерациями.

Информационную базу исследования составили документы стратегического планирования субъектов Российской Федерации, которые относятся к межрегиональным агломерациям, нормативно-правовые акты Российской Федерации, регламентирующие возможность проведения агломерационной политики, а также труды отечественных учёных в области управления городскими агломерациями.

Для оценки агломерационных взаимоотношений, протекающих в межрегиональных городских агломерациях, рассмотрим документы стратегического планирования, которые отражают степень сотрудничества между двумя субъектами Российской Федерации.

В Московской агломерации к основным документам, определяющим межрегиональные взаимоотношения Москвы и Московской области, относятся:

1. Соглашение от 15.02.2018 г. № 31 между Правительством Московской области и Правительством Москвы о стратегическом развитии Московского региона (до 2025 года), предусматривающее развитие экономической интеграции и укрепление связей между двумя субъектами Российской Федерации в следующих направлениях: развитие промышленного потенциала, «Чистая вода», экологическая безопасность, развитие инфраструктуры и обустройство дачных поселков, организация отдыха детей, развитие общественного транспорта [16].

2. Соглашение от 08.11.2017 г. № 77-992 между Правительством Москвы и Правительством Московской области о торгово-экономическом, научно-техническом, социально-культурном и социально-экологическом сотрудничестве. Целью его подписания является развитие двусторонних связей и создание организационных, экономических, правовых и иных условий для укрепления межрегионального сотрудничества между двумя субъектами Российской Федерации. В соглашении представлен широкой перечень вопросов совместного сотрудничества, включая: подготовку документов территориального планирования и градостроительного зонирования, организацию транспортного обслуживания и развитие дорожного хозяйства, торгово-экономическую политику, улучшение условий инвестиционной и предпринимательской деятельности, повышение экологической эффективности, стабилизацию функционирования энергосистемы, обмен информацией в области инновационных разработок и их внедрения в производство, обмен информацией в вопросах тарифной политики городского хозяйства, развитие международных торгово-экономических связей, обмен опытом в привлечении иностранных инвесторов и содействие в реализации инвестиционных проектов с участием иностранного капитала и др. [17].

3. Стратегия развития транспортной системы г. Москвы и Московской области на период до 2035 г. (одобрена 01.12.2021 г.), реализация которой направлена на оптимизацию и развитие транспортного каркаса, повышение качества и комфортности транспортного обслуживания, безопасности перевозок, сокращение транспортных издержек при доставке грузов, а также внедрение инновационных технологий в совместной транспортной системе [18].

4. Соглашение от 08.07.2021 г. № ДГИ-С-3/21/59 о взаимодействии Правительства Москвы и Правительства Московской области. Документ предусматривает организацию эффективного управления и взаимодействия, в т.ч. с органами местного самоуправления в вопросах распоряжения государственным и муниципальным имуществом [19].

Основными документами, определяющими развитие между Санкт-Петербургом и Ленинградской областью в пределах Санкт-Петербургской агломерации, являются:

1. Соглашение от 19.04.2005 г. № 12-с между Санкт-Петербургом и Ленинградской областью о сотрудничестве в торгово-экономической, научно-технической, культурной и социальной областях. Цель его подписания – создание организационной основы для заключения двусторонних договоров между двумя субъектами Российской Федерации в различных областях и сферах деятельности, среди которых развитие торгово-экономических связей, поддержка малого предпринимательства, интеграция агропромышленного комплекса, информационное сотрудничество, взаимодействие в области законотворчества, сотрудничество в сферах науки и высоких технологий, образования, культуры, природоохранной деятельности, физической культуры и спорта, туризма и рекреации, социальной защиты населения, молодёжной политики, регулирования трудовых отношений и охраны труда [20].

2. Концепция комплексного развития территорий Ленинградской области, прилегающих к границам Санкт-Петербурга до 2025 г. (принята в 2014 г.). Целевое назначение Концепции связано с созданием условий для обеспечения сбалансированного развития территории комплексного развития, включая согласование действий органов государственной власти Санкт-Петербурга и Ленинградской области для устранения проблем развития территорий, включая реализацию градостроительной, пространственно-территориальной и социально-экономической политики Ленинградской области [21].

3. Стратегия развития транспортной системы Санкт-Петербурга и Ленинградской области до 2030 г. (принята в 2016 г.). Стратегия разработана с целью развития Санкт-Петербургского транспортного узла (транспортной инфраструктуры), в рамках которого предусматривается формирование общей транспортной системы двух субъектов Российской Федерации, включая строительство новых дорог, морских портов, аэропортов и железнодорожных узлов [22].

4. Концепция совместного градостроительного развития Санкт-Петербурга и территорий Ленинградской области (агломерации) на период до 2030 года с перспективой до 2050 года (принята в 2018 г.). Концепция определяет перспективы территориального, пространственного и градостроительного развития сопредельных территорий (зон) Санкт-Петербурга и Ленинградской области, включая формирование единых систем транспортной и инженерной инфраструктуры, создание благоприятной среды для проживания, а также сохранение и рациональное использование природного и историко-культурного комплекса. В документе определена граница Санкт-Петербургской агломерации, выделено шесть планировочных зон (городская

центральная зона; высокоурбанизированная зона консолидированного развития; зона подцентров агломерации; зона проживания, хозяйственной деятельности и отдыха; субурбанизированная зона консолидированного развития; зона рекреации и сельского хозяйства), которые разделены на 12 планировочных районов [23].

Краснодарская агломерация (Краснодарско-Адыгейская) юридически закреплена в Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года (принята Законодательным Собранием Краснодарского края 11.12.2018 г.) в составе четырёх муниципальных образований Краснодарского края (городских округов Краснодар и Горячий Ключ, а также Северского и Динского районов) и трёх муниципальных образований Республики Адыгея (городской округ Адыгейск, Тахтамукайский и Теучежский районы). В качестве ключевых предпосылок формирования Краснодарской агломерации в Стратегии определены проблемы управления объектами совместного инфраструктурного жизнеобеспечения (инженерных коммуникаций, социальных и коммунальных объектов), землепользования на сопредельных территориях, развития транспортной системы, нерегулируемое жилищное строительство, сопровождающееся экспансией сельскохозяйственных земель. Развитие Краснодарской агломерации базируется на соблюдении принципов устойчивого развития – сохранения баланса между застраиваемыми территориями, природно-рекреационными ресурсами и землями сельскохозяйственного назначения; формирования самодостаточных локальных подцентров; рационального размещения мест приложения труда и проживания, социально-бытового обслуживания и отдыха; обеспечения комфортности проживания и мобильности населения [24].

В свою очередь, в Стратегии социально-экономического развития Республики Адыгея до 2030 года (утверждена Постановлением Кабинета Министров Республики Адыгея от 26.12.2018 г.) отмечается тесная связь региона со стратегическими планами развития Краснодарского края, прежде всего, транспортной системы, энергетики, логистики, туризма и рекреации, экологии и производстве строительных материалов [25].

Межрегиональные взаимоотношения в пределах формирующейся Симферопольско-Севастопольской агломерации регламентированы Соглашением от 09.11.2018 г. между Правительством Севастополя и Советом Министров Республики Крым о сотрудничестве в торгово-экономической, научно-технической, культурной, социальной и иных областях. Помимо указанных в названии соглашения областей (сфер) сотрудничества, в документе обозначено сотрудничество в промышленности, сельском хозяйстве, образовании, транспорте, здравоохранении, молодёжной политике, физической культуре и спорте, туризме, трудовых отношениях и социальной защите населения, природопользовании и охране окружающей среды, информатизации и связи [26].

Проведённый анализ документов стратегического планирования в регионах, относящихся к межрегиональным агломерациям, позволяет сделать вывод о том, что наиболее активные агломерационные взаимоотношения протекают в Московской, Санкт-Петербургской и Краснодарской агломерациях. Эти взаимоотношения обусловлены взаимосвязанностью и сформированностью единого социально-экономического пространства указанных агломераций. При этом в совместных документах Москвы и Московской области ориентация на развитие агломерации не представлена, документы территориального планирования и градостроительного зонирования, как и в Краснодарской агломерации, не разработаны. В Санкт-Петербургской агломерации отмечается наибольшая проработанность документов стратегического планирования городской агломерации. Симферопольско-Севастопольская агломерация находится на начальной (перспективной) стадии формирования.

Для дальнейшего развития и управления городскими агломерациями межрегионального типа нами предлагается использовать договорную межрегионально-межмуниципальную организационную модель, особенностью которой, в отличие от договорной межмуниципальной модели, применяемой в региональных агломерациях, является сотрудничество как между региональными органами государственной власти двух субъектов Российской Федерации, так и между органами местного самоуправления, муниципальные образования которых входят в состав агломерации. Такая модель управления может быть использована в Краснодарской агломерации. Однако в городских агломерациях, образованных на основе городов федерального значения, в силу ограниченности властных полномочий органов местного самоуправления городов федерального значения, управление агломерацией выстраивается по линии сотрудничества между региональными органами государственной власти двух субъектов Российской Федерации при межмуниципальном сотрудничестве в субъекте Российской Федерации, не относящемся к городу федерального значения. Другими словами, происходит сотрудничество между городом федерального значения и примыкающими к нему агломерационными муниципальными образованиями соседнего субъекта Российской Федерации, которые в свою очередь находятся под координацией органов региональной власти соответствующего субъекта Российской Федерации и образуют форму межмуниципального сотрудничества.

Отметим, что в ст. 79 Федерального закона от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах ор-

ганизации местного самоуправления в Российской Федерации» полномочия органов местного самоуправления городов федерального значения связываются с решением вопросов местного значения, исходящих из необходимости сохранения единства городского хозяйства. К вопросам местного значения относятся мероприятия по обеспечению жизнедеятельности населения, например, организация и проведение праздников, спортивных, физкультурно-оздоровительных и патриотических мероприятий, мероприятий по охране окружающей среды, вреде потребления табака и воздействии окружающего дыма, составление протоколов об административных правонарушениях и пр. Кроме того, в соответствии с законами городов федерального значения органам местного самоуправления внутригородских муниципальных образований могут быть переданы отдельные государственные полномочия в случае, если их осуществление не потребует расходов за счет средств бюджетов городов федерального значения и (или) местных бюджетов, а также материальных средств [27]. Как видно, российское законодательство не предоставляет органам местного самоуправления городов федерального значения существенных властных полномочий в реализации вопросов межрегиональной агломерационной политики, в отличие от органов местного самоуправления регионов (субъектов Российской Федерации). В частности, органы местного самоуправления субъектов Российской Федерации имеют ряд полномочий в градостроительной и инвестиционной деятельности, а также в сфере малого и среднего предпринимательства (табл. 1).

Юридическое оформление межрегиональной городской агломерации предусматривает:

Во-первых, подписание соглашения о создании городской агломерации на уровне Правительств двух субъектов Российской Федерации. Другим вариантом может быть принятие соответствующего Закона каждым из субъектов Российской Федерации, на территории которых расположена городская агломерация;

Во-вторых, определение состава муниципальных образований городской агломерации, которые должны быть согласованы между Правительствами двух субъектов Российской Федерации, за исключением муниципальных образований, относящихся к городам федерального значения;

В-третьих, подписание соглашения о межмуниципальном сотрудничестве между главами агломерационных муниципальных образований (для Краснодарско-Адыгейской агломерации). Для агло-

Таблица 1

Основные полномочия органов местного самоуправления в градостроительной, инвестиционной и предпринимательской (малое и среднее предпринимательство) деятельности

Полномочия в градостроительной деятельности	Полномочия в инвестиционной деятельности	Полномочия в предпринимательской (малое и среднее предпринимательство) деятельности
– подготовка и утверждение документов территориального планирования муниципального образования (района); – утверждение местных нормативов градостроительного проектирования; – утверждение правил землепользования и застройки соответствующих межселенных территорий; – утверждение документации по планировке территории; – выдача разрешений на строительство, разрешений на ввод объектов в эксплуатацию при осуществлении строительства, реконструкции объектов капитального строительства, расположенных на соответствующих межселенных территориях; – ведение государственных информационных систем обеспечения градостроительной деятельности в части, касающейся осуществления градостроительной деятельности на территориях муниципальных районов, и предоставление сведений, документов и материалов, содержащихся в государственных информационных системах обеспечения градостроительной деятельности	– создание благоприятных условий для развития инвестиционной деятельности; – установление субъектам инвестиционной деятельности льгот по уплате местных налогов; – защита интересов инвесторов; – предоставление субъектам инвестиционной деятельности льготных условий пользования землей и другими природными ресурсами, находящимися в муниципальной собственности; – разработка, утверждение и финансирование инвестиционных проектов, осуществляемых муниципальными образованиями; – проведения экспертизы инвестиционных проектов; – выпуск муниципальных займов; – вовлечение в инвестиционный процесс временно приостановленных и законсервированных строек и объектов, находящихся в муниципальной собственности; – предоставление на конкурсной основе муниципальных гарантий по инвестиционным проектам за счет средств местных бюджетов	– оказание финансовой поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства посредствам предоставления субсидий и бюджетных инвестиций из своего местного бюджета; – имущественная поддержка в виде передачи во владение и (или) в пользование государственного или муниципального имущества на возмездной основе, безвозмездной основе или на льготных условиях в соответствии с государственными и муниципальными программами (подпрограммами); – предоставление информационной и консультационной поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства

Составлено авторами на основе [28; 29; 30].

мераций с городами федерального значения подписывается соглашение о регионально-муниципальном сотрудничестве между Правительством города федерального значения и главами агломерационных муниципальных образований, между которыми также подписывается соглашение о межмуниципальном сотрудничестве;

В-четвёртых, образование Координационного совета городской агломерации, в состав которого должны войти представители Правительств двух субъектов Российской Федерации, главы администраций агломерационных муниципальных образований (за исключением глав местных администраций городов федерального значения), а также представители крупных и крупнейших предприятий, бизнеса, науки и общественности.

Деятельность Координационного совета связывается как с выстраиванием согласованных взаимоотношений между субъектами управления агломерацией в вопросах реализации градостроительных, инфраструктурных и инвестиционных проектов, так и с разработкой и утверждением необходимого инструментария для проведения согласованной агломерационной политики. В частности, ключевым инструментом управления городской агломерацией является территориальный план и стратегия развития городской агломерации, которая должна включать следующие разделы:

1. Формулировка цели – направлена на обеспечение устойчивости и сбалансированности пространственного развития городской агломерации посредством реализации межрегионально-межмуниципальных инфраструктурных проектов с учётом функционального назначения территорий;

2. Анализ внешней среды – оценка федеральных приоритетов развития, а также возможностей и угроз, исходящих из сложившейся международной обстановки;

3. Анализ внутренней среды – оценка уровней и тенденций демографического, социально-экономического, научно-технологического и экологического развития городской агломерации;

4. Выбор стратегических приоритетов развития – определение перспективных направлений развития городской агломерации с учётом её конкурентных преимуществ;

6. Определение плана действий и механизмов реализации стратегии, т.е. конкретных шагов и инструментов, которые необходимо предпринять и реализовать в определённый временной период;

7. Реализация стратегии и её контроль;

8. Проведение анализа промежуточных результатов реализации стратегии, возможная корректировка стратегических приоритетов развития, плана действий и механизмов реализации.

Реализация стратегии развития городской агломерации в межрегиональных условиях основывается на совместной координации исполнительных органов региональной и муниципальной власти в соответствии с их полномочиями и должна выстраиваться на следующих принципах:

– целостности – исходит из понимания о пространственной континуальности городов и населённых пунктов как единой интегрированной формы организации населения и экономики, рационализация пространственной (территориальной) структуры которой осуществляется, с одной стороны, за счёт развития слаборазвитых территорий и политики выравнивания внутриагломерационных социально-экономических диспропорций, а с другой стороны, за счёт устранения дублирующих функций между административно-территориальными единицами в реализации проектов по развитию транспортной, инженерной и производственной инфраструктуры;

– партнёрства – определяется посредством достижения между субъектами управления городской агломерации совместных отношений, основанных на соблюдении принципов равноправия, прозрачности, взаимодополняемости, взаимодоверия, взаимоуважения и взаимовыгоды;

– иерархичности – означает наличие нескольких уровней управления в соответствии с их полномочиями – от муниципального до регионального, которые в совокупности образуют управленческий орган городской агломерации – Координационный совет;

– субсидиарности – исходит из рациональности и эффективности решения определённых вопросов или реализации инфраструктурных проектов субъектами управления (органами региональной и муниципальной власти), включая имеющиеся у них ресурсные возможности и ограничения. Данный принцип предусматривает предоставление «горизонтальных субсидий» между межрегиональными или местными бюджетами с целью софинансирования расходных обязательств в реализации инвестиционных, инфраструктурных, социальных и других проектов. Субсидии могут быть предоставлены из бюджета одного региона в бюджет другого региона (ст. 183.3 Федерального закона от 02.08.2019 г. № 307-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в целях совершенствования межбюджетных отношений» [31]) или из бюджета одного муниципального образования в бюджет другого муниципального образования, в т.ч. в целях обеспечения реализации соглашения о межмуниципальном сотрудничестве (ст. 142.3 Бюджетного кодекса Российской Федерации [32]). Т.е. в городских агломерациях с городами федерального значения предоставление органами государственной власти города федерального значения «горизонтальной субсидии» органам местного самоуправления соседнего региона (или наоборот) возможно через региональный бюджет соседнего региона;

– адаптивности – предусматривает способность субъектов управления городской агломерации оперативно реагировать на меняющиеся условия внешней и внутренней среды и, исходя из этого, принимать эффективные решения и коррективы в реализации стратегических приоритетов развития.

Таким образом, в результате проведённого исследования было определено, что управление городскими агломерациями межрегионального типа основывается на комплексном сотрудничестве и взаимодействии между региональными и муниципальными органами государственной власти – межрегионально-межмуниципальной модели управления, которая в классическом виде может быть применима в Краснодарско-Адыгейской агломерации. Три другие межрегиональные агломерации – Московская, Санкт-Петербургская и Симферопольско-Севастопольская включают в свой состав города федерального значения, органы местного самоуправления внутригородских территорий которых имеют ограниченные властные полномочия, связанные с вопросами местного значения по обеспечению жизнедеятельности населения, в отличие от органов местного самоуправления в регионах (субъектах Российской Федерации), имеющих ряд полномочий в градостроительной, инвестиционной и предпринимательской деятельности. В результате механизм управления такими агломерациями выстраивается на основе сотрудничества между региональными органами государственной власти города федерального значения и муниципальными органами государственной власти соседнего субъекта Российской Федерации, которые также взаимодействуют друг с другом в форме межмуниципального сотрудничества в пределах городской агломерации и координируются органом региональной власти соответствующего субъекта Российской Федерации.

Управление городскими агломерациями межрегионального типа необходимо осуществлять на базе создания в них Координационных советов, в сферу деятельности которых должна входить разработка и утверждение документов стратегического планирования, и проведение на их основе агломерационной политики с учётом соблюдения принципов целостности, партнёрства, иерархичности, субсидиарности и адаптивности.

Литература:

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.12.2024 г. № 4146-р «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года». URL: http://static.government.ru/media/acts/files/1202501060001.pdf (дата обращения 10.11.2025).
2. Косарева Н.Б., Полиди Т.Д., Пузанов А.С. Экономическая урбанизация. М.: Фонд «Институт экономики города», 2018. 418 с.
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 г. № 207-р «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». URL: http://static.government.ru/media/files/UVAlqUtT08o60RktoOXl22JjAe7irNxc.pdf (дата обращения 10.11.2025).
4. Шугрина Е.С., Миронова Г.В. Общая характеристика российских агломераций: соотношение de juro и de facto // Местное право. 2018. № 1. С. 3–24.
5. Волчкова И.В., Минаев Н.Н. Модели управления агломерациями: международный опыт и российская практика // Экономические науки. 2013. № 108. С. 53–57.
6. Маркварт Э., Петухов Р.В. Организационно-правовые модели управления агломерацией // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2016. № 3. С. 12–27.
7. Мусинова Н.Н., Попадюк Н.К. Организация управления городской агломерацией: поиск решений // Вестник университета. 2018. № 7. С. 12–15. DOI: 10.26425/1816-4277-2018-7-12-15.
8. Лисина Н.Л., Ушакова А.П., Баев В.Д., Назарян М.Г. Модели управления развитием городских агломераций в России: юридический анализ // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2023. Т. 7. № 4 (28). С. 484–495. DOI: 10.21603/2542-1840-2023-7-4-484-495.
9. Швецов А.Н. Управление городскими агломерациями: организационно-правовые варианты // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 1. С. 19–30. DOI: 10.14530/reg.2018.1.19.
10. Бавина К.В., Лабушкина И.Е. Проблемы законодательного регулирования городских агломераций в России // Вестник экспертного совета. 2019. № 4 (19). С. 60–64.
11. Ильиных А.В. Городские агломерации в муниципально-территориальной организации: каким должно быть нормативно-правовое регулирование? // Государство и право. 2020. № 2. С. 184–188. DOI: 10.31857/S013207690008556-3.
12. Одинцова А.В. Городские агломерации: объективные основы формирования и проблемы институционализации в России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 5. С. 57–79. DOI: 10.52180/2073-6487_2021_5_57_79.

13. Соболев С.А. Формирование инструментария стратегического планирования для управления развитием российских агломераций // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2023. № 2. С. 75–87. DOI: 10.25198/2077-7175-2023-2-75.
14. Фролкина Е.Ю. Принципы стратегического планирования развития городских агломераций // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9 (237). С. 248–251. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_9_248.
15. Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. Смогут ли агломерации поднять экономику России? // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2025. № 1. С. 7–26. DOI: 10.24412/2071-6435-2025-1-7-26.
16. Соглашение от 15.02.2018 г. № 31 между Правительством Московской области и Правительством Москвы о стратегическом развитии Московского региона. URL: https://mosreg.ru/dokumenty/normotvorchestvo/perechen-dogovorov-i-soglasheniy-mo/2018-god/14-03-2018-12-04-11-soglashenie-ot-15-02-2018-31-mezhdu-pravitelstvom?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 12.11.2025).
17. Соглашение от 08.11.2017 г. № 77-992 между Правительством Москвы и Правительством Московской области о торгово-экономическом, научно-техническом, социально-культурном и социально-экологическом сотрудничестве. URL: https://www.mos.ru/authority/documents/doc/37310220/ (дата обращения: 20.05.2025).
18. Стратегия развития транспортной системы г. Москвы и Московской области на период до 2035 года. URL: https://www.mos.ru/dt/documents/dokumenti/view/263028220/ (дата обращения: 12.11.2025).
19. Соглашение № ДГИ-С-3/21/59 от 08.07.2021 г. о взаимодействии Правительства Москвы и Правительства Московской области. URL: https://mosreg.ru/dokumenty/normotvorchestvo/perechen-dogovorov-i-soglasheniy-mo/2021-god/03-03-2022-16-37-44-soglashenie-dgi-s-3-21-59-ot-08-07-2021-o-vzaimode (дата обращения: 12.11.2025).
20. Соглашение от 19.04.2005 г. № 12-с между Санкт-Петербургом и Ленинградской областью о сотрудничестве в торгово-экономической, научно-технической, культурной и социальной областях. Комитет по внешним связям Ленинградской области. URL: https://kvs.lenobl.ru/media/uploads/userfiles/2022/04/13/Соглашение_СПб-ЛО_2005_г._рамочное_cQSH19J.pdf (дата обращения: 13.11.2025).
21. Концепция комплексного развития территорий Ленинградской области, прилегающих к границам Санкт-Петербурга. СПб.: Фонд «ЦСР «Северо-Запад» для Правительства Ленинградской области. 2014. 115 с.
22. Стратегия развития транспортной системы Санкт-Петербурга и Ленинградской области до 2030 года. URL: https://www.gov.spb.ru/press/governor/232157/ (дата обращения 13.11.2025).
23. Концепция совместного градостроительного развития Санкт-Петербурга и территории Ленинградской области (агломерация) на период до 2030 года и с перспективой до 2050 года. Основные положения. URL: https://arch.lenobl.ru/media/uploads/userfiles/2018/11/22/%D0%9A_%D0%9A%D0%BE%D1%80_%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%82%D1%83_11.07.2018.pdf (дата обращения 13.11.2025).
24. Закон Краснодарского края от 21.12.2018 г. № 3930-КЗ «О Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года». Принят Законодательным Собранием Краснодарского края 11.12.2018 г. URL: https://mintekgkh.krasnodar.ru/upload/iblock/1de/Zakon_KK_3930_KZ_ot_21.12.2018_o_strategii_sotsialno_ekonomicheskogo_razvitiya_KK_do_2030_goda.pdf (дата обращения: 16.11.2025).
25. Постановление Кабинета Министров Республики Адыгея от 26.12.2018 г. № 286 «Стратегия социально-экономического развития Республики Адыгея до 2030 г.». URL: http://www.adygheya.ru/ministers/departments/ministerstvo-ekonomicheskogo-razvitiya-i-torgovli/zagruzki/%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D1%8F%20%D0%B4%D0%BE%202030%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0.pdf (дата обращения: 16.11.2025).
26. Соглашение от 09.11.2018 г. между Правительством Севастополя и Советом Министров Республики Крым о сотрудничестве в торгово-экономической, научно-технической, культурной, социальной и иных областях. URL: https://sev.gov.ru/docs/256/62947/ (дата обращения: 16.11.2025).
27. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс.
28. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 190-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс.
29. Федеральный закон от 24.07.2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
30. Федеральный закон от 25.02.1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // СПС КонсультантПлюс.
31. Федеральный закон от 02.08.2019 г. № 307-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в целях совершенствования межбюджетных отношений» // СПС КонсультантПлюс.
32. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 г. № 145-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

Organizational Model and Mechanism for Managing Interregional Urban Agglomerations

Dvas G.V., Busheneva Yu.I., Olifir D.I.
Pushkin Leningrad State University

Urban agglomeration management is aimed at realizing the socioeconomic potential of territories influenced by positive agglomeration effects. The complexity of organizing the management of interregional agglomerations (Moscow, St. Petersburg, Krasnodar-Adygea, and Simferopol-Sevastopol) lies in the integration of two main forms of cooperation – intermunicipal and interregional. In interregional agglomerations, including cities of federal significance, the organizational management model should also take into account the difference in management powers between the local governments of the federal city and the adjacent constituent entity of the Russian Federation. The aim of this article is to define an organizational model and management mechanism for interregional urban agglomerations. The scientific significance of the work lies in the development of the theoretical and methodological foundations of state and municipal administration in the field of interregional cooperation by developing a form, model, and mechanism for managing an interregional agglomeration. The research materials can be used in the activities of regional and municipal government bodies. The value and scientific novelty of the conducted research is associated with the assessment of agglomeration relationships between two subjects of the Russian Federation within interregional agglomerations, which is based on the analysis of strategic planning documents, the substantiation of a contractual interregional-intermunicipal organizational model for managing interregional agglomerations, the allocation of key powers of local governments in cities of federal significance and in the subjects of the Russian Federation, the proposed version of legal registration and the mechanism for managing interregional agglomerations.

Keywords: interregional urban agglomerations, strategic planning documents, interregional cooperation, intermunicipal cooperation, interregional-intermunicipal model, principles of agglomeration management

УДК 338
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-56-60

Актуальные угрозы финансовой безопасности РФ и их влияние на развитие рынка казначейских услуг

Квасников В.А.
Руководитель Управления Федерального казначейства по Самарской области (Самара)

Целью представленной статьи является выявление и классификация актуальных угроз финансовой безопасности Российской Федерации и раскрытие роли Казначейства России в процессе управления государственными финансами. На фоне отмеченного количественного и качественного роста угроз финансовой безопасности исследователь указывает на высокие адаптационные способности Федерального казначейства и адекватность его правоприменительной деятельности современным социально-экономическим реалиям. В работе обосновывается необходимость внедрения в процесс управления публичными финансами и финансового контроля информационно-цифровых технологий и ИИ, позволяющих повысить финансовую дисциплину, прозрачность использования бюджетных средств и их доступность для российских хозяйствующих субъектов.

В процессе достижения поставленной цели исследования использовались системный и доказательный подходы, а также ретроспективный, функциональный и сравнительный анализы.

Научная новизна работы заключается в уточнении понятия «финансовая безопасность» и объекта её охраны, а также в определении ключевых трендов трансформации отечественного рынка казначейских услуг в условиях повышенной турбулентности экономической среды и беспрецедентного внешнего давления.

Ключевые слова: *геоэкономическая турбулентность, финансовая безопасность, угрозы финансовой безопасности, рынок казначейских услуг, казначейское сопровождение*

Для цитирования: *Квасников В.А. Актуальные угрозы финансовой безопасности РФ и их влияние на развитие рынка казначейских услуг // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 56–60. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-56-60.*

Проблема обеспечения экономической безопасности в условиях текущих повышенных геополитической и геоэкономической турбулентностей является ключевой для любого государства и в значительной мере предопределяет степень его суверенности и конкурентоспособность национальной экономики на глобальном рынке. И с учетом того, что сегодня финансы выступают в качестве важнейшего элемента экономической системы и уже многие столетия считаются «кровью государства» [1], степень их защищённости от потенциальных и реальных угроз напрямую влияет как на состояние безопасности экономики страны, так и на национальную безопасность в целом, демонстрируя корреляционную связь и взаимозависимость всех компонентов последней.

В то же время Российская Федерация, наряду с указанными выше общими для всех государств системными угрозами финансовой и экономической безопасности, в настоящее время опциально

подвержена рискам и вызовам, спровоцированным введенными коллективным Западом политически мотивированными санкциями и издержками проводимой Специальной военной операцией (СВО). И хотя российская экономика в условиях действия беспрецедентных по объему рестрикций и ограничений продемонстрировала высокую устойчивость своей банковско-финансовой системы и, вопреки большинству прогнозов, смогла не допустить дестабилизации национального финансового рынка, достижение этих целей потребовало привлечения значительных дополнительных ресурсов и концентрации усилий всей системы государственно-муниципального управления, включая Федеральное казначейство.

Научно-методические подходы к оценке категории «финансовая безопасность» и классификация актуальных угроз финансовой безопасности России

Являясь неотъемлемой частью национальной системы экономической безопасности, финансовая безопасность имеет обособленный объект охраны – финансовую систему государства, а также отношения и социально-экономические процессы, возникающие между экономическими агентами по поводу формирования, аккумулирования, распределения и использования финансовых ресурсов.

В российском научном сообществе в настоящее время не выработано единого и общепринятого определения категории «финансовая безопасность», и в информационном пространстве мы можем встретить различные трактовки этого понятия. Так, исследователь М. Арсентьев рассматривает финансовую безопасность в качестве «составляющей части экономической безопасности страны, основанной на независимости, эффективности и конкурентоспособности финансово-кредитной сферы России, выраженной через систему критериев и показателей ее состояния, характеризующих сбалансированность финансов, достаточную ликвидность активов и наличие необходимых денежных, валютных, золотых и других резервов» [2]. А профессор О.А. Галочкина определяет данную научную дефиницию как «обеспечение такого развития финансовой системы, финансовых отношений и процессов в экономике, при котором создаются финансовые условия, необходимые для социально-экономической и финансовой стабильности развития страны, сохранения целостности и единства финансовой системы, успешного преодоления внутренних и внешних угроз России в финансовой сфере» [3]. В то время как известный российский ученый и государственный деятель В.К. Сенчагов трактовал финансовую безопасность как «обеспечение такого уровня развития финансовой системы и финансовых отношений и процессов в экономике, при которых создаются необходимые условия для социально-экономической и финансовой стабильности развития страны, сохранения целостности и единства финансовой системы (включая денежную, бюджетную, кредитную, налоговую и валютную системы), успешного преодоления внутренних и внешних угроз страны (России) в финансовой сфере» [4].

Обобщая вышеуказанные точки зрения, а также мнения иных уважаемых коллег, не упомянутые нами в силу ограниченности выбранного формата данной работы, в дальнейшем предлагаем рассматривать финансовую безопасность РФ как состояние её финансовой системы, при котором обеспечиваются необходимая устойчивость и поступательный рост российской экономики, а также эффективно реализуются заявленные национальные цели развития.

Финансовая безопасность нашего государства перманентно подвергается разнонаправленному воздействию внешней и внутренней среды, привносящему в том числе и негативные факторы в процесс социально-экономического развития, снижающие уровень защищенности и устойчивости финансовой системы и дестабилизирующие бюджетно-налоговую и банковскую системы [5, с. 218], а также затрудняющие денежное обращение между субъектами экономических отношений как на внутреннем, так и на внешнем рынках. Алгоритм противодействия и нивелирования негативного влияния актуальных вызовов финансовой безопасности РФ направлен на своевременное обнаружение потенциальных угроз и недопущение их перерастания в реальные и состоит из следующих этапов: проведение комплексного анализа текущего состояния глобального и национального рынков; выявление формирующихся и существующих угроз устойчивости российской финансовой системы; определение их источников; оценка характера каждой конкретной угрозы и вероятности её наступления; прогнозирование масштаба предполагаемого ущерба; разработка и реализация мер противодействия.

Как и все иные виды угроз, существующие угрозы финансовой безопасности России классифицируются по многим основаниям, однако для раскрытия заявленной темы настоящей статьи мы ограничимся только их сепарацией на внутренние и внешние, отмечая при этом их корреляционную связь и взаимозависимость. Также необходимо учесть тот факт, что внешние угрозы зарождаются и существуют во внешней среде и практически не подвержены встречному управляющему воздействию. В то время как внутренние угрозы генерируются в границах самого государства и формируются в процессах финансово-хозяйственной деятельности отечественных субъектов экономики и государственного управления, а значит, входят в сферу регулирования последнего. При этом, на наш взгляд, нельзя однозначно говорить об устойчивом

и продолжительном превалировании воздействия какого-либо типа угроз на российскую финансовую систему и степень их влияния постоянно изменяется с учетом трансформации геоэкономической среды и её высокой турбулентности.

И хотя на сегодня российская финансовая сфера так и не смогла справиться с системными внутренними вызовами, вызванными незрелостью отечественных финансовых институтов, недостатком денежной массы, высокой стоимости кредитов, и т.д., в современных реалиях наибольшую опасность для неё несут именно внешние угрозы [6], «стандартный» набор которых дополнен издержками санкционной войны и проводимой СВО, на наш взгляд, являющейся адекватной реакцией на экзогенное воздействие.

Западные санкции существенно ограничили доступ нашего государства и российских хозяйствующих субъектов к глобальному финансовому рынку и мировым инвестиционным ресурсам, параллельно «заморозив» значительную часть суверенных золотовалютных резервов, окончательное изъятие которых для стран Старого Света стало мейнстримом уходящего 2025 г. Отключение почти всех российских финансовых институтов от *SWIFT* существенно увеличило транзакционные издержки отечественных товаропроизводителей, а уход из страны платежных систем «*Visa*» и «*MasterCard*» лишил россиян свободного доступа к международной финансово-платежной инфраструктуре. Кроме того, значимой угрозой финансовой безопасности России на сегодня является турбулентность ценовой конъюнктуры на мировых рынках сырья и энергоносителей, размер доходов от продажи которых в значительной мере влияет на наполняемость государственного бюджета и устойчивость экономической системы.

При этом продолжающаяся СВО также требует бесперебойного ресурсного обеспечения, создавая для консолидированного бюджета значительную и ранее не существовавшую нагрузку, компенсация которой привела к увеличению налогового давления на граждан и отечественный бизнес, а также к перераспределению ранее запланированных на поддержку ключевых сфер экономики средств в пользу ОПК и связанных с ним предприятий. Одновременно мы наблюдаем рост государственного долга, возрастание бюджетного дефицита и истощение суверенных стабилизационных фондов, что, в свою очередь, формирует новые риски для российской финансовой системы и является дополнительным источником потенциальных угроз её безопасности, нейтрализация которых требует дополнительных усилий российского государства и субъектов экономики.

Основные направления развития российского рынка казначейских услуг в условиях повышенной неопределенности экономической среды 2026 г.

Заложенная в основу хозяйственной деятельности экономическая конечность и ограниченность ресурсов вынуждает субъектов финансово-хозяйственной деятельности расставлять приоритеты и постоянно «делать выбор между различными способами использования средств» [7]. И данный подход равным образом распространяется на Российскую Федерацию, планирующую осуществлять в 2026 г. свои функции в условиях дефицита консолидированного бюджета в 1,6 % или 3,8 трлн руб. [8], что, в свою очередь, предопределяет необходимость усиления контроля и повышения эффективности использования значительных (44,1 трлн руб.), но всё же полностью не закрывающих потребности общества государственных финансов.

В настоящее время федеральным органом исполнительной власти уполномоченным осуществлять «правоприменительные функции по обеспечению исполнения федерального бюджета, кассовому обслуживанию исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, предварительному и текущему контролю за ведением операций со средствами федерального бюджета главными распорядителями, распорядителями и получателями средств федерального бюджета», является Федеральное казначейство (Казначейство России) [9], также являющееся «транзакционной, учетной, контрольной, информационной системой в области финансовой деятельности публично-правовых образований» [10] и оказывающей последним комплекс услуг, включающих в себя: «методологическое и методическое обеспечение; организацию исполнения федерального бюджета; проведение казначейских платежей; казначейское обслуживание; учет и распределение поступлений; осуществление отдельных функций финансовых органов; управление финансовыми ресурсами; осуществление деятельности по контролю и надзору в финансово-бюджетной сфере и исполнению аналитических полномочий; ведение казначейского учета и составление бюджетной, казначейской отчетности; внешний контроль деятельности аудиторских организаций, оказывающих аудиторские услуги общественно значимым организациям; контроль (надзор) в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения в отношении аудиторских организаций, оказывающих аудиторские услуги общественно значимым организациям; создание, развитие, ведение, эксплуатация и обслуживание государственных информационных систем; производство по делам об административных правонарушениях; осуществление иных функций в установленной сфере деятельности» [9].

Высокая турбулентность экономической среды и планируемый в краткосрочной перспективе дефицит государственного бюджета определили направления трансформации рынка казначейских услуг на ближайшие годы, главной целью которой стало совершенствование механизма контроля и повышение эффективности использования бюджетных средств. В рамках «Плана деятельности Федерального казначейства на 2025 год и плановый период 2026–2030 годов» в его работу были внесены следующие изменения:

– расширилась практика применения казначейского сопровождения (далее – КС), и с 2025 г. ему подлежат все госконтракты стоимостью более 100 млн руб., заключаемые в рамках гособоронзаказа (ГОЗ) с единственным поставщиком, определяемым по п. 2 ч. 1 ст. 93 Федерального закона от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», а также расчеты по госконтрактам, заключаемым в целях исполнения указанных контрактов на сумму более 3 млн руб. и госконтракты, связанные с реализацией нацпроектов, вне зависимости от их цены;

– с 2025 г. всю документацию, затрагивающую КС, следует подавать через систему «Электронный бюджет», что снижает время на обработку заявлений и вероятность ошибок;

– внедрены новые контрольные механизмы над расходованием целевых средств, в том числе автоматизированная оценка операций и аудиты, проводимые территориальными органами Федерального казначейства.

В наступающем 2026 г. также запланировано значительное число организационно-методических мероприятий, в том числе:

– дальнейшее развитие платежных сервисов ФК и завершение перехода на прием казначейских платежей с использованием системы быстрых платежей;

– внедрение новой модели бухгалтерского учета в системе казначейских платежей и продвижение моделей централизации бухгалтерского учета в организациях;

– завершение подготовки к выполнению ФК функции агента валютного контроля;

– цифровизация в ГИС ЕИС в сфере закупок малого объема и обеспечение фиксации в ГИС «Независимый регистратор» событий при их осуществлении;

– расширение практики казначейского сопровождения электронного бюджета;

– регулярное проведение анализа государственных и муниципальных закупок на предмет их эффективности и результативности с применением возможностей модуля «Риск-мониторинг» ГИС ЕИС в сфере закупок [10].

Заключение:

1. На фоне количественного и качественного роста угроз финансовой безопасности РФ необходимо признать, что наиболее «чувствительные» из них на сегодня исходят из почти не подверженной встречному управляющему воздействию внешней среды. Единственным способом нивелирования их негативного влияния на отечественную финансовую систему является укрепление потенциала и балансировка всех её звеньев, а также повышение эффективности работы государственных органов, включая Федеральное казначейство.

2. Казначейство России в условиях повышенной геоэкономической турбулентности демонстрирует высокие адаптационные способности и сегодня адекватно реагирует на стремительно изменяющуюся среду функционирования, акцентируя внимание как на повышении операционной эффективности собственной правоприменительной деятельности, так и на увеличении результативных показателей использования государственных финансов.

3. На фоне расширения и централизации функций Федерального казначейства ключевым трендом трансформации рынка казначейских услуг на сегодня является повсеместное внедрение в процесс управления публичными финансами и финансового контроля информационно-цифровых технологий и ИИ, позволяющих повысить финансовую дисциплину, прозрачность использования бюджетных средств и их доступность для российских хозяйствующих субъектов.

Литература:

1. Гоббс Т. Левиафан или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Предисл. и ред. А. Ческиса. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1936. 503 с.
2. Арсентьев М. Финансовая безопасность России // Обозреватель – Observer. 2015. № 8. С. 13–19. URL: http://old.nasledie.ru/oboz/N08_00/08_21.HTM

3. Галочкина О.А. Проблемы обеспечения финансовой безопасности // Социально-экономические проблемы развития России и процессы глобализации: потенциал возможного. Материалы Межд. науч.-практ. конф. Под науч. ред. А.Ю. Румянцевой [и др.]; СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та технологий управления и экономики, 2017. С. 137–142.
4. Сенчагов В.К. Экономическая безопасность России: общий курс. М.: Дело, 2005. 896 с.
5. Экономическая безопасность в новой реальности. Теория и методология / [О.А. Миронова и др.]; под ред. О.А. Мироновой, В.Л. Поздеева. М.: ЮНИТИ-Дана, 2024. 407 с.
6. Шлычков В.В., Нестулаева Д.Р. Экономика России 2026: актуальные риски и угрозы развития // Управление устойчивым развитием. 2025. № 5 (60). С. 14–20.
7. «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее / Под общ. ред. Р.М. Нуреева. М.: ГУ-ВШЭ, 2007. 321 с.
8. Принят закон о федеральном бюджете на 2026-2028 годы. URL: http://duma.gov.ru/news/62504/
9. Постановлением Правительства РФ от 01.12.2004 г. № 703 «Положение о федеральном казначействе». URL: http://archive.government.ru/power/78/base.html
10. О Казначействе // Официальный сайт Федерального казначейства. URL: https://roskazna.gov.ru/o-kaznachejstve

Current Threats to the Financial Security of the Russian Federation and their Impact on the Development of Treasury Services Market

Kvasnikov V.A.
Department of the Federal Treasury for the Samara region (Samara)

The purpose of this article is to identify and classify current threats to the financial security of the Russian Federation and to reveal the role of the Russian Treasury in the process of public finance management. Against the background of noted quantitative and qualitative growth of financial security threats, the researcher points out the high adaptive abilities of the Federal Treasury and the adequacy of its law enforcement activities to modern socio-economic realities.

The paper substantiates the need to introduce information and digital technologies and AI into the process of public finance management and financial control, which can enhance financial discipline, transparency in the use of budget funds, and their accessibility for Russian economic entities.

In achieving the research objective, the author used systematic and evidence-based approaches, as well as retrospective, functional, and comparative analyses, deduction, and induction.

The scientific novelty of the work lies in clarifying the concept of "financial security" and the object of its protection, as well as in identifying key trends in the transformation of the domestic treasury services market under conditions of increased economic turbulence and unprecedented external pressure.

Keywords: geo-economic turbulence, financial security, threats to financial security, treasury services market, treasury support

УДК 35.08
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-61-67

Цифровые коммуникации органов государственной власти и общества: вопросы повышения эффективности

Ким О.Л.
Доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина

Фугалевич Е.В.
Доцент кафедры государственного и территориального управления Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Кокорева В.Н.
Специалист 1-й категории отдела по работе с обращениями граждан и организаций Комитета по тарифам Санкт-Петербурга

В данной статье рассматриваются современные цифровые технологии, выступающие способами коммуникаций между органами государственной власти и обществом; роль цифровых коммуникаций в повышении открытости, доступности государственных и муниципальных услуг и вовлеченности граждан в управление; а также проблемы эффективности данных коммуникаций. Актуальность исследования обусловлена необходимостью адаптации государственных институтов к цифровой эпохе: в условиях глобальных вызовов и цифровой трансформации общества исследование вопросов повышения эффективности цифровых коммуникаций становится ключевым для формирования эффективной, прозрачной и ответственной системы взаимодействия между государством и гражданами.

Целью работы выступает диагностика системных проблем цифровых коммуникаций органов государственной власти с обществом и разработка конкретных мер по повышению их эффективности. В рамках исследования были определены задачи анализа динамики ключевых количественных показателей цифровизации; оценки качественных параметров коммуникации (доверие, диалог, обратная связь) на основе данных социологических исследований и контент-анализа; выявления дисфункций действующей модели взаимодействия органов власти и населения; а также формулирования стратегических направлений её трансформации. Научная ценность проведённого исследования заключается в комплексной ретроспективной оценке эффективности цифро-

вых коммуникаций на основе триангуляции данных из официальных, социологических и контент-аналитических источников.

Практическая значимость работы состоит в разработке адресных мер по переходу к диалоговой и клиентоориентированной парадигме взаимодействия, включающей адресные меры по изменению системы KPI (ключевые показатели эффективности), внедрению проактивного диалога и технологизации обратной связи.

Ключевые слова: *органы власти, связи с общественностью, public relations в органах власти, цифровые коммуникации, социальные сети, эффективность коммуникаций органов государственной власти и общества*

Для цитирования: *Ким О.Л., Фугалевич Е.В., Кокорева В.Н. Цифровые коммуникации органов государственной власти и общества: вопросы повышения эффективности // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 61–67. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-61-67.*

Цифровые коммуникации органов государственной власти и общества выступают важнейшим инструментом современного управления и взаимодействия. В условиях быстро развивающихся технологий и роста информационной среды, эффективность коммуникаций напрямую влияет на качество предоставляемых государственных и муниципальных услуг, уровень доверия граждан и прозрачность деятельности государственных структур.

Организацией Объединённых Наций начиная с 2003 г. стал проводиться расчёт индекса развития электронного правительства (*EGDI*) и раз в два года представляться рейтинг стран. Данный индекс – это своего рода отчёт Департамента экономического и социального развития ООН (*UN DESA*), в котором представлен сравнительный анализ развития цифровых правительств среди стран мира, выступающий одним из ключевых индикаторов развития информационного общества в странах мира (табл. 1) [1].

Индекс рассчитывается из трёх компонентов [1]:

– Индекс телекоммуникационной инфраструктуры (*TII*), отражающий уровень доступности интернета для жителей.

– Индекс человеческого капитала (*HCI*), который рассчитывается исходя из уровня грамотности и образования населения.

– Индекс онлайн-услуг (*OSI*), отражающий степень развития государственных электронных сервисов.

Не вдаваясь в многолетнюю ретроспективу, проанализируем результаты вышеуказанного рейтинга за последние 10 лет.

В июле 2018 г. была опубликована очередная редакция рейтинга стран мира с наибольшим уровнем развития электронного правительства. Россия в этом списке поднялась на три места – с 35-го в 2016 г. на 32-е в 2018 г. из 193 стран [1].

По итогам очередного выпуска глобального рейтинга ООН по развитию электронного правительства в 2020 г. Россия заняла 36-е место, что на четыре позиции ниже, чем в 2016 г. Однако по уровню развития электронного правительства Россия опередила Китай, который на тот момент занимал 45-е место в списке [1]. В рейтинге 2022 г. Россия располагалась на 42-й позиции и опередила такие государства, как Хорватия (44-е место), Чехия (45-е место), Украина (46-е место), Словакия (47-е место). Но отставала от таких стран как Сербия (40-е место), Бельгия (39-е место) и Португалия (38-е место). Для сравнения: сохранившая первое место в рейтинге Дания получила 0,97 балла, а лидер в азиатском регионе Южная Корея – 0,95 [1].

В рейтинге 2024 г. Россия расположилась на 43-м месте среди 193 стран с показателем индекса уровня развития электронного правительства 0,85, тогда как в 2022 г. она находилась на 42-й позиции с результатом в 0,82 балла [1].

Таблица 1

Индекс развития электронного правительства России за период 2003–2024 гг.

Наименование индексов входящих в (*EGDI*)	2024	2022	2020	2018	2016	2014	2012	2010	2008	2005	2004	2003
(TII)	0,95	0,81	0,77	0,62	0,61	0,64	0,66	0,28	0,25	0,19	0,19	0,18
HCI	0,83	0,91	0,88	0,85	0,82	0,84	0,88	0,94	0,96	0,95	0,93	0,92
OSI	0,78	0,74	0,82	0,92	0,73	0,71	0,66	0,33	0,33	0,45	0,39	0,22
Индекс электронного участия	0,64	0,6	0,87	0,92	0,75	0,69	0,66	0,13	0,09	0,14	0,21	0,05
EGDI Средневзвешенный	0,85	0,82	0,82	0,8	0,72	0,73	0,73	0,51	0,51	0,53	0,5	0,44

Однако отметим, что показатели России заметно выше среднемирового уровня, который составляет 0,61.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что цифровые технологии в России не стоят на месте и имеют тенденцию к развитию.

Период 2019–2024 гг. стал этапом интенсивной цифровой трансформации государственного управления в России, характеризующейся последовательной реализацией положений Федерального закона от 27.07.2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [2]. В рамках реализации национальной программы «Цифровая экономика» были созданы мощные цифровые инфраструктуры, такие как государственная информационная система «Единая система идентификации и аутентификации» (Госуслуги. Ключ), федеральная государственная информационная система «Единый портал государственных и муниципальных услуг», Система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), национальная система управления данными (НСУД), ключевой из них, по мнению авторов, выступает портал «Госуслуги»; социальные сети институционализированы как основной канал оперативной коммуникации [3]. К 2024 г. количественные показатели этого процесса достигли рекордных значений: количество пользователей портала «Госуслуги» за последние 6 лет увеличилось с 76 млн до 115 млн чел. (период 2019–2024 гг.), в 2019 г. на портале было оказано более 152 млн услуг, а к концу 2024 г. – более 600 млн услуг, совокупная аудитория официальных аккаунтов властей в социальных сетях в 2019 г. составила порядка 15 млн, в 2024 г. совокупное количество подписчиков составило примерно 55 млн [4–7]. Однако, как демонстрируют данные многолетних социологических измерений [8], наблюдаемый количественный рост не привёл к качественному взаимодействию и глубине взаимоотношений между властью и обществом, не трансформировался в капитал доверия и взаимопонимания, также отметим, что, несмотря на беспрецедентный количественный рост цифровой инфраструктуры, качественные показатели (доверие, уровень диалога, вовлеченность) остаются стагнирующими. В связи с этим проблема системной неэффективности цифровых механизмов связей с общественностью, их неспособность выполнять свою ключевую функцию по построению диалога и укреплению легитимности выходит на первый план и становится ключевым вызовом для государственного управления в цифровую эпоху [9; 10].

Таким образом, целью статьи является анализ полного массива данных за 2019–2024 гг., диагностика глубинных причин низкой эффективности цифровых коммуникаций органов власти и населения, по результатам которого в дальнейшем предлагаются конкретные пути перехода к обновлённой, результативной парадигме.

Достоверность выводов настоящего исследования обеспечивается за счёт последовательной триангуляции данных, полученных из трёх взаимодополняющих источников [11]:

– во-первых, это анализ официальной ведомственной статистики, содержащейся в ежегодных отчётах Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации;

– во-вторых, привлечены данные лонгитюдных (продолжительных) исследований, проводимых авторитетными социологическими службами – ВЦИОМ (Всероссийский центр изучения общественного мнения) и ФОМ (Фонд общественного мнения), что позволяет отслеживать динамику такого сложного показателя, как доверие к институтам власти, и фиксировать паттерны использования цифровых сервисов населением в ретроспективе [12; 13];

– в-третьих, для оценки реальных практик взаимодействия был проведён сравнительный контент-анализ при помощи аналитического сайта *Popsters*, в рамках которого была изучена активность в официальных аккаунтах ключевых органов власти (Правительство Москвы, Правительство Московской области, Администрация Санкт-Петербурга, Минобрнауки России) в социальной сети «ВКонтакте» [8; 14–16].

Проведённый анализ данных за шестилетний период позволяет со всей очевидностью констатировать формирование устойчивого и системного разрыва между масштабными ресурсными вложениями в цифровизацию и реальной отдачей этих инвестиций в сфере коммуникаций.

С одной стороны, мы наблюдаем впечатляющие результаты количественного роста: аудитория портала «Госуслуги» за период с 2019 по 2024 гг. увеличилась на 70 %, достигнув с 66 до 112 млн пользователей, что фактически означает охват всего взрослого населения страны (рис. 1).

Также отметим, что номенклатура доступных электронных услуг расширилась (произошло уве-

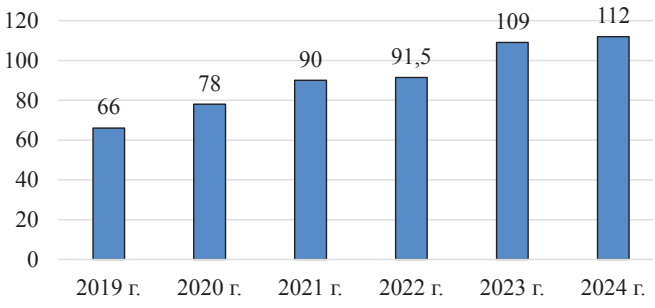

Рис. 1. Статистические данные повышения количества зарегистрированных пользователей портала «Госуслуги» за период с 2019 по 2024 гг., млн чел. [5; 6; 9; 11; 13]

Составлена авторами.

личение количества государственных и муниципальных услуг в 5 раз с 2019 г. по 2024 г.), а именно в 2019 г. насчитывалось 310 доступных услуг (110 федеральных и 200 региональных/муниципальных), а к 2024 г. количество доступных услуг увеличилось до 1600 [10; 17], включая такие социально значимые, как оформление пособий и запись в образовательные учреждения. Также бюджетные ассигнования на цели цифровизации возросли на 157 % по сравнению с 2019 г., составив в 2024 г. около 900 млрд руб., а совокупная аудитория официальных аккаунтов в социальных сетях выросла в 3,7 раза, достигнув 55 млн подписчиков и превратив их в один из крупнейших медиаканалов страны [4; 5].

Эти показатели, безусловно, свидетельствуют о беспрецедентном успехе в построении мощной цифровой инфраструктуры.

Однако, с другой стороны, качественные показатели, отражающие суть коммуникации – доверие, диалог, обратная связь – демонстрируют тревожную стагнацию или даже отрицательную динамику. Уровень доверия к Правительству РФ, согласно данным ВЦИОМ, на протяжении всех шести лет колебался в узком коридоре 47–50 %, не показав статистически значимой положительной корреляции с ростом цифрового присутствия, и по итогам 2024 г. остался на отметке около 47 % [13]. Более того, углублённый контент-анализ, проведенный при помощи программы *Popsters*, выявил, что доля диалоговых форматов в коммуникации органов власти не только мала, но и сократилась (рис. 2).

Основываясь на результатах контент-анализа данных, проведённого через *Popsters*, показатель вовлеченности (*Engagement Rate*) стагнирует на критически низком уровне 0,5–0,7 %, что связано с выявленной проблемой сокращения коммуникации. Наиболее явным проявлением кризиса является формализм обратной связи: лишь каждое пятое обращение гражданина в комментариях или на специализированных порталах получает содержательный, нешаблонный ответ, в то время как остальные тонут в потоке стандартных отписок, что трансформирует потенциальный канал диалога в инструмент

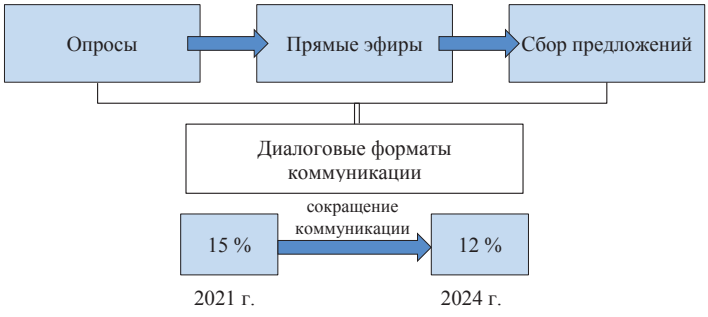

Рис. 2. Виды диалоговых форматов коммуникации и их процентная роль во взаимодействии органов власти с гражданами [18; 19]

Составлена авторами.

симуляции деятельности. Таким образом, к 2024 г. можно с уверенностью говорить о том, что сформировалась и была эмпирически подтверждена устойчивая системная дисфункция. Сложившаяся модель цифровых коммуникаций, будучи ориентированной на монолог, количественные охваты и формальное оказание услуг, фактически исчерпала свой позитивный потенциал и в её нынешнем виде не способна решить архиважную задачу построения доверия и содержательного взаимодействия между государством и обществом.

Для преодоления выявленных глубоких системных проблем необходим не эволюционный, а скорее революционный переход к принципиально обновлённой парадигме управления коммуникациями в цифровой среде.

Этот переход должен быть основан на следующих стратегических направлениях [9; 10].

Первостепенное значение имеет кардинальная смена системы оценки эффективности (*KPI*) [21]. Необходим решительный отказ от устаревших метрик, сфокусированных на «количестве постов» и «абсолютных охватах», в пользу качественных, ориентированных на результат показателей. Таких как, например, интегральный индекс удовлетворённости взаимодействием, процент реально решённых проблем по итогам обращений граждан и динамика уровня доверия в ключевых целевых аудиториях. Это переориентирует деятельность PR-служб с отчётности на реальный результат.

Второе ключевое направление – внедрение технологий проактивного и равноправного диалога. Речь идёт о развёртывании специализированных краудсорсинговых платформ для вовлечения граждан в процессы принятия решений на муниципальном и региональном уровне, активном внедрении принципов человекоцентричного дизайна и элементов геймификации в интерфейсы порталов и социальных сетей для повышения удобства и вовлеченности, а также о создании ситуационных центров коммуникаций, функционирующих в режиме 24/7 и наделённых полномочиями для мониторинга цифрового ландшафта и оперативного реагирования на возникающие кризисы и запросы граждан.

Наконец, третье направление связано с глубокой технологизацией и персонификацией обратной связи. Это предполагает внедрение сквозной системы обработки обращений, где заявка пользователя автоматически, без его повторных усилий, перенаправляется между ведомствами до момента её полного решения ответственным исполнителем. Одновременно с этим, обладая уникальным массивом данных на портале «Госуслуги», государство имеет все возможности для перехода к таргетированному, персонализированному информированию граждан о тех услугах, льготах и сервисах, ко-

торые релевантны их конкретной жизненной ситуации, тем самым повышая ценность коммуникации (табл. 2).

Проведённый комплексный ретроспективный анализ данных за полный шестилетний цикл 2019–2024 гг. позволяет сделать категоричный и обоснованный вывод о глубинной системной неэффективности сложившейся в современной России модели цифровых коммуникаций органов государственной власти и общества. Модель, в своей основе унаследовавшая парадигму односторонней трансляции информации и основанная на приоритете сугубо количественных показателей, несмотря на все колоссальные инвестиции, продемонстрировала свою принципиальную неспособность трансформировать мощнейшую цифровую инфраструктуру в столь же мощный капитал общественного доверия и эффективного взаимодействия.

Преодоление этого кризиса видится возможным только через стратегическую смену парадигмы – осознанный и управляемый переход от устаревшей логики «трансляции» к современной логике «диалога, соуправления и сервиса». Предложенные в рамках данной статьи меры, сфокусированные на внедрении качественных *KPI*, развитии проактивного диалога и глубокой технологизации обратной связи, представляют собой не просто теоретические пожелания, а практическую дорожную карту для такой трансформации [20]. В качестве вектора для дальнейших изысканий представляется целесообразным сосредоточить усилия на апробации и сравнительной оценке эффективности предложенных мер в практике конкретных федеральных и региональных органов власти, а также на разработке детальных отраслевых стандартов цифровых коммуникаций.

Таким образом, цифровые коммуникации между публичными органами власти и гражданами играют все более важную роль в современной жизни, способствуя оперативности, прозрачности и эффективности взаимодействия. Внедрение информационно-коммуникационных технологий позволяет получить доступ населения к государственным и муниципальным услугам в онлайн-режиме, участвовать в принятии решений и осуществлять общественный контроль за деятельностью публичных органов власти.

А также внедрение цифровых платформ способствует ускорению административных процессов, снижению бюрократии и повышению качества предоставляемых услуг.

Эффективность цифровых коммуникаций также зависит от цифровой зрелости населения и способности и готовности к использованию данных технологий органами власти.

Однако вместе с этим возникают вызовы в отношении цифровой зрелости органов власти, кибербезопасности, защиты персональных данных и цифровой грамотности граждан.

Для обеспечения устойчивого развития цифровых коммуникаций необходимо совершенствовать нормативно-правовую базу, инвестировать в инфраструктуру, повышать цифровую грамотность граждан. В конечном итоге успешное интегрирование цифровых коммуникаций станет ключевым фактором укрепления демократических процессов и повышения качества жизни населения.

Таблица 2

Адресные меры по повышению эффективности цифровых коммуникаций органов государственной власти и общества

Выявленная проблема	Предлагаемая мера	Ожидаемый результат
Стагнация доверия	Внедрить качественные KPI для PR-служб: – % решённых проблем по обращениям; – Индекс удовлетворённости; – снижение доли негативных упоминаний	Смещение фокуса с количества на качество взаимодействия и реальное воздействие
Низкая вовлеченность, монолог	Перейти к проактивной и диалоговой модели: – создание краудсорсинговых платформ; – регулярные «открытые стримы» с ответами на вопросы; – геймификация (онлайн-квизы, интерактивные карты)	Рост вовлеченности, лояльности и сбор «обратной связи снизу»
Формализм обратной связи	Внедрить технологию «сквозных заявок»: – обращение автоматически перенаправляется между инстанциями до нахождения ответственного; – создать публичные дашборды со статистикой обращений	Повышение прозрачности и снижение административной нагрузки за счёт решения проблем «с первого раза»
Неперсонализация	Использовать данные «Госуслуг» для таргетированного информирования о льготах и услугах, релевантных конкретному пользователю	Повышение полезности коммуникаций и воспринимаемой заботы со стороны государства

Литература:

1. Фугалевич Е.В. Ключевые показатели эффективности деятельности муниципальных органов власти как современный тренд развития муниципального управления // Вестник экономики, права и социологии. 2023. № 4. С. 118–123.
2. Официальный сайт «Statbase» – база данных со статистикой стран и регионов. URL: https://statbase.ru/datasets/indexes-and-ratings/e-government-development-index/ (дата обращения: 05.10.2025).
3. Рейтинг оценки деятельности государственных институтов // Всероссийский центр изучения общественного мнения. 2024. URL: https://wciom.ru/ratings/dejatelnost-gosudarstvennykh-institutov/ (дата обращения: 04.10.2025).
4. Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (ред. от 14.07.2022) // СПС КонсультантПлюс.
5. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утверждена протоколом заседания президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 28.05.2024 г. № 12) // Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/ (дата обращения: 05.10.2025).
6. На «Госуслугах» запустили новый раздел с новостями // Habr.com. 2024. 24 мая. URL: https://habr.com/ru/news/866838/ (дата обращения: 05.10.2025).
7. Число пользователей «Госуслуг» выросло до 115 млн в 2024 году // Ведомости. 2024. 15 декабря. URL: https://www.vedomosti.ru/technology/news/2024/12/15/1081474-chislo-polzovatelei-gosuslug-viroslo (дата обращения: 01.10.2025).
8. Итоги 2019 года // Портал государственных услуг Российской Федерации. 2019. 30 декабря. https://www.gosuslugi.ru/help/news/2019_12_30_results_of_the_year (дата обращения: 01.10.2025)
9. Количество граждан, которые воспользовались сервисами Единого портала госуслуг в 2020 году, составило 56 млн человек // Digital.gov.ru. 2021. 9 февраля. URL: https://digital.gov.ru/news/kolichestvo-grazhdan-kotorye-vospolzovalis-servisami-edinogo-portala-gosuslug-v-2020-godu-sostavilo-56-mln-chelovek (дата обращения: 05.10.2025).
10. Портал государственных и муниципальных услуг Российской Федерации. URL: https://www.gosuslugi.ru (дата обращения: 05.10.2025).
11. Почти 15 млн подтвержденных аккаунтов появилось на «Госуслугах» в 2022 году // Digital.gov.ru. 2023. 26 января. URL: https://digital.gov.ru/news-media/pochti-15-mln-podtverzhdennyh-akkauntov-poyavilos-na-gosuslugah-v-2022-godu (дата обращения: 05.10.2025).
12. Шарков Ф.И. Стратегические коммуникации в государственном управлении: вызовы цифровой эпохи // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2023. № 5. С. 45–67.
13. Вице-премьер Чернышенко: 90 % граждан должны получать госуслуги в один клик // CNews. 2021. 6 декабря. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2021-12-06_vitse-premer_chernyshenko (дата обращения: 05.10.2025).
14. Число пользователей «Госуслуг» составило 109 млн человек к концу 2023 года // Digital.gov.ru. 2024. 30 января. URL: https://digital.gov.ru/news-media/chislo-polzovateley-gosuslug-sostavilo-109-mln-chelovek-k-kontsu-2023-goda (дата обращения: 05.10.2025).
15. Отчёт об использовании сервиса Popsters для контент-анализа сообществ органов государственной власти // Popsters.ru. 2025. URL: https://popsters.ru/ (дата обращения: 05.10.2025).
16. Фугалевич Е.В. Современные тренды эффективного взаимодействия органов публичного управления и населения // Современный менеджмент: проблемы и перспективы: Сб. статей по итогам XIX Межд. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 26–27 сентября 2024 г. СПб.: Санкт-Петербургский гос. эконом. ун-тет, 2024. С. 218–222.
17. Фугалевич Е.В., Юденко М.Н. Взаимодействие органов публичного управления и гражданского общества: клиентоцентричный подход // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2025. № 1(151). С. 39–46.
18. Данные анализа официального сообщества Правительства Москвы в социальной сети «ВКонтакте». URL: https://vk.com/mos (дата обращения: 05.10.2025).
19. Данные анализа официального сообщества Правительства Московской области в социальной сети «ВКонтакте». URL: https://vk.com/mosobl (дата обращения: 05.10.2025).
20. Отчёт о реализации государственной программы «Информационное общество» за 2023 год // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. 2024. URL: https://digital.gov.ru/ru/documents/ (дата обращения: 06.10.2025).

Digital Communications between Public Authorities and Society: Issues of Increasing Efficiency

Kim O.L.
Pushkin Leningrad State University
Fugalevich E.V.
Saint-Petersburg State University of Economics
Kokoreva V.N.
St. Petersburg Tariff Committee

This article examines modern digital technologies that serve as means of communication between government bodies and society; the role of digital communications in increasing the openness, accessibility of public and municipal services, and the involvement of citizens in governance; and the challenges of effective digital communications. The relevance of this research is driven by the need to adapt government institutions to the digital era, as global challenges and the digital transformation of society make it crucial to explore ways to enhance the effectiveness of digital communications in order to create an efficient, transparent, and accountable system of interaction between the government and citizens.

The purpose of the work is to diagnose the systemic problems of digital communications between public authorities and the public and to develop specific measures to improve their effectiveness. The study aimed to analyze the dynamics of key quantitative indicators of digitalization, assess the quality of communication (trust, dialogue, and feedback) based on sociological research data and content analysis, identify the dysfunctions of the current model of interaction between public authorities and the public, and formulate strategic directions for its transformation. The scientific value of the study lies in its comprehensive retrospective assessment of the effectiveness of digital communications based on triangulation of data from official, sociological, and content analysis sources.

The practical significance of the work lies in the development of targeted measures for transitioning to a dialogic and customer-oriented interaction paradigm, which includes targeted measures for changing the KPI (key performance indicators) system, implementing proactive dialogue, and technologicalizing feedback.

Key words: government bodies, public relations, public relations in government bodies, digital communications, social networks, and the effectiveness of communications between government bodies and society

УДК 338
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-68-73

Цифровая трансформация российских хозяйствующих субъектов-цели, этапы и потенциальные угрозы экономической безопасности процесса

Мустафина Г.Н.
Старший преподаватель кафедры информатики и вычислительной математики, начальник центра информационных технологий Набережночелнинского государственного педагогического университета

В статье рассматриваются актуальные аспекты цифровой трансформации российских хозяйствующих субъектов, её цели, этапы реализации и потенциальные угрозы экономической безопасности. Исследование базируется на комплексном анализе теоретических и практических аспектов цифровизации бизнеса.

В работе сформулированы наиболее общие подходы к определения понятия «цифровая трансформация» и проведена его сепарация с категорией «цифровизация». Проведена оценка практика цифровой трансформации российских предприятий, выявлены ключевые угрозы экономической безопасности процесса цифровой трансформации хозяйствующих субъектов, дана их классификация и предложен инструментарий и механизм противодействия. Ключевыми элементами противодействия являются правильный выбор и успешная реализация стратегии цифровой трансформации, а также всесторонняя государственная поддержка цифровизации.

Автор выявляет корреляционную зависимость между уровнем экономической безопасности предприятия и качеством его цифрового потенциала, доказывая невозможность эффективного ведения бизнеса вне формирующейся глобальной цифровой среды, повсеместного использования аналитики данных и массового внедрения искусственного интеллекта.

Практическая значимость исследования заключается в разработке алгоритма практических действий по цифровой трансформации предприятий и оценке влияния этих процессов на уровень экономической безопасности.

Ключевые слова: *экономическая безопасность предприятия, цифровизация бизнес-процессов, угрозы экономической безопасности, механизмы обеспечения экономической безопасности предприятия, цифровая трансформация*

Для цитирования: *Мустафина Г.Н. Цифровая трансформация российских хозяйствующих субъектов-цели, этапы и потенциальные угрозы экономической безопасности процесса // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 68–73. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-68-73.*

За последние десятилетие мы наблюдаем значительную интенсификацию процесса цифровизации общества и усиление конкуренции между реальным и виртуальными мирами за единственный необратимый и невосполнимый ресурс – время, являющиеся «простором для развития способностей» [1, с. 264]. Причем именно виртуальный мир, начиная с 2010-х гг., является бесспорным победителем этой схватки, постоянно увеличивая своё влияние на экономически активную часть жизнедеятельности людей и формируя вокруг них качественно иное, более сложное пространство, основанное на доминирова-

нии цифровых технологий во всех сферах финансово-хозяйственной деятельности и жизни общества. И именно эти глобальные процессы привели к переходу от постиндустриальной экономики к цифровой форме существования и возникновению глобальных общественных запросов на эффективные инновационные информационно-коммуникационные технологии, способные повысить как качество жизни населения, так и доступность созданных на сегодня материальных и духовных благ. При этом способность хозяйствующих субъектов адекватно и эффективно реагировать на эти общественные запросы стала обязательным условием их физического выживания на рынке, основой стратегии и ключевым трендом развития на долгосрочную перспективу.

Необходимо признать факт того, что активно разворачивающийся процесс цифровизации общества в целом и хозяйствующих субъектов в частности, сталкиваясь на своем пути с новыми вызовами, постоянно технологически и технически усложняется, требует от участников оперативной корректировки стратегии и уточнения целеполагания, а также совершенствования механизмов и инструментария их достижения. И сегодня для сохранения своих рыночных позиций предприятие должно не просто отказаться от традиционных экономических моделей, а, выйдя за «рамки тривиальной замены аналогового или физического ресурса на цифровой или информационный запустить процедуру формирования цифрового потенциала предприятия через внедрение цифровых технологий во все сферы его деятельности в целях коренной трансформации на основе цифровых технологий» [2, с. 86]. При этом эффективно решить подобную задачу возможно только через инновационное лидерство, заложив цифровизацию и автоматизацию бизнес-процессов в основу избранной стратегии развития.

Указ Президента РФ от 07.05.2024 г. «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [3], определил цифровую трансформацию в качестве приоритета отечественной экономики и говоря о практических шагах для её достижения, Президент РФ В.В. Путин еще в 2020 г. на конференции *Artificial Intelligence Journey* заявлял, что «в наступающее десятилетие нам предстоит провести цифровую трансформацию всей страны, всей России, повсеместно внедрить технологии искусственного интеллекта, анализа больших данных» [4]. И этот ключевой для экономики страны процесс как никогда нуждается в теоретико-методологическом сопровождении и выработке российским научным сообществом конкретных рекомендаций по его оптимизации и повышению эффективности. Именно поэтому сегодня теоретическая база процесса цифровой трансформации хозяйствующих субъектов находится в состоянии перманентного приращения научных знаний и непрерывно совершенствуется с учетом потребностей органов государственной власти и управления, стремительно изменяющейся социально-экономической среды и запросов экономических агентов всех уровней.

При этом отечественные исследователи до настоящего времени так и не выработали универсальное и общепринятое определение данной категории, и в информационном пространстве мы можем встретить достаточно широкий диапазон мнений и разнообразие подходов к формулированию этой научной дефиниции, а само понятие «цифровая трансформация» эволюционирует и по-прежнему является дискуссионным, находясь в стадии уточнения.

Необходимо отметить, что в научных источниках понятие «цифровая трансформация» достаточно часто отождествляется с такой категорией как «цифровизация», что, на наш взгляд, не совсем верно отражает взаимосвязь и внутреннее содержание этих процессов.

Фактически цифровизацию «можно условно назвать производством товаров из данных» [5] и она «фокусируется на улучшении конкретных, специализированных аспектов бизнеса» [6], затрагивает прежде всего технологический аспект и является всего лишь начальным этапом цифровой трансформации хозяйствующих субъектов, который предполагает отказ от аналоговых и переход к цифровым инструментам ведения финансово-хозяйственной деятельности, перенос аналитики и данных в цифровой формат, автоматизацию бизнес-операций, широкое внедрение в бизнес-процессы компании цифровых и информационных технологий, изменение формата коммуникаций с клиентами и бизнес-партнерами. В то время как цифровая трансформация, решая выходящие за рамки чисто технологических изменений более масштабные задачи, требует коренного переосмысления формата функционирования и провоцирует «эволюцию бизнеса, предполагающую, помимо внедрения цифровых технологий, организационные изменения» [7], заключающиеся в формировании цифровой культуры предприятия и «принципиальном и комплексном изменении бизнес-моделей» [8]. При этом, по нашему мнению, достаточно обоснованным является объединение рядом авторов понятий «цифровизация» и «цифровая трансформация» в единую систему взаимосвязанных процессов и инструментов, позволяющих заявлять о том, что «применение преимуществ цифровизации в реальном секторе экономики называется цифровой трансформацией» [9].

Разделяя мнение коллег о том, что «цифровая трансформация предполагает фундаментальное переосмысление того, как работает организация и как она взаимодействует с окружающей средой» [10], для наиболее полного раскрытия заявленной темы настоящей работы, в дальнейшем автор будет исхо-

дить из того, что это непрерывный и полномасштабный процесс интеграции цифровых технологий во все аспекты бизнес-деятельности предприятия, исключающий аналоговые формы ведения бизнеса и предполагающий формирование его цифрового потенциала на базе новой корпоративной культуры внешних и внутренних коммуникаций с клиентами и бизнес-партнерами, а также внедрение креативных подходов к созданию инновационных продуктов и услуг.

Как уже было сказано выше, цифровая трансформация является объективно неизбежным условием физического выживания хозяйствующих субъектов и гарантией сохранения их конкурентоспособности, а внедрение цифровых технологии в бизнес-процессы позволяют предприятиям максимально безболезненно осуществить переход от статических и затратных к более гибким и адаптивным бизнес-моделям, способным оперативно реагировать на изменения рыночной конъюнктуры и эволюцию запросов потребителей. И избрав стратегию цифровой трансформации в качестве своего ключевого вектора развития, экономические агенты не только преобразуют информацию в новые продукты и финансовые результаты, но и обеспечивают рациональное использование существующего потенциала предприятия и свою конкурентоспособность на долгосрочной основе, а также, пройдя этап первичной адаптации технологий, создают предпосылки для создания высокотехнологичной базы и доступа к новейшим и дополняющим технологиям, рассчитывая при этом на снижение издержек, оптимизацию логистики и расширение занимаемой доли рынка.

Практика показывает, что эффективность цифровой трансформации напрямую зависит от адекватности избранной стратегии и выбранного для её реализации инструментария, а также наличия необходимой мотивации у всех участников процесса.

Руководителям и владельцам хозяйствующего субъекта после принятия решения о начале процесса цифровой трансформации предприятия, прежде всего необходимо довести его до сведения сотрудников, четко определив её цели и обозначив сроки и индикаторы их достижения. При этом ещё до начала цифровой трансформации необходимо определить потенциал монетизации внедряемых цифровых решений и разъяснить её участникам, какой эффект от цифровизации получит не только бизнес-структура в целом, но и каждый вовлеченный в процесс субъект и как её результаты отразятся на его качестве жизни.

Сам же процесс цифровизации должен начинаться с автоматизации и оптимизации бизнес-процессов, внедрения в хозяйственную практику электронных данных и облачных хранилищ, создания новой внутренней инфраструктуры, позволяющей осуществлять внутренние и внешние коммуникации уже на цифровой основе. Причем под автоматизацией мы будем понимать «одно из направлений научно-технического прогресса, использующее саморегулирующие технические средства и математические методы с целью освобождения человека от участия в процессах получения, преобразования, передачи и использования энергии, материалов, изделий или информации, либо существенного уменьшения степени этого участия или трудоёмкости выполняемых операций» [11].

В то же время параллельно должна вестись работа по формированию внутренней корпоративной цифровой культуры, совершенствованию компетенций и навыков сотрудников, от уровня цифровой зрелости которых в значительной мере зависит цифровой потенциал предприятия, т.к. даже самые передовые технологии и оборудование, не подкрепленные квалифицированными и замотивированными кадрами, не способны обеспечить ожидаемый инновационный эффект.

И последним, на наш взгляд, этапом цифровой трансформации бизнеса должно быть внедрение в управленческие и производственные процессы технологий искусственного интеллекта, разработка мобильных приложений и создание вокруг предприятия единой экосистемы сервисов, обеспечивающих свободный доступ для внешних субъектов.

Запущенный процесс цифровой трансформации отечественных субъектов хозяйствования кардинально преобразует российскую экономическую среду и пока находится на начальном этапе, а его эффективность в значительной мере предопределяется цифровой зрелостью общества в целом, уровнем собственного цифрового потенциала предприятия, его размерами и отраслевой принадлежностью. И наиболее значимые результаты в этой области сегодня демонстрируют бизнес-структуры, связанные с ИТ-отраслью, банковско-финансовым сектором, информацией и связью, поскольку их деятельность изначально строилась на широком применении информационных технологий и повсеместном использовании высокотехнологичного оборудования, а персонал обладает необходимыми для цифровизации навыками и компетенциями. Кроме того, необходимо отметить, что бесспорным лидером цифровой трансформации в России является крупный бизнес с количеством персонала более 250 чел. [12], располагающий для этого необходимыми квалифицированными кадрами, соответствующей инфраструктурой и имеющий возможность инвестировать в процесс как собственные средства, так и привлекать их из внешних источников.

Став ключевым вектором развития субъектов хозяйствования, сегодня цифровая трансформация находится в зоне повышенного риска, предполагающей вероятность неблагоприятных сценариев процесса и несущей для его участников значительные угрозы существования, утраты занимаемых ры-

ночных позиций и неэффективного использования задействованных ресурсов [13]. И в соответствии с общепринятой классификацией эти угрозы прежде всего разделяются на внешние и внутренние.

К внешним угрозам экономической безопасности процесса цифровой трансформации мы можем отнести:

• недостаточный уровень цифровизации общества и системы государственного управления;

• относительно низкая цифровая грамотность потребителей на фоне значительного общественного недоверия к инновационным технологиям;

• высокие расходы на цифровую трансформацию и ограниченные возможности по привлечению всех форм инвестиций;

• дефицит компетентных специалистов данного профиля на национальном рынке труда и отсутствие эффективной единой общегосударственной системы подготовки и переподготовки кадров;

• относительная отсталость отечественных IT-технологий и недостаток на российском рынке доступного и конкурентоспособного инновационного цифрового оборудования;

• высокая уязвимость оцифрованных конфиденциальных данных и отсутствие механизмов, полностью гарантирующих их сохранность от несанкционированного доступа;

• несовершенство законодательной базы, регулирующей отношения в данной сфере.

К внутренним угрозам относятся:

• общая неподготовленность предприятия к цифровой трансформации, его низкие цифровой потенциал и цифровая зрелость;

• отсутствие у руководителей и владельцев бизнеса полного понимания безальтернативности процесса и необходимости его приоритета над текущей финансово-хозяйственной деятельностью;

• неверно выбранные ИТ-стратегии цифровой трансформации и инструментарий её реализации;

• отсутствие четкой структуры управления, круга ответственных и сроков проведения цифровой трансформации;

• ограниченность возможностей хозяйствующего субъекта финансировать процесс цифровой трансформации за счет собственных ресурсов и низкий инвестиционный потенциал большинства бизнес-структур;

• нехватка знаний и компетенций существующего персонала;

• латентное сопротивление персонала цифровой трансформации, перестройке внутрикорпоративной цифровой культуры и интеграции цифровых технологий во внутренние и внешние коммуникации.

И хотя полностью исключить из актуальной повестки все вышеуказанные угрозы практически невозможно, всё же позволим себе предложить ряд мер, способных, на наш взгляд, в значительной мере их нейтрализовать и в определенной степени минимизировать издержки от их негативного воздействия.

Формируя планы блокирования актуальных угроз экономической безопасности процесса цифровой трансформации хозяйствующих субъектов, мы должны исходить из того, что они «практически не имеют возможности влиять на внешние угрозы» [14], а основное бремя противодействия негативным внешним факторам и возникающие сопутствующие издержки ложатся на государство – единственный институт, обладающий для этого необходимыми полномочиями и ресурсами. И только государство, реализуя на общенациональном уровне «Стратегию развития информационного общества», способно обеспечить условия для цифровой трансформации России и повышения цифровой грамотности населения, мотивировать создание отечественной высокотехнологичной цифровой инфраструктуры и научно-технологические разработки в данной сфере, сформировать благоприятную среду для перевода на цифру финансово-хозяйственной деятельности субъектов хозяйствования и предложить комплекс организационных и финансовых мер по стимулированию цифровизации последних. Кроме того, именно государство, обладая ключевыми компетенциями во внешней политике и межгосударственных коммуникациях, имеет возможность купировать актуальные риски геополитической и геоэкономической турбулентностей, реализуя при этом меры протекционистской экономической и правовой поддержки в отношении российских предприятий, находящихся в последние годы под беспрецедентным внешним санкционным давлением. И конечно только государство, как регулятор всех социально-экономических процессов в российском обществе, способно на постоянной основе обновлять законодательную базу процесса цифровизации и обеспечить максимально благоприятные условия для успешной цифровой трансформации как национальной экономической системы в целом, так и каждого субъекта хозяйствования в частности.

Что касается противодействия внутренним угрозам экономической безопасности процесса цифровой трансформации предприятий, то его эффективность в значительной мере зависит от степени заинтересованности его сотрудников, при доминирующей роли собственников и руководства, определяющих стратегию и инструментарий планируемых IT-преобразований. И именно от обоснованности и адекватности избранной стратегии цифровизации в значительной мере будут зависеть результаты создания внутренней инновационной инфраструктуры и выработки новой внутрикорпоративной цифровой культуры, основанной на понятной системе стимулов для всех участников процесса, а в конечном итоге и возможность монетизации получаемой циф-

ровой информации и её преобразовании в новые продукты и услуги. При этом стратегия цифровой трансформации любого предприятия должна отвечать следующим требованиям:

– базироваться на актуальном законодательстве;

– содержать четко обозначенные источники финансирования, этапы и задачи цифровизации, а также инструменты, сроки и индикаторы их достижения;

– фиксировать структуру управления цифровой трансформацией с обозначением конкретных полномочий и компетенций задействованных лиц;

– содержать план повышения цифровой грамотности и квалификации персонала, основанный на результатах оценки профессиональной пригодности сотрудников к цифровой трансформации.

Таким образом, с высокой степенью вероятности можно утверждать, что реализация верно избранной стратегии, дополняемой мерами государственной поддержки процесса цифровизации, позволит хозяйствующему субъекту результативно осуществить цифровую трансформацию и добиться запланированных в ней финансовых и социально-экономических показателей, повышая при этом уровень собственной экономической безопасности.

Выводы:

1. Цифровая трансформация хозяйствующих субъектов является объективно необходимым и безальтернативным процессом, положительно влияющим на их социально-экономический потенциал и обеспечивающий финансовую устойчивость и конкурентоспособность предприятий в долгосрочной перспективе, а её позитивные эффекты проявляются на всех уровнях национальной экономической системы.

2. Работа по цифровой трансформации бизнес-структуры должна проводиться в рамках принятой стратегии, на плановой и системной основах, охватывая практически все направления и аспекты финансово-хозяйственной деятельности, включая как внутрикорпоративные процедуры, так и коммуникации с клиентами и бизнес-партнерами. При этом к процессу должны быть привлечены все без каких-либо исключений сотрудники предприятия, включая низкоквалифицированных работников, уровень цифровой грамотности которых также является одним из составных элементов цифрового потенциала хозяйствующего субъекта.

3. Процесс цифровой трансформации предприятия выходит за рамки простой автоматизации и оптимизации бизнес-процессов и предполагает параллельное формирование основанной на цифровых принципах новой корпоративной культуры и постоянное совершенствование компетенций и навыков сотрудников.

4. Проводимая цифровая трансформация хозяйствующих субъектов обостряет существующие и несет предприятиям новые угрозы экономической безопасности, полностью нейтрализовать которые пока не представляется возможным. Однако в распоряжении участников процесса находится перечень инструментов и комплекс защитных мер, реализация которых в сочетании с государственной поддержкой существенно снижает существующие риски и позволяет не допустить их перерастания из потенциальных в реальные угрозы.

5. Процесс цифровой трансформации позитивно влияет на уровень экономической безопасности хозяйствующего субъекта, поскольку позволяет за счет внедрения в бизнес-процессы информационно-коммуникационных технологий увеличить его адаптационные возможности и способность к эффективному противодействию актуальным вызовам и угрозам.

Литература:

1. Сочинения [Текст]: в 30 т. Т. 26, ч. 3: Теория прибавочной стоимости (IV том "Капитала") / К. Маркс; подгот. к печати В.К. Брушлинский и И.И. Прейс. М. Госполитиздат, 1964. 674 с.
2. Мустафина Г.Н. Актуальные угрозы экономической безопасности процесса цифровизации предприятий и механизмы их нейтрализации // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 85–89. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-85-86.
3. Указ Президента РФ от 07.05.2024 г. «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/73986.
4. Путин заявил о необходимости цифровой трансформации России. URL: https://tass.ru/ekonomika/10172635 (дата обращения: 17.08.2025).
5. Жданов Д.А. Цифровизация отечественных производственных компаний: состояние и перспективы // Экономическая наука современной России. 2023. № 2 (101). С. 127–141. DOI: 10.33293/1609-1442-2023-2(101)-127-141.
6. Нигай Е.А. Цифровизация или цифровая трансформация: выбор направления развития бизнеса // ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика. 2024. № 1. С. 91–106. DOI: 10.24412/2071-6435-2024-1-91-106.

7. Осипова Р.Г. Цифровизация как конкурентное преимущество российских организаций // Вестник Академии знаний. 2020. № 37(2). С. 258–262. DOI 10.24411/2304–6139–2020–10174.
8. Ватутина Л.А., Злобина Е.Ю., Хоменко Е.Б. Цифровизация и цифровая трансформация бизнеса: современные вызовы и тенденции // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2021. Т. 31, № 4. С. 545–551. DOI: 10.35634/2412–9593–2021–31–4–545–551.
9. Зенкина Е.В. Стратегии и методы цифровой трансформации бизнеса и их использование в процессах управления компаниями // Вопросы региональной экономики. 2023. № 2(55). С. 42–50.
10. Китова О.В., Брускин С.Н. Цифровая трансформация бизнеса. URL: http://digital-economy.ru/images/easyblog_articles/320/kitova.pdf.
11. Автоматизация. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%B2%D1%82%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F
12. Цифровая трансформация: ожидания и реальность / Г.И. Абдрахманова, С.А. Васильковский, К.О. Вишневский, М.А. Гершман, Л.М. Гохберг и др.; рук. авт. кол. П.Б. Рудник. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 221 с.
13. Экономическая безопасность в новой реальности. Теория и методология / О.А. Миронова и др.; под ред. О.А. Мироновой, В.Л. Поздеева. М.: ЮНИТИ-Дана, 2024. 407 с.
14. Шлычков В.В. Ключевые аспекты обеспечения экономической безопасности России в условиях перманентного санкционного давления коллективного запада и проведения СВО // Современные проблемы и перспективы социально-экономического развития предприятий, отраслей, регионов. Сб. статей Межд. науч.-практ. конф. Йошкар-Ола, 2023. С. 171–176.

Digital Transformation of Russian Business Entities - Goals, Stages and Potential Threats to the Economic Security of the Process

Mustafina G.N.
Naberezhnye Chelny State Pedagogical University

The article discusses the current aspects of the digital transformation of Russian business entities, its goals, stages of implementation and potential threats to economic security. The research is based on a comprehensive analysis of the theoretical and practical aspects of business digitalization.

The paper formulates the most general approaches to the definition of the concept of "digital transformation" and separates it from the category of "digitalization". The assessment of the practice of digital transformation of Russian enterprises has been carried out, key threats to the economic security of the process of digital transformation of business entities have been identified, their classification has been given, and a set of tools and a counteraction mechanism has been proposed. The key elements of the counteraction are the correct choice and successful implementation of the digital transformation strategy, as well as comprehensive government support for digitalization.

The author identifies the correlation between the level of economic security of an enterprise and the quality of its digital potential, proving the impossibility of effectively doing business outside the emerging global digital environment, the widespread use of data analytics and the massive introduction of artificial intelligence.

The practical significance of the research lies in the development of an algorithm for practical actions for the digital transformation of enterprises and the assessment of the impact of these processes on the level of economic security.

Keywords: economic security of the enterprise, digitalization of business processes, threats to economic security, mechanisms for ensuring economic security of the enterprise, digital transformation

УДК 658.5.011
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-74-79

Влияние выбора инновационной политики на стратегию управления персоналом*

Мясников Д.А.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры управления человеческими ресурсами
Казанского (Приволжского) федерального университета

Михайлов Ф.Б.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры управления человеческими ресурсами
Казанского (Приволжского) федерального университета

Современная динамика технологического развития, характеризующаяся ускоренной цифровизацией, распространением гибридных производственных систем и усилением конкуренции на глобальных рынках, предъявляет принципиально новые требования к инновационной политике организаций. Одновременно происходит усложнение структуры человеческого капитала: растёт потребность в сочетании традиционных профессиональных компетенций с навыками работы в высокотехнологичных и роботизированных средах. В таких условиях именно согласованность инновационной политики и стратегий управления персоналом становится ключевым фактором обеспечения устойчивой конкурентоспособности организаций. Соответственно, целью работы является анализ современных видов инновационной политики, а также выявление ключевых особенностей разработки стратегий управления человеческими ресурсами при реализации соответствующей инновационной политики. В числе выделенных видов инновационной политики рассмотрены: классическая инновационная политика, обоснованная в шумпетерианской теории инновационного развития; проанализированы современные теоретические подходы, положенные в основу инновационной политики гибридного производства; выделены базовые характеристики обновленной теоретической модели эволюционной политики инкрементальных инноваций. Для анализа инновационной политики, основанной на идеях гибридного производства, разработана имитационная модель динамики взаимозависимости материальных затрат на внедрение гибридной технологии и инвестиций в развитие человеческих ресурсов организации в целях повышения эффективности освоения новой технической системы. Обоснована необходимость оптимизации затрат на внедрение гибридного производства в целях достижения баланса инвестиций материальных затрат и инвестиций в развитие человеческого капитала организации. Применительно к современной модели инновационной политики инкрементальных инноваций проанализированы ее

* Работа выполнена за счет гранта Академии наук Республики Татарстан, предоставленного молодым кандидатам наук (постдокторантам) с целью защиты докторской диссертации, выполнения научно-исследовательских работ, а также выполнения трудовых функций в научных и образовательных организациях Республики Татарстан в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан».

преимущества и возможные недостатки, обусловленные излишним вниманием к эволюции традиционных технологий и недооцененностью фактов появления радикальных инноваций. В плане разработки стратегий управления человеческими ресурсами рассмотрены положительные примеры создания центров роботизации производства, которые могут снизить финансовую нагрузку организаций по подготовке специалистов уникальных профессий, занятых обслуживанием роботизированных комплексов. Предлагается обратить внимание на процессы появления новых профессий и необходимости организации новых форм развития персонала. В первую очередь это касается использования классических форм инновационной политики и внедрения гибридных технических систем, при организации которых требуются специалисты высокой квалификации как по традиционным профессиям, так и сотрудники, обладающие новыми профессиональными компетенциями по авангардным практикам IT-технологий, лазерной техники, робототехники и других современных профессий.

Таким образом, разработка стратегии управления персоналом не может быть свободна от вида инновационной политики, реализуемой в каждой конкретной компании.

Ключевые слова: *инновации, гибридное производство, инкрементальные инновации, стратегия управления, эффективность, управление персоналом, развитие, технологии, инновационная политика*

Для цитирования: *Мясников Д.А., Михайлов Ф.Б. Влияние выбора инновационной политики на стратегию управления персоналом // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 74–79. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-74-79.*

Управление эффективностью труда персонала в условиях внедрения новых технологий рассматривается в качестве приоритетной задачи менеджмента XXI в. Основной задачей по-прежнему остается рост производительности труда персонала. Между тем специальные исследования показывают, что во многих отраслях промышленности наблюдается перепроизводство продукции, т.е. усложнение ее реализации на рынках сбыта [1]. В связи с этим формулируются предложения по сокращению числа рабочих часов в неделю с целью адаптации к изменившейся емкости рынка. Напомним, что долгое время в истории экономической науки промышленные кризисы связывали с перепроизводством товаров, вызывающим банкротство многих организаций [2]. Тем не менее практически всегда находились компании, продукция которых в условиях кризиса перепроизводства пользовалась большим спросом. Причина этого феномена крылась в так называемых новых комбинациях, гениально представленных в работах Й.А. Шумпетера [3]. Под новыми комбинациями им понимались пять основных условий перехода от экономических рутин к динамике развития, а именно:

1. Создание нового продукта – выпуск продукции, ранее не производившейся, или обладающей новыми качествами.

2. Внедрение нового метода производства, даже если это не научное открытие, а просто улучшение, ранее не применявшееся в отрасли.

3. Открытие нового рынка – освоение ранее недоступных или неизвестных рынков сбыта.

4. Получение нового источника сырья – независимо от того, был ли этот ресурс известен ранее.

5. Реорганизация отрасли или разрушение существующей рыночной структуры, например, монополизация или разрушение монополии.

В период написания своей знаменитой книги «Теория экономического развития» (1911) Й.А. Шумпетер еще не использовал термин «инновация». Этот термин появился в работе «Деловые циклы: Теоретический, исторический и статистический анализ капиталистического процесса» (1939) [4]. В этом произведении «новые комбинации» приобрели современный смысл в значении инноваций. «Новые комбинации» выступают источником развития экономики, катализатором «созидательного разрушения», обуславливающим новые качества в динамике экономического развития. Внедрение новых комбинаций позволяет организациям преодолеть рутины производства, перейти к выпуску продукции, пользующейся спросом, и, таким образом, обеспечить экономическую эффективность своей деятельности. Важно отметить, что инвестиции в техническое перевооружение производства являются высокорисковыми. Помимо того, что это очень дорого, всегда имеются существенные риски в реализации производимой продукции.

Практика показывает, что в значительной степени эффективность использования новой техники, качество выпускаемой продукции зависит от персонала, занятого ее обслуживанием [5–7]. И это в настоящее время представляется остро актуальным вопросом. Эта проблема перехода от организации

традиционного типа к инновационным системам производства, характеризующаяся в значительной мере иными требованиями к управлению человеческими ресурсами, требующими специалистов новых профессий и, соответственно, другим уровнем квалификации.

В зависимости от выбора инновационной политики той или иной организации структурный переход к новым техническим системам может иметь разные варианты. По идее «созидательного разрушения», которую в настоящее время принято считать классическим вариантом, инновационное развитие предполагает системное обновление производства. Традиционная техника в подобных случаях либо утилизируется, либо, при наличии соответствующего спроса, выставляется на продажу. И в том, и в другом случае традиционные технологии заменяются новыми инновационными системами производства. Современная практика демонстрирует и иные виды инновационной политики. В частности, широкое распространение получил подход, при котором новая техника встраивается в существующие технологические цепочки, образуя так называемые гибридные технологии. Этот вариант получил также свое теоретическое обоснование в работах как зарубежных, так и отечественных ученых. Например, макроэкономическая модель *OLG* (П. Даймонд) [8], модель перекрывающихся поколений основного капитала (*FCG*), разработанная в 2016 г. В.И. Маевским, С.Ю. Малковым, А.А. Рубинштейном [9], методология изменения технологических структур С.Ю. Глазьева [10], а также работы Д. Ромера [11], О. Бланшара [12], Д. Аджемоглу [13]. Однако применение этих теорий на практике требует специальной углубленной проработки, так как в процессе их использования возникает немало конкретных вопросов, которые в настоящее время представляются техническими, но очевидно нуждаются в специальном научном обобщении. Сформированные таким образом технические системы получили название гибридных технологий.

Третий вариант инновационной политики заключается в проведении инкрементальных инноваций. Проведение данной политики означает постепенное улучшение старой технологии или техники при сохранении ее основных функций. Таким образом, определенные совершенствования осуществляются в рамках базовой технологической парадигмы, которая не предусматривает никаких радикальных изменений, но предполагает определенное повышение конкурентоспособности организации. Инкрементальная инновация – это, по существу, не революция, предполагающая разрушение исходной технической базы, а эволюционные ее изменения, которые минимизируют риски и сохраняют стабильность производства, что особенно важно в зрелых отраслях и крупных организациях.

При реализации первого варианта инновационной политики в сфере управления человеческими ресурсами требуется масштабное переобучение персонала, что, в свою очередь, предполагает значительные инвестиции в развитие персонала. При этом варианте политики необходима разработка стратегии управления человеческими ресурсами, которая призвана оптимизировать программы обучения работников компании по срокам времени и объемам инвестиций. Как правило, данная инновационная политика не обходится без привлечения нового персонала, обладающего ключевыми компетенциями, необходимыми для эффективного освоения новой техники. Организация в таком случае оказывается в ситуации сложного выбора, связанного с вложением инвестиций и крайне высокой потребностью в финансовых ресурсах. Речь идет о поиске баланса между финансовыми вложениями на приобретение новых технических систем и мобилизации необходимых инвестиций на обучение персонала. Довольно часто такая ситуация характеризуется как критический период в развитии организации. К сожалению, далеко не каждая организация способна пройти этот период без значительных потерь по причине опасности поглощения более крупными, финансово обеспеченными компаниями. В любом случае крупные банковские кредиты представляются необходимым условием выживания такой организации в данной ситуации.

Второй вариант, обусловленный созданием и внедрением гибридных технологий, также ставит сложные вопросы перед системой управления человеческими ресурсами. Речь идет о необходимости подбора и привлечения кадров, способных квалифицированно работать с оборудованием различных технологических поколений. В условиях интенсивного распространения инноваций нового уклада на рынке труда возникает острый дефицит специалистов, умеющих эффективно применять современное оборудование, что, в свою очередь, ведет к существенному росту стоимости таких профессионалов. В связи с этим одним из наиболее распространенных управленческих решений становится создание смешанных производственных коллективов, в которые включаются как сотрудники с опытом обслуживания традиционной техники, так и специалисты, обладающие актуальными знаниями для работы с высокотехнологичным оборудованием [14]. Члены таких команд, как правило, значительно различаются как по возрасту, так и по характеру профессиональной подготовки. Одни имеют техническую базу, другие – компетенции в области цифровых и информационных технологий, применяемых в современных производственных системах. Формирование человеческого капитала таких сотрудников происходило в разных условиях при работе с техникой различных технических укладов. Тем не менее,

как представляется, взаимодействие таких специалистов может быть очень продуктивным. Следует отметить, что начиная с 2025 г. государство в лице Минпромторга подключилось к подготовке специалистов для работы с робототехническими системами, а также помощи в освоении новых систем. В России к 2030 г. планируется создать более 30 центров развития робототехники, на что собираются выделить более 15 млрд руб., из которых 8 млрд руб. – в 2025–2027 гг. По словам представителя министерства, центры нужны для стимулирования проведения НИОКР в промышленной робототехнике; реверс-инжиниринга (воспроизводства чужих технологий) и разработки решений для автоматизации технических процессов; консультирования и проведения аудитов предприятий, чтобы определить места на производстве, которые следует роботизировать; отработки моделей отечественных роботизированных решений; подготовки кадров для этих производств [15]. Думается, что комплекс таких мероприятий значительно облегчит в финансовом и организационном плане внедрение новых технологий. Кроме того, это позволит сократить сроки внедрения, ведь одна из задач создания центров развития робототехники является разработка типовых решений, которые могут быть распространены и интегрированы не только на одном предприятии, но и масштабированы на других предприятиях. Это очень важно, так как задача ускоренного обучения специалистов принципиально важна для эффективного внедрения гибридных технологий. На рисунке 1 представлена имитационная модель динамики изменения эффективности обновленного производства в зависимости от соотношений материальных затрат и инвестиций в человеческий капитал компании.

Точка *Q* в модели обозначает оптимальное значение совокупных затрат, связанных с внедрением и последующим освоением инновационной технической системы.

Точка *M1* отражает предельно допустимый уровень эксплуатационных расходов, при котором сохраняется рентабельность производственного процесса.

Точка *M2* указывает на переход за пределы позиции критической зоны затрат, обозначая вход в область устойчивой рентабельности.

В области I рассматривается внедрение технической системы, конструктивно близкой к уже освоенным решениям. Этот процесс сопровождается поэтапным обучением персонала с использованием модульного подхода.

Область II характеризуется ускоренным ростом затрат, обусловленным стремлением управленческой команды ускорить выход технической системы на проектную мощность. Осознание сложности обеспечения надежного функционирования оборудования без должной квалификации персонала привело к принятию решения об увеличении инвестиций в человеческий капитал, значительная часть которых была направлена на обучение и переподготовку сотрудников.

В области III наблюдается снижение общей эффективности производства, вызванное увеличением эксплуатационных издержек на фоне недостаточного уровня подготовки персонала к работе с новой техникой. Это обстоятельство требует дополнительных вложений в развитие компетенций работников, что, в свою очередь, повышает совокупный уровень затрат.

Область IV представляет собой зону устойчивого роста эффективности, связанного с улучшением качества технического обслуживания, а также с успешной интеграцией новой системы в существующую производственную инфраструктуру. В рамках гибридной модели производства достигается оптимальное взаимодействие между старым и новым оборудованием, что позволяет снижать частоту сбоев и аварий, тем самым уменьшая эксплуатационные расходы.

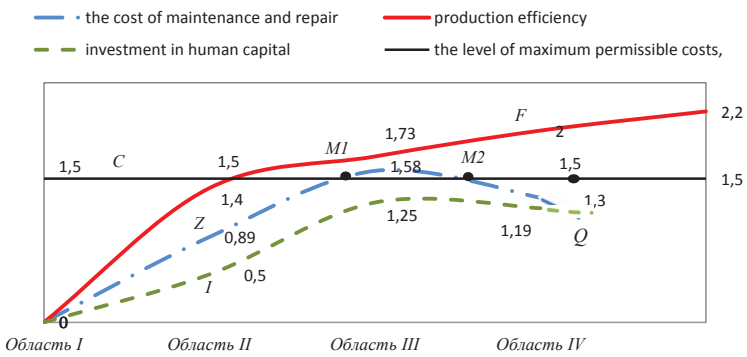

Рис. 1. Имитационная модель изменения материальных затрат и инвестиций в человеческий капитал компании при внедрении гибридных технических систем

Z – затраты на обслуживание и ремонт,
F – эффективность производства,
I – инвестиции в человеческий капитал,
C – уровень предельно допустимых затрат.
Составлено авторами.

На основе представленной модели можно сделать вывод, что увеличение инвестиций в развитие человеческого капитала способно не только нейтрализовать рост затрат на обеспечение функционирования технической системы, но и привести к повышению ее общей производительности.

Таким образом, в условиях технической модернизации дополнительные вложения в обучение и развитие персонала организации оказывают существенное положительное влияние на эффективность функционирования производственной системы.

Третий вариант, основанный на использовании политики внедрения инкрементальной инновации, предполагает эволюци-

онный путь обновления производства. Как правило, стратегия развития производства на основе инкрементальной инновационной политики предполагает детализированный план внедрения и освоения новой техники. При этом изменение номенклатуры производства происходит постепенно, как и изменение профессиональных компетенций персонала. В последнее время наблюдается использование такой политики при обновлении производства в крупных компаниях, занимающих достаточно устойчивое положение на рынках сбыта. Это позволяет им проводить превентивную политику технологических изменений, позволяющую параллельно осуществлять подготовку персонала в плане изменения профессиональных компетенций и повышения квалификации применительно к конкретным рабочим местам, сохраняя устойчивое положение на рынках сбыта. Недостатком этого варианта является заметная продолжительность обновления производства. Компании могут сконцентрироваться исключительно на мероприятиях по улучшению устаревших технологий, подобно компании Nokia, которая продолжала улучшать кнопочные телефоны, не обратив должного внимания на факт перехода рынка к сенсорным смартфонам. Особенно политика инкрементальных инноваций бывает уязвима в период начала длинной волны Кондратьева, что, как показывают специальные исследования, и характеризует настоящее время [16].

В целом политика инкрементальных инноваций является вполне результативным и, в ряде случаев, необходимым инструментом развития. Однако применение такой модели развития должно предусматривать подход, предполагающий сбалансированность инкрементальных и радикальных инноваций в целях достижения устойчивого роста.

Как известно, классическая теория инновационного развития экономики, основанная на идеях Й. Шумпетера, предлагает один базовый вариант инновационной политики, характеризующийся понятием «созидательное разрушение». Это означает внедрение радикальных изменений в систему производства и на этой основе его качественное преобразование. Между тем современная практика демонстрирует и иные виды инновационного развития. Определенное теоретическое осмысление получило так называемое гибридное производство. В этом варианте инновационная политика предполагает внедрение инноваций в действующую традиционную систему производства, что позволяет существенно ее преобразовать и добиться качественных изменений выпускаемой продукции, обеспечивая тем самым устойчивую конкурентоспособность.

Новое осмысление получили идеи ученых XIX в. о диффузии изобретений в системе производства. Эта современная теория нашла свое применение в современной политике «инкрементальных инноваций». Данная политика предполагает постепенное совершенствование действующих технологий и, таким образом, эволюционно их преобразует, что при прочих равных условиях позволяет снизить риски внедрения и добиться устойчивого развития компании. Каждая из этих моделей инновационной политики должна опираться на особую стратегию управления персоналом. Нами предложены базовые характеристики и основные требования к формированию таких стратегий применительно к представленным вариантам политик инновационного развития организаций.

Литература:

1. Управление персоналом в России: адаптация к настоящему. Книга 12: монография / Под ред. д-ра экон. наук, проф. И.Б. Дураковой. М.: ИНФРА-М, 2025. 248 с.
2. Borisovich M.F, Alekseevich M.D, Ildarovich F.B. Personnel management in the context of new forms of diffusion of innovations // International Symposia in Economic Theory and Econometrics. 2023. Vol. 31. P. 123–129.
3. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / предисл. В.С. Автономова; пер. с нем. В.С. Автономова, М.С. Любского, А.Ю. Чепуренко; пер. с англ. В.С. Автономова, Ю.В. Автономова, Л.А. Громовой, К.Б. Козловой, Е.И. Николаенко, И.М. Осадчей, И.С. Семененко, Э.Г. Соловьева. М.: Эксмо, 2008. 864 с.
4. Joseph A. Schumpeter Business Cycles: A Theoretical, Historical and Statistical Analysis of the Capitalist Process. New York: McGraw-Hill, 1939. Vol. I. 448 p.
5. Ягудина Е.В., Ягудин Р.Х. Человеческий капитал в условиях цифровой трансформации: проблемы и перспективы // Экономические науки. 2024. № 241. С. 446–450.
6. Вафин А.Ю., Фахрутдинова Е.В., Шавалиев Р.Ф., Куликов О.В. Стратегия управления персоналом детской региональной многопрофильной клиники // Вестник современной клинической медицины. 2018. Т. 11. № 1. С. 79–85. DOI: 10.20969/VSKM.2018.11(1).79-85.
7. Vafin A.Y., Fakhrutdinova E.V., Kulikov O.V., Shavaliev R.F. Human resource management strategy of the regional children's multidisciplinary clinic (Gause DRKB MZ RT) // Trends and Issues in Interdisciplinary Behavior and Social Science – Proceedings of the 5th International Congress on Interdisciplinary Behavior and Social Science, ICIBSOS 2016: 5th, Yogyakarta, 2016. Yogyakarta, 2017. P. 109–114. DOI: 10.1201/9781315269184-20.
8. Diamond P.A., National Debt in Neoclassical Growth Model // American Economic Review. 1965. Vol. 5. № 5. P.. 1126–1150.

9. Маевский В.И., Малков С.Ю., Рубинштейн А.А. Теория перекрывающихся поколений основного капитала // Вестник российской академии наук. 2016. Т. 86. № 1. С. 56–65.
10. Глазьев С.Ю. Приоритеты опережающего развития российской экономики в условиях смены технологических укладов // Экономическое Возрождение России. 2019. № 2(60). С. 12–16.
11. Romer D., Infinite-Horizon and Overlapping-Generations Models. Advanced Macroeconomics (3rd ed.). N.Y.: McGraw Hill, 2006. P. 47–97.
12. Blanchard O.J., Fisher S., The Overlapping Generations Model // Lectures on Macroeconomics. Cambridge: MIT Press, 1989. P. 91–152.
13. Acemoglu D., Growth with Overlapping Generations. Introduction to Modern Economic Growth. Princeton University Press, 2008. P. 327–358.
14. Fakhrutdinova E.V., Kharlamov A.V., Kharlamova T.L., Kolesnikova J.S. The development of the business environment in conditions of economic instability // Globalization and its Socio-Economic Consequences: 17th International Scientific Conference Proceedings, Rajecke Teplice, Slovak Republic, 04– 05 October, 2017. Vol. Part I–VI. Rajecke Teplice, Slovak Republic: University of Zilina, 2017. P. 413–420.
15. Жабин А. Роботы собираются в центрах // Коммерсантъ. 2025. № 5. С. 9.
16. Shakiryanova A.I. Development of human resources management technologies in the context of innovation // Scientific research of the SCO countries: synergy and integration: Proceedings of the International Conference, Beijing, PRC, 23 December 2023. Beijing: LLC “Infinity”, 2023. P. 8–11.

The Impact of the Choice of Innovation Policy on the Personnel Management Strategy

Miasnikov D.A., Mikhailov F.B.
Kazan (Volga Region) Federal University

The current dynamics of technological development, characterized by accelerating digitalization, the proliferation of hybrid production systems, and increased competition in global markets, presents fundamentally new challenges for the innovation policies of organizations. Simultaneously, the composition of human capital is evolving, with a growing need to integrate traditional professional skills with abilities to work in high-technology and robotic environments. Under these circumstances, the coherence of innovation policies and personnel management approaches becomes a crucial factor in ensuring long-term organizational competitiveness. To this end, the aim of this study is to examine contemporary types of innovation strategies, as well as to identify critical features of human resources management tactics in the implementation of relevant innovation policies. Among the identified types of innovation policies, the following can be considered: classical innovation policies based on the Schumpeterian theory of innovation development, modern theoretical approaches underpinning hybrid production innovation policies, and the basic characteristics of an updated theoretical model for an evolutionary incremental innovation policy. To analyze innovation policies based on hybrid production ideas, a simulation model has been developed to examine the dynamics of interdependence between material costs for implementing hybrid technology and investments in human resource development within an organization in order to improve the efficiency of adopting a new technical system. The need to optimize the costs associated with implementing hybrid production in order to strike a balance between investments in material inputs and investments in organizational human capital has been justified. With regard to the current model of innovation policy, which focuses on incremental innovation, the advantages and potential drawbacks are analyzed. This approach may lead to an overemphasis on the evolution of existing technologies and a potential underestimation of radical innovations that could significantly impact the industry. In terms of human resource management, positive examples are presented of the establishment of robotics production centers, which could reduce the financial burden associated with organizations training specialists for unique professions related to robotics. Attention is drawn to the emergence of new professions and the importance of implementing novel staff development strategies to support these emerging roles.

Therefore, the development of a human resources management strategy cannot be divorced from the specific type of innovation approach adopted by each individual company.

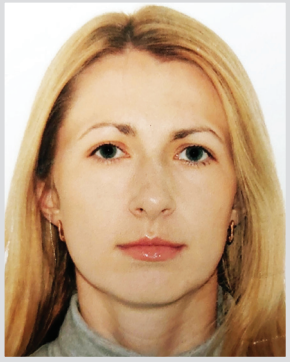
Keywords: innovation, hybrid production, incremental innovations, management strategy, efficiency, personnel management, development, technology, innovation policy

УДК 332.1
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-80-84

Направления развития внутрирегиональных агломераций: инфраструктурный аспект

Ноженко Д.Ю.
Кандидат экономических наук, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург)

Шишкина Е.А.
Доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург)

Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью городских агломераций как ключевых элементов пространственного и экономического развития страны. Цель статьи заключается в анализе и систематизации инфраструктурных аспектов развития внутрирегиональной агломерации. Показана системообразующая роль инфраструктуры в развитии агломераций, уточнены функции различных типов инфраструктуры в их формировании и функционировании, установлена их взаимозависимость и взаимодополняемость. Установлен иерархически сетевой характер регулирования развития инфраструктуры агломераций, формируемый документами разных уровней. Авторами систематизированы приоритетные направления развития инфраструктуры на основе анализа современных тенденций социально-экономического и пространственного развития агломераций. Научная новизна работы заключается в комплексном подходе к анализу инфраструктурного развития внутрирегиональных агломераций, объединяющем территориальный, отраслевой и управленческий аспекты.

Ключевые слова: *агломерация, инфраструктура, город, региональное развитие, стратегическое планирование*

Для цитирования: *Ноженко Д.Ю., Шишкина Е.А. Направления развития внутрирегиональных агломераций: инфраструктурный аспект // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 80–84. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-80-84.*

В настоящее время развитию городских агломераций уделяется особое внимание как в рамках региональных исследований, так и в практике управления. Агломерации представляют высокоразвитую и целостную форму пространственной организации, становятся ключевыми объектами градостроительного планирования, являются центрами экономической активности и роста, ускоряют формирование и развитие инфраструктуры. Понятие городской агломерации определено Стратегией пространственного развития РФ до 2030 г. (утв. Расп. Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4146-р). Всего в стране рас-

положено 40 городских агломераций [1], включающих более 200 городов. В 16 крупных городах-миллионниках и агломерациях, расположенных вокруг них, проживают 55,6 млн чел. (2024 г.), что составляет 38 % от населения РФ. Внутрирегиональные агломерации[1] продолжают стягивать население и концентрировать экономическую деятельность, за период с 2011 по 2024 гг. ежегодный темп роста населения в 16 агломерациях составил 0,62 % [2]. Ускоренное развитие агломераций приводит к несбалансированной системе расселения, увеличивает экологическую нагрузку на территорию и отставание инфраструктурного обеспечения от требуемого уровня.

Современные исследования подчеркивают, что устойчивое и эффективное развитие городских агломераций требует комплексного подхода, учитывающего как положительные эффекты агломерации, так и риски усиления пространственного неравенства. В работе Ю.Д. Вэй, В. Сяо и Ю. Ву [3] отмечается, что основными факторами полицентрического развития городов в контексте их устойчивости и эффективности являются экономические, институциональные и транспортные. В аспекте изучения инфраструктуры агломераций интерес представляют научные результаты А.А. Михайлова и П.М. Полян [4] в части определения границ агломераций путем оценки интегральной транспортной доступности, Е.В. Антонова и А.Г. Махровой [5] – в сфере обоснования моноцентрического характера большинства крупнейших агломераций. Исследованию пространственных взаимосвязей отдельных направлений развития агломераций посвящена работа С. Ли и коллег [6], вопросы городской мобильности населения рассматриваются П. Кумар, П. Чакроборти и Х. Гехлот [7], методология оценки моделей спроса на поездки в городах разработана М. Сабери, Т.Х. Рашиди, М. Гасри и др. [8]. В работе Ц. Сюй и коллег [9] для устойчивого развития городской агломерации предложена модель оптимизации энергопотребления в четырёх секторах (транспорт, энергетика, промышленность, строительство) с учётом затрат и сокращения выбросов. Важность разработки универсальной и прозрачной методологии оценки влияния реализации инфраструктурных проектов на социально-экономические показатели агломерации, её стабильность и конкурентоспособность подчеркивают в своей работе Л.А. Гамидуллаева и Д.Е. Морозов [10]. Развитие и управление логистической инфраструктурой городской агломерации на основе иерархической концепции представлено в исследовании С. Сапанова и А.Т. Бектемесова [11]. Ученые [12] подчеркивают особую роль инвестиций в городской пассажирский и грузовой транспорт для развития агломераций с учетом эффекта, возникающего в результате эффективной плотности при постоянной численности населения.

Таким образом, изучение инфраструктурных аспектов развития внутрирегиональных агломераций является комплексной задачей, стратегически важным направлением ее функционирования, непосредственно связанным с повышением экономической эффективности, снижением социально-территориальных диспропорций. При этом большинство исследований направлено на изучение отдельных вопросов функционирования разных типов инфраструктуры, моделей их исследования, взаимодействия участников. Целью настоящей статьи является анализ и систематизация направлений развития внутрирегиональных агломераций с учетом их инфраструктурных аспектов.

Материалы и методы

Объектом изучения выступили внутрирегиональные агломерации РФ. Информационную базу исследования составили данные Росстата [2], отчетности органов местного самоуправления, нормативно-правовые акты федерального, регионального, местного уровней, информационно-аналитические материалы научных и исследовательских организаций [1; 13; 14]. Алгоритм исследования включает: определение роли инфраструктурного обеспечения в развитии внутрирегиональных агломераций; анализ и уточнение приоритетных направлений долгосрочного развития инфраструктуры внутрирегиональных агломераций; выявление ключевых тенденций развития агломераций, формирующих направления развития инфраструктуры в кратко- и долгосрочном периодах.

Результаты

Инфраструктура выступает одним из системообразующих факторов формирования и развития городских агломераций, обеспечивающим их связанность, сбалансированность, взаимодействие, комплексность, устойчивость. Для городских агломераций инфраструктура представляет комплементарную структуру, формирующую пространственный каркас их социально-экономической деятельности [15], обеспечивающую взаимосвязь территорий разных иерархических уровней. В развитии городской агломерации инфраструктура выполняет несколько важнейших функций, которые являются взаимодополняющими и взаимозависимыми (рис. 1).

При этом роль отдельных элементов инфраструктуры дифференцирована. Транспортная и электроэнергетическая инфраструктура формируют пространственный каркас, обеспечивают связанность территорий внутри агломерации. Коммунальная и инженерная инфраструктура являются основой жизнеобеспечения, влияют на застройку территорий, определяют ее емкость. Развитая социальная инфраструктура создает комфортную среду для

[1] В рамках исследования внутрирегиональные агломерации и агломерации рассматриваются как синонимы.

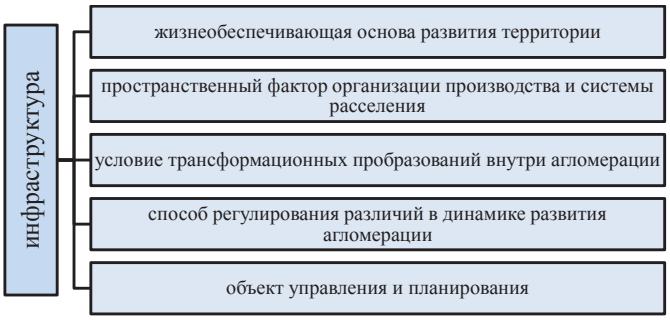

Рис. 1. Роль инфраструктуры в развитии городской агломерации

Составлено авторами.

жизнедеятельности населения, его удержания на территории, способствует сбалансированному развитию. В современный период все большее значение приобретает цифровая инфраструктура, определяющая возможности цифровых услуг, уровень их использования [16].

Важнейшими особенностями инфраструктуры городских агломераций является многоуровневость формирования направлений и приоритетов ее развития как по вертикали (федеральный – региональный – местный уровни), так и по горизонтали (территориальный – отраслевой – корпоративный) (рис. 2). Соответственно, комплементарность, согласованность, сбалансированность, интегрированность являются важнейшими принципами формирования системы документов и приоритетных направлений развития инфраструктуры. В то же время требует учета множественность целей и интересов ключевых акторов (население, бизнес, власть), что требует баланса и компромиссов.

Функционирование инфраструктуры городских агломераций определяется ее внешними и внутренними элементами, которые относятся к разным уровням. Магистральные (внешние) элементы ин-

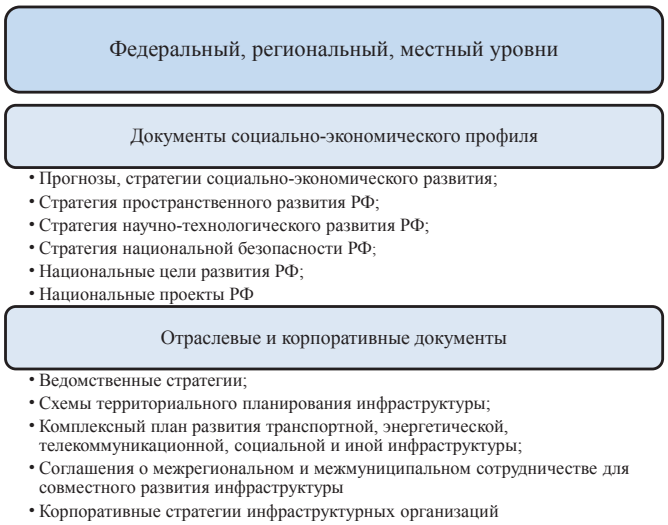

Рис. 2. Документы, определяющие направления развития инфраструктуры агломераций[2]

[2] В зависимости от уровня территорий некоторые документы могут отсутствовать/разрабатываться дополнительные.

фраструктуры отвечают за открытость системы [17], внутрирегиональные – за эффективность функционирования внутри системы. Таким образом, формирование направлений развития инфраструктуры городских агломераций имеет иерархически сетевой характер: с одной стороны, определяется иерархически упорядоченной системой документов, с другой – часто имеет внепространственный характер – не ограничивается административной территорией муниципальных образований.

Анализ данных о социально-экономическом и пространственном развитии городских агломераций [1; 2; 13; 14; 18] позволяет выделить следующие тенденции, оказывающие влияние на формирование приоритетов развития инфраструктуры:

– рост концентрации численности населения регионов в крупнейших городах — центрах субъектов РФ при общей тенденции к сокращению численности населения (за 2013–2023 гг. численность населения городов – административных центров субъектов РФ снизилась на 0,2 %);

– территориальная локализация индивидуальной жилой застройки на расстоянии до 50 км от ядра агломерации;

– концентрация многоэтажной высокоплотной застройки в городах-спутниках и «контактных зонах» – территориях на стыке центра и окраин с хорошей транспортной доступностью;

– недостаточное развитие городов-спутников, которое часто ограничивается умеренным расширением жилых зон и точечным приростом жилья, что затрудняет их развитие как самостоятельных центров;

– формирование новых центров деловой активности, основой которых становятся малые населённые пункты с хорошей транспортной доступностью;

– невысокое качество транспортной инфраструктуры, отставание в развитии систем водоснабжения от фактических потребностей;

– устойчивая дифференциация уровня комфортности городской среды в агломерациях [19];

– цифровизация управления городами, цифровая трансформация.

В соответствии с указанными тенденциями систематизируем приоритетные направления развития инфраструктуры городских агломераций:

– комплексное развитие инфраструктуры на периферии агломераций (транспортной, инженерной, коммунальной и социальной инфраструктуры в зонах интенсивной индивидуальной жилой застройки) и в новых центрах экономической активности;

– повышение качества и доступности социальной инфраструктуры с учетом демографических трендов, сокращение дифференциации в уровне комфортности городской среды;

– обеспечение согласованности системы документов на основе интеграции межмуниципальных/агломерационных проектов развития инфраструкту-

ры и документов стратегического, территориального и бюджетного планирования.

Таким образом, реализация указанных направлений имеет системный, многоаспектный характер и должна обеспечиваться в рамках комплексных стратегий развития городских агломераций с участием федеральных, региональных и местных органов власти, бизнеса и гражданского общества.

Выводы

В современный период инфраструктура является системообразующим фактором для формирования и эффективного функционирования внутрирегиональных агломераций, обеспечивает их связанность, сбалансированность и комплексное развитие. Инфраструктурный каркас агломерации формируется разными типами инфраструктуры, каждый из которых выполняет уникальную и взаимодополняющую функцию. Планирование инфраструктуры является многоуровневым и иерархически-сетевым процессом, регулируемым документами федерального, регионального и местного уровней. Ключевыми принципами при этом являются согласованность, сбалансированность и учет интересов всех акторов. Современные приоритетные направления развития инфраструктуры включают комплексное развитие, инфраструктурное обеспечение новых центров экономической активности, сокращение дифференциации в качестве инфраструктурного обеспечения. Таким образом, развитие инфраструктуры внутрирегиональных агломераций представляет собой стратегическую задачу, связанную с повышением экономической эффективности, обеспечением пространственной устойчивости и сбалансированности.

Литература:

1. К вопросу о составе крупных и крупнейших городских агломераций Российской Федерации. 2023 г. 21 с. URL: https://urbaneconomics.ru/sites/default/files/aglomeracii_-_ekspress-analiz.pdf
2. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2014-2023 гг. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13206
3. Wei Y.D., Xiao W., Wu Y. Polycentric Urban Development in China: Dimensions, Effects, and Policies // Chinese Geographical Science. 2025. № 35. P. 1030–1044. https://doi.org/10.1007/s11769-025-1516-3.
4. Mikhailov A.A., Polyan P.M. Transformation of the Territorial Structure of the Population of the Nizhny Novgorod Urban Agglomeration in 2019–2021 // Regional Research of Russia. 2024. № 14. P. 431–443. https://doi.org/10.1134/S2079970524600379.
5. Antonov E.V., Makhrova A.G. Largest Urban Agglomerations and Forms of Settlement Pattern at the Supra-Agglomeration Level in Russia // Regional Research of Russia. 2019. № 9. P. 370–382. https://doi.org/10.1134/S2079970519040038.
6. Li S., Lv X., Meng X. et al. Exploring social-ecological network relationships and synergistic emission reduction in urban agglomeration // International Journal of Environmental Science and Technology. 2025. №. 22. P. 11473–11490. https://doi.org/10.1007/s13762-025-06418-0.
7. Kumar P., Chakroborty P., Gehlot H. Novel Trip Agglomeration Methods for Efficient Extraction of Urban Mobility Patterns // Networks and Spatial Economics. 2024. № 24. P. 897–926. https://doi.org/10.1007/s11067-024-09641-3.
8. Saberi M., Rashidi T. H., Ghasri M. et al. A Complex Network Methodology for Travel Demand Model Evaluation and Validation // Networks and Spatial Economics. 2018. №. 18. P. 1051–1073. https://doi.org/10.1007/s11067-018-9397-y.
9. Xu C., Xie D., Gu C. et al. Sustainable development pathways for energies in Yangtze River Delta urban agglomeration // Scientific Reports. 2023. № 13. 18135. URL: https://doi.org/10.1038/s41598-023-44727-x.
10. Гамидуллаева Л.А., Морозов Д. Е. Инфраструктурный потенциал как фактор устойчивого развития городских агломераций // Региональная экономика: теория и практика. 2025. Т. 23. № 4. С. 81–96. DOI: 10.24891/re.23.4.81.
11. Sapanov S., Bektemesov A.T. The basics of logisticts infrastructure management for urban agglomeration // BULLETIN Series of Physics & Mathematical Sciences. 2020. № 69 (1). P. 409–413. https://doi.org/10.51889/2020-1.1728-7901.75.
12. Vennemo H. Agglomeration benefits and costs of investing in urban transport infrastructure // Insights into Regional Development. 2023. № 5(1). P. 59–71. https://doi.org/10.9770/IRD.2023.5.1(4).
13. Центр стратегических разработок (ЦСР). URL: https://www.csr.ru/ru.
14. Крупнейшие города России – 2024. Екатеринбург, 2025. 97 с. URL: https://uiec.ru/wp-content/uploads/2025/07/Крупнейшие-города_2025-2.pdf
15. Сурнина Н.М., Шишкина Е.А. Теоретико-методологические и практические аспекты исследования пространственных инфраструктурных систем региона // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12. № 10. С. 2701–2724. DOI: 10.18334/epp.12.10.116378.
16. Антипин И.А., Власова Н.Ю., Шишкина Е.А. Цифровые технологии в развитии территорий: возможности и проблемы применения в практике государственного и муниципального управ-

ления // Управленец. 2024. Т. 15. № 6. С. 17–29. DOI: 10.29141/2218-5003-2024-15-6-2.
17. Краснопольский Б.Х. Инфраструктура и пространственная экономика: теоретические и прикладные исследования. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2023. 234 с.
18. Указ Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития РФ на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: https://www.zakonrf.info/ukaz-prezident-rf-309-07052024/
19. Индекс качества городской среды. URL: https://индекс-городов.рф/#/

Directions of Development of Intraregional Agglomerations: Infrastructural Aspect

Nozhenko D.Yu., Shishkina E.A.
Ural State University of Economics (Yekaterinburg)

The relevance of the study is due to the increasing role of urban agglomerations as key elements of the spatial and economic development of the country. The purpose of the article is to analyze and systematize the infrastructural aspects of the development of an intraregional agglomeration. The article shows the system-forming role of infrastructure in the development of agglomerations, clarifies the functions of various types of infrastructure in its formation and functioning. The hierarchical-network nature of the regulation of the development of the agglomeration infrastructure, formed by documents of different levels, has been established. The authors systematize the priority directions of infrastructure development based on the analysis of current trends in socio-economic and spatial development of agglomerations. The scientific novelty of the work lies in an integrated approach to the analysis of infrastructural development of intraregional agglomerations, combining territorial, sectoral and managerial aspects.

Key words: agglomeration, infrastructure, city, regional development, strategic planning

УДК 330.101.54 + 338.24
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-85-88

Эволюция концепции турбулентности в экономических системах разного уровня

Сезонова О.Н.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры менеджмента, маркетинга и управления персоналом
Курского государственного университета

Актуальность исследования обусловлена нарастающей нестабильностью экономических систем и отсутствием единого концептуального подхода к пониманию турбулентности на разных уровнях управления. Цель работы – сформировать концептуальные основы исследовательской парадигмы турбулентности относительно социально-экономических систем разного уровня. Для её достижения решались следующие задачи: выявление и сравнительный анализ дефиниций, определение специфики проявления турбулентности на каждом уровне, оценка степени разработанности соответствующего теоретического аппарата. Научная значимость заключается в структурировании разрозненных теоретических подходов к изучению турбулентности в единое поле. Практическая ценность состоит в создании основы для разработки адаптивных стратегий управления, учитывающих уровень системной иерархии. В качестве ключевого результата предлагается авторская интерпретация турбулентности мезоуровня как состояния, характеризующегося дестабилизацией пространственно-структурной организации региональных и отраслевых систем под воздействием внешних шоков. Научная новизна исследования заключается в выявлении недостаточной проработанности мезоуровневого анализа и обосновании необходимости разработки проактивных инструментов управления.

Ключевые слова: *турбулентность, экономические системы, макроуровень, мезоуровень, микроуровень, теоретическая парадигма, управление в условиях нестабильности*

Для цитирования: *Сезонова О.Н. Эволюция концепции турбулентности в экономических системах разного уровня // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 85–88. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-85-88.*

Понимание турбулентности как комплексного феномена, характеризующегося нелинейностью и сложностью, коренится в теории систем и кибернетике. Критически важными для управления стали концепция В.А. Лефевра о рефлексивной природе турбулентности [1] и ситуативный подход Г.С. Поспелова [2], заложивший основы стратегической адаптации.

Эволюция научных представлений в экономической науке о турбулентности привела к формированию разветвленного теоретического поля, что выражается в отсутствии единой терминологической трактовки. Множественность используемых терминологических конструкций демонстрирует методологическую сложность и содержательную многомерность исследуемого концепта (рис. 1).

Ретроспективный анализ генезиса и эволюции понятия «турбулентность» в экономике и управлении логически восходит к трём исходным концепциям, отражающим переход от академических взглядов на «турбулентные поля» до широкой популяризации идей о влиянии скорости изменений на развитие социально-экономических систем. При этом в современном управленческом дискурсе

термин «турбулентная среда» был впервые введен Ф.Е. Эмери и Э.Л. Тристом в 1965 г., которые выделили данный тип среды среди трех других, описав его через динамичные и взаимосвязанные изменения, порождающие силы, неподконтрольные отдельным организациям [3].

Чуть позже исследование теории турбулентной среды было продолжено и нашло свое практическое применение в работах П.Р. Лоуренса и Дж.У. Лорша, где затрагивались аспекты организационного дизайна, а именно отмечалось то, что в быстроменяющихся (турбулентных) отраслях наибольшую эффективность демонстрируют организации, обладающие гибкой и децентрализованной структурой, поскольку имеют более высокую степень адаптации [4].

В работах Э. Тоффлера не дается определение самому термину «турбулентность», однако описываются причины ее возникновения в глобальном и цивилизационном поле, проявляющиеся в виде смены «трех волн», оказывающих шоковое воздействие на социально-экономические системы [5].

Теоретическая релевантность понятия «турбулентность» осложняется его широкой семантической вариативностью, что определят необходимость дифференциации его содержания применительно к иерархии макро-, мезо- и микроуровней. Для систематизации понятийного аппарата исследования в таблице 1 представлены результаты контент-анализа массива научных публикаций. Выборка включает релевантные работы зарубежных и российских ученых, содержащие оригинальные дефиниции и концептуальные подходы к определению «турбулентности» в контексте социально-экономических систем. Критерием структурирования полученных данных служит принадлежность рассматриваемых систем к макро- (национальная экономика), мезо- (регионы, отрасли) или микроуровню (отдельные организации, рынки).

На основе проведенного анализа выделим основные характеристики турбулентности в зависимости от уровня иерархии исследуемых систем.

На макроуровне турбулентность характеризуется как состояние высокой нестабильности глобальной или национальной экономической системы, обусловленное фундаментальными рассогласованиями в темпах протекания взаимосвязанных макропроцессов (спрос-предложение, сбережения-инвестиции) [10; 11]. Ключевыми атрибутами выступают высокая вероятность достижения точки бифуркации, возникновение критических диспропорций и движение по особо сложной, непредсказуемой траектории в условиях «вихревого потока» разнообразных переменных [14].

Для мезоуровня характерным проявлением турбулентности являются внешние «шоки» (экономические кризисы, деиндустриализация, быстрые изменения в глобальных потоках), которые дестабилизируют устоявшуюся пространственную организацию экономики и нарушают траекторию развития регионов [8; 9]. Это состояние характеризуется рассогласованием темпов изменения политической, экономической, экологической и социальной подсистем, что приводит к возникновению критических диспропорций между ними [12].

На микроуровне турбулентность определяется как свойство непосредственной среды организации (организационной среды), отличающееся быстрыми, непредсказуемыми и масштабными изменениями [3]. Системным свойством такой среды является высокая взаимосвязанность её компонентов, порождающая эмерджентную непредсказуемость и создающая силы, неподконтрольные отдельной организации [6]. Ключевые характеристики включают агрессивность, неожиданность и скорость изменений [7], а также непостоянство рыночных параметров, интенсивность конкуренции и давление институциональной среды, что в совокупности делает невозможным эффективное стратегическое планирование в одиночку [13].

Рис. 1. Теоретическое поле исследований концепта турбулентности

Общей характеристикой для всех уровней является непредсказуемость изменений и взаимосвязанность элементов системы, однако на макроуровне акцент смещается на системные разрывы и бифуркации, на мезоуровне – на пространственные и структурные диспропорции, а на микроуровне – на операционную неопределенность и конкурентное давление.

Мезоуровень, являясь активным связующим звеном между макро- и микроэко-

Таблица 1

Эволюция концепта турбулентности в экономической науке

Источник, период	Определение понятия	Уровень применения
Ф.Е. Эмери, Э.Л. Трист, 1965 [3]	Турбулентность – это тип организационной среды, в которой изменения являются настолько быстрыми, непредсказуемыми и масштабными, что отдельные организации, действуя в одиночку, не могут с ними эффективно справиться	Микроуровень
Дж.Л. Меткалф, 1974 [6]	Турбулентность – это системное свойство высоковзаимосвязанной организационной среды, при котором непредсказуемость возникает как эмерджентное следствие динамических взаимовлияний между её компонентами, делая невозможным эффективное стратегическое планирование для отдельной организации	Микроуровень
И. Ансофф, 1988 [7]	Турбулентность среды – комбинация агрессивности, неожиданности и скорости изменений в среде бизнеса, которые создают давление на компанию, требующее от нее соответствующих изменений в стратегии и внутренних структурах	Микроуровень
Ф. Маккан, 2013 [8]	Турбулентность – волна быстрых, непредсказуемых изменений в глобальных экономических потоках и технологиях, которая дестабилизирует устоявшуюся пространственную организацию экономики*	Мезоуровень
Р. Хэссинк, 2017 [9]	Турбулентность – «шок» (экономический кризис, деиндустриализация), который нарушает траекторию развития региона*	Мезоуровень
В.К. Бурлачков, 2009 [10]	Турбулентное состояние экономической системы обусловлено разрывами в темпах протекания взаимосвязанных процессов, таких как спрос и предложение, производство и потребление, сбережение и инвестирование.	Макроуровень
Г.П. Журавлева, Н.В. Манохина, 2013 [11]	Экономическая турбулентность означает крайнюю степень нестабильности глобальной экономической системы, когда вероятность достижения точки ее бифуркации и/или слома чрезвычайно высока	Макроуровень
И.Р. Корманов-ская, 2015 [12]	Турбулентность региональной социально-экономической системы – это ее состояние, характеризующееся рассогласованием относительных темпов изменения ее политической, экономической, экологической и социальной подсистем и/или их элементов, скачкообразно приводящих к возникновению критических диспропорций между ними, проявляющихся в разнонаправленности темпов роста и/или темпов прироста индикаторов социально-экономического развития региона	Мезоуровень
М.С. Старико-ва, Т.Н. Пономарева, Ю.Л. Растопчина, 2017 [13]	Турбулентность – изменчивость состояния среды, определяемая непостоянством рыночных параметров, скоростью изменений, интенсивностью конкуренции, технологическими возможностями, покупательскими предпочтениями, давлением со стороны институциональной среды	Микроуровень
Д.И. Агапова, И.Г. Майоров, 2020 [14]	Экономическая турбулентность – особо сложная траектория движения, как национальной экономики, так и отдельной фирмы в «вихревом потоке» разнообразных переменных	Макроуровень
Е.Д. Вайсман, Т.Ю. Железнова, 2024 [15]	Турбулентность внешней среды предприятия есть ее неотъемлемое свойство, характеризующееся непредсказуемыми, трудно просчитываемыми, быстрыми изменениями ее параметров в результате асинхронного, разнонаправленного воздействия большого числа взаимосвязанных факторов прямого и косвенного влияния, снижающих степень содействия и ресурсной доступности внешней среды и повышающих степень неопределенности деятельности предприятия	Макро-, микроуровень

* Сформулировано автором исходя из контекста исследования.

номикой, остается наименее изученным в контексте турбулентности. Для решения этой методологической проблемы автор определяет турбулентность мезосистем как дестабилизацию их пространственно-структурной организации внешними шоками, вызывающую рассогласование темпов развития подсистем и критические диспропорции. Такой подход создает основу для разработки практических инструментов проактивного управления региональным развитием.

Так, теория мезоуровневого стратегического планирования, в основе которой лежит неоклассический подход, предлагает исследовать сущность турбулентности среды не через внешние оценки, а через анализ характерных внутренних изменяемых механизмов и параметров [16]. Таким образом, ключевой задачей становится идентификация внутренних факторов, выступающих аналогами наблюдаемым внешним детерминантам. Выявление такой внутренней детерминанты позволяет перейти от реактивного управления к проактивному, обеспечивая более обоснованный прогноз последствий для организаций, функционирующих в данной среде. Перенося подобный подход на теорию мезоуровневого стратегического планирования, можно предположить, что, зная заранее возможные траектории изменения внутренних параметров социально-экономических систем, можно оказать управляющее воздействие на турбулентные процессы изнутри, понижая вероятность их возникновения.

Таким образом, проведенное исследование позволило систематизировать теоретико-методо-

логические подходы к анализу турбулентности, специфичной для мезоуровневых социально-экономических систем. Выявленные особенности и закономерности создают основу для разработки эффективных инструментов управления, направленных на снижение уязвимости и повышение адаптивности регионов и отраслей в условиях нарастающей неопределенности.

Литература:

1. Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. М.: Когито-Центр, 2007. 151 с.
2. Поспелов Г.С., Пихорович И.И. Ситуационное управление: теория и практика. М.: Наука, 1975. 288 с.
3. Emery F.E., Trist E.L. The Causal Texture of Organizational Environments // Human Relations. 1965. № 18. P. 21–32.
4. Lawrence P.R., Lorsch J.W. Organization and Environment: Managing Differentiation and Integration. Boston: Harvard Business School Press, 1967. 279 p.
5. Toffler A. The Third Wave. New York: Bantam Books, 1981. 537 p.
6. Metcalfe J.L. Systems Models, Economic Models and the Causal Texture of Organizational Environments: An Approach to Macro-Organization Theory // Hum. Relations. 1974. Vol. 27. P. 639–663. DOI: 10.1177/001872677402700702.
7. Ansoff I. Implanting Strategic Management. Springer, 2019. 498 p. DOI: 10.1007/978-3-319-99599-1.
8. McCann F. Modern Urban and Regional Economics. Oxford: Oxford University Press, 2013. 392 p.
9. Hassink R. Regional resilience: a promising concept to explain differences in regional economic adaptability // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. 2010. Vol. 3. P. 45–58.
10. Бурлачков В. Турбулентность экономических процессов: теоретические аспекты // Вопросы экономики. 2009. № 11. С. 90–97. DOI: 10.32609/0042-8736-2009-11-90-97.
11. Журавлева Г.П., Манохина Н.В. Новые правила игры в условиях экономической турбулентности // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2013. № 5(49). С. 23–28.
12. Кормановская И.Р. Устойчивость развития региональных социально-экономических систем в условиях турбулентности // Проблемы современной экономики. 2015. № 4(56). С. 189–192.
13. Старикова М.С., Пономарева Т.Н., Растопчина Ю.Л. Инструментарий оценки турбулентности внешней среды предприятия // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. 2017. № 7. С. 187–193. DOI: 10.12737/article_5940f01b1c4e61.66789404.
14. Агапова Д.И., Майоров И.Г. Экономическая турбулентность: понятие, причины возникновения, влияние на деятельность предприятий // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 12. С. 122–129.
15. Вайсман Е.Д., Железнова Т.Ю. Исследование турбулентности макросреды российской экономики: аналитический подход // Экономика и предпринимательство. 2024. № 6(167). С. 512–517. DOI: 10.34925/EIP.2024.167.6.107.
16. Сокол-Номоконов Э.Н. Неоклассические подходы к построению теории мезоуровневого стратегического планирования и менеджмента // Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. № 8(87). С. 111–118.

The Evolution of the Turbulence Concept Across Different Levels of Economic Systems

Sezonova O.N.
Kursk State University

The relevance of the study is driven by the increasing instability of economic systems and the lack of a unified conceptual approach to understanding turbulence at different levels of management. The purpose of the work is to form the conceptual foundations of a research paradigm for turbulence in relation to socio-economic systems at different levels. To achieve this, the following tasks were addressed: identifying and comparatively analyzing definitions, determining the specific manifestations of turbulence at each level, and assessing the degree of development of the corresponding theoretical framework. The scientific significancelies in structuring disparate theoretical approaches to studying turbulence into a unified field. The practical value consists in creating a basis for developing adaptive management strategies that account for the level of systemic hierarchy. The main findings include the differentiation of turbulence characteristics: at the macro level, systemic disruptions prevail; at the meso level, structural imbalances dominate; and at the micro level, operational uncertainty is key. The scientific novelty lies in identifying the insufficient development of meso-level analysis and substantiating the need to develop proactive management tools that target the internal determinants of turbulence.

Keywords: turbulence, economic systems, macro-level, meso-level, micro-level, theoretical paradigm, management under uncertainty

УДК 33
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-89-97

Оценка доходности ЦФА с учетом кредитного риска эмитента

Сидоренко А.В.
Аспирант факультета экономики и бизнеса
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
аналитик АО «Газпромбанк» (Москва)

В статье анализируются цифровые финансовые активы с точки зрения их потенциальной доходности и сопутствующих рисков. Поднимается вопрос о подходах к оценке доходности и рисков альтернативных финансовых инструментов. Для обеспечения дальнейшего роста и развития российского рынка цифровых финансовых активов необходимы эффективные теоретико-методические подходы к оценке ЦФА, что делает данную работу актуальной. Научно-практическая новизна работы заключается в определении факторов, влияющих на доходность ЦФА, и в разработке модели для оценки их доходности. Доходность активов оценивается на данных по выпускам ЦФА публичными российскими компаниями небанковского сектора. В качестве инструмента оценки доходности ЦФА был использован многофакторный регрессионный анализ. Поскольку одним из ключевых рисков цифровых финансовых активов является кредитный риск эмитента, всем компаниям-эмитентам выборки был присвоен кредитный рейтинг, который впоследствии был включен в модель оценки доходности. Результаты анализа доходности посредством регрессии с учетом кредитного рейтинга эмитента позволили сделать значимые выводы об обратной взаимосвязи рыночной доходности и доходности ЦФА, а также доказали значимость учета кредитного риска и уровня инфляции в оценке доходности ЦФА. Статья имеет большую ценность для дальнейших эмпирических исследований оценки доходности ЦФА на российском рынке.

Ключевые слова: *цифровые финансовые активы, риски ЦФА, матрица рисков, оценка доходности*

Для цитирования: *Сидоренко А.В. Оценка доходности ЦФА с учетом кредитного риска эмитента // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 89–97. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-89-97.*

Цифровая трансформация финансового сектора в последние годы продолжает набирать обороты как на мировом, так и на российском рынке. В свою очередь, ключевым проявлением этой трансформации становится токенизация различных финансовых активов. Этот процесс представляется возможным за счет передовых технологических решений, таких как распределенные реестры и смарт-контракты. Внедрений этих технологий значительно повышает уровень прозрачности и безопасности совершаемых операций, снижает уровень транзакционных издержек, а также ускоряет проведение сделок. В России ключевым моментом в развитии токенизации активов стало принятие базового Федерального закона от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и последующее закрепление понятия цифровых финансовых активов (далее – ЦФА) на законодательном уровне, что позволило легитимно выпускать цифровые права в регулируемом правовом поле.

Анализ эволюции и текущего состояния российского рынка ЦФА позволяет сделать вывод о том, что национальный рынок перешел от недавней экс-

периментальной стадии развития к фазе активной институционализации. Согласно актуальным данным Банка России на конец I квартала 2025 г., совокупный объем выпусков ЦФА превысил отметку в 570 млрд руб.: еще два года назад объем рынка оценивался кратно меньшим количеством выпусков [1]. На этапах становления национального рынка ЦФА рост, как правило, обеспечивался за счет выпусков крупнейших банков: Сбербанк, ВТБ, Альфа-Банк выступили в роли системообразующих эмитентов и операторов платформ. Сейчас же наблюдается тенденция на рост эмиссии цифровых финансовых активов со стороны компаний реального сектора экономики – все больше выпусков ЦФА осуществляется компаниями таких отраслей, как связь и телекоммуникации, строительство, оптовая и розничная торговля. Более того, на рынке наблюдается последовательная диверсификация инструментов ЦФА. По-прежнему на рынке доминируют долговые ЦФА, однако с каждым годом осуществляется все больше выпусков гибридных цифровых прав (далее – ГЦП), токенизирующих товарные активы – цветные металлы, недвижимость, золото.

Прогнозы экспертов относительно дальнейшей траектории развития и роста рынка ЦФА в России остаются положительными. По итогам 2025 г. совокупный объем выпусков ЦФА, согласно предварительным оценкам, может составить до 1,7 трлн руб. [2]. В свою очередь, прогнозы включают и тенденции на некоторые качественные изменения национального рынка цифровых активов, среди которых:

– дальнейшее развитие нормативно-правовой базы ЦФА с целью снизить порог входа на рынок новых категорий инвесторов и эмитентов;

– повышение ликвидности на вторичном рынке ЦФА с целью стимулировать приток капитала;

– последовательная интеграция ЦФА в систему международных расчетов.

Так, качественное развитие и рост национального рынка ЦФА укрепляют необходимость разработки надежных методов анализа доходности и рисков активов. С точки зрения инвестиционного анализа, с усложнением рыночной структуры и диверсификацией цифровых активов ключевой проблемой становится корректная оценка баланса между потенциальной доходностью ЦФА и их сопутствующими рисками. Одним из важнейших факторов в оценке цифровых финансовых активов является кредитный риск эмитента – наступление дефолта эмитента ЦФА, его неспособность исполнения своих обязательств перед владельцами цифровых прав в полном объеме и в установленный срок. В заданном контексте особое значение и большую практическую значимость обретает развитие научно обоснованных методологии и инструментария оценки доходности ЦФА с учетом кредитоспособности компаний-эмитентов.

Оценка кредитного риска эмитента ЦФА

При построении надежной модели оценки доходности ЦФА крайне важно анализировать и учитывать кредитный риск компании-эмитента. Экономическая природа цифровых облигаций, как и других долговых инструментов, заключается в обязательствах компании-эмитента, надежность выполнения которых зависит от её финансовой устойчивости. Так, поскольку кредитный риск представляет собой неспособность эмитента в полной мере исполнить свои обязательства перед инвесторами, этот риск и, соответственно, вероятность дефолта компании-эмитента, становятся одним из ключевых факторов в анализе выпуска и обращения ЦФА на российском рынке. В свою очередь, учет кредитоспособности эмитента ЦФА позволяет избежать некорректного занижения риска конкретного актива и искаженной оценки его доходности. Включая параметр кредитного риска эмитента – экспертную оценку способности компании-эмитента обслуживать долг – в модель оценки доходности ЦФА, создаётся возможность количественно оценить премию за этот риск.

Более того, согласно теоретическому анализу рисков ЦФА на российском рынке [3], непосредственно кредитный риск эмитента является средним по критерию вероятности риска и относительно высоким по критерию силы воздействия. Таким образом, на основе всех перечисленных аспектов можно правомерно заключить, что оценка доходности цифровых финансовых активов невозможна без учета одного из ключевых рисков – кредитного риска эмитента ЦФА.

В данном исследовании для учета кредитного риска компании-эмитента и оценки его влияния на потенциальную доходность ЦФА в соответствии с методикой, предложенной в книге: «Рынок облигаций. Анализ и стратегии» [4] Фрэнка Дж. Фабоцци взят параметр кредитного рейтинга компании – независимая экспертная оценка способности организации выполнять свои финансовые обязательства перед контрагентами своевременно и в полной мере. Так, для компаний, для которых в работе анализируется потенциальная доходность выпущенных ЦФА, были собраны данные о кредитных рейтингах ведущего российского рейтингового агентства «Эксперт РА» [5]. Рейтинги присваиваются агентством с использованием национальной рейтинговой шкалы, что позволяет учитывать специфику и контекст российской экономики и сопоставлять рейтинги внутри страны. Более того, оценка компаний агентством «Эксперт РА» происходит через комплексную оценку финансовых показателей – рентабельности, ликвидности, долговой нагрузки, бизнес-профиля – уровня диверсификации, позиции на рынке, а также внешней экономической среды – различных макроэкономических и регуляторных факторов.

Важным вопросом при оценке влияния кредитного рейтинга эмитента ЦФА является вопрос оку-

паемости затрат на получение кредитного рейтинга. В данной работе будет предложен метод оценки окупаемости затрат на получение кредитного рейтинга, но реализация оценки будет представлена в дальнейших работах.

Во-первых, необходимо произвести количественную оценку выгоды: на основе построенной многофакторной модели определить «премию за отсутствие рейтинга» – разницу между фактической доходностью бумаг эмитентов без рейтинга и их расчетной доходностью. Последняя оценивается исходя из фундаментальных показателей компании и той доходности, которую она имела бы при наличии рейтинга (например, среднего по выборке эмитентов). В свою очередь, годовая экономия на процентных выплатах будет рассчитываться как произведение «премии за отсутствие рейтинга» на объем выпуска эмитента. Во-вторых, далее необходимо сопоставить выгоды и затраты относительно получения кредитного рейтинга: рассчитанная годовая экономия сопоставляется с издержками эмитента – стоимостью присвоения рейтинга и ежегодными платежами за его поддержание. Критерием окупаемости является превышение приведенной стоимости будущей экономии (рассчитанной на весь срок обращения облигации) над совокупными расходами на рейтинг. Предварительная оценка позволяет выдвинуть гипотезу, что для эмитентов, планирующих регулярные и объемные размещения, инвестиция в рейтинг экономически оправдана, а для компаний с разовыми или небольшими заимствованиями издержки, напротив, с высокой вероятностью будут превышать выгоду, что предоставляет эмитентам конкретный инструмент для обоснования управленческого решения.

Оценка доходности ЦФА с учетом кредитного риска

Перед анализом данных доходности ЦФА на российском рынке были проанализированы модели, способные оценить доходности цифровых активов: модель Фишера, многофакторная модель, модель Нельсона-Сигеля, модель *ARIMA+GARCH*, модель *DDM* с рисками и модель Монте-Карло. Для выбора лучшей модели для оценки доходности ЦФА каждая из вышеперечисленных моделей была оценена по следующим критериям:

1. Возможность адаптации к ЦФА (АЦ)

Модели Фишера и *DDM* основаны на предсказуемых денежных потоках (процентах, дивидендах), которые отсутствуют у большинства ЦФА, поэтому эти модели будут малоприменимыми к данным по ЦФА. В отличие от них, многофакторная модель позволяет учесть уникальные драйверы доходности ЦФА, такие как волатильность, ликвидность и момент, а модель Нельсона-Сигеля, в свою очередь, эффективно анализирует временную структуру срочного рынка ЦФА, извлекая информацию о будущих ожиданиях инвесторов. Так, две последние модели обладают самой высокой из всех способностью адаптации к оценке доходности ЦФА.

2. Учет временных эффектов (ВЭ)

Многофакторная модель и метод Монте-Карло напрямую учитывают временные эффекты: первая – через такие динамически изменяющиеся факторы как волатильность и ликвидность, а вторая – путем моделирования стохастических путей цены во времени. Модель *ARIMA+GARCH* также эффективно улавливает временные зависимости, фокусируясь на краткосрочных паттернах и кластеризации волатильности, в то время как модель Нельсона-Сигеля специализируется на временной структуре кривой доходности. В отличие от упомянутых моделей, статические модели *DDM* и Фишера опираются на единую ставку дисконтирования и не учитывают изменчивость риск-премий и рыночных условий с течением времени, что дает им низкую оценку относительно критерия учета временных эффектов.

3. Чувствительность к макроэкономическим шокам (МШ)

Многофакторная модель и метод Монте-Карло напрямую оценивают влияние макроэкономических шоков, явно включая показатели, подобные ключевой ставке и инфляции, в регрессионные факторы или стохастические сценарии. В свою очередь, модели Нельсона-Сигеля и *ARIMA+GARCH* учитывают эти шоки опосредованно – через их преломление в динамике временной структуры доходности и кластерах волатильности рынка. Классические модели *DDM* и Фишера демонстрируют низкую чувствительность к макрошокам, так как опираются на статические допущения о постоянстве денежных потоков и долгосрочных темпов роста.

4. Точность оценки (ТО)

Многофакторная модель демонстрирует высокую точность, поскольку она объясняет дисперсию доходности ЦФА через несколько систематических факторов риска, таких как волатильность и ликвидность. Модель Нельсона-Сигеля обеспечивает низкую среднеквадратичную ошибку *RMSE* за счет своей гибкости в точном воспроизведении временной структуры доходности, извлекая информацию о будущих ожиданиях из динамики форвардных ставок. В отличие от них, модель Монте-Карло, хоти и учитывает неопределенность, часто дает широкий доверительный интервал прогноза, что снижает ее точность, а *ARIMA+GARCH* фокусируется на краткосрочных паттернах, упуская влияние фундаментальных факторов.

5. Легкость интерпретации результатов (ЛИ)

Наиболее сложную для интерпретации результаты дают модели *ARIMA+GARCH* и Монте-Карло, поскольку они предоставляют либо статистические паттерны без экономического смысла, либо вероятностные распределения без четких причинно-

следственных связей. В то же время многофакторная модель и модель Нельсона-Сигеля обладают высокой простотой интерпретации, так как их параметры имеют прямую экономическую интерпретацию – факторов риска и компонентов временной структуры соответственно.

6. Гибкость модели (Г)

Наибольшей гибкостью обладают многофакторная модель, метод Монте-Карло и модель Нельсона-Сигеля, поскольку они позволяют напрямую включать новые переменные – дополнительные факторы риска, стохастические процессы или параметры временной структуры.

7. Устойчивость модели (У)

Наименее устойчивой из представленных является модель *ARIMA+GARCH*, которая критично зависит от длины и стационарности временного ряда, в то время как многофакторная модель и метод Монте-Карло показывают большую надежность при вариации исходных данных за счет адаптивной структуры параметров.

8. Сложность подготовки данных (ПД)

Модели *DDM*, Фишера и Нельсона-Сигеля характеризуются относительно низкой сложностью подготовки данных, так как они требуют ограниченного набора макроэкономических и рыночных показателей, а многофакторная модель и модель Монте-Карло, в свою очередь, нуждаются в сложной агрегации разнородных данных.

9. Сложность моделирования (СМ)

Наибольшую сложность моделирования демонстрируют модели Монте-Карло и *ARIMA+GARCH*: они требуют сложных стохастических вычислений и тонкой настройки параметров, в то время как модели *DDM* и Фишера остаются наиболее простыми в реализации благодаря прозрачным аналитическим формулам.

На основе описанных выше критериев каждая из рассматриваемых моделей была оценена по шкале от 1 до 5, и в результате этой оценки было принято решение, что наиболее подходящими для оценки доходности ЦФА моделями являются многофакторная модель и модель Нельсона-Сигеля (табл. 1).

Таблица 1

Матрица оценки моделей для оценки доходности ЦФА

Модель оценки доходности	АЦ	ВЭ	МШ	ТО	ЛИ	Г	У	ПД	СМ
Модель Фишера	2	1	2	3	5	2	4	5	5
Многофакторная регрессионная модель (*CAMP, etc.*)	5	5	5	5	4	5	3	5	4
Модель Нельсона-Сигеля	5	5	4	5	4	4	3	5	3
Модель *ARIMA+GARCH*	3	4	4	4	2	3	2	1	1
Модель *DDM* с рисками	2	1	2	4	5	2	4	5	5
Модель Монте-Карло	4	5	5	2	3	5	4	1	1

Составлена автором на основе проведенного анализа.

После выбора инструментария, для оценки доходности ЦФА были собраны реальные данные с российского рынка ЦФА: взяты доступные данные провайдера информации по финансовому сектору *Cbonds* по всем выпущенным ЦФА в России [6] в период до мая 2025 г. Исходные данные включали в себя 1174 выпуска ЦФА, которые были выпущены 241 компанией, принадлежащими 51 отрасли экономической деятельности.

Для целей данного исследования было принято решение исключить из исходной выборки ЦФА выпуски, соответствующие следующим критериям:

1. ЦФА выпущены банковской организацией:

Структура рынка ЦФА в России показывает сильное преобладание банковского сектора среди компаниях, выпускающих цифровые активы. Доминирование банков в эмиссии ЦФА объясняется как регуляторными преимуществами выпуска для банков, так и, как правило, развитой инфраструктурой для выпуска ценных бумаг. Большой научный интерес представляет анализ небанковского сектора эмитентов ЦФА в России, поэтому оценка доходности в данной работе будет сфокусирована на выпусках ЦФА компаниями реального сектора.

2. ЦФА выпущены непубличной компанией:

Фактическая сложность факторного анализа доходности ЦФА непубличных компаний заключается в том, что открытой отчетности компаний недостаточно либо вовсе нет. Так, в итоговой выборке для данного исследования были оставлены только публичные компании, финансовые показатели которых есть в публикуемой отчетности.

3. ЦФА выпущены компанией без кредитного рейтинга:

В силу специфики данной работы и преобладающего значения параметра кредитного рейтинга эмитента было принято решение оценивать доходность только ЦФА, выпущенных компаниями с кредитным рейтингом.

Таким образом, результирующая выборка включает в себя 123 выпуска ЦФА, выпущенных 40 публичными компаниями-эмитентами небанковского сектора, имеющими кредитный рейтинг.

Первой моделью, которая была выбрана для анализа данных доходности ЦФА, стала модель Нельсона-Сигеля, стандартное уравнение которой выглядит следующим образом:

$$y(\tau) = \beta_0 + \beta_1\left(\frac{1-e^{-\lambda\tau}}{\lambda\tau}\right) + \beta_2\left(\frac{1-e^{-\lambda\tau}}{\lambda\tau} - e^{-\lambda\tau}\right),$$

β_0 – асимптотическое значение доходности при бесконечном сроке (долгосрочная ставка);

β_1 – разница между краткосрочной и долгосрочной ставками (если $\beta_1 < 0$, кривая возрастает);

β_2 – определяет величину и направление «горба» кривой;

λ – скорость перехода от краткосрочных к долгосрочным ставкам (чем выше λ, тем быстрее затухает влияние β_1 и β_2).

В результате моделирования подхода Нельсона-Сигеля на данных по российским ЦФА модель показала коэффициент детерминации $R^2 = 0{,}214$, а значит, модель объясняет лишь 21 % вариации доходности долговых ЦФА. Это можно считать приемлемым результатом для финансовых данных, где на доходность влияют множество ненаблюдаемых факторов. Однако модель явно не учитывает важные драйверы доходности, такие как ликвидность, кредитный риск, рыночные шоки. Таким образом, было принято решение использовать многофакторную модель.

Для оценки доходности цифровых финансовых активов была выбрана многофакторная регрессионная модель оценки доходности. Аналогично CAPM-модели многофакторная регрессионная модель применяется для оценки ожидаемой доходности финансовых активов, опираясь на уровень риска вложений в тот или иной актив. Для использования модели берутся данные о рентабельности инвестиционного портфеля – показатель прибыли от вложений в акции конкретной компании. Также в модели вводятся значения безрисковой ставки (обычно соответствует прибыльности от банковских вложений) и премии за рыночный риск (отражает дополнительный доход от вложений в активы за счёт повышенного риска). В свою очередь, одним из коэффициентов модели будет коэффициент чувствительности инвестиционного дохода к уровню рыночного риска.

Для анализа доходности ЦФА на российском рынке в качестве безрисковой ставки была взята доходность ОФЗ сроком обращения 0,75 года, поскольку средний срок обращения ЦФА в выборке равен 0,6 года. В свою очередь, для оценки премии за рыночный риск был взят композитный индекс доходности корпоративных облигаций сроком менее 1 года (RUCBITR1Y), что релевантно относительно выпусков ЦФА в используемой выборке.

В контексте данных по ЦФА на российском рынке многофакторная модель оценки доходности имеет ряд преимуществ перед аналогичными моделями:

– возможность комбинировать рыночные, макроэкономические и связанные с компанией-эмитентом факторы;

– возможность оценить вклад каждого отдельного фактора доходности ЦФА;

– возможность прогнозировать влияние изменений рынка на доходность цифровых активов.

Перед непосредственным построением модели еще раз теоретически обоснуем релевантность многофакторной модели с анализом рыночной премии за риск: возможность использовать модель для оценки доходности ЦФА заключается в универсальности концепции систематического риска, который присущ любому рисковому активу. Цифровые облигации несут в себе несколько видов недиверсифицируемого риска: процентный риск (чувствительность к изменению ключевой ставки ЦБ), макроэкономический риск (зависимость от темпов роста ВВП) и рыночный риск ликвидности (связанный с общей склонностью инвесторов к риску). Для корректного применения модели была осуществлена важная адаптация: в качестве рыночного портфеля используется индекс корпоративных облигаций (RUCBITR1Y), а не акций. Это позволяет рассматривать цифровые облигации в рамках их естественного рыночного сегмента, где рыночная премия отражает риск инвестирования в диверсифицированный портфель долговых инструментов.

На данном этапе также важно отметить, что многофакторная регрессия оценки доходности будет напрямую учитывать уровень рыночного риска и его влияние на доходность конкретных активов, а значит учитывает в оценке рыночный риск ЦФА. В свою очередь, именно рыночный риск является самым высоким риском ЦФА – как по вероятности, так и по силе воздействия [3]. Рыночный риск заключается в высокой волатильности цен ЦФА по причине изменения макроэкономических условий (инфляция или ключевая ставка), спекуляций или низкой капитализации рынка. К примеру, на российском рынке ЦФА в 2024 г. токенизированные облигации, выпущенные РЖД, характеризовались флуктуациями от –25 % до +25 % за квартал из-за изменений ключевой ставки ЦБ. Таким образом, многофакторная модель с учетом премии за риск для оценки ЦФА обладает относительным преимуществом в силу того, что по умолчанию учитывает фактор рыночного риска.

Классическое уравнение регрессии многофакторной модели без дополнительных регрессоров идентично уравнению CAPM-модели и выглядит следующим образом:

$$\boldsymbol{ER_i = R_f + \beta_i (ER_m - R_f)},$$

где ER_i – ожидаемая доходность i-го актива,

R_f – безрисковая ставка,

ER_m – ожидаемая ставка рыночного риска,

β_i – «бета инвестиций» в i-ый актив.

На наших данных стандартная регрессия показала следующие результаты (табл. 2).

Как видно из спецификации модели в таблице 2, на первоначальном этапе была оценена базовая модель, в которой премия за риск по цифровым облигациям ($R - R_f$) объясняется исключительно рыночной риск-премией ($R_m - R_f$). В свою очередь, результаты оценки данной модели продемонстрировали коэффициент $\beta = 1{,}18$: это значение свидетель-

ствует о сверхвысокой чувствительности доходности цифровых облигаций к колебаниям рыночной конъюнктуры. Инструменты с бета-коэффициентом > 1, как правило, относятся к категории агрессивных активов: доходность таких активов в среднем изменяется сильнее, чем доходность рыночного портфеля. В нашем случае рост рыночной премии на 1 п.п. ассоциируется с увеличением премии за риск по цифровым облигациям на 1,18 п.п.

Объяснительная способность модели ($R^2 = 0,72$) относительно низкая, что указывает на наличие сторонних, неучтенных в модели систематических факторов, влияющих на формирование доходности ЦФА. Полученный результат, хотя и статистически значимый, вызывает фундаментальные вопросы: выявленная зависимость не согласуется с природой цифровых облигаций с их относительно коротким сроком обращения и специфическим составом эмитентов.

Ограниченность данной модели нуждается в ее содержательном развитии. С точки зрения финансовой теории, ключевым драйвером доходности любых корпоративных долговых инструментов, наряду с рыночным риском, является кредитное качество эмитента. Именно игнорирование этого фактора могло стать причиной смещенности оценок и некорректной интерпретации результатов. Таким образом, была выдвинута гипотеза, что высокий коэффициент бета в первоначальной модели может быть следствием пропущенной переменной: доходность цифровых облигаций реагирует не только на общерыночные колебания, но и на изменения в оценке кредитного риска. В свою очередь, в силу добавления фактора кредитного рейтинга, итоговое уравнение приняло следующий вид:

$$ER_i - R_f = \beta_i (ER_m - R_f) \rightarrow R_p = \beta_i \bullet mr \rightarrow$$

$$\rightarrow R_p = \beta_1 \bullet mr + \beta_2 \bullet cr_{score}$$

где *mr* – рыночная премия (разница между ожидаемой доходностью рынка и безрисковой ставкой).

Необходимо отметить, как в модель включался параметр кредитного рейтинга компании-эмитента: были собраны данные рейтингов компаний выборки от агентства «Эксперт РА» по национальной шкале от наименьшего уровня финансовой надежности *ruD* до наибольшего – *ruAAA*, а затем рейтинги эмитентов выборки были проранжированы от 1 до 16 (при этом значение 1 соответствовало рейтингу *ruD*, а 16 – рейтингу *ruAAA*). По итогам добавления в модель переменной кредитного рейтинга (cr_{score}) были получены следующие результаты (табл. 3).

Данные результаты говорят о том, что посредством добавления параметра кредитного рейтинга эмитента был скорректирован бета-коэффициент: значение рыночного бета-коэффициента снизилось с 1,18 до 0,99. Такой результат означает, что после того как была «очищена» доходность от компонента, связанного с кредитным риском, истинная чувствительность цифровых облигаций к систематическому рыночному риску оказалась близка к среднерыночной ($\beta \approx 1$).

Оценка влияния кредитного рейтинга на доходность долговых ЦФА показала значимый коэффициент при переменной cr_{score} со значением 0,06. В рамках используемой шкалы, где более высокое значение соответствует лучшему рейтингу, это, однако, по-прежнему указывает на аномалию: модель показывает рост доходности при улучшении кредитного качества эмитента, что противоречит теории. Таким образом, добавление переменной кредитного

Таблица 2

Многофакторная модель №1: фактор рыночной риск-премии

	коэффициент	ст. ошибка	*t*-статистика	*p*-значение
$Risk_{premium}$	1,17806	0,0677	17,40	7,59e-035 ***

Среднее завис. переменой	3,6504	Ст. откл. завис. переменной	2,0413
Сумма кв. остатков	604, 51163	Ст. ошибка модели	2,2259
R-квадрат	0,7184	Исправленный *R*-квадрат	0,7184
F (1, 122)	302,7710	*P*-значение (*F*)	7,59e-35
Лог. правдоподобие	-272, 4525	Крит. Акаике	546, 9049
Крит. Шварца	549,7171	Крит. Хеммама-Куимма	548, 0472

Составлена автором на основе проведенного анализа.

Таблица 3

Многофакторная модель № 2: факторы рыночной риск-премии и кредитного рейтинга эмитента

	коэффициент	ст. ошибка	*t*-статистика	*p*-значение
$Risk_{premium}$	0,99821	0,0952	10,48	1,09e-018 ***
Cr_{score}	0,05567	0,0195	2,899	0,0044 ***

Среднее завис. переменой	3,6504	Ст. откл. завис. переменной	2,0413
Сумма кв. остатков	584, 5353	Ст. ошибка модели	2,1979
R-квадрат	0,7277	Исправленный *R*-квадрат	0,7255
F (1, 122)	171,5047	*P*-значение (*F*)	4,83e-36
Лог. правдоподобие	-270,3854	Крит. Акаике	544,7707
Крит. Шварца	550,3951	Крит. Хеммама-Куимма	547,0553

Составлена автором на основе проведенного анализа.

риска стало логичным и обоснованным шагом, который позволил скорректировать коэффициент бета, приблизив его к более реалистичным значениям, и повысить общую точность модели (R^2 = 0,73). Однако сохраняющаяся аномалия в знаке при cr_score четко сигнализирует о том, что процесс спецификации модели не завершен и требует учета дополнительных систематических факторов.

Согласно экономической теории, одним из ключевых макроэкономических факторов, оказывающих сильнейшее влияние на доходность всех долговых инструментов, является инфляция. Инфляционные ожидания напрямую влияют на требуемую инвесторами номинальную доходность, так как они стремятся сохранить реальную покупательную способность своих вложений. Вследствие этого была выдвинута гипотеза, что именно переменная инфляции, будучи тесно связанной с общим уровнем доходности на рынке, может быть той пропущенной переменной, которая искажает оценку влияния кредитного риска в нашей модели. Для проверки этой гипотезы в модель был введен третий регрессор – уровень инфляции ($infl_{rate}$).

Таким образом, уравнение регрессии с новой спецификацией приняло следующий вид:

$$ER_i - R_f = \beta_i (ER_m - R_f) \rightarrow R_p = \beta_i \bullet mr \rightarrow$$
$$\rightarrow R_p = \beta_1 \bullet mr + \beta_2 \bullet cr_{score} + \beta_3 \bullet infl_{rate}$$

По итогам регрессионного анализа модели с факторами кредитного рейтинга эмитента ЦФА и инфляции были полученные следующие результаты (табл. 4).

По результатам оценки расширенной многофакторной модели с учетом инфляции подтвердилась гипотеза: коэффициент при кредитном рейтинге приобрел ожидаемый отрицательный знак (–0,18), что свидетельствует о том, что после контроля за инфляционным давлением модель начала адекватно оценивать вклад кредитного риска в доходность цифровых облигаций.

В свою очередь, инфляция оказалась статистически и экономически значимым фактором: коэффициент при переменной 0,56 демонстрирует, что данная переменная оказывает наиболее сильное влияние на премию за риск по сравнению с другими факторами в модели. Таким образом, добавление в модель параметра инфляции представляется не просто механическим добавлением регрессора, а содержательным улучшением спецификации модели, позволяющим получить экономически интерпретируемые и теоретически обоснованные результаты. Необходимость добавления фактора инфляции в нашу модель наглядно показывает, что игнорирование инфляционного фактора может приводить к серьезным искажениям в оценке фундаментальных взаимосвязей на долговом рынке, в частности, к некорректной оценке кредитного спреда. Именно последняя спецификация модели будет использована для формирования выводов о влиянии кредитного рейтинга эмитента ЦФА на доходность актива.

Выводы

В ходе эмпирического анализа была оценена многофакторная регрессионная модель с тремя ключевыми факторами: премией за рыночный риск ($R_m - R_f$), кредитным рейтингом эмитента (cr_{score}) и уровнем инфляции. Полученные результаты позволяют сделать содержательные выводы о природе формирования доходности ЦФА:

1. Низкая чувствительность к систематическому рыночному риску (β = 0,30):

Значение коэффициента β свидетельствует о существенно низкой чувствительности доходности цифровых облигаций к колебаниям всего рынка корпоративного долга. Согласно оценке модели, при изменении рыночной премии на 1 п.п. премия за риск по цифровым облигациям изменяется в том же направлении, но лишь на 0,30 п.п. Такая характеристика позволяет классифицировать цифровые облигации как защитный актив в структуре долгового рынка: доходность ЦФА в значительно меньшей степени зависит от общерыночных колебаний по сравнению со средней корпоративной облигацией. Это может объясняться как особенностями эмитентов, выходящих на рынок ЦФА, так и относительно короткими сроками обращения данных инструментов, что снижает их процентный риск.

2. Значимое влияние кредитного риска (β_2 = –0,18):

Отрицательный знак коэффициента при переменной кредитного рейтинга

Таблица 4

Многофакторная модель № 3: факторы рыночной риск-премии, кредитного рейтинга эмитента и инфляции

	коэффициент	ст. ошибка	*t*-статистика	*p*-значение
$Risk_{premium}$	0,2922	0,1091	2,678	0,0084 ***
Cr_{score}	-0,1764	0,0396	-4,452	1,92e-05 ***
$Infl_{rate}$	0,5577	0,0765	7,287	3,65e-011 ***

Среднее завис. переменой	3,6504	Ст. откл. завис. переменной	2,0413
Сумма кв. остатков	391,8500	Ст. ошибка модели	1,8070
R-квадрат	0,8175	Исправленный *R*-квадрат	0,8970
F (1, 122)	203, 5883	*P*-значение (*F*)	6,76e-47
Лог. правдоподобие	-245,7892	Крит. Акаике	497,5783
Крит. Шварца	550,3951	Крит. Хеммама-Куимма	501,0052

Составлена автором на основе проведенного анализа.

полностью соответствует фундаментальным принципам финансов: с улучшением кредитного качества эмитента требуемая премия за риск снижается. В частности, по итогам оценки модели, увеличение кредитного рейтинга на одну категорию (в рамках использованной шкалы) ассоциируется со снижением премии за риск на 0,18 п.п. Этот результат подтверждает, что инвесторы на рынке цифровых облигаций рационально оценивают кредитный риск и требуют более высокой доходности от эмитентов с более низкими рейтингами. Наличие статистически значимой и экономически логичной зависимости от кредитного рейтинга указывает на зрелость подхода инвесторов к оценке этого сегмента.

3. Высокая чувствительность к инфляции (β_3 = 0,56):

Наиболее сильное влияние на премию за риск оказывает фактор инфляции: полученное значение коэффициента означает, что рост инфляции на 1 п.п. приводит к увеличению требуемой премии за риск по ЦФА на 0,56 п.п. Это демонстрирует то, что инвесторы воспринимают цифровые облигации как актив, недостаточно защищенный от инфляционного риска, и закладывают в свою доходность значимую компенсацию. В контексте денежно-кредитной политики данный вывод имеет важное значение: ужесточение монетарной политики и снижение инфляции может способствовать сокращению доходностей цифровых облигаций, делая их более привлекательными для эмитентов.

Таким образом, модель оценки доходности ЦФА с учетом кредитного рейтинга не только обладает статистической значимостью, но и демонстрирует высокую степень соответствия финансовой теории, что подтверждает ее адекватность. Выявленный профиль риска цифровых облигаций характеризуется низкой зависимостью от общерыночной конъюнктуры, адекватной оценкой кредитного риска, но высокой чувствительностью к инфляции. В свою очередь, с практической точки зрения результаты исследования позволяют инвесторам лучше понимать драйверы доходности цифровых облигаций и учитывать их при построении инвестиционных портфелей. А для эмитентов эти выводы важны с позиции управления стоимостью заемного финансирования: в условиях высокой инфляции размещение может быть сопряжено с повышенными купонными выплатами. Для дальнейшего развития данного сегмента рынка потенциально актуальным может стать введение инструментов, обеспечивающих защиту от инфляции, что могло бы снизить стоимость заимствований для эмитентов.

Заключение

По итогам исследования значимости влияния кредитного рейтинга эмитента и оценки доходности ЦФА с учетом этого фактора можно заключить, что кредитный рейтинг играет доказанную роль в снижении стоимости привлечения капитала компаниями российского реального сектора. Рынок ЦФА в России демонстрирует черты «зрелости» адекватно реагируя на кредитное качество заемщика. Анализ многофакторной модели оценки доходности ЦФА реального сектора выявил статистически значимую обратную связь: эмитенты с более высоким кредитным рейтингом размещают свои цифровые активы с более низкой доходностью, а значит, кредитный рейтинг на российском рынке ЦФА правомерно воспринимается как индикатор кредитного риска эмитента, а премия за риск для компаний с низким рейтингом – существенна.

Результаты исследования имеют большое значение для эмитентов ЦФА в реальном секторе: управление кредитным рейтингом трансформируется из вспомогательной функции в стратегический приоритет, непосредственно определяющий стоимость фондирования через ЦФА. Согласно полученным значимым результатам, можно дать компаниям-эмитентам на рынке ЦФА следующие рекомендации:

– важно получить публичный кредитный рейтинг, т.к. сам факт наличия кредитного рейтинга у эмитента сигнализирует о прозрачности и снижает информационную асимметрию на рынке;

– для улучшения своего рейтинга необходимо целенаправленно работать над финансовыми показателями: снижать долговую нагрузку компании, повышать рентабельность и стабильность денежных потоков;

– следует использовать высокий кредитный рейтинг как маркетинговое преимущество в коммуникации с потенциальными инвесторами на площадках ОИС.

Таким образом, рынок ЦФА демонстрирует зрелую реакцию на кредитный рейтинг эмитентов: высокий кредитный рейтинг снижает стоимость привлечения капитала через ЦФА за счет надежности эмитента в исполнении своих кредитных обязательств.

Литература:

1. Годовой отчет Банка России 2024. URL:https://cbr.ru/collection/collection/file/55239/ar_2024.pdf (дата обращения: 01.10.2025).
2. В Минфине РФ допустили, что рынок ЦФА к концу года приблизится к 2 трлн рублей. URL: https://www.interfax.ru/forumspb/1031806 (дата обращения: 06.10.2025).

3. Сидоренко А.В. Оценка доходности и рисков ЦФА на российском рынке // Вестник Академии знаний. 2025. №. 3 (68). С. 708–713.
4. Фабоцци Фрэнк Дж. Рынок облигаций. Анализ и стратегии. М.: Альпина, 2017. 1195 с.
5. Рейтинговое агентство Эксперт РА. URL: https://raexpert.ru (дата обращения: 02.09.2025).
6. Cbonds: Поиск облигаций. URL: https://cbonds.ru/bonds/?emitent_country_id=0-2&cfa=1&order=document&dir=asc (дата обращения: 29.08.2025).
7. Ji Z. et al. Empirical research on the Fama-French three-factor model and a sentiment-related four-factor model in the Chinese blockchain industry // Sustainability. 2020. Т. 12. №. 12. P. 5170. DOI:10.3390/su12125170/
8. Атомайз: Цифровые финансовые активы. Версия 2.0. URL: https://atomyze.ru/files/20240812-Kniga-DFA-mobile.pdf (дата обращения: 17.04.25)/
9. Кузьмин П. С. Риски использования цифровых финансовых активов промышленными предприятиями: эмпирический анализ // Общество: политика, экономика, право. 2023. №. 10. С. 70–77.
10. Мурадян С.В. Цифровые активы: правовое регулирование и оценка рисков // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1. С. 123–151. https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.5.
11. Обзор цифровых активов в России и за рубежом: 2024 г. и прогноз на 2025 г. URL: https://kkmp.legal/news/obzor-cifrovyh-aktivov-v-rossii-i-za-rubezhom (дата обращения: 20.04.25).
12. Сидоренко А.В. Потенциал выпуска ЦФА в России на различных рынках // Вестник Академии знаний. 2025. №. 1 (66). С. 727–735.
13. Станкевич В.С., Власов А.В. Обзор цифровых активов. Тенденции развития цифровых финансовых активов в РФ и прогноз развития // Russian Journal of Economics and Law. 2024. Т. 18. №. 2. С. 422–452. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.422-452
14. Сударикова И.А., Прянишникова М.В. Инвестиционные риски на рынке цифровых финансовых активов: возможности оценки и снижения // Математическое и компьютерное моделирование в экономике, страховании и управлении рисками: сборник статей. Саратов: Саратовский нац. исслед. гос. ун-тет имени Н. Г. Чернышевского, 2024. Вып. 9. С. 237–243.

Return Assessment for DFA Considering Credit Risk

Sidorenko A.V.
Financial University under the Government of the Russian Federation, Gazprombank (Joint Stock Company)

This article analyzes digital financial assets in terms of their potential returns and associated risks. It addresses approaches to assessing the returns and risks of alternative financial instruments: to ensure the continued growth and development of the Russian digital financial asset market, effective theoretical and methodological approaches to assessing digital financial assets are needed, making this work relevant. The scientific and practical novelty of this work lies in identifying the factors influencing digital financial asset returns and developing a model for assessing digital financial asset returns. Asset returns are estimated using data on digital financial asset issues by publicly traded Russian non-banking companies. Multivariate regression analysis was used to assess digital financial asset returns. Since one of the key risks of digital financial assets is issuer credit risk, all issuers in the sample were assigned a credit rating, which was subsequently incorporated into the return assessment model. The results of a regression analysis of returns, taking into account the issuer's credit rating, allowed us to draw significant conclusions about the inverse relationship between market returns and digital financial asset returns, and also demonstrated the importance of taking credit risk and inflation into account when assessing digital financial asset returns. This article is of great value for further empirical research into assessing digital financial asset returns in the Russian market.

Keywords: digital financial assets, DFA risks, risk matrix, profitability assessment

УДК 351.71
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-98-102

Особенности организации муниципального управления на территориях опережающего развития

Соколов А.П.
Доктор экономических наук, профессор кафедры цифровой экономики и предпринимательства Российской государственной академии интеллектуальной собственности, профессор базовой кафедры управления инновационной и промышленной политикой Российского государственного университета им. Г.В. Плеханова (Москва)

Рыжов И.В.
Доктор экономических наук, профессор кафедры управления инновациями и коммерциализации интеллектуальной собственности Российской государственной академии интеллектуальной собственности (Москва)

Актуальность темы исследования обусловлена высокой значимостью проблемы развития региональной экономики. Среди крупных программ последнего времени, направленных на модернизацию монопрофильных населенных пунктов, – проект комплексного развития моногородов, включенный в перечень приоритетных направлений Советом по стратегическому развитию и приоритетным проектам при Президенте РФ. Целью данного исследования является анализ особенностей организации муниципального управления на территориях опережающего развития (ТОР) как инструмента стимулирования социально-экономического развития регионов. Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи: анализ правовых и организационных основ деятельности органов местного самоуправления в ТОРах, включая специальные полномочия; исследование механизма делегирования полномочий и привлечения инвестиций; изучение вопросов развития инфраструктуры, управления земельными ресурсами и кадрового обеспечения. На основе проведенного анализа были выявлены проблемы и предложены направления совершенствования муниципального управления в ТОРах для повышения их эффективности и конкурентоспособности. Результаты исследования могут быть использованы в дальнейших научных работах по теме муниципального управления на ТОР, а также в практической деятельности органов местного самоуправления при реализации программ развития территорий.

Ключевые слова: *муниципальное управление, территории опережающего развития, особый режим хозяйственной деятельности, социально-экономическое развитие, местное самоуправление*

Для цитирования: *Соколов А.П., Рыжов И.В. Особенности организации муниципального управления на территориях опережающего развития // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 98–102. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-98-102.*

В условиях современной экономической реальности территории опережающего развития (далее – ТОР) выступают ключевым инструментом стимулирования социально-экономического роста регионов и диверсификации экономики страны. Однако успешное функционирование ТОР требует не только привлечения инвестиций и создания благоприятных условий для бизнеса, но и эффективной организации муниципального управления, учитывающей специфику и задачи, стоящие перед такими территориями.

Данная статья посвящена исследованию особенностей организации муниципального управления на территориях опережающего развития, анализу существующих моделей управления и выявлению ключевых факторов, влияющих на эффективность муниципального управления в контексте ТОР.

Актуальность темы обусловлена необходимостью адаптации традиционных подходов к муниципальному управлению к новым условиям, характеризующимся повышенными темпами развития, привлечением значительных инвестиций и необходимостью обеспечения сбалансированного развития экономики и социальной сферы. Понимание особенностей организации муниципального управления на территориях опережающего развития позволит разработать рекомендации по совершенствованию управленческих практик, способствующих достижению целей и задач, поставленных перед ТОР.

Понятие и сущность территорий опережающего развития

Территории опережающего развития представляют собой специально выделенные зоны экономического роста, создаваемые с целью ускоренного развития конкретных регионов и диверсификации экономики России. По своей сути, это инструмент пространственного развития, ориентированный на привлечение инвестиций, создание новых рабочих мест и стимулирование инновационной деятельности.

Ключевая цель ТОР – формирование благоприятного инвестиционного климата, способствующего ускоренному социально-экономическому развитию территории, которое зачастую отстает от среднероссийских показателей. Это достигается за счет предоставления резидентам ТОР особого льготного режима, включающего налоговые преференции, упрощенные административные процедуры и инфраструктурную поддержку.

Задачи ТОР многогранны и охватывают как экономическую, так и социальную сферы: это и стимулирование экономического роста, и диверсификация региональной экономики, и создание новых производств и технологий, и улучшение качества жизни населения, и развитие инфраструктуры.

Правовое регулирование деятельности ТОР осуществляется на федеральном уровне, в частности, Федеральным законом от 29.12.2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации». Закон определяет порядок создания ТОР, требования к резидентам, виды деятельности, которые могут осуществляться на ТОР, а также меры государственной поддержки, предоставляемые резидентам [1]. Финансовая составляющая муниципального управления на ТОР имеет свои особенности. Муниципалитетам предоставляются дополнительные источники финансирования, такие как целевые субсидии из регионального бюджета и отчисления от налоговых поступлений резидентов ТОР. К примеру, в ТОР «Хабаровск» доля налоговых поступлений, остающихся в распоряжении муниципалитета, увеличена на 15 %, что позволяет направлять эти средства на развитие социальной и транспортной инфраструктуры [2]. Однако при этом возникает необходимость усиленного контроля за целевым использованием бюджетных средств и предотвращением коррупционных рисков.

Особенностью является более активное участие муниципалитета в разработке стратегических документов, определяющих развитие ТОР. В ТОР «Комсомольск» представители муниципалитета входят в состав совета по инвестициям, который принимает решения о приоритетных направлениях развития и мерах поддержки резидентов. Это позволяет учитывать интересы местного населения и обеспечивать сбалансированное развитие территории [3]. В сфере управления земельными ресурсами муниципалитеты на ТОР наделяются правом оперативного изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд, необходимых для реализации инвестиционных проектов. Однако при этом необходимо соблюдать права собственников и обеспечивать справедливую компенсацию за изъятые земельные участки [4]. Примером успешной организации муниципального управления на ТОР является ТОР «Южная Якутия», где благодаря эффективному взаимодействию муниципалитета, УК ТОР и региональных властей удалось привлечь крупных инвесторов в горнодобывающую промышленность и создать более 5000 новых рабочих мест [2]. В то же время в некоторых ТОР возникают проблемы, связанные с недостаточной квалификацией муниципальных служащих и неэффективным взаимодействием с УК ТОР, что приводит к затягиванию сроков реализации инвестиционных проектов.

ТОР «Хабаровск» в Дальневосточном федеральном округе, специализируется на развитии машиностроения, металлообработки и деревообработки. Благодаря льготному режиму и государственной поддержке она привлекла ряд крупных инвесторов, создала тысячи новых рабочих мест и способствовала увеличению объема промышленного производства в регионе. Другой пример – ТОР «Надеждинская» в Приморском крае, ориентированная на

развитие логистики и производства строительных материалов. Резиденты этой ТОР получили возможность снизить налоговую нагрузку, упростить административные процедуры и получить доступ к развитой инфраструктуре, что позволило им успешно реализовать крупные инвестиционные проекты и внести значительный вклад в экономическое развитие региона.

Муниципальное управление на территориях опережающего развития приобретает уникальные черты, существенно отличающиеся от традиционных муниципалитетов, поскольку подвержено интенсивному воздействию специфических факторов развития, которые кардинально меняют как задачи, так и методы управления. Ключевое отличие заключается в необходимости оперативной адаптации к стремительным темпам роста и изменениям, обусловленным привлечением значительных инвестиций и быстрым развитием экономики [5].

Экономические факторы оказывают прямое влияние на муниципальное управление. ТОР ориентированы на привлечение частных инвестиций и создание новых рабочих мест, что требует от муниципалитета обеспечения прозрачности и скорости предоставления земельных участков, выдачи разрешений на строительство и подключения к инженерным сетям. Затягивание этих процессов, даже незначительное, может привести к оттоку инвесторов, что негативно скажется на развитии территории. В качестве примера можно привести ТОР «Михайловский» в Приморском крае, где упрощение процедур землепользования позволило резидентам в короткие сроки реализовать крупные сельскохозяйственные проекты. Муниципалитет должен быть готов к взаимодействию с крупными инвесторами, предоставляя им консультации и помощь в решении административных вопросов.

Размещение значительной части территорий опережающего развития в восточных регионах России, особенно на Дальнем Востоке и в Сибири (рис. 1), обусловлено комплексным набором стратегических и экономических императивов. Прежде всего, это связано с геополитическими приоритетами и необходимостью укрепления позиций России в Азиатско-Тихоокеанском регионе (далее – АТО). Развитие Дальнего Востока рассматривается как ключевой фактор усиления экономического и политического влияния страны в этом динамично развивающемся макрорегионе, где ТОР выступают инструментом привлечения инвестиций и интеграции в региональные экономические процессы. Близость к перспективным рынкам АТР дает российским предприятиям, работающим в рамках ТОР, уникальную возможность для беспрепятственного выхода на гигантские рынки Китая, Японии, Южной Кореи и других стран, что способствует их интеграции в глобальные производственные и логистические цепочки. Таким образом, концентрация ТОР на востоке России – это результат взвешенной государственной политики, нацеленной на комплексное развитие этих стратегически важных территорий.

Оценка эффективности муниципального управления территорий опережающего развития и разработка рекомендаций по оптимизации организационной структуры

Общий рост ВРП территории опережающего развития должен не просто превышать среднерегиональные значения, а демонстрировать устойчивую динамику, напрямую связанную с деятельностью резидентов ТОР. К примеру, в ТОР «Хабаровск» за период 2020–2024 гг. ВРП, генерируемый резидентами, увеличился на 75 %, достигнув отметки в 120 млрд руб. Это стало возможным благодаря реализации крупных проектов в сфере машиностроения и металлообработки, где ключевую роль сыграла оперативная выдача разрешений и предоставление земельных участков муниципалитетом [5].

Объем инвестиций, привлеченных в ТОР, является прямым следствием эффективности муниципальных решений, связанных с созданием благоприятного инвестиционного климата. В ТОР «Надеждинская» в Приморском крае, благодаря налоговым льготам и упрощенным административным процедурам, объем инвестиций за тот же период превысил 80 млрд руб., что позволило создать логистический комплекс класса «А» и запустить производство современных строительных материалов. Муниципальное управление здесь продемонстрировало способность гибко реагировать на запросы инвесторов, предоставляя им необходимые ресурсы и поддержку [5].

Рис. 1. ТОРы на карте России [5]

Однако стоит отметить, что в ТОР «Южная Якутия», несмотря на значительные запасы полезных ископаемых, объем инвестиций рос менее динамично, увеличившись всего на 40 % за аналогичный период, что указывает на наличие нерешенных проблем в сфере инфраструктуры и административного регулирования на муниципальном уровне [5].

Показатель создания новых рабочих мест отражает не только экономический рост, но и социальную эффективность функционирования ТОР. В ТОР «Комсомольск», специализирующейся на авиастроении, было создано более 5000 новых рабочих мест, что позволило снизить уровень безработицы в городе на 15 %. Здесь муниципалитет активно сотрудничал с предприятиями-резидентами, организуя программы переподготовки кадров и предоставляя льготы на жилье для работников. Однако в ТОР «Белогорск» (Амурская область), ориентированной на сельское хозяйство, количество созданных рабочих мест оказалось значительно меньше – около 1000, что свидетельствует о необходимости принятия дополнительных мер по стимулированию развития малого и среднего бизнеса в этой сфере [6].

Разработка рекомендаций по оптимизации организационной структуры муниципального управления на территориях опережающего развития должна исходить из необходимости обеспечения максимальной гибкости, оперативности и клиентоориентированности, адаптированной под динамичные требования инвестиционной среды. Ключевым аспектом является усиление интеграции и координации между муниципальными органами и управляющей компанией ТОР, минимизируя дублирование функций и бюрократические барьеры.

Одним из эффективных направлений является создание специализированного единого центра компетенций или «проектного офиса» в структуре муниципального управления, ориентированного исключительно на сопровождение резидентов ТОР. Такой офис должен объединять специалистов из различных муниципальных департаментов (землепользование, градостроительство, инфраструктура, выдача разрешений) под единым руководством. Это позволит резиденту обращаться в «одно окно» по всем вопросам, сокращая время на согласования. Например, вместо того чтобы подавать отдельные заявления в земельный комитет, архитектуру и отдел ЖКХ, инвестор обращается в этот офис, который самостоятельно координирует внутренние процессы. Подобная модель успешно внедряется в ТОР «Камчатка», где создан отдельный департамент по взаимодействию с резидентами, сокративший средний срок выдачи разрешений на строительство с 90 до 45 дней.

Далее, целесообразно рассмотреть делегирование части полномочий по второстепенным, но ресурсоемким процессам непосредственно управляющей компании ТОР или специализированным муниципальным предприятиям, находящимся под контролем муниципалитета. Это может касаться технического надзора за подключением к коммунальным сетям или даже частичного управления инфраструктурными объектами. Примером может служить передача функций по выдаче некоторых видов технических условий на подключение к сетям, принадлежащим УК ТОР, непосредственно этой компании. Это разгружает муниципальных служащих и ускоряет процесс для инвестора. Конечно, это требует четкого регламентирования и механизмов муниципального контроля.

Кроме того, крайне важным является внедрение матричной структуры управления или регулярных межведомственных рабочих групп. Это означает, что при сохранении традиционных департаментов создаются временные или постоянные команды, состоящие из представителей различных муниципальных служб, УК ТОР и даже представителей резидентов, для решения конкретных инвестиционных задач или инфраструктурных проектов. Такая структура позволяет оперативно формировать экспертные группы для рассмотрения сложных проектов, как это практикуется в ТОР «Свободный», где для каждого крупного инвестпроекта создается межведомственная рабочая группа с участием представителей муниципалитета и УК, сокращая время принятия решений на 20–25 % [2].

Наконец, необходима цифровизация всех процессов. Внедрение единых электронных платформ для подачи заявлений, отслеживания статуса документов и получения консультаций является неотъемлемой частью современной оптимизации. Это не только повышает прозрачность, но и значительно сокращает административные издержки и сроки. Внедрение региональной ГИС «Инвестиции» с модулем для ТОР в Хабаровском крае позволило сократить количество физических визитов инвесторов в органы власти до минимума, а срок получения ряда услуг – на 15–20 % [2].

Выводы

Организация муниципального управления на территориях опережающего развития представляет собой сложную и многогранную задачу, требующую адаптации традиционных подходов к новым реалиям и повышенной ответственности. Исследование специфики муниципального управления на ТОР, включающее анализ влияния экономических, социальных, инфраструктурных и институциональных факторов, выявило ключевые проблемы и ограничения, препятствующие эффективному развитию этих территорий. Оценка экономических показателей, таких как темпы роста ВРП, объем инвестиций и создание рабочих мест, позволила выявить успешные практики и проблемные зоны, требующие особого внимания. Разработанные рекомендации по

оптимизации организационной структуры муниципального управления, включающие создание единых центров компетенций, делегирование полномочий и внедрение цифровых технологий, направлены на повышение эффективности и прозрачности деятельности органов местного самоуправления, а также на создание благоприятного инвестиционного климата. Успешная реализация этих рекомендаций позволит обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие ТОР и повышение качества жизни населения.

Литература:

1. Федеральный закон от 29.12.2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего развития в Российской Федерации» (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс.
2. Чертковский А.Р., Миронова М.Н. Территории опережающего развития как мера государственного регулирования социально-экономического развития в Приморском крае // Креативная экономика. 2023. Т. 17. № 7. С. 2563–2580.
3. Абдуллина А.Р. Правовая природа органов управления территорий опережающего социально-экономического развития // Административное и муниципальное право. 2018. № 3. С. 36–41.
4. Усманова Р.М. Создание территорий опережающего социально-экономического развития как мера государственной поддержки муниципальных образований // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 6. С. 54–57.
5. Колесников А.В. Особенности организации муниципального управления в особых территориях с экономическими преференциями // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 6(143). С. 108–119.
6. Лакаев О.А. Правовая политика в сфере организации публичного управления на территориях опережающего социально-экономического развития // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 1. С. 23–31.

Features of Municipal Management in Priority Development Areas

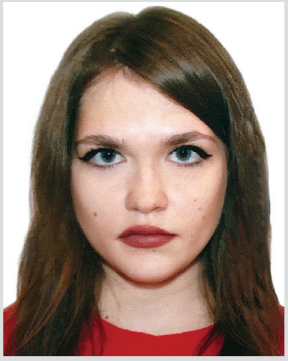
Sokolov A.P.
Russian State Academy of Intellectual Property,
Plekhanov Russian University of Economics
Ryzhov I.V.
Russian State Academy of Intellectual Property

The relevance of this article stems from the significant importance of regional economic development. Among the major recent programs aimed at modernizing single-industry towns is the "integrated development of single-industry towns" project, included in the list of priority areas by the Council for Strategic Development and Priority Projects under the President of the Russian Federation. The purpose of this study is to analyze the organizational characteristics of municipal governance in priority development areas (PDAs) as a tool for stimulating the socioeconomic development of regions. To achieve this goal, the following objectives were set: an analysis of the legal and organizational framework for the activities of local governments in PDAs, including special powers; an analysis of the mechanism for delegating authority and attracting investment. Particular attention is given to infrastructure development, land management, and staffing. Based on the analysis, problems were identified and areas for improving municipal governance in PDAs were proposed to enhance their efficiency and competitiveness. The results of this study can be used in subsequent research on municipal governance in PDAs.

Keywords: municipal management, priority development areas, special economic regime, socio-economic development, and local self-government

УДК 354
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-103-108

Новые организационно-методические подходы к оценке и анализу устойчивого развития экономических субъектов государственного сектора*

Соколовская А.А.
Старший преподаватель кафедры финансового контроля
и казначейского дела, младший научный сотрудник
Института финансовых исследований Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации (Москва)

Вопросы устойчивого развития организаций государственного сектора приобретают все большую актуальность в условиях волатильности внешней и внутренней среды, необходимости достижения национальных целей и стратегических приоритетов Российской Федерации, поскольку именно от качества реализации государственной политики зависит долгосрочное социально-экономическое развитие современного общества и будущих поколений.

Целью исследования признается развитие организационно-методического обеспечения анализа и оценки ESG-ответственности организаций государственного сектора.

Научная и практическая значимость работы заключается в возможности применения полученных результатов при формировании методики оценки устойчивого развития организаций государственного сектора для целей государственного финансового контроля (ESG-контроля) и внутреннего ESG-аудита экономических субъектов. Так, решение поставленных задач позволило предложить новые организационно-методические подходы к оценке и анализу ESG-ответственности экономических субъектов государственного сектора: привести приоритизацию целей устойчивого развития; систематизировать содержательные аспекты устойчивого развития по типам экономических субъектов государственного сектора; обосновать необходимость оценки экономической компоненты в вопросах устойчивого развития путем формирования синергетики факторов устойчивого развития; сформировать организационную модель оценки и анализа устойчивого развития экономических субъектов государственного сектора.

Ключевые слова: *устойчивое развитие, государственный сектор, экологическая, социальная, корпоративная ответственность, экономическая компонента, ESG-факторы*

Для цитирования: *Соколовская А.А. Новые организационно-методические подходы к оценке и анализу устойчивого развития экономических субъектов государственного сектора // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 103–108. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-103-108.*

Обеспечение устойчивого развития экономических субъектов является одной из ключевых задач трансформации механизмов контроля и управления, решение которой сопряжено с обеспечением высокого уровня развития инфраструктуры, внедрением социально-ориентированных решений, поддержанием экологической безопасности. Между тем остается ряд проблем в вопросах имплементации целей

*Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

устойчивого развития в деятельность экономических субъектов государственного сектора. Так, уровень устойчивого развития не всегда определяется как достаточный, отсутствуют его измерители, отмечается низкая заинтересованность в части социальной, экологической и корпоративной ответственности [1–3]. В этой связи не вызывает сомнения тот факт, что развитие организационно-методических подходов к оценке и анализу устойчивого развития экономических субъектов государственного сектора станет ключевым измерителем экономического роста общества, обеспечения социальной справедливости и сохранения окружающей среды, что подтверждает актуальность настоящего исследования.

Теоретическая и методическая основа исследования построена на научных исследованиях и положениях регламентирующих документов в области устойчивого развития экономических субъектов коммерческого и государственного секторов экономики. При проведении исследования реализован комплексный анализ организационно-методических подходов к формированию композитных элементов концепции устойчивого развития ряда отечественных научных школ [4–9]. Формирование синергетики факторов устойчивого развития реализовано на основе изучения как теоретических, так и практических аспектов деятельности государственных коммерческих организаций (в частности ПАО «Сбербанк») [10–13]. Таким образом, в процессе исследования применялся общенаучный подход с точки зрения теоретических концепций, общелогических, эмпирических методов исследования, а также системный подход и моделирование поставленной научной задачи.

Анализ организационно-методических подходов к оценке устойчивого развития экономических субъектов со стороны научного сообщества позволил констатировать, что исследователи в качестве основного компонента методологии, определяющего целевую и функциональную направленность, выделяют экономическую устойчивость, что обосновывает содержание информационно-аналитического обеспечения и состав ключевых показателей: уровень конкурентоспособности экономического субъекта; сбалансированное состояние экономических ресурсов; устойчивое состояние экономического субъекта с позиции эффективной организации процессов и реализации проектов; возможность реализации потенциала субъекта [4–9]. Вместе с тем научная основа методического обеспечения оценки устойчивого развития экономических субъектов предусматривает выделение индикаторов, определяющих специфику социально-экономической системы; сопоставимость индикаторов целевым установкам; обеспечение возможности принятия управленческих решений при помощи индикаторов; возможность использования индикаторов для формирования прогнозов и определения тенденций в разрезе экономических, управленческих, экологических и социальных параметров.

Отметим, что формирование новых организационно-методических подходов к оценке и анализу устойчивого развития экономических субъектов государственного сектора, в том числе экологической, социальной и корпоративной ответственности, первоочередно базируется на обосновании и разграничении категорий устойчивого развития и факторов экологической, социальной и корпоративной ответственности (ESG-факторов). Очевиден тот факт, что оба понятия тесно коррелируют, однако устойчивое развитие содержательно шире и не ограничивается тремя сферами нефинансовых показателей, охватывая 17 целей, сформированных ООН, и воздействуя на благосостояние государства, отдельных экономических субъектов и общества. Факторы экологической, социальной и корпоративной ответственности, в свою очередь, преимущественно ориентированы на микроэкономическую среду – деятельность экономических субъектов – и являются инструментами, методами и процессами по достижению ЦУР [11]. Тем не менее представляется возможным имплементировать ESG-факторы в структуру целей устойчивого развития, определив их прямое (X) или косвенное (/) влияние (рис. 1).

Приоритизация ЦУР по направлениям экологической, социальной и корпоративной ответственности подтверждает корреляцию рассматриваемых категорий и комплексную среду устойчивого развития (нефинансовых аспектов деятельности) экономических субъектов государственного сектора. Тем не менее достижение устойчивого развития нельзя категорично отделять от вопросов финансового обеспечения, поскольку благосостояние общества, эффективный труд, ликвидация безработицы, разработка энергосберегающих технологий и многие иные аспекты требуют значительных финансовых вложений и содействия экономическому росту государства.

В этой связи в целях настоящего исследования под достижением устойчивого развития понимается деятельность организаций государственного

	ЦУР-1	ЦУР-2	ЦУР-3	ЦУР-4	ЦУР-5	ЦУР-6	ЦУР-7	ЦУР-8	ЦУР-9	ЦУР-10	ЦУР-11	ЦУР-12	ЦУР-13	ЦУР-14	ЦУР-15	ЦУР-16	ЦУР-17
E		X				/	X	/			X	/	/	/			
S	/	/	/	/	/	X		X	/	/	/				/	/	
G	X						/		/	X	/	X	X			X	

Рис. 1. Приоритизация целей устойчивого развития

Составлено автором на основе [14].

сектора по реализации мероприятий и процедур, отвечающих принципам экологической, социальной, корпоративной ответственности и потребностям современного мироустройства в условиях постоянных трансформационных изменений, глобальных вызовов и санкционных ограничений, без ущерба для будущих поколений и социально-экономического развития государства и общества. В свою очередь, целеполагание и содержательные аспекты устойчивого развития могут различаться в зависимости от типа организации (табл. 1).

Несмотря на особенности в целеполагании достижения устойчивого развития экономических субъектов государственного сектора, представляется возможным сформировать общую модель синергетики ESG-факторов как между собой, так и с экономической компонентой (комплексом факторов, формирующих ограничения экономического роста – ограниченность ресурсов, увеличение отходов, недостаток научно-технических знаний разработки ресурсосберегающих технологий и др., – и одновременно влияющих на экономический потенциал: сфера производства, потребления, в т.ч. государственных услуг, инвестиционная привлекательность) (рис. 2). В данном контексте интересен опыт государственной коммерческой организации ПАО «Сбербанк», где ESG-факторы дополняются компонентой «*Экономическое процветание*» (*Prosperity*). Такой подход основан на понимании устойчивого финансирования, описанном в Финансовой инициативе Программы Организации Объединенных Наций по окружающей среде (*UNEP FI*), и формируется стандартом по устойчивому финансированию ISO 32200. Аналогичный подход используется и Всемирным экономическим форумом, который выделяет четыре столпа: население, планета, процветание, принципы управления [10; 12; 13]. Так синергетика факторов (рис. 2) справедливо определяет экономическую компоненту неотъемлемой частью устойчивого развития, что подтверждается «базовыми глобальными положениями устойчивого развития» [9]: 1) современное общество способно достичь долговременного и устойчивого развития для текущего и будущих поколений только обеспечив возможность *удовлетворения их потребностей*; 2) ограниченность по использованию природных ресурсов относительна и связана с н*аучно-техническим прогрессом и уровнем социального устройства*; 3) согласно пирамиде потребностей по А. Маслоу, первоочередной выступает необходимость *удовлетворения*

Таблица 1

Содержательные аспекты устойчивого развития экономических субъектов государственного сектора

Категория	Государственные органы	Государственные некоммерческие организации	Государственные коммерческие организации
Целеполагание	*Определяется миссией и стратегическими целями экономического субъекта*		
	Благосостояние государства и общества, обеспечение экономического роста, привлечение внебюджетного финансирования на реализацию мероприятий национальных проектов (далее – НП), государственных программ (далее – ГП) и др.		Инвестиционная привлекательность, высокий рейтинг доверия государства и бизнес-сообщества
Деятельность	*Внутренняя среда*: 1) обеспечение эффективного корпоративного управления (системы управления, в т.ч. контроля деятельности, систему подчиненности, распределения прав и обязанностей и др.); 2) обеспечение социально-ориентированной среды, образовательных инициатив, инклюзивности, качественного медицинского обслуживания, волонтерское движение и др.; 3) обеспечение рационального использования ресурсов		
	Внешняя среда: содействие устойчивому развитию (далее – УР) путем реализации мероприятий НП, ГП, иных стратегических ориентиров в пределах полномочий; реализация госполитики по стимулированию внедрения ESG- принципов на национальном уровне [15]	*Внешняя среда:* содействие УР путем реализации мероприятий НП, ГП, иных стратегических ориентиров в пределах установленных учредителем полномочий	*Внешняя среда:* содействие УР путем обеспечения конкурентоспособности экономики, привлечения инвестиций (в т.ч. «зеленых») в национальную экономику, развития ответственного бизнес-сообщества
Направления анализа, мониторинга и оценки (предметная область внешнего ESG-аудита) [15]	Непосредственные/конечные результаты деятельности с точки зрения внедрения/соблюдения ESG-принципов		
	Реализуемые меры государственной политики. Степень системной интеграции ESG-принципов в нормативные документы		Прогресс в экологической, социальной и управленческой сферах. Соответствие ESG-отчетности стандартам, полнота и достоверность информации о реализации ESG- принципов
	Деятельность органов государственной власти (далее – ОГВ), ответственных за реализацию социальной и экологической политики, политики в сфере стимулирования ответственного ведения бизнеса		
	Внедрение ESG-принципов во внутреннюю деятельность ОГВ при наличии ESG-отчетности		

Источник: составлено автором.

Рис. 2. Синергетика факторов устойчивого развития экономических субъектов государственного сектора

Составлено автором.

рам говорить о необходимости формирования организационно-методических подходов к оценке и анализу устойчивого развития не только с точки зрения социальных, экологических и корпоративных факторов, но и с учетом влияния финансовых показателей.

Существующее организационно-методическое обеспечение оценки и анализа устойчивого развития характеризуется разрозненностью подходов, регламентирующих документов, зачастую учитываются только отдельные аспекты всей совокупности ESG и иных факторов. Ситуация осложняется и отсутствием единой методики формирования нефинансовой отчетности, которая, более того, не является обязательной к формированию для экономических субъектов государственного сектора Российской Федерации.

первичных потребностей человека, и только после этого становится возможным решать задачи по улучшению качества жизни; 4) в условиях высоких значений статистического показателя степени расслоения общества (коэффициент Джини) необходимо привлечение людей с *наибольшими денежными и материальными средствами к содействию* государству в вопросах сохранения потребления энергии, культурного, исторического наследия, биосферы и т.д.; 5) темпы роста населения и социально-экономического развития должны соответствовать волатильной *рекреационной и воспроизводственной* среде глобальной экосистемы Земли [9].

Таким образом, можно утверждать, что экономический рост расширяет потенциальные возможности достижения устойчивого развития, поскольку способен преодолеть угрозы экологической и социальной компоненты в условиях ограниченного ресурсного обеспечения. Данный вывод позволяет авто-

Обобщая вышеизложенное, представим организационную модель оценки и анализа устойчивого развития экономических субъектов государственного сектора на рисунке 3, включающую целепола-

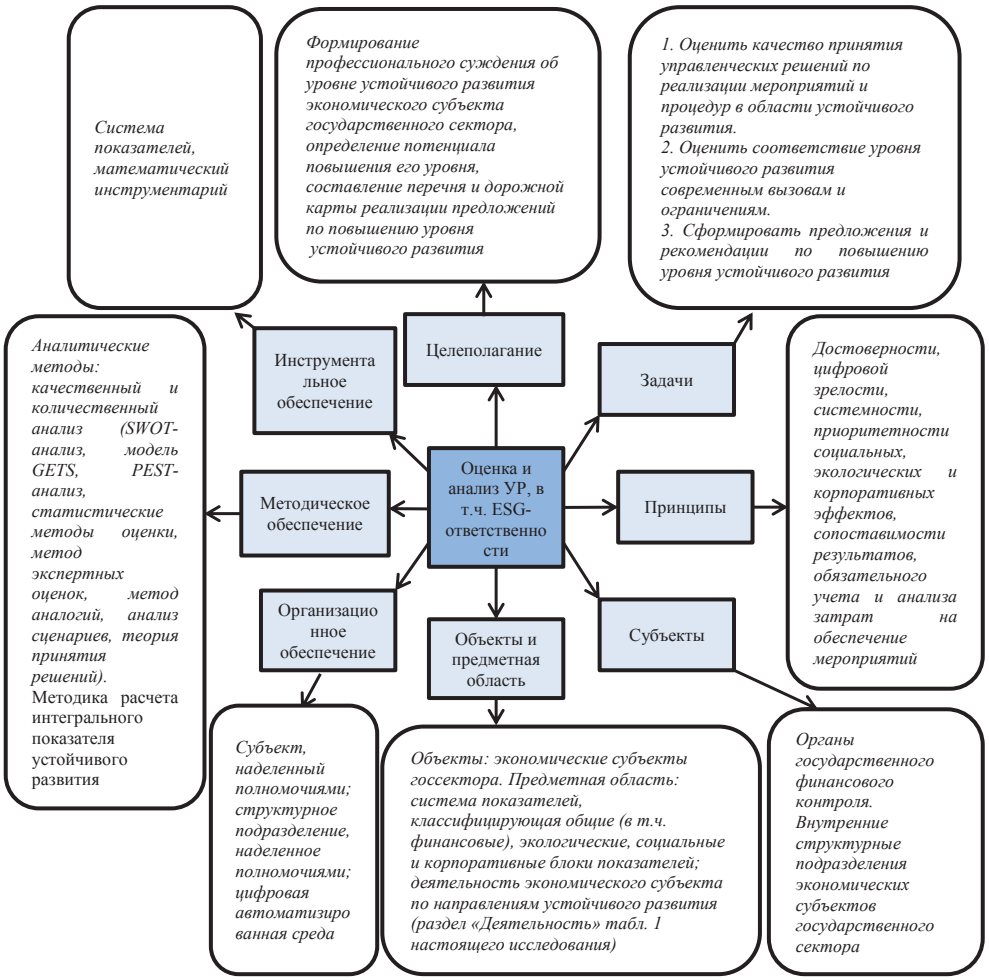

Рис. 3. Организационная модель оценки и анализа устойчивого развития экономических субъектов государственного сектора

Составлено автором.

гание, задачи, принципы, субъекты, объекты, предметную область, организационное, методическое и инструментальное обеспечение такой оценки.

Особое внимание необходимо уделить формированию интегрального показателя оценки устойчивого развития, который учитывает все синергичные факторы, имеющие равные веса (формула 1):

$$УР_i = \sum \alpha_j \cdot X_j \quad (1)$$

где $УР_i$ – итоговая оценка уровня устойчивого развития i-ого экономического субъекта; α_j – коэффициент (вес) j-ой группы показателей; X_j – итоговый результат оценки j-ой группы показателей.

Группы показателей, определенные к разработке, содержат общие (в т.ч. финансово-экономические), экологические, социальные и корпоративные показатели. Результат оценки j-ой группы показателей, как и итоговая оценка уровня устойчивого развития, принимает значение, попадающее в интервал [0;1] в соответствии с минимально и максимально возможным результатом оценки. Для идентификации высокого уровня соответствия устойчивому развитию итоговая оценка должна стремиться к единице. В свою очередь, в зависимости от интервала, в который попадает значение i-ого экономического субъекта государственного сектора, можно присвоить соответствующие уровни зрелости устойчивого развития, подлежащие дополнительной разработке. Необходимо отметить, что влияние на уровень зрелости могут оказывать дополнительно устанавливаемые факторы, среди которых представлена оценка эффектов реализации ESG-факторов, по результатам расчета которых, уровень зрелости может быть повышен на одно интервальное значение.

Подводя итог, необходимо отметить, что проблематика устойчивого развития экономических субъектов государственного сектора является неотъемлемым элементом национальной экономики страны и подтверждается условиями нестабильности в экономической, социальной и экологической сферах. При этом вопросы оценки, анализа и контроля устойчивого развития государственного сектора еще недостаточно осмыслены и не реализованы в полной мере на практике. В этой связи сформирован единый организационный подход к оценке и анализу устойчивого развития экономических субъектов государственного сектора и предложено инструментально-методическое обеспечение с обоснованием включения в единую систему ESG-факторов экономической компоненты. Дальнейшее исследование представляется в разработке системы показателей для расчета совокупной оценки общих, экологических, социальных и корпоративных показателей, а также формировании и обосновании уровней зрелости устойчивого развития экономических субъектов государственного сектора.

Литература:

1. Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2023. № 9 (310) // Официальный сайт Счетной палаты РФ. URL: https://ach.gov.ru/upload/iblock/c59/nvj03vghnm6yzwmbczxr1isq2lsb4tsq.pdf (дата обращения: 12.03.2025).
2. Ефимова О.В. Отчетность об устойчивом развитии в контексте предприятий государственного сектора // Аудиторские ведомости. 2024. № 1. С. 33–36.
3. Устойчивое развитие в неустойчивом мире: объединяя усилия регионов, городов и компаний: докл. к XXIV Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2023 г. / М.Э. Аким и др.; под науч. ред. Т.А. Колобашкиной; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2023. 161 с.
4. Архипова Т.В. Обеспечение устойчивого развития предприятий ракетно-космической промышленности в условиях современных вызовов: автореф. дисс. … канд. экон. наук. Симферополь, 2023. 26 с.
5. Гузей В.А. Концепция анализа устойчивого развития организации на основе интегрального подхода: дисс. … д-р. экон. наук. Орел, 2022. 440 с.
6. Евсеева О.О. Развитие методов оценки устойчивости крупномасштабных проектов по производству сжиженного природного газа: автореф. дисс. … канд. экон. наук. СПб., 2021. 24 с.
7. Косарев П.Н. Формирование механизма устойчивого развития энергетических предприятий в современных условиях: автореф. дисс. … канд. экон. наук. М., 2023. 24 с.
8. Макаров М.Ю. Построение модели устойчивого развития туристских территорий (на примере Краснодарского края): автореф. дисс. … канд. экон. наук. Сочи, 2016. 22 с.
9. Салгириев Р.Р. Устойчивое развитие муниципального образования: методологические основы и механизм реализации: дисс. … д-р. экон. наук. Грозный, 2018. 315 с.
10. Побирченко В.В. Факторы устойчивого социально-экономического развития региона, синергия взаимодействия // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 4-3. С. 123–126.
11. Повестка Банка России в области устойчивого развития, 2023 г. // Официальный сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/123919/Press_ur.pdf (дата обращения: 12.03.2025).
12. Политика в области социальной и экологической ответственности, корпоративного управления и устойчивого развития ПАО «Сбербанк», 2021 г. // Официальный сайт ООО Страховая компания «Сбербанк страхование жизни». URL: https://sberbank-insurance.ru/upload/4b/4b5030729e71085104af6bfe89986aa8.pdf (дата обращения: 12.03.2025).

13. Рекомендации Всемирного экономического форума по ESG-метрикам, 2020 г. // Официальный сайт The World Economic Forum. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_IBC_Measuring_Stakeholder_Capitalism_Report_2020.pdf (дата обращения: 12.04.2025).
14. Руководство по ESG аудиту, 2024 г. // Официальный сайт Счетной палаты Российской Федерации. URL: https://ach.gov.ru/upload/pdf/intosai-working-group-on-key-national-indicators-/Guidance_on_ESG_Audit_rus.pdf (дата обращения: 25.03.2025).
15. ESG-аудит: учеб. для вузов / Е.А. Федченко, Е.А. Чегринец, А.А. Лысенко и [др.]; под ред. Е.А. Федченко. М.: Прометей, 2024. 312 с.

New Organizational and Methodological Approaches to the Assessment and Analysis of Sustainable Development of Economic Entities of the Public Sector

Sokolovskaya A.A.
Financial University under the Government of the Russian Federation

Sustainable development issues in public sector organizations are becoming increasingly important in the context of a volatile external and internal environment and the need to achieve national goals and strategic priorities of the Russian Federation, as the long-term socio-economic development of modern society and future generations depends on the quality of public policy implementation.

The aim of the study is to develop organizational and methodological support for the analysis and assessment of ESG responsibility of public sector organizations.

The scientific and practical significance of the work lies in the possibility of applying the obtained results in the formation of a methodology for assessing the sustainable development of public sector organizations for the purposes of state financial control (ESG control) and internal ESG audit of economic entities. Thus, the solution of the set objectives made it possible to propose new organizational and methodological approaches to the assessment and analysis of the ESG responsibility of economic entities in the public sector: to prioritize sustainable development goals; to systematize the substantive aspects of sustainable development by types of economic entities in the public sector; to justify the need to assess the economic component in sustainable development issues by forming a synergy of sustainable development factors. to form an organizational model for assessing and analyzing the sustainable development of economic entities in the public sector.

Keywords. Sustainable development, public sector, environmental, social, corporate responsibility, economic component, ESG factors

УДК 339.138
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-109-112

Парадигма брендинга в современных социально-экономических условиях развития общества

Хамаганова К.В.
Кандидат философских наук,
доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций
Северо-Западного института управления – филиал РАНХиГС
(Санкт-Петербург)

Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска парадигмы современного брендинга в контексте его социально-экономического развития.

Цель исследования – проработка сущностного понимания синергии как социально-экономической парадигмы брендинга; обоснование факторов реализации парадигмы в условиях развития современного общества.

Научная и практическая значимость работы связана с представленной авторской позицией социально-экономической парадигмы брендинга и предметным описанием практики ее применения. Ценность исследования заключается в теоретико-прикладной трактовке парадигмы развития брендинга и основных факторов ее эффективной реализации: дискурсивности, рекурсии и цифровизации каналов брендинга.

Ключевые слова: *брендинг, синергия, дискурс, рекурсия, информационная экономика, цифровые медиакоммуникации*

Для цитирования: *Хамаганова К.В. Парадигма брендинга в современных социально-экономических условиях развития общества // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 109–112. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-109-112.*

Рассматривая брендинг в контексте экономической социологии, укажем, что к предмету изучения, наряду с экономическим поведением индивида или социальных групп, относятся ценности и потребности, социальные нормы, установки и интересы значительных социальных групп в рыночной среде.

Социальный аспект брендинга определен собственно философией бренда – ценностями, которые лежат в основании бренда и транслируются как его ДНК, концептуальное ядро, через семиотическую систему. Социально-философское осмысление бренда базируется на необходимости удовлетворения потребителя и коррелирует с экономической составляющей брендинга: он создает положительные впечатления о продукте, вовлекает в потребление, социализирует потребителя и продает на основе долгосрочной потребительской лояльности. Брендинг – результат совместной работы производителей и потребителей, социальных запросов и экономических предложений. Если представить подобную совместную деятельность как процесс синергии, то она становится неотъемлемой характеристикой современного брендинга и ключевой парадигмой его процессуального развития. Важно отметить, что интеграция термина «синергия» в социально-экономическую парадигму брендинга находится в плоскости трактовок классических и современных исследователей, определяющих синергию как взаимодействие компонентов (элементов) системы, дающих новое системное свойство [1; 2].

Процесс развития брендинга, претерпев изменения, связанные с экономическими, социокультурны-

ми сдвигами, приобрел специфические характерные черты и формы. Эффективность процесса синергии в брендинге связана с теоретическим пониманием и практикой применения таких признаков, как дискурсивность, рекурсия и цифровизация.

Во-первых, контент бренда представляет собой дискурс, определяющий эффективность всех коммуникаций бренда. Дискурсивная природа бренда опосредована известными теориями [3]. Классическая формула бренда П. Дойла трактует сильный бренд как совокупность коммуникативных факторов: преимуществ продукта, четкой идентичности и добавленных ценностей. Другими словами, дискурс бренда включает: отстройку от конкурентов и создание уникального торгового предложения (УТП); разработку коммуникативной системы стилевой идентичности (имя, логотип, знак, эмблема, дизайн, ритуалы использования); создание конкретных выгод и эмоциональных ценностей. Теоретик бренда Д. Грант, автор молекулярной концепции бренда, предложил иное определение бренда: «Бренд – это совокупность стратегических культурных идей» [4, с. 39]. Дискурс бренда разнообразен и опредмечен: от визуальных идентификаторов до ценностей, от ядра до инструментов продвижения.

Современный бренд-дискурс, кроме этого, транслируется в виде социального дискурса, представляющего общество в виде идеализированных типических образов. Тогда все коммуникации (дискурсы) бренда сводятся к восприятию знака бренда [5]. Таким образом, семиотика бренда способна менять состояние социального пространства и формировать бренд-ландшафт [6]. В этом понимании знаковая (семиотическая) сущность брендинга рассматривается как проявленность его дискурсивности.

Дискурсивная природа бренда связана с такими признаками, как сопричастность и успех. Эффект бренд-дискурса зависит от сформированной привязанности потребителей к бренду посредством дискурс-коммуникантов: имени, индивидуальности, репутации. Это рождает ощущение сопричастности. К дискурсу успеха можно отнести многочисленные публикации и тренинги по обучению тому, как стать успешным лидером на рынке. Дискурс успеха в этом смысле культивирует вертикальную модель возвышения имиджа, включающую такие черты, как быстрый карьерный рост, принадлежность к классу элитного потребления, вхождение в топовый сегмент того или иного рейтинга, постоянное присутствие в СМИ, высокий индекс цитирования [3].

Во-вторых, фактором синергии бренда как экономической коммуникации является свойство рекурсии: каждый следующий элемент включается в предыдущие элементы и таким образом начинает принадлежать всей системе. Рождение бренда – это не новый «шаг в историю», новая идея бренда возникает из жизненных реалий (социально-экономических предпосылок и текущих возможностей). Так, ядро бренда (ДНК бренда) является основой бренд-платформы, которая формирует систему айдентики бренда как целостного образа. В процессе ребрендинга, например, появляются новые элементы (имя, визуальные компоненты, бренд-платформа). Но рекурсия при этом чаще затрагивает лишь коммуникации бренда, сохраняя марочные ассоциации и имидж бренда. Таким образом, рекурсия позволяет выстраивать бренд-систему, в которой все элементы взаимосвязаны и определяют друг друга.

В-третьих, парадигма синергии брендинга обоснована необходимостью цифровизации брендинга (разработки бренд-контента с применением *digital*-коммуникаций).

Цифровые коммуникации интегрированы в информационную экономику, сущность понимания которой вытекает из понятия «информационное общество». Основными продуктами производства являются информация и знания [7]. «В интерактивной (цифровой) экономике реальные отношения между реальными субъектами замещаются информационными отношениями между их отображениями в виртуальном пространстве» [8, с. 14]

Сектор массовой и потребительской информации (как сектор рынка информации) включает в себя информацию о товарах, услугах, новостях, получаемых посредством медиакоммуникаций. Социально-экономические отношения в виртуальном секторе заключаются в том, что взаимосвязи между производителями и потребителями обеспечивают информационные потоки. При этом большая открытость с точки зрения информации и большая гибкость с точки зрения принятия решений ставят «электронный бизнес» в условия более сильной конкуренции и предъявляют новые требования к его развитию [8, с. 15].

Медиапространство, как феномен социально-экономической реальности, рассматривается как среда информационного обитания, как новое социальное пространство и выступает объектом исследования междисциплинарного социально-гуманитарного дискурса. Медиапространство, являясь «частью социального пространства, оказывает весьма существенное влияние на его структуру и функционирование» [9, с. 115]. Медиапространство – порождение информационного общества, основными составляющими которого являются целевые аудитории, информация, медиареальность и массмедиа.

Развитие медиареальности продиктовано современным уровнем социально-экономического развития и глобализацией, для которых характерен переход от привычных товаров к коммуникативным знакам, брендам, понятным без разъяснений. Ценности и марочные ассоциации брендов становятся доступными благодаря технологиям и средствам массмедиа. Если рассматривать роль массме-

диа с экономической точки зрения, то, по мнению Д. Смита, массмедиа позволяют максимизировать аудиторию, выступающую товаром для рекламодателей. Массмедиа возникают в том случае, когда медиакомпании производят, конструируют и «доставляют» аудиторию рекламодателям. Теория связывает в триаду медиа, аудиторию и рекламодателей, вводя концепцию «товара» применительно к аудитории [10]. Контент и технологичность массовых медиа являются инструментами конкурентной борьбы для бизнеса.

Значение информационно-коммуникационной составляющей экономики описал Б. Гейтс: «Предприятия, которые сумеют вовремя измениться, основанные на повышенной скорости распространения информации» [11, с. 413]. По Б. Гейтсу, «цифровизация» социально-экономических процессов «не сводится к применению современных информационных технологий как таковых, а требует изменения на этой основе всего образа действий компании… Инвестиции в технологии должны обеспечивать как можно более качественной информацией каждого, кто в ней нуждается» [11, с. 414]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что информационные технологии должны выступать основой для формирования комплексной корпоративности и обеспечивать актуальный и целевой контент.

Цифровые технологии оказывают значительное влияние на все сферы жизни общества, включая бизнес. Цифровой маркетинг – важнейшая часть бизнес-планирования большинства компаний, активно взаимодействующих со своими целевыми аудиториями. Он представляет собой систему действий, направленных на продвижение товаров (продуктов, услуг, идей, мероприятий, персон) на рынке посредством использования цифровых каналов связи. Компаниям необходимо принять новые правила игры, в которой традиционные инструменты сменились интерактивностью. «Сегодня успех в маркетинге зависит от способности компании создавать интересный и полезный контент, который привлекает внимание потенциальных клиентов и стимулирует их к действию» [12]

Роль бренда в коммуникации с аудиторией эволюционировала вслед за рынком, технологиями и самими потребителями. От примитивных функций он шагнул к сложным культурным задачам. Сегодня бренд позиционируется как часть культуры. Бренд делится смыслами, формирует взгляды, публикует ради сообщения и мнения, влияя на социальную реальность. Аутентичность стала ключевой ценностью бренда. Другими словами, бренд становится медиа, он отвечает за производство смыслов и формирование информационной повестки. Значимые метрики успешности – уровень вовлеченности, уровень потребительской лояльности и, как результат, – объем продаж. Не случайно актуальным контентом (месседжем) бренда являются избавление от потребительских «болей».

Процесс трансформации месседжей между субъектами публичного пространства в *digital*-эпоху привел к появлению новых типов коммуникационных продуктов, продвигающих бренд: визуальный коммуникационный продукт, теймент-продукт (создающий развлекательный и игровой контент), просьюмерский коммуникационный продукт. При этом основными акторами контент-брендинга в цифровом пространстве традиционно выступают лидеры общественного мнения, френды, фолловеры, блогеры и просьюмеры.

Говоря о каналах передачи контента бренда (месседжа), наряду с традиционными, выделяют новые медиа: интернет-СМИ, социальные сети, блог-платформы, микроблоги, поисковые службы. Общим критерием названных медиаресурсов является интернет.

Эффективность брендинга в медиакоммуникациях не всегда имеет социально значимую мультиплицируемую информацию. Ведущей становится функция развлечения, просвещения, обучения, геймификации, социального контакта, чувства нахождения в сообществе. Недавние тренды коммуникационных бренд-эффектов – хайп-контент, мемы, фейки, флоггинг – сменились новыми коммуникационными технологиями: онлайн-шеймингом, онлайн-доксингом, шерентингом и другими. Это является свидетельством того, что цифровой контент-брендинг требует оперативности реагирования на социальные запросы.

Таким образом, рассуждая о синергии как социально-экономической парадигме брендинга, можно констатировать, что ее важными константами становятся: дискурсивная природа бренда, наличие в брендинге свойства рекурсии и цифровизация бренд-контента. Именно они являются ключевыми признаками парадигмы синергии, определяющими в дальнейшем все более видимый синергетический эффект брендинга.

Литература:

1. Weston J.F., Weaver S.C. Mergers & Acquisitions. New York: McGraw Hill, 2001. 32 p.
2. Касьяненко Т.Г. Системный взгляд на синергию: определение, типология и источники синергического эффекта // Российское предпринимательство. 2017. Т. 18. № 24. С. 4035–4050.
3. Хамаганова К.В. Дискурс бренда: мифы и реальность // Интерактивная наука. 2023. № 8(84). С. 61–63. DOI: 10.21661/r-560650.
4. Грант Д. Манифест инноваций бренда. Как создаются бренды, переориентация рынков и преодоление стереотипов. М.: Группа ИДТ. 2007. 272 с.
5. Дерябин М.Л. Бренд-дискурс // Дискурс-Пи. 2016. № 3-4. С. 297–299.
6. Кляйн Н. No Logo. Люди против брэндов. М.: ООО «Добрая книга». 2003. 624 с.
7. Степнова О.В., Никулина А.Н. Роль информации и знаний в общественном развитии // Научная перспектива. 2014. № 3(49). С. 27–29.
8. Григорьев С.С Особенности рыночных отношений в интерактивном секторе экономики // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. № 1 (40). С. 13–16.
9. Юдина Е.Н. Медиапространство как культурная и социальная система. М.: Прометей. 2005. 160 с.
10. Smythe D. On the Audience Commodity and its Work // Media and Cultural Studies. KeyWorks / Ed. by M. Durham, D. Kellner. Blackwell, 2001. P. 253–279.
11. Гейтс Б. Бизнес со скоростью мысли. М.: Эксмо-Пресс, 2001. 480 с.
12. Portal M. The New Rules of Marketing & PR. New York: John Wiley & Sons, 2013. 528 p.

The Branding Paradigm in Modern Socio-Economic Conditions of Society Development

Khamaganova K.V.
North-West Institute of Management – branch of RANEPA (St.-Petersburg)

The relevance of this study stems from the need to identify a paradigm for modern branding within the context of its socioeconomic development.

The aim of this study is to develop an essential understanding of synergy as a socioeconomic paradigm for branding and to substantiate the factors that drive its implementation within the context of modern society.

The scientific and practical significance of this work stems from the author's position on the socioeconomic paradigm of branding and a detailed description of its practical application. The value of this study lies in its theoretical and applied interpretation of the branding development paradigm and the key factors for its effective implementation: discursivity, recursion, and the digitalization of branding channels.

Keywords: branding, synergy, discourse, recursion, information economy, digital media communications

УДК 338
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-113-118

Факторы экономической безопасности и их влияние на казначейское сопровождение государственного заказа и государственного оборонного заказа

Шлычков В.В.
Начальник Межрегионального филиала Федерального казенного учреждения «Центр по обеспечению деятельности Казначейства России» в г. Владивостоке

Целью исследования является диагностика текущего состояния экономической среды, выявление и классификация ключевых факторов влияющих на уровень экономической безопасности РФ, и определение степени и направления их воздействия на деятельность Федерального казначейства, включая процесс казначейского сопровождения госконтрактов. Автор рассматривает казначейское сопровождение в качестве одной из форм управления публичными финансами и доказывает эффективность этого инструмента усиления государственного контроля и повышения результативности расходования бюджетных средств. В работе констатируются высокие адаптационные способности Казначейства РФ в условиях повышенной турбулентности экономической среды и приводятся конкретные примеры и направления корректировки его текущей правоприменительной деятельности.

Научная новизна представленной работы заключается в авторской трактовке понятия «государственно-муниципальный заказ» и выявлении корреляционной связи процесса казначейского сопровождения государственных контрактов и факторов экономической безопасности, что дополняет существующую научно-теоретическую базу и создаёт условия для дальнейших исследований в данной области экономической науки.

Ключевые слова: *экономическая безопасность, факторы экономической безопасности, казначейское сопровождение, участник казначейского сопровождения, государственно-муниципальный заказ, гособоронзаказ*

Для цитирования: *Шлычков В.В. Факторы экономической безопасности и их влияние на казначейское сопровождение государственного заказа и государственного оборонного заказа// Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 113–118. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-113-118.*

Социально-экономическая система РФ уже многие годы функционирует в условиях масштабных западных санкционных ограничений и проводимой Специальной военной операции, требующих от российских экономических агентов и органов государственно-муниципального управления максимальной концентрации и наращивания усилий по поддержанию приемлемого состояния экономической безопасности субъектов всех уровней, подверженных в условиях турбулентности экономической среды достаточно широкому спектру угроз и вызовов. И в этих реалиях одним из ключевых направлений укрепления экономической безопасности страны является повышение устойчивости её бюджетной системы, достигаемое путем совершенствования механизма управления и повышения эффективности использования публичных финансов, включая широкое внедрение таких инструментов,

как казначейское сопровождение государственно-муниципальных контрактов и гособоронзаказа.

Теоретико-методологические подходы к определению понятий «экономическая безопасность» и «факторы экономической безопасности»

Проблемы обеспечения экономической безопасности субъектов всех уровней никогда не являлись приоритетом советской экономической науки и только переход российской экономики к многоукладности и рыночным принципам ведения хозяйственной деятельности в конце 90-х гг. XX в., а также появление в этой связи обособленного объекта научных исследований сформировали общественный запрос на изучение этой проблематики отечественной академической наукой, представители которой практически сразу предложили свои трактовки понятия «экономическая безопасность» и связанных с ней категорий. Лидером этого тренда, бесспорно, был академик Л.И. Абалкин, уже в 1994 г. определивший экономическую безопасность как «совокупность условий и факторов, обеспечивающих независимость национальной экономики, ее стабильность и устойчивость, способность к постоянному обновлению и совершенствованию» [1]. В дальнейшем, в процессе эволюции научных подходов к исследованию сущности и содержания данной категории, была сформирована достаточно солидная теоретико-методологическая база этого относительно молодого направления российской экономической науки, основу которой составили труды С.Ю. Глазьева, Е.А. Олейникова, О.А. Мироновой, В.К. Сенчагова, В.Л. Тамбовцева, А.И. Татаркина и других известных российских ученых. При этом, несмотря на утверждение в 2017 г. официальной формулировки экономической безопасности как «состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации» [2], отечественное научное сообщество, с учетом стремительно изменяющейся среды и возникновения новых рисков и угроз экономической безопасности РФ, продолжает активно её дополнять и совершенствовать инструментарий и методику проводимых изысканий.

Исходя из того, что «экономическая безопасность как институт в целом характеризуется своей направленной деятельностью против глобальных вызовов, международной конкуренции, снижения давления различного рода негативных внешних и внутренних факторов» [3, с. 81], именно последние оказывают определяющее влияние на состояние экономической безопасности нашей страны.

Большой экономический словарь рассматривает данную дефиницию как «существенное обстоятельство в каком-либо явлении, процессе» [4. с. 1244]. При этом необходимо учитывать то, что каждый фактор является отдельным источником потенциальных угроз и одновременно может играть роль катализатора или актора планируемых изменений, направленных как на укрепление потенциала и развитие подвергаемого воздействию объекта, так и на его деградацию или полное прекращение жизненного цикла.

Применительно к категории «экономическая безопасность государства» упомянутый выше академик Л.И. Абалкин в качестве её факторов предлагал рассматривать «способность экономики к независимости, стабилизации основных макроэкономических показателей и стабильный рост, а также возможность хозяйственной системы к саморазвитию и прогрессивному поступательному движению» [5]. А известный государственный деятель и ученый В.К. Сенчагов в свою очередь выделял «технико-технологические, политико-правовые, интеллектуально-кадровые, финансовые, экологические, информационные факторы» экономической безопасности государства [6], демонстрируя многофакторный подход к классификации основных детерминант процесса обеспечения экономической безопасности.

Механизм обеспечения экономической безопасности государства предполагает прежде всего комплексную оценку состояния экономической среды и выявление всей группы актуальных факторов, разнонаправленно воздействующих на его социально-экономическую систему. При этом своевременное диагностирование негативно ориентированных угроз позволяет сбалансировать их влияние и оперативно разработать меры противодействия, позволяющие как минимум понизить их пагубное воздействие на субъект экономики.

Обобщая существующие на сегодня классификации факторов экономической безопасности государства, позволим себе предложить следующий их перечень:

– финансово-экономические факторы, генерируемые исходя из направления развития производительных сил и приоритетов экономической политики, размера социально-экономического потенциала и эффективности его использования, устойчивости экономической системы, состояния внутреннего рынка товаров и услуг, уровня конкурентоспособности на глобальном рынке и турбулентности последнего, мировой конъюнктуры на экспортно-импортные товары и логистику, наличия оптимального объема всех видов резервов и степени доступности ресурсной базы, параметров отраслевой и региональной структуры ВВП;

– социальные факторы, определяемые условиями социально-экономического развития и ситуацией, сложившейся в сфере демографии, занятости, образования, здравоохранения, социальной защиты и культуры;

– военно-политические факторы, формируемые исходя из геополитического положения страны и уровня её суверенности, масштаба и эффективности военно-технического потенциала, степени уязвимости и производственных возможностей национального оборонно-промышленного комплекса;

– технико-технологические факторы, определяемые уровнем научно-технического и технологического потенциалов и степенью их суверенности, наличием прорывных и сквозных технологий, показателями диффузии передовых технологий во все сферы жизни общества и бизнеса, степенью роботизации и автоматизации бизнес-процессов, состоянием цифровой зрелости общества и наличием соответствующей цифровой инфраструктуры;

– организационно-правовые факторы, определяемые адекватностью законодательства и модели управления экономикой стратегическим целям национального развития, особенностями и уровнем государственного регулирования социально-экономических процессов в обществе, состоянием предпринимательского климата и масштабом государственной поддержки отечественных субъектов экономики.

Комплексный анализ вышеперечисленных факторов и их совокупная оценка позволяют выявить источники угроз социально-экономическому развитию РФ и разработать систему адекватных мер, реализация которых обеспечит необходимое для поступательного роста состояние экономической безопасности. И с учетом того, что «безопасность – результат определённых процессов, лишь малая доля которых связана с природными явлениями», а «основное значение имеют управляемые процессы, в которых субъектами выступают органы государственного управления» [7, с. 54], Казначейство России, являясь их неотъемлемой частью, имеет возможность вносить существенный вклад в процесс укрепления экономической безопасности нашей страны.

Казначейское сопровождение государственного заказа и государственного оборонного заказа

Казначейство России является «федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным осуществлять правоприменительные функции по обеспечению исполнения федерального бюджета, кассовому обслуживанию исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, предварительному и текущему контролю за ведением операций со средствами федерального бюджета главными распорядителями, распорядителями и получателями средств федерального бюджета» [8, п. 1] и «осуществляет свою деятельность непосредственно и через свои территориальные органы, подведомственные федеральные казенные учреждения во взаимодействии с другими федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, Центральным банком Российской Федерации, общественными объединениями и иными организациями» [8, п. 4]. При этом основными задачами Федерального казначейства на сегодня являются обеспечение прозрачности и повышение эффективности использования государственных финансов, а также контроль за соблюдением финансовой дисциплины и российского законодательства в процессе исполнения бюджета.

Казначейское сопровождение является одним из видов управления публичными финансами и формой государственного контроля за исполнением государственно-муниципальных контрактов, заключающееся в «проведении Федеральным казначейством или его региональным органами операций с денежными средствами участника казначейского сопровождения» [9. ст. 6], позволяющее гарантировать исполнение сторонами принятых на себя обязательств. Статус «участника» приобретает «юридическое лицо, индивидуальный предприниматель, физическое лицо – производитель товаров, работ, услуг, получающие средства, определенные в соответствии с главой 24.4 настоящего Кодекса, использование которых осуществляется после подтверждения на соответствие условиям и (или) целям, установленным при предоставлении средств» [10].

Правила проведения казначейского сопровождения установлены Постановлением Правительства РФ от 24.11.2021 г. № 2024 «О правилах казначейского сопровождения», а также Постановлением Правительства РФ от 11.12.2024 г. № 1752 «О порядке перечисления в 2025 году средств, подлежащих казначейскому сопровождению, на расчетные счета …» (в ред. от 13.02.2025 г.). Сам процесс казначейского сопровождения включает следующие этапы: заключение контракта; открытие участнику казначейского сопровождения специального лицевого счета в органах Федерального казначейства; перечисление участнику предусмотренных контрактом средств; осуществление контроля обоснованности и целесообразности расходов; выплата средств участнику казначейского сопровождения после подтверждения соответствия выполненных обязательств требованиям контракта; составление и предоставлении участником отчетности о расходовании полученных средств. В ряде случаев Федеральное казначейство осуществляет расширенное казначейское сопровождение (п. 1 ст. 242.24 БК РФ).

Ст. 72 первоначальной редакции Бюджетного кодекса РФ определяла государственно-муниципальный заказ (далее – ГМЗ), как «совокупность заключенных государственных или муниципальных контрактов на поставку товаров, производство работ, оказание услуг за счет средств соответствующего бюджета» [9], однако после корректировки этого нормативного акта в 2006 г. данное понятие

исчезло из российского законодательства. И проанализировав действующие на сегодня нормативные акты и точки зрения уважаемых коллег, предложим в дальнейшем рассматривать государственно-муниципальный заказ как форму прямого государственного регулирования экономических отношений и комплексную систему выявления и стратегического планирования потребностей российских публично-правовых образований в товарах, работах и услугах, оформленных уполномоченным государственно-муниципальным органом в виде нормативно-правового акта и удовлетворяемых через процедуру публичного размещения заказа, определения поставщика (подрядчика, исполнителя), заключения государственно-муниципального контракта (или иного гражданско-правового договора) и исполнения сторонами последнего в целях удовлетворения анонсированных государственно-муниципальных нужд за счет средств бюджета или внебюджетных фондов. И основой механизма его реализации на сегодня выступает «контрактная система в сфере закупок товаров, работ, услуг» [11], позволяющая проводить госзакупки на потребительском рынке у неограниченного круга физических и юридических лиц и являющейся эффективным «техническим» инструментом выполнения государственно-муниципального заказа.

В свою очередь, Государственный оборонный заказ (далее – ГОЗ), как особый вид государственного заказа, определен законодателем как «установленные нормативным правовым актом Правительства Российской Федерации задания на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для федеральных нужд в целях обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации, а также поставки продукции в области военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами в соответствии с международными обязательствами Российской Федерации», а его заказчиками являются «федеральный орган исполнительной власти, Государственная корпорация по атомной энергии "Росатом" или Государственная корпорация по космической деятельности "Роскосмос", обеспечивающие поставки продукции по государственному оборонному заказу» [12]. При этом необходимо отметить, что, хотя с формальной точки зрения российское законодательство не содержит прямого запрета физическим лицам быть исполнителями ГОЗ, отсутствие возможности получения ими вознаграждения через специальный счет [12, п. 3 ст. 8.4] привело к тому, что фактически в ГОЗ-закупках участвуют исключительно российские юридические лица. Также необходимо учесть, что в случае вхождения субъекта в цепочку исполнителей ГОЗ ему придется в дальнейшем осуществлять свою финансово-хозяйственную деятельность в особом порядке (открывать специальный счет, вести раздельный учет, регулярно отчитываться перед заказчиком и ФАС), а контракт, заключаемый с ним в письменной форме государственным заказчиком от имени Российской Федерации, на всех этапах реализации будет находиться на специальном контроле Казначейства России, т.к. все денежные средства целевого назначения, выделенные для ГОЗ, подлежат казначейскому сопровождению (разд. V ПП РФ № 2024 от 24.11.2021), сохраняя при этом статус «государственных».

Факторы экономической безопасности как детерминанты процесса казначейского сопровождения

Все указанные выше факторы экономической безопасности оказывают на казначейское сопровождение значимое управляющее воздействие, формируя как актуальную нормативно-правовую базу и текущую среду деятельности, так и определяя приоритеты, инструментарий и методику всех этапов этого процесса. И в реалиях 2025 г. усилия органов Федерального казначейства прежде всего направлены на обеспечение безусловного выполнения ГОЗ и «закрытия» иных потребностей СВО в рамках ГМЗ, а также поддержание устойчивости бюджетной системы и повышение эффективности использования публичных финансов. Отдавая в своей работе приоритет мерам профилактики и предупреждения потенциальных рисков преступных или мошеннических схем при всех видах госзакупок, органы казначейства проводят предварительную антикоррупционную экспертизу всех контрактов и документации о закупках, все шире используя для этого информационно-цифровые технологии и ИИ, а также активно внедряя их в процедуры проводимых контрольных мероприятий, значительно повышая эффективность и результативность последних. В условиях ожидаемого дефицита государственного бюджета 2025 г. в объеме 5,74 трлн руб., Казначейство России, проводя мониторинг процесса исполнения заключенных контрактов, не только успешно выявляет преступные схемы и факты мошенничества при исполнении ГМЗ ГОЗ, но и формирует государственную ценовую политику в данной области, тем самым оказывая национально ориентируемое управляющее воздействие на российский рынок товаров и услуг.

Кроме того, обобщая и анализируя практику исполнения ГМЗ и ГОЗ, казначейская служба проводит большую работу по приведению законодательства в сфере госзакупок в соответствие с существующими экономическими реалиями и запросами участников. Так по инициативе Федерального казначейства в 2025 г.: внедрены новые контрольные механизмы над расходованием целевых средств, в том числе автоматизированная оценка операций и аудиты, проводимые ТОФК; расширилась практика применения казначейского сопровождения (КС), и теперь

ему подлежат: все госконтракты стоимостью более 100 млн руб., заключаемые с единственным поставщиком в рамках гособоронзаказа, определяемым по п. 2 ч. 1 ст. 93 ФЗ № 44; расчёты по госконтрактам, заключаемым в целях исполнения указанных контрактов на сумму более 3 млн руб.; госконтракты, связанные с реализацией нацпроектов, вне зависимости от их цены; установлена процедура оформления документации по КС исключительно через систему «Электронный бюджет».

Выводы:

1. Казначейское сопровождение является инструментом управления публичными финансами и формой государственного контроля за исполнением государственно-муниципальных контрактов и ГОЗ, доказавшими свою эффективность в условиях высокой турбулентности экономической среды.

2. Факторы экономической безопасности оказывают разнонаправленное управляющее воздействие на процесс казначейского сопровождения, в значительной мере определяя как актуальность нормативно-правовой базы, так и цели, инструментарий, механизм и методы его осуществления.

3. Органы Казначейства России в условиях внешнего санкционного давления и повышенной неопределенности социально-экономических процессов демонстрируют высокие адаптационные способности и адекватно реагируют на все изменения среды, своевременно корректируя свою правоприменительную практику с учетом текущих реалий.

Литература:

1. Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 4–13.
2. Указ Президента РФ от 13.05.2017 г. № 208 «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС Гарант.
3. Экономическая безопасность в новой реальности. Теория и методология / [О.А. Миронова и др.]; под ред. О.А. Мироновой, В.Л. Поздеева. М.: ЮНИТИ-Дана, 2024. 407 с.
4. Большой экономический словарь: 24800 терминов / [Авт. и сост.: А.Н. Азрилиян и др.]; Под ред. А.Н. Азрилияна. М.: Ин-т новой экономики, 2002. 1280 с.
5. Абалкин Л.И. Уроки истории и будущее России. М.: ИЭ РАН, 2010. 169 с.
6. Сенчагов В.К. Методология обеспечения экономической безопасности // Экономика региона. 2015. № 3. С. 33-41.
7. Суглобов А.Е., Хмелев С.А., Орлова Е.А. Экономическая безопасность предприятия: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Экономическая безопасность». М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 271 с.
8. Постановлением Правительства РФ от 01.12.2004 г. № 703 «Положение о федеральном казначействе». URL: http://archive.government.ru/power/78/base.html
9. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // СПС Гарант.
10. Федеральный закон от 01.07.2021 г. № 244-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и о приостановлении действия пункта 4 статьи 242.17 Бюджетного кодекса Российской Федерации» // СПС Гарант.
11. Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (ред. от 26.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2025) // СПС Гарант.
12. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» (ред. от 15.12.2025) // СПС Гарант.
13. Постановление Правительства РФ от 24.11.2021 г. № 2024 «О правилах казначейского сопровождения» (ред. от 15.10.2025) (вместе с «Правилами казначейского сопровождения, осуществляемого Федеральным казначейством», «Правилами расширенного казначейского сопровождения») // СПС Гарант.

Economic Security Factors and their Impact on Treasury Support of Government Contracts fnd State Defense Orders

Shlychkov V.V.
Federal Public Institution "Center for Treasury Support of Russia" in Vladivostok

The purpose of this research is to diagnose the current state of the economic environment, identify and classify key factors affecting the level of economic security of the Russian Federation, and determine the degree and direction of their impact on the activities of the Federal Treasury, including the process of treasury support for government contracts.

The author considers treasury support as one of the forms of public finance management and proves the effectiveness of this tool in strengthening state control and improving the efficiency of budget funds utilization. The paper highlights the high adaptive capabilities of the Russian Treasury in conditions of increased economic turbulence and provides specific examples and directions for adjusting its current law enforcement activities.

In the course of the research, the author applied evidence-based and systematic approaches, as well as methods of retrospective, functional, and comparative analyses.

The scientific novelty of the presented work lies in the author's interpretation of the concept of "state and municipal procurement" and in identifying the correlation between the treasury support process of government contracts and economic security factors. This contributes to the existing scientific and theoretical framework and creates conditions for further research in this field of economic science.

Keywords: economic security, economic security factors, treasury support, treasury support participant, state and municipal procurement, state defense order

УДК 338.4
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-119-125

Экономическая устойчивость российского рынка медицинских изделий

Штанько А.Ю.
Аспирант кафедры региональной экономики, инновационного предпринимательства и безопасности Уральского федерального университета имени первого президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

Паникарова С.В.
Доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры региональной экономики, инновационного предпринимательства и безопасности Уральского федерального университета имени первого президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

Исследование посвящено прикладной диагностике устойчивости российского рынка медицинских изделий посредством интегрального индексного подхода с акцентом на управленческую интерпретацию. Целью выступает построение и апробация индекса экономической устойчивости, который синтезирует блоки показателей инвестиционной и инновационной активности, локализации и импортозависимости, конкурентной среды, транзакционных издержек, состояния основных фондов и финансовой устойчивости предприятий. Методология включает нормировку показателей по схеме min–max на окне наблюдения, взвешенную свёртку с проверкой чувствительности весов, а также сценарную калибровку под внешние шоки для оценки робастности результата. Эмпирическая база формируется на основании официальной статистики и отраслевых реестров; применимость методики проверяется на согласованных рядах. Полученные оценки позволяют выявить индикаторы, обладающие наибольшей эластичностью по отношению к интегральному индексу, а значит, выявить наиболее эффективные меры с наилучшим соотношением «эффект – затраты». Практическая значимость состоит в возможности регулярного мониторинга политики в отношении рассматриваемого рынка и формировании «карты приоритетов» для органов власти и производителей. Предложенный инструментарий предназначен для встраивания в контур стратегического управления и может использоваться для оперативной корректировки программных мероприятий.

Ключевые слова: *индекс устойчивости, медицинские изделия, институциональное регулирование, транзакционные издержки, импортозависимость, локализация производства, конкуренция, государственные закупки, эффективность политики регулирования, экономическая безопасность*

Для цитирования: *Штанько А.Ю., Паникарова С.В. Экономическая устойчивость российского рынка медицинских изделий // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 119–125. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-119-125.*

В условиях структурных изменений российской и мировой экономики, постоянного санкционного давления и ограниченного доступа к импортным технологиям качество институциональной среды становится ключевым фактором развития отрасли. Переход к количественным методам оценки экономической устойчивости отраслевых рынков позволяет объективно измерять результативность государственной политики и выявлять факторы, влияющие на эффективность их регулирования.

В данной статье рассматривается вопрос о количественной оценке экономической устойчивости российского рынка медицинских изделий. В качестве меры такой оценки предлагается использовать интегральный индекс экономической устойчивости. В перспективе такой подход даст возможность объективно оценить эффективность действующих институтов регулирования и выявить узлы, ограничивающие развитие отрасли. Методология построения такого индекса и агрегирования частных индикаторов обеспечивает сопоставимость данных разных масштабов и единиц измерения, что особенно важно при межотраслевом и временном анализе.

В исследовании использованы статистические ряды Росстата, Росздравнадзора, Минпромторга и открытые данные Евразийской экономической комиссии и другие данные, что позволило проследить динамику ключевых структурных характеристик: объём инвестиций, долю инновационной продукции, уровень импортозависимости, показатели конкуренции и транзакционные издержки. На основе этих параметров сформированы частные индексы, отражающие институциональные факторы устойчивости рынка, и рассчитан их совокупный вклад в интегральный показатель. Такой подход позволяет увязать количественные оценки с практическими задачами государственной политики и определить, какие механизмы реально обеспечивают устойчивость, а какие требуют корректировки.

Целью исследования является обоснование и апробация интегрального индексного подхода к измерению экономической устойчивости российского рынка медицинских изделий, ориентированного на выявление управляемых факторов и разработку практических инструментов регулирования.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

– проанализировать институциональные особенности системы регулирования обращения медицинских изделий в Российской Федерации и её соответствие задачам технологического развития;

– построить систему частных индикаторов устойчивости (инвестиции, инновации, локализация, импортозависимость, конкуренция, транзакционные издержки, надзор) и рассчитать интегральный индекс с использованием нормировки min–max и проверки чувствительности весов;

– выявить институциональные барьеры, ограничивающие инновационную и инвестиционную активность, а также конкурентность процедур закупок;

– разработать прикладной пакет регулирующих мер, направленных на снижение транзакционных издержек и повышение эффективности взаимодействия государства и производителей.

Методологическая база исследования опирается на институциональную экономику, индексный анализ и элементы риск-ориентированного регулирования. Применена комбинация нормативно-правового, статистического и прикладного анализа. Использование индексного подхода в сочетании с институциональным анализом позволило не только количественно измерить устойчивость рынка, но и определить направления её управляемого роста – через реформу закупочных процедур, развитие цифровой прослеживаемости и снижение издержек в контрактной системе.

Рынок медицинских изделий (МИ) в России находится под двойным давлением: клинические риски требуют безусловного соблюдения требований безопасности, а задачи развития технологий подталкивают к ускоренному вводу отечественных разработок. В качестве ориентира для балансировки этих целей обычно рассматриваются сопоставимые режимы регулирования – например, на пространстве ЕАЭС единые процедуры регистрации МИ закреплены Решением Совета Евразийской экономической комиссии № 46 [1].

В динамике показателей рынка МИ наблюдаются постепенные изменения структуры спроса и предложения. По итогам 2023 г. зафиксировано снижение импорта медицинских изделий на 4,5 п.п., что обусловлено как ростом внутреннего производства, так и стабилизацией отложенного спроса, возникшего после 2022 г. [2]. Вместе с тем зависимость рынка ЕАЭС от зарубежных поставок сохраняется высокой: по оценке Евразийской экономической комиссии, доля иностранных производителей превышает 80 % совокупного объёма рынка Союза, при этом около пятой части ассортиментных позиций не имеют локальных аналогов [3]. На российском сегменте в 2023 г. доля отечественных МИ в стоимостном выражении составила 25,4 % – показатель демонстрирует рост, но остаётся далёким от целевых ориентиров отраслевой политики [4]. Следовательно, у регулятора и заказчиков сохраняется потребность в инструментах, одновременно ускоряющих доступ на рынок и повышающих качество отбора.

Система контроля за обращением медицинских изделий демонстрирует постепенный переход к риск-ориентированной модели. По данным Росздравнадзора, в 2023 г. проведено 490 надзорных мероприятий, выявлено 294 нарушения обязательных требований, а также реализовано более 10 000

профилактических консультаций [5]. Расширение профилактического блока свидетельствует об эволюции контроля – от формальных проверок к точечным интервенциям, направленным на предупреждение системных рисков.

Сегмент государственных закупок остаётся основным драйвером спроса. По данным аналитической системы «Контур.Закупки», совокупный объём закупок лекарственных средств и медицинских изделий по Федеральным законам от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – ФЗ № 44-ФЗ) и от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее – ФЗ № 223-ФЗ) в 2023 г. составил 2,16 трлн руб., что на 7 % выше уровня предыдущего года [6]. Такая динамика повышает роль заказчика как институционального фильтра, определяющего параметры конкуренции и критерии оценки [7].

В предлагаемой методологии применяются частные индикаторы, которые затем агрегируются в интегральный индекс.

Для мониторинга предлагается использоать следующие индикаторы (в скобках указана желательная направленность влияния на устойчивость):

– индекс инвестиционной активности отрасли I_{inv} ↑;

– индекс инновационной интенсивности I_{inn} ↑;

– индекс локализации и технологической автономии I_{loc} ↑;

– индекс импортозависимости I_{imp} ↓;

– индекс обновления основных фондов I_{cap} ↑;

– индекс конкурентной среды I_{comp} ↑;

– индекс транзакционных издержек I_{tc} ↓;

– индекс доли вторичного оборудования I_{sec} ↓;

– интегральный финансовый индекс предприятий I_{fin} ↑.

Как видим, направленность индикаторов различается: прямые показатели должны расти при усилении устойчивости, а обратные – снижаться. Символ «↑» означает, что чем выше значение, тем лучше для устойчивости; «↓» – наоборот.

Нормируем все имеющиеся индикаторы к интервалу [0;1] методом *min – max* на горизонте наблюдений $t = 1, \ldots, T$. Для прямых показателей:

$$I_{k,t} = \frac{x_{k,t} - min(x_k)}{max(x_k) - min(x_k)}, k \in \{\text{inv, inn, loc, cap, comp, fin}\}$$

Для обратных показателей:

$$I_{k,t} = \frac{max(x_k) - x_{k,t}}{max(x_k) - min(x_k)}, k \in \{\text{imp, tc, sec}\}$$

Содержательное наполнение исходных величин $x_{(k,t)}$:

– x_{inv}: инвестиции в основной капитал отрасли к выручке отрасли, %;

– x_{inn}: доля инновационной продукции в выпуске, %;

– x_{loc}: доля отечественных компонентов в себестоимости высокотехпродукции, %;

– x_{imp}: доля импорта в потреблении отрасли, %;

– x_{cap}: коэффициент обновления основных фондов, %;

– x_{comp}: нормированная обратная концентрация рынка = 1 – ($\widehat{HHI}$) (где ($\widehat{HHI}$) – индекс Херфиндаля–Хиршмана, приведенный к [0;1]);

– x_{tc}: совокупные транзакционные издержки к выручке, %;

– x_{sec}: доля вторичного оборудования в установленном парке, %;

– x_{fin}: агрегат из финансовых коэффициентов предприятий.

Финансовый блок (по предприятиям отрасли) формируется через усреднение нормированных коэффициентов: текущей ликвидности K_{tl}, обеспеченности собственным оборотным капиталом K_{soc}, рентабельности продаж R_s, долговой нагрузки D (для долга – обратная нормировка):

$$I_{fin,t} = \frac{1}{4}\left(\widehat{K}_{tl,t} + \widehat{K}_{soc,t} + \widehat{R}_{s,t} + \widehat{D}_t^{inv}\right)$$

Базовый интегральный индекс устойчивости отрасли вычисляется как:

$$S_t = \sum_k w_k I_{k,t}, \sum_k w_k = 1$$

Начальный вариант весов – равновесовый: $w_k = 1/9$. Для учёта санкционных и логистических шоков вводится нечёткая корректировка весов $\{w_k\}$: если лингвистическая переменная «внешнее давление» высока, тогда возрастают веса w_{loc}, w_{oap}, w^*_{imp} (звёздочка – обратный индикатор), а веса w_{comp}, w_{tc} умеренно снижаются; при низком давлении – обратная настройка. Формально:

$$w_k' = w_k \cdot \mu_k(давление), S_t' = \frac{\sum_k w_k' I_{k,t}}{\sum_k w_k'}$$

где $\mu_k(\bullet)$ – функции принадлежности; параметры задаются экспертно и валидируются на ретроспективе.

Для управленческой интерпретации устанавливаются пороги:

– зелёная зона: $S'_t \geq 0{,}70$;

– жёлтая зона: $0{,}50 \leq S'_t < 0{,}70$;

– красная зона: $S'_t < 0{,}50$.

Далее проводится анализ чувствительности: варьируем каждый $I_{(k,t)}$ на ±10 % абсолютных пунктов и фиксируем $ДS'_t$. Показатели с наибольшей эластичностью признаются приоритетными для политики (обычно I_{loc}, I_{imp}, I_{cap}, I_{tc}).

При высоком внешнем давлении зададим μ: для I_{loc} и I_{cap} – 1,3; для I_{imp} – 1,4; для I_{tc} – 1,2; для прочих – 0,9. Тогда (после нормировки весов) $S'_t \approx 0{,}368$. Разница невелика, что указывает на структурную слабость «сильных» направлений и необходимость

адресных мер именно по локализации и обновлению фондов. Таблица 1 демонстрирует алгоритм нормировки.

Полученный S'_t применяется как сводный индикатор для ежегодной оценки результативности мер государственной политики. При реализации мероприятий по снижению транзакционных издержек и повышению локализации ожидается положительная динамика: рост I_{tc} (по обратной шкале), I_{loc} и I_{cap}, а также улучшение I_{fin}.

Рассмотрим пример применения такой методики для практических расчетов (табл. 2).

Рассмотрим подробнее показатели, представленные в таблице 2.

По данным пресс-службы Минпромторга, к концу 2023 г. ожидалась доля отечественной медицинской техники порядка 29 %, что согласуется с нашим значением 29,1 %; одновременно доля импорта должна была снизиться до ~71 % [8]. В открытых публикациях конца 2024 г. сообщалось, что фактически доля отечественной продукции составила около 25,4 %, а в госзакупках – 28,5 % [9]. Дисперсия оценок объяснима различиями в методике (рынок в целом против сегмента госзакупок; стоимостные/натуральные показатели) [10]. Для целей индексного анализа принята оценка по рынку в целом, подтверждаемая релизами Минпромторга и отраслевыми обзорами. Следовательно, высокие баллы по двум индикаторам отражают прежде всего позицию 2023 г. по выбранному окну нормировки, но не снимают проблему устойчивой импортозависимости в ряде высокотехнологичных сегментов.

Индекс инвестиционной активности остаётся низким (0,23). Сопоставление с официальной статистикой подтверждает: при общем росте инвестиций в основной капитал по экономике на 9,8 % в 2023 г. [11]. Для верификации используются профильные бюллетени Росстата по инвестициям [12].

По данным ИСИЭЗ НИУ ВШЭ на основе формы 4 «Инновация» Росстата, доля инновационной продукции в производстве медицинских инструментов и оборудования в 2023 г. достигла 16,4 %; уровень инновационной активности организаций в этом виде деятельности – 16,3 % [13]. Принятая оценка 15 % укладывается в статистический диапазон и может интерпретироваться как срез «узкого» сегмента оборудования (без части сопутствующих изделий). Следовательно, индекс 0,15 фиксирует не просто низкий, а структурно «узкий» характер инноваций: рост есть, но он точечный и не формирует широкого фронта внедрения.

Индекс (1 − *HHI*) равен 0,42 и после нормировки даёт балл 0,04. Прямые оценки HHI для рынка медизделий по единой методике публично не публикуются; тем не менее репрезентативные прокси указывают на слабую конкурентность закупок: в 2023 г. среднее число заявок на конкурентную процедуру по ФЗ № 44-ФЗ составляло

Таблица 1

Шаблон расчёта индекса устойчивости отрасли медицинских изделий (пример на условных данных)

Показатель, x_k	Тип	*Min*	*Max*	Факт	Нормировка, I_k	Вес, w_k	Взвешенный вклад, $w_k I_k$
Инвестиции к выручке, %	↑	0,2	1,5	0,7	0,42	0,111	0,047
Доля инновационной продукции, %	↑	10	45	22	0,36	0,111	0,040
Локализация компонентов, %	↑	20	70	35	0,30	0,111	0,033
Импортная доля, %	↓	30	80	74	0,25	0,111	0,028
Обновление ОФ, %	↑	3	12	6	0,33	0,111	0,037
Конкурентная среда (1 – *HHI*)	↑	0,40	0,85	0,60	0,41	0,111	0,046
Транзакционные издержки к выручке, %	↓	5	20	17	0,28	0,111	0,031
Доля вторичного парка, %	↓	5	35	25	0,40	0,111	0,044
Финансовый индекс предприятий	↑	0,20	0,80	0,53	0,45	0,111	0,050
Итого						1,000	0,355

Таблица 2

Частные индексы устойчивости отрасли

Показатель	Тип	Значение 2023	Min	Max	Индекс I_k
Доля отечественного производства, %	↑	29,1	15,4	29,1	1,00
Доля импорта, %	↓	70,9	70,9	84,6	1,00
Инвестиции в основной капитал, % от инвестиций в промышленность	↑	0,5	0,2	1,5	0,23
Доля инновационной продукции, %	↑	15	10	45	0,15
Индекс конкурентной среды (1 − *HHI*)	↑	0,42	0,40	0,85	0,04
Доля вторичного оборудования, %	↓	25	5	35	0,33
Совокупные транзакционные издержки, % от выручки	↓	17	5	20	0,20

около 2,3–2,5, а доля неконкурентных закупок была значимой [14]. Можно заключить, что барьеры входа и доминирование крупных игроков в госзаказе остаются системными [15].

Оценка доли «вторичного» оборудования в 25 % соотносится с косвенными индикаторами износа: профильные сообщения указывают на высокую степень изношенности парка в отдельных сегментах и регионах (например, 48 % изношенного оборудования в санаторно-курортных организациях по данным НМИЦ реабилитации и курортологии [16]; оценки региональных счетных палат также фиксируют значительный износ сложной техники). Суммарно это подтверждает, что значимая часть парка функционирует сверх нормативного срока службы, а вторичный сегмент выступает как «амортизатор» бюджетных ограничений. Следовательно, индекс 0,33 корректно отражает институциональное давление на обновление фондов.

Транзакционные издержки принимают значение 17 % от выручки – это авторская оценка, калиброванная по комбинации факторов: платы операторов ЭТП, банковские гарантии и обеспечение, издержки комплаенса и сопровождения и т.д. Академическая литература по России подтверждает ощутимую величину транзакционных издержек в контрактной системе: в исследовании НИУ ВШЭ на макроуровне совокупные издержки госзакупок оценены порядка 1 % от объёма заключённых контрактов (2016 г.), что при переносе на уровень поставщиков с высокой долей контрактных продаж и учётом обеспечения исполнения может трансформироваться в двузначные доли от выручки МСП [10]. С учётом нормативных требований ФЗ № 44-ФЗ по обеспечению контракта (0,5–30 % НМЦК) полученная оценка в 17 % выглядит реалистичной для типовой фирмы со значительной долей участия в закупках [17]. Таким образом, индекс 0,20 фиксирует неэффективную «надстройку» издержек, уменьшающую инвестиционный и инновационный резерв предприятий.

Интегральный индекс устойчивости:

$$S = \sum_{k} w_k I_{k,t} = 0{,}422.$$

Полученное значение $S = 0{,}422$ указывает на критически низкий уровень экономической устойчивости рынка медицинских изделий («красная зона»).

Рынок характеризуется неустойчивым равновесием: высокий уровень импортозависимости и слабая инновационная активность компенсируются лишь частично за счёт локализации производства [18], инвестиционная пассивность (I_{inv} = 0,23), инновационная инертность (I_{inn} = 0,15) и слабая конкуренция (I_{comp} = 0,04). Даже при благоприятных показателях по локализации и импорту отрасль остаётся в «красной зоне», что говорит о системных институциональных ограничениях.

Следовательно, рынок медицинских изделий в 2023 г. демонстрирует низкий уровень экономической устойчивости. Для выхода хотя бы в «жёлтую» зону требуется активизация инвестиционных и инновационных механизмов, усиление конкуренции в госзакупках и снижение транзакционных издержек.

Пакет улучшений, увязанный с расчётами частных индексов за 2018–2023 гг., сводится к группе мер, для которых заранее определены механизмы реализации и измеримые метрики. В таблице 3 представлен вариант «дорожной карты» для регулятора рынка и ключевых его участников.

При запуске сквозной платформы и стандартизации уведомлений ожидается ускорение «петли обратной связи» между инцидентом и корректирующим действием. Публикации по информированию пользователей фиксируют текущий недобор, а значит, резерв улучшения велик. Корректировка закупочной архитектуры даёт прирост в блоках «конкуренция» и «транзакционные издержки».

Представленный пакет предлагает не расширение количества мер, а точную калибровку рабочих инструментов: закупки по качеству, снижение издержек участия, цифровую прослеживаемость, «длинные» контракты под сложную медтехнику и публичный мониторинг. Можно заключить, что именно такие шаги дают сравнимый по масштабу вклад в интегральный индекс с редукцией импортозависимости и не требуют значительного увеличения бюджетов.

Проведённое исследование позволило системно оценить состояние и институциональные характеристики российского рынка медицинских изделий, выявив его текущие ограничения и потенциал для роста. Интегральный индекс устойчивости отрасли соответствует «красной зоне». Несмотря на положительную динамику локализации и сокращения импорта, сохраняется технологическая и институциональная зависимость от внешних факторов.

Отрасль характеризуется хронической недоинвестированностью (индекс 0,23) и низкой долей инновационной продукции (около 15 %). Существующие меры государственной поддержки (субсидии, льготное кредитование) оказываются недостаточными для стимулирования частных вложений. Необходима адаптация инструментов поддержки с учётом отраслевой специфики и инвестиционного цикла.

Рынок демонстрирует высокую концентрацию – индекс конкурентной среды 0,42 при $HHI \approx 0{,}58$, что указывает на доминирование крупных поставщиков в государственных закупках. Транзакционные издержки достигают 17 % выручки предприятий, снижая их инвестиционный потенциал. Приоритетными направлениями улучшения являются стандартизация НМЦК, сокращение бюрократических процедур и развитие скоринговых моделей закупок.

Высокая доля вторичного оборудования (≈ 25 %) и значительный износ основных фондов снижают

Таблица 3

Пакет институциональных улучшений и показатели мониторинга

Предлагаемая мера	Суть и механизм реализации	Ключевая метрика (панель *monitoring*)
Единый закон о медицинских изделиях	кодификация «жизненного цикла» изделия: разработка → регистрация → обращение → пост-рынок → утилизация; разграничение компетенций Минздрава, Росздравнадзора, Минпромторга	средний срок регистрации, мес.; число пересечений полномочий, ед.
Цифровая платформа сквозной прослеживаемости	интеграция реестра РУ, UDI идентификации, уведомлений о безопасности и инцидентах; машиночитаемые карточки корректирующих действий	доля изделий с цифровыми технологиями в ИС медорганизаций, %; скорость публикации уведомлений, дни
Снижение транзакционных издержек участия в закупках	стандартизация НМЦК, унификация пакета документов; корректировка «коридора» обеспечения и антидемпинговых надбавок	совокупные издержки участия к выручке, %; среднее время подготовки заявки, дни
Реформа закупочных критериев	перевод критически важных групп на многофакторную оценку (цена + качество + сервис); актуализация позиций КТРУ под сложное оборудование	среднее число заявок ≥ 3; доля процедур со скоринговой моделью; доля лотов с раскрытыми весами, %
Специализированные СПИК/ГЧП	«длинные» сделки под капиталоёмкую медтехнику; увязка с локализацией компонентов и сервисом полного цикла	доля инвестиций отрасли в промышленном итоге, %
Саморегулирование в высокорисковых сегментах	СРО с правом утверждать профстандарты и участвовать в привлечении к ответственности за нарушения	доля участников СРО, %; число экспертиз СРО, ед.
Программа обновления парка (*trade in*/лизинг)	типовые модели контрактов с сервисом и утилизацией; приоритизация реанимации, визуализации, имплантов	доля вторичного парка, %; средний возраст оборудования, лет
Ежегодная панель мониторинга	официальный выпуск «индекса устойчивости» и панели индикаторов	публикация отчёта 1 раз в год; доля индикаторов с валидными данными, %

качество и безопасность медицинских услуг. Предлагается внедрение программ *trade-in* и сервисных контрактов полного цикла, что позволит обновлять парк без резкого увеличения бюджетных расходов. Несмотря на количественный рост локализации, ключевые сегменты (реанимационная и диагностическая техника, имплантируемые изделия) остаются импортозависимыми. Программы импортозамещения следует переориентировать с простого замещения на формирование полных производственных циклов внутри страны, включая разработку, испытания, сертификацию и постмаркетинг.

Отсутствие единой системы оценки результативности государственной политики затрудняет управляемость отрасли. Введение панели мониторинга индикаторов позволит отслеживать динамику инвестиций, инноваций, конкуренции и качества в режиме ежегодной отчётности.

Реализация комплекса мер – цифровизация прослеживаемости изделий (*UDI*-идентификация), реформа контрактных процедур, институционализация ежегодного мониторинга – позволит сократить системные риски и перевести рынок в «желтую» или даже в «зелёную» зону устойчивости в среднесрочной перспективе.

Таким образом, проведённый анализ показывает, что устойчивое развитие рынка медицинских изделий в России возможно не за счёт масштабного увеличения финансирования, а благодаря точной настройке регуляторных инструментов, сокращению транзакционных издержек и формированию прозрачных правил взаимодействия государства, производителей и потребителей. Это создаёт основу для перехода от количественного импортозамещения к качественной технологической независимости и повышению эффективности государственного регулирования.

Литература:

1. Decision No. 46 of the Council of the Eurasian Economic Commission of 12 February 2016 «On the Rules of registration and professional examination of the safety, quality and efficacy of medical products» // EAEU Legal Portal. URL: https://docs.eaeunion.org/en/documents/306/2370/.
2. Голикова сообщила о сокращении импорта медизделий в РФ в 2023 году. ТАСС, 7 июня 2024. URL: https://tass.ru/ekonomika/21256207.
3. Обзор рынка медицинского оборудования и изделий. Евразийская экономическая комиссия, аналитический доклад. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/832/vv4wt4l62nl7hdl0zriwlntbgqr7ci2m/Obzor-Rynka-medoborudovaniya.pdf.

4. Доля отечественных медизделий в общем объеме рынка составила 25,4 %. Известия. URL: https://iz.ru/1795000/2024-11-22/dola-otecestvennyh-medizdelii-v-obsem-obeme-rynka-sostavila-254.
5. Доклад о федеральном государственном контроле (надзоре) за обращением медицинских изделий за 2023 год // Росздравнадзор. URL: https://roszdravnadzor.gov.ru/i/upload/images/2024/3/1/1709296829.5292-1-2001633.pdf.
6. Закупки госзаказчиками медизделий и лекарств выросли на 7 % в 2023 году // Контур. Закупки (пресс-служба). URL: https://kontur.ru/press/news/49285-zakupki_goszakazchikami_medizdeliy_i_lekarstv.
7. Доклад о федеральном государственном контроле (надзоре) за обращением медицинских изделий за 2024 год // Росздравнадзор. URL: https://roszdravnadzor.gov.ru/documents/86431.
8. Доля отечественной медтехники к концу 2023 года может составить 29 % // ТАСС. URL: https://tass.ru/ekonomika/19470949.
9. Доля российского медоборудования составила 25,4 % при планах 29 %. URL: https://www.osnmedia.ru/obshhestvo/izvestiya-dolya-rossijskogo-medoborudovaniya-sostavila-25-4-pri-planah-29.
10. Балаева О. Н., Яковлев А. А., Родионова Ю. Д., Есаулов Д. М. Трансакционные издержки в сфере госзакупок РФ: оценка на макроуровне на основе микроданных // Журнал институциональных исследований. 2018. Т. 10. № 3. С. 58–84. DOI: 10.17835/2076-6297.2018.10.3.058-084.
11. Росстат: инвестиции в основной капитал в РФ в 2023 г. выросли на 9,8 % // ТАСС. URL: https://tass.ru/ekonomika/20438427.
12. Инвестиции в основной капитал по видам экономической деятельности за январь–декабрь 2023 г.: информационный бюллетень. URL: https://46.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/investiziipovidam.pdf.
13. Фридлянова С. Ю., Дитковский К. А. Инновационный рост российской экономики // Экспресс-информация ИСИЭЗ НИУ ВШЭ на 26.09.2024. URL: https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/966501342.pdf.
14. Пресс-релиз по результатам мониторинга конкуренции: среднее число заявок на конкурентную процедуру по 44 ФЗ // НП «Национальная отрасль закупок». 2023. URL: https://www.nrpz.ru/press-reliz-2023.
15. О коэффициентах рыночной концентрации: методическая записка // Банк России, серия «Discussion papers». 2020. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/158262/02_DS.pdf.
16. НМИЦ реабилитации и курортологии Минздрава РФ: «Доля изношенного медоборудования в санаторно курортных организациях – 48 %» // ТАСС. URL: https://tass.ru/obschestvo/24401551.
17. Министерство финансов РФ. Сводный аналитический отчёт о результатах мониторинга закупок по законам № 44 ФЗ и № 223 ФЗ за 2023 год. Москва, 2024. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2024/05/main/Svodnyy_2023.pdf
18. Махова О.А. Информирование субъектов обращения медицинских изделий о новых данных о безопасности // Медицинские технологии. Оценка и выбор. 2023. Т. 45. № 3. С. 41–46. DOI: 10.17116/medtech20234503141.

Economic Sustainability of the Russian Medical Devices Market

Shtanko A.Yu., Panikarova S.V.
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg)

The paper presents an applied diagnostic of the Russian medical devices market using an integral index of economic sustainability with a clear managerial focus. The objective is to develop and validate a composite index that aggregates indicators of investment and innovation activity, localization versus import dependence, market competition, transaction costs, fixed-asset renewal, and firms' financial stability. The methodology relies on min–max normalization, weighted aggregation with sensitivity testing of weights, and scenario-based re-calibration under external shocks to assess robustness. The empirical base draws on official statistics and sectoral registries; harmonized data series are used to improve transparency and reproducibility. The estimates reveal factors with the highest elasticity to the composite index and thus support prioritization of regulatory measures with the best «impact–cost» ratio. Practical relevance lies in enabling routine policy monitoring and a priority map for regulators and manufacturers. The toolkit is intended to be embedded into strategic management routines and can inform timely adjustments of policy programs.

Keywords: sustainability index, medical devices, institutional regulation, transaction costs, import dependence, production localization, competition, public procurement, effectiveness of the regulatory policy, economic security

УДК 33
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-126-133

Организационные детерминанты успеха внедрения искусственного интеллекта: сравнительный анализ российской и зарубежной практик

Ягудина Е.В.
Доктор экономических наук, профессор,
заведующая кафедрой управления человеческими ресурсами
Казанского (Приволжского) федерального университета

Павлова А.В.
Доктор экономических наук, профессор кафедры сервиса и туризма,
проректор по учебной работе и цифровой трансформации
Поволжского государственного университета
физической культуры, спорта и туризма (Казань)

В условиях ускоряющейся цифровой трансформации и обостряющейся глобальной конкуренции внедрение искусственного интеллекта становится ключевым фактором повышения конкурентоспособности и устойчивого развития организаций, при этом результаты практики показывают, что решающую роль играют организационные и управленческие, а не технологические параметры.

Цель исследования заключается в выявлении и систематизации организационных детерминант успеха внедрения искусственного интеллекта и барьеров его масштабирования, а также в определении специфики российских практик в сопоставлении с опытом США, Европейского союза и Китая. В рамках работы решены задачи по обобщению эмпирических данных и кейсов внедрения ИИ, выделению ключевых факторов успеха и неудач, разработке авторской модели детерминант и барьеров, а также формулированию управленческих рекомендаций для компаний, рассматривающих ИИ как инструмент стратегической трансформации.

Научная новизна и практическая значимость исследования состоят в интеграции разрозненных подходов к анализу внедрения ИИ в единую классификацию факторов успеха и барьеров, сгруппированных по пяти ключевым аспектам: стратегическое лидерство, организационная структура и культура, человеческий капитал, технологическая и дата-инфраструктура, бизнес-ориентация.

Предложенная модель позволяет менеджерам выстроить целостную систему управления ИИ-проектами, увязывая технологические решения с управлением изменениями, развитием компетенций и архитектурой данных, что повышает вероятность получения устойчивого бизнес-эффекта. Основные результаты исследования показывают, что успешные проекты внедрения ИИ характеризуются наличием четкой стратегии и дорожной карты, функционированием центров компетенций, развитой культурой сотрудничества и инноваций, инвестициями в развитие цифровых навыков персонала, а также готовностью данных и масштабируемой инфраструкту-

рой. Ключевыми барьерами выступают дефицит квалифицированных кадров, низкое качество и фрагментированность данных, отсутствие стратегии и сопротивление сотрудников, а также институциональные ограничения и особенности регуляторной среды, особенно в российском контексте. Полученные выводы подчеркивают, что долгосрочный успех внедрения ИИ определяется не уровнем технологий, а зрелостью организационной культуры, качеством стратегического лидерства и способностью компаний выстраивать системное управление изменениями.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, стратегическое лидерство, организационная культура, AI Center of Excellence, управление изменениями, человеческий капитал, качество данных, регуляторная среда, цифровая трансформация, сравнительный анализ*

Для цитирования: *Ягудина Е.В., Павлова А.В. Организационные детерминанты успеха внедрения искусственного интеллекта: сравнительный анализ российской и зарубежной практик // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 126–133. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-126-133.*

В условиях стремительной цифровой трансформации искусственный интеллект (ИИ) перестал быть исключительно предметом научных исследований и технологических экспериментов, превратившись в ключевой драйвер конкурентоспособности и стратегического развития организаций. А практика показывает, что эффективность ИИ определяется не столько технологической мощью, сколько зрелостью организационных, управленческих и человеческих факторов.

Главные барьеры на пути масштабирования ИИ – это отсутствие стратегического лидерства, низкая готовность данных, дефицит квалифицированных кадров и слабая организационная культура, ориентированная на изменения. Особенно остро эти вызовы проявляются в условиях глобальной нестабильности, санкционного давления и фрагментации технологических экосистем, что актуализирует необходимость сравнительного анализа российской и зарубежной практик внедрения ИИ. Настоящая статья направлена на систематизацию ключевых детерминант успеха и барьеров внедрения искусственного интеллекта в организациях, а также на выявление особенностей российского контекста в сопоставлении с практиками США, Европейского союза и Китая. На основе обобщения эмпирических данных и реальных кейсов формулируются управленческие рекомендации, позволяющие переосмыслить ИИ не как ИТ-инициативу, а как комплексную стратегическую трансформацию, требующую изменений на всех уровнях организации.

Методами исследования стали: качественный анализ вторичных источников, включая научные публикации, отраслевые отчеты и кейсы внедрения ИИ в организациях; сравнительный метод для сопоставления практик внедрения ИИ в России и ведущих мировых экономиках (США, ЕС, Китай); метод классификации, позволивший классифицировать выделенные факторы успеха и барьеры по пяти аспектам: стратегическое лидерство, организационная культура, человеческий капитал, технологическая инфраструктура и бизнес-ориентация. На основе синтеза данных предложена авторская модель детерминант внедрения ИИ, а также выработаны практические управленческие рекомендации.

Анализ современной практики внедрения искусственного интеллекта в деятельность организаций позволил выявить комплекс взаимосвязанных факторов, определяющих успех или неудачу этих инициатив. Успешные кейсы внедрения характеризуются не столько технологическим превосходством, сколько зрелостью организационной культуры и стратегическим подходом со стороны руководства.

Ключевым фактором успеха является стратегическое лидерство топ-менеджмента. Исследования показывают, что отсутствие четкой стратегии является одним из главных барьеров: компании, не имеющие формальной стратегии внедрения ИИ, демонстрируют лишь 37 % успешных кейсов внедрения, тогда как в компаниях, озаботившихся разработкой подобной стратегии, этот показатель достигает 80 % [1]. Задачи топ-менеджмента – формулировать видение, связанное с ключевыми бизнес-приоритетами, и обеспечивать организационную согласованность. Например, CEO компании Konecta создал «Офис ускорения и внедрения ИИ», который определил более 40 высокодоходных кейсов и обеспечил финансирование и ответственность региональных CEO компаний [2]. Противоположный пример – отсутствие поддержки руководства, которое названо одним из шести основных барьеров внедрения генеративного ИИ [3].

Второй критически важный фактор – ориентация на бизнес-ценность и создание дорожной карты. Успешные компании фокусируются на небольшом числе высокорезультативных кейсов в проверенных областях, таких как снижение стоимости владения на 10–15 % в энергетике, телекоммуникациях и фи-

нансовых услугах [2]. Это требует привлечения CFO для объективной оценки финансовых ожиданий и определения конкретных бизнес-метрик. Прагматичная реализация через приоритизацию *use cases* (требований к программному обеспечению, позволяющих разработать качественный продукт, от которого пользователь получит ожидаемый результат) позволяет избежать размывания ресурсов и добиться измеримого результата [4].

Третий фактор – создание надежной системы управления ИИ и центров компетенций в области искусственного интеллекта – *AI Center of Excellence (AI CoE*). Компании с формальной системой управления ИИ в 2,7 раза реже сталкиваются со значительными этическими инцидентами [3]. Центр компетенций выступает в роли внутренней команды экспертов, обеспечивающей стратегическое соответствие, стандартизацию процессов, внедрение практик ответственного ИИ и оптимизацию возврата инвестиций [5; 6]. Он обеспечивает централизованное формирование лучших практик, создание единой стратегии и координацию ИИ-инициатив [7–9].

Четвертый фактор – формирование культуры сотрудничества, инноваций и вовлечения персонала. Такие организации в 2,4 раза чаще успешно переходят к бизнес-ориентированным цифровым стратегиям [2]. Применение принципа «бережливого» менеджмента в бизнесе – «Проваливайся быстро, учись быстро» (*Fail Fast, Learn Fast*) в региональных кросс-функциональных командах и «лаборатории инноваций» для пилотных проектов длительностью 4–6 недель с четкими KPI способствует быстрому накоплению опыта [2]. Назначение «чемпионов ИИ» из числа сотрудников, как это сделали *Salesforce, Vizient и Qualcomm,* повышает вовлеченность и ускоряет масштабирование [1].

Пятый фактор – интеграция процессов управления изменениями и развития талантов. Компании, инвестирующие в развитие цифровых навыков, в 1,5 раза успешнее достигают целей по внедрению ИИ [2]. При этом существует значительный разрыв между долей персонала, испытывающего потребность в обучении ИИ, и долей прошедших такое обучение: 49 % работников считают, что им необходимо обучение использованию ИИ, но лишь 14 % получили таковое [10]. Успешные кейсы, такие как *Novartis*, демонстрируют важность массового переобучения. Так, к 2020 г. сотрудники *Novartis* прошли более 175 000 курсов на *Coursera* и *LinkedIn Learning* по таким стратегическим навыкам, как анализ данных и искусственный интеллект, в среднем сотрудники проходили по несколько курсов, что свидетельствует как о стремлении компании, так и о желании сотрудников учиться [10].

Шестой фактор – готовность данных, масштабируемая инфраструктура и бесшовная интеграция. Основные проблемы внедрения ИИ связаны не с моделями, а с фрагментированными данными и устаревшими системами [2]. Качество данных является критически важным: данные должны быть структурированными, предметно-ориентированными, актуальными и релевантными. Агентный ИИ (*Agentic AI*), способный к автономным действиям, требует глубоких контекстных данных [11].

В то же время внедрение ИИ сталкивается с рядом серьезных барьеров. Главный из них – дефицит квалифицированных кадров. По данным Оксфордского университета (2025), 63 % работодателей указывают на нехватку квалификации как основное препятствие для трансформации бизнеса. В США спрос на ИИ-специалистов может превысить 1,3 млн позиций, создавая дефицит в 700 тыс. работников [12].

В российской экономике дефицит специалистов в сфере программирования и смежных ИТ-направлений к середине 2020-х гг. приобрёл устойчивый и системный характер, что подтверждается как оценками государственных структур, так и данными рынка труда. Нехватка кадров особенно заметна в высокотехнологичных сегментах, где требуется сочетание глубокой технической экспертизы и отраслевой специализации. Наиболее напряжённая ситуация складывается в областях кибербезопасности, разработки сложных распределённых и высоконагруженных систем, решений в сфере машинного обучения и искусственного интеллекта, а также мобильной разработки, где спрос работодателей стабильно превышает предложение квалифицированных специалистов [13; 14].

В условиях растущего разрыва между потребностями бизнеса и доступным кадровым ресурсом компании усиливают конкуренцию за ИТ-профессионалов и вынуждены пересматривать традиционные практики управления человеческими ресурсами. Стандартные подходы к рекрутингу и типовые компенсационные пакеты перестают обеспечивать требуемый приток специалистов, поэтому на первый план выходят более сложные и адресные инструменты работы с рынком труда. К их числу относятся инвестиции в укрепление *HR*-бренда в профессиональном сообществе, участие в специализированных мероприятиях, поддержка профессиональных сообществ и технологических инициатив, а также развитие реферальных механизмов поиска кандидатов через действующих сотрудников [7].

Дополнительным конкурентным преимуществом для работодателей становится создание привлекательной технологической и организационной среды: использование современного стека технологий, ориентация на исследовательские и инновационные задачи, гибкие форматы занятости и расширенные возможности удалённой или смешанной работы. Это позволяет компаниям расширять географию

подбора и привлекать специалистов, для которых важны не только уровень вознаграждения, но и содержательность проектов, возможности развития и баланс между работой и личной жизнью.

Фокус внимания смещается и в сторону долгосрочного удержания ИТ-персонала. Исследования рынка показывают, что для значительной части разработчиков на первый план выходят перспективы профессионального и карьерного роста, сложность и новизна задач, а также участие в стратегически значимых для компании проектах. В ответ организации формируют комплексные программы удержания, включающие индивидуальные траектории развития, системные инвестиции в обучение и повышение квалификации, поддержку психологического благополучия и профилактику выгорания, вовлечение ключевых специалистов в процессы технологического и продуктового стратегирования, а также использование долгосрочных стимулов (опционные программы, участие в прибыли и другие инструменты, связывающие сотрудника с компанией на длительный горизонт) [7].

Смягчение структурного дефицита ИТ-кадров требует не только усилий бизнеса, но и трансформации системы подготовки и переподготовки специалистов. В этой связи усиливается роль государственных программ масштабирования ИТ-образования, ориентированных на расширение приёма в вузы по цифровым специальностям, а также развития практико-ориентированных форм обучения. Крупные технологические компании выстраивают собственные образовательные экосистемы в виде корпоративных университетов и школ программирования, интегрируют реальные проекты в учебный процесс и поддерживают программы интенсивной переквалификации для специалистов из других отраслей. Важным направлением становится и ранняя профориентация в сфере ИТ, включая расширение изучения основ программирования в школе и вовлечение школьников в проектную и олимпиадную деятельность, что формирует будущий кадровый резерв для цифровой экономики [7].

Благодаря консолидации усилий бизнеса, образовательных организаций и государства количество IT-специалистов в России растет. По итогам прошлого года этот показатель вырос на 13 % и составил около 1 млн чел. [15].

Второй значимый барьер – низкое качество данных. Донал Тобин в своем исследовании «Статистика проблем с преобразованием данных – 50 показателей, которые должен знать каждый технологический лидер в 2025 году» отмечает, что 64 % организаций называют качество данных главным препятствием для внедрения ИИ, а 77 % оценивают качество своих данных как среднее или ниже [10]. Фрагментированные системы и отсутствие четкой ответственности за данные являются основными причинами несоответствия возможностей управления данными потребностям бизнеса [16].

Третий барьер – отсутствие стратегии и сопротивление сотрудников. Более 40 % организаций внедряют ИИ без стратегии, что приводит к низкой эффективности [17]. Сотрудники могут скрывать использование ИИ из-за опасений за свою работу, что создает культуру страха [18].

Четвертый барьер – корпоративная бюрократия, унаследованные системы и проблемы с безопасностью. Устаревшее оборудование и сложность сбора данных затрудняют интеграцию. Так, 57 % компаний называют защиту данных главным препятствием для внедрения ИИ [19].

Пятый барьер, который многие специалисты считают главным препятствием масштабирования ИИ, – отсутствие стратегического лидерства [20].

На основе проведенного анализа мы систематизировали детерминанты успеха и барьеры внедрения ИИ (см. табл. 1).

Анализ современной практики внедрения искусственного интеллекта в деятельность организаций выявляет глубокие и фундаментальные различия между российской и зарубежной (в первую очередь, между США, ЕС и Китаем) практиками. Эти различия проявляются на трех ключевых уровнях:

– технологические решения;

– организационные модели управления;

– регуляторная среда.

В результате мы наблюдаем контрастные экосистемы развития ИИ. В области технологических решений доминирующей тенденцией в ведущих мировых экономиках является переход к гибридным и мультиоблачным архитектурам, которые позволяют сочетать масштабируемость облака с контролем и безопасностью локальной инфраструктуры [28–30]. Крупные технологические платформы, такие как *AWS, Microsoft Azure* и *Google Cloud*, предлагают сервисы для разработки и развертывания моделей, создавая конкурентную среду и стимулируя инновации [21].

В России, несмотря на санкции и ограничения на поставку компонентов, развитие собственной аппаратной компании «Сбер» и «Яндекс» разрабатывают собственные модели, такие как *GigaChat MAX* и *YandexGPT. GigaChat* демонстрирует результаты, сопоставимые с западными моделями. Например, в бенчмарке *MERA GigaChat MAX* показал уровень, сравнимый с *Meta-Llama-3.1-405B-Instruct* и уступил только *GPT-4o*. *YandexGPT* успешно конкурирует с западными моделями, особенно в области обработки русского языка. В некоторых задачах, таких как генерация текстов и понимание контекста, *YandexGPT* показывает результаты, сопоставимые с *ChatGPT. SlonGPT* – новый игрок на рынке, созданный как мультимодальный помощник, генерирующий не только тексты, но и изображения. Досту-

Таблица 1

Детерминанты успеха и барьеры внедрения искусственного интеллекта в деятельность организаций*

Аспект	Детерминанты успеха внедрения ИИ	Барьеры внедрения ИИ
Стратегическое лидерство	Четкая стратегия на уровне организации, поддержка со стороны топ-менеджмента, создание дорожной карты [1; 2; 17]	Отсутствие стратегии, инерция руководства, отсутствие стратегической согласованности [2; 21; 22]
Организационная структура и культура	Создание центров компетенций (AI CoE), культура инноваций, вовлечение сотрудников, назначение «чемпионов ИИ» [1; 2; 5]	Сопротивление сотрудников, культура страха, корпоративная бюрократия, отсутствие управления изменениями [3; 4; 18]
Человеческий капитал	Инвестиции в обучение и переобучение, развитие ИИ-грамотности, стратегия управления талантами «*build, buy, bot, borrow*[1]» [2; 20; 18; 23]	Дефицит квалифицированных кадров, нехватка экспертизы, высокая стоимость и длительность найма [12; 24; 25]
Технологическая и дата-инфраструктура	Готовность данных, масштабируемая инфраструктура, бесшовная интеграция, использование безопасных систем [2; 11; 26]	Низкое качество данных, фрагментированные системы, устаревшие системы, проблемы с безопасностью и конфиденциальностью [19; 27]
Бизнес-ориентация	Ориентация на ценность, привлечение финансовых директоров, прагматичная реализация через приоритизацию use cases [2; 28]	Отсутствие бенчмарков для оценки ИИ-систем, несоответствие целям бизнеса [23; 24]

* Систематизировано авторами.

[1] «*Build, Buy, Bot, Borrow*» — это стратегия решения кадровых задач в контексте искусственного интеллекта (*AI*). Она включает:

Build – внутреннее обучение существующих сотрудников критичным для *AI* навыкам.

Buy – внешний найм специалистов для закрытия текущих кадровых пробелов.

Bot – автоматизацию рутинных задач и перераспределение человеческих ресурсов на более высокую по ценности работу.

Borrow – сотрудничество с академическими учреждениями, консалтинговыми компаниями или стартапами для получения экспертиз по запросу.

пен в *Telegram*, позиционируется как отечественный аналог *ChatGPT* и *Midjourney* [23; 31].

Второй аспект – организационные модели управления. В ведущих компаниях США и Европы наблюдается четкая тенденция к созданию централизованных центров компетенций (*AI CoE*) и внедрению гибридной модели «хаб-спиц» [2; 6; 32]. Эти структуры обеспечивают стратегическое соответствие, стандартизацию, управление рисками и эффективное масштабирование инициатив, что позволяет преодолеть разобщенность команд и избежать дублирования усилий [33]. Например, компании *Konecta* и *JPMorgan Chase* используют централизованные CoE для координации своих масштабных ИИ-проектов [2; 22]. В российской практике, хотя и существуют крупные игроки, таких как «Сбер» и «Яндекс», которые могут иметь внутренние центры компетенций, общая картина характеризуется концентрацией разработок в узком круге крупных компаний и недостатком венчурного капитала для поддержки инноваций в среднем и малом бизнесе [25; 34]. Это приводит к менее зрелой и более фрагментированной экосистеме управления, где отсутствует широкая культура масштабирования инициатив через стандартизированные организационные структуры. Следовательно, российские компании чаще действуют в рамках изолированных пилотов, что затрудняет переход к производству и ограничивает общий бизнес-эффект.

Третий и, возможно, самый значимый аспект – регуляторная среда. Подходы США, ЕС и Китая к регулированию ИИ принципиально различаются.

В целом же можно сделать выводы о существенных различиях в развитии ИИ между Россией и ведущими экономиками мира. В технологической сфере российские разработки демонстрируют конкурентоспособность, но ограничены локальным рынком. Организационные модели в России менее зрелые, с концентрацией разработок в крупных компаниях. Регуляторная среда в России стремится к балансу между стимулированием инноваций и обеспечением безопасности, в то время как подходы США, ЕС и Китая существенно различаются.

США демонстрирует либеральный подход, приоритет инноваций над регулированием. ЕС, напротив, стоит на позициях строгого контроля и фокусируется на этике и безопасности. Китай характеризуется жестким государственным контролем, реализуемом в рамках концепции киберсуверенитета. Россия же сосредоточена на поиске баланса между стимулированием и регулированием через экспериментальные правовые режимы. И для развития ИИ в России критически важно: расширение экосистемы разработчиков; усиление международного сотрудничества; совершенствование регуляторной среды.

Таким образом, в результате исследования, авторами был сформулирован ряд управленческих выводов, которые выходят за рамки простого пере-

числения факторов из источников и представляют собой глубокую аналитическую интерпретацию.

Главный вывод исследования заключается в том, что успех внедрения ИИ определяется не технологическими возможностями, а организационной зрелостью компании. Современные технологии генеративного ИИ становятся всё более доступными, однако их эффективное применение напрямую зависит от уровня развития организационной культуры, качества стратегического управления и способности компании управлять изменениями.

Это подтверждается статистическими данными: 95 % пилотных проектов генеративного ИИ терпят неудачу именно из-за проблем с управлением изменениями, а не из-за технических ограничений [26; 27]. Данный факт требует от руководителей переосмысления подхода к внедрению ИИ – от рассмотрения его как чисто ИТ-проекта к пониманию как комплексной стратегической трансформации, затрагивающей все уровни организации.

На основе проведенного анализа была разработана комплексная классификация факторов успеха и барьеров внедрения ИИ. Факторы успеха группируются по следующим ключевым направлениям:

– стратегическое лидерство;

– организационная структура и корпоративная культура;

– человеческий капитал;

– технологическая и дата-инфраструктура;

– бизнес-ориентация.

Барьеры внедрения ИИ можно классифицировать на:

– первичные барьеры – человеческие и процессные факторы;

– вторичные барьеры – технические и инфраструктурные ограничения;

– третичные барьеры – внешние и системные факторы, такие как регуляторная среда, санкции и глобальный дефицит талантов

Важно отметить взаимосвязанность всех типов барьеров: отсутствие чёткой стратегии (первичный барьер) приводит к неэффективному использованию данных (вторичный барьер), что в свою очередь ограничивает достижение бизнес-целей.

Анализ современной практики внедрения ИИ показывает, что успешность проекта определяется следующими ключевыми факторами: наличие чёткой стратегии на высшем уровне управления; ориентация на конкретную бизнес-ценность; создание центров компетенций (*AI CoE*); внедрение гибридной организационной модели «хаб-спиц».

Основные причины неудач связаны с: дефицитом квалифицированных кадров; низким качеством данных; отсутствием стратегического видения; сопротивлением персонала.

Сравнительный анализ показывает, что ведущие мировые экономики (США, ЕС, Китай) формируют открытые инновационные экосистемы с чёткими регуляторными рамками, в то время как российский рынок, демонстрируя устойчивый рост, сталкивается с уникальными вызовами, включая внешние ограничения и ограниченный доступ к некоторым технологиям.

Для достижения технологического суверенитета и максимизации экономической отдачи необходимо системное устранение барьеров, начиная с культурных и лидерских инициатив. Руководители должны воспринимать внедрение ИИ не как технический проект, а как стратегическую трансформацию всей организации.

Литература:

1. Key findings from our 2025 enterprise AI adoption report. URL: https://writer.com/blog/enterprise-ai-adoption-survey/
2. From early pilot to lasting value: 6 critical success factors for AI transformation. URL: https://konecta.com/news-insights/from-early-pilot-to-lasting-value-6-critical-success-factors-for-ai-transformation
3. Stevens B. Production AI success: From gen AI promise to business impact. URL: https://www.redhat.com/en/blog/production-ai-success
4 Overcoming HR obstacles to enterprise AI adoption. URL: https://www.sap.com/research/hr-ai-adoption Establish an AI Center of Excellence. URL: https://learn.microsoft.com/en-us/azure/cloud-adoption-framework/scenarios/ai/center-of-excellence
5. Vigneswar M., Ganesan A. How to Establish an AI Center of Excellence. URL: https://www.ideas2it.com/blogs/establish-ai-center-excellence
6. AI Governance and Centers of Excellence: Keys to Business Success. URL: https://www.plainconcepts.com/ai-governance-center-excellence/
7. Lin A., Schulman D. Five Steps to Building an AI Center of Excellence. URL: https://domino.ai/blog/five-steps-to-building-the-ai-center-of-excellence

8. Sirota A. Cloud AI vs. on-premises AI: Where should my organization run workloads? URL: https://www.pluralsight.com/resources/blog/ai-and-data/ai-on-premises-vs-in-cloud
9. Train in the Cloud, Deploy On-Prem: Making Hybrid AI Work ... URL: https://sutejakanuri.medium.com/train-in-the-cloud-deploy-on-prem-making-hybrid-ai-work-foryou-718e5d8f00b9
10. Brenner M. 10 Hard Truths About Enterprise AI Adoption (and How to Get It Right). URL: https://blog.workday.com/en-us/10-hard-truths-about-enterprise-ai-adoption-how-get-right.html
11. Li M. 7 Key Success Factors for AI Startups in 2026. URL: https://www.secondtalent.com/resources/key-success-factors-for-ai-startups/
12. Нехватка программистов в России: масштабы дефицита и пути решения. URL: https://sky.pro/wiki/profession/ nehvatka-programmistov-v-rossii-masshtaby-deficita-i-puti-resheniya/
13. Павлова А.В. Использование цифровых двойников в управлении: обзор подходов - территориальный аспект // Инновации и инвестиции. 2024. № 12. С. 293–297.
14. Самусенко Т. Дефицит IT-специалистов: как государство и бизнес повышают интерес к цифровым профессиям. URL: https://rg.ru/2025/06/20/v-rossii-razvivaiut-podgotovku-it-kadrov-cherez-prikladnoe-obuchenie.html
15. Scaling AI with strategy, data and workforce readiness. URL: https://www.weforum.org/stories/2025/10/closing-the-intelligence-gap-how-leaders-can-scale-ai-with-strategy-data-and-workforcereadiness/
16. Most Organizations Adopting AI Without Strategy as Risks Mount. URL: https://www.corporatecomplianceinsights.com/news-roundup-july-11-2025/
17. Withers J. Winning with AI: Building a Culture of Adoption. URL: https://trueplatform.com/news/winning-with-ai-building-a-culture-of-adoption/
18. How to Choose the Best Deployment Model for Enterprise AI: Cloud vs On-Prem. URL: https://www.allganize.ai/en/blog/enterprise-guide-choosing-between-on-premise-and-cloud-llm-and-agentic-ai-deployment-models
19. The Human Side of AI Transformation: Why Culture Is the Key to Enterprise AI Success. URL: https://agility-at-scale.com/implementing/human-side-of-ai-transformation/
20. Suchak D., Ali R. Cloud & AI Platform Strategy 2025: Patterns, Benefits, and Recommendations. URL: https://qpulse.tech/cloud-ai-platform-strategy-2025-patterns-benefits-and-recommendations/
21. Why the AI Center of Excellence Is the Key to AI Adoption. URL: https://www.tredence.com/blog/ai-center-of-excellence.
22. Павлова А.В. Цифровой двойник в действии: помогает ли управлять? // Экономика строительства. 2024. № 12. С. 86–90.
23. AI in the workplace: A report for 2025. URL: https://www.mckinsey.com/capabilities/mckinseydigital/our-insights/superagency-in-the-workplace-empowering-people-to-unlock-ais-fullpotential-at-work.
24. Russian firms embrace AI and robotics to boost productivity, despite challenges. URL: https://www.intellinews.com/russian-firms-embrace-ai-and-robotics-to-boost-productivity-despite-challenges-347171/
25. Gesser A., Moodie G., Bernabei D. Why Businesses Are Accelerating AI Adoption and Eight Hallmarks of Success. URL: https://www.debevoise.com/insights/publications/2025/09/why-businesses-are-accelerating-ai-adoption-and
26. Kumar A., Srinivasaa HG. Closing the intelligence gap: How leaders can scale AI with strategy, data and workforce readiness. URL: https://www.weforum.org/stories/2025/10/closing-the-intelligence-gap-how-leaders-can-scale-ai-with-strategy-data-and-workforce-readiness/
27. Parsons D., Corneil Ch. Six critical success factors to realize AI potential. URL: https://www.slalom.com/us/en/insights/six-critical-success-factors-to-realize-ai-potential.
28. Navigating Hybrid Cloud in Enterprise IT: A 2025 Roadmap. URL: https://www.matrix-ndi.com/resources/navigating-hybrid-cloud-in-enterprise-it-a-2025-roadmap/
29. Tobin D. Data Transformation Challenge Statistics – 50 Statistics Every Technology Leader Should Know in 2025. URL: https://www.integrate.io/blog/data-transformation-challenge-statistics/
30. Российские ИИ-решения, которые не хуже западных. URL: https://matrixmsk.ru/ai-dlya-biznesa/tpost/rjepfv6kc1-rossiiskie-ii-resheniya-kotorie-ne-huzhe.
31. Nandi M. How to Build an AI Center of Excellence. URL: https://www.datasciencecentral.com/how-to-build-an-ai-center-of-excellence/
32. Editor S. What is an AI center of excellence? URL: https://www.ibm.com/think/topics/ai-center-of-excellence.
33. Nadibaidze A. Russia's Drive for AI: Do Deeds Match the Words? // The Washington Quarterly. 2024. № 47(4). P. 137–154. https://doi.org/10.1080/0163660X.2024.2435162.

Organizational Determinants of Successful Artificial Intelligence Implementation: a Comparative Analysis of Russian and International Practices

Yagudina E.V.
Kazan (Volga Region) Federal University
Pavlova A.V.
The Volga State University of Physical Culture, Sports and Tourism (Kazan)

In the current context of accelerating digital transformation and intensifying global competition, the adoption of artificial intelligence is becoming a key driver of organizational competitiveness and sustainable development, while empirical evidence indicates that organizational and managerial, rather than purely technological, parameters play the decisive role.

The purpose of this study is to identify and systematize the organizational determinants of successful artificial intelligence adoption and the barriers to its scaling, as well as to specify the distinctive features of Russian practices in comparison with those of the United States, the European Union, and China. Within this research, the authors generalize empirical data and AI implementation cases, single out the key success and failure factors, develop an original model of determinants and barriers, and formulate managerial recommendations for companies that regard AI as a lever of strategic transformation.

The scientific contribution and practical relevance of the study lie in integrating fragmented approaches to the analysis of AI adoption into a unified classification of success factors and barriers, grouped into five core dimensions: strategic leadership, organizational structure and culture, human capital, technological and data infrastructure, and business orientation.

The proposed model enables managers to build a holistic AI governance system by aligning technological solutions with change management, capability development, and data architecture, thereby increasing the likelihood of achieving sustainable business impact. The main findings demonstrate that successful AI implementation projects are characterized by a clear strategy and roadmap, functioning centers of excellence, a strong culture of collaboration and innovation, investment in the development of employees' digital skills, as well as data readiness and scalable infrastructure. The key barriers include a shortage of qualified personnel, low quality and fragmentation of data, the absence of a coherent strategy and employee resistance, as well as institutional constraints and specific features of the regulatory environment, which are particularly pronounced in the Russian context. The results underscore that the long-term success of AI adoption is determined not by the level of technology, but by the maturity of organizational culture, the quality of strategic leadership, and the ability of firms to establish systematic change management

Keywords: artificial intelligence, strategic leadership, organizational culture, AI Center of Excellence, change management, human capital, data quality, regulatory environment, digital transformation, comparative analysis

УДК 347.77
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-134-140

Проблемы применения критериев охраноспособности объектов интеллектуальной собственности в цифровой среде

Аламова С.М.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права
Университета управления «ТИСБИ» (Казань)

Современный этап развития общества характеризуется цифровизацией всех сфер человеческой деятельности, что оказывает влияние и на правовое регулирование интеллектуальной собственности. Актуальность исследования обусловлена необходимостью адаптации традиционных правовых институтов к новым формам результатов творческой деятельности и способам их создания и распространения в цифровой среде. Цель исследования заключается в проведении комплексного анализа воздействия технологических трансформаций на правовой режим интеллектуальной собственности и обосновании необходимости пересмотра традиционных критериев охраноспособности объектов интеллектуальной собственности. Для достижения этой цели ставятся следующие задачи: выявление особенностей трансформации института интеллектуальной собственности в условиях цифровизации; изучение проблем применения критериев творческого характера, объективной формы и оригинальности к результатам, создаваемым с использованием технологий искусственного интеллекта и иных автоматизированных систем. Научная и практическая значимость работы заключается в выявлении несоответствия между традиционными подходами к охране интеллектуальных прав и реалиями цифровой среды, что позволяет выработать рекомендации по совершенствованию законодательства. В результате исследования автор приходит к выводу о необходимости пересмотра законодательных подходов и разработки новых методологических основ, обеспечивающих защиту цифровых объектов интеллектуальной собственности. Научная новизна работы заключается в комплексном анализе влияния цифровых технологий на критерии охраноспособности объектов интеллектуальной собственности и предложении подходов к их адаптации с учётом специфики цифровой среды.

Ключевые слова: *интеллектуальная собственность, исключительные права, критерии охраноспособности, цифровая среда, авторское право, цифровизация*

Для цитирования: *Аламова С.М. Проблемы применения критериев охраноспособности объектов интеллектуальной собственности в цифровой среде // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 134–140. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-134-140.*

В современном обществе институт интеллектуальной собственности претерпевает глубокие концептуальные изменения, вызванные трансформацией самой природы творчества и способов обращения результатов интеллектуальной деятельности. Традиционное понимание исключительных прав, сформированное в эпоху материальных носителей и физически ограниченного оборота объектов, всё в

большей степени утрачивает способность отражать особенности функционирования цифровой среды, где произведения и иные результаты интеллектуального труда существуют преимущественно в форме информации, а не материальных вещей.

Расширение цифрового пространства, появление технологий искусственного интеллекта, автоматизированных систем обработки данных и распределённых реестров изменили характер взаимодействия участников гражданского оборота и поставили под сомнение прежние представления о границах исключительных прав, об их содержании и механизмах защиты. Поскольку копирование и распространение объектов интеллектуальной собственности становятся технически неограниченными, а процесс их создания всё более автономным от личности автора, традиционная модель правовой охраны требует теоретического переосмысления и адаптации к новым реалиям.

История развития технологий демонстрирует, что любые преобразования в производстве и организации общества оказывают влияние на правовую систему и формы собственности, включая результаты интеллектуальной деятельности [1, с. 52]. Каждая промышленная революция вносила свои изменения в способы создания, использования и охраны объектов интеллектуального труда.

Первая промышленная революция, начавшаяся в XVIII в., была связана с механизацией производства, использованием водяной и паровой энергии и возникновением фабричной системы. Эти изменения обусловили необходимость правового закрепления новых форм собственности на средства производства и результаты труда, а также формирования соответствующих механизмов регулирования трудовых и экономических отношений [2, с. 47]. В результате началось формирование принципов охраны прав на результаты творческого труда в ремесленных и промышленных секторах, что можно рассматривать как прообраз будущего института интеллектуальной собственности.

Вторая промышленная революция XIX – начала XX вв. принесла массовое внедрение электричества и новых источников энергии, развитие железнодорожной сети, создание телеграфных и телефонных сетей.

Ускорение обмена информацией и расширение масштабов промышленного производства обусловили необходимость создания в правовой системе новых механизмов охраны имущественных интересов правообладателей и предпринимателей, а также совершенствования правовых средств защиты инноваций. В этот период активно формировались основы патентного и авторского права, были выработаны основные принципы, обеспечивающие признание и защиту результатов интеллектуальной деятельности на международном уровне [3, с. 116]. К их числу относятся национальный режим охраны произведений и объектов промышленной собственности, закрепление личных неимущественных прав автора и изобретателя, установление сроков охраны и содержания имущественных прав, а также определение случаев допустимого ограничения исключительных прав. Эти положения, отражённые в многосторонних международных договорах, заложили фундамент современной системы интеллектуально-правового регулирования.

Третья промышленная революция второй половины XX в. характеризовалась автоматизацией производства, развитием электроники и информационных технологий. Появление компьютеров и средств цифровой обработки данных создало условия для хранения, воспроизведения и передачи информации, что способствовало развитию законодательства об авторском праве и смежных правах, формированию нормативных механизмов охраны программного обеспечения и других нематериальных объектов, что стало прообразом перехода к цифровой интеллектуальной собственности.

Названные исторические этапы демонстрируют, что на протяжении XVIII–XX вв. технологические преобразования, сопровождавшие промышленную революцию, неизменно влияли на содержание и структуру прав собственности, способы создания, оборота и защиты интеллектуальной собственности, одновременно изменяя формы правового регулирования и создавая предпосылки для современных трансформаций.

Концепция Четвёртой промышленной революции, подробно изложенная в трудах Клауса Шваба [4], является логическим продолжением третьей промышленной революции, опираясь на её технологические достижения. Выделяются три фактора, которые придают четвёртой промышленной революции самостоятельный характер и определяют её особую роль в развитии современного общества, это высокие темпы технологического прогресса, широта и глубина охвата различных сфер деятельности, а также системное воздействие на экономические, социальные и управленческие процессы. В её основе лежит динамичное развитие таких технологий, как искусственный интеллект, нейронные сети, роботизация и автоматизация, которые оказывают влияние не только на производственные системы, но и на формы творческой деятельности человека, способы оборота результатов интеллектуального труда и их правовую защиту[5].

Под термином «Четвёртая промышленная революция» или «Индустрия 4.0», по мнению К. Шваба, понимается стадия развития цивилизации, характеризующаяся интеграцией физических, цифровых и биологических технологий, которая в отличие от предыдущих линейно развивавшихся промышленных революций, носит экспоненциальный характер

и охватывает широкий спектр сфер человеческой деятельности [6].

Содержание данной революции раскрывается через взаимодействие трёх взаимосвязанных направлений технологического развития. Физическое направление проявляется в развитии передовых технологий производства и инфраструктуры, включая роботизацию, беспилотные транспортные средства, трёхмерную печать и новые материалы, способные менять способы производства и потребления. Цифровое направление включает внедрение интернета вещей, распределённых баз данных и технологических платформ, обеспечивающих новую степень взаимодействия пользователей, а также перспективные вычислительные технологии, такие как квантовые компьютеры, которые изменяют способы обработки, хранения и передачи информации. Биологическое направление охватывает достижения в области генной инженерии и биотехнологий, оказывающие влияние на здоровье человека, биопроизводство и медицинские технологии, создающие новые возможности для научного и творческого труда [7, с. 112].

Так, развитие цифровых технологий и их внедрение в творческую и производственную сферу изменяет способы создания, хранения и распространения результатов интеллектуальной деятельности, что обусловливает необходимость пересмотра традиционных критериев авторства, охраноспособности и объёма исключительных прав. Если охрана прав интеллектуальной собственности не обеспечивается в должной мере, то теряется основное назначение этих прав, а именно создание условий для научного и творческого развития, внедрения инноваций и технологического прогресса.

Однако действующая модель охраны прав интеллектуальной собственности сформировалась на основе международных соглашений, созданных в доцифровую эпоху. Положения российского законодательства об интеллектуальной собственности, равно как и национальные системы других стран, основаны на ряде международных соглашений, среди которых Парижская и Бернская конвенции, соглашения Всемирной организации интеллектуальной собственности и другие акты, которые отражали возможности правового регулирования своего времени и исходили из материальной природы объектов интеллектуальной собственности и традиционных способов их распространения.

Основной задачей правового регулирования являлось обеспечение баланса между предоставлением авторам исключительных прав на результаты их деятельности и поддержанием условий для свободного научного и культурного обмена, способствующего развитию общества. Переход человечества к цифровому формату обмена информацией и появление новых технологий создания, хранения и использования результатов интеллектуальной деятельности привели к изменению самой среды существования таких объектов.

Как отмечает В.Л. Энтин, освобождение произведений и иных результатов интеллектуальной деятельности от материальной формы привело к их способности к мгновенному воспроизведению и распространению, что придало им новое экономическое и культурное значение [8]. По справедливому замечанию учёного, механическое перенесение правовых механизмов, созданных для аналоговых способов использования, в виртуальную сферу оказывается недостаточным, поскольку изменяются сами свойства пространства, времени и оборота нематериальных объектов. Цифровая форма существования контента обусловила его глобальную доступность и превратила интеллектуальные результаты в один из ключевых факторов развития науки, культуры и экономики.

Адаптация частноправового регулирования института интеллектуальной собственности к цифровой среде становится необходимым условием для формирования современного правового режима интеллектуальной собственности, отвечающего реалиям цифровой эпохи [9]. Современный этап развития рассматриваемого института характеризуется поиском новых подходов к определению критериев, содержания и пределов исключительных прав, обеспечению их оборотоспособности для соблюдения прав участников оборота.

Следует отметить, что одни лишь законодательные изменения не способны обеспечить своевременное реагирование на темпы технологического развития, поскольку даже при активной нормотворческой деятельности процесс формирования и согласования новых правовых норм неизбежно отстаёт от динамики цифровой трансформации. В результате сохраняются отдельные пробелы и внутренние противоречия правового регулирования в сфере интеллектуальной собственности, что обусловливает необходимость постоянного обновления теоретических подходов и правоприменительных механизмов.

Многочисленные содержательные несогласованности и противоречия части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации в её действующей редакции лишь подтверждают данный вывод [10]. Среди них можно выделить:

– несогласованность между нормами об отдельных объектах интеллектуальной собственности, проявляющаяся в различиях определения момента возникновения исключительного права и объёма правомочий автора, исполнителя, изготовителя фонограммы и иных участников оборота;

– проблемы применения традиционных норм к цифровым объектам, включая результаты деятельности искусственного интеллекта, цифровые авата-

ры или токены, созданные на основе блокчейн-технологий;

– дублирование и пересечение правовых конструкций, что проявляется при цифровом воспроизведении и распространении контента;

– неопределённость границ исключительного права, затрудняющая разграничение таких действий, как воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения в сети Интернет.

Критический анализ действующего законодательства о защите интеллектуальной собственности предлагает М.А. Рожкова в своем исследовании, посвященном Цивилистической концепции интеллектуальной собственности [11].

По мнению М.А. Рожковой, значительная часть положений раздела VII Гражданского кодекса РФ не соответствует предмету и методу гражданского законодательства, поскольку включает нормы, характерные для административного, трудового и иных отраслей права, в результате чего законодательная регламентация интеллектуальной собственности оказалась перегруженной и частично утратила цивилистическую сущность. Отмечается, что включение в Гражданский кодекс РФ норм административного характера оправдано лишь тогда, когда они напрямую устанавливают основания возникновения, изменения или прекращения интеллектуальных прав. Механическое перенесение всех норм, связанных с государственными процедурами регистрации и контролем за объектами интеллектуальной собственности, в текст гражданского законодательства является ошибкой и приводит к правовым коллизиям, перегруженности текста и усложнению правоприменения. Кроме того, критике подвергается стиль изложения норм раздела VII, который характеризуется чрезмерной многословностью, сложными синтаксическими конструкциями, повторениями и избыточными уточнениями, что затрудняет понимание содержания правовых норм и защиту прав субъектов интеллектуальной собственности.

В качестве пути решения М.А. Рожкова предлагает рассмотреть возможность выделения раздела VII Гражданского кодекса Российской Федерации в самостоятельный Кодекс интеллектуальной собственности, что позволило бы упростить и систематизировать правовое регулирование, исключить избыточные нормы иных отраслей, сократить перегруженные формулировки и создать более понятную и эффективную систему охраны и защиты интеллектуальных прав, отвечающую требованиям цифровой эпохи.

Действительно, системный подход к совершенствованию правового регулирования, предложенный М.А. Рожковой, представляется методологически обоснованным. Необходимость такой кодификации обусловлена, прежде всего, сложностью и негибкостью действующих норм, что проявляется, в том числе, при попытке применить традиционные критерии охраны к новым цифровым объектам.

Так, анализ положений части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации позволяет выделить совокупность критериев, которым должно отвечать произведение, чтобы рассматриваться в качестве объекта охраны авторским правом:

– произведение должно относиться к числу результатов интеллектуальной деятельности, прямо предусмотренных ст. 1225 Гражданского кодекса Российской Федерации, то есть входить в установленный законом перечень охраняемых объектов;

– обязательным является наличие творческого характера труда автора, которым, в соответствии со ст. 1257 Гражданского кодекса Российской Федерации, признается гражданин, творческим трудом которого создано произведение, что означает необходимость личного, оригинального вклада в его создание;

– произведение должно быть выражено в объективной форме, поскольку, согласно ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации, правовая охрана предоставляется только тем результатам, которые получили внешнее выражение, позволяющее воспринимать их другими лицами, то есть в виде текста, изображения, звука, программного кода или иного внешнего выражения, доступного для восприятия;

– охрана предоставляется произведению независимо от его достоинства, назначения или способа выражения, то есть юридическая оценка не зависит от эстетической или практической ценности произведения, а также от того, каким образом оно реализовано: письменно, устно, графически или в цифровой форме;

– охране подлежат как обнародованные, так и необнародованные произведения, факт публичного представления результата творческой деятельности не является обязательным условием для возникновения авторских прав;

– произведение не должно находиться в общественном достоянии, поскольку, согласно ст. 1282 Гражданского кодекса Российской Федерации, исключительное право прекращается по истечении срока его действия, после чего произведение может свободно использоваться любыми лицами;

– объект не должен относиться к числу результатов, исключенных законом из правовой охраны, к которым относятся, в частности, официальные документы, государственные символы и знаки, произведения народного творчества без конкретных авторов, а также сообщения о событиях и фактах, имеющие информационный характер.

Таким образом, произведение, созданное человеком и размещенное в цифровой среде при соблюдении указанных условий, подлежит правовой охране в рамках законодательства об интеллектуальной

собственности. Вместе с тем развитие цифровой среды ставит вопрос о применимости указанных критериев к новым формам творческой деятельности, возникающим при участии цифровых технологий.

Сегодня большая часть контента создается с помощью программных алгоритмов, систем искусственного интеллекта или в процессе совместного взаимодействия большого числа пользователей на онлайн-платформах, в связи с чем традиционные представления о творческом труде, авторстве и объективной форме произведения требуют переосмысления. Возникает необходимость уточнения, в какой мере результаты, созданные с участием или при посредстве технологий, могут соответствовать установленным законом признакам охраняемого произведения, и какие правовые механизмы должны обеспечивать их защиту.

Так, критерий творческого характера произведения, традиционно основанный на проявлении индивидуальности автора, в цифровой среде приобретает новое значение. При создании результатов с использованием программных средств и систем искусственного интеллекта человеческое участие нередко сведено к минимуму, вследствие чего утрачивается привычное представление о творческом вкладе, а сам процесс всё чаще принимает характер совместного или распределённого создания контента, в котором индивидуальный вклад автора трудно определить [12, с. 114–115].

Критерий объективной формы произведения также приобретает иное содержание в цифровой среде. В традиционном понимании форма выражения произведения связывалась с его закреплением на материальном носителе, что позволяло однозначно установить факт создания и существования объекта. Цифровые результаты, напротив, существуют в изменяемом и динамичном виде, они могут обновляться, дополняться или модифицироваться в процессе использования, что изменяет представления о формах их хранения и способах обращения и затрудняет определение момента создания произведения [13, с. 183].

Современные технологии позволяют создавать бесчисленное количество вариантов уже существующих объектов, а использование обучающих наборов данных при генерации контента приводит к тому, что новое произведение представляет собой результат компиляции и статистического воспроизведения ранее созданных материалов [14, с. 38], а не проявление индивидуального творческого замысла, что ставит под сомнение применимость критерия самостоятельности и оригинальности произведения, закреплённого действующим гражданским законодательством.

Вопрос о правовом режиме произведений, создаваемых с использованием современных цифровых технологий, также требует пересмотра традиционной модели исключительного права [15]. Действующее гражданское законодательство предусматривает, что объект охраны имеет конкретного автора, которому принадлежат исключительные права на использование произведения и контроль над его материальной формой. В цифровой же среде такие объекты становятся доступными для воспроизведения и распространения между большим количеством пользователей одновременно, а также могут быть переданы без потери их содержания. И.А. Близнец, анализируя положения ст. 1272 Гражданского кодекса Российской Федерации, обращает внимание на принцип исчерпания прав на распространение экземпляров произведений, который традиционно применялся в отношении материальных носителей и не учитывал особенности обращения цифровых форм произведений в глобальной сети Интернет [16, с. 93–94]. Так, исключительное право теперь выполняет функцию регулирования отношений между участниками цифрового оборота, а не обеспечения физического контроля над произведением.

В цифровой среде пользователи всё чаще сталкиваются с необходимостью взаимодействия с произведениями без прямого согласия автора. Использование произведений без согласия автора допускается в строго определённых случаях, установленных гражданским законодательством, при которых допускается их воспроизведение, распространение или иное обращение в личных, учебных или исследовательских целях, а любое иное использование требует согласия правообладателя. Под личными целями, в контексте ст. 1273 Гражданского кодекса РФ, понимается некоммерческое использование в пределах ограниченного круга лиц, традиционно приравниваемого к кругу семьи. Соответственно, при распространении произведений за пределы этих рамок использование становится неправомерным.

Обязательным условием законного использования произведения в личных целях является его правомерное размещение в сети Интернет самим автором или с согласия такого автора. Индикатором правомерности размещения могут служить наличие информации об авторстве, разрешении на публикацию или соответствующих знаков охраны авторского права. Однако стоит отметить, что отсутствие таких сведений не всегда свидетельствует о допущенном нарушении. Действующее законодательство предусматривает, что использование знака охраны авторского права (копирайта), указание имени автора или псевдонима является правом, а не обязанностью правообладателя, что свидетельствует о том, что рядовому пользователю невозможно самостоятельно определить правомерность размещения того или иного материала в сети Интернет.

Цифровая среда привела к тому, что большое количество произведений постоянно находится в от-

крытом доступе, авторы сами активно используют цифровые каналы связи для распространения своих произведений, не указывая при этом способы допустимого использования или идентификационные данные. Пользователи, в свою очередь, обращаются с такими произведениями в рамках возможностей своих устройств и программного обеспечения, зачастую не имея информации о правомерности их использования.

В результате значительная часть пользователей оказывается в ситуации фактического нарушения законодательства, несмотря на отсутствие умысла или намеренного нарушения прав. Такая практика демонстрирует несоответствие формальных норм реальной практике цифрового оборота, поскольку принципы авторского права, сформулированные преимущественно в интересах авторов и правообладателей, часто противоречат интересам добросовестных пользователей и создают условия для возможного злоупотребления правами, ставя под сомнение справедливость и эффективность закона [17, с. 79].

Таким образом, анализ развития института интеллектуальной собственности позволяет сделать вывод о том, что современные технологические и социальные изменения обусловливают необходимость переосмысления критериев охраноспособности объектов интеллектуальной собственности. Будучи сформированными в эпоху материальных носителей и индивидуального творчества, такие критерии постепенно утрачивают свою актуальность с появлением новых форм создания, хранения и распространения произведений. Подобные изменения предполагают совершенствование действующего законодательства о защите интеллектуальной собственности, развитие методологических подходов к определению охраноспособности новых цифровых объектов и внедрение механизмов, учитывающих коллективный, распределённый или автоматизированный характер современного творческого процесса. Представляется, что именно интеграция традиционных правовых принципов с особенностями цифровой среды позволит сформировать правовой режим интеллектуальной собственности, отражающий современные технологические реалии и обеспечивающий эффективную защиту прав авторов, исполнителей и иных участников оборота цифрового контента.

Литература:

1. Болотаева О.С. Влияние цифровых технологий на развитие права интеллектуальной собственности // Право и государство: теория и практика. 2022. № 10(214). С. 52–54. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_10_52.
2. Мезина Н.А., Студников П.Е., Шкарубо С.Н. Влияние промышленной революции на экономическое развитие страны. Путь от Индустрии 1.0. к Индустрии 5.0. // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. 2024. № 22(24). С. 46–53. DOI: 10.24158/tipor.2023.2.16.
3. Бегнарский В.В. Интеллектуальная собственность – элемент инновационного процесса в промышленности // Теория и практика общественного развития. 2023. № 2(180). С. 114–120. DOI: 10.24158/tipor.2023.2.16.
4. Шваб К. Технологии Четвертой промышленной революции. М.: Эксмо, 2023. 320 с.
5. Маслов В.И., Лукьянов И.В. Четвертая промышленная революция: истоки и последствия // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2017. № 2. С. 38–48.
6. Kagermann H., Wahlster W. Ten Years of Industrie 4.0 // Sci. 2022. Vol. 4. № 3. P. 26. DOI: 10.3390/sci4030026.
7. Кушнир А.М., Кушнир А.А. Критический анализ концепции четвертой промышленной революции Клауса Шваба // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 4. С. 105–124. DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-4-105-124.
8. Энтин В.Л. Авторское право в виртуальной реальности (новые возможности и вызовы цифровой эпохи). М.: Статут, 2017. 216 с.
9. Кирсанова Е.Е. Правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике: монография. М.: Юстицинформ, 2022. 228 с.
10. Ширкова И.В. Проблемы правового регулирования права интеллектуальной собственности как товара // Legal Concept. 2023. Т. 22. № 2. С. 132–138. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2023.2.17.
11. Цивилистическая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права: монография / Под общ. ред. М.А. Рожковой. М.: Статут, 271 с.
12. Левит Д.Д. Правовой режим результатов, созданных технологиями искусственного интеллекта // Legal Bulletin. 2024. Т. 9. № 2. С. 108–119. DOI: 10.5281/zenodo.12683332.
13. Павлова Т.В., Мурашова С.В. Актуальные проблемы трансформации охраны авторского права в современных условиях // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 5. С. 181–185. DOI: 10.23672/c0837-7850-1442-h.
14. Пономарева Д.В., Барабашев А.Г. Патентная защита результатов научной деятельности и искусственный интеллект: проблемы и вызовы // Пра-

во и цифровая экономика. 2020. № 3(09). С. 36–43. DOI: 10.17803/2618-8198.2020.09.3.036-043.
15. Рожкова М.А. Проблемы установления самостоятельного правового режима для цифровых объектов // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. № 2 (48). С. 146–157. DOI: 10.58741/23134852_2025_2_14.
16. Право интеллектуальной собственности: учеб. / Под ред. И. А. Близнеца. М.: Проспект, 2016. 896 с. ISBN: 978-5-392-17519-2.
17. Гайдук В.П. Эволюция права интеллектуальной собственности в цифровую эпоху // Журнал российского права. 2020. № 2. С. 72–84. DOI: 10.12737/jrl.2020.018.
18. Белякаев М.Ю., Аламова С.М. Авторское право и цифровизация: актуальные механизмы защиты // Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики: Материалы VII Нац. науч.-практ. конф, Казань, 16 февраля 2023 г. / Под ред. Р.Ф. Степаненко, А.Б. Мезяева, С.Н. Тагаевой, С.М. Аламовой. Казань: Университет управления «ТИСБИ», 2023. С. 46–51.

Problems of Applying the Criteria for Protectability of Intellectual Property Objects in the Digital Environment

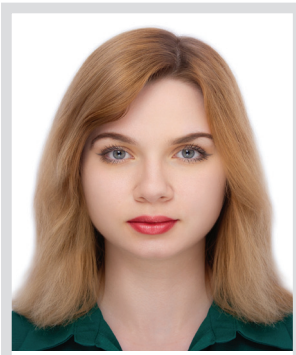
Alamova S.M.
University of Management «TISBI» (Kazan)

The modern stage of societal development is characterized by the digitalization of all spheres of human activity, which also affects the legal regulation of intellectual property. The relevance of the study is determined by the need to adapt traditional legal institutions to new forms of creative outputs and the methods of their creation and distribution in the digital environment. The aim of the study is to conduct a comprehensive analysis of the impact of technological transformations on the legal regime of intellectual property and to substantiate the need to reconsider the traditional criteria for the protectability of intellectual property objects. To achieve this aim, the following tasks are set: identifying the features of the transformation of the intellectual property institution in the context of digitalization; examining the issues of applying criteria of creativity, objective form, and originality to outputs created using artificial intelligence technologies and other automated systems. The scientific and practical significance of the work lies in identifying the discrepancies between traditional approaches to intellectual property protection and the realities of the digital environment, which allows for the development of recommendations for improving legislation. As a result of the study, the author concludes on the necessity of revising legislative approaches and developing new methodological foundations to ensure the protection of digital intellectual property objects. The scientific novelty of the work consists in a comprehensive analysis of the impact of digital technologies on the criteria for protectability of intellectual property objects and the proposal of approaches for their adaptation, considering the specifics of the digital environment.

Keywords: intellectual property, exclusive rights, criteria for protectability, digital environment, copyright, digitalization

УДК 342.9
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-141-145

Административно-правовой механизм уведомления Роскомнадзора об осуществлении обработки персональных данных: проблемы функционирования и направления совершенствования

Александрова А.С.
Аспирант кафедры государственного и административного права
Самарского национального исследовательского университета
имени академика С.П. Королева

Актуальность темы обусловлена стремительной цифровой трансформацией общества и значительным ростом объемов обработки персональных данных, что требует совершенствования административно-правовых механизмов, обеспечивающих баланс между эффективностью государственного контроля и защитой конституционных прав граждан. Предметом исследования выступает система административно-правовых норм, регулирующих процедуру уведомления Роскомнадзора об обработке персональных данных. Цель исследования состоит в анализе системных проблем указанного механизма и обосновании необходимости его технологической модернизации. В результате исследования были выявлены ключевые проблемы уведомительного порядка: избыточная бюрократическая нагрузка, отсутствие комплексной автоматизации и неопределенность критериев актуализации сведений. В качестве решения предлагается концепция «Личного кабинета оператора персональных данных» с авторизацией через ЕСИА, интегрированного с системами автоматического оповещения, управления жизненным циклом уведомления и ИИ-ассистентом. Особое внимание уделяется разработке модели проактивного регулирования, обеспечивающей баланс между эффективным государственным контролем и снижением административной нагрузки на операторов. Автором был сделан вывод о том, что технологическая модернизация уведомительного порядка необходима для снижения административных барьеров, повышения эффективности контроля и усиления защиты права на неприкосновенность частной жизни.

Ключевые слова: *административно-правовое регулирование, персональные данные, неприкосновенность частной жизни, оператор персональных данных, уведомление уполномоченного органа, Роскомнадзор, «умное регулирование»*

Для цитирования: *Александрова А.С. Административно-правовой механизм уведомления Роскомнадзора об осуществлении обработки персональных данных: проблемы функционирования и направления совершенствования // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 141–145. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-141-145.*

Стремительная цифровизация общества требует совершенствования административно-правовых механизмов, обеспечивающих защиту персональных данных при сохранении баланса интересов всех участников правоотношений.

Одним из важных элементов данной системы выступает уведомление об обработке персональных данных – обязательное заявление оператора, направляемое в Роскомнадзор, содержащее установленный законом перечень сведений: о реквизитах

оператора; субъектах, чьи данные обрабатываются, и категориях этих данных; сроках обработки; применяемых мерах безопасности и пр.

Актуальность данного исследования обусловлена повсеместным распространением интернет-технологий, что закономерно приводит к значительному увеличению объема обрабатываемых персональных данных и требует адекватных правовых механизмов, которые обязывали бы операторов информировать уполномоченный орган о своей деятельности.

Уведомление служит правовым механизмом, запускающим процедуру государственного контроля за обработкой персональных данных. Конституционно-правовая природа данных правоотношений, обусловленная их направленностью на обеспечение права на неприкосновенность частной жизни, относится к числу их специфических особенностей, что справедливо подчеркивается в научной доктрине такими авторами, как Н.Г. Белгородцева, А.С. Федосин [1, с. 11–12; 2, с. 8]. Кроме того, выделяется специальный субъектный состав, включающий оператора, субъекта персональных данных и уполномоченный орган [1, с. 12–13].

В рамках настоящего исследования теоретико-методологической основой выступает синтез положений теории административной процедуры, концепции «умного регулирования» (*smart regulation*) [3] и современных научных представлений о трансформации механизма правового регулирования в условиях цифровизации частной жизни [4, с. 218–220]. Как справедливо отмечает Д.А. Авдеев, цифровизация обладает амбивалентным характером, создавая новые риски для прав личности, при этом порождая новые технологические возможности для их защиты [5, с. 14–15]. Анализ проводится в русле данной концепции, согласно которой цифровизация двойственно влияет на сферу частной жизни. В данном случае институт уведомления уполномоченного органа раскрывается в системном единстве двух взаимосвязанных функциональных начал: с одной стороны, он выполняет критически важную охранительную функцию, минимизируя потенциальные нарушения прав субъектов персональных данных, а с другой – объективно требует структурно-функциональной модернизации для поддержания эффективного регуляторного воздействия в условиях нарастающего роста объемов обработки цифровой информации. Ключевая роль данного института обусловлена его превентивной природой: будучи обязательным предварительным условием легитимной обработки персональных данных, уведомление создает основу для последующего государственного контроля со стороны Роскомнадзора, а также обеспечивает прозрачность процессов обработки информации.

Как правовой механизм уведомление об осуществлении обработки персональных данных можно рассматривать как комплексный юридический факт, порождающий правоотношения контроля и надзора, а с позиций процессуального подхода — как упреждающую административную процедуру, направленную на минимизацию рисков нарушений прав субъектов персональных данных. Именно такой многоаспектный аналитический подход позволяет выявить коллизии в регулировании и предложить возможные направления его оптимизации применительно к институту уведомления уполномоченного органа, законодательно установленному ст. 22 Федерального закона от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – Закон № 152-ФЗ), который закрепляет обязанность операторов персональных данных направлять уведомление в установленном порядке [6].

Согласно ст. 3 Закону № 152-ФЗ, операторами персональных данных признаются государственные и муниципальные органы, юридические и физические лица, осуществляющие обработку персональных данных. В соответствии со ст. 22 Закона № 152-ФЗ для них установлена обязанность своевременного уведомления Роскомнадзора о начале обработки, за исключением специальных случаев: обработки в государственных системах безопасности, неавтоматизированной обработки и исполнения законодательства о транспортной безопасности [6]. Следует отметить, что эти исключения обусловлены особым правовым режимом соответствующих сфер деятельности.

При этом современная практика показывает, что даже незначительные ошибки в оформлении уведомлений нередко приводят к их возврату на доработку, создавая операторам дополнительные административные сложности. Это особенно актуально в условиях ужесточения регулирования, когда требования к обработке персональных данных постоянно усложняются.

Важным моментом, обеспечивающим актуальность реестровых данных и эффективный государственный контроль, выступает обязанность оператора поддерживать достоверность сведений, содержащихся в уведомлении Роскомнадзора, и своевременно информировать уполномоченный орган о наступлении существенных изменений в процессе обработки персональных данных (ч. 7 ст. 22 Закона № 152-ФЗ) [6]. Параллельно установлена самостоятельная обязанность оператора по уведомлению Роскомнадзора о факте трансграничной передачи персональных данных (ст. 12 Закона № 152-ФЗ) [6], что обусловлено специальным правовым режимом данного вида обработки и необходимостью обеспечения дополнительных гарантий защиты прав субъектов при передаче их личных данных за пределы России. Особое значение эта обязанность приобретает в случае передачи персональных данных в государства, не обеспечивающие адекватный уровень их защиты.

В рамках действующего регулирования в области персональных данных выделяются три основных типа уведомлений:

1) *Уведомление об изменении сведений, содержащихся в уведомлении о намерении осуществлять обработку персональных данных* – обязательно при существенных изменениях (смена целей обработки, состава данных, технологических средств, реквизитов оператора, круга лиц, режима защиты или места расположения информационных систем).

2) *Уведомление о прекращении обработки персональных данных* – осуществляется при достижении целей обработки, утрате правового основания или прекращении деятельности оператора.

3) *Уведомление об осуществлении трансграничной передачи персональных данных* – требуется при передаче в государства с недостаточным уровнем защиты. Такое уведомление подается предварительно [7].

Примечательно, что срок подачи уведомления о трансграничной передаче данных не привязан к десятидневному сроку, установленному для других видов уведомлений, а определяется моментом планируемого начала передачи данных на территорию иностранных государств.

Однако, несмотря на существующий механизм электронной подачи уведомлений через портал Роскомнадзора [8], характеризующийся элементами частичной автоматизации (такими как «полуавтоматическое» заполнение форм через выбор соответствующих позиций), текущая система требует кардинального совершенствования. К числу ключевых недостатков относятся: отсутствие эффективного механизма отслеживания статуса поданного уведомления, сложность процедуры внесения изменений в актуальные сведения, а также наличие громоздких и зачастую недостаточно понятных формулировок. Эти проблемы создают дополнительные барьеры для операторов, особенно для субъектов малого и среднего предпринимательства, которые в ряде случаев не имеют финансовой возможности привлекать штатных юристов, специализирующихся в области защиты персональных данных.

Современная система регулирования сталкивается с рядом системных проблем. Я.В. Кудашкин в своих трудах пришел к выводу о необходимости сокращения обязанности по уведомлению в связи с её формализацией и высокой нагрузкой на компетентный орган [9]. Однако, как показывает проведенный анализ, более перспективным путем является не сокращение объема обязанности, а глубокая технологическая модернизация самого механизма её реализации, что и предлагается в настоящем исследовании.

Одной из важных задач представляется поэтапный полный переход от бумажного документооборота к электронной форме подачи уведомлений. Основная сложность такого перехода заключается в отсутствии у значительного числа операторов, особенно из числа малого и среднего бизнеса, квалифицированной электронной подписи, что вынуждает их продолжать использовать бумажные носители. Дополнительную сложность представляет отсутствие четких критериев для обновления уведомлений при незначительных изменениях в обработке данных. Следовательно, все это приводит к избыточной документации и нерациональному использованию ресурсов как операторов, так и уполномоченного органа.

Таким образом, выходом из сложившейся ситуации является реализация подхода, предполагающего наделение уполномоченного органа функциями по выработке единых критериев и унификации процедур. Необходимость данного подхода была обоснована, в частности, Ю.С. Телиной и находит свое подтверждение в современной научной литературе [10, с. 16]. Реализация данного подхода на практике призвана снизить административную нагрузку на операторов и контролирующий орган, что высвободит ресурсы для реализации других важных полномочий Роскомнадзора.

Эффективным решением представляется создание централизованного «Личного кабинета оператора персональных данных» на портале Роскомнадзора с обязательной авторизацией через единую систему идентификации и аутентификации (ЕСИА). Данный кабинет должен стать не просто интерфейсом для подачи форм, а полноценным комплексным инструментом управления жизненным циклом уведомления. Его ключевыми функциями должны стать: автоматическое отслеживание статуса каждого уведомления, ведение журнала всех взаимодействий с надзорным органом и реализация системы проактивных «умных оповещений». Такая система будет заблаговременно предупреждать оператора о необходимости внести изменения в уведомление (например, при автоматической фиксации смены юридического адреса через интеграцию с реестрами ФНС), напоминать о приближении окончания заявленных сроков обработки или истечения правового основания для обработки, а также персонально оповещать об изменениях в законодательстве, касающихся конкретного вида деятельности оператора.

Необходимость внедрения в личный кабинет интеллектуальных помощников (ИИ-ассистентов) для верификации данных и методического сопровождения операторов обусловлена фундаментальной проблемой, описанной ранее – низкой правовой просвещенностью в сфере персональных данных значительной части операторов. Многие операторы не понимают, какие именно сведения и в каком объеме требуются законодательством, что приводит к грубым ошибкам, возвратам уведомлений на доработку и, как следствие, к росту административной нагрузки на обе стороны. ИИ-ассистент, встроенный

в процесс заполнения, сможет проводить контекстный анализ вводимых данных, давать подсказки, предлагать типовые формулировки и осуществлять предварительную валидацию информации, выступая, по сути, в роли бесплатного и круглосуточно доступного консультанта. Глобально внедряемый ИИ-ассистент сможет обеспечивать формально-логическую проверку соответствия заявленных целей и категорий обрабатываемых данных требованиям Закона № 152-ФЗ, выявляя внутренние противоречия и несоответствия в заполняемой форме, а также выдавая рекомендации на основе анализа типовых ошибок. Кроме того, необходима разработка подробных методических рекомендаций и создание интерактивного конструктора уведомлений в рамках личного кабинета, позволяющего операторам поэтапно формировать документы с возможностью сохранения и последующего редактирования.

Перспективным направлением совершенствования системы является дальнейшее развитие указанного личного кабинета через внедрение интеллектуального ИИ-ассистента. Он обеспечит методическое сопровождение операторов: от консультаций по заполнению полей формы до автоматической проверки соответствия нормативным требованиям. Ключевые функции включают интеллектуальный анализ данных с контекстными подсказками, генерацию типовых формулировок и пошаговый контроль полноты и корректности информации. Важным аспектом является интеграция ассистента с государственными информационными системами для автоматического заполнения реквизитов и верификации сведений. Структурная организация системы должна предусматривать гибкие режимы работы – от упрощенного интерфейса для стандартных случаев до расширенного функционала со сложной логикой для обработки специальных категорий данных. Система автоматически будет применять дифференцированные требования к операторам в зависимости от объема и категорий обрабатываемых данных, исключая избыточную нагрузку на операторов.

Одновременно система должна обеспечить своевременное и полное информирование уполномоченного органа о характере и объемах обработки персональных данных, необходимых для формирования компетентным органом целостной картины процессов обработки данных, выявления возможных рисков и эффективного государственного контроля впоследствии.

Таким образом, внедрение централизованного личного кабинета оператора с интегрированным искусственным интеллектом будет означать практический переход к модели «умного регулирования», закладывая технико-правовой фундамент для совершенствования контрольно-надзорных механизмов в сфере защиты персональных данных. Впоследствии данная трансформация создаст системные предпосылки для согласования государственных и частных интересов: снижая административную нагрузку на операторов за счет автоматизации рутинных операций, она заложит основы для реального обеспечения конституционных гарантий защиты частной жизни. Роскомнадзор, освобожденный от монотонной работы по выявлению систематических ошибок в подаваемых уведомлениях, получит возможность перераспределять ресурсы на приоритетные направления своей деятельности, такие как проведение контрольно-надзорных мероприятий, мониторинг интернет-пространства, консультирование граждан и оперативное рассмотрение их обращений о нарушениях прав в сфере персональных данных.

Литература:

1. Белгородцева Н.Г. Теоретико-правовые аспекты защиты персональных данных: автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 25 с.
2. Федосин А.С. Защита конституционного права человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни при автоматизированной обработке персональных данных в Российской Федерации: автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2009. 27 с.
3. Бикташев А.А. Концепция «умное регулирование» (smart regulation) в зарубежных исследованиях по государственному управлению // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. №1. С. 199–222.
4. Савина С.И. Цифровая трансформация государственно-правовой реальности: вопросы теории // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 2 (58). С. 217–225.
5. Авдеев Д.А. Правовое регулирование отношений, связанных с цифровизацией частной жизни: дисс. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2024, 202 с.
6. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3451.
7. Приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 28.10.2022 г. № 180 «Об утверждении форм уведомлений о намерении

осуществлять обработку персональных данных, об изменении сведений, содержащихся в уведомлении о намерении осуществлять обработку персональных данных, о прекращении обработки персональных данных» (Зарегистрирован 15.12.2022 № 71532) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Электронные формы заявлений. URL: https://pd.rkn.gov.ru/operators-registry/notification/ (дата обращения: 02.09.2025).
9. Кудашкин Я.В. Правовое обеспечение безопасности обработки персональных данных в сети интернет: автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 21 с.
10. Телина Ю.С. Конституционное право гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну при обработке персональных данных в России и зарубежных странах: дисс. ... канд. юрид. наук. М, 2016. 267 с.

The Administrative and Legal Mechanism of Roskomnadzor Notification Regarding the Processing of Personal Data: Functional Challenges and Avenues for Improvement

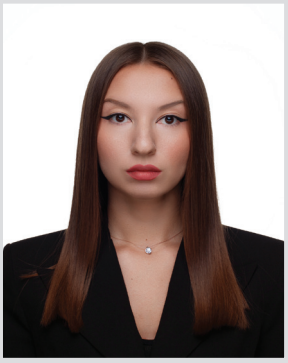
Aleksandrova A.S.
Samara National Research University

The relevance of the topic is determined by the rapid digital transformation of society and the substantial increase in personal data processing volumes, which necessitates the enhancement of administrative and legal mechanisms that ensure a balance between effective state control and the protection of citizens' constitutional rights. The subject of this research is the system of administrative and legal norms regulating the notification procedure to Roskomnadzor regarding personal data processing. The study aims to analyze systemic problems of this mechanism and substantiate the need for its technological modernization. The research findings revealed several systemic shortcomings inherent in the current notification framework, primarily concerning excessive bureaucratic burdens, a pronounced lack of automation, and undefined criteria for data updates. As a solution, the study proposes the concept of a «Personal Data Operator's Personal Account» with authentication through the Unified Identification and Authentication System (ESIA), integrated with automated notification systems, notification lifecycle management tools, and an AI-assistant. Particular attention is devoted to developing a proactive regulation model that ensures equilibrium between effective state control and reduced administrative burden on operators. The author concludes that technological modernization of the notification procedure is essential for minimizing administrative barriers, enhancing control efficiency, and strengthening the protection of the right to privacy.

Keywords: administrative and legal regulation, personal data, privacy, personal data operator, notification of the authorized body, Roskomnadzor, «smart regulation»

УДК 340.1
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-146-150

Соотношение правовых концепций с документами стратегического планирования

Асылбаева П.А.
Соискатель кафедры теории государства и права
Института права Уфимского университета науки и технологии

Статья посвящена анализу правовой природы документов стратегического планирования в контексте потребности в нормативной определённости и согласованности государственного регулирования. Цель исследования − комплексная юридическая оценка концепций, доктрин, стратегий, основ государственной политики и программ, включая их функциональное назначение и юридико-технические особенности. Научная значимость работы заключается в уточнении содержания ключевых правовых категорий, выявлении нормативных пробелов и определении места стратегических актов в системе управления. Основные результаты включают установление специфики видов стратегических документов и обоснование необходимости унификации понятийного аппарата. Научная новизна проявляется в применении комплексного юридико-технического подхода к их анализу и формулировании предложений по совершенствованию стратегического законодательства.

Ключевые слова: *стратегическое планирование, документы стратегического планирования, право, концепции, стратегии, доктрины, программы, основы государственной политики, нормы права*

Для цитирования: *Асылбаева П.А. Соотношение правовых концепций с документами стратегического планирования // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 146–150. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-146-150.*

Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 172-ФЗ) [1] ограничивается закреплением исключительно понятия «стратегия социально-экономического развития», при этом не охватывая иные виды документов стратегического планирования, такие как концепции, доктрины, основы, программы и планы. Указанный подход создает значительные правовые пробелы, поскольку оставляет неопределенными отдельные аспекты регулирования, касающиеся разработки, утверждения и реализации указанных документов. Попыткой восполнить эти пробелы стала разработка Указа Президента Российской Федерации от 01.05.2009 г. № 536 «Об основах стратегического планирования» [2], содержащего методологические ориентиры для организации работы с документами стратегического планирования. Несмотря на ограниченный нормативный статус, данный указ позволяет определить круг документов, представляющих интерес для сравнительно-правового анализа: в соответствии со ст. 21 выделяются концептуальные документы (концепции, доктрины, стратегии, основы), в то время как прогнозные, программные и планирующие документы (прогноз, программа, план) относятся к отдельной категории.

Научная литература предпринимает попытки системного осмысления юридической природы этих документов, их соотношения и взаимного подчинения, а также их роли в формировании правовой политики государства. В частности, в монографии «Российские доктрины как акты государственного управления» подчеркивается, что концептуальные документы выполняют методологическую и идео-

логическую функцию, формируя основу для реализации государственных целей [3, с. 5, 6]. Схожую позицию выражают и другие исследователи, подчеркивая, что переход к системному стратегическому управлению требует создания комплексной и согласованной системы документов, обеспечивающей понимание логики принимаемых мер, их ресурсного обеспечения и значимости в общей структуре государственной деятельности [4, с. 3]. В контексте национальной безопасности это особенно актуально, поскольку анализ доктрин и концепций показывает существование значительной разрозненности, противоречащей принципу сбалансированности, закрепленному в ч. 5 ст. 7 Федерального закона № 172-ФЗ [5, с. 7].

Доктрины, в отличие от концепций, характеризуются большей юридической конкретностью. Несмотря на упоминание понятия «доктрина» лишь в одной статье Федерального закона № 172-ФЗ, в законодательстве функционирует значительное число доктрин, включая Военную [6], Морскую [7], Доктрину информационной безопасности [8], продовольственной безопасности [9] и энергетической безопасности [10] и др. Эти документы чаще всего определяют себя как «система официальных взглядов», формулируя цели, задачи, принципы и механизмы государственной политики. При этом структура доктрин, как правило, включает введение (общие положения), основную часть (цели, угрозы, направления политики) и заключение, а содержание сочетает декларативные нормы и дефинитивные определения ключевых понятий, что обеспечивает точность правоприменения.

Комплексный анализ показывает, что доктрины, обладая более высокой степенью конкретизации правовых категорий, выполняют функцию правового ориентирования и могут использоваться для практической реализации мер государственной политики. Концепции же, будучи декларативными, формируют общие цели, задачи и ориентиры, задавая вектор последующих правовых решений, но не создавая обязательных юридических стандартов.

Федеральный закон № 172-ФЗ «О стратегическом планировании» закрепляет ряд ключевых понятий, касающихся стратегий, включая стратегии социально-экономического, пространственного, отраслевого и муниципального развития, а также стратегии научно-технологического развития. Вместе с тем нормативное закрепление этих понятий не охватывает весь спектр стратегических документов, фактически используемых в практике государственного управления, что создаёт определённую правовую неопределённость в части их дефиниции и функционального назначения. В научной литературе предпринимаются попытки осмысления сущности стратегии, её структуры и роли в системе стратегического планирования. Так, Е.А. Никчёмная рассматривает стратегию как всесторонне разработанный комплексный план, обеспечивающий реализацию миссии государства и достижение концептуально обоснованных целей, что подчеркивает её целеполагающую и методологическую функцию [11, с. 9].

При анализе отдельных стратегий можно выделить различия в подходе к их определению. Некоторые документы дают чёткое определение стратегии как документа стратегического планирования с установленными целями, задачами и механизмами реализации. Например, Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 г. [12] характеризуется как «документ стратегического планирования в сфере национальной безопасности», аналогичная дефиниция встречается в Стратегии комплексной безопасности детей до 2030 г. [13], Стратегии национальной безопасности [14] и в других стратегических документах. В то же время часть стратегий ограничивается более общими формулировками, указывая на определение приоритетов и направлений государственной политики в конкретных сферах, без прямого закрепления юридической дефиниции стратегии, как это наблюдается, например, в Стратегии развития аддитивных технологий до 2030 г. [15], Стратегии судостроительной промышленности [16], а также в Стратегии развития электронной промышленности [17].

Структурно стратегии традиционно включают три блока: введение с общими положениями и обоснованием необходимости стратегии, основную часть с анализом текущего состояния и приоритетными направлениями развития, а также заключение с ожидаемыми результатами, показателями эффективности и механизмами мониторинга исполнения, которое не всегда присутствует. С точки зрения норм права, стратегии формируют учредительные нормы через ссылки на Конституцию Российской Федерации, международное право и федеральные законы. Декларативные нормы стратегий выполняют функцию программных установок, формулируя желаемое будущее состояние управляемых сфер без придания юридической обязательности, тогда как дефинитивные нормы обеспечивают чёткое определение ключевых терминов и критериев оценки эффективности мер, как это наблюдается в Стратегии национальной безопасности.

Взаимосвязь стратегий с концепциями, доктринами и программами демонстрирует сложную систему субординации и преемственности стратегического планирования. Так, Стратегия долгосрочного развития пенсионной системы [18] и Стратегия инновационного развития [19] опираются на положения соответствующих концепций [20; 21], обеспечивая согласованность мер государственной политики. Аналогично, отдельные стратегии реализуются как инструменты исполнения более масштабных до-

кументов, например, Стратегия развития морской деятельности до 2030 г. [22] учитывает принципы Морской доктрины Российской Федерации.

Что касается «Основ», в ряде документов их стратегическая природа определяется явно, как в Основах государственной политики в области военно-морской деятельности [23], пограничной политики [24]. В то же время многие основы содержат лишь косвенные отсылки к стратегическому назначению через ссылки на федеральные законы и концептуальные документы, как это наблюдается в Основах экологического развития [25] и промышленной безопасности [26]. Прямые ссылки на высшие стратегические документы – доктрины, концепции и стратегии – обеспечивают их соподчинённость и преемственность в системе государственного стратегического управления. Соответственно, как стратегии, так и основы демонстрируют многоуровневую и сложную систему взаимосвязанных документов, где декларативные и дефинитивные нормы формируют методологическую и правовую основу для реализации государственной политики в различных сферах.

В контексте анализа правовой природы программ представляется необходимым углублённое осмысление их институционального взаимодействия с концепциями, доктринами и стратегиями. Как справедливо отмечает А.В. Карпов, Государственная программа «Развитие образования» на 2013–2020 гг. обладает тройственной природой: она одновременно выступает подзаконным нормативным актом, документом программного типа и элементом системы стратегического планирования [27, с. 209]. С точки зрения системного подхода, М.А. Мушинский отмечает функциональное переплетение концепций и программ: одна и та же программа может реализовывать положения нескольких стратегий, а концептуальные установки, закреплённые в разных документах, получают правовое развитие в различных программных инициативах. Такая множественная корреляция свидетельствует о правовой полисемии и сложности системы стратегического регулирования [28, с. 494].

Практика федеральных программ подтверждает вариативность их структурного оформления. В ряде документов присутствует отдельный «Паспорт программы» с формальными характеристиками, как, например, в Федеральной научно-технической программе развития сельского хозяйства на 2017–2030 гг. [29], в программе «Повышение безопасности дорожного движения» [30]. В других программах, таких как «Развитие образования» [31] и иные, определение интегрировано в общие разделы «Обоснования» или «Основные положения», а в некоторых случаях (например, «Развитие Калининградской области» [32]) формального определения программы нет вовсе, что демонстрирует вариативность методологических подходов к структурированию федеральных программ. Декларативные нормы программ выражаются в целях и задачах государственной политики, формулируемых в отдельных разделах или интегрированных в текст. При этом сочетание декларативных и дефинитивных элементов позволяет не только задавать приоритеты, но и конкретизировать ключевые показатели реализации, что особенно видно на примере программы «Повышение безопасности дорожного движения».

Сравнительно-правовой анализ выявляет тенденцию интеграции существующих программ в содержание концепций, что снижает их методологическую автономию. Так, Концепция открытости федеральных органов власти [33] опирается на программу «Информационное общество» [34], а Концепция демографической политики до 2025 г. [35] закрепляет ссылки на программу «Развитие здравоохранения» [36] и стратегию здравоохранения до 2025 г. [37]. При этом концепции, призванные задавать общие направления, в таких случаях фактически подстраиваются под уже действующие программные меры, что ограничивает их стратегическую роль.

Исходя из системного анализа, концепции занимают высшее место в иерархии стратегических документов, задавая универсальные декларативные нормы, принципы и стратегические ориентиры, на основе которых формируются доктрины, стратегии, основы и программы. Доктрины обеспечивают нормативную конкретизацию и дефинитивное определение ключевых понятий, стратегии сочетают декларативные установки с конкретизацией мер и ресурсов, а программы выступают низкоуровневыми инструментами практической реализации мероприятий. Основы государственной политики закрепляют принципы и ценностные ориентиры, обеспечивая фундамент для разработки всех остальных документов.

Эффективная система стратегического планирования представляет собой многоуровневую иерархию, в которой концепции задают общий вектор развития, а доктрины, стратегии, основы и программы обеспечивают последовательное, прозрачное внедрение этих установок. Указанный интегрированный подход позволяет сочетать теоретическую основу с конкретными правовыми и управленческими механизмами реализации государственной политики.

Литература:

1. Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (с посл. изм. и доп. от 13.07.2024 г. № 177-ФЗ) // СПС КонсультантПлюс.
2. Указ Президента Российской Федерации от 01.05.2009 г. № 536 «Об Основах стратегического планирования в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
3. Российские доктрины как акты государственного управления: монография / С.С. Сулакшин [и др.]. М.: Научный эксперт, 2012. 148 с.
4. Клименко А.В., Королев В.А., Двинских Д.Ю., Сластихина И.Ю., О гармонизации документов государственного стратегического планирования: препринт WP8/2015/01. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 48 с.
5. Кардашова И.Б. Документы стратегического планирования в сфере безопасности дорожного движения // Журнал «Безопасность дорожного движения». 2024. № 3. С. 6–9.
6. Утверждено Президентом Российской Федерации от 25.12.2014 г. № Пр-2976 «Военная доктрина Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
7. Указ Президента Российской Федерации от 31.07.2022 г. № 512 «Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации» (ред. от 13.08.2024) // СПС КонсультантПлюс.
8. Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
9. Указ Президента Российской Федерации от 21.01.2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» (ред. от 10.03.2025) // СПС КонсультантПлюс.
10. Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2019 г. № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
11. Никчемная Е.А. Право как средство государственного стратегического планирования: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2012. 230 с.
12. Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (ред. от 15.01.2024) // СПС КонсультантПлюс.
13. Указ Президента Российской Федерации от 17.05.2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС КонсультантПлюс.
14. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
15. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.07.2021 г. № 1913-р «Об утверждении Стратегии развития аддитивных технологий в Российской Федерации на период до 2030 года» (ред. от 21.10.2024) // СПС КонсультантПлюс.
16. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.08.2019 г. № 2553-р «Об утверждении Стратегии развития судостроительной промышленности на период до 2035 года» (ред. от 21.10.2024) // СПС КонсультантПлюс.
17. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.01.2020 г. № 20-р «Об утверждении Стратегии развития электронной промышленности Российской Федерации на период до 2030 года» (ред. от 21.10.2024) // СПС КонсультантПлюс.
18. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.12.2012 г. № 2524-р «Об утверждении Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации» (ред. от 24.10.2018) // СПС КонсультантПлюс.
19. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 08.12.2011 г. № 2227-р (ред. от 18.10.2018) «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» // СПС КонсультантПлюс.
20. Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» (ред. от 01.07.2014) // СПС КонсультантПлюс.
21. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 г. № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (ред. от 28.09.2018) // СПС КонсультантПлюс.
22. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30.08.2019 г. № 1930-р «О Стратегии развития морской деятельности в Российской Федерации до 2030 года» // СПС КонсультантПлюс.
23. Указ Президента Российской Федерации от 20.07.2017 г. № 327 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности на период до 2030 года» // СПС КонсультантПлюс.
24. Указ Президента Российской Федерации от 25.04.2018 г. № 174 «Об утверждении Основ государственной пограничной политики Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
25. Утверждены Президентом Российской Федерации 30.04.2012 г. «Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС КонсультантПлюс.
26. Указ Президента Российской Федерации от 06.05.2018 г. № 198 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области

промышленной безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу» // СПС КонсультантПлюс.
27. Карпов А.В. Анализ действующих нормативных основ в сфере стратегического планирования на федеральном уровне в отрасли образования // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. № 2 (347). С. 209.
28. Мушинский М.А. Стратегии, концепции, доктрины в правовой системе Российской Федерации: проблемы статуса, юридической техники и соотношения друг с другом // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 488–499.
29. Постановление Правительства Российской Федерации от 25.08.2017 г. № 996 «Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития сельского хозяйства на 2017–2030 годы» (с изменениями и дополнениями) // СПС КонсультантПлюс.
30. Постановление Правительства Российской Федерации от 03.10.2013 г. № 864 «О федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 годах»» (ред. от 16.05.2020) // СПС КонсультантПлюс.
31. Постановление Правительства Российской Федерации от 26.12.2017 г. № 1642 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования»» (ред. от 21.02.2025) // СПС КонсультантПлюс.
32. Постановление Правительства Российской Федерации от 07.12.2001 г. № 866 «О Федеральной целевой программе развития Калининградской области на период до 2020 года» (ред. от 09.03.2020) // СПС КонсультантПлюс.
33. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30.01.2014 г. № 93-р «Об утверждении Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти» // СПС КонсультантПлюс.
34. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.10.2010 г. № 1815-р «О государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)»» (ред. от 26.12.2013) (Документ утратил силу)// СПС КонсультантПлюс.
35. Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» (ред. от 01.07.2014) // СПС КонсультантПлюс.
36. Постановление Правительства Российской Федерации от 26.12.2017 г. № 1640 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения»» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // СПС КонсультантПлюс.
37. Указ Президента Российской Федерации от 06.06.2019 г. № 254 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года» (ред. от 27.03.2023) // СПС КонсультантПлюс.

Correlation of Legal Concepts with Strategic Planning Documents

Asylbaeva P.A.
Ufa University of Science and Technology

This article analyzes the legal nature of strategic planning documents in the context of the need for regulatory certainty and consistency in government regulation. The objective of the study is a comprehensive legal assessment of concepts, doctrines, strategies, principles of public policy, and programs, including their functional purpose and legal and technical features. The scientific significance of the work lies in clarifying the content of key legal categories, identifying regulatory gaps, and defining the place of strategic acts in the governance system. Key findings include establishing the specifics of different types of strategic documents and substantiating the need for unified conceptual frameworks. Scientific novelty lies in the application of an integrated legal and technical approach to their analysis and the formulation of proposals for improving strategic legislation.

Keywords: strategic planning, strategic planning documents, law, concepts, strategies, doctrines, programs, public policy frameworks, legal norms

УДК 343.3
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-151-156

Особенности субъекта и субъективной стороны преступлений, связанных с незаконной миграцией, по уголовному законодательству Российской Федерации и Республики Таджикистан

Ахмадзода Р.С.
Адъюнкт кафедры уголовного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

В условиях глобализации и усиления миграционных процессов возрастает необходимость в изучении особенностей субъектов и субъективной стороны преступлений, связанных с организацией незаконной миграции, в контексте законодательства Российской Федерации и Республики Таджикистан. Цель исследования заключается в анализе и сравнении особенностей субъекта и субъективной стороны преступлений, связанных с организацией незаконной миграции, по законодательству Российской Федерации и Республики Таджикистан. Исследование способствует повышению эффективности противодействия данному виду преступности. Выявлены различия в подходах к определению субъективной стороны преступлений в законодательстве Российской Федерации и Республики Таджикистан, что требует дальнейшего изучения и гармонизации. Произведен комплексный анализ особенностей субъекта и субъективной стороны преступлений, связанных с организацией незаконной миграции, с учетом специфики законодательства двух стран.

Ключевые слова: *незаконная миграция, организация незаконной миграции, уголовная ответственность, субъективная сторона, объективная сторона, квалификация преступлений*

Для цитирования: *Ахмадзода Р.С. Особенности субъекта и субъективной стороны преступлений, связанных с незаконной миграцией, по уголовному законодательству Российской Федерации и Республики Таджикистан // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 151–156. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-151-156.*

Субъективные признаки состава преступления, наряду с объективными, являются ключевыми элементами, определяющими сущность уголовной ответственности. В контексте данного исследования, направленного на анализ уголовной ответственности за организацию незаконной миграции, особое значение приобретает изучение субъекта и субъективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 322.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) и ст. 335.1 Уголовного Кодекса Республики Таджикистан УК РТ).

Согласно ст. 19 УК РФ и ст. 22 УК РТ, субъектом преступления признается физическое вменяемое лицо, достигшее возраста, установленного законом для привлечения к ответственности. Уголовное законодательство обоих государств устанавливает схожие требования к субъекту преступления, подчеркивая его физическую и юридическую способность нести ответственность за совершенное деяние.

В Российской Федерации и Республике Таджикистан субъектом уголовной ответственности выступает исключительно физическое лицо. Несмотря на отсутствие в уголовном законодательстве четкого определения субъекта, анализ положений ст. 322.1 УК РФ и ст. 335.1 УК РТ позволяет сделать вывод

о том, что субъектом организации незаконной миграции может быть любое лицо, независимо от его гражданства.

Судебная практика подтверждает данный вывод: среди осужденных по указанным статьям присутствуют как граждане каждого из государств, привлеченные к ответственности в соответствии с положениями национальных уголовных законов (включая сотрудников миграционных служб и органов пограничного контроля), так и граждане других государств, создающие каналы нелегального ввоза мигрантов. Таким образом, национальная принадлежность не является определяющим фактором для признания лица субъектом преступления – ключевым является факт совершения деяния на территории конкретного государства или подпадающего под его юрисдикцию по иным основаниям.

Уголовное законодательство не устанавливает специальных гражданско-правовых или профессиональных требований к личности виновного. Важно отметить, что юридические лица в Российской Федерации и Республике Таджикистан не признаются субъектами преступления, поскольку соответствующий уголовно-правовой институт в данных государствах отсутствует. Это создает определенное противоречие между реальной картиной незаконной миграции и юридическими возможностями привлечения к ответственности.

Анализ конструкции диспозиций ст. 322.1 УК РФ и ст. 335.1 УК РТ позволяет выделить многоэпизодный характер преступлений, связанных с организацией незаконной миграции. Особенности состава данного преступления предполагают наличие взаимообусловленной совокупности действий, направленных на организацию, содействие или руководство незаконным пересечением государственной границы и/или незаконным пребыванием на территории государства.

Субъектами преступлений, предусмотренных ст. 322.1 УК РФ и ст. 335.1 УК РТ, являются лица, осуществляющие организацию, содействие или руководство незаконным пересечением государственной границы соответствующего государства, а также организацию незаконного пребывания на его территории. Таким образом, данные субъекты участвуют в процессе организации незаконной миграции.

В связи с указанным, следует обратиться к положениям Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющего Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности [1] (далее – Протокол против незаконного ввоза мигрантов), в ст. 5 которого отмечается недопустимость его применения для уголовного преследования мигрантов в силу только того обстоятельства, что они стали объектом деяний, связанных с незаконной миграцией. И Российская Федерация, и Республика Таджикистан являются подписантами этого документа. Соответственно, в случае организованного перемещения лиц через государственную границу государства – участника обозначенного Протокола, сами перемещаемые лица к уголовной ответственности не привлекаются, если в их действиях не содержится признаков иного состава преступления.

Признаки, характеризующие субъекта преступления, неразрывно связаны с иными элементами состава преступления. Именно своим общественно опасным деянием (объективная сторона преступления) субъект наносит ущерб объекту посягательства, действуя при этом виновно (субъективная сторона) [2]. Соответственно, установление в диспозициях ст. 322.1 УК РФ и ст. 335.1 УК РТ альтернативных деяний, исполнение которых в отдельных случаях содержит оконченный состав преступления, обусловливает и специфическую классификацию субъекта:

– физические вменяемые лица, совершающие организацию незаконного перемещения (в т.ч. с целью транзита) лиц через государственную границу или организацию незаконного пребывания в принимающем государстве краткосрочно, длительно или без установления срока;

– физические вменяемые лица, руководящие незаконным перемещением лиц через государственную границу или незаконным пребыванием в принимающем государстве;

– физические вменяемые лица, содействующие незаконному перемещению через государственную границу и/или незаконному пребыванию в принимающем государстве, организации таких действий, руководству такими действиями в четко определенных формах, а именно: советами, указаниями, предоставлением средств или устранением препятствий.

Субъект преступления, предусмотренного ст. 322.1 УК РФ и ст. 335.1 УК РТ, определяется как лицо, обладающее способностью и возможностью осуществлять организацию, руководство или содействие в незаконном пересечении государственной границы либо незаконном пребывании на территории Российской Федерации или Республики Таджикистан.

Сложность реализации преступления, предусмотренного указанными статьями, часто приводит к его осуществлению несколькими лицами, не входящими в организованные формы соучастия. Учитывая типичные этапы реализации преступного умысла в виде организации незаконной миграции, на промежуточном этапе (например, при транзите незаконно ввезенных лиц) сложно установить начальный и конечный моменты совершения преступления, а также выявить преступный замысел всех субъектов, действующих для достижения общей

цели – обеспечения незаконного ввоза, пребывания и вывоза указанных лиц.

Именно этим объясняется, что при квалификации действий всех субъектов (организатора, руководителя, лиц, способствовавших незаконному пересечению границы и пребыванию) по ст. 322.1 УК РФ и ст. 335.1 УК РТ их деятельность преимущественно оценивается как исполнение преступления.

Субъект организации незаконной миграции в Российской Федерации и Республике Таджикистан – общий (любой вменяемый индивид старше 16 лет), при этом законодатель выделяет специальные разновидности субъекта для квалифицированных случаев.

Далее представляется целесообразным обратиться к характеристике ***субъективной стороны*** исследуемых составов преступлений, предусмотренных ст. 322.1 УК РФ и ст. 335.1 УК РТ. Прежде всего, необходимо отметить, что субъективная сторона является внутренней сущностью преступления, а к ее признакам принято относить вину, мотив и цель. В процессе уголовно-правовой квалификации установление субъективной стороны преступления как явления, скрытого от постороннего восприятия и оценивания, – одна из самых сложных проблем для практики [3]. Субъективная сторона преступлений, связанных с организацией незаконной миграции, играет ключевую роль в их разграничении от смежных составов, а также от административных правонарушений, посягающих на миграционный режим, и в доказательстве умысла организаторов.

Субъективная сторона, характеризующая психическое отношение лица к совершаемому деянию, включает в себя форму вины (умысел или неосторожность), а также возможные факультативные признаки – мотив, цель, эмоциональное состояние виновного.

Обязательным признаком субъективной стороны преступления является вина – межотраслевой правовой институт, который употребляется в нормативных правовых актах различных отраслей права [4]. В юридической литературе представлено множество концепций вины, прежде всего ориентированных на нормативное ее раскрытие, а также на оценочное, объективированное и психологическое содержание [5]. Раскрытие вины содержится в Главе 5 УК РФ и Главе 5 УК РТ. Вина в качестве уголовно-правового понятия представляет собой ментальное отношение, проявляющееся в конкретном преступлении в контексте учета сознания и воли, в связи с чем различные нормативно поименованные комбинации сознательного и волевого элементов вины образуют различные ее модификации. Предметное содержание обоих элементов вины определяется конструкцией состава каждого конкретного преступления [6]. Наиболее обоснованным представляется подход, в рамках которого вина рассматривается как психическое отношение физического лица, как субъекта неправомерного деяния, к признакам состава совершенного им правонарушения, выраженное в определенной интеллектуально-волевой форме [7].

С учетом понятия вины как обязательного признака субъективной стороны состава преступления, вина лица за совершение преступления, предусмотренного ст. 322.1 УК РФ, ст. 335.1 УК РТ, может быть представлена как проявление воли и сознания лица, реализованное в виде противоправного деяния, определяемого согласно действующему законодательству как преступление. Вина лица, совершившего преступление, предусмотренное ст. 322.1 УК РФ, ст. 335.1 УК РТ, – это проявление воли и сознания лица в совершении тех альтернативных деяний, которые проистекают из содержания объективной стороны соответствующих преступлений.

Соответственно, вина рассматривается через призму совершения отдельных действий: организации, руководства, способствования реализации преступного замысла, выраженного в диспозиции ст. 322.1 УК РФ, ст. 335.1 УК РТ.

Формальный характер состава преступления организации незаконной миграции действительно дополняет вывод о прямом умысле: поскольку для окончания преступления не требуется фактического наступления последствия (въезда, пребывания или выезда мигранта), важно именно намерение виновного обеспечить такие условия [8]. При условии доказанности, что обвиняемый умышленно предпринял действия, направленные на организацию незаконной миграции, преступление считается оконченным. В этой связи отграничивается, например, покушение на данный состав от оконченного состава: по сути, покушение возможно лишь при прерванных на самой ранней стадии действиях, когда условия еще не созданы, однако лицо было изобличено. На практике же большинство дел фиксируют оконченный состав, даже если мигранты не успели воспользоваться созданными возможностями, ведь умысел организатора реализован в подготовке канала незаконной миграции.

Волевой элемент умысла в контексте диспозиции ст. 322.1 УК РФ и ст. 335.1 УК РТ определяется и ограничивается исключительно отношением субъекта к общественно опасному деянию, которое выражается в альтернативных действиях или их совокупности, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части национального уголовного закона и фактически совершенных.

При совершении данного преступления субъект осознает общественную опасность организации, руководства или содействия незаконной миграции. Интеллектуальный элемент умысла включает осознание субъектом общественной опасности своих действий, что подразумевает понимание объекта

уголовно-правовой охраны, которому наносится вред, характера причиняемого вреда и возможных последствий. Также это включает восприятие фактических объективных характеристик совершаемого деяния и осознание факта совершения деяния, запрещенного уголовным законом.

Интеллектуальный аспект умысла включает осознание общественной опасности действий, объекта уголовно-правовой охраны и характера причиняемого вреда. Особое значение имеет понимание нарушения миграционного порядка, которое может быть сопряжено с конкретной целью, например, нанесением ущерба государству. Несмотря на то, что мотив преступления не является обязательным элементом с точки зрения законодательства, корыстный мотив, выражающийся в стремлении к финансовой выгоде, часто встречается в делах, связанных с незаконной миграцией, поскольку нелегальный бизнес приносит организаторам значительную прибыль.

Цель преступления близка к мотиву, но в уголовно-правовом смысле означает сознательно предполагаемый результат, к которому стремится виновный. Для состава организации незаконной миграции цель опосредованно вытекает из определения деяния и может быть сформулирована как обеспечение нелегального перемещения или пребывания лица, нарушая установленный миграционный порядок. Так, В.А. Андрюшенков предлагает корыстную заинтересованность предусмотреть в качестве квалифицирующего признака организации незаконной миграции, что будет способствовать усилению реализации принципа справедливости уголовной ответственности [9].

В основных (простых) составах уголовных законов обоих государств не предусматривается обязательность наличия какой-либо цели. Как отмечают С.В. Борисов, Р.Б. Осокин и Ю.В. Трунцевский в диспозиции ч. 1 ст. 322 УК РФ об ответственности за организацию незаконной миграции не указана цель соответствующих организационных действий, не уточнено, совершению каких именно нарушений миграционного законодательства способствует виновный [10]. Однако в Российской Федерации введен квалифицирующий признак специальной цели – совершения преступления на территории Российской Федерации либо сокрытие другого преступления или облегчение его совершения. В данном случае цель рассматривается как факультативный субъективный признак, который становится обязательным в рамках квалифицированного состава (п. «в» ч. 2 ст. 322.1 УК РФ). Здесь имеется в виду, что организатор незаконной миграции действует не только ради самого по себе перемещения мигрантов, но и для реализации последующего преступного замысла – например, чтобы привлечь незаконно ввезенных иностранцев к террористической деятельности, либо чтобы скрыть от властей уже совершенное преступление (создать «канал отхода» для преступников) [8]. Данная цель должна быть установлена следствием и судом; ее наличие существенно повышает общественную опасность деяния и ведет к более строгому наказанию.

Аналогично в Республике Таджикистан предусмотрены квалифицирующие признаки, отражающие цель преступления как элемент его состава применительно к ст. 335.1 УК РТ. В частности, речь идет об организации незаконного въезда в Республику Таджикистан иностранных граждан или лиц без гражданства или незаконного транзитного проезда через территорию Республики Таджикистан с целью занятия противоправной деятельностью (п. «д» ч. 2 ст. 335.1 УК РТ), а также в связи с торговлей людьми (ч. 3 ст. 335.1 УК РТ). Соответственно, содеянное требует специальной квалификации.

Таким образом, субъективная сторона организации незаконной миграции характеризуется умышленной виной (только прямой умысел). Виновный осознаёт, что своими действиями создает незаконные условия для миграции, и желает этого. Мотив преимущественно корыстный, хотя по закону не является обязательным признаком. Цель – достижение самого факта незаконной миграции (в основном составе) или иного преступления (в квалифицированном составе). Эмоциональное состояние (аффект и т.п.) для данного состава роли не играет, так как деяние носит продуманный, организованный характер, обычно планируется заранее, а не совершается спонтанно.

Анализ приговоров, вынесенных российскими судами, а также уголовных дел о незаконной миграции в Республике Таджикистан позволяет детализировать рассмотренные теоретические положения. В обоих государствах накоплен значительный массив таких дел.

Как правило, организация незаконной миграции отличается множественностью эпизодов и групповым характером преступной деятельности. Типичные ситуации:

– организация канала нелегального въезда (через государственную границу вне пунктов пропуска либо по поддельным документам);

– организация фиктивной постановки на учет мигрантов (предоставление адреса регистрации без реального проживания);

– создание «подпольных» перевозок и трудоустройства (например, ввоз граждан сопредельных государств для работы без разрешений).

Зачастую эти действия сочетаются с совершением самостоятельных преступлений – подлога документов, взяточничества, злоупотребления должностными полномочиями.

Для повышения эффективности противодействия организации незаконной миграции необходимо активизировать обмен информацией между

компетентными органами Российской Федерации и Республики Таджикистан о выявленных каналах нелегальной миграции, особенно в случаях, затрагивающих обе страны. Это обусловлено существующими миграционными связями между государствами.

Для обеспечения эффективного противодействия транснациональной организованной преступности предлагается взаимное признание и исполнение приговоров, создание совместных следственных групп для расследования подобных дел, а также заключение дополнительных протоколов к существующим договорам о правовой помощи, конкретно касающихся уголовных дел о незаконной миграции.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что теоретические подходы и судебная практика в отношении субъекта и субъективной стороны преступлений, связанных с организацией незаконной миграции, демонстрируют значительное сходство между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан. В обоих государствах такие деяния квалифицируются как умышленные преступления, совершаемые физическими лицами, часто характеризующиеся организованным и корыстным характером.

Тем не менее существуют и уникальные особенности, например, включение в уголовное законодательство Республики Таджикистан деяний, связанных с нелегальной отправкой граждан за рубеж. Эти особенности обусловлены спецификой миграционных процессов, однако, учитывая объективные признаки, их включение в Главу 31 УК РТ представляется нецелесообразным.

Литература:

1. Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (принят в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121710/3a260bd3b67ce087850fde5a825ceea7394da3ff/.
2. Ретнева Н.И. Уголовная ответственность за торговлю людьми: совершенствование законодательства и практики его применения: дисс. … канд. юрид. наук. Минск, 2006. 141 с.
3. Синицына С.Н. Проблемные аспекты деятельности по установлению и доказыванию субъективной стороны преступления // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2016. № 3-2. С. 424–430.
4. Имомов А.Х., Кудратов Н.А. Уголовное право Республики Таджикистан (Общая часть). Душанбе: Таджикский гос. ун-тет коммерции, 2011. 232 с.
5. Юрчак Е.В. Концепции вины в юридической науке // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 7. С. 21–25.
6. Энциклопедия уголовного права. Т. 4: Состав преступления / Отв. ред. В.Б. Малинин. СПб.: Издание профессора Малинина, 2005. 616 с.
7. Понятие вины в уголовном праве. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_42/activity/legal-education/explain?item=49711474#:~:text=Вина%20-%20это%20внутреннее%20психическое,и%20волевым%20моментами%20(элементами)%20вины.
8. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2020 г. № 18 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 9.
9. Андрюшенков В.А. Уголовная ответственность за организацию незаконной миграции: дисс. … канд. юрид. наук. Омск, 2016. 209 с.
10. Борисов С.В., Осокин Р.Б., Трунцевский Ю.В. Уголовная ответственность за преступления, связанные с незаконной миграцией: проблемы законодательства и правоприменения // Международный журнал конституционного и государственного права. 2021. № 2. С. 8–12.
11. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2020 г. № 18 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 9.

Features of the Subject and Subjective Aspect of Crimes Related to the Organization of Illegal Migration under the Legislation of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan

Akhmadzoda R.S.
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Y. Kikot'

In the context of globalization and the strengthening of migration processes, there is an increasing need to study the characteristics of subjects and the subjective side of crimes related to the organization of illegal migration within the framework of the legislation of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan. The purpose of the study is to analyze and compare the features of the subject and subjective side of crimes related to the organization of illegal migration under the legislation of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan. The study contributes to improving the effectiveness of countering this type of crime. Differences in approaches to defining the subjective side of crimes in the legislation of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan have been identified, which requires further study and harmonization. A comprehensive analysis of the features of the subject and subjective side of crimes related to the organization of illegal migration has been carried out, taking into account the specifics of the legislation of the two countries.

Keywords: illegal migration, organization of illegal migration, criminal liability, subjective aspect, objective aspect, qualification of crimes

УДК 34
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-157-161

Модели организации прокуратуры в зарубежных странах: к вопросу независимости прокуратуры и свободы усмотрения прокурора (сравнительно-правовой аспект)

Белозерова И.И.
Кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы
(РУДН) (Москва)

Растопшин Р.А.
Заместитель начальника собственной безопасности ГУ МВД РФ
по городу Санкт-Петербург и Ленинградской области,
полковник полиции

Актуальность статьи обусловлена динамичным развитием института прокуратуры и необходимостью поиска правовых методов его регулирования, поскольку в настоящее время компетенция прокуратуры в сфере уголовного судопроизводства является одним из наиболее значимых вопросов по данной проблематике. Цель научного исследования – выделить особенности статуса прокурора в сравнительно-правовом аспекте на примере органов прокуратуры Германии и Франции.

Научная значимость проведенного исследования заключается в выявлении особенностей статуса прокурора во Франции и Германии на основании материалов зарубежных исследований и сравнительно-правового подхода. Результаты данного исследования могут быть использованы для обогащения научно-исследовательской базы в сфере уголовного процесса и правоохранительных органов, а также для критической оценки статуса прокурора в Российской Федерации.

В ходе данного исследования авторы пришли к выводу о том, что различия в объеме полномочий прокурора в отдельных странах выражаются, в частности, в его месте в системе государственных органов и в предоставленной прокурору законодательством степени усмотрения в возбуждении уголовного дела или применении альтернатив уголовному преследованию на стадии предварительного расследования.

Ключевые слова: *Германия, компетенция органов прокуратуры, компаративистский анализ, поиск правовых методов, регулирование деятельности органов прокуратуры, Франция*

Для цитирования: *Белозерова И.И., Растопшин Р.А. Модели организации прокуратуры в зарубежных странах: к вопросу независимости прокуратуры и свободы усмотрения прокурора (сравнительно-правовой аспект) // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 157–161. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-157-161.*

Любой компаративистский анализ, в настоящее время, какой бы отрасли права или отдельного института это ни касалось, заслуживает внимания. Не стало исключением и исследование института

прокуратуры в различных странах мира, а именно в ФРГ и Франции.

Исследование, проведенное Европейской комиссией по эффективности правосудия (ЕКЭП), показало, что, в то время как должность судьи в различных странах является достаточно однотипной, должность или статус прокурора имеет большие различия в зависимости от той страны, в которой он осуществляет свои профессиональные обязанности.

ЕКЭП, в частности, выделила следующие различия в системах органов прокуратуры в европейских странах:

1) разный уровень независимости прокуроров: в одних странах прокуроры независимы наравне с судьями, в других странах прокуроры во многом подчиняются министерствам юстиции;

2) в каждой отдельно взятой стране прокуроры подчиняются принципу юридически обязательного судебного преследования либо обладают дискреционными правомочиями начинать или не начинать уголовное преследование [1].

Данные особенности организации прокуратуры в сравнительном аспекте представляют особый интерес при изучении полномочий прокурора в Германии, поскольку объем таких полномочий зависит, во-первых, от того, как в данной стране решается вопрос о независимости прокурора и его месте в системе государственных органов, и, во-вторых, от того, допускает ли законодательство данного государства широкое усмотрение прокурора. Рассмотрим последовательно два данных вопроса.

Первая особенность, которая значительно влияет на полномочия прокурора, заключается в том, какова степень независимости прокурора от других государственных органов.

В Германии прокурор является частью исполнительной власти, однако совместно с судьями осуществляет функции, необходимые для реализации правосудия. Прокуроры являются государственными служащими, Федеральный Генеральный прокурор подчиняется Министру юстиции Германии, а Генеральные прокуроры земель – соответствующим Министрам юстиции земель. Как отмечает французский автор Д. Сала, сравнивая полномочия судьи и прокурора в Германии и ссылаясь на мнение, высказанное одним немецким прокурором, «судьям и прокурорам присущи общие ценности (участие в отправлении правосудия, принцип законности, независимость), но их отношение к своим функциям различное, поскольку существует различная степень иерархии» [2, p. 94]. Действительно, принцип иерархии действует в структуре немецкой прокуратуры, в то время как судьи принимают свои решения по своему собственному убеждению и не подчиняются вышестоящим должностным лицам.

Актуальность вопроса независимости прокуратуры от исполнительной власти особенно ярко может быть продемонстрирована на примере Франции.

Во Франции существует следующая структура прокуратуры.

При Кассационном суде, являющемся судом высшей инстанции, функции государственного преследования осуществляет Генеральный прокурор при Кассационном суде, которому помогают первые генеральные адвокаты, генеральные адвокаты и генеральные адвокаты-референдарии [3]. При каждом апелляционном суде действует Генеральный прокурор, которому помогают генеральные адвокаты и заместители Генерального прокурора. При судах первой инстанции уголовное преследование осуществляют прокуроры Республики, которым помогают их заместители [4].

Представителей прокуратуры во Франции называют «магистратами», аналогично другому виду «магистратов» – судьям. Однако в отличие от судей, прокуратуру формируют органы исполнительной власти. Работники прокуратуры назначаются Президентом, с учетом мнения Верховного совета магистратуры [5].

Указанная особенность формирования прокуратуры во Франции оказывает влияние на компетенцию прокурора, а также вызывает дебаты о необходимости обеспечения большей независимости прокуратуры от исполнительной власти.

Не случайно французские авторы Г. Стефани, Ж. Левассёр и Б. Булок отмечают, что «на вершине иерархии в действительности находится Министр юстиции, который, не являясь членом прокуратуры, на самом деле стоит во главе Прокуратуры» [6, p. 152].

Действительно, Министр юстиции определяет основную программу деятельности прокуратуры и следит за единообразным применением разрабатываемой им программы [4]. В этих целях он может давать прокурорам инструкции общего характера. Интересно, что еще сравнительно недавно Министр юстиции мог давать прокурорам также обязательные для исполнения инструкции по конкретным делам, однако законом от 25 июля 2013 г. эти полномочия у Министра юстиции были изъяты. Указанная реформа представляет собой шаг на пути ограничения влияния исполнительной власти на прокуратуру.

Во Франции вопрос о полномочиях и статусе прокурора вызвал ожесточенные дебаты в связи с принятием решений Европейского Суда по Правам Человека (ЕСПЧ): два решения по делу Медведев против Франции [7] и решение по делу Мулан против Франции [8]. Дело в том, что прокурор во Франции рассматривается как магистрат, представитель судебной власти [9]. Согласно сложившейся практике ЕСПЧ, судебная власть должна быть независимой и беспристрастной. В решениях по делу Медведев против Франции и Мулан против Франции ЕСПЧ пришел к выводу о том, что во Франции отсутству-

ют достаточные гарантии независимости прокурора от исполнительной власти, в связи с чем он не может считаться магистратом [10, p. 104].

Следуя практике ЕСПЧ, Кассационный суд Франции согласился с тем, что прокурор не может считаться независимым магистратом ввиду особенностей его назначения и функционирования его полномочий [11; 12]. Однако Конституционный суд Франции отказался согласиться с позицией ЕСПЧ и подтвердил свою прежнюю позицию [13].

Примером иного подхода к месту прокуратуры в системе государственных органов является Италия. В Италии независимость прокуратуры выражается, во-первых, в том, что во внутренней организации прокуратуры отсутствует иерархия, и, во-вторых, что прокуроры независимы также вовне, поскольку они не подчиняются исполнительной власти, в частности, отсутствует влияние Министра юстиции на деятельность итальянской прокуратуры [2, p. 100].

Следует отметить, что вопрос о независимости прокуратуры от органов исполнительной власти оказывает влияние на статус и полномочия прокурора и является предметом судебной практики как на национальном, так и на европейском уровне.

Вторая особенность, которая оказывает влияние на полномочия прокурора в каждой конкретной стране, это свобода усмотрения прокурора при осуществлении им своих полномочий. Различные страны относятся к решению данного вопроса неоднозначно.

В Германии данный вопрос решается на основании принципа законности уголовного преследования, который означает, что в случае если присутствуют факты, свидетельствующие о наличии состава преступления, прокурор обязан возбудить уголовное дело. Данный принцип содержится в § 152, абз. 2 Уголовно-процессуального кодекса Германии [14].

Таким образом, поскольку прокурор в Германии обязан следовать принципу законности уголовного преследования, его свобода усмотрения по вопросу о том, начинать или не начинать уголовное преследование, является ограниченной.

Другой подход содержится в законодательстве Франции. Особенности полномочий прокурора во Франции предопределены действующим во французском уголовном процессе принципом целесообразности уголовного преследования. Так, французский прокурор, принимая жалобы на совершенные правонарушения, самостоятельно определяет, какой дать им ход. Он может возбудить уголовное дело, прекратить дело или предложить один из альтернативных способов разрешения споров [4]. Таким образом, во Франции прокурор обладает широкой свободой усмотрения в том, что касается уголовного преследования.

Наиболее ярким примером существующих различий в сравнительно-правовом аспекте являются полномочия прокурора на стадии предварительного расследования. Так, один американский автор Ж. Тёрнер в своей статье [15] приводит пример гипотетических фактов, которые должны быть оценены прокурорами США, Японии и Германии. Ответчик обвиняется в изнасиловании. Единственным свидетелем является жертва, которая опознала ответчика по фотографиям. Некоторые вещественные доказательства указывают на то, что преступником мог в действительности являться ответчик, однако общая доказательственная база недостаточна для того, чтобы утверждать, что преступление совершил именно он. Примечательно, что, как подчеркивает американский автор, при общих исходных данных прокуроры трех разных стран осуществят различные действия. Так, прокурор США предложит обвиняемому заключить досудебное соглашение, которое будет основываться на признании обвиняемым вины, а взамен на это предлагаемое наказание будет незначительным по сравнению с тем, которое грозит обвиняемому при рассмотрении дела судом, а также обвиняемый, возможно, получит испытательный срок. Прокурор Японии, скорее всего, прекратит дело в связи с недостаточностью доказательств, поскольку в японской правовой системе осуждение невиновного лица считается большим злом, чем оставление без заслуженного наказания виновного. Наконец, прокурор Германии передаст дело на рассмотрение суда, при этом право прокурора Германии предложить обвиняемому заключить досудебное соглашение является ограниченным.

Указанный пример позволяет сделать вывод о том, что прокурор Германии значительно приближен к судебной власти: его задачей является поиск истины, а не наказание как можно большего числа виновных или сбор неопровержимых доказательств, позволяющих наказать преступника. С одной стороны, это позволяет говорить о том, что статус прокурора в Германии представляет собой золотую середину. С другой стороны, принцип законности, которым вынужден руководствоваться прокурор Германии, препятствует проявлению его инициативы в том, что касается заключения досудебных соглашений, и возлагает большую нагрузку и ответственность за принятие решений на немецкие суды.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что модели организации прокуратуры в разных странах существенно различаются. При этом невозможно говорить о том, что какая-то модель является совершенной, а какая-то нет. В действительности, различные подходы имеют право на существование.

Кроме этого, проведенное сравнительно-правовое исследование дает возможность осмысления компетенции прокурора на первоначальном этапе сбора доказательств и наделения его правом возбуждать уголовное преследование не только в ФРГ, Франции, но и в РФ.

Литература:

1. Судебные системы Европы. Эффективность и качество системы правосудия // Исследование ЕКЭП. 2016. № 23. С. 23. URL: https://www.coe.int/en/web/cepej/country-profiles/russian-federation (дата обращения: 16.11.2025).
2. Salas Denis, Parquets européens entre pouvoir judiciaire et politiques pénales // Droit et société. 2010. № 1. P. 91–103.
3. Кодекс судоустройства Франции. Статьи L432-1, L432-3. Code de l'oganisation judiciaire français. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006071164/ (дата обращения: 16.11.2025).
4. Уголовно-процессуальный кодекс Франции. Статьи 34, 39, 510. Code de procédure pénale français. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006071154/LEGISCTA000006151873/#LEGISCTA000006151873 (дата обращения: 16.11.2025).
5. Ордонанс 58-1270 от 22 декабря 1958 года. Статья 38. Ordonnance n° 58-1270 du 22 décembre 1958 portant loi organique relative au statut de la magistrature. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/JORFTEXT000000339259/LEGISCTA000006091598/ (дата обращения: 16.11.2025).
6. Stefani Gaston, Levasseur Georges, Bouloc Bernard. Procédure pénale. 25e édition. Paris: Dalloz, 2016. 1122 p.
7. Medvedyev et autres c/France, CEDH, req. n° 3394/03, 5ème sect., 10 juillet 2008 et CEDH, gr.ch., 29 mars 2010. URL: https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:[%22001-87368%22]} и https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:[%22001-97988%22]} (дата обращения: 17.11.2025).
8. Moulin c/ France, CEDH, 5ème sect., 23 novembre 2010, req. n° 37104/06. URL: https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:[%22001-101876%22]} (дата обращения:17.11.2025).
9. Решение Конституционного суда Франции от 11 августа 1993 г. № 93-326 DC. Пункт 5. Décision du Conseil constitutionnel n° 93-326 DC du 11 août 1993. URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/1993/93326DC.htm (дата обращения: 17.11.2025).
10. Leroy Jacques. Procédure pénale. Issy-les-Moulineaux: LGDJ, Lextenso éditions, 2015. 570 p.
11. Решение Кассационного суда Франции от 15 декабря 2010 г. № 10-83.674. Cass. Crim. 15 décembre 2010, n° 10-83.674. URL: https://www.courdecassation.fr/jurisprudence_2/chambre_criminelle_578/7177_15_18415.html (дата обращения: 17.11.2025).
12. Решение Кассационного суда Франции от 18 января 2011 г. № 10-84.980. Cass. Crim. 18 janvier 2011, n° 10-83.674. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichJuriJudi.do?idTexte=JURITEXT000023494706 (дата обращения: 17.11.2025).
13. Решение Конституционного суда Франции от 30 июля 2010 г. № 2010-14/22. Décision n° 2010-14/22 QPC du 30 juillet 2010. URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/2010/201014_22QPC.htm (дата обращения:17.11.2025).
14. Уголовно-процессуальный кодекс Германии. § 152, абз. 2. Strafprozessordnung. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stpo/__152.html (дата обращения: 17.11.2025).
15. Turner J.I. Prosecutors and Bargaining in Weak Cases: A Comparative View // The Prosecutor in Transnational Perspective, by Erik Luna and Marianne L. Wade. New York: Oxford University Press, 2012. 471 p.

Models of the Organization of the Prosecutor's Office in Foreign Countries: on the Issue of the Independence of the Prosecutor's Office and the Discretion of the Prosecutor (Comparative Legal Aspect)

Belozerova I.I.
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN)
Rastopshin R.A.
Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the city of St. Petersburg and the Leningrad Region

The relevance of the article is determined by the dynamic development of the Prosecutor's Office and the need to find legal methods for its regulation, bearing in mind that the competence of the Prosecutor's Office in the field of criminal proceedings is one of the most important issues in this field nowadays.

The purpose of this study is to highlight the distinctive features of the status of the Prosecutor from the comparative point of view, mainly based on the example of the Prosecutor's Offices in Germany and France.

The scientific relevance of this study consists in clarifying the distinctive features of the status of the Prosecutor in France and Germany based on foreign research materials and a comparative legal approach. The results of this scientific research can be used to enrich the scientific research base in the field of criminal procedure and the law enforcement bodies and for a critical assessment of the status of the Prosecutor in the Russian Federation.

In the course of this study, the authors concluded that differences in the scope of the Prosecutor's powers in certain countries are characterized, in particular, by his position in the structure of public bodies and the extent of discretion granted to the Prosecutor by legislation in initiating criminal proceedings or applying alternatives to criminal prosecution at the stage of preliminary investigation.

Keywords: Germany, the competence of the Prosecutor's office, comparative analysis, search for legal methods, regulation of the activities of the Prosecutor's office, France

УДК 347.963
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-162-166

Участие прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях: теоретические предпосылки

Грачёва О.А.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии
Саратовской государственной юридической академии

Лиходаев Е.Г.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии
Саратовской государственной юридической академии

Статья посвящена ключевым аспектам участия прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях, предусмотренных КоАП РФ. Авторами отмечается, что прокурор вправе возбуждать производство, участвовать в рассмотрении дел об административных правонарушениях, а также выполнять иные полномочия, предусмотренные законодательством.

Таким образом, статья анализирует роль прокурора как субъекта, обеспечивающего защиту публичных интересов и законности при рассмотрении административных дел, подчеркивая его важность для справедливого и законного разрешения споров в этой сфере.

Целью работы является анализ теоретических и правовых аспектов правового статуса прокурора, его процессуального статуса, а также особенностей реализации надзора за законностью в сфере административного судопроизводства.

В результате исследования обоснована авторская позиция относительно характера изучаемой правовой категории. На основе анализа действующего законодательства авторами делаются предложения по совершенствованию действующего законодательства относительно регламентации в Законе о прокуратуре РФ в качестве самостоятельной функции прокуратуры – функции административного преследования.

Ключевые слова: *прокурор, органы прокуратура, возбуждение дел об административном правонарушении, административное расследование, производство по делам об административных правонарушениях*

Для цитирования: *Грачёва О.А., Лиходаев Е.Г. Участие прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях: теоретические предпосылки // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 162–166. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-162-166.*

Федеральный закон от 17.01.1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре РФ), среди функций органов прокуратуры, называет возбуждение дел об адми-

нистративных правонарушениях и проведение административного расследования, фактически раскрывая её через полномочия прокурора. Однако это в полной мере не отражает деятельность прокурора в рамках производства по делам об административных правонарушениях, что можно проследить, анализируя формы её реализации.

В соответствии со ст. 25.11 КоАП РФ прокурор в рамках производства по делам об административных правонарушениях:

1) **возбуждает производство по делам об административном правонарушении.** Следует отметить, что, как правило, этому предшествует общенадзорная деятельность органов прокуратуры, где вынесение постановления является её итогом. В то же время отождествлять их представляется неоправданным. Возбуждение производства по делу об административном правонарушении представляет собой не только обнаружение признаков правонарушения, его квалификацию и вынесение постановления (что вполне охватывается рамками надзора за исполнением законов), но и определение подведомственности рассмотрения дела о конкретном административном правонарушении, направление в соответствующий орган или должностному лицу материалов о правонарушении и контроль за результатами их рассмотрения (что, как кажется, выходит за рамки реализации надзорной функции).

Постановление о возбуждении дела об административном правонарушении, выносимое прокурором, должно быть мотивированным, с учетом характера выявленного нарушения закона и имеющихся доказательств. Смысл этих требований заключается в том, что вынесенное прокурором постановление должно быть полноценным процессуальным документом административного обвинения, в котором, во-первых, доказательно обоснована виновность правонарушителя и, во-вторых, подтверждено соблюдение его прав на процессуальную защиту по факту правонарушения и т.д. [1, с. 210].

2) **участвует в рассмотрении дел об административных правонарушениях.** Следует отметить, что КоАП РФ не конкретизирует, в производстве какого именно органа или должностного лица при этом должно находиться дело об административном правонарушении. Это может быть как суд, так и другие юрисдикционные органы. И хотя полномочия прокурора в данном случае регламентируют именно процессуальные нормы законодательства об административных правонарушениях, а полномочия прокурора явно носят процессуальный характер (представлять доказательства, заявлять ходатайства, давать заключения по вопросам, возникающим во время рассмотрения дела), в данном случае нельзя говорить о том, что деятельность прокурора охватывается в полной мере такой функцией прокуратуры, как участие в рассмотрении дел судами.

В специальной литературе отмечается, что «в производстве по делам об административных правонарушениях в Российской Федерации прокурор наделен двойным статусом: как участник производства по делам об административных правонарушениях (ст. 25.11 КоАП РФ) и как субъект надзорной деятельности (ст. 24.6 КоАП РФ)» [2; 3].

В подтверждение этому говорится, что «анализ административного законодательства Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время существует две формы участия прокурора в рассмотрении дел об административных правонарушениях: 1) обязательная форма, при которой прокурор участвует в рассмотрении определенного круга дел, а именно при административных правонарушениях, совершенных несовершеннолетними, а также в делах, возбужденных по инициативе прокурора. 2) альтернативная форма, при которой прокурор участвует в рассмотрении дела по собственному решению, принятому в ходе рассмотрения заявлений, жалоб и иных обращений граждан» [2].

3) **приносит протест на постановление по делу об административном правонарушении независимо от участия в деле.** В подобной ситуации, как представляется, также следует рассматривать данную деятельность как специфическую. Очевидно, что в данном случае протест (в порядке ст. 36 КоАП РФ) на постановление по делу об административном правонарушении не тождественен протесту прокурора, предусмотренному ст.ст. 23 и 28 Закона о прокуратуре РФ: они имеют различную природу, отличаются целью принесения и влекут за собой разные последствия. По своей сути протест прокурора по делам об административных правонарушениях гораздо ближе к апелляционным и кассационным представлениям прокурора, однако и здесь есть существенные отличия, так как протест, в частности, приносится не только на судебные, но и на решения других юрисдикционных органов.

Конституционный Суд РФ, разрешая данную коллизию, делает следующий вывод. Нормы КоАП РФ (ч.ч. 2 и 3 ст. 30.12) указывают, что правом принесения протеста на вступившие в законную силу постановление по делу об административном правонарушении и другие решения по делу обладают прокуроры субъектов РФ и их заместители, Генеральный прокурор РФ и его заместители. Таким образом, КоАП РФ не предоставляет право принесения протеста на вступившие в законную силу постановление по делу об административном правонарушении и другие решения по делу, прокурору района [4]. Данный вывод находит подтверждение в п. 33 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

4) **совершает иные, предусмотренные федеральным законом, действия.** В данном случае очевидно, что речь идет о **проведении прокурором административного расследования (п. 2 ст. 1 Закона о прокуратуре).** Административное расследование проводится в предусмотренных п. 1 ст. 28.7 КоАП РФ случаях, когда по определенной законом категории дел (антимонопольным, валютным, таможенным, налоговым, транспортным) для установления всех обстоятельств дела требуется проведение экспертиз либо иных процессуальных действий, выполнение которых связано с длительными временными затратами.

Так, прокурор принимает решение о проведении административного расследования немедленно, как только будет выявлен факт совершения административного правонарушения (ч. 2 ст. 28.7 КоАП РФ) и оформляет его в виде постановления. КоАП РФ не предусматривает обязательность вынесения прокурором отдельного постановления о проведении по делу административного расследования. Следовательно, с точки зрения процессуальной экономии, принятие прокурором единого процессуального акта – постановления о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении по нему административного расследования является правомерным и обоснованным [5].

Процессуальная характеристика административного расследования сформулирована в правовой позиции Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 г. № 5, где отмечается, что не являются административным расследованием процессуальные действия, совершенные в соответствии с нормами УПК РФ в рамках предварительного расследования по уголовному делу, возбужденному в отношении лица, привлекаемого к административной ответственности, и впоследствии прекращенному.

В данном случае, как указал Верховный Суд Российской Федерации, административное расследование представляет собой комплекс требующих значительных временных затрат процессуальных действий должностных лиц, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, направленных на выяснение всех обстоятельств административного правонарушения, их фиксирование, юридическую квалификацию и процессуальное оформление. Проведение административного расследования должно состоять из реальных действий, направленных на получение необходимых сведений, в том числе путем проведения экспертизы, установления потерпевших, свидетелей, допроса лиц, проживающих в другой местности (абз. 3 подп. «а» п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»). В данном случае видно, что законодательство и судебная практика явно выходят за круг общенадзорных полномочий прокурора, предусмотренных ст. 22 Закона о прокуратуре.

Таким образом, нормы Закона о прокуратуре РФ не отражают в полной мере правовое положение прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях.

Данное обстоятельство подтверждается и анализом положений организационно-распорядительных документов Генеральной прокуратуры РФ, так, в соответствии с приказом Генерального прокурора РФ от 19.02.2015 г. № 78 [6], участие органов прокуратуры в производстве по делам об административных правонарушениях рассматривается как действенное средство укрепления законности. Важность данного направления деятельности прокуратуры подчеркивается тем, что в ней задействуются все структурные элементы единой системы прокуратуры:

– заместители Генерального прокурора Российской Федерации и структурные подразделения Генеральной прокуратуры Российской Федерации;

– прокуроры субъектов Российской Федерации, городов и районов, приравненные к ним военные прокуроры и прокуроры специализированных прокуратур.

Настоящим приказом органы прокуратуры обязываются в полном объеме использовать законодательно закрепленные полномочия, включающие: возбуждение дела об административном правонарушении, проведение административного расследования; участие в рассмотрении дела об административном правонарушении; принесение протеста на постановление по делу об административном правонарушении, а также последующие решения по жалобам на это постановление, независимо от участия в деле, в том числе по результатам рассмотрения поступивших обращений; совершения иных предусмотренных федеральным законодательством действий.

В ходе проведения прокурорской проверки при установлении фактов административного правонарушения прокуроры обязаны принимать исчерпывающие меры к сбору и фиксации доказательств, подтверждающих событие правонарушения.

При выявлении административного правонарушения и невозможности вынесения постановления о возбуждении дела об административном правонарушении на месте обеспечить составление документа (акта проверки), в котором указать сведения и данные, аналогичные предусмотренным ч.ч. 4 и 6 ст. 27.8 КоАП РФ, а в случае применения установленных способов фиксации доказательств сделать соответствующую запись [6].

Таким образом, полномочия органов прокуратуры в производстве по делам об административных правонарушениях имеют комплексный характер [7, с. 484].

Во-первых, органы прокуратуры при возбуждении дел об административных правонарушениях, проведении административного расследования, в процессе осуществляя по ним производства, применяя данный вид государственного принуждения, практически решают задачу обеспечения законности в деятельности широкого круга индивидуальных и коллективных субъектов.

Во-вторых, участие прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях на всех его стадиях направлено на решение задач обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

В-третьих, прокурор осуществляет полномочия по надзору за соблюдением Конституции РФ и исполнением действующих на территории России законов в деятельности органов публичной власти, наделенных полномочиями по применению мер административного принуждения.

В данном случае интересна позиция профессора А.Ю. Винокурова, рассматривающего административное преследование как самостоятельную функцию прокуратуры [8, с. 346].

Исходя из этого, необходимо закрепить в Законе о прокуратуре РФ в качестве отдельной самостоятельной функции прокуратуры – функцию административного преследования, которая представляет собой деятельность прокурора по участию в производстве по делам об административных правонарушениях (во всех формах ее реализации), направленную на изобличение организаций, должностных лиц, а в некоторых случаях и граждан в совершении административного проступка.

Литература:

1. Манохин В.М., Адушкин Ю.С. Российское административное право: учеб. Саратов: Изд-во СГАП, 2003. 495 с.
2. Овсянников С.А. Участие прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях // Теория и практика современной науки. 2019. № 9(51). С. 113–115.
3. Бакаева М.А. Участие прокурора в рассмотрении судами дел об административных правонарушениях // Инновационные аспекты развития науки и техники. 2020. № 1. С. 79–86.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 28.03.2017 г. № 682-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Казимирова Валерия Ивановича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 статьи 36 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» (Документ опубликован не был) // СПС Гарант.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03..2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (в ред. от 23.12.2021) (в данном виде документ опубликован не был) // СПС Гарант.
6. Приказ Генеральной прокуратуры от 19.02.2015 г. № 78 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях» // Законность. 2015. № 5.
7. Прокурорский надзор: учеб. / ред. коллегия: О.А. Грачёва (гл. ред.), Е.В. Богатова, Е.Г. Лиходаев (соредакт. Саратов: Изд-во Саратовской гос. юрид. академии, 2025. 652 с.
8. Винокурова А.Ю. Административное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации (теоретические, правовые и организационные аспекты). М.: Университет прокуратуры РФ: Проспект, 2019. 552 с.

Participation of a Prosecutor in Proceedings on Administrative Offenses: Theoretical Prerequisites

Gracheva O.A., Likhodaev E.G.
Saratov State Law Academy

The article is devoted to the key aspects of the participation of the prosecutor in the proceedings on administrative offenses under the Administrative Code of the Russian Federation. The authors note that the prosecutor has the right to initiate proceedings, participate in the consideration of cases on administrative offenses, as well as perform other powers provided by the legislation.

Thus, the article analyzes the role of the prosecutor as a subject who ensures the protection of public interests and the rule of law in administrative cases, emphasizing its importance for the fair and legal resolution of disputes in this area.

The purpose of this work is to analyze the theoretical and legal aspects of the prosecutor's legal status, his procedural status, and the specifics of implementing supervision over the rule of law in administrative proceedings.

As a result of the research, the author's position on the nature of the legal category under study is substantiated. Based on the analysis of the current legislation, the authors make proposals for improving the current legislation regarding the regulation of the function of administrative prosecution as an independent function of the prosecutor's office in the Law on the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

Keywords: prosecutor, prosecutor's office, initiation of administrative proceedings, administrative investigation, and administrative proceedings

УДК 343
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-167-171

Интернет-коммуникации и факторы риска формирования деструктивного поведения у несовершеннолетних

Корнилова А.Е.
Аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин
Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова
(Чебоксары)

Статья посвящена анализу влияния коммуникаций в цифровом пространстве на несовершеннолетних лиц, а также выявлению у них возможных рисков возникновения деструктивного поведения. Актуальность исследования обусловлена ростом числа случаев девиантного поведения подростков, которое вызвано негативным влиянием сети Интернет, а также ростом количества преступлений в отношении несовершеннолетних, в том числе в цифровой среде.

Целью работы является определение факторов риска и разработка профилактических мер возможного деструктивного поведения несовершеннолетних в сети Интернет.

Задачи исследования включают: определение понятия и особенностей деструктивного поведения, изучение видов и признаков цифровой агрессии, оценку влияния цифрового пространства на несовершеннолетних путем проведения анкетирования студентов по наиболее значимым вопросам онлайн-безопасности.

Научная значимость заключается в изучении механизма взаимодействия детской и подростковой психики с виртуальной средой, а также влияния цифровых технологий на становление и поведение личности. Практическое значение состоит в разработке мер возможного поведения несовершеннолетних в сети Интернет с целью противодействия деструктивному поведению и формировании навыков безопасного взаимодействия в цифровой среде. В результате исследования можно прийти к выводу о существовании прямой зависимости между регулярным неконтролируемым длительным интернет-пользованием и развитием асоциального поведения у несовершеннолетних, выявлены группы риска, предложены меры профилактики и рекомендации по повышению цифровой грамотности подростков. Научную новизну исследования обеспечивает комплексный подход к рассмотрению темы, включающий применение метода анкетирования, обработки и систематизации полученных данных.

Ключевые слова: *несовершеннолетние, деструктивное поведение, социальная сеть, цифровая агрессия, онлайн-риск, интернет-коммуникации*

Для цитирования: *Корнилова А.Е. Интернет-коммуникации и факторы риска формирования деструктивного поведения у несовершеннолетних // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 167–171. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-167-171.*

Одной из значимых на сегодняшний день проблем среди родителей, педагогов, воспитателей, правоведов и юристов является формирование деструктивного поведения у современных детей и подростков.

Под деструктивным поведением следует понимать устойчивое поведение, действия психически здоровой личности или группы лиц, наносящие вред как себе, так и другим людям, имуществу, социуму. Подобные действия характеризуются агрессией, отклонением от общепринятых правил поведения, отказом от социальной роли личности, причинением вреда.

Деструктивное поведение несовершеннолетних не всегда относят к сфере действия уголовно-правовых норм, хотя такое социальное поведение обусловлено и взаимосвязано с молодежной преступностью. Такие действия можно назвать негативной формой проявления девиантного поведения. Однако в уголовно-правовом смысле к девиантному поведению относят правонарушения, объектом которых выступают общественные отношения в разных сферах жизнедеятельности, а для деструктивного поведения несовершеннолетних характерно открытое проявление агрессии к самому себе и ближнему окружению.

Поколение подростков в современном цифровом мире характеризуется гиперподключенностью: большую часть времени подростки проводят в сети, совершая знакомства, делая покупки, обучаясь и взаимодействуя с миром, на сегодняшний день это стало нормой жизни. У современных молодых людей сформировался особый тип коммуницирования, своя особая онлайн-офлайн реальность [1, с. 156].

Несомненно, цифровые технологии расширяют возможности для реализации личности, однако интернет подвергает несовершеннолетних разного рода онлайн-рискам. Подобным рискам способствуют деструктивное поведение отдельных пользователей сети Интернет, а также цифровая агрессия.

К цифровой агрессии относят:

– кибербуллинг – систематическая, преднамеренная травля, запугивание лица с использованием мессенджеров, социальных сетей, игр и других способов в интернет-пространстве;

– кибersталкинг – пресупное деяние, вид преследования человека в цифровой среде;

– киберсуицид – формирование или реализация суицидальных мыслей путем участия в интернет-челленджах, онлайн-играх и других формах цифровых коммуникаций;

– онлайн-груминг – длительное воздействие лица на несовершеннолетнего для установления доверительных отношений с целью совращения, а также вовлечения несовершеннолетнего в незаконную деятельность, такую как торговля детьми, детская проституция, производство детской порнографии;

– троллинг – форма социальной провокации в интернет-общении с целью вызвать негативные эмоции и конфликт;

– флейминг – вид эмоционального спора в интернете, агрессивное взаимодействие в беседе, зачастую со взаимными оскорблениями и др.

Среди признаков цифровой агрессии можно выделить:

1) виртуальное пространство;

2) особый механизм провоцирования агрессии;

3) отсутствие возможности реального контакта с агрессором;

4) отклонение от норм общественного развития, когда процесс развития отдельной личности расходится с процессом развития другого лица или группы лиц, демонстрирующими и пропагандирующими доминирование «новых ценностей», новых тенденций в интернет-пространстве;

5) результатом агрессивного воздействия является ущерб, психологические или физические страдания жертвы;

6) психологическое онлайн-воздействие на лицо с целью донести свою идеологию любым способом, установление зависимости от агрессора.

Особенно часто деструктивному влиянию подвергаются несовершеннолетние как одна из наиболее уязвимых частей общества, остро реагирующих на любые кризисные явления [2, с. 687].

Исследуя причины противоправного поведения несовершеннолетних, прежде всего, следует «выявлять мотивацию данных деструктивных проявлений, перечень общих закономерностей, мировоззренческие основы, а также комплекс социально-экономических и нравственно-психологических факторов» [3, с. 242].

Для анализа и изучения поведения несовершеннолетних в сети Интернет и безопасности использования социальных сетей были опрошены студенты колледжа юридического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова города Чебоксары в возрасте до 18 лет в количестве 100 чел., из них 84,5 % женского пола и 15,5 % мужского пола.

Целью анкетирования студентов колледжа является оценка уровня осведомленности несовершеннолетних о потенциальных угрозах в цифровом пространстве, а также выявление таких проблем, как кибербуллинг, распространение личной информации и т.д.

Для сбора информации использован метод анкетирования с последующей обработкой и систематизацией материалов.

В ходе опроса выявлено, что подавляющее большинство опрошенных (50,9 %) находятся в возрастной категории от 16 до 18 лет, что совпадает с периодом наибольшей активности в освоении интернет-ресурсов.

При этом популярными платформами являются такие социальные сети, как: Телеграм (76 %) и ВКонтакте (24 %).

Среди основных угроз опрошенные выделяют мошенничество (33,3 %), потерю личной информации (21,6 %), кибербуллинг (12,3 %) и возможные

контакты с незнакомыми людьми (11,7 %), использование личных данных (11,1 %), влияние на психическое здоровье (5,8 %), зависимость от социальных сетей (4,1 %).

Более половины респондентов признают необходимость защитных мер, таких как двухфакторная аутентификация (48,5 %), использование проверенных браузеров (28,2 %) и антивирусные программы (23,2 %).

Отметим, что 23,3 % опрошенных добавляют в друзья и подписчики незнакомых людей и готовы к общению с ними при условии, что есть общие друзья, считая подобные условия признаком безопасности.

25 % несовершеннолетних подтверждают, что сталкивались с негативным влиянием в интернете, в связи с чем им приходилось удалять приложения социальных сетей.

Деструктивное поведение в онлайн-общении – это опасное явление, так как именно коммуникация в подростковом возрасте выступает ведущей деятельностью и играет значительную роль в психологическом благополучии человека [4, с. 125].

33,3 % подростков выделяют мошенничество как наиболее распространенный вид преступлений в цифровом пространстве, при этом 40,5 % опрошенных не отрицают совершения сделок в сети и подтверждают транзакции в играх и приложениях.

Данные исследования позволили выявить риски и онлайн-угрозы, с которыми сталкиваются несовершеннолетние. Результаты анкетирования подчеркивают необходимость разработки мер профилактики негативного воздействия виртуального пространства на благополучие и психическое здоровье юных пользователей.

Так, мерами противодействия деструктивному поведению несовершеннолетних в сети Интернет и формирования навыков безопасного взаимодействия могут быть:

– жалобы в техническую поддержку, блокировка сообщений и пользователей, поведение которых содержит признаки цифровой агрессии;

– самоконтроль поведения пользователя – несовершеннолетнего;

– мониторинг социальных сетей подростков в образовательных учреждениях, анкетирование с целью выявления потенциальных угроз и изучения поведенческих факторов несовершеннолетних;

– просветительская деятельность образовательных учреждений, родителей и членов семьи по формированию у детей адекватного, критического мышления, традиционных нравственных ценностей и повышению уровня цифровой грамотности;

– привлечение специалистов-психологов в случае выявления причастности ребенка к различного рода группам агрессивной цифровой среды, либо в случае обнаружения у несовершеннолетних признаков деструктивного поведения;

– построение культуры позитивной интернет-коммуникации;

– проведение альтернативных мероприятий для молодежи с целью творческой самореализации, личностного роста, популяризации здорового образа жизни и семейных ценностей, так, например, в Чувашской Республике функционирует около 40 модельных библиотек, где созданы ТОПы – территории общения подростков, которые станут площадками для развития и поддержки молодежи.

– формирование негативного отношения к преступлениям.

Зачастую коммуникации в интернет-среде имеют множество негативных сценариев, именно агрессия в цифровом пространстве в большинстве случаев остается безнаказанной, характеризуется жестокостью, психологическим воздействием и является источником конфликтов. Говоря о несовершеннолетних, мы должны помнить, что личность подростка еще не сформирована, их психика пластична и легко подвергается воздействию, особенно когда неординарная личность ребенка не находит самовыражения в семье, образовательной организации, обществе в целом.

Все стороны личности подвергаются масштабной перестройке, видоизменяются психологические составляющие, закладывается базис сознательного поведения, окончательно формируются социальные установки. По характеру происходящих в данном возрасте изменений подростковый возраст считается кризисным [5, с. 114].

В отсутствие поддержки и помощи со стороны близких подростки легко попадают под влияние «новых друзей», где их условно признают лидерами, мотивируя на противоправные действия и активно склоняя к совершению преступлений.

Распространение сетевых технологий резко расширило круг общения современных молодых людей (в возрасте от 12 лет и старше), осуществлять социальный контроль над которым в должной мере не в состоянии ни родители, ни общественность [6, с. 19].

Факторами риска формирования деструктивного поведения у несовершеннолетних можно назвать следующие:

– информационное перенасыщение и зависимость. Ребенок, находясь в бесконечном потоке информации и активно пользуясь социальными сетями, становится психологически зависимым, снижается адекватное восприятие реальности, создается иллюзия востребованности;

– эмоциональное выгорание и деперсонализация. Несовершеннолетний становится восприимчивым к одобрению окружающих, получая лайки и репосты, в результате легко поддается на манипуляции неизвестных лиц, в условиях дефицита живого общения не может адекватно воспринимать реаль-

ность, чувствует себя увереннее в цифровом пространстве, боясь «живого социума»;

– угроза конфиденциальности. Подростки открыто публикуют и не скрывают свои персональные данные, фотографии, видеозаписи, как правило, не задумываясь о последствиях (так, 25,9 % опрошенных подтверждают передачу личной информации третьим лицам);

– утрата навыков социального взаимодействия. Ребенок теряет навыки общения с окружающими, не может дискутировать, аргументировать, эмпатично воспринимать чужие эмоции, однако в цифровом пространстве, чувствуя себя защищенным, открыт к общению, легко включается в группы, пытаясь доказать свою значимость, готов выполнять задания, демонстрируя себя победителем, в том числе путем совершения противоправных действий, поскольку ощущает защищенность и безнаказанность. Теряя эмоциональный контроль, подросток доверяет своему окружению в интернете, чувствует принадлежность и поддержку к некой группе и зачастую не осознает, что совершает преступное деяние, либо, напротив, является жертвой посягательств.

В России каждое пятое (4875) преступление в сфере информационных технологий в 2024 г. было совершено несовершеннолетними. В 14 % случаев (3247) это преступления с применением информационно-коммуникационных технологий, совершенные в отношении детей [7]. Согласно анализу Следственного комитета РФ, из сети Интернет подростки получают идеи о совершении преступления, способах и механизме совершения преступлений, инструкции по изготовлению оружия. За последние три года задержаны более 2,5 тыс. молодых людей, подпавших под влияние экстремистских и террористических организаций, в числе которых «Колумбайн» и «Маньяки Культ Убийц» (признаны террористическими и запрещены в РФ) [7].

Деструктивное поведение можно назвать предпреступным поведением, проблема цифровой агрессии многогранна, требует тщательного изучения, так как век интернет-технологий активно развивается, соответственно, появляются новые формы и вариации подобного рода феномена.

Литература:

1. Богомазова Н.Л. Феномен цифровой агрессии: деструктивное поведения в интернете // Наука. Техника. Человек: исторические, мировоззренческие и методологические проблемы. 2023. Т. 1. № 13. С. 155–159.
2. Симончук Е.Р., Мещерякова К.Н. Психологические аспекты деструктивного влияния сети «интернет» на поведение несовершеннолетних // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции и технологии решения (Васильевские чтения – 2024). Материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2024. С. 686–691.
3. Воробьева С.В., Кольцов М.И., Абрамова В.И. Теоретико-методологические основы деструктивного поведения несовершеннолетних: анализ динамики и профилактика // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 2 (30). С. 240–256.
4. Момот Ю.А. Деструктивное коммуникативное поведение подростков в социальных сетях // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 68-4. С. 123–127.
5. Гафиятуллина А.И. Факторы деструктивного поведения подростка и направления социально-психологической профилактики деструктивного поведения // Современные методы взаимодействия и способы сотрудничества специалистов помогающих профессий. материалы VIII Международной очно-заочной научнопрактической конференции. Орел, 2022. С. 113–119.
6. Сапрыкин В.А. Деструктивное поведение молодежи в условиях информационной войны: колумбайн-вызовы и меры преодоления // Теория и практика общественного развития. 2019. № 1 (131). С. 18–21.
7. Выяснилось, сколько подростков соблазнили преступники через интернет // Московский комсомолец. 2025. 2 октября. URL: https://www.mk.ru/incident/2025/10/02/vyyasnilos-skolko-podrostkov-soblaznili-prestupniki-cherez-internet.html.

Internet Communications and Risk Factors for the Development of Destructive Behavior in Minors

Kornilova A.E.
Chuvash State University named after I.N. Ulyanov (Cheboksary)

The article is devoted to the analysis of the impact of communications in the digital space on minors, as well as the identification of their possible risks of destructive behavior. The relevance of the study is due to the growing number of cases of deviant behavior of adolescents, which is caused by the negative impact of the Internet, an increase in the number of crimes against minors, including in the digital environment.

The aim of the work is to identify risk factors and develop preventive measures for possible behavior of minors on the Internet.

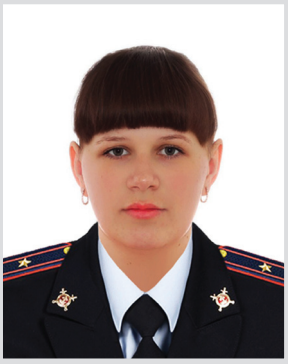
The research objectives include: defining the concept and features of destructive behavior, studying the types and signs of digital aggression, assessing the impact of digital space on minors by conducting student questionnaires on the most significant issues of online security.

The scientific significance lies in the study of the mechanism of interaction of the child and adolescent psyche with the virtual environment, the influence of digital technologies on the formation and behavior of personality. Practical importance lies in the development of measures for possible behavior of minors on the Internet in order to counteract destructive behavior and develop skills for safe interaction in the digital environment. As a result of the study, it is possible to conclude that there is a direct relationship between regular uncontrolled prolonged Internet use and the development of antisocial behavior in minors, risk groups have been identified, preventive measures and recommendations for improving digital literacy of adolescents have been proposed. The scientific novelty of the research is provided by an integrated approach to the consideration of the topic, including the use of the method of questioning, processing and systematization of the data obtained.

Keywords: minors, destructive behavior, social network, digital aggression, online risk, internet communications

УДК 343.97
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-172-178

Транснациональная преступность: характеристика и детерминация

Лимарь А.С.
Кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовно-правовых дисциплин Белгородского
юридического института МВД России имени Д.И. Путилина

Михайлова И.А.
Кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Белгородского
юридического института МВД России имени Д.И. Путилина

Захаров Н.В.
Старший инспектор оперативного направления
Линейного отдела МВД России на станции Тула,
старший лейтенант полиции

Транснациональная преступность – по-настоящему общемировая проблема. Реалии функционирования действующих внутринациональных систем борьбы с преступностью показывают снижение эффективности превенции актов международных преступных посягательств, из-за чего на сегодняшний день встаёт крайне актуальный вопрос об изыскании как внутригосударственных, так и международных инструментов и публично-правовых институтов для борьбы с транснациональными преступлениями. Актуальность исследования обусловлена не только изменением количественных показателей транснациональной преступности, но и изменением характеристики данного вида преступности. В структуре транснациональной преступности активизировались случаи профессиональной организации и реализации актов терроризма, а также массового распространения экстремистского и иного деструктивного материала под воздействием профильных государственных ведомств зарубежных стран.

Целью настоящей статьи является исследование понятия, признаков и особенностей детерминации транснациональной преступности.

Авторами проведен анализ имеющихся в научной литературе точек зрения по поводу определения признаков транснациональной преступности, дана криминологическая характеристика исследуемой преступности и выявлены ее основные детерминанты.

Проведенное исследование позволило определить основные признаки транснациональной преступности, выявить ее основные детерминанты.

Ключевые слова: *транснациональная преступность, детерминанты, террористическая и экстремистская деятельность, миграция, торговля людьми*

Для цитирования: *Лимарь А.С., Михайлова И.А., Захаров Н.В. Транснациональная преступность: характеристика и детерминация // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 172–178. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-172-178.*

В научной литературе имеются различные точки зрения по поводу определения признаков транснациональной преступности. По мнению Р.А. Шарифуллина, к ним следует отнести: участие как профессиональных преступных сообществ, так и разнородных, в том числе самостоятельных преступников; долговременность преступной деятельности или большой масштаб вреда, причиняемого транснациональным преступлением; корыстная, политическая, религиозная, этническая, национальная или иная мотивация к совершению преступления; профессиональный характер подготовки и совершения транснационального преступления, в том числе, сокрытия его следов и иного урегулирования процессуальных аспектов, связанных с расследованием и раскрытием преступного акта; стабильность преступной деятельности (присуща для преступных сообществ и банд) [1, с. 565].

С.В. Шевелева, А.А. Гребеньков, В.Е. Новичков отмечают, что основным характеризующим признаком транснациональной преступности является непосредственно аспект глобализации преступности [2, с. 151].

Е.Б. Серова считает, что в структуру транснациональной преступности входят два основополагающих признака интернационализации. Первый признак – это интернационализация в пространстве, который предполагает расширение географии подготовительных работ к совершению противоправного акта, локализации места планирования и руководства, а также непосредственно совершения преступного деяния вне пределов одного государства.

Второй признак – это интернационализация в субъектном плане. Признак предполагает расширение субъектного состава участников транснациональной преступной деятельности, что делает допустимым создание условных криминальных представительств, коррупционных, административных, силовых и иных «связей» в двух и более государствах [3, с.57].

Справедливо заметить, что признаки транснациональной преступности раскрывают лишь содержательную сущность самого социального явления, в связи с чем для более детальной характеристики данного вида преступности представляется необходимым также охарактеризовать и криминологические аспекты транснациональной преступности. Анализ количественных криминологических показателей осложняется отсутствием систематизированных официальных сводных данных по поводу инициированных производств о транснациональных преступлениях. При оценке состояния транснациональной преступности учитываются разрозненная совокупность данных о совершённых преступлениях на территории разных государств, а также научные данные, экспертные статистические информационные источники, журналистские расследования и иные источники государственных и общественных институтов, которые так или иначе могут отражать статистику совершённых транснациональных преступлений и ущерб от них. В исследовании Е.А. Постоевой нашли отражение сведения о 22 тыс. преступлений транснационального характера, совершенных организованными группами и преступными сообществами на территории Российской Федерации в 2023 г., что на 12 % больше, чем в 2022 г. [4, с. 2].

Число международных террористических актов в Российской Федерации увеличилось по итогам 2024 г. на 22 % и на сегодняшний день является рекордным с 2017 г. Если в 2023 г. в России было совершено 2,3 тыс. таких преступлений [5], то лишь за первое полугодие 2024 г. этот показатель достиг 1,6 тыс., что больше, чем за аналогичный период 2023 г. на 38,4 % [6].

В России по итогам 2024 г. на 43 % по сравнению с 2023 г. наблюдается рост преступлений экстремистской направленности [7]. Преступления террористического и экстремистского характера чаще стали совершать иностранные мигранты и лица без гражданства. В 27 % случаев отмечается рост преступлений в сфере незаконного оборота наркотических и психотропных веществ, совершенных мигрантами и лицами без гражданства [8]. Также в Российской Федерации отмечается рост незаконной транснациональной торговли оружием и боеприпасами на 4 % [9].

Серьезную озабоченность у Правительства Российской Федерации и других стран Европейского региона вызывают торговля людьми и незаконный ввоз мигрантов. По данным Интерпола, ожидается, что в ближайшие 3–5 лет будут наблюдаться тенденции к росту в данной области транснациональной преступности.

На основе анализа современного состояния транснациональной преступности в России А.Л. Репецкая выделяет свойственные ей общие критерии: непрерывный характер транснациональной пре-

ступности и (или) глобальные масштабы преступного посягательства; многообразие противоправной направленности субъектов транснациональной преступности; корыстная, семейная, этническая или конфессиональная основа организации и кооперации субъектов; наличие развитой системы связи как в преступном мире, так и в системе государственного управления двух и более государств; своевременная адаптация к изменению системы профилактики и предупреждения транснациональных преступлений; структурное сходство деятельности субъектов транснациональных преступлений с легальной хозяйственной деятельностью; высокая степень защищённости преступных структур от социального контроля и государственного надзора [10, с. 294].

Это, однако, не означает, что всякое транснациональное преступление на сегодняшний день обязательно совершается с учётом отмеченных криминологических критериев. А.Х. Пихов считает главным криминологическим признаком, характеризующим транснациональную преступность, то, что преступник должен нарушить интересы, охраняемые законодательствами одновременно двух или более стран вследствие специфики внешнего проявления и (или) особенностей нарушаемых общественных отношений [11, с. 110]. И поэтому организованность, наличие целостной структуры и обратной связи между субъектами организованной группы – это факультативные признаки транснационального преступления, которые, однако, проявляются достаточно часто в силу специфичности самой транснациональной преступности.

Среди других дополнительных криминологических характеристик можно отметить: использование коррупционных связей для облегчения совершения транснационального преступления и сокрытия факта его совершения; наличие в структуре посягательства представителей государственных служб (служащих налоговых органов, таможенных и пограничных служб, правоохранительных и силовых ведомств и т.д.), обеспечивающих совершение преступления; относительная самостоятельность в образовании теневой экономики и экономической инфраструктуры (закупки, поставки и реализации); наличие организационно-управленческой деятельности; использование широкого спектра профессиональных и служебных кадров для совершения преступления; относительная латентность транснациональных преступлений; значительный ущерб; системность преступных посягательств или совершение одного преступления, наносящего колоссальный ущерб охраняемым правам, свободам и законным интересам граждан, организаций, публично-правовых или международно-правовых образований; деструктивное влияние на развитие социально-экономических отношений и дестабилизация государственного и (или) муниципального управления.

Актуальным и обсуждаемым, в том числе, в теории криминологии, остаётся вопрос о детерминации транснациональной преступности.

Д.М. Валеев отмечает, что основными детерминантами развития транснациональной преступности на сегодняшний день остаются технологическое и цифровое развитие, глобализация социально-культурных, политических и экономических отношений, осложнение конфессиональных взаимоотношений между различными социальными слоями государств Ближнего Востока, либеральная миграционная политика многих стран мира способствуют деятельности идеологически настроенных членов террористических или экстремистских группировок [12, с. 29].

По мнению С.А. Копылова и О.В. Левченко, геополитические конфликты, в том числе, нарушение неприкосновенности и территориальной целостности государств другими странами путем оказания политического давления и принуждения к принятию тех или иных решений, способствуют обострению социальной обстановки, выражению несогласия с подобными актами транснациональной террористической деятельности, направленной на дестабилизацию политического положения отдельных государств [13, с. 142].

• Анализ научных исследований позволяет выявить ряд общих детерминант современной транснациональной преступности: глобализация и активное внедрение информационно-коммуникационных технологий не обеспеченных должным уровнем защиты; коррумпированность социальных институтов и органов государственной власти, в том числе международных и межгосударственных организаций; ослабление роли международных и межгосударственных структур в решении вопросов профилактики транснациональных преступлений; разработка и внедрение в транснациональную криминальную деятельность новейших компьютерных и цифровых технологий, позволяющих злоумышленникам оставаться анонимными и масштабировать преступную деятельность без привязки к географии [14, с. 116]; активное деструктивное информационное влияние злоумышленников и иных заинтересованных лиц на несовершеннолетних через интернет, что приводит к «омоложению» транснациональной преступности; рост числа военных конфликтов, создающих благоприятные условия для осуществления транснациональных преступлений (наёмничество, рейдерство, убийства, мародёрство, похищение и торговля людьми и др.); системное послабление миграционных правил в странах Запада; неконтролируемая научно-исследовательская деятельность по разработке возбудителей заболеваний, что влечёт необходимость поиска новых лекарственных средств и способствует незаконной торговле поддельными лекарствами [15]; несвоевременная адаптация методик, тактик,

технической и технологической оснащённости, а также профессиональной переподготовки кадров национальных правоохранительных структур к реалиям современной транснациональной преступности, включая цифровую преступность.

Противодействие транснациональной преступности осуществляется как на основе международных соглашений о сотрудничестве, так и через внутригосударственные меры. Основной акцент современных мер органов исполнительной власти, включая правоохранительные органы РФ, по предупреждению транснациональных преступлений, сделан на административный контроль и надзор за информацией в интернете и других информационно-коммуникационных сетях. Эти сети являются благоприятной средой для распространения материалов экстремистского, террористического и иного деструктивного характера.

Кроме того, растёт количество сведений, дискредитирующих деятельность ВС РФ и других вооружённых формирований РФ, а также государственных органов власти РФ. Всё чаще в интернете появляются призывы к свержению власти, диверсионной деятельности, а также сообщения, разжигающие межконфессиональную и межнациональную рознь между народами России и приграничных государств [16].

В целях противодействия транснациональному преступному воздействию на информационную безопасность РФ правоохранительные органы РФ используют компьютерные и цифровые технологии, основанные на автоматизированной обработке большого массива данных в информационно-коммуникационных сетях. К примеру, государственная программа «Вепрь» ориентирована на автоматизированный анализ текстового контента, а программа «Окулус» использует технологии машинного обучения и анализирует видео- и фотоконтент в сети Интернет [17]. На этапе тестирования и апробации находится программное обеспечение «Чистый интернет», которое автоматизирует процессы поиска провокационного и запрещённого материала в информационно-коммуникационных сетях, самостоятельно формирует отчёты и направляет их по подведомственности для дальнейшей блокировки материалов и (или) ресурсов соответствующей сети.

Несмотря на достаточно эффективную деятельность по блокированию и иному пресечению распространения запрещённых материалов в информационном пространстве России, всё же нельзя не отметить, что правоохранительные органы в большей мере борются с последствиями, а не с причинами, поскольку злоумышленники, непосредственно создающие и распространяющие такой деструктивный контент среди многомиллионных масс, как правило, находятся вне юрисдикции РФ, используют технологии анонимизации в информационно-коммуникационных сетях, в связи с чем остаются неустановленными.

Крайне актуальной является деятельность органов и специализированных государственных учреждений по пресечению фактов финансирования терроризма и экстремизма, а также использования цифровых и банковских инструментов для отмывания денежных средств, полученных преступным путём. К примеру, ЦБ РФ использует цифровые и компьютерные технологии для прогнозирования случаев финансирования терроризма, выявления уже совершённых операций по террористическому финансированию, а также выявления ситуаций, связанных с несоблюдением поднадзорными частными финансовыми, страховыми, консалтинговыми и иными организациями обязательных требований в данной сфере отношений [18].

Противодействие финансированию терроризма, экстремизма, укреплению преступных группировок осуществляется в рамках уголовного преследования специальными службами МВД РФ, СК РФ, ФСБ РФ и Росгвардии. Данные правоохранительные службы раскрывают законспирированные и высокотехнологичные каналы финансирования деятельности транснациональных группировок, в том числе находящихся вне поля зрения государственного регулирования и надзора.

Как правило, это случаи финансирования, связанные с использованием криптовалюты, анонимных мессенджеров, а также интернет-технологий для легализации средств, полученных незаконным путём. Подобное дело раскрыли органы ФСБ РФ, установив путём мониторинга тематических групп в анонимном мессенджере Телеграм и внедрения в закрытое сообщество сотрудника, который выявил гражданина, собиравшего среди единомышленников средства для организации террористического акта. Получаемые средства от других лиц он принимал на цифровой кошелёк в форме криптовалюты, что позволяло ему оставаться незамеченным на протяжении длительного времени [19].

Однако бывают и более «лёгкие» случаи в практике правоохранительных органов, когда лица, финансирующие террористические группировки, используют для этого банковские переводы. В Карелии осуждён выходец из Центральной Азии, который перевёл немногим более 40 тыс. руб. на расчётный счёт некоммерческой организации, которая прежде сотрудниками ФСБ была выявлена как фиктивно созданная для организации отмывания средств и их направления на развитие терроризма [20].

Нередки и случаи межведомственного взаимодействия правоохранительных служб. Так, в 2023 г. при сотрудничестве ГУЭБиПК МВД России, подразделений ГУ МВД России по г. Москве, а также ФСБ России, был выявлен – с применением средств внешней и внутренней разведки, контент-анализа

информационных материалов в сети «Интернет» и путём оперативного внедрения, а также обыска в жилых помещениях подозреваемых – факт подготовки к организации на территории России серии террористических актов за счёт финансирования украинского предпринимателя Е. Черняика. Было установлено, что за всё время гражданин Украины на финансирование террористической деятельности, направленной на дестабилизацию положения в российском обществе, направил около 90 млн руб. [21].

Представляется, что немаловажный аспект, связанный с совершением на территории России экстремистских и террористических преступлений с транснациональным элементом, в том числе преступных актов, связанных с контрабандой наркотических и психотропных веществ, оружия и боеприпасов к нему, поддельных лекарственных средств, выражен в недостаточном уровне пограничного, таможенного и миграционного контроля.

По разным экспертным оценкам, в России с нарушением требований миграционного законодательства находится около 4 млн мигрантов, что в соотношении к общему числу иностранных граждан без российского гражданства составляет ¼ [22]. Данное обстоятельство не может не вызывать обеспокоенности.

Подобные случаи коррумпированности государственных служащих на разных уровнях не являются единичными, что способствует укреплению транснациональной преступности в Российской Федерации.

Убеждены в том, что для пресечения фактов незаконного пребывания и безучётного нахождения иностранных граждан на территории России следует реализовать комплекс мероприятий административно-организационного и правового характера.

Административно-организационные мероприятия, в первую очередь, предполагают усиление правоохранительных рейдов. В настоящее время подобного рода рейды проводятся редко и продиктованы необходимостью реагирования после какого-либо резонансного события с участием мигрантов (например, теракт в «Крокус Сити Холле», похищение мужчины в Санкт-Петербурге и т.д.). Вместе с тем для обеспечения непрерывного административного контроля полицейские рейды в местах скопления мигрантов должны стать системными.

Справедливо отметить, что на сегодняшний день рейды и операции по выявлению мигрантов, незаконно пребывающих на территории России, проводятся преимущественно силовыми ведомствами, в частности Федеральной службой безопасности РФ. В то же время, согласно законодательству РФ, осуществлять рейды в отношении мигрантов могут и участковые уполномоченные полиции. Но их процессуальные и организационные возможности на сегодняшний день крайне ограничены. О данной проблеме, в частности, говорил Президент РФ В.В. Путин, отмечая необходимость повышения процессуально-правовых возможностей и эффективности работы участковых [23].

Участковые уполномоченные полиции из-за недостатка у них полномочий не имеют возможности войти в жилое помещение, где проживают иностранные граждане, для уточнения основания их пребывания на территории России. Как следствие, целесообразно рассмотрение возможности о совмещении предложенных регулярных проверок и рейдов участковыми полиции совместно и при содействии ФСБ РФ или Росгвардии.

Подобная практика благоприятным образом зарекомендовала себя после теракта в «Крокус Сити Холле», когда были задействованы специальные группы взаимодействия участковых и силовых структур, однако на общефедеральном уровне подобные группы не создавались. Представляется целесообразным развить данную практику создания специальных групп, состоящих из участковых и сотрудников силовых структур, в целях дополнительных проверок иностранных граждан на всей территории Российской Федерации.

Правовое направление совершенствования современной политики по противодействию транснациональной преступности с участием иностранных граждан должно включать совершенствование правового режима их пропуска через государственную границу [24].

Следует отметить, что на данное обстоятельство влияет излишняя либерализация международных соглашений между РФ и странами СНГ по вопросам упрощённого пропуска граждан государств-участников двусторонних соглашений [25].

Проблема может быть решена путём установления биометрического загранпаспорта в качестве допустимого документа, удостоверяющего личность въезжающего на территорию России мигранта. Биометрический загранпаспорт, в отличие от обычного загранпаспорта, обладает дополнительной степенью защиты и публично-правовой идентификации личности. Подобные документы сложнее подделать.

Транснациональная преступность – это сложное социальное явление международного характера, которое отражает как отдельные внутригосударственные аспекты, детерминирующие развитие и укрепление транснациональной преступности, так и факторы регионального и международного характера.

Литература:

1. Шарифуллин Р.А. О понятии транснациональная (международная) преступность // Юго-Западный юридический форум: сб. науч. трудов Юго-Западного юрид. форума, посвященного 30-летию юрид. факультета Юго-Западного гос. ун-та, Курск, 16 октября 2021 г. Вып. 1. Курск: Юго-Западный гос. ун-тет, 2021. С. 564–567.
2. Криминология: учеб. пособие / С.В. Шевелева, А.А. Гребеньков, В.Е. Новичков; Отв. ред. А.А. Гребеньков. Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2011. 293 с.
3. Серова Е.Б. Транснациональная организованная преступная группа: криминалистическое понятие и признаки // Криминалистика. 2023. № 1 (12). С. 55–60.
4. Постоева Е.А. Борьба с транснациональной организованной преступностью в государствах БРИКС // Мировой судья. 2023. № 11. С. 2–8.
5. МВД РФ сообщило о росте на 6 % числа террористических преступлений в 2023 г. URL: https://www.interfax.ru/russia/945212 (дата обращения: 12.03.2025).
6. В РФ зафиксировали наивысший за 18 лет уровень преступлений террористического характера. URL: https://tass.ru/obschestvo/21522491 (дата обращения: 12.03.2025).
7. Число дел об экстремизме в России за 2024 год выросло на 43 %. URL: https://ria.ru/20250115/chislo-1993749833.html (дата обращения: 12.03.2025).
8. Бастрыкин сообщил о росте экстремистских преступлений среди мигрантов. URL: https://www.pnp.ru/social/bastrykin-soobshhil-o-roste-ekstremistskikh-prestupleniy-sredi-migrantov.html (дата обращения: 12.03.2025).
9. Arms trafficking 2024. URL: https://ocindex.net/rankings/arms_trafficking?f=rankings&view=List (дата обращения: 12.03.2025).
10. Репецкая, А.Л. Транснациональная организованная преступность: дисс. ... док-ра юрид. наук. Иркутск, 2001. 388 с.
11. Пихов А.Х. Транснациональная преступность: система понятий // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 6. С. 109–113.
12. Валеев Д.М. Международно-правовые основы сотрудничества по борьбе с транснациональной организованной преступностью: дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2016. 227 с.
13. Левченко О.В., Копылова С.А. Международно-правовое регулирование борьбы с транснациональной преступностью // Высокие технологии, наука и образование: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. статей IV Всеросс. науч.-практ. конф., Пенза, 30 октября 2019 г. Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2019. С. 141–143.
14. Майстренко Г.А. Детерминанты и основные признаки российской организованной преступности // Matters of Russian and International Law. 2020. № 10. С. 113–118.
15. Транснациональная организованная преступность – глобализованная нелегальная экономика: Факты о ТОП // Управление ООН по наркотикам и преступности. URL: https://www.unodc.org/documents/toc/factsheets/TOC12_fs_general_RU_Plain.pdf (дата обращения: 27.10.2024).
16. Указ Президента РФ от 02.06.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.
17. Роскомнадзор запустит систему «Вепрь» для выявления «информационных угроз» в интернете. URL: https://www.zaks.ru/new/archive/view/236370 (дата обращения: 12.11.2024).
18. Использование больших данных в финансовом секторе и риски финансовой стабильности: Материал подготовлен Департаментом финансовой стабильности // Официальный сайт Центрального Банка РФ. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/131359/Consultation_Paper_10122021.pdf (дата обращения: 30.11.2024).
19. ФСБ России ликвидирован очередной канал финансирования терроризма // Официальный сайт Национального антитеррористического комитета. URL: http://nac.gov.ru/terrorizmu-net/fsb/fsb-rossii-likvidirovan-ocherednoy-kanal-finansirovaniya.html (дата обращения: 30.11.2024).
20. Сотрудники УФСБ России Карелии пресекли преступную деятельность иностранца, финансировавшего международную террористическую организацию // Сайт Правительства Республики Карелия. URL: https://gov.karelia.ru/news/05-08-2024-sotrudniki-ufsb-rossii-kareliipresekli-prestupnuyu-deyatelnost-inostrantsa-finansirovavshego-mezhdu/?special_version=Y (дата обращения: 30.11.2024).
21. В Москве объявлен в розыск украинский бизнесмен, обвиняемый в финансировании террористической деятельности // Официальный сайт Следственного комитета РФ. URL: https://sledcom.ru/news/item/1806260/ (дата обращения: 30.11.2024).
22. Глава института РАН назвала оценки числа нелегальных мигрантов России. URL: https://www.rbc.ru/economics/10/02/2024/65c5dfca9a794768ad46dd4d (дата обращения: 30.11.2024).
23. Путин призвал повысить эффективность работы участковых. URL: https://tass.ru/obschestvo/20419737 (дата обращения: 01.12.2024).
24. Нелегальная миграция и конфликты в мире меняют ситуацию на границе. URL: http://ps.fsb.ru/fps/smi/appearance/detail.htm%21id%3D10321180%40fsbAppearance.html (дата обращения: 01.12.2024).
25. Шайкин А.К. Проблемы противодействия незаконной миграции на Государственной границе Российской Федерации и пути их решения // Право и безопасность. URL: https://dpr.ru/pravo/pravo_1_14.htm (дата обращения: 01.12.2024).

Transnational Crime: Characteristics and Determination

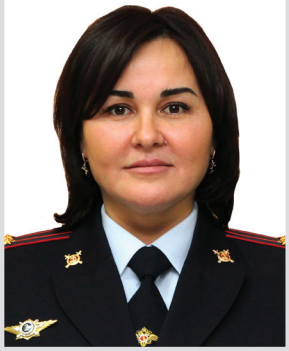
Mikhailova I.A., Limar A.S.
Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.F. Putilin
Zakharov N.V.
The Line Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia at Tula Station

Transnational crime is a truly global problem. The realities of the functioning of existing intra-national crime control systems show a decrease in the effectiveness of preventing acts of international criminal encroachment, which today raises the extremely urgent question of finding both domestic and international instruments and public law institutions to combat transnational crimes. The relevance of the study is due not only to changes in the quantitative indicators of transnational crime, but also to changes in the characteristics of this type of crime. Cases of professional organization and implementation of acts of terrorism, as well as the mass distribution of extremist and other destructive material under the influence of relevant government agencies of foreign countries, have intensified in the structure of transnational crime. The purpose of this article is to study the concepts, signs and features of the determination of transnational crime. The authors analyzed the points of view available in the scientific literature on the definition of signs of transnational crime, provided a criminological description of the crime under study and identified its main determinants. The conducted research allowed to identify the main signs of transnational crime, to identify its main determinants.

Keywords: transnational crime, determinants, terrorist and extremist activities, migration, human trafficking

УДК 343
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-179-183

Некоторые особенности противодействия экстремизму в условиях развития информационно-коммуникационных технологий

Минзянова Д.Ф.
Кандидат педагогических наук, доцент кафедры экономики, финансового права и информационных технологий в деятельности органов внутренних дел Казанского юридического института МВД России

Выстропов В.Г.
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры управления органами внутренних дел в особых условиях центра командно-штабных учений Академии управления МВД России (Москва)

Настоящая статья посвящена анализу комплекса проблем и особенностей, возникающих в сфере противодействия экстремизму в условиях стремительного развития информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ). Целью данного исследования является рассмотрение новых форм и методов распространения экстремистских идеологий, вербовки, финансирования и координации действий экстремистских групп, обусловленных использованием ИКТ. Теоретическая значимость заключается в углублении научного понимания феномена экстремизма в условиях цифровизации, выявлении новых закономерностей его распространения и форм проявления в информационно-коммуникационной среде. Практическая значимость состоит в разработке конкретных рекомендаций по совершенствованию правовых, организационных и оперативно-розыскных мер противодействия экстремизму, а также профилактической работы в цифровом пространстве. Научная новизна исследования определяется комплексным и систематизированным анализом специфических черт экстремизма в условиях цифровой трансформации, которые требуют переосмысления традиционных подходов к противодействию. В заключении обосновывается необходимость разработки унифицированных международных стандартов реагирования на трансграничные проявления киберэкстремизма и создания эффективных механизмов обмена информацией между государствами; особое внимание уделяется превентивным мерам; подчеркивается, что успех в борьбе с киберэкстремизмом возможен при условии выработки стратегии, сочетающей многогранные аспекты на национальном и международном уровнях.

Ключевые слова: *экстремизм, киберэкстремизм, ИКТ, сеть Интернет, противодействие, правовые меры, сотрудничество*

Для цитирования: *Минзянова Д.Ф., Выстропов В.Г. Некоторые особенности противодействия экстремизму в условиях развития информационно-коммуникационных технологий // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 179–183. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-179-183.*

Экстремизм во всех его проявлениях представляет собой одну из наиболее серьезных угроз национальной безопасности и общественному порядку в современном мире. Исторически сложившиеся формы экстремистской деятельности, основанные на насилии, разжигании ненависти и вражды, в последние десятилетия претерпели существенные изменения под влиянием стремительного развития информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ). Сеть Интернет, включая социальные сети, мессенджеры и другие цифровые платформы, стала мощным инструментом для распространения радикальных идеологий, вербовки новых сторонников, координации действий и финансирования экстремистских организаций.

Следует отметить, что традиционные подходы к противодействию экстремизму, разработанные в «доцифровую» эпоху, зачастую оказываются неэффективными перед лицом новых вызовов, порожденных глобальным и анонимным характером цифровой среды. Преступники активно используют возможности и преимущества ИКТ для обхода государственного контроля, преодоления географических барьеров и быстрого охвата широкой аудитории, что обуславливает необходимость глубокого переосмысления существующих стратегий и тактик борьбы с экстремизмом, а также разработки новых, адаптивных механизмов реагирования.

Следует отметить, что на территории нашей страны правовая основа противодействия экстремизму закреплена в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – ФЗ № 114-ФЗ), Уголовном кодексе РФ (далее – УК РФ) (ст.ст. 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2, 282.3) и других нормативных правовых актах [1]. По мнению авторов настоящей статьи, противодействие экстремизму в условиях развития ИКТ – это стратегический информационный иммунитет общества, формируемый через комплекс мер, направленных на деконструкцию экстремистских нарративов, укрепление цифровой грамотности граждан, создание альтернативных позитивных контентов и своевременное пресечение деструктивной деятельности в информационном пространстве с целью защиты общественного сознания и реального мира от цифровых угроз.

Принимая во внимание вышеизложенное, напрашивается вывод, что ИКТ значительно расширили возможности преступников, сделав их деятельность более эффективной и трудно контролируемой [2, с. 189], поскольку:

− социальные сети и видеохостинги стали основными площадками для распространения экстремистских материалов;

− алгоритмы ранжирования контента могут непреднамеренно способствовать формированию «эхо-камер», где пользователи получают информацию, подтверждающую их предвзятые мнения, что усиливает радикализацию;

− активно используются мемы, короткие видеоролики, стримы, прямые эфиры для быстрой передачи своих идей, часто маскирующиеся под безобидный или развлекательный контент, а технологии *Deepfake* позволяют создавать поддельные видео- и аудиоматериалы, дискредитирующие оппонентов или призывающие к насилию, что затрудняет их верификацию.

По мнению авторов настоящей статьи, к наиболее распространенным видам профилактических мер следует относить:

− принятие мер, направленных на улучшение социальной и экономической ситуации среди тех слоев населения, которые более подвержены экстремистским высказываниям; впоследствии переходят в активное или пассивное противодействие действующей власти с целью свержения существующего режима на территории нашей страны [3, с. 12];

− осуществление технологических и оперативных мероприятий (развитие и внедрение в органах внутренних дел систем автоматического выявления негативного контента, популяризирующего экстремизм; сотрудничество с IT-платформами и компаниями; анализ цифровых следов и сетевой структуры);

− реализация правовых и организационных мероприятий, направленых на создание правового поля, позволяющего эффективно пресекать преступления, не нарушая при этом конституционные права на свободу слова;

− превентивно-профилактическая работа с потенциально уязвимыми группами, которая должна быть адресной, учитывая, что вербовка часто нацелена на лиц, испытывающих социальную изоляцию, идеологический вакуум или находящихся в уязвимом психологическом состоянии и др.

Следует отметить, что их реализация требует межведомственного взаимодействия и постоянного мониторинга технологических трендов, поскольку методы и инструменты злоумышленников меняются очень быстро.

Следует также отметить, что противодействие экстремизму в условиях развития ИКТ сталкивается с рядом специфических вызовов, к которым следует относить: трансграничный характер экстремистской деятельности, который создает правовые и юрисдикционные проблемы; серверы, на которых размещается экстремистский контент, могут находиться в разных странах, что затрудняет применение национального законодательства и требует сложного международного правового сотрудничества в вопросах экстрадиции и правовой помощи; проблемы доказательной базы возникают из-за возможности легкого удаления или подделки цифровых следов; сбор и закрепление электронных доказательств требует специальных знаний, технологий и унифицированных международных стандартов.

Принимая во внимание вышеизложенное, следует отметить, что технологические вызовы, которые в настоящее время стоят перед правоохранительными органами, включают повсеместное шифрование и анонимность. Использование сквозного шифрования в мессенджерах и технологий анонимизации, таких как *VPN* и *Tor*, делает практически невозможным перехват и дешифровку переписки преступников без прямого доступа к устройству [4, с. 138]. Скорость распространения экстремистского контента также является проблемой, поскольку он может быть распространен миллионам пользователей за считанные минуты, делая оперативное блокирование крайне сложной задачей. Кроме того, преступники используют ИИ для автоматической генерации контента, создания фейковых аккаунтов, обхода систем модерации и обнаружения, использования Даркнета как «убежища» для наиболее опасных форм экстремистской деятельности, включая торговлю оружием и наркотиками, а также обмен инструкциями по совершению исследуемых видов преступлений.

Технологические проблемы не являются единственными, поскольку также существуют организационные и кадровые проблемы. Правоохранительные органы часто испытывают дефицит высококвалифицированных IT-специалистов и криминалистов в IT-сфере, способных эффективно работать с современными технологиями. Вместе с тем слабое международное взаимодействие, отсутствие единых международных стандартов и процедур, а также политические разногласия между государствами препятствуют эффективному сотрудничеству в борьбе с трансграничным киберэкстремизмом.

Недостаточное государственно-частное партнерство также влияет на предупреждение исследуемых видов преступлений. Крупные IT-компании обладают значительными ресурсами и экспертизой в области модерации контента и анализа данных, но сотрудничество с ними со стороны правоохранительных органов не всегда налажено должным образом.

Вместе с тем, эффективное противодействие киберэкстремизму требует комплексного и многоуровневого подхода, который включает следующие направления:

1. Совершенствование правовой базы [5, с. 180–181]. Необходимо разработать международные конвенции и соглашения, унифицирующие подходы к определению экстремизма в цифровой среде, стандартизирующие процедуры сбора и предоставления электронных доказательств.

2. Адаптация существующих правовых норм, которые должны учитывать специфику цифровых преступлений, ответственность за использование ИИ для создания экстремистского контента.

3. Укрепление международного сотрудничества [6, с. 1040–1043], в рамках которого необходимо создавать эффективные механизмы правовой помощи, ускоренной экстрадиции, обмена оперативной информацией между правоохранительными органами разных стран.

4. Развитие технологических решений, а именно: применение ИИ и *Big Data*. Системы ИИ используются для автоматизированного мониторинга цифрового пространства, выявления и анализа экстремистского контента, прогнозирования угроз, а технологии *Big Data* обрабатывают огромные массивы информации для выявления скрытых связей и паттернов поведения [7, с. 169–170].

Вместе с тем необходимо укреплять взаимодействие с частными организациями, чьи интересы связаны с противодействием киберугрозам и соответствующим преступлениям. В первую очередь данное взаимодействие связано с вопросами оперативного выявления и удаления экстремистского контента, предоставления данных в рамках закона и разработки совместных технологических решений.

Исходя из изложенного выше, считаем необходимым подчеркнуть важность разработки и внедрения целого ряда мероприятий комплексного характера, направленных как на общее повышение уровня профилактики экстремизма, так и на конкретные меры реагирования на проявления экстремистских действий, включая деятельность, распространяемую посредством сети Интернет. Это предполагает необходимость принятия целенаправленных шагов как на законодательном уровне, так и в области информационной политики, образования и культуры, позволяющих эффективно предупреждать возникновение экстремистских настроений и пресекать попытки их распространения в виртуальном пространстве.

Развитие ИКТ радикально изменило ландшафт угроз, связанных с экстремистской деятельностью. Цифровая среда предоставила преступникам беспрецедентные возможности для распространения идеологий, вербовки, координации и финансирования, сделав их деятельность более анонимной, глобальной и трудно контролируемой. При этом традиционные методы противодействия экстремизму оказываются недостаточными перед лицом новых вызовов.

Эффективная борьба с экстремизмом в условиях цифровой трансформации требует комплексного, многоаспектного подхода, который сочетает совершенствование правовой базы, активное внедрение передовых технологических решений, укрепление международного и государственно-частного сотрудничества, а также развитие и принятие превентивных решений. По мнению авторов настоящей статьи, данные меры направлены на повышение цифровой грамотности и формирование устойчивого иммунитета к радикальным идеологиям в обществе.

Принимая во внимание вышеизложенное, представляется критически важным внедрение следую-

щих конкретных направлений по противодействию экстремизму в условиях развития ИКТ:

1. Создание и развертывание высокотехнологичных платформ, использующих машинное обучение, нейронные сети и обработку естественного языка для автоматического выявления, классификации и прогнозирования распространения экстремистских нарративов, фейковых новостей, *Deepfake*-материалов и призывов к насилию.

2. Создание и обучение мобильных групп, состоящих из экспертов по кибербезопасности, цифровой форензике, психологов, лингвистов, культурологов и специалистов по медиакоммуникациям.

3. Инициирование и участие в разработке унифицированных международных стандартов и протоколов по борьбе с киберэкстремизмом, включая механизмы оперативного обмена данными о киберугрозах, совместные расследования и экстрадицию киберпреступников.

4. Включение в образовательные программы высших и средних профессиональных учебных заведений модулей по цифровой криминалистике, анализу больших данных, киберпсихологии, методам идентификации AI-генерированного контента (*Deepfake*, поддельные тексты), а также стратегиям контрпропаганды и медиаграмотности; организация регулярных курсов повышения квалификации для сотрудников правоохранительных органов по работе с новыми технологиями и угрозами в киберпространстве.

Литература:

1. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Российская газета. 2002. № 138–139.
2. Опалев А.В. Современные информационные технологии как инструмент деятельности экстремистских и террористических организаций // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 187–190.
3. Семихатская А.В. Методы и способы борьбы с экстремизмом // Актуальные вопросы теории и практики в деятельности подразделений полиции: материалы внутриведомственной науч.-практ. конф., Волгоград, 30-31 марта 2022 г. М.: Спутник+, 2022. С. 10–14.
4. Сергеев С.М. Некоторые проблемы противодействия использованию в преступной деятельности средств обеспечения анонимизации пользователя в сети Интернет // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 1 (73). С. 137–140.
5. Шхагапсоев З.Л. Совершенствование методов противодействия экстремизму и терроризму в Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17, № 3. С. 177–184.
6. Савинов Я.А. Особенности международного сотрудничества при борьбе с экстремизмом // Право и правосудие в современном мире (к 100-летию Верховного Суда Российской Федерации): сб. науч. статей молодых исследователей X ежегодной всеросс. студенческой науч.-практ. конф. студентов, магистрантов и соискателей с межд. участием, Санкт-Петербург, 25-26 марта 2022 г. / Под общ. ред. Я.Б. Жолобова, А.А. Дорской. СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2022. С. 1040–1043.
7. Антонов В.В., Родионова Л.Е., Калимуллин Н.Р., Вояковская Я.С. Особенности извлечения данных из социальных сетей // Охрана, безопасность, связь. 2021. № 6-2. С. 168–175.

Some Specific Features of Countering Extremism in the Context of Developing Information and Communication Technologies

Minzyanova D.F.
Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Vystropov V.G.
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow)

This article analyzes a range of issues and specific features arising in the field of countering extremism in the context of the rapid development of information and communications technologies (hereinafter referred to as ICT). The purpose of this study is to examine new forms and methods of disseminating extremist ideologies, recruiting, financing, and coordinating the actions of extremist groups, driven by the use of ICT. The theoretical significance of this study lies in deepening the scientific understanding of

the phenomenon of extremism in the context of digitalization, identifying new patterns of its dissemination and manifestations in the information and communications environment. The practical aspect is the development of specific recommendations for improving legal, organizational, and investigative measures to counter extremism, as well as preventative work in the digital space. The scientific novelty of this study lies in its comprehensive and systematized analysis of the specific characteristics of extremism in the context of digital transformation, which require a rethinking of traditional approaches to countering it. The conclusion substantiates the need to develop unified international standards for responding to cross-border manifestations of cyber-extremism and to create effective mechanisms for information exchange between states. Particular attention is paid to preventive measures. It is emphasized that success in the fight against cyber-extremism is possible only through the development of a strategy that combines multifaceted aspects at the national and international levels.

Keywords: extremism, cyber-extremism, ICT, internet, counteraction, legal measures, cooperation

УДК 343.9.01: 340.114.5
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-184-188

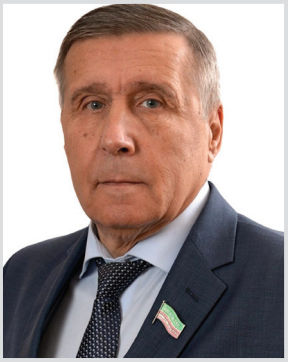
Уголовно-правовые запреты и формирование правосознания

Скоробогатов А.В.
Доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры
теории государства и права и публично-правовых дисциплин
Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирясова

Скоробогатова А.И.
Кандидат педагогических наук, доцент,
заведующая кафедрой педагогической психологии и педагогики
Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирясова

Рыбушкин Н.Н.
Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Статья посвящена исследованию роли уголовно-правовых запретов в формировании ценностных ориентаций субъекта права. Актуальность статьи связана со значением уголовно-правовых запретов в поддержании правопорядка в России не только на уровне государства, но и граждан. Цель статьи состоит в комплексном исследовании воздействия формы, содержания и смысла уголовно-правовых запретов на ценностные ориентации российских граждан. Используя теоретические наработки культурной криминологии, авторы проанализировали состояние российской правовой реальности и сделали вывод, что уголовно-правовые запреты как социальный конструкт не только демаркируют границы дозволенного поведения, но и воздействуют на формирование ценностных ориентаций правосознания, определяющих степень вовлеченности/исключенности индивида в функционирование и развитие правовой реальности.

Ключевые слова: *уголовно-правовой запрет, правообразование, правосознание, культурная криминология, ценностные ориентации, официальный правовой нарратив, правовая реальность*

Для цитирования: *Скоробогатов А.В., Скоробогатова А.И., Рыбушкин Н.Н. Уголовно-правовые запреты и формирование правосознания // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 184–188. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-184-188.*

Современная правовая реальность характеризуется трансформацией отношения граждан к содержанию и практике применения уголовного права. Все больше внимания в правосознании уделяется их ценностному содержанию и возможности их использования для защиты прав и законных интере-

сов человека. Это сопровождается актуализацией интереса к уголовно-правовому запрету не только догматически, но и аксиологически [1]. На первый план выступает проблема использования запрета для воздействия на правосознание и формирование ценностных ориентаций индивида. Это предполагает необходимость комплексного обращения к исследованию формы, содержания и смысла уголовно-правового запрета как средства поддержания правопорядка.

Методологически статья базируется на постулатах культурной криминологии, ставящей в центр уголовно-правовых исследований культурное измерение, эксплицирующее отношение социума к содержанию и нарушению правопорядка [2, p. 22]. Именно культура порождает уголовно-правовые запреты и определяет их смысл и содержание.

Правовое поведение индивида является экспликацией его ценностных ориентаций, которые конструируются на уровне сознания в процессе правовой социализации. Индивид в процессе социализации может выступать как активным субъектом (адресантом), так и пассивным (адресатом). В первом случае он способен оказывать воздействие на формирование ценностных ориентаций других лиц либо в процессе вертикальной коммуникации, когда его деятельность, связанная с влиянием на сознание окружающих, детерминирована его правовым статусом или социальным авторитетом, либо горизонтально, соучаствуя наряду с другими участниками коммуникации в выработке конвенционального решения о поведении, приемлемом, необходимом или запрещенном для сообщества, с которым он себя идентифицирует. Во второй ситуации индивид выступает лишь потребителем информации о должных, запрещенных и разрешенных действиях, которые необходимы для поступательного развития и эффективного функционирования социума. Такой подход к конструированию правового поведения индивида характерен как для неинституционализированных сообществ на догосударственной стадии развития, так и для государственно организованных обществ, хотя для последних характер участия индивида в конструировании правового поведения в значительной степени детерминирован господствующим типом государственно-правового режима. Для авторитарных и тоталитарных режимов больше характерна вертикальная коммуникация, в которой в качестве адресанта выступает политическая элита, а адресатом является гражданин или подданный. При демократическом режиме преимущественно используется горизонтальная коммуникация, при которой индивид одновременно выступает адресатом и адресантом, принимая активное участие в формировании правил поведения, которые необходимы для обеспечения правопорядка и безопасности в социуме, членом которого он является формально и с которым он себя идентифицирует на основе ценностных ориентаций. Как следствие, при демократическом режиме большое внимание уделяется гарантиям прав и свобод граждан не только в частных, но и в публичных отраслях права, а запрет зачастую рассматривается в качестве средства обеспечения этих прав не только со стороны общества, но и государства.

Конструируемые правила поведения выступают вербальной формой правовой информации, предназначенной для легального и легитимного воздействия на ценностные ориентации неофитов в процессе правовой социализации и служат специфичными сигналами, направленными на поддержание, побуждение и поощрение к совершению социально приемлемых и государственно одобряемых действий и, напротив, ограничению или запрету, действий негативной и деструктивной интенциональности. Несмотря на то, что конструируемые правила могут иметь различные формы, ориентация российской правовой реальности на нормативность предполагает, что преимущественно они представлены вербально, что обуславливает необходимость пристального внимания при их конструировании не только на содержание, но и на форму представления как в контексте юридической техники, так и в контексте правовой семиотики, акцентирующей внимание на доступность языковых кодов, их соответствии лингвокультурной картине мира, существующей в данном пространственно-временном континууме [3]. Эффективность запрета в обеспечении правопорядка обусловлена национальным менталитетом и социокультурной средой, которая формирует стереотипы правового поведения в зависимости от конституционно-правового закрепления социально-политических и социально-экономических тенденций развития общества [4].

В российской правовой реальности единственным правообразователем, творцом уголовно-правовых запретов выступает государство, которое обеспечивает запретам легальный характер, включив их в текст нормативных правовых актов и обеспечив нормативными средствами судебную деятельность в качестве применения и интерпретации запретительных норм [5]. Формируя официальный правовой нарратив, государство демаркирует перечень разрешенных и запрещенных деяний и устанавливает фреймы поведения человека, оказывающие воздействие на общественные отношения как охранительно-регулятивно, так и психологически. Поддержание правопорядка зависит не только от наличия у государства принудительного механизма, но и от готовности граждан соблюдать установленные предписания в силу их восприятия в качестве необходимых средств удовлетворения индивидуальных и коллективных интересов и потребностей. При этом правовая культура общества в значительной

мере определяет содержание групповой культуры. Несмотря на то, что ценностные ориентации социальных групп включают в себя не только юридическую, но и нравственную составляющую (особенно значимую в традиционном обществе), в современном мире профессиональная этика все больше формализуется и юридизируется. Как следствие, этические запреты трансформируются в правовые, нарушение которых влечет за собой применение мер юридической ответственности.

Расширение пределов правового регулирования, характерное для современной правовой реальности с ее стохастичностью и релятивизмом, предполагает, что классическое уголовное право, ориентированное на применение возмездия и ограничение совершения деяний, которые показали свой негативный характер в процессе социального взаимодействия предыдущих поколений, не в полной мере подходит для защиты общества от некоторых современных угроз, таких как терроризм или киберпреступность. Речь должна идти не только о расширении криминализации и пенализации [6], но и о принципиально ином восприятии уголовно-правового запрета в обеспечении правопорядка. Нам представляется, что охрана и поддержание общественного порядка и общественной безопасности являются государственной задачей прогностического типа, которая может быть обеспечена только в том случае, если государство способно формулировать уголовно-правовые запреты не столько ретроспективно, сколько проспективно, оценивая современные угрозы, руководствуясь общим контекстом социокультурного развития общества [7]. Основное внимание при этом должно уделяться роли уголовного права в защите не общественных отношений, а правовых ценностей, на что акцентировано внимание в конституционных новеллах 2020 г. [8, с. 15] В этой связи не только допустимы, но даже поощряемы нормативно закрепленные уголовно-правовые запреты, которые не применяются на практике. Эффективность запрета будет определяться как его вербальным выражением, максимально ориентированным на культурные коды данного социума, так и разъяснением смысла запрета и его значения для обеспечения правопорядка и национальной безопасности в процессе правовой социализации. При этом можно говорить о воздействии уголовно-правового запрета не только на человека, совершившего преступное деяние, но и на широкий круг лиц, которые осуществляют уголовно-правовое познание в процессе социализации и благодаря знакомству с запретами конструируют в своем сознании ценностную установку на несовершение действий, которые демаркированы как запрещенные.

Ориентация современного общества на легальность [9] предполагает, что повседневные социальные практики, в которых принимает участие индивид, основаны на множестве институциональных ограничений и правовых текстов, регулирующих общественную жизнь, для обозначения которых в социальной семиотике используют термин «институционально-правовые тексты» [10], которые составляют официальный юридический нарратив [11, с. 23]. Речь при этом идет не только о нормативных правовых актах, а обо всей совокупности текстов, имеющих официальное происхождение и несущих правовую информацию, способных воздействовать на формирование ценностных ориентаций субъекта и целенаправленность его правовых действий. Лингвистической единицей таких текстов, эксплицирующей средства правового регулирования, выступает вербальный знак, выражающий уведомление о регулировании социального поведения людей в конкретной повторяющейся жизненной ситуации в течение относительно длительного периода времени. Литеральность используемых при этом средств носит обязательный характер и является не только одной из форм официального выражения определенности права и передачи смысла юридической нормы, но и обеспечивает наиболее эффективное воздействие этого смысла на сознание субъекта с целью формирования ценностных установок на осуществление правомерных действий.

Традиционно важнейшим средством правового регулирования, имеющим языковое выражение, выступает запрет, устанавливающий ограничение для совершенных субъектом действий, которые могут привести к негативным последствиям или имеют деструктивное содержание [12]. Хотя имплицитно запреты присутствуют в любой норме права [13, с. 14], нас в данной статье интересуют только запреты в сфере уголовно-правового регулирования (уголовно-правовые запреты). В соответствии с общими принципами уголовного права преступлением может считаться только деяние, которое прямо запрещено законом и которое закон уже признал таковым до его совершения, и что к виновному может быть применено только наказание, которое закон уже предписал или которым угрожал в момент совершения деяния. В этом смысле уголовно-правовой запрет может рассматриваться как специфическая правовая конструкция, вербально описывающая общественное отношение, которое в идеальной правовой реальности не должно существовать в силу своего негативного или деструктивного значения для этой реальности [14, с. 17]. Это позволяет рассматривать уголовно-правовой запрет и преступление, которое им ограничивается, не только в юридическом, но и в социальном контексте [15].

Формулируя уголовно-правовой запрет и объявляя деяние преступлением, законодатель, с одной стороны, ограничивает индивидуальную свободу человека; с другой стороны, граждане могут действовать правомерно только при условии осознания правовой позиции государства относительно содержания

и смысла запрета, его места в организации и функционировании правовой реальности. Правовые последствия, заранее установленные законом, исключают произвол судебного решения и содержат гарантию для виновного, делая тяжесть правовых последствий преступления заранее предсказуемой. Это связано с характерной для континентального права ориентацией при квалификации преступного деяния на объект и объективную сторону состава преступления, которым больше всего места уделено в тексте запрета.

Включение таких языковых конструкций в официальный юридический нарратив делает их соблюдение общеобязательным для всех лиц, имеющих устойчивую правовую связь с государством, установившим соответствующие нормы, и идентифицирующих себя с обществом, выразителем интересов которого выступает данное государство. Однако если соблюдение позитивного обязывания предполагает воспроизводство нормативного эталона, то в отношении запрета действия субъекта должны носить прямо противоположный характер: соблюдение запрета предполагает воздержание от совершения деяния, модель которого сформулирована в диспозиции запретительной нормы [16].

Запрет может быть сформулирован как позитивно, так и негативно. В первом случае речь идет о конструировании с помощью вербальных знаков установки на ограничение в совершении действий, которые могут привести к негативным последствиям для общества, разрушая демаркированный законодательством общественный порядок. Под вторым случаем мы имеем в виду закрепление в законодательстве обязанностей индивида, нарушение которых может привести к отрицательному воздействию на систему социальных отношений, которая была нормативно определена государством и является условием обеспечения и поддержания правопорядка и национальной безопасности. Однако независимо от особенностей формулирования, речь идет о директивном значении запрета в правовом регулировании и возможности его функционирования не только онтологически, но и аксиологически. В последнем случае можно говорить о существовании не сформулированного вербально запрета, который воспринимается субъектом на основе обращения к принципам уголовно-правового регулирования. В качестве таких запретов можно указать, например, запрет на применение более тяжкого уголовного наказания, чем существующее в момент совершения преступления; запрет на неопределенность уголовного закона; запрет обычного права или судебного права, устанавливающего уголовную ответственность и ужесточающего уголовные санкции; запрет на аналогию права или закона при принятии судебного решения по уголовным делам [17].

Последняя ситуация особенно характерна для судебных актов, которые не только интерпретируют, но и конкретизируют законодательные запреты, а также демаркируют поведение отдельных субъектов в рамках нормативно установленного правового пространства [18]. Несмотря на то что основное внимание в условиях характерного для российской правовой реальности нормативного правопонимания уделяется резолютивной части, для воздействия на правосознание не меньшее значение имеет мотивировочная часть, содержащая указание на те юридически значимые обстоятельства и нормативные смыслы, которые детерминируют квалификацию судом деяния в качестве преступного. Суд не только соотносит деяние с законодательно сформулированным запретом, но и конкретизирует последний по отношению к отдельным лицам, уточняя содержание нормы юридически и (или) социально. При этом происходит вербальная трансформация обобщенной правовой информации и перевод официального правового нарратива в общедоступную публичную информацию, направленную на объяснение содержания и смысла законодательного запрета. Ссылка в судебном акте на статью закона и использование соответствующей терминологии включает решение в правовое поле и расширяет его, персонифицируя и адаптируя к интересам и потребностям отдельного субъекта. В этом смысле судебное решение, прежде всего приговор, можно рассматривать не только как конкретизацию запрета в пределах нормативно определенной структуры, но и его пространственное дополнение. Однако это не означает, что суд порождает новый запрет. Речь идет лишь о корректировке имеющихся запретов в демаркированных государством границах. Обращение к судебной практике способствует усилению ценностного воздействия запрета на сознание и поведение адресата правовой коммуникации, поскольку благодаря судебным актам граждане получают не абстрактный эталон правомерного поведения, а конкретный пример действий, совершение которых влечет за собой применение мер юридической ответственности.

Таким образом, уголовно-правовые запреты как социальный конструкт являются результатом правообразовательной деятельности государства и эксплицируют официальный юридический нарратив, форма, содержание и смысл которого детерминированы уровнем культурного развития социума в пределах определенного пространственно-временного континуума. В этом смысле уголовно-правовой запрет выступает одной из ведущих правовых ценностей, аксиологической основой правовой реальности. Будучи вербальной формой правовой информации, запреты не только демаркируют границы дозволенного поведения и определяют фреймы действий, ограничение на совершение которых детерминировано их негативными последствиями и деструктивным содержанием, но и воздействуют на формирование ценностных ориентаций правосознания, которые, в свою очередь, определяют понимание индивидом

правовой реальности и степень его вовлеченности/исключенности в ее функционирование и развитие. Значение запретов особенно возрастает в кризисные периоды развития государства и общества, когда особенно необходима мобилизация сил для поддержания правопорядка и национальной безопасности.

Литература:

1. Cornford A. The Aims and Functions of Criminal Law // The Modern Law Review. 2024. Vol. 87(2). P. 398–429. DOI: 10.1111/1468-2230.12846.
2. Ferrell J., Hayward K., Young J. Cultural Criminology: An Invitation. London: Sage, 2008. 240 p.
3. Kelemen Já. A Semiotics of Prohibition: Boundaries and Exclusion in the Divine Comedy // Hungarian philosophical review. 2021. Vol. 65(2). P. 126–135.
4. Золотухин В.М., Тарасенко А.А. Социально-философский аспект специфики уголовного правоприменения в Российской ментальности // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 3. С. 55–60.
5. Hessick F.A., Hessick C.B. Constraining criminal laws // Minnesota Law Review. 2022. Vol. 106. P. 2299–2361.
6. Aaronson E., Shaffer G. Defining crimes in a global age: Criminalization as a transnational legal process // Law & Social Inquiry. 2021. Vol. 46. Iss. 2. P. 455–486. DOI: 10.1017/lsi.2020.42.
7. Идрисов Н.Т. К вопросу о концептуальной формуле прогнозирования уровня противодействия уголовно-правовым запретам // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 63–67. DOI: 10.24412/2073-0454-2025-1-63-67.
8. Лазарев В.В. Ценностно-идеологический подход к оценке новелл Конституции РФ // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 2. С. 11–17.
6. Silbey S.S. Legal culture and cultures of legality // Routledge Handbook of Cultural Sociology. 2nd. Abington: Routledge, 2018. P. 426–435.
10. Kozhemyakin E., Dubrovskaya T. Regulating social behaviour by multimodal public signs: Semiotic pragmatics of prohibition // Multimodality, digitalization and cognitivity in communication and pedagogy. Cham: Springer, 2021. P. 27–48. DOI: 10.1007/978-3-030-84071-6_3.
11. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовая реальность транзитивного общества: дискурс и нарратив. СПб.: Алетейя, 2024. 556 с.
12. Скоробогатов А.В., Рыбушкин Н.Н. Запрет как онтологическая основа правовой реальности России // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10. № 3 (39). С. 108–115. DOI: 10.21202/1993-047X.10.2016.3.108-115.
13. Братко А.Г. Запреты в советском праве / Под ред. Н.И. Матузова. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1979. 92 с.
14. Рыбушкин Н.Н. Запрещающие нормы в советском праве. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990. 111 с.
15. Майстренко Г.А. Преступность как негативное социальное явление в Российской Федерации на современном этапе // Российский научный вестник. 2025. № 1. С. 192–196. DOI: 10.24412/2782-3830-2025-1-192-196.
16. Микаутадзе С.Р. Правовой запрет в механизме уголовной политики государства // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 2. С. 273–280. DOI: 10.20310/2587-9340-2025-9-2-273-280.
17. Ferenc N. Az anyagi büntetőjog és az alkotmány // Acta Universitatis Szegediensis: acta juridica et politica. 1996. T. 47. P. 79–95.
18. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовое пространство: постклассическая интерпретация // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 3(8). С. 81–88.

Legal Prohibitions and the Formation of Legal Consciousness

Skorobogatov A.V., Skorobogatova A.I.
Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov
Rybushkin N.N.
Kazan (Volga) Federal University

This article examines the role of criminal prohibitions in shaping the value orientations of legal entities. The article's relevance stems from the importance of criminal prohibitions in maintaining law and order in Russia, not only at the state level but also at the citizen level. The article aims to comprehensively examine the impact of the form, content, and meaning of criminal law prohibitions on the value orientations of Russian citizens. Drawing on theoretical insights from cultural criminology, the authors analyzed the state of Russian law reality and concluded that criminal prohibitions, as a social construct, not only demarcate the boundaries of permitted behavior but also influence the formation of value orientations of legal consciousness, determining the degree of an individual's involvement/exclusion in the functioning and development of law reality.

Keywords: criminal prohibition, legal education, legal consciousness, cultural criminology, value orientations, official legal narrative, law reality

УДК 347.91/.95
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-189-193

ИИ-агенты в цивилистическом процессе: влияние на правоотношения, вопросы их правомерного использования

Хабибуллин М.И.
Аспирант кафедры экологического,
трудового права и гражданского процесса
Казанского (Приволжского) федерального университета

В связи со стремительным развитием технологии искусственного интеллекта на передний план выходят создаваемые на ее основе средства (в том числе ИИ-агенты), позволяющие выполнять задачи, которые ранее могли быть выполнены исключительно человеком. К кругу задач, которые могут выполняться ИИ-агентами, относятся и задачи, которые стоят перед участниками цивилистического судопроизводства. Так, технология ИИ-агентов подразумевает возможность автономного совершения действий, аналогичных тем, которые вправе совершать участники цивилистического процесса, в связи с чем исследования на поставленную тему являются актуальными. Целями данного исследования являются анализ влияния ИИ-агентов на цивилистические процессуальные отношения и рассмотрение вопроса о правомерном применении ИИ-агентов в цивилистическом судопроизводстве. В связи с этим в статье подробно рассмотрена проблема места ИИ-агентов в цивилистическом судопроизводстве, в чем выражается её научная значимость. Кроме того, статья имеет и практическое значение: в ней изложен возможный правомерный способ применения ИИ-агентов на основании текущего законодательства. В ходе исследования был сделан ряд выводов о том, что, хотя ИИ-агенты и способны де-факто влиять на правоотношения, однако, поскольку они не являются акторами (в т. ч. субъектами права), это влияние не выражено юридически. И хотя возможность изменения правоотношений де-юре не исключена в будущем, такой подход столкнётся с фундаментальными трудностями на уровне теории права. Тем не менее правомерное использование ИИ-агентов возможно и на сегодняшний день.

Ключевые слова: *ИИ-агенты, цивилистическое судопроизводство, гражданский процесс, арбитражный процесс, искусственный интеллект*

Для цитирования: *Хабибуллин М.И. ИИ-агенты в цивилистическом процессе: влияние на правоотношения, вопросы их правомерного использования // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 189–193. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-189-193.*

Научно-технический прогресс на протяжении веков является движущей силой развития экономики. В современном обществе одним из ключевых катализаторов экономического прогресса является развитие IT-технологий, в том числе инновационных (таких как искусственный интеллект). Одной из последних вех развития искусственного интеллекта является появление технологии ИИ-агентов.

ИИ-агенты по общему определению представляют собой автономные системы, которые используют методы искусственного интеллекта для выработки обоснованных решений при достижении поставлен-

ных целей [1, с. 13]. Иначе говоря, продвинутые ИИ-агенты за счет автономности при принятии решений (а в некоторых случаях и при реализации принятых решений) способны полностью или частично справляться с задачами, поставленными перед отдельными специалистами, в том числе в сфере юриспруденции.

Несмотря на то, что на сегодняшний день ИИ-агенты в сфере юриспруденции не имеют широкого распространения, с учетом темпов развития технологии применение этого инструмента кратно увеличится: снизится стоимость внедрения технологии, увеличится её эффективность, появятся массовые решения [2, с. 76–77].

Для наглядности потенциала этой технологии с точки зрения цивилистического судопроизводства целесообразно представить себе ИИ-агента, обученного автономно (в соответствии с данным ему заданием) анализировать поступившие материалы по судебному делу, составлять на них мотивированные ответы, принимать процессуальные решения, обладающего функционалом самостоятельно направлять процессуальные документы посредством средств электронного правосудия.

Перечисленные выше функции коррелируют с правами и полномочиями участников цивилистического судопроизводства, а также соответствуют умениям, необходимым для представления интересов в судах (как для самих лиц, участвующих в деле, так и для представителей).

Более интересным представляется тот факт, что такой ИИ-агент, например, при обжаловании судебного акта первой инстанции путем подачи апелляционной или частной жалобы таким образом как бы де-факто может создать новые процессуальные правоотношения по поводу рассмотрения спора в апелляционной инстанции. По крайней мере, им выполняется так называемый «материальный момент» [3, с. 7].

Может ли ИИ-агент действительно создавать правоотношения? Де-юре, безусловно, на текущий момент ИИ-агент никаких правоотношений создать не может, поскольку в результате его действий не возникает юридического факта [4, с. 95]. Однако правоотношения де-юре могут быть созданы тем, от чьего имени он действует (т.е. в таком случае их создает подписант документа). Так, ИИ-агент в настоящий момент не является лицом (ни физическим лицом, ни юридическим): не обладает правосубъектностью. Поэтому ИИ-агент не может быть не только тем, чьи действия создают правоотношения, но и быть субъектом правоотношений [5, с. 36].

Существуют ли принципиальные ограничения на уровне теории права, которые запрещали бы ИИ-агенту иметь правосубъектность даже в перспективе (исходя из текущего объема понятия правосубъектности)? Ответ на этот вопрос стоит построить в первую очередь на основании реалистичного, а не мифологизированного представления о современной технологии искусственного интеллекта, где ИИ – это не сущность, которая в потенциале сможет обладать личностью и волей, а сложная автономная программа [6, с. 470–475].

Так, принципиальных, основополагающих ограничений, которые запрещали бы ИИ-агенту иметь правосубъектность не существует, поскольку ей способны обладать также искусственные образования, не имеющие самостоятельной воли (почему вопрос воли является важным, рассмотрим далее). Примером такой искусственной конструкции является обыкновенное юридическое лицо.

Однако следует отметить, что юридические лица наделяются правоспособностью в соответствии с экономическими целями: способность юридического лица иметь отдельные от лиц, его учредивших, права и нести отдельные обязанности, позволяет разнообразить экономический оборот, дает правовую свободу для экономического развития. Есть ли смысл наделять такое искусственное образование, как ИИ-агент, правосубъектностью? И в случае с юридическим лицом, и в случае с ИИ-агентом деятельность последних связана с волей конкретного физического лица (лиц), однако в случае с юридическим лицом необходимость возможности иметь права, обязанности, нести ответственность связана с наличием у такого образования обособленного имущества и с управлением этим обособленным имуществом. В случае же с ИИ-агентом не понятно, чем может быть обусловлена необходимость в наличии правосубъектности.

Интересным представляется вопрос некоторого сходства ИИ-агента как автономной единицы с представителем в рамках цивилистического процесса (намеренно не рассматривается вопрос о формальных юридических отличиях, поскольку ответ на него уже очевиден: представитель является физическим лицом и самостоятельно обладает правосубъектностью и волей, однако не в рамках отношений, которые возникают по поводу представительства). Представитель не наделяется правами (он исключительно осуществляет права от имени доверителя). Точно так же, как и ИИ-агент, осуществляет права от имени давшего ему поручение лица. Действия представителя порождают юридические последствия для доверителя [7, с. 131]. Поскольку ИИ-агент не способен на юридические действия, следует отметить, что его фактически действия также порождают юридические последствия для лица, от чьего имени он совершает действия. Что касается волеизъявления, доверитель в момент выдачи «судебной доверенности» выражает свою волю в том, что в дальнейшем его волю будет выражать представитель, то есть все дальнейшие действия осуществляются в рамках воли

доверителя. Запуская в работу ИИ-агента, лицо также выражает волю, и все дальнейшие действия ИИ-агента выражают волю лица.

В связи с этим возникает вопрос: следует ли также урегулировать полномочия ИИ-агента и выделить его законодательно в качестве участника процесса? Существование отдельных правовых норм, регулирующих процессуальные отношения, связанные с участием доверенного лица, необходимы, поскольку любой индивид, потенциально способный быть доверенным лицом, обладает самостоятельной волей и правосубъектностью. Это нужно для того, чтобы удостоверить то, что это лицо действует от имени и в рамках воли доверителя, и его действия порождают соответствующие юридические последствия для последнего. ИИ-агент не обладает самостоятельной волей, являясь сложной программой, он выполняет исключительно предписанные ему действия. Также, поскольку ИИ-агент не имеет правосубъектности, то, что он осуществляет автономную работу в интересах лица, от имени которого он осуществляет эту работу, должно презюмироваться.

Кроме того, представитель способен вступать в самостоятельные процессуальные правоотношения с судом, например, связанные с наложением на представителя судебного штрафа за неуважение к суду (ч. 5 ст. 119 АПК РФ) [8], что обусловлено наличием у него правосубъектности. Рассматривая вопрос о лице, на которое возможно наложить судебный штраф, в случае если неуважение к суду было выражено в результате фактических действий ИИ-агента, следует отметить, что вина не является обязательным атрибутом такой ответственности: практика в арбитражных судах сложилась таким образом, что, например, в случае с государственными органами штраф накладывается на руководителя территориального органа данного государственного органа [9, с. 55]. Следовательно, поскольку ИИ-агент не является лицом, подобный штраф может быть наложен на лицо, в чьих интересах (или от чьего имени) он действует. Отдельное урегулирование в этой части также не требуется.

Рассуждая о потенциальной возможности создания ИИ-агентом процессуальных правоотношений, следует отдельно отметить отдельные особенности юридических фактов, на основании которых могут создаваться процессуальные правоотношения: ими могут быть исключительно юридические действия. Последние, в свою очередь, в соответствии с доктриной теории государства и права, могут быть совершены только по воле людей. Поэтому даже в случае, если когда-либо законодательство претерпит изменения и в нем будет закреплен статус ИИ-агента, регулирование может столкнуться с противоречиями на фундаментально-правовом уровне.

Чем в таком случае с точки зрения юриспруденции является автономная работа ИИ-агента, выраженная в отдельных фактических действиях? ИИ-агент действует исходя из фактического предписания, выданного ему лицом, в данном предписании выражено волеизъявление. Таким образом, все последующие автономные решения и действия, принимаемые ИИ-агентом, являются следствием воли лица, в интересах которого действует ИИ-агент. Таким образом, с этой точки зрения автономная работа ИИ-агента – это работа информационно-технического инструмента. Следовательно, в настоящий момент она юридически ближе к работе объекта права (робота, двигателя).

Возникает вопрос, каким образом описанная конструкция может корректно действовать в правовом поле? Ведь в условиях отсутствия правосубъектности у ИИ-агента ему не могут быть переданы полномочия, в частности, на подписание документов. В качестве средства «подписания» процессуальных документов ГПК РФ предусматривает обычную, электронную подпись и усиленную квалифицированную электронную подпись. Несмотря на то что передать право подписи ИИ-агенту юридически невозможно, это можно сделать фактически. Известно, что судебные документы, подписанные неуполномоченным лицом, не являются действительными (даже если они подписываются с помощью факсимильной подписи [10, с. 66] или ЭЦП другим лицом с ведома де-юре подписанта). Однако поскольку ИИ-агент не является лицом, а автономной программой, передача (предоставление) доступа пользования ЭЦП к этой программе является правомерной. Также правомерным является предоставление программе аутентификационных данных для доступа к личному кабинету электронного правосудия. Этот же подход справедлив и для случая, когда ИИ-агент используется доверенным лицом при представлении интересов доверителя. Таким образом, с точки зрения цивилистических процессуальных правоотношений не происходит никаких изменений: они также возникают только между судом и участниками процесса, а от использования ИИ-агентов их структура и содержание не изменяются. Фактических изменений в процессуальных отношениях также не может произойти, поскольку последние могут существовать только в случае, если урегулированы правом (только в виде правоотношений).

Из положений Гражданского процессуального кодекса РФ [11], Арбитражного процессуального кодекса РФ нам известна правовая категория «участники процесса» (гл. 4 ГПК РФ, гл. 5 АПК РФ), законодательно разделяемая на лиц, участвующих в деле (стороны, заявитель, третьи лица, прокурор, государственные органы) и других участников процесса (свидетель, эксперт, переводчик, представитель и т.д.) [12, с. 225]. Очевидно, что статус участника в рамках текущего законодательства и исходя из описанных норм, подразумевает наличие право-

субъектности как обязательного атрибута. Однако это не исключает введения иной правовой категории для регулирования использования ИИ-агентов в рамках цивилистического процесса в будущем. Наличие или отсутствие необходимости подобного регулирования станет очевидным только после более масштабного внедрения ИИ-агентов в цивилистическое судопроизводство.

Открытым остается вопрос о возможности потенциального наделения ИИ правосубъектностью в части совершения действий как юридических фактов, т.е. способностью создавать процессуальные правоотношения, однако этот вопрос в первую очередь лежит на уровне нейробиологии и философии. На сегодняшний день искусственный интеллект является исключительно продвинутой программой, не обладает сознанием, эмоциями и волей, следовательно, рассмотрение вопросов наделения его такого рода правосубъектностью в рамках науки юриспруденции в настоящий момент представляется некорректным [13, с. 24].

Таким образом, из круга исследованных вопросов можно сделать следующие выводы: во-первых, поскольку актуальным остается вопрос о потенциале влияния ИИ-агентов на правоотношения, был сделан вывод о том, что, хотя принципиальных ограничений для этого не имеется, однако могут возникнуть противоречия на фундаментальном уровне теории права; во-вторых, на сегодняшний день существует механизм, в рамках которого стороны имеют возможность применять ИИ-агентов таким образом, чтобы оставаться при этом в правовом поле, этот механизм описан в настоящей работе.

Кроме того, очевидно, что как в настоящий момент, так и в ближайшей перспективе, ИИ-агенты являются и будут являться исключительно правовым инструментом, за результат от автономной работы которого отвечает подписант. В случае если ИИ-агент в результате сбоя начнет действовать не в соответствии с интересами лица, все юридические последствия от этого будет нести лицо, участвующее в деле, от имени которого действует ИИ-агент. Использование ИИ-агентов никаким образом не видоизменяет цивилистические процессуальные правоотношения. Тем не менее на сегодняшний день их использование возможно в рамках правового поля. Таким образом, в рамках настоящей статьи исследованы влияние ИИ-агентов на цивилистические процессуальные правоотношения и способы правомерного использования ИИ-агентов в цивилистическом судопроизводстве.

Литература:

1. Намиот Д.Е., Ильюшин Е.А. О кибербезопасности ИИ-агентов // International Journal of Open Information Technologies. 2025. Т. 13. № 9. С. 13–24.
2. Гузенко О.И., Балябин Д.С. ИИ-агенты в управлении проектами: возможности, ограничения и стратегии интеграции // Вестник проектного управления. 2025. Т. 1. № 2. С. 71–78.
3. Исаков В.Б. Фактический состав в механизме правового регулирования. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1980. 128 с.
4. Фролович Э.М. Понятие юридических фактов в гражданском судопроизводстве // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 3. С. 93–96.
5. Кузнецов С.В. Институт правосубъектности в общей теории права: основные подходы и взгляды // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 3. С. 35–38.
6. Кузнецов О.П. О машинном обучении, мифах о сильном искусственном интеллекте и о том, что такое понимание // Онтология проектирования. 2024. Т. 14. № 4. С. 466–482.
7. Гринь Е.А. О судебном (процессуальном) представительстве и представительстве по назначению суда // Аграрное и земельное право. 2020. № 9. С. 129–132.
8. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (в актуальной редакции) // Российская газета. 2002. 27 июля.
9. Зайков Д.Е. Проблемы определения субъекта ответственности в виде судебного штрафа в арбитражном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 4. С. 49–56.
10. Светличный А.Д.. Использование факсимиле подписи при отправлении правосудия по гражданским делам // Российская юстиция. 2019. № 6. С. 65-67.
11. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в актуальной редакции) // Российская газета. 2002. 20 ноября.
12. Воронов А.Ф. О классификации участников гражданского процесса // Актуальные проблемы государства и права. 2019. Т. 3. № 10. С. 224–234.
13. Березина Е.А. Правовое положение интеллектуальных программных агентов // Философия права. 2023. № 4. С. 22–31.

AI Agents in Civil Law Proceedings: Influence on Legal Relations, Issues of their Lawful Use

Khabibullin M.I.
Kazan (Volga Region) Federal University

Because of the rapid development of artificial intelligence technology, tools based on it (including AI agents) are becoming increasingly important. These tools enable tasks that could previously only be performed by humans. The range of tasks that can be performed by AI agents includes those faced by participants in civil legal proceedings. Thus, AI agent technology implies the ability to autonomously perform actions similar to those authorized to participants in civil proceedings, making research on this topic relevant. The objectives of this study are to analyze the impact of AI agents on civil procedural relations and to examine the lawful application of AI agents in civil proceedings. Therefore, this article examines in detail the role of AI agents in civil proceedings, thereby demonstrating its scientific significance. Furthermore, the article also has practical significance: it outlines a possible lawful method for using AI agents based on current legislation. The study concluded that although AI agents are capable of de facto influencing legal relations, since they are not actors (including legal entities), this influence is not legally manifest. While the possibility of changing de jure legal relations is not excluded in the future, such an approach will face fundamental difficulties at the level of legal theory. Nevertheless, the lawful use of AI agents is still possible today.

Keywords: AI agents, civil proceedings, civil procedure, arbitration process, artificial intelligence

УДК 316.4
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-194-198

Особенности городского активизма студенческой молодежи г. Казани

Алексеев С.А.
Кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного управления, истории, социологии Казанского национального исследовательского технологического университета

В статье рассматриваются вопросы, связанные с таким социальным феноменом жизнедеятельности в городе, как городской активизм, который является важным инструментом позитивного преобразования городской среды. Цель исследования – выявить особенности городского активизма студенческой молодежи. Изучение городского активизма студенческой молодежи позволяет лучше понять механизмы формирования гражданской позиции у молодого поколения и роль молодого поколения в развитии городской среды и создании местных сообществ. Автором рассмотрены основные теоретические положения подходов к изучению городского активизма как западных, так и отечественных исследователей. В статье представлены результаты авторского эмпирического исследования особенностей городского активизма студенческой молодежи города Казани: выявлено отношение студенческой молодежи к городской среде и участию в городском активизме, установлены основные практики и факторы вовлечения студенчества в городской активизм. Полученные результаты свидетельствуют о значительном интересе студенческой молодежи к городскому активизму и его потенциале. Результаты исследования вносят вклад в методологию и методику изучения городского активизма студенческой молодежи. Практическая значимость заключается в возможности использовать полученные результаты при планировании мероприятий по формированию активной гражданской позиции и патриотическому воспитанию молодежи.

Ключевые слова: *городской активизм, городская среда, молодежь, студенчество, городские проблемы, управление городом*

Для цитирования: *Алексеев С.А. Особенности городского активизма студенческой молодежи г. Казани // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 194–198. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-194-198.*

В настоящее время внимание целого ряда социальных наук сконцентрировано на таком сложном для изучения социально-территориальном образовании, как город.

Изучение феномена городского активизма в рамках социологической науки стало сегодня одним из важных элементов для понимания процессов управления развитием городской среды. Благодаря успешной реализации проектов городских активистов, ориентированных на реальные потребности людей, создаются комфортные условия для жизни в городе. Также практики городского активизма способствуют укреплению местных сообществ и повышают доверие общества к власти.

Заметим, что обращение к городскому активизму важно и в рамках изучения патриотизма молодежи. Так, современные исследователи патриотизма среди его составляющих выделяют практически-деятель-

ный компонент, представленный готовностью к действиям на благо своей родины. Степень сформированности этого компонента в значительной степени проявляется в активной вовлеченности в деятельность, направленную на позитивные изменения городской среды [1; 2].

В современной исследовательской литературе мы можем встретить различные определения понятия «городской активизм» и подходов к его изучению. Ряд авторов рассматривает городской активизм как общественное движение. Так, Н.Л. Антонова и С.Б. Абрамова определяют «городской активизм» как индивидуальные и/или коллективные социальные действия, имеющие добровольный публичный альтруистический неполитический характер [3, с. 96]. Авторы отмечают, что городской активизм отличается многообразием проявлений, в силу которых сложно классифицировать его виды. Основанием такой классификации может выступать количество участников (активизм отдельного участника или коллектива участников), временная характеристика (проявление активизма в конкретной единичной ситуации или активизм, имеющий устойчивый постоянный характер), пространственная характеристика (проявление активизма в пределах конкретной локации или на обширной территории) [3, с. 96].

А.А. Желнина, Е.В. Тыканова определяют городской активизм как коллективную самоорганизацию горожан, направленную на получение возможности участия в городском управлении [4, с. 164]. Исследователи отмечают связь гражданского активизма с гражданскими инфраструктурами, которые могут носить формальный или неформальный характер. Первые представляют собой юридически закрепленные инструменты участия в управлении населенным пунктом, вторые – низовую самоорганизацию на основе социальных сетей и знакомств [4, с. 166].

М.А. Чернова и М.Н. Королева также указывают, что деятельность городских активистов схожа с некоторыми аспектами деятельности общественных движений. Городские активисты реагируют на городские проблемы, пытаясь изменить городскую среду к лучшему и отстаивая свои ценности [5, с. 94].

Для О. В. Паченкова, Л. В. Воронковой активизм представляет собой активную жизненную позицию, которая сопровождается безвозмездной деятельностью по изменению всех сторон жизнедеятельности общества (социальной, культурной, политической, материальной). В случае когда объектом активизма является городская среда, можно говорить о городском активизме [6, с. 254]. Авторы предлагают выделять два вида городского активизма: «защитный», предполагающий деятельность, направленную на сохранение городской среды, прежде всего, городского архитектурного наследия, и «созидательный», предполагающий различные виды деятельности, связанные с позитивными изменениями городской среды [6, с. 255].

Продуктивным подходом для исследования городского активизма является теория городских режимов, основные положения которой были заложены в работах К. Стоуна и С. Элкина [7; 8], в рамках которой акцент делается на вопросах управления городским сообществом.

Так, О.В. Нотман определяет городской активизм как одну из форм гражданского активизма, проявляющегося в процессах, связанных с функционированием «микролокального режима», под которым автор понимает направленное преимущественно на обеспечение качества непосредственной среды жизнедеятельности взаимодействие районных администраций как с отдельными индивидуальными акторами, так и с акторами, объединенными в организации. Это взаимодействие направлено преимущественно на обеспечение качества непосредственной среды жизнедеятельности. Также оно включает взаимодействие отдельных индивидуальных акторов и акторов, объединенных в организации. Особенности городских районов и дифференциация уровней управления определяют множественность и разнообразие микролокальных режимов внутри города. Для современного городского активизма, по мнению О.В. Нотман, характерен уход от действий, имеющих политическую направленность, и обращение к решению проблем городской повседневности, которое сопровождается расширением спектра используемых городскими активистами практик и значимости такой деятельности для социума [9, с. 86].

Е.Н. Рассолова и К.А. Галкин определяют активизм как созидательную кооперацию различных акторов, позволяющую эстетизировать образы как охраняемых, так и создаваемых объектов, что позволяет сделать городскую среду гармоничной и благоприятной для жизни горожан [10, с. 157].

Представляется интересным обратиться к изучению городского активизма студенческой молодежи, так как это социально-демографическая группа, для которой характерно активное формирование мировоззрения, системы ценностей и социальных установок. С этой точки зрения вовлечение студенчества в городской активизм служит возможностью для формирования активной гражданской позиции, позволяет представителям молодого поколения почувствовать себя частью городского сообщества и осознать свою роль в обществе в целом.

Для выявления особенностей городского активизма студенческой молодежи нами в октябре – ноябре 2025 г. был проведен социологический опрос студентов вузов города Казани (КФУ, КНИТУ, КНИТУ-КАИ), объем выборки составил 400 чел. (200 девушек и 200 юношей в возрасте 18–22 года).

Выбор города Казани связан с тем, что столица Республики Татарстан занимает лидирующие пози-

ции по благоустройству городской среды, отличается повышенным вниманием к созданию привлекательных общественных пространств и сохранению памятников архитектуры. Ярким примером таких мероприятий в городе, объединивших городских активистов, являются мероприятия, проводимые в рамках «Том Сойер Феста» – фестиваля, который проводится в Казани с 2016 г. и ставит своей целью улучшение городской среды силами активистов и волонтеров. За прошедшие годы благодаря проекту были приведены в порядок дома на улицах Волкова, Калинина, Лесгафта, Достоевского, Ульянова-Ленина, Парижской Коммуны, Тукая и др. Также в рамках проекта в Казани было создано новое общественное пространство – сквер «Казанские наличники», где представлена собранная неравнодушными жителями уникальная коллекция оконных наличников с утраченных казанских домов. Последнее значимое мероприятие, прошедшее в 2025 г., – современная реконструкция силами волонтеров беседки, существовавшей в 1910-е гг. и утраченной позднее, в Фуксовском саду.

Рассмотрим результаты проведенного исследования. Полученные данные показывают, что большинство опрошенных представителей студенческой молодежи довольны своей жизнью в Казани. Доля таковых составляет 85 % (29 % указали, что они «очень довольны», а 56 % – «скорее довольны»).

Позитивное восприятие городской среды у респондентов формируется прежде всего за счет визуальной эстетики городской среды и чистоты на улицах – на это указали 82 % опрошенных. Для 72 % опрошенных на восприятие городской среды влияет ее безопасность за счет хорошего освещения в ночное время, функционирования систем наблюдения, низкого уровня преступности в целом. Для 61 % опрошенных значимы комфорт и функциональность как непременные атрибуты современного города, проявляющиеся в хорошо продуманных маршрутах общественного транспорта, удобных тротуарах и т.д. На важность для позитивного восприятия городской среды инфраструктуры для повседневной жизни указали 59 % опрошенных – для них важна доступность магазинов, банков, почты и объектов социальной инфраструктуры. На важность для позитивного восприятия городской среды имеющихся в городе возможностей для проведения досуга и творчества указывают 57 % опрошенных. Такие возможности обеспечиваются как объектами инфраструктуры, например коворкингами, кафе, библиотеками, музеями, так и городскими событиями – ярмарками, фестивалями.

Есть и то, что вызывает у респондентов беспокойство. Так, особенно беспокоят представителей молодежи мусор на улицах (доля указавших на это составляет 52 %), а также загрязнение воздуха, неудобный общественный транспорт, проблемы с парковками и автомобильные пробки (доля указавших на это составляет 43 %).

У студенческой молодежи существует запрос на различные формы взаимодействия с городской администрацией при решении городских проблем. Так, например, положительную оценку у опрошенных получило так называемое соучаствующее проектирование, которое проявляется в непосредственном участии граждан в разработке проектов по благоустройству городской среды. Такой оценки в целом придерживаются 77 % опрошенных.

Наиболее же эффективными способами решения городских проблем видятся молодежи в коллективных обращениях в официальные инстанции (мэрия, администрация) (59 %), создание общественного резонанса через средства массовой информации и социальные сети (54 %), участие в официальных общественных обсуждениях и голосованиях (40 %).

Положительным моментом, по полученным данным, является уверенность значительной части молодежи в том, что действия обычных горожан могут реально повлиять на изменения в городе к лучшему. Так, 37 % опрошенных придерживаются мнения, что такие действия безусловно могут повлиять на изменения городской среды в лучшую сторону, а 53 % считают, что могут, но это потребует значительных усилий. Лишь 6 % опрошенных представителей молодого поколения указали, что горожане не могут повлиять на изменения.

Если говорить о личном опыте участия опрошенных в каких-либо городских инициативах, то 42 % опрошенных имеют такой опыт. Как указывают имеющие опыт участия в городских инициативах, это, как правило, субботники и уборка территории (98 %), посадка деревьев, кустарников или цветов (51 %), волонтерство в различных городских проектах (40 %) (рис. 1).

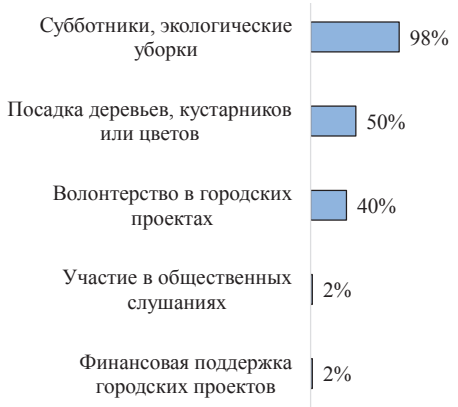

Рис. 1. Формы участия студенческой молодежи в городских инициативах

Не участвующие в городских инициативах объясняют отсутствие такого опыта недостатком свободного времени (39 %) и отсутствием интереса (37 %). В то же время полученные ответы указывают на имеющийся для вовлечения молодежи в городской

активизм потенциал. Так, 19 % сказали, что не знают, с чего начать и куда можно обратиться для того, чтобы внести свой вклад в благоустройство города.

Если говорить о частоте участия молодежи в благоустройстве городской среды, то, согласно полученным данным, 7 % опрошенных занимаются такой деятельностью относительно регулярно – один раз в месяц или чаще, 31 % – несколько раз в год, 38 % – один раз в год или реже.

Эти результаты в определенной степени подтверждаются и ответами респондентов на вопрос о том, готовы ли они жертвовать на участие в городских проектах личное время. Так, 5 % опрошенных готовы уделять этому регулярно несколько часов в неделю, 46 % – готовы уделять время участию в городских проектах, но только эпизодически, для конкретных акций.

Также необходимо отметить, что 32 % опрошенных высказывают готовность жертвовать личные деньги на общественные городские проекты.

Говоря о побудительных мотивах городского активизма у студенческой молодежи, важно отметить, что определяющим мотивом для большинства опрошенных является уверенность в том, что их голоса и действия могут привести к реальным изменениям. На это указали 43 % респондентов. Также, по полученным данным, побудить молодое поколение заниматься решением городских проблем может острая личная необходимость в ситуациях, когда возникающая проблема затрагивает респондента или его семью напрямую (37 %), желание улучшить качество жизни в своем городе для всех (35 %), наличие четких и понятных инструкций, с чего начать деятельность (21 %), появление активного и сплоченного сообщества единомышленников (19 %) (рис. 2).

Рис. 2. Факторы, стимулирующие вовлечение студенческой молодежи в городской активизм

Наибольшую эффективность городских активистов опрошенные видят в решении таких проблем, как благоустройство дворов и общественных пространств (56 %), защита зелёных зон, парков и охрана окружающей среды (50 %), сохранение исторического и архитектурного наследия (36 %) (табл. 1).

Таблица 1

Виды деятельности, в которых городские активисты могут быть наиболее эффективными

Вид деятельности	Доля ответивших, %
Благоустройство дворов и общественных пространств (парки, скверы, набережные)	56
Защита зелёных зон, парков и охрана окружающей среды	50
Сохранение исторического и архитектурного наследия	36
Развитие вело- и пешеходной инфраструктуры	24
Контроль за качеством коммунальных услуг и работой УК/ТСЖ	26
Борьба с точечной застройкой и незаконным строительством	28
Развитие доступной среды для маломобильных групп населения	20
Организация местных сообществ, соседских центров и мероприятий	29
Решение проблем с парковками и транспортными потоками	15
Затрудняюсь ответить	16

Показательно, что опрошенные представители молодого поколения считают, что городской активизм должен иметь государственную поддержку. Так, 67 % респондентов отметили безусловную важность государственной поддержки городского активизма как ресурса для развития гражданского общества, а 24 % указали, что считают такую поддержку необходимой при условии прозрачного и конкурсного отбора проектов.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что имеется значительный потенциал для привлечения студенческой молодежи к деятельности в рамках городского активизма.

Полученные результаты могут быть использованы и в практической деятельности, например, при разработке мероприятий, направленных на вовлечение молодого поколения в созидательную деятельность, и формирование у него активной гражданской позиции.

Литература:

1. Зинурова Р.И. Никитина Т.Н., Фатхуллина Л.З. Гражданский активизм в социологической интерпретации // Управление устойчивым развитием. 2022. № 1(38). С. 45–50.
2. Рядовой А.Г. Патриотизм как системно-комплексное качество личности: сущность и содержание // Омский научный вестник. 2008. № 3 (67). С. 100–103.
3. Антонова Н.Л., Абрамова С.Б. Городской активизм молодёжи: практики и барьеры // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 2 (57). С. 96–103.
4. Желнина А.А., Тыканова Е.В. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. 22, № 1. С. 162–192.
5. Чернова М.А., Королева М.Н. Городской активизм: управленческие практики как ресурс и барьер развития городских проектов // Социологические исследования. 2018. № 9 (413). С. 93–101.
6. Паченков О.В., Воронкова Л.В. «Новый городской активизм» и «публичная политика» в России (на примере Санкт-Петербурга) // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 2. С. 253–268.
7. Stone C.N. Regime politics: Governing Atlanta, 1946–1988. Lawrence: University Press of Kansas, 1989. 314 p.
8. Elkin S. City and regime in the American Republic. Chicago: Chicago University Press, 1987. 220 p.
9. Нотман О.В. Перспективы реализации модели соуправленияв российских мегаполисах: новый гражданский активизм и микролокальные городские режимы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2021. № 2(62). С. 86–94.
10. Рассолова Е.Н., Галкин К.А. Новые практики городского активизма в постиндустриальном российском городе // Монитринг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 3. С. 153–168.

Features of Urban Activism of Kazan Students

Alekseev S.A.
Kazan National Research Technological University

The article discusses issues related to such a social phenomenon of urban life as urban activism, which is an important tool for the positive transformation of the urban environment. The purpose of the study is to identify the features of urban activism among students. Studying the urban activism of student youth allows us to better understand the mechanisms of forming a civic position among the younger generation and the role of the younger generation in the development of the urban environment and the creation of local communities. The author examines the main theoretical positions of approaches to the study of urban activism by both Western and domestic researchers. The article presents the results of the author's empirical study of the features of urban activism of Kazan students: the attitude of students to the urban environment and participation in urban activism is revealed, the main practices and factors of student involvement in urban activism are established. The results obtained indicate a significant interest of the student youth in urban activism and its potential. The results of the study contribute to the methodology and methodology of studying the urban activism of students. The practical significance lies in the possibility of using the results obtained when planning activities for the formation of an active civic position and patriotic education of young people.

Key words: urban activism, urban environment, youth, students, urban issues, city management

УДК 316
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-199-206

Социальное партнерство вуза и «Движения первых»: ценностно-ориентированная модель преемственности участия молодежи

Амелькина О.В.
Аспирант кафедры философии и общественных наук
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета,
ассистент кафедры государственного управления и истории
Пермского национального исследовательского
политехнического университета

Актуальность исследования обусловлена необходимостью преодоления разрыва в траектории участия молодежи в общественно-государственном движении «Движение первых» при переходе от школы к учреждениям профессионального образования. Данная проблема ведет к потере мотивированного актива для движения и нарушению непрерывности ценностно-воспитательной работы в критический период личностного и профессионального становления.

Целью исследования является разработка и обоснование модели социального партнерства «Движения первых» с образовательными организациями, обеспечивающей непрерывность ценностно-воспитательной работы с молодежью. На основе эмпирического исследования (n = 171) в Пермском крае выявлено, что разрыв траектории участия обусловлен не утратой мотивации, а системными барьерами, ключевыми из которых являются «информационный вакуум» (46,7 %) и несовпадение форматов деятельности с новой образовательной средой. Предложена трехуровневая модель партнерства, интегрирующая информационно-средовой, содержательно-проектный и институционально-ролевой уровни. Модель обеспечивает переход от стихийного прекращения участия к управляемой траектории за счет профилизации деятельности, академической интеграции и персонализированного сопровождения. Социальное партнерство раскрывается как ключевой механизм ценностного управления, гарантирующий непрерывность воспитательно-образовательной траектории и формирование конкурентоспособного, ценностно-ориентированного специалиста. Научная новизна исследования заключается в разработке концепции социального партнерства, интегрирующей ценностный, институциональный и организационный аспекты взаимодействия общественного движения и образовательных организаций. Практическая значимость исследования состоит в создании методического обеспечения для построения эффективного взаимодействия региональных отделений «Движения первых» с вузами и колледжами, что может быть использовано органами управления образованием и молодежной политикой.

Ключевые слова: *социальное партнерство, «Движение первых», молодежь, ценности, вуз, третья миссия университета, преемственность, образовательная среда*

Для цитирования: *Амелькина О.В. Социальное партнерство вуза и «Движения первых»: ценностно-ориентированная модель преемственности участия молодежи // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 199–206. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-199-206.*

Современная система высшего образования России находится в процессе поиска новых форматов ответа на вызовы времени, среди которых – снижение мотивации абитуриентов, разрыв между теоретической подготовкой и практическими требованиями рынка труда, а также необходимость целенаправленного формирования ценностных ориентаций у студенческой молодежи [1, с. 274]. В этом контексте стратегическим ресурсом развития становится социальное партнерство, понимаемое как «действенный инструмент вовлечения в обсуждение и решение проблем развития образования широкого круга заинтересованных субъектов» [2, с. 148].

Особую актуальность приобретает партнерство вузов с Общероссийским общественно-государственным движением детей и молодёжи «Движение первых». Это сотрудничество выходит за рамки традиционного взаимодействия «вуз – работодатель» и представляет собой основу для построения ценностно-ориентированной модели преемственности.

Данная модель предполагает не просто последовательный переход молодежи из школьного возраста в студенческий, а непрерывный процесс вовлечения в социально значимую деятельность, основанную на общих гражданских и профессиональных ценностях.

В российском законодательстве легальное определение термина «социальное партнерство» закреплено в Трудовом кодексе РФ. Согласно ст. 23 ТК РФ, это – система взаимоотношений между работниками (представителями работников), работодателями (представителями работодателей), органами государственной власти, органами местного самоуправления, направленная на обеспечение согласования интересов работников и работодателей по вопросам регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений [3].

Однако, как справедливо отмечают исследователи, трактовка данного понятия не должна ограничиваться лишь сферой трудовых отношений. В научной литературе и образовательной практике произошел перенос этого термина в более широкий социально-педагогический контекст. Применительно к системе образования, в том числе высшего, социальное партнёрство рассматривается как особый тип социально-трудовых отношений, основанный на равноправном сотрудничестве и открытом взаимодействии между образовательными организациями и субъектами социальных и профессиональных отношений [4, с. 62]. Его участниками выступают не только государство и бизнес, но и общественные организации, которые вносят вклад «в становление гражданского общества» [5, с. 38].

Для вуза такое партнерство является частью его «третьей миссии», которая включает «содействие развитию местного сообщества, предполагает активное участие вузов в социальных проектах «третьего сектора» [6, с. 68]. Именно эта миссия, наряду с образовательной и научной, созвучна ценностям и практикам «Движения первых», что создает прочную основу для сотрудничества, выходящего за узкоутилитарные рамки подготовки кадров.

Таким образом, партнерство между Движением и вузом – это не просто администрирование совместных мероприятий, а сложноорганизованный процесс, направленный на достижение синергетического эффекта в воспитании, образовании и профессиональном самоопределении молодежи. Это взаимодействие строится на принципах, унаследованных от трудового права – добровольности, паритетности и баланса интересов [7, с. 275], но обогащенных специфическими образовательными и воспитательными целями.

В рамках данного исследования нами разрабатывается и обосновывается модель социального партнерства «Движения первых» с образовательными организациями, которая обеспечивает непрерывность ценностно-воспитательной работы с молодежью.

Эмпирическую базу исследования составили результаты анкетирования 171 респондента (текущие школьники (включая выпускников), студенты вузов и колледжей, имевшие опыт участия в Движении), а также анализ нормативно-правовых документов и программных материалов «Движения первых».

Выборочная совокупность составила 171 респондент (n = 171), проживающих в Пермском крае. Участники исследования – учащаяся молодежь: школьники, студенты колледжей и студенты вузов. Небольшая доля респондентов отнесла себя к категории «Работаю / другое». Наибольшую группу составляют студенты колледжей (48,0 %), за ними следуют школьники (32,7 %) и студенты вузов (18,1 %). Категория «Работаю / другое» составляет 1,2 % от выборки. Подавляющее большинство опрошенных (около 90 %) относятся к возрастным группам «до 16 лет» и «16–18 лет». Незначительная часть респондентов находится в возрасте 19–21 года, и небольшая доля – старше 21 года. В выборке наблюдается значительное преобладание женского пола (около 77,8 %) над мужским (около 22,2 %). Представленная выборка является целевой и релевантной для исследования мнений и позиций молодежи Пермского края, в первую очередь учащихся школ, колледжей и вузов. Гендерный и возрастной состав отражает специфику аудитории, активно вовлеченной в образовательный процесс и общественную жизнь в данном регионе.

Исследование начинается с анализа нормативно-ценностных оснований взаимодействия «Движения первых» и системы профессионального образования. В данном контексте ключевыми субъектами выступают, с одной стороны, Общероссийское общественно-государственное движение детей и молодежи «Движение первых» (ДП), а с другой – система

высшего и среднего профессионального образования. Эффективность их деятельности напрямую зависит от степени ценностной конгруэнтности и способности к выстраиванию интегрированных механизмов взаимодействия, особенно в критический переходный период «школа – вуз/колледж». Проведем анализ нормативно-ценностных оснований обоих институтов с целью выявления потенциала для стратегического социального партнерства.

1. Ценностный концепт «Движения первых»: миссия, ценности, направления.

«Движение первых» было создано в 2022 г. по инициативе Президента РФ В.В. Путина как единая платформа для воспитания, развития и самореализации подрастающего поколения. Его деятельность регламентирована Федеральным законом от 14.07.2022 г. № 261-ФЗ «О Российском движении детей и молодежи» [8]. Согласно закону, миссия Движения заключается в «содействии проведению государственной политики в интересах детей и молодежи», а также в «создании условий для их всестороннего развития и самореализации».

Ключевые ценности и направления деятельности ДП систематизированы в его Уставе и официальных программных документах [9]. Они не являются произвольным набором, а представляют собой целостную систему, направленную на формирование гармонично развитой личности (табл. 1).

Ценностные ориентиры системы профессионального образования закреплены в основополагающих документах. Прежде всего, Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон № 273-ФЗ) определяет, что образовательная политика основывается, среди прочего, на принципах воспитания «гражданственности, патриотизма, ответственности, правовой культуры, бережного отношения к природе и окружающей среде, рационального природопользования» (ст. 3) [10]. Более конкретно ст. 48.1 Закона № 273-ФЗ указывает на обязанность педагогических работников «воспитывать у обучающихся чувство патриотизма и гражданственности».

Ключевым документом, актуализирующим ценностную составляющую, является Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее – Указ № 809) [11]. В нем традиционные ценности, такие как «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству», определяются как основа российской идентичности, а их сохранение и укрепление – как стратегический национальный приоритет.

3. Сравнительный анализ и потенциал конвергенции.

Сравнительный анализ ценностных систем двух институтов позволяет не просто выявить их схожесть, но и определить точки синергии для построения партнерства (табл. 2).

Нормативно-ценностное поле «Движения первых» и системы профессионального образования демонстрирует высокую степень совпадения. Ценности, закрепленные в Уставе ДП, напрямую коррелируют с принципами государственной образовательной политики, отраженными в Законе № 273-ФЗ, Указе № 809 и ФГОС. Это не случайное пересечение, а следствие единого государственного заказа на формирование личности гражданина-патриота, компетентного специалиста и ответственного члена общества.

Выявленный ценностный консенсус создает прочную основу не для эпизодического сотрудничества, а для стратегического социального партнерства. Партнерство в данном случае понимается как долгосрочное, взаимовыгодное взаимодействие, направленное на достижение общих целей путем интеграции ресурсов и компетенций.

Фокус социального партнерства должен сместиться с простого «предоставления площадок» на глубинную интеграцию. Как показывает таблица 2, потенциал синергии заключается в создании сквозных образовательно-воспитательных траекторий, где проектная деятельность в Движении становится частью учебного процесса в вузе/колледже (через проектное обучение, зачет практик), а ценности получают практическое воплощение в профессиональном контексте.

Таблица 1

Система ценностей и направлений деятельности «Движения первых»

Направление деятельности	Ключевые ценности
Образование и знания («Учись и познавай!»)	Знание, поиск истины, непрерывное развитие, интеллектуальное совершенствование
Наука и технологии («Дерзай и открывай!»)	Инновации, творчество, технологический суверенитет, рационализм
Труд, профессия и среда обитания («Найди призвание!»)	Уважение к труду, профессионализм, созидание, экологическая ответственность
Культура и искусство («Создавай и вдохновляй!»)	Патриотизм, историческая память, красота, гуманизм
Здоровый образ жизни («Будь здоров!»)	Физическое и психическое здоровье, спорт, дисциплина, воля
Патриотизм и историческая память («Служи Отечеству!»)	Любовь к Родине, гражданская ответственность, связь поколений, героизм
Медиа и коммуникации («Расскажи о главном!»)	Открытость, правдивость, критическое мышление, медиаграмотность
Волонтерство и добровольчество («Благо твори»!)	Альтруизм, милосердие, социальная ответственность, взаимопомощь

Таблица 2

Сравнительный анализ ценностных ориентиров «Движения первых» и системы профессионального образования

Ценностный блок	«Движение первых» (отражение в направлениях)	Система ВО/СПО (отражение в документах и ФГОС)	Потенциал для интеграции
Патриотизм и гражданская ответственность	Направление «Служи Отечеству!», ценности: Патриотизм, гражданственность	Ст. 3, 48.1 Закона № 273-ФЗ «Об образовании», Указ № 809	Совместные проекты гражданско-патриотической направленности, исторические клубы, шефство над памятниками
Знание, образование и наука	Направления «Учись и познавай!», «Дерзай и открывай!», ценности: Знание, инновации	ФГОС УК-1, УК-2. Задача подготовки квалифицированных кадров	Научные студенческие кружки под эгидой ДП, проектное обучение на базе кейсов от Движения, научные конкурсы
Труд и профессионализм	Направление «Найди призвание!», ценности: Уважение к труду, профессионализм	Профессиональные стандарты, компетентностный подход в ФГОС	Глубокая профориентация, карьерные треки, стажировки, проекты, интегрированные в учебный процесс
Здоровье и спорт	Направление «Будь здоров!», ценности: Здоровье, спорт	ФГОС УК-5, УК-7, УК-8	Совместное проведение спартакиад, дней здоровья, просветительских лекций о ЗОЖ
Социальная ответственность и волонтерство	Направление «Благо твори!», ценности: Альтруизм, взаимопомощь	Внеучебная деятельность, развитие мягких навыков (*soft skills*)	Волонтерские центры на базе вузов как ячейки ДП, зачет волонтерской деятельности как практики
Культура и творчество	Направление «Создавай и вдохновляй!», ценности: Историческая память, красота	Воспитательная работа, культурно-массовые мероприятия	Студенческие театры, арт-фестивали, литературные клубы, краеведческие проекты

Таким образом, ценностная база не является барьером для взаимодействия, а, напротив, выступает его главным катализатором.

Переход от школьного обучения к получению профессионального образования представляет собой не просто смену образовательной организации, но и качественно новый этап в личностном развитии, который в отечественной психологии традиционно рассматривается как этап ранней юности (16–18 лет) и начала взрослости (18–21 год).

Как отмечал Л.С. Выготский, данный возрастной период связан с формированием «жизненного плана» – системы сознательных устремлений и целей, определяющих смысловую перспективу будущего [12]. Именно в это время происходит кардинальная смена социальной ситуации развития (по Л.С. Выготскому): завершается зависимость от родительской семьи, формируется новый круг общения, а ведущей деятельностью становится учебно-профессиональная (по Д.Б. Эльконину), направленная на освоение выбранной профессии.

В контексте теории социальной идентичности (Г. Тэшфел, Дж. Тернер) этот переход сопровождается необходимостью интеграции прежней идентичности (школьник, активист ДП) в новую, формирующуюся идентичность (студент, будущий специалист). Если этот процесс не находит поддержки и точек соприкосновения в новой среде, происходит отказ от прежних идентификаций.

С точки зрения возрастной психологии, переходный период объективно создает ситуацию психологической уязвимости для сложившихся социальных ролей, включая роль активиста «Движения первых». Риск разрыва траектории обусловлен не негативным отношением к Движению, а закономерными процессами перестройки личности, которые требуют адекватного ответа со стороны социальных институтов.

Данный пункт раскрывает ключевую проблему: без совместных усилий и проектирования со стороны всех участников системы «Движение первых – ВУЗ/ССУЗ» возникает неизбежное «вымывание» молодежи. Это происходит из-за отсутствия плавного перехода, который бы помогал молодым людям адаптировать накопленный опыт к новым условиям. Таким образом, гипотеза состоит в том, что проблема удержания участников кроется не в их низкой мотивации, а в неспособности системы к гибкому взаимодействию и партнерству, которые позволили бы создать психологически комфортные и содержательно насыщенные формы вовлечения на новом этапе. Эмпирическая проверка этого утверждения приведена ниже.

Как было установлено, нормативно-ценностные основания «Движения первых» и системы профессионального образования обладают значительным потенциалом для синергии. Однако теоретическая возможность партнерства сталкивается с практическими проблемами реализации на индивидуальном уровне участника.

Проблема исследования заключается в том, что значительная часть молодежи, активно участвовавшей в деятельности Движения в школе, демонстрирует снижение или полное прекращение активности при переходе в вузы и колледжи. Это создает «разрыв» в траектории личностного развития и ведет

к потере мотивированного актива для самого Движения.

Проведенный анализ данных анкетирования подтверждает, что основная причина спада активности после школы заключается не в утрате интереса, а в системных сбоях. Выпускники, переходя в систему профессионального образования, сталкиваются с организационными и информационными барьерами и не видят понятных механизмов для продолжения участия в «Движении первых».

Среди наиболее значимых можно выделить следующие препятствия:

1) Информационный вакуум: отсутствие четких алгоритмов перехода и информации о возможностях участия на новом месте.

2) Организационный разрыв: отсутствие действующих первичных отделений Движения в учебных заведениях или их низкая видимость.

3) Административные сложности: непонимание того, как интегрировать активность в Движении с новой учебной нагрузкой и процессами.

Важным результатом стал перечень факторов, которые, по мнению самих респондентов, помогли бы им преодолеть эти барьеры. Молодежь указывает на необходимость:

1) налаживания информационного сопровождения перехода;

2) создания гибких и релевантных новому статусу форматов участия;

3) активной работы по интеграции Движения в жизнь колледжей и вузов.

Таким образом, данные убедительно доказывают, что проблема имеет не мотивационную, а инфраструктурную природу и требует целенаправленного устранения выявленных системных разрывов.

Первичным индикатором, опровергающим тезис о тотальной утрате интереса, является распределение ответов о текущем статусе участия среди тех, кто был вовлечен в Движение в школе. Результаты представлены на рисунке 1.

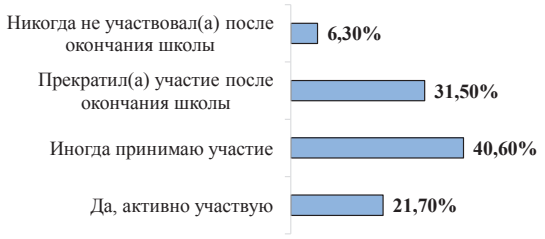

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Если Вы сейчас студент или выпустились из школы, продолжаете ли вы участвовать в деятельности движения?», %

Большинство респондентов (62,3 %), имевших опыт участия в школе, сохраняют свою связь с Движением на новом этапе жизни. Это указывает на наличие устойчивого ценностного и деятельностного ядра. Задача системы заключается не в том, чтобы «заинтересовать» безразличных, а в том, чтобы создать условия для перевода 40,6 % «иногда участвующих» в категорию «активных» и преодоления барьеров для 31,5 % прекративших участие.

Для респондентов, прекративших участие, был проведен анализ множественных ответов о причинах этого решения. Результаты, представленные на рисунке 2, однозначно подтверждают выдвинутую гипотезу.

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Если прекратили участие после окончания школы, что, по Вашему мнению, послужило основной причиной?», %

Ведущими причинами являются не внутренние (отсутствие мотивации – 17,8 %), а внешние, институциональные барьеры.

Ключевой барьер – «информационный вакуум». Почти каждый второй прекративший участие (46,7 %) указал на отсутствие информации о возможностях в новой образовательной организации. Это прямое свидетельство того, что молодые люди «не понимают, как продолжить».

Ресурсный барьер («нет времени») является объективным следствием возрастающей академической нагрузки, однако его можно нивелировать за счет гибких форматов участия.

Низкий процент выбора «утраты мотивации» (17,8 %) красноречиво свидетельствует, что проблема не в содержании деятельности Движения, а в условиях для ее реализации.

Наиболее значимым для проектирования модели партнерства является анализ факторов, которые, по мнению всех респондентов, помогли бы им продолжить или начать участие (рис. 3).

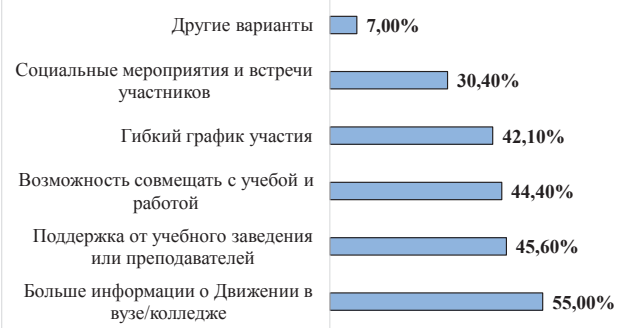

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Какие факторы могли бы помочь Вам продолжить или начать активное участие в Движении после поступления в вуз или колледж», %

Запрос на информационное сопровождение является абсолютным приоритетом (55 %), что напрямую соотносится с ключевым выявленным барьером. Молодежь ждет, что вуз/колледж и Движение будут активно и понятно сообщать о возможностях.

Запрос на институциональную поддержку со стороны учебного заведения (45,6 %) указывает на ожидание того, что вуз/колледж должен выступать активным посредником и интегратором, а не пассивной площадкой.

Запрос на гибкость («Возможность совмещать» – 44,4 %, «Гибкий график» – 42,1 %) является прямым ответом на барьер «нет времени». Это требование к изменению форматов деятельности Движения при переходе на новую образовательную ступень.

Качественные данные из открытых вопросов усиливают эти выводы. Респонденты предлагают:

• «Чтобы эти проекты были связаны с профессией и давали плюсы в вузе» (профилизация).

• «Проектная деятельность, которая бы шла в зачет и там и там» (академическая интеграция).

• «Проводить различные мероприятия для студентов ... чтобы студенты заинтересовывались» (адаптация форматов).

Эмпирические данные полностью подтверждают гипотезу исследования. Проблема непрерывности участия в «Движении первых» носит не мотивационный, а системно-коммуникационный характер. Молодежь, переходящая в систему профессионального образования:

1) не информирована о том, как встроиться в деятельность Движения на новом месте;

2) не чувствует поддержки со стороны новых образовательных институтов;

3) нуждается в гибких, адаптированных к студенческому ритму жизни форматах участия.

Следовательно, для преодоления «разрыва» необходима целенаправленная работа по ликвидации именно этих барьеров, что требует выстраивания продуманной модели социального партнерства между Движением и образовательными организациями.

Поэтому на основе верифицированной гипотезы и выявленной структуры барьеров нами предлагается трехуровневая модель социального партнерства (рис. 4). Модель нацелена на трансформацию стихийного и затрудненного перехода в управляемую и ценностно-наполненную траекторию, где студент выступает не объектом воздействия, а субъектом взаимодействия.

Партнерство понимается как стратегический альянс, в котором «Движение первых» и образовательная организация интегрируют свои ресурсы, компетенции и инфраструктуру для достижения общей цели — формирования профессионально компетентного и ценностно-ориентированного гражданина.

Предложенная модель представляет собой комплексный ответ на выявленные эмпирическим путем барьеры. Она носит превентивный и проактивный характер, выстраивая среду, в которой у студента не возникает вопроса «Как продолжить участие?», так как система сама предлагает ему персонализированные, релевантные и институционально поддер-

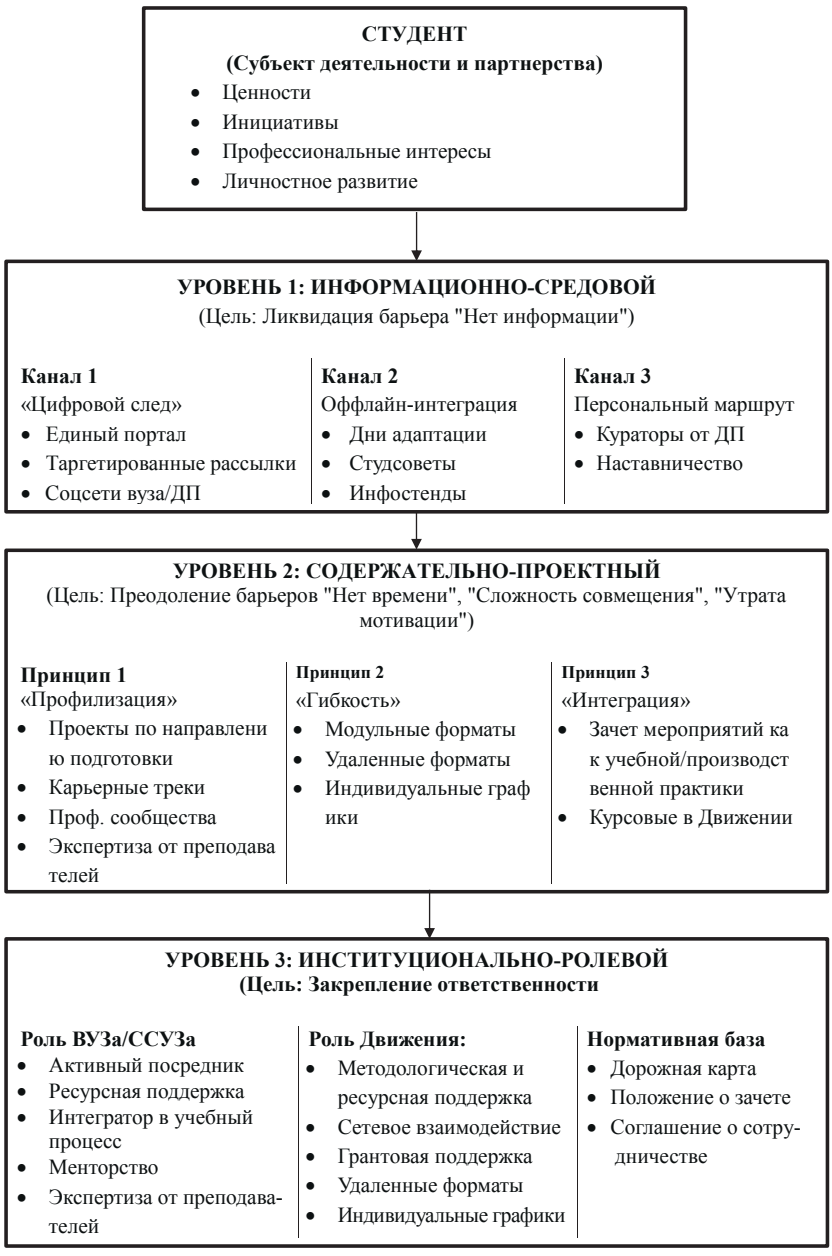

Рис. 4. Модель социального партнерства «Движение первых – ВУЗ/ССУЗ»

жанные траектории. Это перевод взаимодействия из плоскости разрозненных мероприятий в плоскость непрерывного ценностно-деятельностного контура, интегрированного в образовательную экосистему подготовки будущих специалистов.

Таким образом, социальное партнерство «Движения первых» с образовательными организациями, выстроенное на основе ценностного консенсуса и преодоления конкретных барьеров, становится ключевым механизмом формирования непрерывной воспитательно-образовательной траектории. Оно обеспечивает не только сохранение кадрового потенциала Движения, но и способствует подготовке конкурентоспособного, профессионально компетентного и ценностно-ориентированного специалиста, что является стратегическим приоритетом национального развития Российской Федерации. Дальнейшие исследования могут быть сфокусированы на апробации и оценке эффективности предложенной модели в конкретных региональных и институциональных контекстах.

Литература:

1. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008. 400 с.
2. Педагогика открытости и диалога культур / Под ред. М.В. Певзнера, В.О. Букетова, О.М. Зайченко. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2000. 265 с.
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // СПС Гарант.
4. Радостева М.В. Социальное партнерство в сфере образования на современном этапе // Научный журнал Дискурс. 2017. № 9(11). С. 60–70.
5. Реморенко И.М. «Социальное партнерство» в образовании: понятие и деятельность // Новый город: образование для изменения качества жизни: Материалы межрегион. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 17–20 сентября 2002 г. СПб.: Институт образования взрослых Российской Академии образования, 2003. С. 37–44.
6. Зиневич О.В., Балмасова Т.А. «Третья миссия» и социальная вовлеченность университетов: к постановке проблемы // Власть. 2015. Том. 23. № 6. С. 67–72.
7. Устюжанина Е.Н. О проблеме социального партнерства в сфере высшего образования // Региональное образование XXI века: проблемы и перспективы. 2012. № 4. С. 274–277.
8. Федеральный закон от 14.07.2022 г. № 261-ФЗ «О Российском движении детей и молодежи» // СПС Гарант.
9. Устав Общероссийского общественно-государственного движения детей и молодежи «Движение первых» (утвержден учредительным собранием 20.07.2022 г.). URL: https://будьвдвижении.рф/documents/osnovnye-dokumenty/
10. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СПС Гарант.
11. Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС Гарант.
12. Выготский Л.С. Педология подростка // Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4. М.: Педагогика, 1984. 432 с.
13. Захаров Н.Л. Теория социальных регуляторов. М.: ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2024. 241 с.
14. Кон И.С. Психология ранней юности. М.: Просвещение, 1989. 255 с.
15. Фельдштейн Д.И. Психология взросления: Структур.-содерж. характеристики процесса развития личности: Избр. тр. М.: Моск. психол.-соц. ин-т, Флинта, 2004. 670 с.
16. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. 560 с.
17. Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС Гарант.

Social Partnership of the University and the «Movement of the First»: Value-Oriented Model of Continuity of Youth Participation

Amelkina O.V.
Perm State Humanitarian and Pedagogical University,
Perm National Research Polytechnic University

The relevance of the study is due to the need to bridge the gap in the trajectory of youth participation in the social and state movement "Movement of the first" in the transition from school to vocational education institutions. This problem leads to the loss of a motivated asset for movement and disruption of the continuity of value-educational work in the critical period of personal and professional development.

The purpose of the study is to develop and substantiate a model of social partnership between the Movement of the First and educational organizations, which ensures the continuity of value-educational work with young people. Based on an empirical study (n = 171) in the Perm Territory, it was revealed that the gap in the trajectory of participation is not due to the loss of motivation, but to systemic barriers, the key of which are the "information vacuum" (46.7 %) and the discrepancy between the formats of activity and the new educational environment. Proposed is a three-level partnership model integrating information-environment, content-project and institutional-role levels. The model provides a transition from a spontaneous cessation of participation to a controlled trajectory through activity profiling, academic integration and personalized support. Social partnership is revealed as a key value management mechanism that guarantees the continuity of the educational trajectory and the formation of a competitive, value-oriented specialist. The scientific novelty of the study lies in the development of the concept of social partnership, integrating the value, institutional and organizational aspects of the interaction of the social movement and educational organizations. The practical significance of the study lies in the creation of methodological support for building effective interaction between the regional branches of the "Movement of the First" with universities and colleges, which can be used by educational authorities and youth policy

Keywords: social partnership, «Movement of the first», youth, values, university, third mission of the university, continuity, educational environment

УДК 355.01
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-207-211

Целевое зонирование в социополитической стратегии США: зоны безопасности и контроля

Беляев В.А.
Доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой социологии, политологии и менеджмента
Казанского национального исследовательского технического
университета им. А.Н. Туполева – КАИ

Сибаева Г.Р.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры цифровых систем и моделей
Казанского государственного энергетического университета

Актуальность темы статьи выражается в росте значения зон безопасности населения и контроля государства. Целью исследования является развитие теоретической и эмпирической базы трактовки и характеристики таких зон. В статье выделены геополитические зоны безопасности населения и зоны контроля государства, их историческая эволюция, зависящая от целей, социальных и иных ресурсов и политики страны. На примере США рассмотрен процесс расширения этих зон и расхождения между ними, условия, когда прямой контроль иных государств становится неэффективным. Выявлены перспективы дальнейшего развития зоны безопасности США. Соответственно, рассмотрены понятия внутренней и внешней зон безопасности, расширения фронтира и адсорбции точек безопасности, достаточного и избыточного объема зон безопасности и контроля, реальной и симулятивной трактовки безопасности, а также зоны потенциальной и реальной угрозы государству. Выделены причины двухсоставного построения первой из зон США и избыточности и неустойчивости второй из них. Научная и практическая значимость статьи состоит в развитии представлений о концепции зон безопасности и контроля, в выделении ее сильных и слабых сторон.

Ключевые слова: *зона безопасности населения, зона внешнего контроля, внутренняя и внешняя зоны безопасности, достаточность и избыточность зоны контроля, фронтир и адсорбция точек безопасности, зона реальной и симулятивной трактовки безопасности, зоны потенциальной и реальной угрозы*

Для цитирования: *Беляев В.А., Сибаева Г.Р. Целевое зонирование в социополитической стратегии США: зоны безопасности и контроля // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 207–211. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-207-211.*

Государства создаются прежде всего для контроля собственного населения и защиты его от внешних и внутренних угроз. Поэтому у каждого государства и вне его географических границ имеются зоны необходимой и текущей безопасности и внешнего контроля. В социополитической стратегии важней-

шими для определения ее целей являются выяснение основных угроз суверенитету страны и безопасности ее населения и мер по минимизации данных угроз. Для этого необходимо раскрытие сущности и границ зоны безопасности и зоны контроля государства, их географического объема, характера и перспектив развития.

Целью исследования является выяснение применимости характеристик зон безопасности и контроля для выявления возможностей этих зон в целях устранения угроз жизни населения и страны на примере США.

Рассмотрим целевое зонирование в социополитической стратегии государства в целом и на примере США. Сама цель стратегии США и России уже анализировалась раньше [1]. Однако общая цель стратегии не только подразделяется по своим функциям, о чем также была речь [2], но и дифференцируется по конкретным выполняемым целевым задачам. Поставленные задачи суммарно способствуют достижению цели стратегии государства, а сами они выделяются в зависимости от того, какую зону мирового политического пространства они защищают или на какую географическую зону претендуют. Среди таких зон необходимо выделить: 1) **зону безопасности и зону контроля** и 2) **зоны жизненных интересов, ответственности и влияния**. Эти зоны не совпадают по генезису, по смыслу существования (целям, характеру и ресурсам) и по своим географическим границам.

Зона безопасности – это геополитическое пространство, при сужении (сжатии, нарушении) которого возникает угроза жизни населению и существованию и суверенитету данного государства. Поэтому национальная безопасность – это способность удовлетворять потребности, необходимые для самосохранения народа с минимальным риском ущерба. Так, национальная безопасность страны, как можно понять из Указов Президента РФ и трактовки Г.А. Борщевского [3] – это состояние защищённости личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие РФ. Возможно выделение зон экологической, экономической, финансовой, научно-технологической, природно-ресурсной, информационно-психологической, аксиологической и сугубо военно-технической (включая и снятие угроз от оружия массового поражения, ОМП), кибер- и военно-стратегической безопасности [4; 5].

В рамках геополитики целесообразно выделить зоны безопасности *внутренние* и *внешние*. Внутренняя прилегает к границам государства изнутри и ограничивает уязвимость страны и населения от неожиданной агрессии; многими исследователями это называется *фронтиром*. Внешнюю зону безопасности составляют регионы или страны за пределами границ государства, контроль за политикой которых позволяет полностью защитить страну от иностранной агрессии. В ряде случаев такая внешняя зона фиксируется в международном праве в качестве *буферной* [6]. Кроме того, можно вычленить и *адсорбцию*, внедрение (часто – на территорию потенциального противника) становящихся во многом «своим среди чужих» отдаленных *точек безопасности* в виде партизан (ДРГ), разведчиков, военных баз, станций слежения, надводного и подводного флота, воздушной и космической разведки.

Фактически в качестве *антонимов* зоне безопасности можно выделить **зоны потенциальной и реальной угрозы** стране и населению, а также **избыточной безопасности**, каковой является декларативное прикрытие зоны реального (но также избыточного) контроля. В идеале наличие **достаточной** зоны безопасности нейтрализует любые угрозы суверенитету страны.

Несколько иное значение имеет **зона контроля** – это то геополитическое пространство, которое страна реально контролирует в тот или иной момент. Контроль – это функция реального управления, которая связана не только с наблюдением за поведением управляемой системы (т.е. с отслеживанием ее изменений и соотнесением их с целями контролера), но и с воздействием на нее для ее адаптации, принятия ею оптимальных с точки зрения контролера решений. Вот, например, возможно контролировать всю геополитическую зону безопасности страны, а можно – только ее часть (тогда это создает прямые угрозы суверенитету государства), но также встречается и контроль за пределами зоны безопасности, как у США.

На примере этой страны рассмотрим эволюцию названных зон. Первоначально экспансия поселенцев на индейские земли раздражала британских колонизаторов, не желавших ответного сплочения всех индейских племен против захватчиков. Королевская прокламация Британии требовала от поселенцев уйти с земель, зарезервированных за индейцами [7]. Как пишет М.М. Малкин, «накануне войны за независимость все земли до Аллеган были уже заняты, а королевской прокламацией 1763 г. поселение за Аллеганами было запрещено» [8, с. 140]. Тем самым первая линия между зонами безопасности индейцев и белых поселенцев проходила по Аллеганам.

На наш взгляд, это стало одной из причин войны за независимость США, победа в которой позволила резко *раздвинуть* зоны их контроля и безопасности за счет изгнания индейцев с востока страны все дальше на запад. Как писал чешский исследователь М. Стингл, «Еще свободную индейскую территорию Северной Америки отделяла от британских поселений цепь крепостей, которые были

главным щитом европейских колонистов. …Новая республика, Соединенные штаты… повела против индейцев еще более жестокую борьбу, чем британские колониальные власти» [9, с. 327–328]. Тем самым раздвигался *фронтир* как зона освоения Дикого Запада, причем Бюро переписи населения США характеризовало фронтир как границу, за которой плотность населения была менее двух человек на квадратную милю, что меньше, чем в Сибири, Монголии и даже Диком Поле Руси. И если торможение раздвиганию фронтира пионерами-поселенцами во многом породило войну за независимость США 1775–1783 гг., то такая же *реакция южных штатов*, боявшихся появления территорий, где фермеры не желают рабовладения, подтолкнула Север к гражданской войне 1861–1865 гг., к Гомстед-акту 1862 г. и железнодорожным земельным актам, проложившим дорогу к дешевым землям. Фактически южные штаты заняли место Великобритании в противодействии сдвигу фронтира на запад, закончившемуся к 1880 г., после чего США оставили индейцам лишь резервации. Тем самым обе революции в Штатах имели общие корни.

Ныне с позиций географии почти абсолютную зону безопасности США имеют со стороны Тихого и Атлантического океанов. Остаются пограничные страны: Канада и Мексика. США довольно просто координировали их политику, чтобы там были дружественные для них правительства, просто включив их в зону своего контроля.

В дальнейшем превращение США сначала в региональную державу, затем в мировую, а после – и в сверхдержаву постепенно позволило им обеспечить *зону избыточного контроля*. Это было зафиксировано сначала в доктрине Монро, затем – косвенно – в Версальской, Ялтинско-Потсдамской и Беловежской системах [10]. Так, в 1846–1848 гг. доктрина Монро и призывы к континентальной солидарности послужили прикрытием для присоединения к США более половины тогдашней территории Мексики (нынешние штаты Техас, Калифорния, Невада, Аризона, Юта, Нью-Мексико, Вайоминг) [11].

Новые средства доставки оружия массового поражения (ОМП) раздвигают границы данных зон. В частности, неслучайно возник Карибский кризис, когда ракеты средней дальности США разместили в Турции, а СССР в ответ – на Кубе. В итоге США в 1962 г. впервые почувствовали ненадежность своей зоны безопасности и лакуны, пробелы в «заднем дворе» собственной зоны контроля. В дальнейшем угроза взаимного уничтожения снизила шансы прямого нападения на США и СССР.

Вместе с тем избыточность трактовки роли всемирного гегемона (мирового жандарма) и неприкрытое вмешательство в дела всех стран Земли после распада СССР – антагониста США, с одной стороны, создало у этой страны иллюзию безнаказанности и всемогущества, а с другой – вызывает антиамериканскую реакцию в большинстве стран. Так, если благодаря ошибке дипломатии СССР Соединенным Штатам удалось прикрыться для агрессии и геноцида в Корее флагом ООН и оставить Корею разделенной, то уже во Вьетнаме, поддержанном СССР, США потерпели поражение, которое вряд ли возместилось свержением правительств Доминиканской Республики, Панамы, Гренады и большинства стран Южной Америки. Эйфория элит США привела их как к сохранению оккупационного статуса проигравших Вторую мировую войну государств (ФРГ, Италии, Японии), так и к непрерывной череде агрессий в Ираке, Югославии, Афганистане, Ливии, Сирии, Украине, подстрекательству к переворотам («цветным революциям») в целом ряде стран Латинской Америки, Европы и Азии (включая постсоветское пространство) и в целом – к 251 случаю использования ВС США за рубежом после 1991 г. [12]. Однако до сих пор существуют непокорившиеся контролю США Никарагуа, Куба, Венесуэла, Иран, КНДР и растущая группа стран Африки, которые начинают объединяться вокруг суверенной России.

В силу сказанного можно выделить зону безопасности реальную и симулятивную. Реальная зона – это необходимое и достаточное геополитическое пространство для защиты населения и страны от угроз их существованию. Симулятивная зона – геополитический сектор, возникший на основе расхождения территорий контроля и реальной безопасности. Если симулякр меньше реальной зоны контроля, то приближающиеся угрозы способны уничтожить государство или народ. Если же он шире необходимой и достаточной для защиты территории (когда страна становится, например, мировым полицейским), то с определенного момента любая страна просто не в состоянии ее обслуживать, даже если ей в этом помогает любое число стран-сателлитов. И тогда зона контроля может резко сузиться, как шагреневая кожа, что способно подвергнуть опасности уже само существование страны как сверхдержавы, мировой и даже региональной державы и т.п.

Анализ сущности понятий «зона безопасности» и «зона контроля» приводит к выводу о том, что у США первая из зон в своей основе легко строится, чему помогает общая и политическая география, а зона контроля является явно избыточной и потому неустойчивой, ибо остальные цивилизации и страны теряют свою зону безопасности в условиях расширения контроля «мирового полицейского» на весь мир и потому вынуждены бороться за восстановление своих зон безопасности.

В силу этого отличие от России, бросившей многих союзников после распада СССР (от Э. Хонеккера и М. Наджибуллы до Кубы, Вьетнама, Югосла-

вии, стран «социалистической ориентации» по всей Африке), США стремятся сохранять своих союзников (в частности, Южную Корею, Японию, страны переселенческого типа, Тайвань) и приобретать новых (в лице расширения НАТО и стран постсоветского и пост-югославского пространства) и разрушать государства, объявляемые «осью зла» из-за своего сопротивления гегемонии США, хотя и тут встречаются провалы (Афганистан, Сомали, Йемен и др.). Тем не менее США продолжают прямое колониальное господство в ряде стран Карибского моря и Тихого океана, сохраняют базу в Гуантанамо (вопреки требованиям Кубы), выдвигают претензии на Панамский канал, Канаду, Гренландию, угрожают Венесуэле, России, Ирану, формируют из Украины прокси-врага России и в целях расширения симулякра безопасности переименовывают Мексиканский залив (вплоть до морской зоны Мексики и Кубы) в Американский. Однако такой прямой контроль постепенно становится неэффективным, тогда как реальной зоне безопасности США никто не угрожает.

Литература:

1. Беляев В.А., Сибаева Г.Р. Несовместимость политических стратегий как лабильная внешняя причина геополитического конфликта: этапная цель сторон // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2023. № 6(63). С. 14–22.
2. Беляев В.А., Сибаева Г.Р. Функционал сторон гибридного мирового конфликта // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2023. № 6(63). С. 23–33.
3. Борщевский Г.А. Роль государства в формировании преемственного исторического сознания в контексте проблемы обеспечения национальной безопасности России // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2012. № 1. С. 8.
4. Указ Президента Российской Федерации от 11.03.2019 г. № 97 «Об Основах государственной политики РФ в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу». URL: http://kremlin.ru/acts/bank/44066
5. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности РФ // СПС Гарант.
6. Буферная зона: зачем ее создают и как она работает. URL: https://www.rbc.ru/base/12/05/2025/6821f2ed9a7947c9c4c5e72b
7. Тимофеев В.В. Эволюция политики британской короны в отношении североамериканских индейцев в 1763-1876 гг.: от сосуществования к ассимиляции // Молодой ученый. 2018. № 52 (238). С. 230–234.
8. Малкин М.М. Война за независимость в Северной Америке. Образование Соединенных Штатов Америки. Глава 6 // Новая история. 1640-1789. Под ред. Б.Ф. Поршнева и др. М.: Госполитиздат, 1953. Т. 1. 500 с.
9. Стингл М. Индейцы без томагавков. Пер.с чешского. М.: Прогресс, 1984. 454 с.
10. Беляев В.А., Сибаева Г.Р., Волков В.Р. Индигенизация vs глобализация: элиминация или гомеостаз Вестфальской системы // SocioTime. 2023. № 1. С. 67–79.
11. Кураков Л.П., Кураков В.Л., Кураков А.Л. Доктрина Монро // Экономика и право: словарь-справочник. М.: Вуз и школа. 2004. URL: https://economics.niv.ru/doc/dictionary/economy-and-law/fc/slovar-196-8.htm#zag-3973.
12. Беляев В.А., Сибаева Г.Р. «Большая игра» мировых держав, и социальная база антагонизмов // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2024. № 1 (64). С. 21–30.

Target Zoning in the U.S. Sociopolitical Strategy: Safety and Control Zones

Belyaev V.A.
Kazan National Research Technical University named after A.N.Tupolev – KAI
Sibaeva G.R.
Kazan State Power Engineering University

The relevance of the article's topic is reflected in the growing importance of public safety zone and state control zone. The purpose of this research is to develop a theoretical and empirical basis for interpreting and characterizing such zones. The article highlights the geopolitical public security zones and control zones of a state, as well as their historical evolution, which depends on the goals, social and other resources, and policies of the country. Using the example of the United States, the article examines the process of expanding these zones and the differences between them, as well as the conditions under which direct control by other states becomes ineffective, and the prospects for further development of the United States' security zone. Accordingly, the article explores the concepts of internal and external security zones, the frontier expansion and the adsorption of safety points, area of real and simulated interpretation of safety, the sufficient and excessive size of security and control zones, and the zones of potential and actual threats to a state. The article highlights the reasons for the two-part structure of the United States' security zone and the excessive and unstable nature of its control zone. The scientific and practical significance of the article lies in developing ideas about the concept of security and control zones and highlighting their strengths and weaknesses.

Keywords: public safety zone, external control zone, internal and external security zones, sufficiency and redundancy of the control zone, frontier and adsorption of security points, zone of real and simulated interpretation of security, zones of potential and real threats

УДК 314.172
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-212-219

Влияние физической культуры на демографическую ситуацию в ДФО

Брыкова С.С.
Старший преподаватель кафедры экономической теории,
государственного и муниципального управления
Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова
(Улан-Удэ)

Актуальность исследования обусловлена острой демографической ситуацией в России, особенно в Дальневосточном федеральном округе, и необходимостью поиска дополнительных инструментов её улучшения. Особую значимость приобретает анализ влияния физической культуры и спорта (ФКС) на демографические показатели населения.

Цель исследования – изучение взаимосвязи между вовлечённостью населения в ФКС и демографической ситуацией в РФ с особым акцентом на ДФО.

Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к изучению взаимосвязи между ФКС и демографической ситуацией, выявлении специфических особенностей для различных социально-демографических групп и регионов.

Теоретическая значимость работы состоит в расширении научных представлений о роли ФКС в демографическом развитии территории и формировании здорового образа жизни населения. Практическая значимость определяется возможностью использования результатов исследования при разработке региональных программ развития ФКС и демографической политики. Предложенные рекомендации могут быть применены органами власти при формировании стратегий развития физической культуры и спорта.

В ходе исследования выявлены существенные различия в мотивации к занятиям ФКС между мужчинами и женщинами, а также между различными возрастными группами. Определены основные барьеры, препятствующие регулярным занятиям спортом, и предложены механизмы их преодоления с учётом региональной специфики.

Ключевые слова: *физическая культура и спорт, демография, здоровый образ жизни, Дальневосточный федеральный округ, молодёжь*

Для цитирования: *Брыкова С.С. Влияние физической культуры на демографическую ситуацию в ДФО // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 212–219. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-212-219.*

Демографический вызов – один из самых острых вызовов в текущей ситуации для нашей страны. По данным Росстата [1] на 1 января 2024 г. в РФ проживало 146,15 млн чел., причём количество мужчин составляет 67,92 млн, а женщин – 78,23 млн. Таким образом, имеется дисбаланс половозрастного состава (46,47 и 53,53 % соответственно). В возрастных категориях до 29 лет количество мужчин преобладает над женщинами (51 % и 49 % соответственно). Однако уже к 30 годам происходит перелом в обратную сторону: 788 391 – женщин и 787 411– мужчин. Чем старше население, тем больше становится доля женщин. Если при рождении на 1 тыс. мужчин приходится 943 женщины, то в категории 30–34 лет это число достигает 1014, к 50–54 годам – 1128, а в возрасте 70 лет и более – 2124.

На федеральном уровне переломный момент наступает в 30 лет: на 787 411 мужчин приходится 788 391 женщин. В разрезе город – село в городе этот перелом достигается в 30 лет (соотношение составляет 588 508 мужчин на 612 068 женщин), а в селе – значительно позже (в 30 лет мужчин всё ещё больше, чем женщин: 198 903 на 176 323) в 45 лет (251 253 мужчины и 251 569 женщин), но впоследствии темпы гендерного разрыва в селе более стремительные, чем в городе.

Однако для Дальневосточного федерального округа (ДФО) демографическая проблема имеет особое значение как для макрорегиона с самой низкой плотностью населения в стране. На 1 января 2024 г. по данным Росстата, плотность по РФ составляла 8,5 чел. на кв. км, а в ДФО – 1,1. На втором месте «антирейтинга» – Сибирский федеральный округ – 3,8 чел. на кв. км, самый густонаселённый округ – Центральный федеральный округ – 61,8 чел. на кв. км. В таблице 1 представлена демографическая обстановка в ДФО.

В ДФО преобладает женское население – 52,77 %. При этом в сельской местности доля мужчин выше городской: 48,94 против 46,63 %. Несмотря на это, при рождении отмечается преимущество мужского пола – 51,48 %, что не зависит от места проживания.

Существенная демографическая особенность в соотношении полов наступает в 30 лет в городе и только в 45 лет в селе. В возрасте 30 лет в городе доля мужчин составляет 49 %, в селе – 53,02 %. К 89 годам в обоих типах поселений доля мужчин падает до 20,68 %, а женщин – растёт до 79,32 %. Таким образом, наблюдается тревожная тенденция сокращения мужского населения. Это делает особенно важным реализацию ценности «долгая и активная жизнь», через включение мужчинами физической культуры и спорта в свой образ жизни.

Физическую культуру и спорт (далее – ФКС) традиционно принято рассматривать как один из путей к оздоровлению населения. Это подтверждается включением Министерством здравоохранения РФ в понятие здорового образа жизни (далее – ЗОЖ) физической культуры, а также тем, что федеральный проект «Спорт – норма жизни» входил в национальный проект «Демография» (2019–2024), и тем, что в новом проекте «Продолжительная и активная жизнь» (2025–2030), один из целевых индикаторов – это доля граждан, ведущих здоровый образ жизни. Кроме того, физическая культура – это базовая дисциплина в дошкольном, общем, среднем и высшем образовании, а детско-юношеский спорт – одно из популярных направлений дополнительного образования.

Хотя физическая культура и спорт не являются определяющим фактором в решении демографических проблем страны, они представляют собой важный дополнительный инструмент улучшения демографической ситуации, особенно в текущих непростых условиях. В связи с этим крайне важно популяризировать ФКС среди различных групп населения, уделяя особое внимание не только мужчинам, но и молодёжи, которая биологически наиболее активна в демографическом плане.

Согласно исследованиям Восточного центра государственного планирования, в ДФО наблюдается крайне осложненная ситуация с численностью женщин репродуктивного возраста. Так, за период с 1990 г. по настоящее время общая численность женщин в репродуктивном возрасте уменьшилась в ДФО на 29,0 % [3]. При невозможности количественного роста женского населения репродуктивного возраста, развитие ФКС может стать эффективным инструментом улучшения качественных характеристик их репродуктивного потенциала. В 2023 г., по данным центра, пик рождаемости пришёлся на возрастную категорию – 25–29 лет (92 ребёнка на 1000 женщин), 20–24 лет (72), 30–34 лет (70), младше 20 лет (17), старше молодёжного возраста: 25–39 лет (41), 40–44 лет (11), старше 45 лет (0,6 ребёнка на 1000 женщин). Таким образом, молодёжь выступает ключевым демографическим активом общества, демонстрируя наивысшую репродуктивную активность. При этом наблюдается чёткая возрастная градация:

Таблица 1

Анализ ряда демографических показателей ДФО на 01.01.2024 г. [2]

Население	Мужчины, чел.	Женщины, чел.	Всего, чел.	Доля мужчин, %	Доля женщин, %
Всего	**3 715 588**	**4 150 756**	**7 866 344**	**47,23**	**52,77**
Городское	2 707 459	3 099 033	5 806 492	46,63	53,37
Сельское	1 008 129	1 051 723	2 059 852	48,94	51,06
До года	**39 412**	**37 145**	**76 557**	**51,48**	**48,52**
До года, город	28 104	26 431	54 535	51,53	48,47
До года, село	11 308	10 714	22 022	51,35	48,65
30 лет	**44 394**	**44 502**	**88 896**	**49,94**	**50,06**
30 лет, город	33 419	34 777	68 196	49,00	51,00
30 лет, село	10 975	9 725	20 700	53,02	46,98
45 лет	**57 827**	**62 739**	**120 566**	**47,96**	**52,04**
45 лет, город	43 246	48 156	91 402	47,31	52,69
45 лет, село	14 581	14 583	29 164	50,00	50,00
89 лет	**1 101**	**4 224**	**5 325**	**20,68**	**79,32**
89 лет, город	845	3 242	4 087	20,68	79,32
89 лет, село	256	982	1 238	20,68	79,32

старшая молодёжь уже осуществляет детородную функцию, в то время как младшая представляет собой потенциальный резерв будущего демографического развития. Формирование здорового образа жизни требует системного подхода с раннего возраста. Наиболее эффективным периодом для закладки фундамента здоровых привычек является возраст до 14 лет, когда формируются базовые поведенческие паттерны и отношение к собственному здоровью. Учитывая вышеизложенное, молодёжь следует рассматривать как приоритетную целевую группу для реализации демографических программ.

На этом фоне вызывает опасения то, что исследование студентов Дальнего Востока (2020 г.) показало тревожные тенденции: 35,5 % молодых людей страдают от избыточного веса; 55,37 % имеют различные физические травмы и увечья; 52,67 % испытывают психологические проблемы; 2,83 % имеют инвалидность; 3 % страдают от алкогольной зависимости [4, с. 38]. Эти данные коррелируют с результатами общероссийских исследований. По данным Аналитического центра НАФИ (опрос 2024 г. среди россиян 18–45 лет): только 30 % респондентов удовлетворены состоянием своего репродуктивного здоровья; 20 % выражают явное недовольство своим репродуктивным здоровьем [5].

Серьёзную обеспокоенность вызывают показатели фертильности населения. Так в статьях 2023 г. отмечалось, что около 10 % женщин репродуктивного возраста сталкиваются с проблемами зачатия или вынашивания, в 35 % случаев бесплодия обусловлены женскими факторами [6, с. 46], показатель мужского бесплодия за последние 20 лет увеличился вдвое [7, с. 161]. Исследователи К.А. Хандарцева и её коллеги отмечают ухудшение мужского здоровья и рекомендуют комплекс мер по его улучшению, включающий: регулярные занятия физической культурой, коррекцию пищевых привычек, комплексный подход к укреплению здоровья.

Полученные данные свидетельствуют о необходимости проведения детального анализа демографической ситуации и уровня вовлечённости молодёжи в спортивную деятельность (табл. 2, 3).

Анализ данных таблицы 2 позволяет говорить о демографическом дисбалансе в ДФО, который характеризуется превышением доли молодых мужчин над общероссийскими показателями. Особенно ярко это проявляется в сельской местности, где наблюдается значительный перевес мужского населения. Структурная проблема дальневосточного села заключается в существенном дефиците молодых женщин, что создаёт дополнительные сложности для демографического развития территорий. Возможно, частично данную проблему можно было бы решить за счёт улучшения инфраструктуры сёл, но такие преобразования требуют значительных финансовых вложений [8, с. 132].

Анализ данных таблицы 3 позволяет сделать ряд важных наблюдений относительно спортивного интереса российской молодёжи. Прежде всего, стоит отметить более высокий уровень заинтересованности в спортивной деятельности среди молодого населения Дальнего Востока по сравнению с общероссийскими показателями. При этом прослеживается чёткая тенденция: чем моложе респондент, тем выше его интерес к спорту. Профессиональная спортивная деятельность, хотя и привлекает внимание молодёжи, но в меньшей степени по сравнению с любительским спортом. Однако даже в этой сфере

Таблица 2

Численность молодёжи 14–35 лет на 01.01.2024 г. в ДФО и РФ [2]

Показатель	Всего, РФ	Всего, ДФО	Город, ДФО	Село, ДФО
Всего:	36 987 400	2 146 004	1 593 690	552 314
Мужчины, ч.	18 748 662	1 105 362	811 866	293 496
Женщины, ч.	18 238 738	1 040 642	781 824	258 818
Мужчины, %	50,69	51,51	50,94	53,14
Женщины, %	49,31	48,49	49,06	46,86

Таблица 3

Увлечение спортом молодёжи РФ 2024 г., % [9]

Показатель	Всего, РФ	Всего, ДФО	18–24 лет	25–34 лет
Интересуются темам: «Лечение, здоровье, здоровый образ жизни, фитнес, занятия спортом				
Регулярно, на постоянной основе	30	35	49	30
Интересуюсь время от времени	45	41	33	48
Интересуются профессиональным спортом				
Регулярно, на постоянной основе	13	18	15	10
Интересуюсь время от времени	30	35	27	25
Основные хобби россиян				
Спорт / спортзал / физкультура	17	13	30	27
Какими видами спорта занимаются россияне				
Бег, спортивная ходьба, легкая атлетика	38	35	34	38
Фитнес (комплексные занятия физкультурой)	24	23	34	35
Велосипед	23	23	18	28
Плавание	19	21	15	26
Лечебная физкультура	18	14	12	16
Силовые тренировки, тяжелая атлетика	13	9	19	19
Катание на коньках, лыжах	12	9	4	14

сохраняются те же закономерности – молодые дальневосточники проявляют больший интерес к профессиональному спорту, чем их сверстники из других регионов.

Физическая культура и спорт прочно вошли в число самых популярных хобби россиян. Примечательно, что молодёжь проявляет к этому направлению больший интерес, чем старшие возрастные группы. Однако в Дальневосточном федеральном округе этот показатель несколько ниже средних значений по стране.

Среди всего многообразия спортивных дисциплин наиболее востребованными у россиян являются лёгкая атлетика, фитнес, лечебная физкультура, тяжёлая атлетика и зимние виды спорта. Молодёжь в своих предпочтениях во многом следует общероссийским тенденциям, однако есть и свои особенности. Так, молодые люди значительно реже увлекаются лыжами и коньками, при этом демонстрируя повышенный интерес к силовым видам спорта по сравнению с более старшими возрастными группами.

Анализ данных таблицы 4, отражающей самооценку здоровья россиян, представляет особую ценность для понимания текущего состояния здоровья различных групп населения. Этот анализ позволяет провести сравнительное исследование здоровья граждан с учётом таких важных демографических характеристик, как пол, возраст и место проживания.

При анализе данных таблицы следует учитывать, что отклонения от 100 % обусловлены наличием респондентов, которые затруднились с ответом.

По результатам опроса ВЦИОМ, оценка состояния здоровья населения распределилась следующим образом: 36 % респондентов охарактеризовали своё здоровье как «очень хорошее» и «хорошее», 50 % оценили его как «удовлетворительное», оставшаяся часть отметила «слабое» или «очень слабое» состояние здоровья. Примечательно, что мужчины чаще выбирали крайние оценки – как «очень хорошее», так и «очень слабое» здоровье. При этом общая самооценка здоровья у мужчин была выше, чем у женщин, что коррелирует с результатами исследования НАФИ о репродуктивном здоровье. Однако данные Росстата свидетельствуют о том, что женщины живут дольше, что может указывать на склонность мужчин к недооценке рисков и склонности преувеличивать своё самочувствие.

При анализе региональных особенностей было проведено сравнение с ЦФО, учитывая, что этот округ характеризуется самой высокой плотностью населения в РФ. Жители ДФО продемонстрировали более высокую оценку своего здоровья по сравнению с населением сельской местности, крупных городов и ЦФО. При этом 18 % опрошенных из ДФО отметили «очень хорошее» состояние здоровья, хотя 4 % указали на «очень плохое» самочувствие, что превышает аналогичные показатели как для ЦФО, так и для РФ в целом, включая города федерального значения.

Переходя к анализу причин плохого самочувствия россиян, рассмотрим рисунок 1. Исследование выявило, что основными факторами, влияющими на состояние здоровья населения, являются: социально-экономические условия, трудовая нагрузка и работа на вредных производствах, материальное положение и качество питания, возрастные особенности организма, экологическая обстановка.

Повлиять на изменение таких факторов, как наследственность и окружающая среда, сложно, как и не всегда есть возможность улучшить свое материальное состояние. Например, согласно данным Росстата за 2024 г., средняя заработная плата по России составила 87 952 руб., а медианная – 56 443 руб. [12; 13]. При этом представители социально значимых профессий получают значительно меньше: учителя – 71,4 тыс. руб. [14], средний медицинский персонал – 61 тыс. руб., младший медицинский персонал – 51,7 тыс. руб. [15], социальные работники – 51,3 тыс. руб., работники культуры – 61,3 тыс. руб. [16]. Многие граждане, работающие в социально значимых сферах, не могут повлиять на финансовый фактор, влияющий на их здоровье, из-за чувства призвания и социальной ответственности.

Зато от каждого напрямую зависят факторы вредных привычек и занятий ФКС – именно их можно изменить в лучшую сторону без существенных материальных затрат. Поэтому для улучшения демографической ситуации так важны занятия ФКС, регулярность занятий которыми в настоящий момент оставляет желать лучшего.

Таблица 4

Самооценка россиянами здоровья в 2022 г., % [10]

Самооценка	Все	Муж.	Жен.	18–24 лет	25–34 лет	Мск и СПб	Село	ЦФО	ДФО
Очень хорошее	8	12	5	28	12	10	9	18	8
Хорошее	28	34	23	41	49	31	23	21	29
Удовлетворительное	50	43	57	29	34	49	51	46	54
Слабое	10	7	13	1	4	9	13	9	7
Очень слабое	2	3	2	0	1	2	2	4	2

При анализе данных таблицы следует учитывать, что отклонения от 100 % обусловлены наличием респондентов, которые затруднились с ответом.

В таблице 5 представлен сравнительный анализ регулярности занятий ФКС с разбивкой по полу, возрасту и территориальному признаку.

Регулярно занимаются ФКС и занимаются время от времени по 22 % среди опрошенных. При этом, согласно отчёту Минспорта, доля россиян, система-

Рис 1. Основные причины болезней россиян: самооценка 2006–2019 гг., % [11]

тически занимающихся ФКС в возрасте 3–79 лет, составляет 56,8 % [18]. Таким образом, данные опроса более пессимистичны. Это связано с тем, что ВЦИОМ опрашивает россиян от 18 лет и не ограничивается 79 годами, а Минспорт учитывает и детей 3–17 лет. Никогда не занимаются спортом 30 % респондентов, очень редко – 25 %. Следовательно, больше половины опрошенных почти не уделяют время ФКС. При этом, согласно опросу, мужчины больше занимаются ФКС, как и младшая группа молодёжи. Тенденция к уменьшению числа занимающихся приходит, начиная с возрастной группы 25–34 лет. Возможно, это напрямую связано с тем, что к 24 годам почти все получают профессию, и обязательный компонент ФКС в учёбе исчезает. А привычка к занятиям ФКС вырабатывается не у всех.

В связи с выявленной тенденцией снижения физкультурно-спортивной активности после завершения образовательного периода представляется необходимым комплекс мер государственного уровня по сохранению и развитию ФКС среди работающего населения. Предлагается реализация следующих стратегических направлений: интеграция физкультурно-спортивной инфраструктуры в систему корпоративного управления с созданием условий для регулярных занятий физической культурой на рабочих местах; модернизация системы производственной гимнастики с внедрением адаптированных программ физической активности в режим рабочего дня, опираясь на успешный международный опыт (например, практику КНР в государственных учреждениях); разработка и внедрение корпоративных программ по поддержанию и развитию физкультурно-спортивной активности сотрудников.

Однако, кроме ФКС, существует и иная физическая активность, проанализируем в таблице 6 её уровень в жизни россиян. Ведь если ежедневная физическая активность высока, спорт излишен.

Обычная ежедневная физическая нагрузка может быть связана с характером работы, либо с условиями проживания, а также с количеством и состоянием здоровья членов семьи. Таким образом, 25 % респондентов отметили свою нагрузку как высокую, ещё 16 % – как скорее высокую. Итого: 41 % перегружены. Есть респонденты, которые затруднились с ответом. Вероятно, эта категория респондентов не занимается ФКС из-за усталости. Рассмотрим парные распределения:

– мужчины оценивают свой уровень физической нагрузки выше, чем женщины, поэтому мужчинам особенно необходимы здоровьесберегающие виды спорта;

– молодёжь 18–24 лет менее загружена, чем более старшая молодёжь, которая, в свою очередь, физически нагружена сильнее, чем респонденты всех возрастов;

– жители села загружены сильнее, чем другие территориальные группы.

Таблица 5

Насколько часто занимаются ФКС россияне в 2023 г., % [17]

Показатель	Все	Мужчины	Женщины	18–24 лет	25–34 лет	Село	ДФО
Регулярно	22	23	20	29	24	16	15
Время от времени	22	26	20	34	29	16	24
Очень редко	25	25	25	23	24	26	27
Никогда	30	25	35	15	23	41	35

Таблица 6

Самооценка обычной ежедневной физической активности россиян 2022 г, % [19]

	РФ	Мужчины	Женщины	18–24 лет	25–34 лет	Село РФ	ДФО
Высокая	25	30	20	19	32	29	27
Скорее высокая	16	18	15	26	23	19	7
Умеренная	45	40	48	49	37	40	47
Скорее низкая	6	5	8	2	6	4	5
Низкая	7	7	8	4	3	8	13

– респондентов с низкой нагрузкой среди ДФО больше, чем в других регионах.

Согласно этим данным, жителей ДФО нужно активнее стимулировать заниматься спортом, так как большая часть респондентов готова к этому, поскольку самооценка их физической нагрузки ниже среднероссийского уровня. Умеренная, скорее низкая и низкая нагрузка в сумме составляют 65 % против 58 % по РФ. Однако следует учитывать, что данные основаны на самооценках. Возможно, жители ДФО склонны занижать уровень физической нагрузки, так как восприятие понятия «высокой нагрузки» у жителя столицы и жителя тундры может различаться.

Анализ представленных в таблице 7 барьеров, препятствующих систематическим занятиям ФКС среди населения, демонстрирует корреляцию с результатами представленных выше опросов. Наиболее значимые объективные препятствия включают: «нет времени», «плохое состояние здоровья», «нет денег». Субъективные барьеры представлены отсутствием мотивации к занятиям и недостатком волевых качеств.

Особого внимания заслуживает тот факт, что субъективные барьеры могут быть преодолены государственными органами с относительно низкими материальными затратами через реализацию информационно-пропагандистских мероприятий. В отличие от этого, устранение объективных препятствий требует существенных инвестиций в развитие спортивной инфраструктуры и расширение штата специалистов бюджетной сферы ФКС.

В контексте решения демографических задач представляется целесообразным усиление государственной пропаганды ФКС и здорового образа жизни как инструмента преодоления замкнутого цикла, в котором недостаточная физическая активность приводит к ухудшению здоровья, а проблемы со здоровьем, в свою очередь, становятся препятствием для занятий ФКС.

Анализ парных распределений выявил существенные гендерные различия в мотивационных барьерах к занятиям ФКС. Гендерный аспект демонстрирует, что женщины чаще сталкиваются с проблемой недостатка силы воли, тогда как мужчины преимущественно демонстрируют низкую потребность в физической активности. Это определяет необходимость дифференцированного подхода в популяризации ФКС: для мужчин приоритетным является усиление информационной кампании, а для женщин – психологическая мотивация и поддержка.

Возрастной фактор показывает, что проблемы с волевой регуляцией наиболее выражены в младшей возрастной группе молодёжи. Региональные особенности демонстрируют специфическую картину: в ДФО отмечается более высокий уровень отрицания необходимости ФКС (28 % против среднероссийского показателя 20 %). При этом жители ДФО и сельской местности реже указывают на недостаток волевых качеств.

Территориальные различия в объективных барьерах показывают: сельская местность лидирует по показателям «плохое состояние здоровья» (40 %) и «отсутствие времени» (36 %); в ДФО и сельской местности чаще отмечается нехватка спортивной инфраструктуры (18 и 21 % соответственно при среднем показателе по РФ 12 %); несмотря на более высокую обеспеченность спортивными сооружениями в расчёте на тысячу человек (2,61 в ДФО против 2,48 по РФ), их реальная доступность ограничена из-за низкой плотности населения [18]. Поэтому в ДФО следует делать акцент на популяризацию видов спорта, не требующих специализированной инфраструктуры, а также разработать целевую программу продвижения лечебной физкультуры среди мужского населения.

В рамках проведенного исследования установлено, что демографическая ситуация в России, особенно в отношении мужского населения и в ДФО, характеризуется тревожными тенденциями, которые усугубляются в сельской местности.

Таблица 7

Основные причины, мешающие россиянам систематически заниматься ФКС в 2023 г., % [20]

Показатель	Все	Мужчины	Женщины	18–24 лет	25–34 лет	Село	ДФО
Не чувствую потребности или необходимости в этом, мне это не нужно	20	25	16	21	23	23	28
Не хватает силы воли, не могу себя заставить	22	16	25	34	29	18	11
Нет времени на занятия спортом	40	43	38	62	56	42	25
Плохое состояние здоровья	36	30	39	22	28	40	37
Нет денег на занятия спортом	10	8	12	5	18	11	7
Нет спортивных сооружений, площадок рядом с домом	12	9	14	7	12	21	18
Не знаю, как правильно заниматься, а пользоваться услугами инструкторов, тренеров нет возможности	5	2	7	11	6	6	3
Нет заметных результатов от занятий физкультурой	2	1	2	12	3	2	0
Возраст (из другого)	2	2	2	0	0	1	3

В настоящее время реализуется национальный проект «Продолжительная и активная жизнь», преемник проекта «Демография», направленный на улучшение качества медицинского обслуживания, раннюю диагностику заболеваний и популяризацию здорового образа жизни. ФКС является важным компонентом данного проекта, однако анализ выявил определенное противоречие.

Несмотря на то, что мужчины демонстрируют более высокий уровень физической активности и интереса к ФКС, а также большую вовлеченность в неспортивные формы физической активности, средняя продолжительность их жизни остается ниже, чем у женщин. Данное противоречие обусловлено: различными подходами к организации ФКС у мужчин и женщин; склонностью мужчин к переоценке состояния собственного здоровья; более ответственным отношением женщин к поддержанию здоровья; предпочтением мужчинами силовых видов спорта, влияние которых на здоровье неоднозначно.

При этом женщины демонстрируют большую приверженность регулярным занятиям фитнесом и лечебной физкультурой, в то время как мужская аудитория чаще выбирает силовые тренировки, эффективность и безопасность которых для здоровья требуют дополнительного изучения.

Кроме того, существуют особые причины, по которым мужчины и женщины не занимаются спортом. Для женщин специфической причиной является недостаток силы воли, а для мужчин – отсутствие понимания необходимости занятий спортом. Женщинам требуются мотивирующие материалы, однако их эффективность может быть ограничена. Проблема недостатка силы воли решается при помощи квалифицированных тренеров, но не каждый может позволить себе личного инструктора, что возвращает нас к общей и распространённой причине – финансовой. Инструкторы по ФКС в бюджетной сфере работают по норме 1 специалист на 10 000 чел. В условиях низкой плотности населения ДФО это может охватывать несколько населённых пунктов. Для муниципальных образований с низкой плотностью населения целесообразно снизить эту норму до 1 на 5 000 чел., хотя это создаст дополнительное финансовое бремя.

У мужчин ситуация иная – здесь можно воздействовать через популяризацию ФКС и здоровьесберегающих видов спорта, особенно используя их интерес к профессиональному спорту. Необходимо увеличить количество социальной рекламы на спортивных медиаплатформах, включая холдинг «Матч» и другие крупные спортивные порталы. Можно обязать букмекерские компании размещать такую рекламу, что обеспечит широкий охват аудитории. Также эффективно использование влияния известных спортсменов, которые могли бы участвовать в подобных рекламных кампаниях как часть своей общественной нагрузки.

Одной из самых распространённых причин отказа от регулярных занятий ФКС являются проблемы со здоровьем. Эта причина создаёт замкнутый круг: люди не занимаются ФКС из-за проблем со здоровьем, а проблемы возникают в том числе из-за отсутствия физической активности. Это связано не только с нехваткой специалистов по адаптивной физкультуре, но и с недостаточной информированностью населения, которое считает, что при любых заболеваниях любая физическая нагрузка противопоказана. Необходимо организовать работу первичного звена здравоохранения – терапевтов, чтобы люди с хроническими заболеваниями получали от Минздрава (возможно, совместно с Минспортом) специальные памятки с базовыми упражнениями, подходящими для их заболеваний.

Перечисленные меры, за исключением увеличения числа инструкторов в районах с низкой плотностью населения, менее обременительны для государственного бюджета. Они носят административный характер и касаются в основном дополнительных требований к бизнесу (медиа и букмекерским компаниям), спортсменам и терапевтам. Однако их реализация может частично улучшить демографическую ситуацию за счёт укрепления здоровья граждан, что напрямую влияет на продолжительность жизни и трудоспособность. Повышение производительности труда, в свою очередь, даст положительный экономический эффект.

Особое внимание в исследовании было уделено молодёжной аудитории как репродуктивно активной группе населения, поскольку существует прямая зависимость здоровья детей от состояния здоровья их родителей. Анализ показал, что систематические занятия ФКС характерны преимущественно для возрастной группы 18–24 лет, представленной учащейся молодёжью. В старших возрастных категориях наблюдается существенное снижение вовлечённости в спортивную деятельность, что обусловлено дефицитом свободного времени.

Выявленная тенденция требует комплексного административного вмешательства, включающего: усиление физкультурно-спортивной работы в организациях бюджетной сферы; разработку методических рекомендаций для крупных коммерческих предприятий; внедрение системы налоговых преференций для работодателей, инвестирующих в оплату занятий сотрудников в фитнес-центрах, создание собственных спортивных объектов, оборудование спортивных площадок

Реализация данных мер требует детального экономического обоснования с учетом затрат государства и ожидаемого роста производительности труда, что может стать предметом отдельного исследования.

Литература:

1. Численность постоянного населения – по полу и по возрасту на 1 января 2024. ЕМИСС. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/31548
2. Росстат. Раздел «Демография». URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284
3. Демография Дальнего Востока. URL: https://vostokgosplan.ru/wp-content/uploads/1608-2024_demografija_dajdzhest.pdf
4. Гареева И.А., Туркулец С.Е., Сокольская М.В., Обручникова С.Р., Туркулец А.В. Детерминанты социальной стигматизации в студенческой среде (на примере студентов вузов Дальнего Востока) // Социодинамика. 2020. №1. С. 34-42.
5. Репродуктивное здоровье россиян. Нафи. URL: https://nafi.ru/analytics/reproduktivnoe-zdorove-rossiyan-muzhchiny-vs-zhenshchiny/
6. Хадарцева К.А., Малютина Е.А., Иванов Д.В. Причины снижения фертильности в России (научный обзор литературы) // Вестник новых медицинских технологий. 2023. Т.17. № 2. С. 42–62.
7. Корнеев И.А., Мацуева И.А. Мужское бесплодие, метаболический синдром и ожирение // Урологические ведомости. 2021. Т. 11. № 2. С. 153–162.
8. Брыкова С.С. Состояние и проблемы развития российского села: восточный вектор // АПК: экономика, управление. 2024. № 7. С. 124–132.
9. Какими именно видами спорта Вы занимаетесь? URL: https://bd.wciom.ru/survey/sputnik/questions/b7d4abfb-2841-46a2-9bc5-7d7fe7a8d83f/cross/5ba2f2a9-bb03-46c6-ba01-ad3083c0a4e0
10. Как бы Вы оценили состояние Вашего здоровья? URL: https://bd.wciom.ru/survey/sputnik/questions/abed61d0-3336-4c00-a909-8aa15201f708/total/2fc13396-0843-4581-b85c-ba2ccb7dfad4
11. Как бы Вы оценили, в чем основные причины болезней у Вас и Ваших родственников? URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tyazhkij-trud-bednost-i-starost-tri-prichiny-boleznej-v-rossii
12. Росстат оценил среднюю зарплату за год. URL: https://www.rbc.ru/economics/04/03/2025/67c7208f9a794767bbf51543
13. Росстат назвал медианную зарплату за 2024 год. URL: https://bankinform.ru/news/138167
14. Минпросвещения оценил динамику зарплат учителей. URL: https://tass.ru/ekonomika/23859697.
15. Мурашко отчитался за зарплаты в сфере здравоохранения URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/67bd8b4d9a794780b6735b83
16. Итоги федерального статистического наблюдения в сфере оплаты труда отдельных категорий работников социальной сферы и науки. URL: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/itog-monitor_02-2024.htm
17. Насколько часто занимаются ФКС россияне в 2023. URL: https://bd.wciom.ru/survey/sputnik/questions/3b0cfe96-834f-49a6-8578-f26e177dc90e
18. Сводный отчёт 1-ФК Минспорта РФ. URL: https://www.minsport.gov.ru/documents/1337/
19. Самооценка обычной ежедневной физической активности россиян. URL: https://bd.wciom.ru/survey/sputnik/questions/1870b7ad-8a7b-4c69-9cff-0695f744fdf8
20. Основные причины, мешающие Вам систематически заниматься физической культурой, спортом? URL: https://bd.wciom.ru/survey/sputnik/questions/48eddccc-a2e2-4c87-9db4-ac95c65b363f

The Impact of Physical Education and Sports on the Demographic Situation in the Far East

Brykova S.S.
Banzarov Buryat State University (Ulan-Ude)

The relevance of the research is determined by the acute demographic situation in Russia, particularly in the Far Eastern Federal District, and the urgent need to find additional tools to improve it. The analysis of the impact of physical culture and sports (PCS) on demographic indicators of the population acquires special significance.

The purpose of the research is to study the relationship between population engagement in PCS and the demographic situation in the Russian Federation, with a special focus on the Far Eastern Federal District. The scientific novelty of the research lies in the comprehensive approach to studying the relationship between PCS and demographic situation, identifying specific features for various socio-demographic groups and regions. The theoretical significance of the work consists in expanding scientific understanding of the role of PCS in territorial demographic development and promoting a healthy lifestyle among the population. The practical significance is determined by the possibility of using research results in developing regional PCS and demographic policy programs. The proposed recommendations can be applied by authorities in shaping strategies for physical culture and sports development. The research revealed significant differences in motivation for PCS engagement between men and women, as well as among different age groups. The main barriers preventing regular sports activities have been identified, along with proposed mechanisms to overcome them, taking into account regional specifics.

Keywords: Physical culture and sports, demography, healthy lifestyle, Far Eastern Federal District, youth

УДК 316
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-220-225

Отношение университетских преподавателей к искусственному интеллекту

Бурганова Л.А.
Доктор социологических наук,
профессор кафедры общей и этнической социологии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Мягков Г.П.
Доктор исторических наук, профессор кафедры
теории государства и права и публично-правовых дисциплин
Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирясова

Юрьева О.В.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры управления человеческими ресурсами
Казанского (Приволжского) федерального университета

Сегодня важнейшая функция преподавателей – расширение своих возможностей и возможностей своих учеников в использовании различных инструментов и технологий ИИ для повышения качества образования, его доступности и результативности. Ключевым фактором успешной интеграции ИИ в учебную практику вузов является мотивация педагогов, желание внедрять в учебный процесс цифровые технологии и инструменты ИИ. Предмет данного исследования – отношение преподавателей к использованию ИИ в преподавании, цель – показать, что ИИ одновременно приносит новые возможности и новые вызовы в учебном процессе. Эмпирической основой статьи являются результаты интернет-анкетирования на тему «ИИ в высшем образовании: отношение преподавателей». Представленные результаты эмпирического исследования демонстрируют неоднозначность отношения преподавателей к использованию искусственного разума: с одной стороны, желание открыть для себя новые возможности для автоматизации рутинных процессов и персонализации обучения, с другой – сопротивление к внедрению цифровых технологий, связанное с комплексом причин как объективного, так и субъективного характера. На наш взгляд, ключевой причиной низкой востребованности цифровых технологий и ИИ в педагогической практике преподавателей является формальный подход самих вузов к делу повышения цифровой компетентности преподавателей.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, преподаватели, высшее образование, функции ИИ, инструменты ИИ, риски использования ИИ*

Для цитирования: *Бурганова Л.А., Мягков Г.П., Юрьева О.В. Отношение университетских преподавателей к искусственному интеллекту // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 220–225. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-220-225.*

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) трансформирует образовательную среду университетов, внося инновации в обучение, управление, методы и процесс педагогической работы. Изменению подвергаются традиционные роли преподавателей: сегодня жизненно важной функцией преподавателей является расширение своих возможностей и возможностей своих учеников в использовании различных инструментов и технологий ИИ для улучшения процесса преподавания и обучения. Поэтому от успешного взаимодействия преподавателей с технологиями ИИ во многом зависит качество обучения, его доступность и результативность. На сегодняшний день отношение самих преподавателей к этим изменениям варьируется от энтузиазма до осторожной сдержанности, что отражает сложность интеграции ИИ в учебный процесс. Пока трудно предвидеть все возможности и последствия этого революционного поворота, однако некоторым результатам уже можно дать оценку.

Обращение к литературе по проблеме отношения преподавателей университетов к использованию ИИ показывает, что эта тема, хотя и привлекает в последние годы повышенное внимание, но до сих пор находится на начальной стадии изучения. Сформировался достаточно обширный круг исследований как российских [1–7], так и зарубежных [8–11], в которых выявляются основные тенденции и риски в системе высшего образования под влиянием использования ИИ, дается оценка отношения преподавателей и студентов к изменившимся формам взаимодействия в процессе обучения. Однако масштабных исследований как на общероссийском, так и на региональном уровнях пока недостаточно.

Целью данной статьи является выявление специфики отношения университетских преподавателей к использованию технологий ИИ в преподавании, которые, с одной стороны, открывают новые возможности в обучении студентов, с другой – становятся источником новых рисков в их обучении.

Методология исследования опиралась на количественную процедуру, в основе которой анонимное интернет-анкетирование на тему «ИИ в высшем образовании: отношение преподавателей», проведенное с применением сервиса Yandex Forms с августа по сентябрь 2025 г. Метод отбора – неслучайный, предполагающий отбор респондентов по заданным параметрам: по полу, возрасту, работе в системе высшего гуманитарного образования (бакалавриат и магистратура), опыту использования ИИ в профессиональной деятельности. В выборку вошли преподаватели трех крупнейших вузов г. Казани: Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Казанский национальный исследовательский технический университет. Анализ данных проводился с помощью описательных статистических методов.

Половозрастной состав опрошенных преподавателей: 105 чел., среди них женщин – 71,7 % (75 чел.), мужчин – 28,3 % (30 чел.). Возрастной состав респондентов: от 41 до 45 лет – 39,6 % (41 чел.); от 31 до 40 лет – 15,1 % (16 чел); от 51 до 60 лет – 15, 1 % (16 чел.); до 30 лет – 13,2 % (14 чел.); от 61 до 70 лет – 9,4 % (10 чел.); старше 70 лет – 7,5 % (8 чел.). Должностные статусные характеристики: профессор – 17 % (18 чел.), доцент – 62,3 % (65 чел.), старший преподаватель – 3,8 % (4 чел.), преподаватель – 3,8 % (4 чел.) и ассистент – 13,2 % (14 чел.)

Дизайн анкеты был организован вокруг четырех проблем, связанных с использованием ИИ преподавателями в университетах: 1) отношение к использованию ИИ; 2) цели использования ИИ в образовательном процессе вуза; 3) восприятие рисков использования ИИ; 4) оценка влияния ИИ на практики взаимодействия преподавателей и студентов.

Исследование выявило противоречивое отношение преподавателей к использованию ИИ в педагогическом процессе: 67,9 % поддерживают перевод традиционного образования в цифровой формат, 24,5 % демонстрируют нейтральное к этому отношение, открытое неприятие выразили только 7,5 % опрошенных преподавателей. Но пока это только на словах, говорить об активном использовании ИИ в учебном процессе не приходится: 2/3 преподавателей по существу не используют ИИ в учебном процессе (49,1 % тратят менее 1 часа на использование ИИ для работы в среднем за неделю; 26,4 % – вообще не используют); 18,9 % преподавателей обращаются за помощью к ИИ от 1 до 3 часов в неделю; 3,8 % – 4–6 часов; 1,9 % – более 10 часов в неделю.

Сопротивление преподавателей к внедрению цифровых технологий, очевидно, связано с комплексом причин как объективного характера – неэффективной технической поддержкой на уровне университетов, неготовностью самих субъектов преподавания к использованию цифровых инструментов и пр., так и субъективного, в числе которых недоверие к новым методам работы, нежелание отказаться от традиционных моделей преподавания, боязнь рисков при использовании ИИ. На наш взгляд, ключевой причиной низкой востребованности цифровых технологий и ИИ в педагогической практике преподавателей является формальный подход самих вузов к делу повышения цифровой компетентности преподавателей – по результатам

исследования, только 9,5 % опрошенных дали высокую оценку этому направлению деятельности вузовской администрации, остальные опрошенные преподаватели (90,5 %) оценили ее в категориях неопределенности как «неплохую» (52,8 %) или как «слишком незначительную» (37,7 %) (рис. 1).

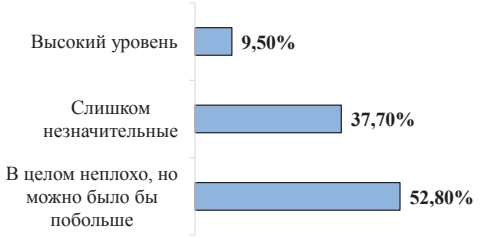

Рис.1. Распределение ответов преподавателей по вопросу: «Как вы оцениваете усилия вуза, в котором работаете, направленные на повышение уровня вашей цифровой компетентности?»

Учитывая быстрый темп развития цифровых технологий, университеты сами должны оперативно учить своих преподавателей, как внедрять искусственный интеллект в практику преподавания, организовывать активный обмен опытом.

Следующая группа вопросов анкеты ориентирует на выявление уровня информированности преподавателей о функциях ИИ, различных способах применения ИИ в образовательном контексте, а также специфику их собственного опыта применения ИИ.

Как показали результаты опроса, около трети преподавателей (38,2 %) имеют в основном представление о таких видах поддержки со стороны ИИ, как поиск литературы, при этом 28,4 % из них знают, что с помощью ИИ можно осуществлять сбор и анализ больших объемов данных для научных исследований (рис. 2).

Об остальных функциях ИИ преподаватели пока мало информированы: о том, что ИИ помогают осуществить глубокий анализ текстов (16,7 %), выявить ключевые темы и аргументы, адаптировать учебные программы под индивидуальные потребности каждого студента (12,7 %), повысить интерес студентов к занятиям, повысить в целом доступность обучения для каждого студента (8,8 %), имеет представление незначительная часть преподавателей. Это напрямую связано с дефицитом опыта успешного применения основных функций ИИ.

Рис.2. Распределение ответов преподавателей по вопросу: «Какие функции у ИИ, по вашему мнению, в образовательном процессе в вузе?» (множественный выбор)

Данные о личном опыте использования различных функций ИИ преподавателями полностью коррелируют с их уровнем информированности о них. Больше всего преподаватели используют ИИ в образовательном процессе как поисковую систему: либо при поиске информации в целом (69,8 %), либо при тематическом поиске источников и литературы при подготовке к лекциям/семинарам (35,8 %). Треть преподавателей (35,8 %), использует возможности нейросетей при разработке заданий к тестам, задачам, примерам, открытых вопросов; 9,7 % преподавателей – при подготовке презентаций к лекциям, при проведении собственных научных исследований (литературный обзор, стилистическая корректировка текста); еще меньше доля тех, кто владеет навыками проверки на антиплагиат студенческих работ (7,6 %), генерирования иллюстраций к презентациям (6,9 %), автоматизации обработки данных (5,5 %), подготовки УМК (5,5 %), проверки тестов, заданий (3,4 %).

Как видно из результатов исследования, преподаватели пока используют весьма ограниченный набор инструментов ИИ в своей деятельности, что не дает им возможности уже сейчас автоматизировать многие рутинные задачи из тех, что мы выше перечислили. К тому же объем используемых функций ИИ преподавателями по сравнению с масштабом задач, которые уже сегодня в активе их студентов, явно не в пользу первых: по данным нашего исследования, 78,7 % студентов используют ИИ для поиска информации, 65,5 % – для подготовки докладов, 52,7 % – для написания эссе и рефератов, 42,6 % – для создания презентаций [12, с. 243]. Это, безусловно, затрудняет координированный подход всех участников взаимодействия к овладению и использованию ИИ в учебном процессе.

В число наиболее востребованных преподавателями инструментов ИИ входят чат-боты (52,8 %), интерес к ним быстро растет не только среди преподавателей, но и студентов. С остальными платформами хуже, они по существу мало известны основной массе преподавателей – это касается образовательных платформ с ИИ (30,18 %), инструментов для анализа данных (26,4 %), генераторов текстов (24,5 %). С остальными инструментами ИИ преподаватели вообще мало знакомы: виртуальные учебные ассистенты (голосовые помощники) (16,9 %), системы управления обучением (*LMS*)

(13,2 %), онлайн-репетиторы и платформы для изучения иностранных языков (13,2 %), инструменты для совместной работы и проектного управления (13,2 %), программные инструменты для кодирования и разработки (1,9 %) (рис. 3).

Рис. 3. Распределение ответов преподавателей по вопросу: «Какие из следующих инструментов ИИ вы используете в своей деятельности?» (множественный выбор)

Однако преподаватели все же видят перспективу их дальнейшего использования: приоритет в будущем отдается инструментам для совместной работы и проектного управления (19,3 %); остальные показатели заинтересованности еще скромнее: 15,1 % преподавателей хотели бы работать с образовательными платформами с ИИ, 14,3 % – с инструментами для анализа данных, 12,6 % – в использовании систем управления обучением (LMS); 12,6 % – программных инструментов для кодирования и разработки.

Так что перспективы широкого внедрения ИИ в учебный процесс пока не выглядят обнадеживающими, и связано это в большей степени с отставанием программ цифровой подготовки и переподготовки преподавателей вуза, не нацеленностью их содержания на практическое использование ИИ в учебном процессе.

Преподаватели довольно объективно оценивают риски использования ИИ студентами. Большинство из них в качестве ключевых для себя выделяют такие последствия, как снижение способности студентов к критическому осмыслению и самостоятельному анализу (75,47 %), возникновение зависимости студентов от ИИ и утрата вследствие этого навыков самостоятельного поиска информации (73,58 %); невозможность дать объективную оценку знаний студентов на фоне использования общедоступных генеративных моделей ИИ (67,9 %).

На фоне достаточно высокого уровня отрефлексированности преподавателями рисков использования ИИ заметна тенденция слабой информированности преподавателей о технологиях защиты от него: только 45,28 % заявляют о своей компетентности в этой сфере; 37,7 % опрошенных испытывают проблемы с защитой и использованием личных данных – своих и студентов; у 30,18 % преподавателей – трудности с обеспечением равных возможностей для всех студентов и преподавателей в использовании искусственного интеллекта; 26,4 % преподавателей указали в качестве проблемы изменение привычной модели коммуникации между преподавателями и студентами, сокращение живого общения между ними.

Ответы на вопрос о результатах изменения традиционной модели коммуникации между преподавателями и студентами в условиях господства информационных технологий и прежде всего генеративных моделей ИИ также демонстрируют неоднозначность и противоречивость оценок преподавателей, которые распределились почти поровну между тремя позициями: 1) целью коммуникации между преподавателями и студентами становится не передача знания от преподавателя студенту, а контроль преподавателей за качеством информации, сгенерированной ИИ по команде студента (41,6 %); 2) можно говорить об изменении традиционной модели обучения, которая была представлена активностью учителя и пассивностью ученика; в эпоху ИИ оба субъекта равноправны в отношении выбора источников знания (43,39 %); 3) ничего принципиально не изменилось, кроме того, что преподаватели теперь используют цифровые технологии передачи, обработки и контроля знания студентов (35,8 %). Поскольку первая и третья позиции отражают в целом скорее пессимистическую, чем оптимистическую оценку модели коммуникаций между главными участниками образовательного процесса, то можно сделать вывод, что преподаватели пока в своем большинстве не склонны видеть прогресса в ее результатах.

При всем своем критическом отношении к результатам использования ИИ в обучении больше половины опрошенных преподавателей (58,5 %) считают, что запретить использование ИИ в образовании нельзя, поскольку технологии ИИ расширяют наши познавательные возможности. Критики ИИ, к которым принадлежат 18,9 % опрошенных преподавателей, исходят из возможности и необходимости запрета на использование ИИ в научных работах, поскольку это угрожает утратой способности студентов к самостоятельному анализу и критическому мышлению (рис. 4).

По результатам исследования у преподавателей пока не сложилось четкого понимания того, как следует относиться к использованию студентами ИИ в учебной деятельности: практически совпало количество выборов положительных (34 %), отрицательных (32 %) и нейтральных (34 %) оценок. Зато вопрос: «Как вы считаете, следует ли студентов больше обучать цифровой грамотности?» – вызвал

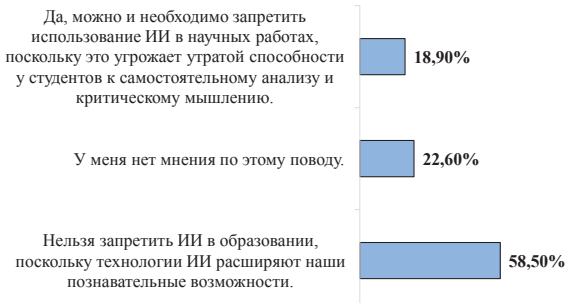

Рис. 4. Распределение ответов преподавателей по вопросу: «Как вы считаете, можно ли запретить использование ИИ в образовании?»

единодушную поддержку: согласны с этим 84,9 % преподавателей, по 7,5 % не согласных и неопределившихся с ответом.

А кто должен решать, как использовать ИИ в образовании? Большинство опрошенных преподавателей (55,6 %) отдают приоритет в этом вопросе самим образовательным учреждениям, 25,9 % – доверяют в этом отношении государству.

Таким образом, интеграция искусственного интеллекта в высшее образование – это неизбежный процесс, который коренным образом меняет функции преподавателя и методы его педагогической работы. Ключевым фактором успешной интеграции ИИ в учебную практику является мотивация педагогов, желание внедрять в учебный процесс цифровые технологии и инструменты ИИ. Исследование выявило неоднозначность позиции преподавателей к использованию искусственного разума: с одной стороны, желание открыть для себя новые возможности для автоматизации рутинных процессов и персонализации обучения, с другой – опасения по поводу этических рисков и потери человеческого взаимодействия. Значительна пока доля преподавателей, которые выражают полное непринятие технологий ИИ, что в первую очередь связано с недостаточной цифровой компетентностью преподавателей, слабой информированностью о возможностях ИИ, а также с другими особенностями их профессионального бэкграунда.

Успешное внедрение ИИ в образовательный процесс требует системной поддержки преподавателей, не ограниченной разработкой методических рекомендаций и созданием этических стандартов. Вузам следует совершенствовать формы организационной поддержки использования ИИ в учебном процессе, вводить более дифференцированные программы переподготовки и курсы повышения квалификации, учитывающие различные уровни владения цифровыми компетенциями для преподавателей.

Литература:

1. Буякова К.И., Дмитриев Я.А., Иванова А.С., Фещенко А.В., Яковлева К.И. Отношение студентов и преподавателей к использованию инструментов с искусственным интеллектом в вузе // Образование и наука. 2024. № 26(7). С. 160–193. DOI: 10.17853/1994-5639-2024-7-160-193.
2. Давыдова Г.И., Шлыкова Н.В. Риски и вызовы при внедрении искусственного интеллекта в систему высшего образования // Вестник практической психологии образования. 2024. Т. 21. № 3. С. 62–69. DOI: https://doi.org/10.17759/bppe.2024210308
3. Елсакова Р.З., Маркусь А.М. Повышение квалификации преподавателей вуза в области искусственного интеллекта: современное состояние // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. № 11. С. 73–94. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-11-73-94.
4. Петрунева Р.М., Филатова М.Н., Чудасова Т.Д. Системы искусственного интеллекта в сфере образования: отношение преподавателей (на примере ВолгГТУ) // Primo Aspectu. 2024. № 2. С. 19–31. DOI: https://doi.org/10.35211/2500-2635-2024-2-58-19-31
5. Раицкая Л.К., Ламбовска М.Р. Перспективы применения ChatGPT для высшего образования: обзор международных исследований // Интеграция образования. 2024. Т. 28. № 1. С. 10–21. DOI: https://doi.org/10.15507/1991-9468.114.028.202401.010-021
6. Радчикова Н.П., Одинцова М.А., Сорокова М.Г. Отношение преподавателей российских вузов к цифровой образовательной среде // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2023. № 20(2). С. 311–330. DOI: 10.22363/2313-1683-2023-20-2-311-330
7. Сысоев П.В. Искусственный интеллект в образовании: осведомлённость, готовность и практика применения преподавателями высшей школы технологий искусственного интеллекта в профессиональной деятельности // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 10. С. 9–33. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-10-9-33.
8. Bell R., Bell H. Entrepreneurship Education in the Era of Generative Artificial Intelligence // Entrepreneurship Education. 2023. DOI: 10.1007/s41959-023-00099-x
9. McGrath C., Cerratto Pargman T., Juth N., Palmgren P.J. University teachers' perceptions of responsibility and artificial intelligence in higher education – An experimental philosophical study. Computers and Education: Artificial Intelligence. 2023. № 4(2). P. 100–139. DOI: 10.1016/j.caeai.2023.100139
10. Reina Marín Y., Cruz Caro O., Maicelo Rubio Yd.C., Alva Tuesta J.N., Sánchez Bardales E., Carrasco Rituay A.M., Chávez Santos R. Artificial intelligence as a teaching tool in university education // Frontiers in Education. 2025. № 10. DOI: 10.3389/feduc.2025.1578451

11. Tan X., Cheng G., Ling M.H. Artificial intelligence in teaching and teacher professional development: A systematic review // Computers and Education: Artificial Intelligence. 2025. Vol. 8. DOI: https://doi.org/10.1016/j.caeai.2024.100355.

12 Бурганова Л.А., Юрьева О.В., Кукушкина О.Ю. Риски использования искусственного интеллекта в высшем образовании: взгляд студентов // Вестник экономики, права, социологии. 2025. № 2. С. 241–246. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-241-246.

University Teachers' Attitude Towards Artificial Intelligence

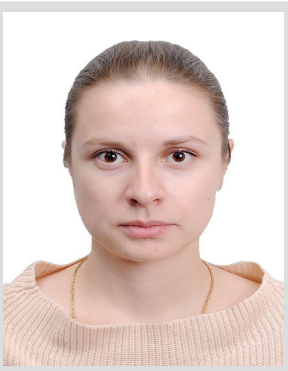
Burganova L.A.
Kazan (Volga Region) Federal University
Myagkov G.P.
Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov
Yurieva O.V.
Kazan (Volga Region) Federal University

Today, the most important function of teachers is to expand their own and their students' capabilities in using various AI tools and technologies to improve the quality, accessibility, and effectiveness of education. The key factor in successfully integrating AI into university teaching practices is the motivation of teachers and their willingness to incorporate digital technologies and AI tools into the learning process. The article is based on the results of an online survey titled "AI in Higher Education: Teachers' Attitudes". The presented results of the empirical study demonstrate the ambiguity of teachers' attitude towards the use of artificial intelligence: on the one hand, there is a desire to discover new opportunities for automating routine processes and personalizing learning, but on the other hand, there is resistance to the implementation of digital technologies due to a combination of both objective and subjective reasons. In our opinion, the key reason for the low demand for digital technologies and AI in the teaching practice of teachers is the formal approach of universities themselves to the issue of improving the digital competence of teachers.

Keywords: artificial intelligence, teachers, higher education, functions and tools of AI in education, risks of using artificial intelligence in higher education

УДК 316.334.56 : 303.722.4
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-226-232

Трансформация российского общества в связи с социально-экономическими противоречиями в развитии городов (на примере г. Москвы): традиционные и инновационные группы

Горчакова Д.С.
Кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва)

Российское общество переживает сложный и противоречивый переход от индустриальной модели к цифровой и постиндустриальной. Инновации проявляются не столько в виде прорывных технологий без учёта их реального применения и контекста, то есть изолированно от потребностей рынка, существующих процессов или практической реализуемости, сколько как адаптационные механизмы – новые социальные практики, экономические модели и цифровые сервисы, которые помогают обществу функционировать в новых условиях, диктуемых как глобальными трендами, так и внутренними вызовами. В данной статье описывается взаимодействие между различными городскими группами жителей (а именно между инновационными и традиционными группами) и критерии их трансформации из одного кластера в другой.

В рамках данного исследования применен кластерный анализ. Новизной данного анализа является выявление и систематизация жителей на примере города Москвы на две основные группы: традиционные и инновационные, с тем чтобы классифицировать социально-экономическое неравенство данных групп и примыкающих к ним групп, а также выявить основные возможные решения для устранения городского социального неравенства.

Ключевые слова: *трансформация российских городских жителей, город Москва, городское развитие, социально-экономические противоречия, инновационные группы, традиционные группы, кластеры*

Для цитирования: *Горчакова Д.С. Трансформация российского общества в связи с социально-экономическими противоречиями в развитии городов (на примере г. Москвы): традиционные и инновационные группы // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 226–232. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-226-232.*

Трансформация российских городских жителей, особенно в контексте столицы, действительно во многом определяется социально-экономическими противоречиями, то, что называют *urban development* [1] – городское развитие. В данной статье исследован этот процесс через призму взаимодействия традиционных и инновационных групп на примере столицы Российской Федерации – города Москвы.

Город Москва – это город-архипелаг, где в одном пространстве сосуществуют радикально разные «миры». С одной стороны, возможно наблюдать пространственное неравенство – «благоустроенного центра» и «спальных районов» – внутригородскую (внутриурбанистическую) поляризацию [2, с. 552], при котором центральные районы города получают преобладающую долю инвестиций, тогда как периферийные районы часто страдают от недостатка

развития инфраструктуры. Также можно выделить и модернизационный аспект: противоречие между стремлением властей сделать Москву «мировым городом» (с точки зрения внедрения инноваций, создания комфортной среды) и инерцией советского наследия в управлении, архитектуре и менталитете.

С другой стороны, необходимо отметить экономический разрыв между высокооплачиваемыми специалистами глобального сектора (IT, финансовая сфера) и работниками бюджетной сферы, сервиса.

Стоит подчеркнуть и культурный конфликт, существующий между ценностями глобализации, космополитизма и традиционных, патриархальных, национально-ориентированных устоев.

Именно в этих противоречиях формируются, сталкиваются и взаимодействуют традиционные и инновационные группы городских жителей.

Эти расхождения возникают в том числе из-за различий в ценностях, интересах и способах адаптации к изменениям. Рассмотрим основные аспекты этого конфликта.

В работе А.С. Иванова исследованы тенденции развития социально-экономического пространства города, в которой он подчеркивает выше обозначенные противоречия и поляризацию районов внутри одного города. «Действительно, российское общество, даже разные города, даже районы внутри одного города, могут жить одновременно и в аграрном, и в экономическом, и в "постэкономических" укладах. И если расширение последнего, например, в столичном мегаполисе носит самоподдерживающийся характер за счет капитализации экономического пространства взаимодействий, связанных не с созданием продукта, а с услугами, индустрией развлечений и т.п., то в остальных городах страны деиндустриализация может привести лишь к ещё большему удорожанию жизни, разрыву социального пространства города, существенной дифференциации по уровню жизни, маргинализации населения» [3, с. 52].

Статистически обоснованных групп населения, которые по-разному включены в процессы городского развития и несут на себе разную нагрузку социального неравенства, по сути, не существует. Чтобы их выделить, необходимо провести анализ существующего населения города, выделить критерии, по которым можно разделить городских жителей на группы. Такая кластеризация и анализ трансформационных последствий неравенства российских городских жителей может выглядеть следующим образом (см. рис. 1).

Для анализа в данной работе используются переменные, описывающие положение жителей города Москвы по нескольким осям. В качестве параметров исследования возьмем следующие данные:

1. Экономический капитал. В переменную будет входить несколько критериев отбора:

– уровень дохода: а) высокие доходы – свыше 1 млн руб. в месяц – в 2025 г. зарабатывали 28 097 чел. [4], что составляет 0,2 % от общей численности населения Москвы на 2025 г. (т.е. от 13 млн 274 тыс. чел.) [5]; б) 16,3 % самых низкооплачиваемых работников получают до 45 тыс. руб. [6]; в) 10,1 % получают от 45 до 60 тыс. руб. в месяц [6]; г) 32,6 % работников получают зарплату от 100 до 120 тыс. руб. [7]; д) 10 % самых высокооплачиваемых работников получают от 350 тыс. руб. до 1 млн руб. [8].

– тип занятости: а) традиционный сектор – заявленная предприятиями и организациями потребность в работниках на конец декабря 2022 г. составила 114,4 тыс. чел., из них 65,5 % – рабочих профессий [9]; б) инновационный сектор, по данным мэра Москвы С.С. Собянина, на 2025 г. в московском технологическом секторе занято более 1,58 млн человек [10]. Формальная занятость – в августе 2025 г. зафиксирована цифра в 7 млн 392 тыс. чел. [11], что составляет 55,6 %. Неформальная занятость (количество занятых в неформальном секторе за первое полугодие 2025 г., по состоянию на июнь 2025 г. составило 470 тыс. чел.) [12].

– форма занятости: а) наемный работник (в структуре доходов населения Москвы оплата труда наёмных работников составляет 75,2 %. Эти данные относятся к структуре доходов населения, где оплата труда наёмных работников занимает основную долю, численность наемных сотрудников в Москве около 7,8–7,9 млн чел.) [13]; б) самозанятый – число самозанятых в Москве в 2025 г. превысило 2,1 млн чел., что составляет около 27 % [14]; в) ста-

Рис. 1. Методологическая основа кластерного анализа жителей российского города (на примере г. Москвы)

тус предпринимателя – в Москве сегодня насчитывается свыше 927 000 организаций малого и среднего предпринимательства (МСП), что соответствует примерно 85 % всех городских компаний и около 14 % от общероссийского показателя) [15].

2. Человеческий капитал (образование и навыки). Включает в себя: а) уровень образования – по данным на 2021 год, доля населения с высшим образованием составляет 51,8 %; б) владение цифровыми навыками («по итогам Всероссийской акции "Цифровой диктант" жители столицы набрали 7,51 балла из 10 возможных») [16]; в) знание иностранных языков, по данным на 2025 г., 53,86 % изучают и знают английский язык [17]; г) способность к переобучению – по данным Центра занятости населения города Москвы, «в первом полугодии 2025 г. количество вакансий с обучением выросло на 36 % по сравнению с аналогичным периодом 2024 г. Число откликов на такие предложения увеличилось на 51 %» [18].

3. Пространственный капитал. К нему относятся следующие составляющие: район проживания (центр, периферия, спальный район), доступ к качественной инфраструктуре (транспорт, парки, поликлиники, коворкинги).

4. Социальный капитал. Доступ к социальным и профессиональным сетям, возможность влиять на принятие решений (через территориальное общественное самоуправление – ТОС, общественные слушания).

Предполагаемые образованные кластеры и их характеристика

На основе полученных переменных можно выделить 5 ключевых кластеров города Москвы, которые ярко демонстрируют картину социального неравенства городских жителей. Данные кластеры будут классифицированы по нескольким параметрам: основная характеристика, пространственная привязка, уровень неравенства, роль в развитии города.

Кластер 1: Ядро инновационной экономики – инновационная группа жителей города

По аналогии с исследованием И.В. Ивлевой, посвященным мегаполисам как ядра инновационного развития всей страны и её регионов [19, с. 75], можно выделить ядро инновационной экономики такой составляющей, как город – совокупность высококонцентрированных интеллектуальных, финансовых и технологических ресурсов, инфраструктуры и человеческого капитала, которые генерируют и коммерциализируют новые знания и технологии, определяя конкурентоспособность города и его роль как глобального инновационного хаба.

Характеристика: высокообразованные специалисты (финансовый сектор и банковские услуги, информационные технологии и разработка ПО, добыча и переработка полезных ископаемых (центральные офисы), креативные индустрии, R&D). Отличаются высокими доходами, проектной занятостью, часто самозанятостью или работой в международных компаниях.

Пространственная привязка: проживают в центре города или в благоустроенных «элитных» районах. Работают в бизнес-центрах или удаленно.

Неравенство: практически не испытывают негативных сторон городской среды. Имеют максимальный доступ ко всем благам. Их главная «проблема» – риски, связанные с волатильностью инновационного сектора (например, увольнение в стартапе).

Роль в развитии: основные бенефициары и драйверы инновационного развития.

Кластер 2: «Обслуживающая периферия инноваторов» – инновационная группа

Характеристика: работники сферы услуг, ориентированной на «ядро»: бариста в коворкингах, курьеры доставки еды и маркетплейсов, сотрудники фитнес-центров, клинеры. Это новая форма занятости, которая возникла в результате развития цифровых технологий и инноваций. Данные работники работают во фрилансе или по краткосрочным контрактам. Характеризуются средними или низкими доходами, часто нестабильной занятостью.

Пространственная привязка: проживают на окраинах, вынуждены тратить много времени на дорогу в центры активности «ядра».

Неравенство: физически находятся в сердце инновационной экономики, но экономически и социально исключены из нее. Их благополучие напрямую зависит от спроса со стороны «ядра», но они не имеют его стабильности и привилегий. Яркий пример нового неравенства.

Роль в развитии: обеспечивают функционирование инфраструктуры для «ядра», но сами остаются уязвимой группой.

Кластер 3: «Стабильное традиционное ядро» – традиционная группа

Характеристика: работники бюджетной сферы (учителя, врачи), госслужащие, сотрудники крупных градообразующих промышленных предприятий. Отличаются стабильной занятостью, но невысоким доходом, социальными гарантиями.

Пространственная привязка: часто «прописаны» в своих районах десятилетиями, живут в зонах старой застройки.

Неравенство: испытывают относительную депривацию: их статус и доходы не растут так же быстро, как у «инновационного ядра». Чувствуют, что их профессии недооценены. Могут быть исключены из цифровой среды.

Роль в развитии: обеспечивают базовую стабильность и функционирование города, но не являются драйверами роста.

Кластер 4: «Уязвимые в традиционном секторе» – традиционная группа

Характеристика: неквалифицированные рабочие, работники *declining industries* (умирающих

отраслей), например наборщики текста, газетные журналисты, архивариусы и бухгалтеры. В данной группе сохраняются низкие доходы и высокие риски бедности.

Пространственная привязка: городские жители данной группы часто концентрируются в самых депрессивных районах, общежитиях, ветхом жилом фонде.

Неравенство: работники испытывают множественную депривацию: экономическую, пространственную, цифровую. Наиболее остро страдают от плохой экологии, недоступности качественных услуг и являются главными жертвами неравенства.

Роль в развитии: исключены из процессов развития, являются объектом социальной поддержки.

Кластер 5: «Прекариат на стыке секторов»

Характеристика: представителями кластера являются водители такси, работники курьерских служб. Их труд использует инновационные платформы, но сама занятость нестабильна, низкооплачиваема и лишена социальных гарантий (как в традиционном секторе). Данная группа сталкивается с последствиями инноваций, но не является их инициатором или носителем.

Пространственная привязка: постоянно перемещаются по городу, не имеют привязки к конкретному месту работы.

Неравенство: формально являются частью «цифровой экономики», но по сути – современный аналог индустриальных рабочих с крайне низкой защищенностью. Попадают в «ловушку» платформенной занятости.

Роль в развитии: обеспечивают мобильность и логистику для города, но их положение системно уязвимо.

Выводы и импликации проведенного кластерного анализа

Произведенный кластерный анализ показывает, что образовавшееся социальное неравенство – это не просто разрыв между «богатыми» и «бедными». Это многомерная и структурированная система, в которой можно выделить несколько основных аспектов включения городских жителей в тот или иной кластер (табл. 1):

1. Появление новых форм неравенства – возникают кластеры, для которых характерно сочетание включенности в инновационные процессы и социально-экономической уязвимости (Кластеры 2 и 5). Это образует, в свою очередь, вызов для традиционной государственной социальной политики.

2. Пространственная сегрегация – каждый кластер имеет свою «территорию/границу», что ведет к усилению разрыва между частями города.

3. Необходимость проведения адресной политики – существующие универсальные меры поддержки не будут функционировать. Нужны точечные интервенции для каждого кластера:

– для Кластера 1 – «ядра», необходимо создание комфортной среды, чтобы целевая группа кластера не уезжала и не покидала пределы своих границ, а стремилась к развитию в своем ареале;

– для Кластеров 2, 5 – «обслуживающей периферии» и «прекариата» необходимо законодательное регулирование платформенной занятости, обеспечение социальных гарантий государством;

– для Кластера 3 – «традиционного ядра» требуются программы повышения квалификации, а также цифровизации городских жителей;

– для Кластера 4 – «уязвимых», нужна адресная социальная помощь и программы модернизации районов.

Таким образом, кластерный анализ позволяет перейти от констатации неравенства в традиционных и инновационных группах городских жителей к выработке конкретных, научно обоснованных мер по его снижению, учитывающих реальную структуру городского сообщества.

Изменение занятости в традиционных секторах потребует и простимулирует появление инноваций в городском обществе. Например, если в обрабатывающей промышленности будут требоваться высококвалифицированные специалисты по работе с данными для решения задач предприятия (*Data Scientist*), то от них будет расти спрос на IT-образование, следовательно, появятся новые онлайн-университеты и образовательные платформы (инновации в образовании).

4. Необходимо создание «точек роста» на периферии [20, с. 25]: развитие не просто жилых кварталов, а создание на окраинах полноценных масштабных инвестиционных проектов (МаИП) (например, в Северо-Западном и Новомосковском административных округах) [21] с офисами, бизнес-центрами, технопарками. Это позволит людям работать недалеко от дома.

Таблица 1

Сводная таблица кластеров

	Высокая включенность в инновации	**Низкая включенность в инновации**
Высокий доход/ стабильность	Кластер 1: Ядро инновационной экономики	Кластер 3: Стабильное традиционное ядро
Низкий доход/ нестабильность	Кластер 2: Обслуживающая периферия, Кластер 5: Прекариат	Кластер 4: Уязвимые в традиционном секторе

5. Требуется переход к полицентричности: создание и укрепление второстепенных центров притяжения (например, вокруг крупных транспортных узлов, как метро «Ховрино» или «Румянцево» в Москве), где будут сосредоточены торговые центры, социальные учреждения, культурные объекты.

6. Приоритетное развитие транспорта: ускоренное строительство станций метро, железнодорожных веток, запуск скоростных автобусных и трамвайных маршрутов, связывающих окраины между собой, а не только с центром.

7. Развитие программ реновации [22]. О главных целях и приоритетных направлениях программы реновации отметил С.С. Собянин: «Задачи, которые должна решить Программа реновации – это, в первую очередь, конечно, обеспечение граждан, которые проживают в ветхих домах, добротным жильем, создание качественной новой городской среды, решение вопросов транспорта, экологии, благоустройства» [22].

8. Соучаствующее проектирование [23]: вовлечение жителей спальных районов в процесс принятия решений о том, что именно нужно построить или благоустроить в их районе в первую очередь, а также равномерное распределение бюджетных средств на благоустройство не только центральных парков, но и дворов, районных скверов и парковок на периферии.

9. Создание парков в спальных районах – на примере благоустроенного парка «Химки» или обустройства зоны отдыха в Митино [23].

Российская система расселения стоит на пороге кардинальных изменений. Принятие в 2024 г. новой «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» [24] знаменует собой переход к абсолютно новой модели территориального планирования, в центре которой находится концепция опорных населенных пунктов [24].

В Стратегии выделяются крупные городские агломерации, которые должны стать «локомотивами» для развития всей страны. Агломерация города Москвы является главным таким центром. От ее эффективности и связей с другими регионами зависит успех развития Стратегии в целом. Это подразумевает развитие прилегающих территорий (городов-спутников, областей), создание интегрированной системы «работа – жилье – отдых» в масштабах данной агломерации, развитие скоростного транспорта (например, строительство МЦК и МЦД – Московских центральных диаметров), которые интегрируют различные районы Москвы и Московскую область со столицей. Это позволит снизить ежедневный приток из районов периферии в сторону центра города за счет создания в них привлекательных условий.

Современные российские города становятся ареной столкновения традиционных и инновационных групп населения, что ведёт к глубокой трансформации общества. Эти процессы связаны с технологическими изменениями, экономической перестройкой, миграционными процессами и культурными сдвигами.

Конфликт между традиционными и инновационными группами в российских городах – это столкновение разных экономических моделей, культурных ценностей и способов жизни. Устойчивое социально-экономическое развитие городов требует баланса между сохранением идентичности и внедрением инноваций, чтобы избежать усиления социального неравенства.

Трансформация российских городских жителей на примере города Москвы – это сложный, многогранный процесс, движимый социально-экономическими противоречиями городского развития. Традиционные группы обеспечивают социальную стабильность, но создают сопротивление изменениям. Инновационные группы выступают драйверами модернизации, но их запросы часто элитарны и не учитывают интересы широких слоев.

Городское пространство Москвы становится «полем битвы» и одновременно «лабораторией» по синтезу новых социальных моделей. Исход этой трансформации будет зависеть от того, смогут ли две основные группы городских жителей – традиционная и инновационная – найти не только точки конфликта, но и формы для диалога и создания по-настоящему инклюзивного, комфортного проживания для всех жителей города. Пока же Москва развивается по пути фрагментации, где разные группы сосуществуют в одном географическом пространстве, но живут в параллельных социальных реальностях.

На текущий момент не только Москва, но и другие российские города переживают глубокую трансформацию из-за противоречий между традиционными и инновационными моделями городского развития. Основные вызовы – растущее социальное неравенство, культурный раскол и усиленный экономический разрыв между городскими районами. Будущее зависит от того, сможет ли государство и общество найти баланс между модернизацией и социальной стабильностью.

Литература:

1. Urban Development // World Bank Group. 2025. URL: https://www.worldbank.org/en/topic/urbandevelopment/overview#2
2. Нефёдова Т.Г., Стрелецкий В.Н., Трейвиш А.И. Поляризация социально-экономического пространства современной России: причины, направления и последствия. Вестник Российской академии наук. 2022. Т. 92. № 6. С. 551–563.
3. Иванов А.С. Тенденции и противоречия развития экономического пространства города: методологические аспекты исследования. Вопросы методологии. 2014. Вып. 5. С. 49–58.
4. Росстат назвал регионы с самыми высокими зарплатами и где миллионеров нет вообще // Практическая помощь бухгалтеру – Клерк.ру. 2025. URL: https://www.klerk.ru/buh/news/656569/
5. Оценка численности постоянного населения (тысяч человек) // Управление Федеральной службы государственной статистики по г. Москве и Московской области. 2025. URL: https://77.rosstat.gov.ru/storage/mediabank.htm
6. Распределение населения г. Москвы по величине среднедушевых денежных доходов за 2011-2024 гг. // Управление Федеральной службы государственной статистики по г. Москве и Московской области. 2025. URL: https://77.rosstat.gov.ru/folder/64641
7. Всего чуть больше 30 % москвичей зарабатывают больше 100 тыс. рублей в месяц // Редакция Москвич Mag. 2022. URL: https://moskvichmag.ru/gorod/vsego-chut-bolshe-30-moskvichej-zarabatyvayut-bolshe-100-tys-rublej-v-mesyats/
8. Самые большие зарплаты месяца // hh.ru – платформа по поиску работы и подбору персонала. 2025. URL: https://hh.ru/article/14235.
9. Занятость и безработица в Москве в декабре 2022 года // Управление Федеральной службы государственной статистики по г. Москве и Московской области. 2022. URL: https://77.rosstat.gov.ru/folder/70759/document/196100
10. Собянин: технологический бизнес Москвы показывает устойчивый рост // Ведомости – ведущее деловое издание России. 2025. URL: https://www.vedomosti.ru/gorod/ourcity/articles/moskvi-pokazivaet-ustoichivii
11. Занятость населения и рынок труда // Официальный сайт Мэра Москвы. 2025. URL: https://ac.mos.ru/dashboards/key-indicators/labour-market/
12 Роструд выявил почти 500 тысяч нелегально занятых // Редакция Совкомбанка. 2025. URL: https://journal.sovcombank.ru/news/rostrud-viyavil-pochti-500-tisyach-nelegalno-zanyatih
13. Сколько зарабатывают и тратят в Москве и Подмосковье // Управление Федеральной службы государственной статистики по г. Москве и Московской области. 2022. URL: https://77.rosstat.gov.ru/folder/70759/document/175563.
14. Число самозанятых в Москве превысило 2,1 миллиона // Официальный сайт Мэра Москвы. 2025. URL: https://www.mos.ru/news/item/159395073.
15. Собянин: более 927 000 малых и средних предприятий зарегистрировано в Москве // Ведомости – ведущее деловое издание России. 2025. URL: https://www.vedomosti.ru/gorod/ourcity/articles/zaregistrirovano-v-moskve
16. Москва второй год подряд вошла в число победителей акции «Цифровой диктант» // Официальный сайт мэра Москвы. 2024. URL: https://www.mos.ru/news/item/146903073/
17. Сколько людей в России знают английский язык? // Школа английского языка Skyeng. 2025. URL: https://skyeng.ru/magazine/skolko-lyudej-v-rossii-znayut-anglijskij-yazyk/
18. Число вакансий с переобучением выросло на 36 % за год // Центр занятости населения города Москвы «Моя работа». 2025. URL: https://czn.mos.ru/EE/News/NewsCard/814?_=Chislo-vakansij-s-pereobucheniem-vyroslo-na-36-za-god
19. Ивлева И.В. Мегаполисы – ядра инновационного развития страны и ее регионов. Управленец. 2010. № 9–10 (13–14). С. 74–77.
20. Лащева Т.О. Полюса экономического роста как приоритеты развития региона на стратегическую перспективу: дисс. … канд. экон. наук. СПб. 256 с.
21. С начала года город выделил восемь участков для строительства многофункциональных комплексов в рамках МаИП // Официальный сайт мэра Москвы. 2025. URL: https://www.mos.ru/news/item/159846073/
22. О Программе реновации // Фонд реновации. 2025. URL: https://fr.mos.ru/o-programme/
23. Проектируем район // Программа мэра Москвы «Мой район». 2025. URL: https://pro-raion.ru/participation
24. Распоряжение от 28 декабря 2024 г. № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. 2025. URL: https://docs.cntd.ru/document/1310767692

Russian Society Transformation in Connection with Socio-Economic Contradictions in Urban Development (Illustrated by Moscow City): Traditional and Innovative Groups

Gorchakova D.S.
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Russian society is passing through a complex and contradictory conversion from the industrial model to digital and post-industrial one. Innovations appear not in the form of breakthrough technologies without taking into account their real application and context, namely in isolation from market needs, existing processes or practical feasibility, but rather as adaptation mechanisms - new social practices, economic models and digital services. The last ones help society function in new conditions dictated by both global trends and internal challenges.

This article describes the interaction between different urban groups of residents (namely, between innovative and traditional groups) and the criteria for their transformation from one cluster to another.

Cluster analysis was used in this study. The novelty of the study is to identify and systematize Moscow residents into two main groups: traditional and innovative, in order to classify the socio-economic inequality of these groups and adjacent groups, as well as to identify the main possible solutions for eliminating urban social inequality.

Key words: Russian urban resident transformation, Moscow city, urban development, socio-economic contradictions, innovative groups, traditional groups, clusters

УДК 316.4:316.3
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-233-238

Историческая память как элемент патриотической идентичности: День Победы в восприятии студентов

Дьякова В.В.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры гуманитарных наук и психологи
Астраханского государственного технического университета

Петрякова Е.А.
Кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры гуманитарных наук и психологии
Астраханского государственного технического университета

Горяева С.Н.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры гуманитарных наук и психологи
Астраханского государственного технического университета

В условиях глобализации и трансформации ценностных ориентиров, нестабильной политической обстановки как на мировой арене, так и в стране особую актуальность приобретает изучение механизмов формирования патриотической идентичности. С целью изучения исторической памяти о Великой Отечественной войне через призму студенческого опыта было проведено общероссийское мониторинговое исследование. В данной работе представлены результаты двух опросов, проведенных в 2020 и 2025 гг. в Астраханской области, которые позволяют проанализировать в динамике особенности патриотической идентичности, ее ценностный, когнитивный, эмоциональный и деятельностный компоненты. Сделаны выводы о превалировании патриотических идентичностей и государственно-гражданских ценностей в молодежной среде. Результаты, представленные в статье, будут интересны широкому кругу читателей, в том числе специалистам, занимающимся молодежной политикой, и непосредственно самим учащимся вузов.

Ключевые слова: *патриотизм, патриотическая идентичность, День Победы, историческая память*

Для цитирования: *Дьякова В.В., Петрякова Е.А., Горяева С.Н. Историческая память как элемент патриотической идентичности: День Победы в восприятии студентов // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 233–238. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-233-238.*

В условиях глобальных вызовов и трансформации мирового порядка вопрос формирования патриотизма в современной России приобретает особую значимость. Это не просто дань традициям – это

стратегическая необходимость, обеспечивающая устойчивость государства и преемственность поколений. Это любовь к Родине, фундамент, на котором строится гражданское самосознание и национальная идентичность. С точки зрения сохранения стабильности социального воспроизводства патриотизм способствует сохранению уникальных традиций, языка и исторического наследия в ответ на риск утраты самобытности в эпоху глобализации и активного культурного обмена, стимулирует сплочённость общества, помогает преодолеть внутренние разногласия и формирует чувство принадлежности к единому государственному и культурному пространству.

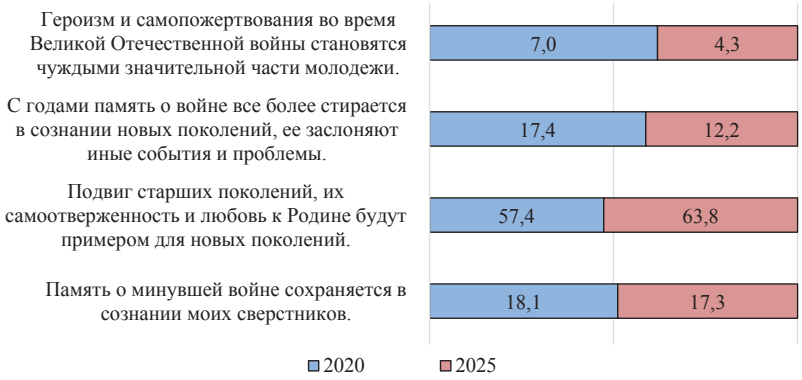

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Какие чувства у Вас вызывает приближающая дата празднования Победы в Великой Отечественной войне?», %

Историческая память – это совокупность знаний, представлений и чувств, связанных с прошлым своего народа, страны. Историческая память даёт понимание того, кто мы такие, откуда пришли и к чему стремимся [1]. Это осознание лежит в основе процесса патриотической идентификации. Патриотическая идентичность представляет собой осознание человеком своей принадлежности к определённому Отечеству, выражение любви и преданности своей стране, её истории, культуре и ценностям [2].

В данной работе для анализа патриотической идентичности студентов через призму исторической памяти будут использованы материалы опроса, проведенного среди студентов Астраханского государственного технического университета в 2020 г. (n = 430) и 2025 г. (n = 254) в рамках федерального мониторингового исследования «Студенчество о Великой Отечественной войне», реализуемого Российским обществом социологов (РОС) [3].

Общие исторические события, героические страницы прошлого, памятные даты – всё это объединяет людей, создаёт чувство солидарности и принадлежности к единому народу. Историческая память помогает преодолеть внутренние разногласия, напоминая о совместных испытаниях и достижениях. Согласно полученным данным, большинство астраханских студентов воспринимают победу в Великой Отечественной войне как пример героического патриотизма, образец самоотверженности и любви к Отечеству (рис. 1). Количество положительных оценок данного исторического события не только доминирует, но увеличилось за последние пять лет. Подвиги предков, их жертвенность ради свободы и независимости Родины вызывают чувство гордости и вдохновляют нынешнее поколение.

Общие исторические события, героические страницы прошлого, памятные даты – всё это объединяет людей, создаёт чувство солидарности. Историческая память помогает преодолеть внутренние разногласия, напоминая о совместных испытаниях и достижениях. Основными каналами информации о событиях 1941–1945 гг. традиционно являются (рис. 2): школьные учебники, учителя, рассказы родных, советские художественные фильмы. За пятилетний период увеличилась значимость телепередач и ток-шоу по телевидению в три раза, социальных сетей и форумов в интернете – в два раза, а вот активность встреч с ветеранами сократилась почти наполовину.

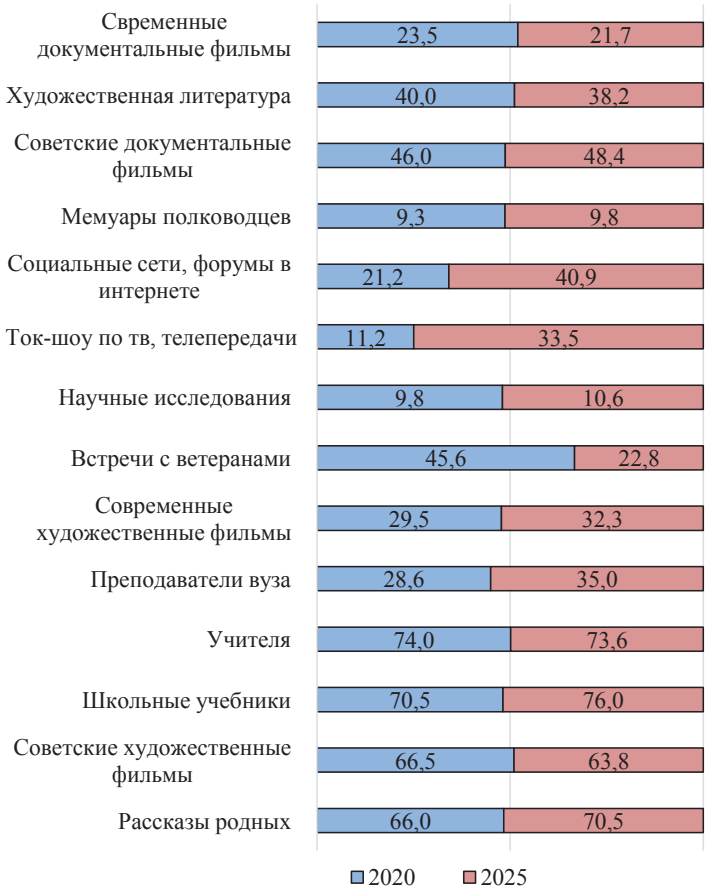

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Из каких источников Вы получили знания о Великой Отечественной войне?», %

Больше половины опрошенных регулярно обсуждают события 1941–1945 гг. в кругу семьи, причем чаще всего со старшими родственниками (рис. 3). Стоит уточнить, что семья как первичный институт социализации обеспечивает передачу ценностных установок и исторической памяти. Обсуждения войны в семейном кругу воздействуют на патриотическое сознание через персонализацию истории, формирование исторической преемственности, трансляцию ценностных ориентиров. Так, патриотические ориентации формируются посредством перевода абстрактных событий в плоскость личной биографии, что усиливает эмпатию и идентификацию; осознание связи «я – семья – страна», которое создаёт ощущение причастности к многовековой традиции. Стабильная межпоколенческая коммуникация обеспечивает эмоционально-личностное восприятие истории, создает устойчивую идентификацию с судьбой страны, формирует ответственную память как основу гражданской позиции.

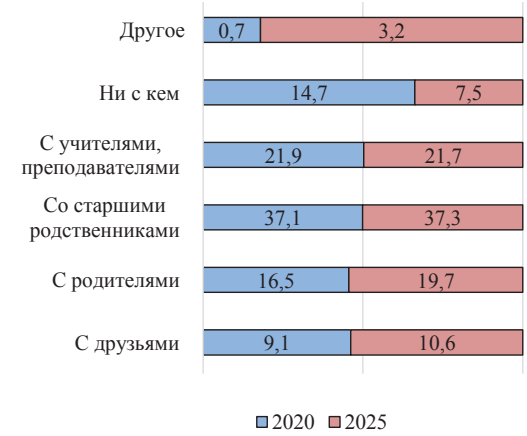

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «С кем Вы разговариваете о Великой Отечественной войне чаще всего?», %

Знания о Великой Отечественной войне помогают сохранить память о подвиге народа, о жертвах и победах. Они формируют представление о том, что такое настоящий патриотизм и гражданская ответственность. За период 2020–2025 гг. увеличилось количество студентов, оценивающих свой уровень знаний об исторических событиях как достаточный (рис. 4). Доля тех, у кого степень информированности была на отметке «неудовлетворительно» или «достаточно», практически не изменилась. Анализ событий Великой Отечественной войны помогает лучше понять причины и последствия военных конфликтов, извлечь уроки из ошибок и успехов прошлого. Эти уроки важны для формирования осознанного отношения к международной политике, вопросам мира и безопасности. Знание истории предостерегает от повторения трагических путей и способствует развитию культуры мирного разрешения конфликтов. Более того, в современном мире нередко встречаются попытки исказить или переписать историю. Знания о реальных событиях помогают противостоять фальсификациям, сохранять объективное представление о прошлом и защищать историческую правду. Это особенно важно для формирования критического мышления и умения отличать достоверную информацию от ложной.

Большинство астраханских студентов считают, что День Победы – значимое историческое событие, которое оказывает существенное влияние на формирование ценностных ориентиров современного общества (рис. 5). День Победы служит катализатором для изучения семейной истории и осознания вклада предков в победу в Великой Отечественной войне. Этот праздник символизирует не только военную победу, но и моральный триумф духа народа, его единства и стойкости. Студентам удается глубже понять исторические процессы и оценить масштаб подвига своего народа. Стоит отметить, что за последние пять лет фокус сменился – от личного, семейного понимания данного события в сторону государственно-гражданского содержания. Это реакция на масштабные изменения в международной и внутренней политике, произошедшие за этот период.

Значительная доля респондентов оценивает вклад СССР в победу во Второй мировой войне как существенно превышающий роль других стран (рис. 6).

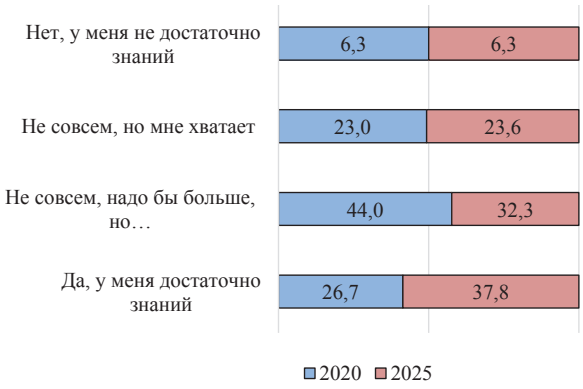

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы, что у Вас достаточно знаний о Великой Отечественной войне?», %

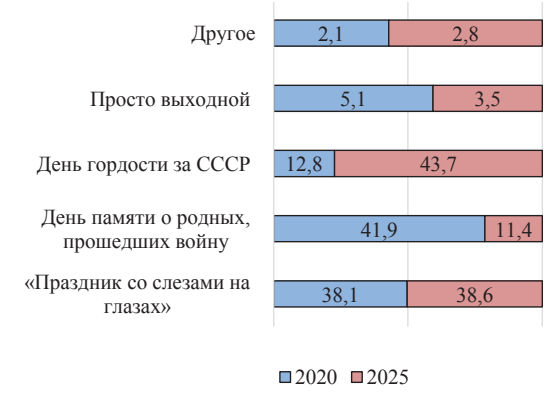

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Чем для Вашей семьи является «День победы»?», %

Высокая оценка участия СССР в победе обусловлена объективными историческими фактами, масштабом участия Советского Союза в боевых действиях и памятью о жертвах и подвигах народа. При этом важно учитывать комплексный характер войны и вклад всех стран-союзников. Баланс между признанием ведущей роли СССР и уважением к усилиям других участников антигитлеровской коалиции способствует формированию объективного исторического сознания и укреплению международного диалога о наследии Второй мировой войны. Такое общественное признание в молодежной среде могло сформироваться под влиянием: образовательных программ и учебников, акцентирующих внимание на ключевых событиях и жертвах; памятных дат и государственных праздников, посвящённых победе в Великой Отечественной войне; кинематографа, литературы и искусства, отражающих подвиг советского народа; семейных историй и устных преданий, передающихся из поколения в поколение.

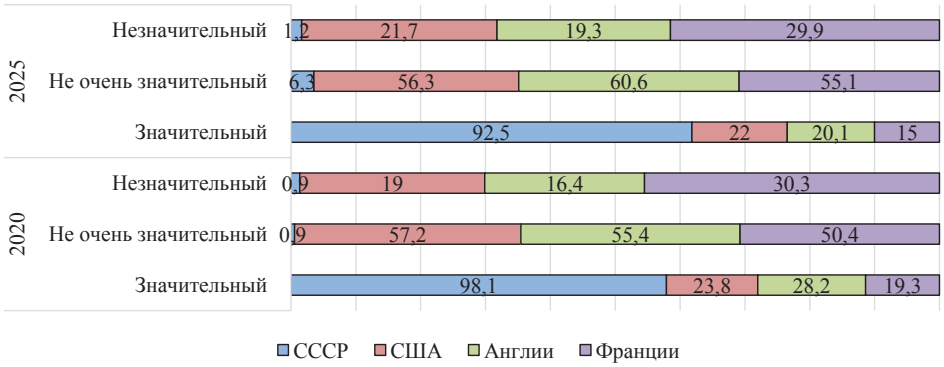

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос «Как вы оцениваете вклад в победу над фашизмом следующей страны?», %

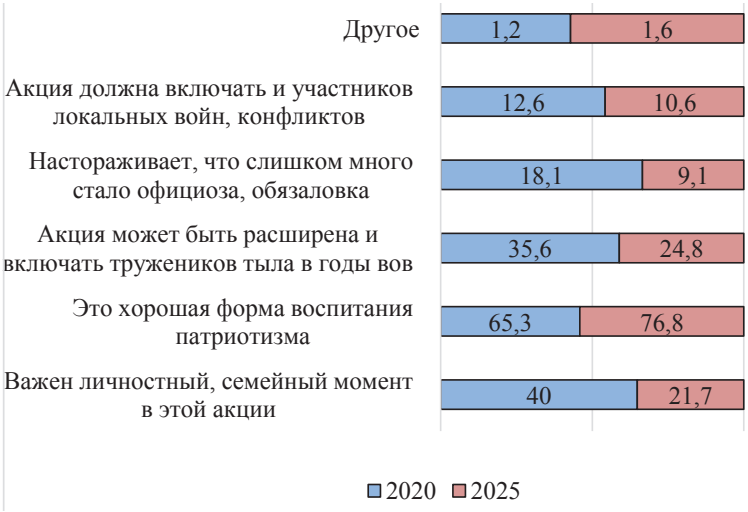

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос «Ваше мнение по поводу акции Бессмертный полк?», %

Одним из ярких проявлений патриотических чувств в современной России стала акция «Бессмертный полк», призванная сохранить память о Великой Отечественной войне и почтить память погибших и выживших ветеранов. Студенты как активная и восприимчивая часть общества играют значимую роль в участии и популяризации этой инициативы. По их мнению, это мероприятие представляет собой действенный метод развития патриотизма (рис. 7). Участие студентов в «Бессмертном полку» часто становится частью воспитательной работы вузов, способствует развитию волонтёрских навыков и формированию чувства сопричастности к судьбе страны. Сопричастность к такому событию катализирует личностное осмысление истории, укрепление межпоколенческой связи, развитие социальной активности, формирование гражданской идентичности. Студенты глубже узнают историю своей семьи и страны, что способствует формированию осознанного патриотизма. Подготовка к участию в шествии часто включает беседы с родителями, бабушками и дедушками, это помогает сохранить семейные воспоминания и традиции. Организация мероприятий в рамках «Бессмертного полка» побуждает студентов к общественной деятельности, учит командной работе и лидерским навыкам. Осознание себя частью большого исторического процесса укрепляет чувство принадлежности к своему народу и стране.

Большинство молодых астраханцев идентифицируют себя как патриоты (рис. 8), причем за пятилетний период их количество значительно выросло. Такая положительная динамика способствует сохранению стабильности в общественном воспроизводстве, особенно в части обеспечения национальной безопасности, экономического и социального развития, сохранения культурного и исторического насле-

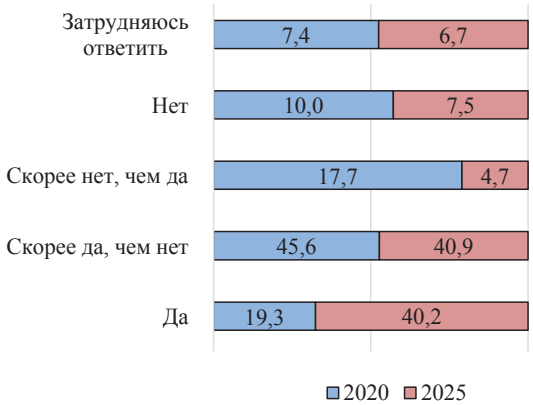

Рис. 8. Распределение ответов на вопрос «Вы можете назвать себя патриотом?», %

дия, а также формирования сильного гражданского общества.

Среди студенческой молодёжи патриотические ценности приобретают особое значение, поскольку именно эта социальная группа находится в процессе формирования мировоззрения и жизненных ориентиров. Всё больше молодых людей считают, что «быть патриотом» значит гордиться Россией, нести ответственность за события, происходящие в стране, жить в соответствии с традиционными моральными нормами (рис. 9). Показатели волонтерства и службы в армии как форм проявления патриотической активности уменьшились. Снижение показателей таких вариантов вовлеченности отражает глубинные трансформации ценностно-мотивационной сферы современного общества. Преодоление этой тенденции требует не механического наращивания количественных показателей, а системной работы по восстановлению смыслового ядра патриотической активности. Только комплексный подход, сочетающий институциональные реформы, культурную политику и индивидуальную мотивацию, способен обеспечить устойчивое развитие патриотической активности в её традиционных и инновационных формах [4].

Таким образом, формирование патриотизма в современной России – это долгосрочный проект, требующий консолидации усилий государства, общества и каждого гражданина [5]. Без знания прошлого невозможно построить достойное будущее, а патриотизм без опоры на историческую память рискует стать пустым лозунгом. Поэтому сохранение и передача исторической памяти – важнейшая задача для укрепления патриотических чувств и обеспечения устойчивого развития страны. Результаты проведенного исследования подтверждают доминанту патриотических идентичностей у студентов, сохранение исторической памяти и ее высокую значимость в восприятии молодых людей, наличие межпоколенческой преемственности. Патриотическое сознание служит фундаментом для консолидации общества, укрепления национального единства и решения стратегических задач, стоящих перед государством. В условиях современных геополитических вызовов и внутренних преобразований роль патриотов в России остаётся чрезвычайно важной и актуальной. Именно поэтому перспективным представляется дальнейшее междисциплинарное изучение патриотической идентичности и ее различных аспектов.

Рис. 9. Распределение ответов на вопрос «Что значит сегодня быть патриотом?», %

Литература:

1. Баранов А.В., Касьянов В.В., Самыгин П.С. Историческая память в российском обществе: основные проблемы формирования в контексте реализации государственной политики в области исторического просвещения // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 2 (83). С. 9–19.
2. Маленков В.В., Печеркина И.Ф. Патриотическая самоидентификация в системе гражданских ориентаций молодежи // Социология. 2019. № 6. С. 249–262.
3. Память сильнее времени: итоги V волны мониторинга «Российское студенчество о Великой Отечественной войне» (2005–2010–2015–2020–2025 гг.): монография / Е.В. Андрианова, Е.В. Ануфриева, А.А. Балясов [и др.]; под общей редакцией Ю.Р. Вишневского; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2025. 592 с.
4. Карагодина О.А., Литвинова И.Н. Волонтерство и благотворительность в системе патриотического воспитания молодежи: традиции и современность // Манускрипт. 2025. Т. 18. № 3. С. 1087–1093.
5. Маленков В.В. Патриотизм, гражданственность в политике и идентичности молодежи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 120–131.

Historical Memory as an Element of Patriotic Identity: Victory Day in Students' Perception

Dyakova V.V., Petryakova E.A., Goryaeva S.N.
Astrakhan State Technical University

In the context of globalization and the transformation of value orientations, unstable political situation both on the world stage and in the country, the study of the mechanisms of formation of patriotic identity is of particular relevance. In order to study the historical memory of the Great Patriotic War through the prism of student experience, an all-Russian monitoring study was conducted. This paper presents the results of two surveys conducted in 2020 and 2025. in the Astrakhan region, which make it possible to analyze the dynamics of the features of patriotic identity, its value, cognitive, emotional, and activity components. Conclusions are drawn about the prevalence of patriotic identities and state-civic values among young people. The results presented in the article will be of interest to a wide range of readers, including specialists involved in youth policy and university students themselves.

Keywords: patriotism, patriotic identity, Victory Day, historical memory

УДК 316.4
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-239-244

Феномен государственного управления в зеркале процессов децентрализации власти: социологический анализ

Ершов А.Н.
Доктор социологических наук,
профессор кафедры регионологии и цифровой гуманитаристики
Казанского (Приволжского) федерального университета

Сытин А.В.
Соискатель кафедры общей и этнической социологии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Актуальность темы обусловлена современными социально-политическими процессами в мире и в России. Общество изменений является вызовом для системы государственной власти, поскольку требует выстраивания диалогичных отношений власть – общество и формирования гибких структур, способных к быстрому реагированию на изменения внешней среды и внутренние процессы. Об этом говорят тенденции децентрализации власти, получившие распространение в большинстве стран. В то же время данные тенденции, будучи неконтролируемыми, могут нанести урон государственному развитию и социальным системам. Концептуализация феномена государственного управления не учитывает двусторонний характер этих процессов, фокусируясь на каком-либо одном из них.

Цель исследования – на основе социологического анализа различных подходов к государственному управлению выделить базовые признаки модели государственного управления, которые отражают потребности современных обществ в децентрализации.

Научная значимость исследования заключается в аналитическом сопоставлении социологических подходов к государственному управлению в контекстах процессов децентрализации власти, что способствует приращению теоретико-методологической базы в данной области социологического знания.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения полученных результатов и выводов в практике государственного и муниципального управления в России.

Научная новизна результатов состоит в выявлении базовых признаков модели государственного управления, которые отражают потребности современных обществ в децентрализации; на основе данных признаков возможно моделирование системы государственного управления в обществах изменений.

Ключевые слова: *государственное управление, децентрализация власти, методология, демократия, теория систем, местное самоуправление*

Для цитирования: *Ершов А.Н., Сытин А.В. Феномен государственного управления в зеркале процессов децентрализации власти: социологический анализ // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 239–244. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-239-244.*

В современном обществе динамика изменений привела к необходимости все больше рассматривать государственное управление как социальный институт децентрализации власти. Демократические процессы, охватывая большинство стран, способствовали тому, что само понятие «государственное управление» настолько трансформировалось, что требует новых концептуальных пояснений. Демократизация обществ и государств идет в ногу с децентрализацией власти – эти процессы тесно переплетены. Вместе с тем децентрализация власти, выступая траекторией развития государственной власти, все же не решает полностью проблем демократии. Сегодня сложно говорить о том, что имеет наибольшее влияние на демократизацию обществ. Однако важно говорить о том, что децентрализация хороша тогда, если она оптимально встроена в процессы государственного управления и сочетается с умеренным централизмом.

В эпоху постсовременности, когда динамика перемен очень высока, децентрализм в управлении имеет важное преимущество: он обеспечивает бóльшую степень институциональной гибкости, что повышает управляемость социальных систем. Одновременно децентрализм в управлении повышает согласованность процессов в социуме посредством выстраивания паритетных, диалогичных отношений между властью и общественностью, диверсификации форм политического участия граждан и их объединений. Однако это справедливо лишь при соблюдении определенных условий; нарушение этого баланса приводит к обратным последствиям, создавая сложности социального и институционального взаимодействия. В свете обозначенного становится очевидной важность изучения проблем развития децентрализации управления в обществе и государстве.

Актуальность данной проблемы обусловлена тем, что построение такой модели государственного управления, где централизм и децентрализация не противоречат, а органично дополняют друг друга, является одной из главных задач методологии государственного управления [1, с. 39–44]. Внедрение такой модели в практику управления государством позволит наилучшим образом поддерживать управляемость социальных систем на уровне государственных политик.

Цель статьи – на основе социологического анализа различных подходов к государственному управлению выделить базовые признаки модели государственного управления, которые отражают потребности современных обществ в децентрализации.

Основной методологией исследования в данной статье выступил социологический анализ различных теоретических подходов к государственному управлению. Применен общефилософский метод анализа разных моделей развития по их ключевым признакам. Использован типологический подход М. Вебера [2], при котором объект исследования наделяется идеально-типическими чертами для простоты соотнесения его с другими объектами. Авторами проведен теоретический обзор и сравнение нескольких, наиболее фундаментальных подходов к изучению феномена государственного управления. Процессы децентрализации власти привели ко все большей дифференциации базовых подходов на отдельные концептуальные идеи, в которых феномен государственного управления получает осмысление в качестве фактора, выступающего не только основанием, но и следствием данных процессов.

Следует отметить, что поставленная проблема обладает высокой степенью междисциплинарности в изучении различных своих аспектов и вопросов. Социологическое рассмотрение позволяет выстроить единую парадигму в понимании проблемы, в связи с чем социологический подход выступает концептуальным в изучении вопросов децентрализации управления. В то же время социологический подход не может успешно использоваться без привлечения знаний в области политических наук, экономических аспектов проблемы, в широком смысле – социальной теории, а также философского знания. Децентрализация управления выступает важным аспектом совершенствования качества жизни населения, что вызывает необходимость ее всестороннего изучения, с использованием методологии смежных наук.

Основным методологическим подходом к изучению государственного управления как социального института долгое время выступал системный подход (Г. Алмонд, Т. Парсонс). В качестве системы выступает государство с его основными подсистемами. В рамках данного подхода управление является механизмом развития системы на всех ее уровнях. Государственное управление призвано осуществлять взаимодействие государственного аппарата с внешней средой – обществом, другими государствами, глобальным рынком и институтами. Насколько гибко и адекватно внешним запросам работает данный механизм, настолько управляема система. В качестве элементов системы могут рассматриваться государственные органы, структуры и учреждения. В совокупности они формируют разные подсистемы и разные уровни государственного управления. Механизм государственного управления предполагает разграничение полномочий между уровнями и подсистемами. При этом система выстраивается

на принципе целеполагания (целерациональности) (Т. Парсонс) [3]. В качестве подсистем могут рассматриваться укрупненные компоненты системы, объединенные определенными целями, которые структурированы и занимают соподчиненное положение в рамках общей цели системы. Теория систем нашла свое продолжение и развитие в работах Н. Лумана о самореферентных (саморазвивающихся) системах [4].

Ограниченность системного подхода к изучению государственного управления проявила себя в обществе позднего модерна (1940-50-е гг.). Диверсификация экономик и все большая степень усложнения социальных систем и отношений привела к развитию неоинституциональных теорий. Это обусловлено тем, что конкретный индивид как субъект влияния не получал внимания исследователей и фактически «был лишен» свободы действий, нивелирован, также как и различные менее формальные образования (политические движения, местные сообщества, группы влияния). Теория государственного управления перешла на новый методологический уровень, в соответствии с новыми общественными потребностями.

Эти общественные потребности были связаны прежде всего с необходимостью повышения эффективности государственного управления, а также гибкости самого государственного аппарата. В этой связи растет значимость экономически детерминированных теорий государственного управления. В частности, получил распространение подход, названный обобщенно «новый государственный менеджмент» (НГМ). Данный подход доказывает, что «повышение эффективности деятельности органов государственной власти связано с наличием механизма конкуренции среди ведомств, системой внедрения инноваций, а также политической подотчетностью государственных органов перед обществом» [5, с. 172–174]. В рамках НГМ много концептуальных идей и теоретических взглядов, подчеркивающих определенную составляющую отношений общества – власть.

Например, это концепция экономической ответственности А. Шлейфера и Р. Вишны [6, p. 995–1025], в основе которой лежит тезис об обмене между политиками и корпорациями, что подчеркивает непрофессионализм и подкупаемость бюрократии. Или это экологический подход (тезис: результаты деятельности бюрократии зависят от характера внешней среды (экологии организации) и способности органов государственной власти управлять изменениями и инновациями с целью адаптации к этим изменениям) [7].

Этому же теоретическому направлению принадлежит подход, основанный на концепции управления качеством и клиентоцентричности: основной тезис состоит в необходимости создания в органах государственной власти системы постоянного совершенствования процессов и государственных услуг; вовлечении в эту деятельность государственных служащих, максимально используя их творческий потенциал, организуя их обучение и повышая их мотивацию. В клиентоцентричных моделях государственного управления отношения власть – общество предстают с точки зрения предоставления и получения услуг [8; 9]. Клиентом выступают граждане, их объединения, а также любые иные субъекты общественных отношений – компании и корпорации, некоммерческие организации, местные сообщества.

Таким образом, с середины и до конца XX столетия (1960–90-е гг.) в систему государственного управления постепенно стали внедряться экономические инструменты, а сам государственный аппарат все более подвергался экономической рационализации. На практике это проявилось через процессы децентрализации власти и управления, а также через использование различного рода общественных механизмов контроля и управления. Это послужило отправной точкой для создания новых концепций в рамках направления «теории общественного выбора» (Э. Даунс, Г. Таллок, У. Нисканен). Указанные авторы видели ценность государственного аппарата в его экономической целесообразности. К примеру, у У. Нисканена находим, что процесс принятия решений органами власти и управления должен осуществляться на контрактной основе и может быть коммерциализирован (на основе разделения производства услуг и их финансирования). Коммерциализация позволит вести четкий учет расходов и сравнивать их между собой в различных регионах и условиях [10, с. 477–493]. У Г. Таллока находим теоретическое обоснование необходимости совершенствовать принцип свободного предпринимательства внутри бюрократической структуры, в то время, как «*бюро существует само для себя*» [11, p. 167–169].

Теория общественного выбора имела важное значение для развития процессов децентрализации власти. Она фактически легитимировала возможность делегирования той части функций государственного аппарата на низовые звенья и местные структуры власти, которые центральному аппарату было не по силам эффективно выполнять. Тем самым, «общественный выбор» забирал и передавал на места определенные полномочия. Предполагалось, что местные власти более эффективно смогут решать подведомственные им вопросы.

Дальнейшая эволюция теорий государственного управления связана с возрастающей диверсификацией власти и ее все большим отчуждением от государства как социального института. Это означало, что власть более не рассматривается как исключительная прерогатива государственных органов власти и управления. Наоборот, она в большей мере

присваивается и другими социальными институтами. Растет роль таких субъектов власти как финансовые корпорации и экономические структуры, местные сообщества, некоммерческие организации, гражданские объединения, профсоюзы. По сути, больше нет единого центра власти, и понятие «государственное управление» приобретает иной смысл. В него вкладываются некие общественные ожидания того, что государственный аппарат призван и будет способствовать регулированию взаимоотношений между всеми другими субъектами и носителями власти в государстве, сохраняя тем самым его равновесие в условиях постоянных вызовов.

В конце XX столетия стали популярны теории, подчеркивающие изменение функций государства как социального института. Одним из таких примеров является точка зрения автора М. В. Харкевича, где он считает главным признаком трансформации государств переход от правительства (*government*) – к управляемости (*governance*), что и представляет собой, по сути, процесс децентрализации [12, с. 93–96]. Автор отмечает, что сфера экономики все более отделяется от государства, в то время как политическая «акторность» за ним сохраняется. При этом черты государственности все же стираются под воздействием возрастания числа акторов гражданского общества, а власть государства возрастает, но уже через опосредованные формы влияния.

Глобализация приводит ко все большему ослаблению государств как социальных институтов и централизованных структур управления, в противовес укрупнению и усилению негосударственных субъектов управления (прежде всего корпораций). В данном процессе важно выделить еще одну важную сторону: развитие систем самоуправления как отражение новых тенденций диверсификации властных полномочий и рассеивания власти. Местное самоуправление представляет собой инструмент децентрализации власти и выступает элементом демократизации обществ. Институт местного самоуправления чаще всего формально не входит в систему органов государственной власти, и его полномочия ограничены решением вопросов местного значения. Местное самоуправление (МСУ) также не имеет возможности самостоятельно определять направления развития территорий местных сообществ, поскольку данное развитие обусловлено общегосударственными вопросами, стратегиями и направлениями развития.

МСУ представляет собой, с точки зрения общественной теории, самостоятельный социальный институт, направленный на удовлетворение интересов и потребностей местных сообществ. Обоснование данной теории состоит в том, что МСУ является более гибким и в большей степени учитывает интересы граждан, избегая при этом излишней рутинизации и бюрократизации при обращении к центральным органам власти и управления. Также следует отметить, что органы самоуправления не могут полноценно функционировать в жестко централизованной и иерархизированной системе органов власти [13, с. 201–205]. Представляя собой проявление и результат процесса децентрализации власти и управления, тем не менее система МСУ не тождественна понятию «децентрализация» и не заменяет его.

Наличие властных полномочий у органов местного самоуправления обеспечивает определенный социальный порядок в отношениях между местными сообществами и органами местного самоуправления. В результате развивается социально-ориентированная управленческая система с целью обеспечения более эффективного социально-экономического развития местных сообществ и повышения уровня благосостояния граждан.

Поскольку государство утрачивает «ореол национального суверена», постольку все более утверждает себя новая модель «государства-координатора». В свою очередь, это требует развития механизмов самоуправления [14, с. 111–114]. По мнению С.В. Турусина, глобализация как новая эпоха значительно видоизменила функции и роль государства в общественном развитии. Эти функции частично перешли к транснациональным корпорациям. Соответственно, меняется и регулирование властных отношений внутри государств.

Таким образом, проведенный теоретический анализ показал, что развитие процессов децентрализации власти является отражением потребностей социальной системы в саморегулировании в ответ на вызовы внешней среды. В этом значение системного подхода как методологии изучения государственного управления нам представляется нисколько не уменьшаемым. Наоборот, только в рамках системного подхода и можно говорить о создании управляемой системы. В то же время, сквозь призму диверсификации и рассеивания власти между различными субъектами управления теория системного государственного управления безусловно нуждается в обновленных знаниях. И здесь она логично и гармонично дополняется теориями информационного общества, теориями коммуникативного общества, неоинституциональными теориями и экономическим подходом к управлению (новым государственным менеджментом (НГМ)), теориями общественного выбора (ТОВ), и другими, более частными теориями и концепциями.

Теоретический анализ различных подходов к изучению систем государственного управления позволяет выделить базовые признаки модели государственного управления, которые отражают потребности современных обществ в децентрализации и централизме. К таковым признакам целесообразно отнести:

– гибкость и подвижность системы государственного управления;

– возможность влияния на процесс государственного управления со стороны других институтов и субъектов управления, которые являются участниками отношений государство – власть – общество;

– диверсификация форм влияния данных институтов и субъектов (возможности влияния не ограничены каким-либо одним инструментом);

– расширение полномочий местной власти в виде органов местного самоуправления и местных сообществ для решения проблем, отражающих интересы граждан, проживающих на этих территориях;

– консолидация местных сообществ для решения вопросов более широкого значения – территориальных, региональных, национальных, для возможности выработки решений, наиболее полно отвечающих запросам всех субъектов управления, включая граждан и их объединения;

– развитие различных форм коллаборации местных сообществ с другими уровнями власти и встраивание их в качестве со-управленческого звена в систему отношений с органами государственного управления.

На основе сочетания данных признаков и может быть выстроена оптимальная система государственного управления в обществах изменений. Если данные признаки проявляют себя в функционировании и развитии системы государственного управления, это дает возможность считать ее максимально отвечающей потребностям общества, его институтов и подсистем.

Выделенные признаки отражают потребности общества в децентрализованном управлении и делегировании власти. В то же время тенденции децентрализации важно сдерживать некоторыми механизмами централизованного управления (тенденции централизма). Эти тенденции сами по себе не противоречат друг другу, но требуют обоснованного, взаимодополняющего подхода. Абсолютизация или доминирование какой-либо одной из этих тенденций приводит к нарушению баланса в системе государственного управления в современных социальных реалиях. Однако при конструировании и оптимизации системы государственного управления важно учитывать исторические и социологические предпосылки и условия для развития практик централизованного или демократического управления.

Литература:

1. Ершов А.Н., Панченко О.Л., Сытин А.В. Эволюция феномена бюрократии в контексте децентрализации власти // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2024. № 2. С. 38–47.
2. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Социология / Пер. с нем. под ред. Л. Г. Ионина. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2016. 448 с.
3. Парсонс Т. Социальная система. М.: Академический проект, 2018. 529 с.
4. Луман Н. Введение в системную теорию. Пер. с нем. / К. Тимофеева. М.: Изд-во «Логос», 2007. 546 с.
5. Баранова И. В. Новый государственный менеджмент как инструмент повышения эффективности государственного управления // Сибирская финансовая школа. 2016. № 4. С. 171–175.
6. Shleifer A., Vishny R.W. Politicians and Firms // The Quarterly Journal of Economics. 1994. № 109(4). P. 995–1025.
7. Дербетова Т.Н. Оценка эффективности государственного управления: от общих к конкретно-предметным // Интернет-журнал «Науковедение». 2012. № 1. URL: https://naukovedenie.ru/sbornik10/10_7.pdf
8. Alford J., O'flynn J. Rethinking public service delivery: Managing with external providers. Bloomsbury Publishing, 2012. 328 p.
9. Клиентоцентричный подход в государственном управлении: Навигатор цифровой трансформации / Под ред. О.В. Линник, А.В. Ожаровского, М.С. Шклярук. М.: РАНХиГС при Президенте РФ, 2020. 180 с.
10. Нисканен В. Особая экономика бюрократии. URL: http://analyticalschool.seinst.ru/milestones-of-economic-thought/VEHI4_Niskanen1.pdf
11. Tullock G. The Politics of Bureaucracy. Washington: Public Affairs Press, 1965. 299 p.
12. Харкевич М. В. Специфика государства как актора современной мировой политики: дисс. … канд. полит. наук. М., 2010. 194 с.
13. Ершов А.Н. Социальные ресурсы местного самоуправления. Казань: Идел-Пресс, 2001. 320 с.
14. Турусин С.В. Федерализм как форма властных отношений: сущность, типологическое своеобразие, перспективы развития: дисс. … канд. филос. наук. Уфа, 2016. 176 с.

The Phenomenon of Public Administration in the Mirror of the Processes of Decentralization of Power: A Sociological Analysis

Ershov A.N., Sytin A.V.
Kazan (Volga Region) Federal University

The relevance of this topic stems from contemporary socio-political processes worldwide and in Russia. A society of change poses a challenge to the system of public administration, as it calls for the need to build dialogic relations between government and society and the formation of flexible structures capable of quickly responding to changes in the external environment and internal processes. This is evidenced by the trends toward decentralization of power, which have become widespread in most countries. At the same time, these trends, if unchecked, can harm state development and social systems. The conceptualization of the phenomenon of public administration fails to take into account the two-sided nature of these processes, focusing on only one of them.

The aim of this study is to identify the basic features of a public administration model that reflect the needs of modern societies for decentralization, based on a sociological analysis of various approaches to public administration.

The scientific significance of this study lies in the analytical comparison of sociological approaches to public administration in the context of power decentralization processes, which contributes to the development of the theoretical and methodological base in this area of sociological knowledge. The practical significance of the study lies in the potential application of the obtained results and conclusions to public and municipal governance in Russia.

The scientific novelty of the results lies in the identification of the fundamental characteristics of a public administration model that reflect the needs of modern societies for decentralization. Based on these characteristics, it is possible to model public administration systems in changing societies.

Keywords: public administration, decentralization of power, methodology, democracy, systems theory, local government

УДК 316.4.06
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-245-253

Образовательные стратегии молодежи: принципы конструирования и контуры будущего в международной перспективе*

Ефлова М.Ю.
Доктор социологических наук, профессор, и.о. директора
Института социально-философских наук и массовых коммуникаций
Казанского (Приволжского) федерального университета

Максимова О.А.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры общей и этнической социологии
Казанского (Приволжского) федерального университета,
доцент кафедры социологии, политологии и менеджмента
Казанского национального исследовательского технического
университета им. А.Н. Туполева – КАИ

Минзарипов Р.Г.
Доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой общей и этнической социологии,
Президент Казанского (Приволжского) федерального университета

Нагматуллина Л.К.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии, политологии и менеджмента
Казанского национального исследовательского технического
университета им. А.Н. Туполева – КАИ

В статье рассматривается процесс конструирования образовательных стратегий современной молодежью. На основе анализа результатов международного социологического исследования выявляются подходы к их построению, определяется степень влияния различных факторов на процесс их конструирования.

Целью исследования является характеристика образовательных стратегий молодежи, изучение подходов к их формированию и оценка влияния различных факторов на этот процесс. Основными задачами стали анализ предпочтений молодежи в выборе формата и содержания образо-

* Статья подготовлена в рамках проекта № FZSM-2023-0022 «Цифровая социализация и цифровая компетентность молодежи в условиях глобальных системных изменений: технологии регулирования, риски, сценарии» по государственному заданию, выданному Казанскому федеральному университету.

вания, изучение роли семьи и педагогов в принятии решений, а также оценка привлекательности российского образовательного пространства для иностранных студентов.

Проведенное исследование представляет ценность благодаря широкому охвату и представительности выборки, а также комплексному подходу к изучению проблемы. Оно позволяет сформулировать рекомендации по совершенствованию системы образования, созданию эффективных механизмов поддержки молодых людей и повышению конкурентоспособности отечественного образования на мировом рынке образовательных услуг. Авторы отмечают, что в современных условиях только за счет укрепления и расширения международных связей в области образования может быть обеспечено стратегическое партнерство между странами с дальнейшим повышением качества и статуса отношений до уровня союзничества.

Ключевые слова: *молодежь, образование, образовательные стратегии, цифровое поколение, качество образования, международное сотрудничество в сфере образования*

Для цитирования: *Ефлова М.Ю., Максимова О.А., Минзарипов Р.Г., Нагматуллина Л.К. Образовательные стратегии молодежи: принципы конструирования и контуры будущего в международной перспективе // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 245–253. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-245-253.*

В настоящее время для современной молодежи постулат относительно значимости и ценности образования как источника формирования объема знаний, навыков и опыта, ценностных начал личности, необходимого стартового ресурса, определяющего будущую профессиональную востребованность, и стратегического актива, гарантирующего успешную жизненную самореализацию, служит фундаментом для конструирования индивидуальных образовательных маршрутов.

Анализ и понимание образовательных ориентиров современного молодого поколения, уровня концентрации его жизненных устремлений и интересов в среде, где происходит приобретение новых знаний, степени выраженности намерений на постоянное наращивание их массива и признания весомости и важности получения образования, способствует оценке возможных перспектив включения молодежи в реализацию созидательного трека развития страны как динамичной, интеллектуально образованной и высококвалифицированной части общества, способной не только «отвечать на вызовы времени, на равных участвовать в формировании повестки развития» [1] страны, обеспечивать ее независимость от внешних изменений, демонстрировать эффективные результаты на пути достижения ключевых национальных целей, но и в новых реалиях формирования полицентричного мира содействовать расширению границ диалогового, партнерского взаимодействия по различным направлениям международного сотрудничества.

В современных условиях стратегическое партнерство с дальнейшим повышением качества и статуса отношений между странами до уровня союзничества, характеризуемого высокой интенсивностью развития отношений, их положительной динамикой, может быть обеспечено только за счет укрепления и расширения международных связей в области образования. Признание нашей страной необходимости консолидации усилий по решению данной задачи, нашедшее отражение в четко сформулированной национальной цели развития Российской Федерации по «увеличению к 2030 году численности иностранных студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования в российских образовательных организациях высшего образования и научных организациях, не менее чем до 500 тыс. человек» [2], продемонстрировало «открытость внешнему миру» [2] и готовность выработки конкретных решений в этом направлении. Закреплением и упрочением данной позиции стала инициация и реализация ряда национальных и федеральных проектов: «Молодежь и дети», «Россия в мире», «Россия – привлекательная для учебы и работы страна», «Развитие экспортного потенциала российской системы образования», «Приоритет-2030». Ключевые мероприятия проектов, направленные на «обеспечение расширения международного сотрудничества в сфере образования за счет увеличения численности иностранных граждан, в том числе студентов, охваченных образовательными проектами и программами» [3], «развитие международного молодежного сотрудничества и продвижение российских традиционных ценностей за рубежом» [4], «повышение интереса к русскому языку, российской системе образования» [5] и «привлекательности российских образовательных программ для иностранных граждан» [6], «увеличение доли отечественной науки и высшего образования на глобальном рынке» [7], подтвердили намерения отечественной системы науки и образования, даже в непростых условиях современных мировых

процессов, поддерживать прочные связи с участниками международного образовательного и научного сообщества, заинтересованными в развитии конструктивного сотрудничества и признающими российское образовательное пространство в качестве благоприятствующего получению качественных знаний и компетенций.

Несомненно, образование с его мощным созидательным потенциалом социального института, направленным на передачу знаний молодому поколению, его подготовку к выполнению новых ролей и одновременно реализующим функцию культурного наследования, выступает в качестве связующего механизма народов и культур, поэтому расширение сотрудничества в области образования является фундаментальной предпосылкой стабилизации связей и отношений, позволяющей молодежи разных стран строить более совершенный мир с опорой на незыблемый принцип непреходящей роли и значимости межкультурных и образовательных обменов в установлении надежных, прочных, дружеских контактов между странами, успешном решении задач и проблем, стоящих перед мировым сообществом.

В современных условиях знание и углубленное понимание партнеров на внешнем контуре в преломлении образовательных стратегий молодежи и принципов их конструирования позволяет уловить и зафиксировать сходства и различия в построении представителями учащейся молодежи разных стран траекторий образовательного совершенствования, определить потенциально возможные точки интеграции позиций, способные объединять народы на основе взаимопонимания, уважения и сохранения значимости национальных образовательных традиций, как в настоящем, так и в будущем. Поэтому абсолютная убежденность в том, что образовательное пространство может и должно выступать в качестве площадки дружеского диалога молодежи разных стран, поиска новых форм взаимодействия, обусловила определение цели настоящего исследования – охарактеризовать образовательные стратегии молодежи, выявить подходы к их построению, определить степень влияния различных факторов на процесс их конструирования.

Не снижая интенсивности изучения современного поколения молодежи в различных исследовательских ракурсах социологического анализа на протяжении более чем десяти лет, коллектив казанских ученых-социологов постоянно стремится к расширению географии исследований. Такая позиция объясняется причинами следующего характера: во-первых, очевидностью того, что на данный момент не исчерпаны все возможные исследовательские сюжеты изучения современной молодежи и не задействованы все возможные ресурсы социологической науки по анализу и объяснению жизненных стратегий молодого поколения; во-вторых, пониманием того факта, что в современных условиях увеличивается запрос на постоянное приращение знаний о социальной группе молодежи как акторе будущих преобразований; в-третьих, убежденностью в том, что исследования, проводимые исключительно на систематической основе, при постоянном расширении диапазона опросов, увеличивающего количество опрашиваемых за счет использования в этом процессе цифровых технологий, способны предоставить информацию, позволяющую осуществить более глубокое осмысление и социологическую оценку изучаемых явлений.

Показательным в этом плане явилось проведенное в июне – июле 2025 г. группой исследователей Казанского (Приволжского) федерального университета при участии авторов статьи международное исследование по изучению молодежных тенденций в области образования и карьерных траекторий, ставшее логическим продолжением ранее реализованных проектов регионального и всероссийского уровней. Внушительный масштаб исследования имеет социологическую значимость в части предоставления уникального, репрезентативного эмпирического материала, способного качественно повысить уровень обоснованности выводов в процессе анализа полученных данных.

С целью выявления механизмов конструирования образовательных стратегий молодым поколением было проведено массовое онлайн-анкетирование в цифровой среде, позволившее обеспечить репрезентативность выборки объемом 2171 респондент и участие в нем представителей 79 стран, расположенных в Южной и Юго-Восточной Азии, Африке, Центральной Азии, Латинской Америке, Восточной Европе, на Ближнем Востоке, Кавказе, Балканах, а также Китая и России. Впечатляющее количество стран, молодежь которых в возрасте от 14 до 35 лет стала участницей опроса, социально-демографический профиль респондентов, имеющий следующий вид: среди опрошенных – 51,4 % мужчин и 48,6 % – женщин, которые по-разному оценивают свое материальное положение и сгруппированы по возрастам в следующие подгруппы: 14-17 лет (11,0 %), 18-22 года (28,1 %), 23-28 лет (28,1 %), 29-35 лет (32,7 %), имеют разное семейное положение: женат/замужем – 19,0 % опрошенных, не женат/не замужем – 81,0 % респондентов, а также 46,9 % которых в настоящий момент учатся, 33,8 % – работают, не работают – 10,1 %, находятся в поиске учебного заведения – 9,2 %, формируют предположение о содержательном многообразии оценок и мнений молодежи в отношении рассматриваемой темы опроса, а, следовательно, требует анализа и соответствующих выводов.

Рассмотрим отдельные результаты исследования.

Образование как неотъемлемый элемент, интегрированный в жизнь каждого нового поколения

молодежи, пространство социализации и перспектив, во все времена обеспечивало каждому человеку определенный жизненный старт, возможность раскрытия и реализации его потенциала, достижения поставленных целей. Не случайно, образование в структуре приоритетов жизненных ценностей молодежи всегда занимало и продолжает занимать одно из ведущих мест, а его роль и значение в качестве прочного жизненного основания не подвергается сомнению, что подтверждается и результатами нашего исследования, которые свидетельствуют, что абсолютное большинство участников онлайн-опроса – 99,4 % респондентов имеют определенный уровень образования: у 48,2 % опрошенных – это высшее образование на уровне бакалавриата/специалитета, у 26,1 % – высшее образование на уровне магистратуры, 8,5 % респондентов имеют ученую степень, звание, учатся или закончили аспирантуру, среднее специальное образование у 3,4 %, а 17,8 % респондентов на момент проведения опроса указали, что имеют среднее общее образование, то есть закончили школу. Как видим, современная молодежь ориентирована на получение образования, и переоценки его ценности не фиксируется.

В стремительной динамике изменений современного мира, ставшей частью жизненной повседневности молодежи, необходимость адаптироваться к стремительно изменяющимся условиям современных реалий обуславливает потребность постоянного совершенствования, сопровождаемого непрерывным обучением и регулярным обновлением знаний. Это побуждает к реализации новых подходов при разработке индивидуальных образовательных стратегий. В этих условиях уровень образовательных запросов молодежи демонстрирует рост, о чем свидетельствует наличие опыта выбора образовательного учреждения после окончания школы у 81,2 % респондентов и стремление выпускников школ продолжить обучение. Предметом пристального анализа становится и место будущего обучения, при этом набор критериев, по которым осуществляется выбор, может быть достаточно обширным и содержать до пятнадцати и более пунктов. Так, например, в иерархии наиболее значимых критериев, определивших выбор учебного заведения в качестве места будущего обучения, опрошенных в ходе исследования молодых людей, в порядке убывания соответствующих процентных показателей по количеству ответивших, расположились аргументы в пользу «наличие в учебном заведении необходимой специальности» (47,3 %), «высокое качество подготовки» (42,4 %), «высокая репутация учебного заведения» (39,5 %), «хорошая перспектива трудоустройства после завершения учебы» (28,6 %). Пятерку лидирующих критериев замкнул показатель «низкая стоимость обучения или возможность бесплатного обучения» (23,8 %), далее были отмечены: «насыщенная студенческая жизнь, интересные мероприятия, общение» (17,3 %), «развитая научно-исследовательская деятельность в учебном заведении» (15,5 %), «хорошая обеспеченность оборудованием» (13,4 %), «возможности для стажировок, предоставляемые учебным заведением» (12,6 %), «предлагаемые современные программы обучения» (11,7 %). Такова десятка наиболее часто встречающихся ответов, хотя ими не ограничивается перечень критериев, в соответствии с которым происходит выбор учебного заведения и список можно продолжить, включив в него «близость расположения учебного заведения к месту жительства» (10,4 %), «рекомендация учебного заведения друзьями», ориентация на тех, кто «уже учился в этом учебном заведении», отсутствие «возможности поступить в другое учебное заведение». Незначительный процент тех респондентов, кто затруднился ответить на этот вопрос, а он составил всего 0,6 % от количества опрошенных, подтверждает серьезность и вдумчивость современной молодежи в отношении выбора места обучения. Независимо от принадлежности респондентов к той или иной возрастной подгруппе опрошенных и от того, функционируют ли они в образовательной среде в настоящий момент или подобный опыт для них остался в прошлом по завершении учебы, представители молодежи стремились выразить свою точку зрения относительно заданного вопроса. Более того, зависимость между требованиями, предъявляемыми респондентами к месту будущего обучения, и признаками пола, возраста, материального и семейного положения не прослеживалась, процентные показатели по каждому из критериев находились фактически на одном уровне, различаясь в десятых долях числовых значений.

При формировании образовательных стратегий молодое поколение анализирует современное образовательное пространство с разных ракурсов. В поле зрения молодежи попадают и такие аспекты, как реализуемый формат и формы обучения. Например, наиболее эффективным респондентам представляется очный формат обучения. Эта точка зрения является доминирующей у 53,7 % опрошенных молодых людей. Причем данный формат обучения одинаково предпочтителен для молодежи разных возрастных групп, разного уровня образования на момент опроса и материального состояния. Наряду с этим 40,1 % респондентов считают наиболее приемлемым вариантом смешанное, гибридное обучение, которое одновременно сочетает в себе очный формат и частично дистанционный, и только 2,9 % респондентов выбрали дистанционный формат. При этом какой бы ни был предпочитаемый формат обучения, наиболее привлекательными формами занятий являются лекции в учебном заведении (63,5 % опрошенных), практика у реальных работодателей (58,7 %) и дискуссии на семинарах (53,5 %). В связи

с чем, следует отметить, что традиционные формы обучения, несмотря на попытки утверждать, что они не соответствуют современным требованиям, демонстрируют свою жизнеспособность и остаются наиболее востребованными у современной молодежи, которая в условиях цифровой социализации испытывает постоянный дефицит непосредственного межличностного общения, а потому высоко ценит такие формы проведения занятий, при которых трансляция и генерация знаний, овладение навыками и умениями происходит при непосредственном участии преподавателей и практиков из числа представителей организаций различных отраслей экономики.

Современная молодежь, находящаяся в процессе поиска ясных и четко определенных ценностных ориентиров, придающих жизни смысл и способствующих обеспечению благополучного будущего, при выборе оптимального пути решения задачи по выбору места обучения стремится задействовать все возможные ресурсы с целью повысить результативность самостоятельных усилий и минимизировать возможные ошибки и их последствия. В этом непростом процессе учет совокупности факторов – индивидуальных, учитывающих собственные желания, таланты и устремления человека, и внешних, ориентирующих его на получение информации из других источников, способен повысить эффективность принимаемого решения. Поэтому неудивительно, что большинство наших респондентов (61,7 % опрошенных) при ответе на вопрос онлайн-анкеты «Чье мнение Вы учитывали при выборе учебного заведения?» отметили, что мнение именно родителей стало для них решающим, и выразили таким образом доверие поколению, чей опыт и умение адекватно оценивать жизненные ситуации могут помочь сделать правильный выбор и найти свое предназначение. Однако 18,9 % респондентов посчитали, что родственники все же оказывали на них давление в ходе принятия такого непростого решения. Конечно, желание родителей помочь не равнозначно «навязыванию» своего опыта младшим поколениям, тем более что подмена одного понятия другим чревата возникновением конфликтов и потерей родительского авторитета, а межпоколенческое взаимодействие в семье должно строиться на иных принципах, предполагающих наличие границ самостоятельности и ответственности у представителей ее молодого поколения. Безусловно, для разновозрастной молодежи, независимо от страны проживания, активное участие родителей в решении жизненно важных вопросов молодого поколения является не просто нормой, а свидетельством сохраняющегося диалога поколений в пространстве внутрисемейных трансфертов, присущего традиционно стабильной и прочной семье. И в этом плане показательна позиция отечественной молодежи, признающей «решающее воздействие внутрисемейных межпоколенческих отношений на подрастающее поколение, формирование его ценностных ориентаций» [8, с. 188]. Для нее, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), «рекомендации родителей играют важную роль в профессиональном самоопределении» [9].

Молодежь разных стран высоко оценила роль учителей в реализации выбора учебного заведения для дальнейшего обучения. Важно отметить, что для 42,3 % наших респондентов таким проводником в будущую профессию стали наставники-учителя, на которых возложена миссия не только по передаче, упорядочиванию и систематизации знаний, но и по снижению уровня неопределенности, часто тревожащей молодежь в отношении определения будущей траектории жизненного движения, а также задача по выполнению роли «учителя-инфлюенсера, лидера мнений – того, кто транслирует важные смыслы и на кого так хочется быть похожим» [10], и кто способен взять на себя ответственность за молодые поколения, помочь в преодолении жизненных трудностей.

В современных условиях совет со стороны родителей, близких родственников, учителей, друзей, а также полная и достоверная информация, поступающая из интернет-источников и СМИ, являются для молодежи необходимым условием преодоления жизненных сложностей различного характера. Что касается проблем, которые связаны с выбором вуза (специальности), то они, по мнению опрошенных, определяются в первую очередь «высокой конкуренцией среди абитуриентов», на что указали 55,1 % респондентов. 53,4 % опрошенных в качестве риска, способного изменить жизненные планы и поменять траекторию образовательного маршрута, отметили «высокую стоимость обучения». При этом для респондентов, оценивающих свое материальное положение как удовлетворительное (среди которых 43,6 % считают его «хорошим» и 53,5 % характеризуют как «скорее хорошее»), указанная причина материального характера, способная стать препятствием при поступлении в желаемый вуз или выбрать необходимую специальность, также является достаточно весомой, как и для 71,8 % респондентов, оценивающих своё материальное состояние как «плохое». Разница в числовых показателях очевидна, как и вероятная разная степень остроты восприятия и оценки материального положения. Более того, представители старшей и младшей молодёжи – участники опроса – видят эту проблему одинаково значимой. Вариантом ее решения является поступление на бюджетную форму обучения как в вуз своей или другой страны, но при условии наличия соответствующего качества подготовки со стороны абитуриентов, а также программ по поддержке иностранной молодежи, приезжающей с целью получения образования, в принимающей стране. Так,

например, опыт действия механизма по предоставлению Правительством Российской Федерации квот на обучение иностранных граждан, предусматривающий выделение бюджетных средств не только на образование, но и на оплату расходов, связанных с перелетом, проживанием, медицинской страховкой, а также на выплату повышенной ежемесячной стипендии, дополненный грантовой поддержкой молодежи и направленный на привлечение талантливой молодежи других стран к обучению в российских вузах, в том числе из дружественных стран дальнего зарубежья [11], показал свою эффективность. Этот механизм может быть широко растиражирован и успешно работать на укрепление международных связей в области образования. Тем более что у самой молодежи стремление приобщиться к лучшим научным и образовательным практикам присутствует. При достаточно высоком уровне оценки доступности качественного образования в своих странах (по данным нашего исследования, в их число вошли Китай, Россия, страны Латинской Америки, Ближнего Востока и Центральной Азии с соответствующими оценками респондентов в диапазоне от 8 до 6,76), варианты получения образования в зарубежных учебных заведениях при поддержке принимающей стороны также не исключаются и по-прежнему находятся в зоне интересов современной молодежи.

Цели личностного роста (66,7 % респондентов), стремление обменяться опытом и развить *soft-skills* навыки (54,8 %), сформировать профессиональные и социальные связи (45,4 %), улучшить языковые компетенции (34,9 %), расширить кругозор (33,4 %) движут молодыми людьми, выступают в качестве главных факторов, мотивирующих молодежь на принятие решения об обучении в другой стране. Таким образом, молодежь не рассматривает образовательную мобильность в качестве самоцели, природа побудительных мотивов характеризуется ориентацией на саморазвитие и совершенствование, приобретение знаний и навыков, способных обеспечить успешное личностное и профессиональное становление.

По результатам нашего исследования наибольший опыт обучения в других странах имеет молодежь Китая (66,7 %), на втором месте – представители стран Ближнего Востока (65,2 %), на третьем – Африканского континента (45,6 %). При этом наиболее востребованными молодежью направлениями подготовки являются «политология, международные отношения, регионоведение» (13,5 %), экономика, менеджмент, государственное управление (10,4 %), информатика и информационные технологии (8,1 %), здравоохранение и медицина (7,6 %), инженерное дело (6,6). Такой подход к построению образовательной траектории, предполагающий поиск новых возможностей и их практическую реализацию, не только обеспечивает высокий образовательный уровень и ускоряет достижение жизненных целей, но и устанавливает эффективную научную и образовательную коммуникацию между странами.

Согласно мнениям опрошенной молодежи, характер трудностей с которыми им пришлось столкнуться при выборе вуза и будущей специальности, был обусловлен также причинами «недостатка информации о поступлении» и «недостатка информации о профессиях», на это указали 35,2 и 28,4 % респондентов соответственно. И сколь бы парадоксальным в эпоху современного информационного-цифрового общества, на первый взгляд, не выглядело присутствие в перечне трудностей этих двух проблем, даже с учетом допущения возможного ограничения доступа к получению информации, они, с одной стороны, фактически обозначили необходимость повышения уровня качества подачи и структуризации материала о правилах и условиях поступления в вузы, увеличения объема информационных материалов тематической направленности, освещающих содержательные аспекты различных профессий и специфику обучения им, с другой – продемонстрировали требовательность современной молодежи к получению значимой для них информации и тщательной проработке вопросов, касающихся жизненного самоопределения. Еще одной трудностью, отмеченной 18,7 % респондентов, стала «недостаточность подготовки», признаваемая ими в качестве необходимого условия поступления в высшее учебное заведение и выбора предпочитаемой специальности. Как видим, построение образовательной стратегии не исключает наличие трудностей при одновременно широком диапазоне возможных действий, поэтому задача их минимизации в целях недопущения ошибок и исключения нелинейного характера реализации жизненных планов в отношении получения образования является для молодежи одной из ключевых, чтобы не испытывать чувства разочарования в выбранной специальности и вузе. В целом, при отчетливо просматриваемой совокупности респондентов, кто уверенно ответил, что «не испытывал чувства разочарования в выбранной специальности и вузе» (37,4 %) и тех, кто более склонен считать, что «скорее не испытывал» разочарования (13,7 %), к сожалению, наблюдалось 11,8 % и 12,6 % респондентов, кто убежден в ошибочности своего выбора и оценивает его скорее как неправильный. В этом отношении возрастной ресурс опрошенной молодежи, и в том числе, определяемый имеющимся у нее временным заделом, способен изменить ситуацию и скорректировать направленность образовательной траектории, исключив при этом вероятность возможных ошибок. Для 43,1 % респондентов пик неудовлетворенности выбором специальности (вуза) пришелся на период, когда обучение приближалось к своему экватору. Преобладание в мнениях молодежи подобных оценок может быть объяснено

тем, что именно в это время происходит увеличение количества изучаемых предметов, в том числе «специальных», по выбранному направлению подготовки, сопровождаемое ростом объема и интенсивности нагрузки, необходимостью максимальной концентрации усилий, преодоления трудностей, что порой и влечет за собой формирование сомнений по поводу правильности сделанного выбора места обучения и будущей специальности, являющихся часто не результатом взвешенной оценки происходящего и поиска конструктивного решения проблем, а следствием эмоциональной и физической усталости, которая возникает, по-видимому, на фоне часто практикуемого в настоящее время учащейся молодежью совмещения учебы и работы.

Широкий географический контекст проведенного исследования позволил установить, что данная тенденция актуальна для 37 % опрошенной молодежи, которая полагает, что работа в период обучения позволит им «самоутвердиться, повысить самооценку» (98,5 % респондентов), «приобрести полезные связи и знакомства» (89,0 %), будет способствовать «приобретению определенного опыта работы» (81,7 %), даст возможность «иметь дополнительный доход и в меньшей степени зависеть от родителей» (60,6 %) и только 20,9 % респондентов объяснили реализацию подобной практики «необходимостью оплачивать свое обучение».

Приоритетные ответы респондентов, свидетельствующие о стремлении молодежи ускорить процесс освоения комплекса взрослых ролей, их желание как можно быстрее встроиться в систему отношений, которая обеспечит сепарацию от родителей и желаемую самостоятельность, с одной стороны, поддерживают «наметившийся тренд на короткие образовательные маршруты, обусловленный желанием молодежи как можно скорее выйти на рынок труда» [12], с другой – формируют, при несомненном признании ценности любого трудового опыта для молодого поколения, определенные сомнения относительно как возможности в условиях одновременной работы и получения образования обеспечить получение знаний в достаточном объеме, позволяющим в дальнейшем занять более высокий профессиональный статус, так и невозможности, осуществляя трудовую деятельность в студенческие годы в сфере, далекой от получаемого направления подготовки, в полной мере осознать суть получаемой профессии, приобрести опыт работы по специальности, который действительно будет способен обеспечить конкурентные преимущества и успешность среди аналогичных специалистов на рынке труда. И сколь бы велико ни было желание 48,2 % респондентов-женщин и 32,6 % респондентов-мужчин, 43,5 % опрошенных, не состоящих в браке на период опроса, а также 33,3 и 43,6 %, имеющих, по их мнению, хорошее материальное положение, получать дополнительный доход и в меньшей степени зависеть от родителей, образовательная стратегия, ориентированная на интенсивное освоение знаний в период обучения, представляется более предпочтительной в свете преимуществ и будущих жизненных перспектив, а совмещение обучения с работой – лишь возможным вариантом в случаях наличия у обучающихся семьи, острой необходимости, обусловленной материальным положением, необходимостью оплачивать обучение.

В исследованиях современного поколения молодежи, за которым твердо закрепилось название «цифровое», авторы не смогли обойти вниманием аспект изучаемого вопроса, касающийся возможности широкого использования искусственного интеллекта (ИИ), нейросетей в образовании. При постоянно растущем объеме их присутствия в жизненном пространстве молодое поколение активно использует его возможности в разных целях. Так, 80,5 % респондентов имеют опыт его применения в повседневной жизни, 60,5 % опрошенных задействуют ИИ в работе, сфера образования также не стала исключением, поэтому высок процент наших респондентов – 81,3 %, отметивших, что имели опыт обращения к нейросетям. Следует отметить, что независимо от пола, возраста, материального состояния, наличия опыта обучения за рубежом уровень востребованности ИИ у респондентов фактически одинаковый, о чем свидетельствует статистика числовых показателей с минимальной числовой разницей. Написание текстов (эссе, рефераты и т.п.) с помощью ИИ практикует 62,9 % респондентов, с его помощью переводят текст 49,4 %, при решении задач/упражнений используют 48,4 % опрошенных. В иерархии действий, производимых с помощью ИИ, данные показатели заняли первые три позиции. К сожалению, очевидны негативные последствия данной практики, способной ослабить мотивацию к обучению у молодежи, привести к нежеланию самостоятельно мыслить, анализировать, следствием чего может стать конструирование образовательной стратегии по принципу «наименьшего сопротивления», минимального приложения усилий, что в дальнейшем грозит полной потерей интереса к процессу обучения. Поэтому недопущение абсолютизации возможностей ИИ, тем более в области образования, признание его лишь в качестве дополнительного инструмента реализации образовательных процессов в цифровую эпоху при определяющей роли преподавателя способно обеспечить необходимое качество подготовки специалистов. Несмотря на то что большинство опрошенной молодежи положительно относится (47,6 % – «положительно» и 36,0 % – «скорее положительно») к расширению возможностей использования ИИ в образовании, обращает на себя внимание тот факт, что младшая молодежь группы 14–17-летних по сравнению с 29–35-летни-

ми высказывается более сдержанно относительно такой перспективы, о чем свидетельствуют эмпирические данные с числовыми показателями 40,9 и 54,1 % респондентов соответственно по группам. И хотя разница показателей, на первый взгляд, может показаться не столь существенной, но все же допускает вывод о понимании молодежью роли ИИ в образовательном процессе, характеризуемой отсутствием у нейросетей возможностей воссоздавать психологически тонкие аспекты, которые способны сформировать благоприятную среду для овладения знаниями, навыками и умениями.

В заключение отметим, что в современных условиях востребованности на рынке труда специалистов с широким набором компетенций, соответствующих требованиям настоящего времени, только продуманный сценарий конструирования образовательных стратегий, основанный на признании ценности знаний и возможности приобретения нового опыта при расширении границ международного сотрудничества в области образования, может обеспечить его успешную реализацию.

Литература:

1. Послание Президента Федеральному собранию. URL: http://kremlin.ru/events/president (дата обращения: 07.10.25).
2. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: http://publication.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 07.10.25).
3. Паспорт национального проекта «Молодежь и дети». URL: https://base.garant.ru/412383950/ (дата обращения: 07.10.25).
4. Путин поручил сформировать федеральный проект «Россия в мире». URL: https://tass.ru/nacionalnye-proekty/21539737 (дата обращения: 07.10.25).
5. Федеральный проект «Россия – привлекательная для учебы и работы страна». URL: https://www.economy.gov.ru/material (дата обращения: 07.10.25).
6. Приоритетный проект «Развитие экспортного потенциала российской системы образования». URL: https://pm.center/library/prioritetnye-proekty/obrazovanie/prioritetnyy-proekt-razvitie-eksportnogo-potentsiala-rossiyskoy-sistemy-brazovaniya/?sphrase_id=178967 (дата обращения: 10.10.25).
7. Приоритет-2030. URL: https://priority2030.ru (дата обращения: 10.10.25).
8. Нагматуллина Л.К., Максимова О.А. Диалог поколений в пространстве внутрисемейных трансфертов: в контексте дискурса реальных и условных поколений // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 2. С. 186–192
9. ВЦИОМ новости: Профориентация: хорошо, но мало! URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/proforientacija-khorosho-no-malo (дата обращения: 15.10.25).
10. Воспитатель? Преподаватель? Лидер мнений? Дискуссии о роли учителя в XXI веке. URL: https://wciom.ru/expertise/vospitatel-prepodavatel-lider-mnenii-diskussii-o-roli-uchitelja (дата обращения: 15.10.25).
11. Минобрнауки России разрабатывает механизмы по увеличению численности иностранных студентов в России. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/4114/ (дата обращения: 20.10.25).
12. ВЦИОМ: аналитический обзор. Поиск работы во время дефицита кадров. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/poisk-raboty-vo-vremja-deficita-kadrov (дата обращения: 20.10.25).

Youth Educational Strategies: Design Principles and Future Outlines in an International Perspective

Eflova M.Iu., Maximova O.A., Minzaripov R.G.
Kazan (Volga Region) Federal University

Nagmatullina L.K.
Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev – KAI

The article examines the process of constructing educational strategies by contemporary youth. Based on an analysis of the results from international sociological research, approaches to their formation are identified, as well as the degree of influence of various factors on this process.

The aim of the study is to characterize the educational strategies of young people, explore methods for their development, and assess the impact of different factors on this process. Key tasks included analyzing preferences among young people regarding formats and content of education, studying the role of families and educators in decision-making processes, and evaluating the attractiveness of Russian educational spaces for foreign students.

This research is valuable due to its broad scope and representative sample size, along with a comprehensive approach to problem exploration. It allows formulating recommendations aimed at improving the educational system, creating effective support mechanisms for young individuals, and enhancing the competitiveness of domestic education within the global market of educational services. The authors emphasize that only through strengthening and expanding international connections in the field of education can strategic partnerships between countries be ensured, leading to further improvements in quality and elevation of relations to alliance levels.

Keywords: youth, education, educational strategies, digital generation, quality of education, international cooperation in the field of education

УДК 316.4
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-254-259

Цифровая социализация студенческой молодежи в России: тенденции, риски и стратегии адаптации в образовании и на рынке труда*

Закиров А.М.
Аспирант кафедры общей и этнической социологии,
ассистент кафедры государственного и муниципального управления
Казанского (Приволжского) федерального университета

Актуальность исследования обусловлена глубоким влиянием процессов цифровизации на социальные и профессиональные траектории молодежи. Цель работы — выявить тенденции, риски и стратегии цифровой социализации российских студентов. На основе вторичного анализа данных за 2022–2025 гг. проанализированы уровень цифровой грамотности, трансформация образовательных практик и изменения в профессиональной сфере. Установлен ключевой дисбаланс между развитыми техническими навыками и дефицитом критического мышления, а также различия в адаптационных стратегиях студентов. Разработаны рекомендации для образовательной политики и подготовки кадров. Научная новизна исследования заключается в: верификации современных трендов цифровой социализации; выявлении противоречий процесса цифровизации; анализе особенностей адаптации молодёжи к цифровой среде. Практическая значимость работы состоит в: разработке рекомендаций для образовательной политики; формировании стратегий подготовки кадров; создании базы для адаптации системы образования к современным условиям.

Ключевые слова: *цифровая социализация, студенческая молодежь, цифровая компетентность, медиабезопасность, рынок труда, цифровое образование, онлайн-коммуникация*

Для цитирования: *Закиров А.М. Цифровая социализация студенческой молодежи в России: тенденции, риски и стратегии адаптации в образовании и на рынке труда // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 254–259. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-254-259.*

Ускоренная пандемией цифровизация трансформировала механизмы социализации. Студенческая молодежь, как наиболее активный участник цифровой среды, одновременно является и субъектом, и объектом этого влияния [1]. Цифровая социализация становится ключевым фактором успешности образовательной, профессиональной и личностной траектории [2]. Однако стремительное развитие цифрового ландшафта порождает научную проблему: наука не успевает комплексно осмыслить возникающие вызовы, что обуславливает необходимость анализа структуры, противоречий и дисбалансов цифровой социализации студентов в современных российских реалиях [3]. Целью данного исследования является систематизация эмпирического материала для выявления устойчивых тенденций и структурных дисбалансов в этом процессе. Анализ литературы выявляет ряд недостаточно изученных направлений: динамика цифровой грамотности в процессе обучения и влияние на нее учебных курсов; адекватность оценочных инструментов для разных направлений подготовки; личностно-психологические аспекты (мотивация, устойчивость

* Благодарности. Исследование выполнено за счет средств субсидии, выделенной Казанскому федеральному университету для выполнения проекта № FZSM-2023-0022 «Цифровая социализация и цифровая компетентность молодежи в условиях глобальных системных изменений: технологии регулирования, риски, сценарии» в рамках государственного задания.

к рискам, эмоциональная регуляция) и их связь с цифровой компетентностью; влияние возрастных и гендерных различий на цифровую активность и формирование цифрового «я»; перенос виртуальных коммуникативных практик в офлайн-поведение и их влияние на эмпатию и межличностное общение [4–7]. Эти пробелы очерчивают ключевые направления для дальнейших исследований.

Основным методом исследования выступил вторичный анализ данных репрезентативных социологических исследований, проведенных ведущими российскими центрами изучения общественного мнения и академическими организациями (такими как Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) [8], Аналитический центр НАФИ [9], Южно-Уральский государственный университет [10] и Финансовый университет при Правительстве РФ [11]) в период с 2022 по 2025 гг. Полученные данные были систематизированы по четырем ключевым категориям: цифровое поведение, цифровая компетентность, адаптация к рынку труда и цифровые образовательные практики. Дополнительно применялись сравнительно-сопоставительный анализ для выявления динамики изменений и качественная интерпретация количественных показателей. Такой подход позволил не только зафиксировать актуальные тренды и устойчивые тенденции, но и выявить латентные структурные дисбалансы в процессе цифровой социализации студенческой молодежи.

Цифровая социализация современной студенческой молодежи как комплексный социальный процесс протекает в условиях перманентной трансформации цифровой среды и формирования новых моделей взаимодействия. Понимание ее механизмов, результатов и влияния на жизненные траектории требует опоры на репрезентативный эмпирический материал, аккумулируемый ведущими социологическими службами и академическими центрами. Как уже отмечалось ранее, в ходе исследования проводился анализ по четырем системообразующим категориям, позволяющим всесторонне раскрыть процесс цифровой социализации.

Последовательное рассмотрение данных по этим направлениям позволяет не только зафиксировать актуальные модели и тренды, но и выявить устойчивые взаимосвязи и противоречия.

1. Цифровое поведение

Анализ результатов опроса ВЦИОМ «Живущие в сети, или Медиапотребление современной молодежи» за июнь 2025 года, охватившего 518 респондентов в возрасте 18–35 лет, выявил ключевые тенденции цифрового поведения молодёжи. Нами рассматривались две возрастные группы – 18–24 лет и 25–29 лет.

Исследование показало, что коммуникация в онлайн-среде стала доминирующей формой взаимодействия: 61 % респондентов общаются с близкими преимущественно в интернете. Особенно это заметно среди молодежи 18–24 лет – там доля достигает 69 %. Это свидетельствует о глубокой трансформации социальных практик под влиянием цифровизации и «аборигенного» статуса поколения *Z*, для которого интернет – естественная среда социализации. Незначительная часть респондентов (6 %) затруднилась с ответом, что может указывать на гибридный характер общения, сочетающий онлайн и офлайн.

По уровню вовлечённости в цифровые платформы лидирует *Telegram*: 16 % пользователей проводят в нём более 6 часов в день, а 27 % – по 3–4 часа. Его многофункциональность делает его универсальной экосистемой. *WhatsApp* используется короче – 51 % тратят менее часа, что говорит о его роли как инструмента оперативной связи. *YouTube* сохраняет умеренную популярность, несмотря на ограничения: 26 % смотрят от 1 до 2 часов, 18 % – 3–4 часа.

Отдельно рассмотрим ответы респондентов на вопрос «Сюжеты, новости, контент на какие темы Вы чаще всего просматриваете в интернете? Выберите из перечисленных или дайте свой ответ» (закрытый вопрос, любое количество ответов, % от всех опрошенных) (рис. 1).

Юмор остаётся главным медиавыбором молодёжи: его предпочитают 58 % 18–24-летних и 54 % 25–29-летних, используя его как средство развлечения, эмоциональной разгрузки и общения через мемы и иронию. На втором месте – образовательный контент, популярность которого растёт с возрастом (49 и 54 % соответственно), что отражает тренд на саморазвитие среди поколения *Z* и миллениалов. Интерес к новостям зависит от возраста: 18–24-летние одинаково следят за федеральны-

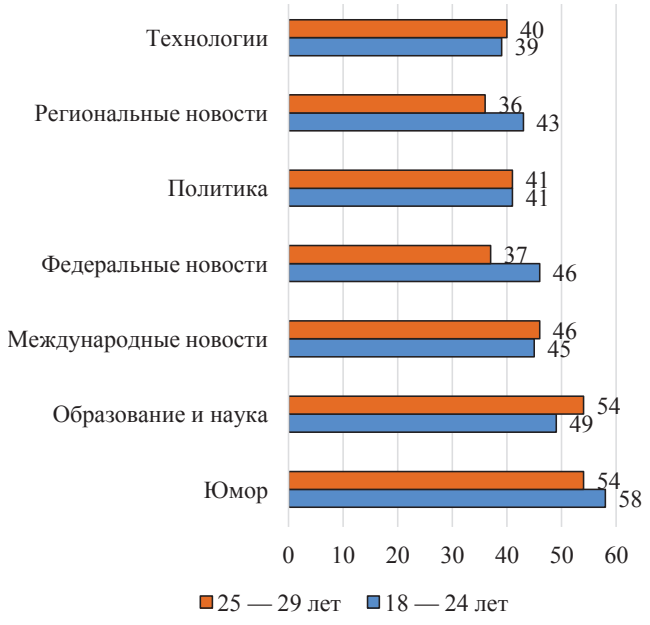

Рис. 1. Ответы респондентов на вопрос о тематике сюжетов / новостей / контента, наиболее часто просматриваемых в интернете, %

ми (46 %) и международными (45 %) новостями, а 25–29-летние отдают предпочтение международной повестке (46 %) при снижении интереса к федеральным (37 %), вероятно, из-за профессиональной вовлечённости. Региональные новости сохраняют аудиторию (36–43 %), опровергая стереотип о безразличии молодёжи к местным событиям. Политика интересна 41 % респондентов вне зависимости от возраста, что свидетельствует о преодолении образа аполитичного поколения. Технологии более актуальны для молодых (39–40 %), но их значимость не растёт с возрастом, переходя от идентичности к утилитарному использованию. В целом медиапотребление сочетает развлечение и познание, формируя сбалансированную информационную диету, адаптированную к жизненным и эмоциональным потребностям.

2. Цифровая компетентность

Анализ цифровой компетентности молодёжи в России основан на данных Индекса цифровой грамотности, который Аналитический центр НАФИ рассчитывает с 2018 г. по методологии *DigComp*. Оценка охватывает пять ключевых направлений: информационную и коммуникативную грамотность, создание цифрового контента, цифровую безопасность и навыки решения проблем в цифровой среде.

Рассмотрим динамику индекса цифровой грамотности молодежи за период с 2020 по 2024 гг. (рис. 2).

С 2020 по 2024 гг. зафиксирован устойчивый рост индекса цифровой грамотности среди молодёжи 18–24 лет – с 61 до 68–70 %, после чего показатели стабилизировались. В группе 25–34 лет рост был более выраженным – с 59 до 72 %, что связано с профессиональной необходимостью использования цифровых инструментов. Стабилизация уровня грамотности указывает на достижение «плато» базовых навыков, однако дальнейшее развитие требует целенаправленного обучения.

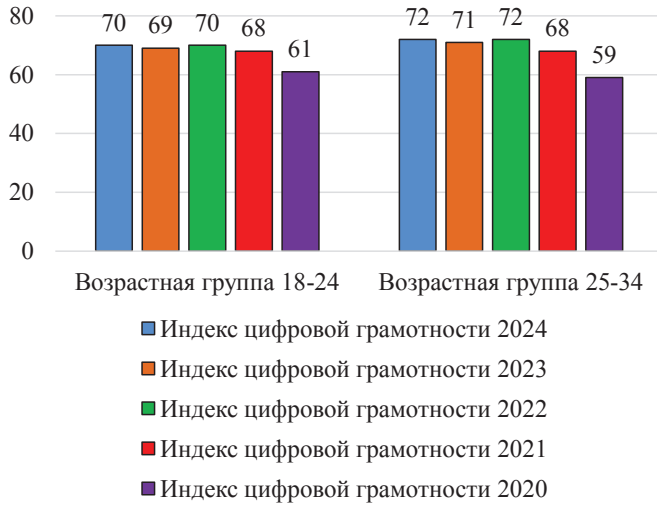

Рис. 2. Динамика значений индекса цифровой грамотности в течение 5 лет (2020–2024 гг.) у возрастных групп 18–24 лет и 25–34 лет

Для более детального понимания текущего уровня цифровых навыков и пробелов в знаниях у молодёжи представляют интерес результаты локального исследования, проведённого Южно-Уральским государственным университетом на территории Челябинской области.

Данное исследование выявило, что большинство молодых людей (65,6 %) оценивают свои IT-навыки как средние, 13,1 % – как высокие, а 15,9 % признают низкий уровень подготовки. При этом самооценка не всегда соответствует реальным компетенциям, особенно в сфере медиабезопасности. Среди тех, кто считает свои IT-навыки высокими, лишь треть обладает высоким уровнем знаний о безопасности, а значительная часть остаётся уязвимой к фейкам и мошенничеству. У студентов с низкой самооценкой почти 70 % имеют низкий уровень медиабезопасности, что требует комплексной поддержки.

Таким образом, наблюдается дисбаланс между техническими навыками и критическим, безопасным поведением в сети. Молодёжь уверенно использует технологии в повседневной и учебной деятельности, но недостаточно осознаёт риски и не владеет продвинутыми компетенциями.

3. Адаптация к рынку труда

Анализ адаптации российской молодежи к рынку труда в условиях цифровизации основан на исследовании, проведенном учеными Финансового университета при Правительстве России. Исследование охватывает влияние цифровых коммуникаций на формирование профессиональной культуры поколения *Z*, чья социализация происходит преимущественно в цифровой среде. Основная цель – выявить роль цифровых и традиционных каналов в профессиональном самоопределении, а также определить конструктивные и деструктивные эффекты цифровизации.

В ходе анализа нами была рассмотрена частота репрезентации показателей профессиональной культуры, социально-культурной адаптации, гражданского активизма и интернет-поведения «идеалистов», «прагматиков» и «традиционалистов» (рис. 3).

Как видно из рисунка 3, авторами выделены три типа профессиональной адаптации: «идеалисты» (28 %), «прагматики» (40 %) и «традиционалисты» (32 %). «Идеалисты» отличаются осознанным выбором профессии, высокой самооценкой цифровых компетенций, активным использованием интернета как источника информации и инструмента самовыражения, при этом 96,3 % ежедневно участвуют в социальных сетях. «Прагматики» (наиболее многочисленная группа) ориентированы на требования рынка труда, умеренно используют цифровые технологии, ценят информацию о профессиях и работодателях, 87,6 % считают интернет средством релаксации, а личное общение остаётся важным для них. «Традиционалисты» характеризуются низкой

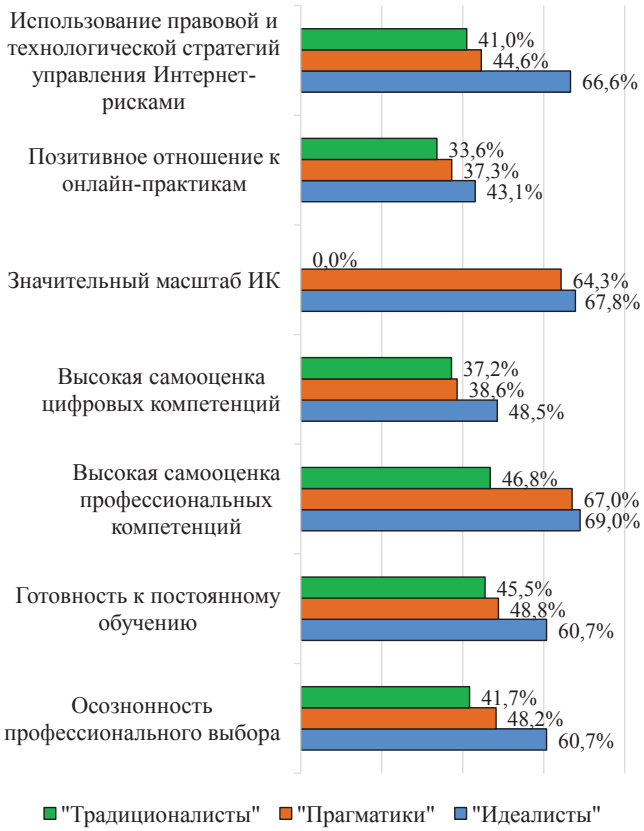

Рис. 3. Частота репрезентации показателей профессиональной культуры, социальнокультурной адаптации, гражданского активизма и интернет-поведения «идеалистов», «прагматиков» и «традиционалистов»

цифровой компетентностью, фрагментарной сетевой активностью, неосознанным выбором профессии и слабой адаптацией к цифровой среде.

Следует отметить, что исследование ограничено отсутствием анализа реальных требований рынка, отраслевой специфики и динамики развития компетенций, что снижает его применимость для практической профориентации. Теоретическая концепция «антидеструктивных иммунитетов» недостаточно операционализирована, а статичность данных не позволяет отследить эволюцию цифровых навыков.

4. Цифровые практики в образовании

Анализ цифровых практик в образовании проводился на основе исследования Южно-Уральского государственного университета среди студентов Челябинской области и позволил выявить ключевые факторы, влияющие на цифровизацию учебного процесса.

Рассмотрим результаты ответов респондентов на вопрос, в котором они оценивали значимость факторов, оказывающих влияние на цифровизацию в образовательном учреждении (рис. 4).

Как видно из рисунка 4, наиболее значимыми студенты назвали техническую оснащённость образовательных учреждений и цифровую компетентность преподавателей – 53,4 и 51,6 % соответственно оценили эти аспекты как критически важные. Это подчеркивает, что эффективная цифровизация невозможна без современной инфраструктуры и квалифицированного педагогического сопровождения. Доступ к стабильному интернету, интерактивным устройствам и программному обеспечению воспринимается как базовая необходимость, а умение преподавателей использовать цифровые инструменты – как решающий фактор качества обучения. Менее высокие оценки получили такие факторы, как наличие цифровых материалов, поддержка администрации и мотивация студентов, что указывает на приоритет технической и кадровой подготовки в глазах обучающихся.

При оценке эффективности цифрового образования наиболее высокие баллы получила возможность общения через социальные сети и мессенджеры – её отметили 64,3 % респондентов, подчеркнув важность неформальной коммуникации. Также высоко оценены совместная работа, активность в группе и взаимодействие при выполнении заданий. В системе повышения цифровой грамотности основное внимание уделяется базовым навыкам работы с компьютером и безопасностью в интернете, тогда как развитие целостного понимания цифровой среды остаётся на втором плане.

Цифровая социализация студентов характеризуется глубокой интеграцией онлайн-коммуникаций и ростом цифровой грамотности. Однако наблюдается дисбаланс между техническими навыками и компетенциями в области безопасности, критического мышления и требований рынка труда. Для эффективной цифровизации необходимо: усилить

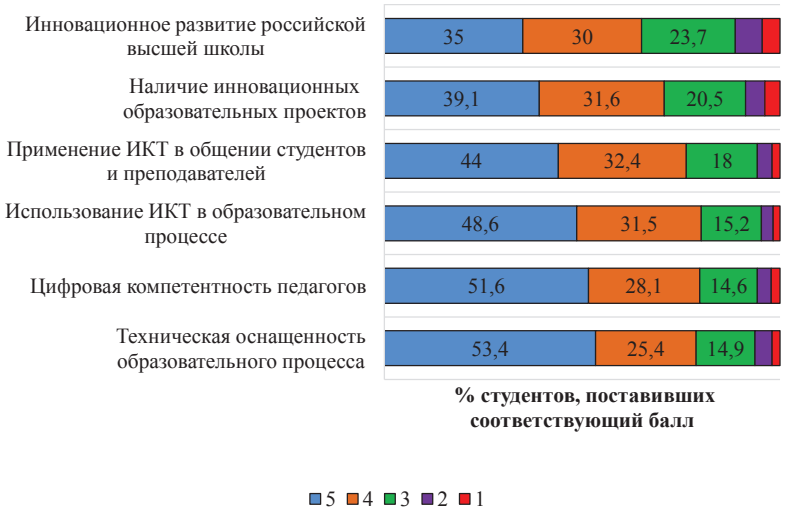

Рис. 4. Оценка студентами значимости факторов, оказывающих влияние на цифровизацию в образовательном учреждении (в % от общего числа опрошенных и по каждой группе обучающейся молодежи)

техническую оснащенность; повысить цифровую компетентность преподавателей; развивать антидеструктивные стратегии поведения в сети.

Для решения этих задач необходимы междисциплинарные программы, направленные на всестороннее развитие цифровых компетенций. Особое внимание следует уделить медиаграмотности как ключевому элементу цифровой культуры, включая навыки анализа информации и распознавания дезинформации. Формирование критического мышления должно стать системной частью учебного процесса через проблемно-ориентированные задания и дискуссии по этическим дилеммам цифрового пространства.

Содержание образовательных программ должно соответствовать актуальным требованиям цифрового рынка труда. Необходимо регулярно обновлять учебные планы с учетом трендов в области ИТ, искусственного интеллекта и кибербезопасности, а также активно привлекать представителей бизнеса и технологических компаний к разработке и реализации курсов.

Дополнительно требуется системно повышать цифровую компетентность преподавателей посредством регулярных обучающих программ и обеспечить инвестиции в техническую инфраструктуру образовательных учреждений.

Результаты исследования подтверждают необходимость комплексных программ, направленных на повышение медиаграмотности, развитие критического мышления и адаптацию образования к требованиям цифровой экономики. Реализация этих мер обеспечит конкурентоспособность молодежи и сформирует технологически подготовленное поколение, готовое к вызовам будущего.

Проведённое исследование подтвердило, что цифровая социализация студенческой молодежи в России представляет собой системный и многоуровневый процесс, определяющий не только формы коммуникации, но и образовательные, профессиональные и личностные траектории развития. Молодое поколение демонстрирует высокую степень интеграции в цифровую среду, активно осваивает новые платформы и уверенно использует технологии в повседневной жизни, учебе и профессиональном самоопределении. При этом наблюдается устойчивая динамика роста цифровой грамотности, однако выявлен дисбаланс между техническими навыками и компетенциями в области медиабезопасности, критического мышления и анализа информации. Результаты показывают, что высокая самооценка цифровых навыков не всегда соответствует реальным способностям, особенно в аспектах защиты от интернет-угроз и распознавания дезинформации. Для гармоничной интеграции молодежи в цифровое общество необходимы комплексные программы, направленные на развитие антидеструктивных стратегий поведения в сети, формирование ответственного цифрового гражданства и адаптацию образовательных курсов к требованиям цифрового рынка труда.

Литература:

1. Воскресенская Н.Г. Готовность молодежи к развитию цифровых компетенций с помощью дистанционных форм обучения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 4(88). С. 939–947. DOI: 10.21603/2078-8975-2021-23-4-939-947.
2. Малетова М.И., Новикова Л.А. Цифровая грамотность студентов вузов: вызовы и возможности // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 30. № 2. С. 195–203. DOI: 10.35634/2412-9550-2020-30-2-195-203.
3. Конева Д.А., Лысенко Е.В., Хохолева Е.А. Оценка цифровых компетенций студентов университета: кейс Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2022. Т. 11. № 2. С. 57–65. DOI: 10.12737/2305-7807-2022-11-2-57-65.
4. Шмарион Ю.В., Землянская А.В. Гендерные и возрастные аспекты цифровой социализации студентов регионального гуманитарного вуза // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2023. Т. 48. № 3. С. 483–496. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-483-496.
5. Максимова О.А., Нагматуллина Л.К. Цифровая социализация российской молодежи: соотношение реальных и виртуальных коммуникационных практик // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2023. № 5(62). С. 42–47. DOI: 10.26907/2079-5912.2023.5.42-47.

6. Попова А.В. Цифровая социализация, теговое мышление и современный образовательный процесс в государственно-правовом измерении России // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 1(63). С. 50–69. DOI: 10.33184/pravgos-2021.1.4.
7. Аянян А.Н. Цифровая идентичность молодежи – изменение содержание и статуса (2018-2022 гг.) // Новые психологические исследования. 2024. Т. 4. № 1. С. 198–201. DOI: 10.51217/npsyresearch_2024_04_01_12.
8. Живущие в сети, или Медиапотребление современной молодежи. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhivushchie-vseti-ili-mediapotreblenie-sovremennoi-molodezhi
9. Индекс цифровой грамотности-2024: цифровая грамотность россиян не растет третий год подряд. URL: https://nafi.ru/analytics/indeks-tsifrovoy-gramotnosti-2024-tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-ne-rastet-tretiy-god-podryad-/
10. Междисциплинарное исследование цифровой грамотности. Результаты опросов по проверке цифровой грамотности. URL: https://digitalanthropology.ru/tsifrovaya-gramotnost/rezultaty-oprosov-po-proverke-tsifrovoy-gramotnosti/
11. Домбровская А.Ю., Пырма Р.В., Батанина И.А. Профессиональные стратегии российской молодежи в условиях цифровизации и их репрезентация в социальных медиа: результаты комплексного прикладного анализа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5(153). С. 162–182. DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.09.

Digital Socialization of Students in Russia: Trends, Risks, and Adaptation Strategies in Education and the Labor Market

Zakirova A.M.
Kazan (Volga Region) Federal University

The relevance of this study stems from the profound impact of digitalization on the social and professional trajectories of young people. The aim of the study is to identify trends, risks, and strategies for the digital socialization of Russian students. Using secondary data analysis for 2022–2025, the level of digital literacy and the transformation of educational and professional practices are analyzed. A key imbalance between developed technical skills and a deficit in critical thinking, as well as differences in students' adaptation strategies, are identified. Recommendations for educational policy and personnel training are developed. The scientific novelty lies in the verification of current trends and contradictions in digital socialization, which has practical value for adaptation to the labor market.

Key words: digital socialization, student youth, digital competence, media security, labor market, digital education, online communication

УДК 316.35
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-260-264

Этнокультурные предпочтения молодежи и готовность вступления в межэтнический брак (на примере Республики Татарстан)*

Ибрагимова А.А.
Кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра исламоведческих исследований Академии наук РТ,
доцент кафедры менеджмент
Казанского государственного энергетического университета

Актуальность исследования обусловлена необходимостью укрепления национального единства и гармонизации межэтнических отношений в современной России, особенно в условиях многонационального состава населения и миграционных процессов. Особую значимость приобретает изучение готовности молодежи к межэтническим бракам как индикатора межэтнической интеграции.

Цель исследования – изучение этнокультурных предпочтений и готовности молодежи к вступлению в межэтнические браки на примере Республики Татарстан как поликультурного региона.

Задачи исследования: анализ отношения молодежи к межэтническим бракам, выявление факторов, влияющих на готовность к межэтническим союзам, определение различий в отношении к межэтническим бракам в зависимости от социально-демографических характеристик; изучение основных причин отказа от межэтнических браков.

Научная новизна исследования заключается в комплексном изучении особенностей восприятия межэтнических браков среди молодежи конкретного региона, что позволило: выявить закономерности в отношении к межэтническим бракам, определить взаимосвязь между социально-демографическими характеристиками и готовностью к межэтническим союзам, расширить представления о факторах, влияющих на принятие решения о создании межэтнической семьи.

Практическая значимость работы состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы: при разработке государственной политики в сфере межэтнических отношений; в формировании программ по укреплению национального единства; при создании мероприятий по повышению уровня взаимопонимания между этническими группами; в образовательной деятельности по формированию толерантности.

Исследование показало, что большинство молодежи демонстрирует открытость к межэтническим бракам, хотя сохраняются определенные барьеры и традиционные установки. Полученные результаты позволяют разработать эффективные меры по укреплению межэтнического согласия и развитию толерантности в обществе.

Ключевые слова: *межэтнические браки, смешанные браки, молодежь, семья, этнокультурные предпочтения, ценности*

* Работа выполнена за счет предоставленного в 2024 г. Академией наук Республики Татарстан гранта на осуществление фундаментальных и прикладных научных работ в научных и образовательных организациях, предприятиях и организациях реального сектора экономики Республики Татарстан. Проект «Трансляция и сохранение этноконфессиональных традиций в современных межэтнических семьях».

Для цитирования: *Ибрагимова А.А. Этнокультурные предпочтения молодежи и готовность вступления в межэтнический брак (на примере Республики Татарстан) // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 260–264. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-260-264.*

Из-за различий в региональном развитии и миграции населения большинство стран в современном мире являются многонациональными, в том числе и Российская Федерация. Граждане стран могут принадлежать к различным группам меньшинств. В свою очередь, они отличаются от доминирующей группы по различным показателям: физические характеристики, кровное родство, язык, культурные традиции, религиозная принадлежность, социальные и политические процессы и т.д. [1]. Межэтнический брак является ключевым направлением в изучении межэтнических отношений. По мнению зарубежных ученых, долгое время создание супружеских отношений между представителями разных культур, религий, этносов было практически невозможным. Межэтнические браки даже использовались в качестве показателя социальной дистанции между группами. Причиной являются предрассудки относительно таких семей. В некоторых случаях смешанные семьи рассматривались как отклонение от нормы, как отсутствие любви и, самое главное, как угроза национальной целостности [2]. В случае с иммигрантами межэтнический брак даже называли «последней стадией» ассимиляции [3].

Межэтнические браки тесно связаны со степенью различий между этническими группами, а также социальными, экономическими, культурными, политическими и другими факторами, которые вызывают эти различия. Высокий уровень межэтнических браков возможен только в многонациональном поликультурном обществе. Это связано с тем, что в таких обществах политическая система, экономическая структура, законы и культурная среда позволяют молодым людям разного этнического происхождения взаимодействовать друг с другом. В связи с этим уровень межэтнических браков можно применять для осуществления измерения степени взаимодействия между различными этническими группами. Большое количество смешанных браков возникает только в том случае, если большинство представителей двух этнических групп поддерживают активное социальное взаимодействие, а все аспекты социальной жизни постепенно становятся согласованными или гармоничными для обеих групп. Положительный опыт родительской семьи может повлиять на формирование брачных установок молодежи [4]. Это наиболее надежный показатель тенденции долгосрочных межэтнических отношений. По причине того, что отсутствуют соответствующие данные в официальной статистике количество исследований, которые посвящены изучению межэтнических семей и браков на макроуровне, ограничено.

Укрепление национального единства, этнической солидарности и улучшение отношений между различными этническими группами – важнейшие задачи, стоящие перед РФ. Изучение межэтнических браков с точки зрения социологии может помочь понять основные тенденции межэтнической интеграции в нашей стране. Целью исследования стало изучение этнокультурных предпочтений и готовности молодежи вступать в межэтнический брак. В качестве региона, в котором проводилось исследование, была выбрана Республика Татарстан (далее – РТ), она является поликультурным обществом, в котором проживают более 173 представителей различных этнических групп (татары, русские, чуваши, удмурты, мордва, марийцы и т.д.). По данным Управления ЗАГС г. Казани, в 2024 г. зарегистрированы 2136 межнациональных браков (19 % от общего количества), 691 из них – с иностранцами (6 % от общего количества) [5]. По РТ в открытых источниках данных за 2024 г. нет. При этом, по данным Управления ЗАГС Кабинета Министров РТ, около 20 % браков в регионе в 2019 г. были межнациональными. В абсолютных значениях в 2019 г. было зарегистрировано 4636 межнациональных браков (в 2018 г. – 4769), что составило 19,2 % от общего количества зарегистрированных браков), в 2019 г. браков с иностранцами – 968 (в 2018 г. – 1116) .

В 2025 г. был проведен опрос среди татарстанской молодежи в возрасте от 14 до 35 лет, а также населения старше 36 лет, которые не состоят в брачных отношениях. Выборочная совокупность составила 1010 чел. Имеется свидетельство о регистрации базы данных № 2025625272 «Социологическое исследование "Отношение молодежи к межэтническим семьям"» на платформе *IBM SPSS STATISTICS* [6]. Результаты опроса позволили верифицировать все фундаментально обоснованные гипотезы и изучить отношение молодежи к межэтническим бракам и готовности вступить в таковые браки.

Исследование показало, что большинство респондентов открыты к межнациональным и межконфессиональным бракам. Менее половины респондентов (40,1 %) отметили, что рассматривают такую возможность. Это свидетельствует о высокой степени толерантности и открытости. Чуть более четверти (26,9 %) опрошенных допускают такую возможность, хотя отмечают, что испытывают определенные сомнения. Опасения больше всего связаны с культурным различием или мнением окружающих. Около четверти (24,2 %) не рассматривают возможность межнационального или межрелигиозного брака. Здесь можно говорить

о наличии устойчивых традиционных установок или личных предпочтений. В целом более двух третей респондентов (67 %) либо открыты к межнациональным и межрелигиозным бракам, либо уже имеют такой опыт. Это свидетельствует о преобладании интеграционных и толерантных установок, хотя значительная часть опрошенных (около четверти) по-прежнему придерживается более традиционных взглядов.

Анализ мнений респондентов разных возрастных групп о возможности заключения брака с человеком другой национальности или религии показывает, что отношение к межнациональным и межрелигиозным бракам варьируется в зависимости от возраста. Наибольшая открытость к таким бракам наблюдается среди респондентов 18–25 лет (42,5 %) и старше 36 лет (42,1 %). Среди подростков до 17 лет и респондентов 26–35 лет этот показатель ниже (34,3 и 33,3 % соответственно). Сомнения чаще всего выражают респонденты старшей возрастной группы (36 и более лет – 42,1 %), что может быть связано с жизненным опытом, осторожностью или влиянием традиционных ценностей. В других возрастных группах доля сомневающихся примерно одинакова (25,9–29,0 %).

Отказ от межнациональных браков наиболее характерен для трети подростков до 17 лет (30,6 %), а наименьшая доля таких ответов среди респондентов старше 36 лет (10,5 %). В целом, во всех возрастных группах преобладает открытость к межнациональным и межрелигиозным бракам, особенно среди молодежи 18–25 лет и старших респондентов. Подростки чаще выражают отказ, а старшие респонденты – сомнения, что отражает влияние возраста, жизненного опыта и социальных установок на отношение к межнациональным союзам.

Мнения мужчин и женщин по поводу возможности заключения брака с человеком другой национальности или религии показывают, что в целом они демонстрируют схожую степень открытости, однако есть некоторые гендерные различия.

Мужчины чаще прямо заявляют о готовности к межнациональному или межрелигиозному браку (44,4 % против 38,2 % у женщин). Женщины, напротив, чаще выбирают вариант «возможно, но с некоторыми сомнениями», что может свидетельствовать о большей осторожности или склонности к рефлексии. В анализе межэтнических семей постсоветского пространства на территории РФ также была выявлена меньшая готовность женщин вступать в межнациональные браки: «Склонность к образованию смешанных семей во всех этнических группах женщин меньше, чем мужчин» [7]. Доля тех, кто не рассматривает такие браки, примерно одинакова у мужчин и женщин. Реальный опыт межнациональных отношений также встречается у обеих групп, но немного чаще у мужчин.

Таким образом, мужчины чаще выражают однозначную готовность к межнациональным и межрелигиозным бракам, тогда как женщины склонны к более осторожной позиции, чаще выражая сомнения. В целом различия между полами незначительны, и обе группы характеризуются достаточно высокой степенью открытости к межнациональным союзам.

Анализ мнений представителей различных этнических групп о возможности заключения брака с человеком другой национальности или религии показывает, что отношение к межнациональным и межрелигиозным бракам варьируется в зависимости от этнической принадлежности.

Наибольшая открытость к таким бракам наблюдается среди представителей других национальностей и марийцев. Русские также демонстрируют высокий уровень готовности, а у татар и чувашей этот показатель ниже. Сомнения чаще всего выражают марийцы и татары, что может быть связано с особенностями культурных традиций или семейных установок.

Отказ от межнациональных браков наиболее характерен для чувашей (31,7 %) и татар (27,1 %), а наименьшая доля таких ответов у марийцев (5,6 %) и представителей других национальностей (12,0 %). Среди русских этот показатель составляет 22,3 %. Реальный опыт межнациональных отношений встречается во всех этнических группах, но чаще у русских (5,1 %) и марийцев (5,6 %).

В целом, представители всех этнических групп открыты к межнациональным и межрелигиозным бракам. Однако уровень готовности и сомнений варьируется. Наибольшую открытость демонстрируют марийцы, а наибольшие сомнения – представители чувашской и татарской национальностей. Эти различия могут быть обусловлены как культурными традициями, так и личным опытом респондентов.

Анализ распределения ответов респондентов о причинах отказа от брака с представителем другой национальности или религии показал следующее. Наиболее значимыми детерминантами выступают личные предпочтения и стремление к сохранению традиций. Наиболее частой причиной является отсутствие личного интереса (27,3 %), сохранение культурных (20,9 %) и религиозных традиций (19,5 %). Опасения перед возможными трудностями (13,8 %) и негативное отношение семьи (9,6 %) свидетельствуют о наличии социальных и психологических барьеров, которые могут препятствовать созданию межнациональных и межрелигиозных браков.

Вариант «другие» (8,9 %) встречается достаточно часто, при этом респонденты дополняют его своими ответами: «*Сложность владения родным языком, утрата традиций обычаев, искажение традиционного воспитания», «Я в принципе не рассматриваю*

вступление в брак на сегодняшний день», «Движим желанием сохранить в первозданной чистоте генофонд своего этноса и сохранение традиций».

Итак, основными причинами отказа молодежи от межнациональных и межрелигиозных браков являются личные предпочтения, желание сохранить традиции, а также опасения перед возможными трудностями и влияние мнения семьи. Здесь можно подчеркнуть значимость как индивидуальных, так и культурно-социальных факторов в принятии решения о вступлении в брак с представителем другой национальности.

Полученные результаты социологического исследования молодежи РТ позволили:

1) определить существующие этнокультурные предпочтения;

2) установить взаимосвязь между возрастом, полом, этнической принадлежностью и готовностью к заключению межэтнического брака.

Мужчины чаще готовы заключить межэтнический брак, тогда как женщины проявляют большую осторожность. Этот вывод согласуется с результатами предыдущих исследований, согласно которым мужчины более открыты к созданию межэтнических семей [7]. Открытость к межэтническим бракам увеличивается с возрастом. Молодежь младше 17 лет значительно реже готова вступить в межэтнические браки. Причинами могут выступать недостаточный жизненный опыт или влияние родительских установок. Отношение к межэтническим бракам существенно отличается в зависимости от этнической принадлежности. Представители марийской этнической группы продемонстрировали наибольшую открытость, в то время как татары и чуваши склонны проявлять больший консерватизм.

Результаты исследования могут представлять важный инструмент для выработки государственных мер, направленных на укрепление национального единства и повышение уровня взаимопонимания между этническими группами. Проведенная работа имеет научную новизну, поскольку осуществлено комплексное исследование особенностей восприятия межэтнических браков среди молодежи конкретного региона, позволившее подтвердить ранее сформулированные гипотезы и расширить представления о факторах, влияющих на решение о создании межэтнической семьи.

Литература:

1. Jian Z. The recent trend of ethnic intermarriage in China: an analysis based on the census data // Chin. Sociol. 2017. Vol. 4, article number 11. DOI: 10.1186/s40711-017-0059-0.
2. Rodríguez-García D. Controlling Love: Exploring the Historical Problematization of Intermarriage and People of Mixed Parentage in Different Nations // Mayer CH., Vanderheiden E. (eds) International Handbook of Love. Springer, Cham. 2025. DOI: 10.1007/978-3-031-76665-7_48-1
3. Furtado D., Song T. Interethnic Marriages. In: Zimmermann, K.F. (eds) Handbook of Labor, Human Resources and Population Economics. Springer, Cham. 2022. DOI: 10.1007/978-3-319-57365-6_92-1
4. Ибрагимова А.А. Положительный опыт родительской семьи как фактор стабилизации демографической ситуации в Российской Федерации (на примере отцовства) // Социальная политика и социология. 2022. Т. 21. № 2(143). С. 78–85. DOI: 10.17922/2071-3665-2022-21-2-78-85.
5. За прошлый год в Казани заключено свыше 11 тыс. Браков. URL: https://kzn.ru/meriya/press-tsentr/novosti/za-proshedshiy-god-v-kazani-zaklyucheno-svyshe-11-tysyach-brakov-/ (дата обращения: 10.07.2025).
6. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2025625272 Российская Федерация. Социологическое исследование «Отношение молодежи к межэтническим семьям» на платформе IBM SPSS STATISTICS: заявл. 22.10.2025: опубл. 19.11.2025 / А.А. Ибрагимова, Г.И. Галиева, Т.В. Клячина.
7. Сороко Е. Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1. № 4. URL: https://demreview.hse.ru/article/view/1804/2527 (дата обращения: 08.07.2025).

Ethnocultural Preferences of Young People and Their Willingness to Enter Into Interethnic Marriage (on the Example of the Republic of Tatarstan)

Ibragimova A.A.
Center for Islamic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan State Power Engineering University

The relevance of the research is determined by the need to strengthen national unity and harmonize interethnic relations in modern Russia, especially in the context of a multinational population and migration processes. Of particular importance is the study of youth's readiness for interethnic marriages as an indicator of interethnic integration.

The purpose of the study is to study the ethnocultural preferences and willingness of young people to enter into interethnic marriages using the example of the Republic of Tatarstan as a multicultural region. Research objectives: to analyze the attitudes of young people towards interethnic marriages, to identify factors influencing readiness for interethnic unions, to identify differences in attitudes towards interethnic marriages depending on socio-demographic characteristics; to study the main reasons for rejecting interethnic marriages.

The scientific novelty of the study lies in a comprehensive study of the perception of interethnic marriages among young people in a particular region, which made it possible to identify patterns in attitudes towards interethnic marriages, determine the relationship between socio-demographic characteristics and readiness for interethnic unions, and expand understanding of the factors influencing the decision to create an interethnic family.

The practical significance of the work lies in the fact that the results of the research can be used: in the development of state policy in the field of interethnic relations; in the formation of programs to strengthen national unity; in the creation of measures to increase the level of mutual understanding between ethnic groups; in educational activities to foster tolerance.

The study showed that the majority of young people demonstrate openness to interethnic marriages, although certain barriers and traditional attitudes remain. The results obtained make it possible to develop effective measures to strengthen interethnic harmony and develop tolerance in society.

Keywords: interethnic marriages, mixed marriages, young people, family, ethnocultural preferences, values

УДК 130.3:111.7:316.7
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-265-271

Рациональность: ценность и/или антиценность культуры?

Ибрагимова З.З.
Кандидат философских наук,
доцент кафедры общей философии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Сайкина Г.К.
Доктор философских наук,
профессор кафедры общей философии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Юринов В.Ю.
Кандидат философских наук,
доцент кафедры социальной философии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Целью данной работы является критико-рефлексивный разбор ряда современных концепций рациональности, вскрывающих в ней противоречивую природу и антигуманную направленность. Это позволило проблематизировать тезис о «рациональности как ценности культуры» (В.С. Швырёв) и исследовать рациональность в плоскости социально-эпистемологического дискурса. В концепции «расового мышления» О. Розеншток-Хюсси выявлены черты феномена, который, по мнению авторов, можно определить как «дегуманизацию мышления». Научной новизной исследования является обоснование следующих тезисов: 1) господство «вычисляющего мышления» (М. Хайдеггер), «разума как органа калькирования» (М. Хоркхаймер), «распределённой власти» (М. Фуко) можно обозначить как новую – духовную – форму отчуждения человека, 2) рациональность вовсе не является доминантой и высшим выражением культуры: колоссальная сила разума человека, проявляющаяся в его власти над внешней и собственной природой и в созидании тем самым культуры, обнаружила себя одновременно в самоотрицающем качестве – как возможный источник уничтожения культуры. В этой связи особо значимым становится прояснение причин появления в современной культуре абсурдных и бесчеловечных «гримас» рациональности, обусловленных отречением человека от своего предназначения.

Ключевые слова: *рациональность, разум, рассудок, вычисляющее мышление, бытийное мышление, человек, культура, ценность*

Для цитирования: *Ибрагимова З.З., Сайкина Г.К., Юринов В.Ю. Рациональность: ценность и/или антиценность культуры? // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 265–271. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-265-271.*

М. Шелер в работе «Человек и история» делает важное замечание: «Учение о "*homo sapiens*" приобрело для всей Европы самый опасный характер, какой какая-либо идея вообще может приобрести: характер чего-то само собой разумеющегося» [1, с. 78]. Действительно, опасность данной идеи заключается в том, что люди привыкли считать разум автоматически срабатывающей способностью, проистекающей из самого факта рождения человеком. Разум обычно определяется как сущностная способность человека – «способность познавать сущее таким, каково оно есть само по себе» [1, с. 76]. Однако, как мы полагаем, важно следовать методологии И. Канта, который, исследуя «элементы определения человека», выделял «задатки человечности его как существа живого и вместе с тем разумного» [2, с. 96], наряду с «задатками животности и личности». Все задатки, по И. Канту, «изначальны» – в том смысле, что без них невозможно было бы человеческое существо (с точки зрения соответствия сущности), но одновременно и «случайны» – в том смысле, что человек может существовать и «сам по себе», без них [2, с. 98]. Отношение к разуму всего лишь как к «задатку», который сам по себе не имеет актуальности факта, смогло бы уберечь человека от многих ошибок и зла. И. Кант, несколько смущаясь, пишет, что бывает и «злой разум», в том случае, когда он не доходит до уровня «практического разума», «уважения к моральному закону», то есть когда, в сущности, человек не поднимается до уровня реализации «задатков личности» как «существа разумного и вместе с тем способного отвечать за свои поступки» [2, с. 96]. Следовательно, как определенный задаток человечности разум нуждается в актуализации, а как сущностная способность – в пронизывании всех человеческих проявлений рациональным. Опасность состоит в том, что разум не обязательно дорастает до уровня человеческой сущности. Можно ли в таком случае считать разум нашей способностью? Можно ли говорить, что мы владеем им?

Одновременно важно понимать, что в философии существует недовольство не столько неразвитостью рационального начала, сколько его избыточным господством. Критика рационального измерения человеческого бытия обнаруживает в рациональности черты «противо-человеческой силы». Рациональность критикуется за так называемую репрессивность и «инструментальность». При этом, как мы считаем, напрашивается логичный вопрос: можно ли инструментализировать рациональную способность, не овладев ею? Можно ли считать ее сущностной силой, если она превращается в средство? Возможность противоречивой оценки роли разума в человеческом бытии стала основанием проблемного поля нашей работы и определила цель нашего исследования.

Надо сказать, что в неклассическом мыслительном пространстве подвергаются критике не столько содержательные моменты накопленного культурой знания, сколько глубинные способы мыслить мир, архетипы и матрицы мышления. В современной философии рациональность понимается как конкретно-исторический феномен, что дает основание философам критиковать не столько саму рациональность, сколько ее определенные типы. В целом критика ведется по отношению к просвещенческому (излишне самонадеянному и оптимистичному в отношении самооценки) типу рациональности. Рациональность в современной культуре из «прилагательного» стала «существительным», то есть самостоятельной субстанцией, что само по себе означает не столько овладение ею, сколько ее полный разрыв с бытием. Следовательно, произошел отход от принципа тождества бытия и мышления. Реальность обнажила его в виде антитезы формализованного, излишне теоретизированного знания и жизни (как истока знания).

Следует отметить, что, несмотря на то, что неклассический способ мышления больше называют иррациональным, зачастую бросается в глаза излишняя рационализация сфер жизни. Человек все более становится прагматичным, нацеленным на близкие цели. Да, жизнь современного человека достаточно рационализирована, но разумна ли? Не является ли виной тому инструментальное отношение к рациональности?

В.С. Швырёв назвал свою работу «Рациональность как ценность культуры» [3], однако современная критика рациональности нередко может склонять к прямо противоположному выводу, и это трагично. «Культура, – как верно отмечал Й. Хейзинга, – должна быть метафизически ориентированной, либо ее нет вообще» [4]. В работе мы исходили из гипотезы, что кризис современного типа рациональности и дискредитация его как ценности культуры обусловлены изменой высшим смысловым – метафизическим – целям человеческого бытия и нацеленностью на решение узких, сиюминутных, прагматических задач современного человека.

Скорее всего, именно у И. Канта, концептуально разводившего рассудок и разум как две различные ступени (или способности) рационального, возникла специальная проблематизация форм рациональности. Впоследствии рассудочное мышление, направленное на эмпирию, стало трактоваться не только как аналог научного мышления, но и как

примитивная ориентация мышления исключительно на повседневные нужды человека. Действительно, рассудочный уровень мышления по существу не имеет метафизического содержания, так как направлен лишь на сущее и во многом представляет собой лишь отклик на «агрессию» эмпирии, и в этом контексте его носитель пассивен, реактивен. Рассудочному уровню может соответствовать состояние «мне мыслится», в котором мысли как будто сами по себе хаотично крутятся в человеке, подчиняя его себе. Разумный же уровень многими вообще не задействован: человек не обременяет себя им. Разумное мышление не может быть «навязано» ни сущим, ни кем-то из людей, оно свободно запускается человеком актом воли. Когда И. Кант выдвигал требование к «просвещенному человеку»: «Имей мужество пользоваться собственным умом» [5], он, как мы полагаем, призывал задействовать именно разумную способность человека. При этом мы же понимаем, что речь у него вовсе не идет об инструментальном отношении к рациональному. В этой связи проблема «инструментального» отношения к разуму (пользования разумной способностью) требует конкретизации и носит амбивалентный характер. Итак, что означает «пользоваться» разумом и каковы последствия такого использования?

Как известно, именно в специфике мышления современного человека и прежде всего в его инструментальном характере философы узрели причины тоталитаризма, фашизма и «антропологической катастрофы». Причем обвинениям подверглась прежде всего философия (метафизика), изменившая «истине бытия», и связанная с ней наука, способствующие господству «эпохи хватки человека» (М. Хайдеггер) и превращению всего и вся, в том числе и самого человека, в сырье.

XX в., в лице представляющих его философов, показал, что человек может использовать свою мыслительную способность в антигуманных целях. Неожиданной может показаться критика рациональности за его репрессивную природу. Принцип отношения к мысли как к поступку М.М. Бахтина сработал в «обратном направлении» – как осуждение рациональности. Но при этом подспудно, по-новому, «раскрылась» идея, согласно которой эпистемология может развиваться только как «социальная эпистемология».

К числу философов, наиболее ярко обосновывающих «репрессивность» рационального, принадлежал О. Розеншток-Хюсси. На основе анализа исторических смещений смыслов он доказывает, что слово «ratio» стало «расовым мышлением». Причиной этому он считает отрыв разума и мышления от речи.

Аргументируя свою позицию, О. Розеншток-Хюсси показывает, что исторически греческое слово «Логос» со смыслом «беседа», «речь» (в том числе и «беседа интеллекта с самим собой») было вытеснено словом «Нус», означающим «мышление», и затем – латинским словом «ratio», из которого потом и было выведено слово «раса». В итоге слово «*Ratio*» стало обозначать мышление, смотрящее «на речь сверху вниз» [6, с. 7], потерявшее связь с речью.

Таким образом, «*ratio*» был «вырван из его общественной материнской почвы, "логоса"» [6, с. 9], в результате чего мышление разделилось на объективное и субъективное. По существу, О. Розеншток-Хюсси задает новый контекст аргументаций против «гносеологической робинзонады». Рациональность, по его мнению, вследствие всех подмен стала инструментом соотнесения объекта и субъективной мысли, но не человека с человеком; разрыв мышления с логосом-речью свел на нет субъект-субъектное отношение. «"*Ratio*" становится объективным основанием объяснения вещей и субъективным порядком существования всех мыслей» [6, с. 8]. Тем самым мышление стало инструментом познания «немого мира» [6, с. 13] – тех объектов, «которые не задают встречных вопросов» [7, с. 80].

Человек стал мыслить «расово», то есть, по мнению О. Розеншток-Хюсси, выискивать родовые, неизменные признаки вещей, но в результате при этом сам стал природной вещью, «расой». Так, размышление о человеке ведется с точки зрения формально внешнего (ветеринарного, как он его обозначает) вопроса: «Что есть человек?», пригодного, по мнению О. Розеншток-Хюсси, «скорее для того, чтобы описать породу собак» [6, с. 11]. Он называет это мышление «расовым» еще и потому, что люди в нем редуцированы к вещам. Полагаем, что в связи с этим можно говорить и о таком феномене, как «дегуманизация мышления». В расовом мышлении исчез человек во всем богатстве его сущностных проявлений; вопрошание о человеке ведется в нем как о «что», как о вещи среднего рода, «заменимом существе» [7, с. 82].

«Расовое мышление», превращая человека в немое существо, находящееся «за пределами беседы», в итоге одновременно делает его статистическим, исчисляемым объектом, объектом планирования. О. Розеншток-Хюсси образно описывает данный процесс как превращение человека из субъекта в именительном падеже в объект в винительном падеже. Ему соответствует мышление экономического человека. Мышление редуцируется к счету и планированию – к «числовому разуму» [6, с. 29], для которого число важнее слова. О. Розеншток-Хюсси отмечает, что движение от Логоса к «расе» могло означать движение «к Гитлеру» [см.: 6, с. 10]. Господство такого мышления, то есть абстрактная постановка вопроса «Что есть человек?», уничтожающая суть человека, в результате привело к сжиганию людей в печах концлагерей и высылке людей в лагеря: «Эпоха светской мудрости закончилась концентрационными лагерями, где нагому человеку

отказывали в имени и месте проживания, должности и предназначении» [7, с. 87], где он превращался в «номер», «голое количество». О. Розеншток-Хюсси, к примеру, обвиняет в этом «математику», которая не останавливается перед человеком. «Распространение математики привело к умерщвлению, отравлению газом в душегубках, кастрации, селекции, высылке миллионов людей, поскольку математика мира не в состоянии остановиться перед человеком» [8, с. 38]. Он считает, что нельзя заставить людей говорить при помощи числа или логики, они могут разговаривать только при помощи речи, и именно беседа **с** другим человеком (а не «беседа **о** чем-то») является для него человекоформирующим пространством, в котором каждый из нас всегда не завершен.

М. Хайдеггер также беспокоит проблема господства мышления, связанного с особым пристрастием человека к построению планов, налаживанию производства, к тому, чтобы рассчитывать результат движения к цели. В речи, опубликованной под названием «Отрешенность», он называет его «вычисляющим мышлением» и противопоставляет ему «осмысляющее раздумье». «Такое мышление будет калькуляцией даже тогда, когда оно не оперирует цифрами и не пользуется калькулятором или компьютером» [9, с. 104]. Оно, по словам М. Хайдеггера, без конца калькулирует «выгодные возможности». Поэтому он часто называет данный вид мышления «хитроумием». Главное – «вычисляющее мышление» просто что-то узнает, но «не способно подумать о смысле, царящем во всем, что есть» [9, с. 104], как это присуще «осмысляющему раздумью», требующему высшие усилия. Таким образом, бич «вычисляющего мышления» состоит в его оторванности от смыслов.

По М. Хайдеггеру, в современном мире можно наблюдать «бегство от мышления». По его мнению, если вычисляющее мышление станет единственным способом мышления и полностью вытеснит «осмысляющее раздумье», то тогда это «хитроумие» обернется «бездумностью». «Бездумность – зловещий гость, которого встретишь повсюду в сегодняшнем мире, поскольку сегодня познание всего и вся доступно так быстро и дешево, что в следующее мгновение полученное так же поспешно и забывается» [9, с. 103].

Однако М. Хайдеггер осуществляет критику мышления не ради критики мышления, а вследствие того, что видит ужасающие последствия распространения «вычисляющего мышления». В этой работе он, как и во многих других работах, критикует превращение человеком мира в сырье: «Мир теперь представляется объектом, открытым для атак вычисляющей мысли, атак, перед которыми уже ничто не сможет устоять. Природа стала лишь гигантской бензоколонкой, источником энергии для современной техники и промышленности» [9, с. 107]. И виной тому – господство «вычисляющего мышления». М. Хайдеггер опасается зависимости человека от технических приспособлений. В результате происходит «опустошение сущности» человека. «Страшно на самом деле не то, что мир становится полностью технизированным. Гораздо более жутким является то, что человек не подготовлен к этому изменению мира, что мы еще не способны встретить осмысляюще мысля то, что в сущности лишь начинается в этом веке атома» [9, с. 108].

Хотим обратить особое внимание на то, что М. Хайдеггер данную ситуацию связывает с наступлением «на жизнь и сущность человека» [9, с. 108]: человек тем самым отрекается от своей «глубочайшей сущности» – от того, «что он есть размышляющее существо» [9, с. 111]. Можно сделать вывод, что тем самым формируется новая форма отчуждения человека, господствующая в XX в.

Надо сказать, что в ряде других работ («Что значит мыслить?», «Время картины мира», «Преодоление метафизики» и др.) Хайдеггер противопоставляет «вычисляющему» или «рассчитывающему» мышлению «бытийное мышление», ориентированное на «истину бытия».

М. Хоркхаймер рассматривает господство инструментального разума как закономерный итог развития капитализма, что, по сути, означает окончательный разрыв разума с его объективной природой и приводит к дегуманизации и исчезновению человеческого смысла бытия. Инструментальный разум развивался в Европе в форме рационального овладения природой, в котором главными критериями становятся способности человека эффективно контролировать все процессы, а именно «способности рассчитывать вероятность и координировать выбранные средства с данной целью» [10, с. 30]. Инструментальный разум ставит во главу угла эффективность и выгоду, что приводит к игнорированию моральных и этических принципов. Однако есть истинный разум, который формируется у людей как способность осознанно относиться к своей жизни; он направлен на достижение согласия человека и с миром природы, и со своей собственной природой.

Свою интерпретацию эпохи модерна даёт М. Фуко в фундаментальной концепции дисциплинарного знания, которая построена исходя из взаимообусловленности субъекта и власти. Он рассматривает не просто феномен власти и её отношений, а особые «дисциплинарные институты», представляющие собой взаимообусловленность контроля и производства власти и знания. Знание формирует свой, присущий эпохе объект – человеческую массу, население, которое нуждается в «политической» заботе. И в этом смысле для М. Фуко позиция И. Канта становится предельно ясной, поскольку

«помещение людей в дисциплинарные институты и навязывание им определенных режимов – это есть один из способов, какими власть «укладывает» явления в свою, образно говоря, «априорную форму созерцания» [11, с. 180]. Именно в *биополитике*, которая является формой рациональности как контроля над жизнью населения, но не индивида, М. Фуко видит новый аспект осмысления рациональности. На первый взгляд, это может выглядеть как возвращение объективного разума в свое прежнее лоно. Ничего предосудительного не имеет концепция «биовласти», известная с античности – не только как «принуждение к жизни», как «практика заботы о себе», но и как «практика заботы себя», поскольку она возникла в процессе выбора оптимальных способов создания условий достойной жизни человека, свободы внутреннего мира, в частности, обоснования идеалов пайдейи. «Забота себя» как «техника себя» или субъективация – как то, что направлено на подлинное высвобождение внутреннего мира человека, в отличие от «заботы о себе», которая, на самом деле, ведет к порабощению человека [12, с. 8]. Подобно тому, как пайдейя содержала сущностную задачу воспитания и образования гражданина для более лучшего управления человека именно *государством* (Алкивиад в одноименном диалоге Платона), так и в концепции М. Фуко идеалы этой пайдейи реализуются в связке с дисциплинарными механизмами. М. Фуко обозначает *биополитику* следующим образом: «…начиная с XVIII в. пытались рационализировать проблемы, поставленные перед правительственной практикой феноменами, присущими всем живущим, составляющим население: здоровье, гигиена, рождаемость, продолжительность жизни, потомство...» [13, с. 413]. «Распределённая власть», т.е. власть, растворившаяся в «дисциплинарных институтах», по М. Фуко, обращается, прежде всего, к телесности человека, рационально «выправляя» ее особенности, поскольку они привносят сложности для функционирования государства. Человек как конструкт, требующий постоянного корректирования, явлен как существо, потерявшее свою уникальность в массе живого населения. Вот таков результат самых «благих намерений» разума, который внешне позиционировал себя как объективный; поэтому в целом неудивительна перманентная возможность генетической «сращённости» такой «распределённой власти», например, с евгеникой и с воспроизводством социальной основы любых форм тоталитарного государства в XX и XXI вв.

Эти тенденции постоянно напоминают нам об энтропийных процессах в разных сферах социального. Так, идеалы подлинной образованности формируют свои смыслы в каждую эпоху. Наша современная система образования является ареной бесконечных экспериментов, которые никак не подготовлены экспертным сообществом, а вызваны популистскими или келейными интересами определенных социальных (и политических) субъектов. Так, средняя школа из пространства формирования мышления, знания, умения и человеческих смыслов превратилась в «фабрику» информационных ресурсов для успешного прохождения различных экзаменов: «система образования проводит социализацию пенитенциарного типа, посредством которой пенитенциарная культура проникает в общество и захватывает его» [14, с. 25].

Почему ЕГЭ в средней школе не позволяет определять и понимать личностное, нравственное наполнение личности? А оно должно это делать? В таком случае систему реализации инструментального разума следует рассматривать как способ формирования только образовательных компетенций, т.е. знания, выраженного в причинно-следственной связи законов и принципов, описывающих изучаемую сферу универсума. Это абсолютно соответствует логике математики, естествознания, технических наук, в которых сам метод познания и его результат есть рационально, абстрактно и символически представленное знание об объекте. Это необходимое и достаточное условие так называемого «точного знания» −«к концу XIX в. могло показаться, что естественные науки, развертывавшиеся во всем своем блеске, окончательно обозначили нормы, которым должна следовать подлинная наука, и таким образом навязали современной мысли свои методы как единственный путь к настоящему знанию» [15, с. 115–151].

Итак, в работе нами исследованы концепции И. Канта, М. Шелера, О. Розенштока-Хюсси, М. Хайдеггера, Й. Хёйзинги, М.Хоркхаймера, М. Фуко, М.М. Бахтина, В.С. Швырёва, в которых поставлены под вопрос триумф, абсолютная ценность, непогрешимость человеческого разума как основания нововременной культуры. В философии и в целом в культуре Нового времени был сформирован подход, согласно которому природа, общество, государство и сама природа человека могут быть не только поняты, но и преобразованы с помощью достоверного и ясного знания. Однако разум проявил себя «парадоксально», выпятив оборотную сторону – как *иррациональная*, разрушительная сила. Во многом это происходило ввиду оторванности от глубинных, метафизических смыслов человеческого бытия.

Важно указать, что сама категория «рациональность» в определенном смысле есть продукт «инструментального» овладения разумом и интериоризации ее в человеческую способность. И как любая деятельность по присвоению определенной сущностной силы, процесс овладения разумом также имеет свои издержки.

Разработка вопросов о природе рациональности интересна не только в плане понимания процес-

сов отчуждения от метафизики, начавшихся еще в XIX в. в рамках негативной диалектики философии жизни, позитивизма. Это имеет смысл прежде всего для понимания судеб современной культуры, которая демонстрирует способность к своему совершенно автономному, а потому непредсказуемому ходу развития −но эта реальность, чтобы «стать культурой, … должна обладать двумя признаками: отделиться от природы, войдя в мир человеческих отношений, и отделиться от своего творца человека, став самостоятельным предметом» [16, с. 39].

Фантомы рациональной культуры могут поставить под вопрос существование социума, именно это побуждает искать способы гармонизации рационального и иррационального в культуре не только в философских концепциях, но и в динамике живых социальных процессов, которые с постоянством демонстрируют абсурдность диктата силы, тоталитарных режимов. Проблема равновесия этих начал гораздо сложнее, поскольку ни сама по себе рациональность, ни иррациональность не являются искомой величиной решения задачи бытия человека в мире, скорее, они одновременно являются необходимыми зеркальными критериями для своего утверждения в социуме. В нашем вопросе о роли ценностного статуса рациональности таким критерием является только человек, но не как апофеоз его иррациональности, а как мост между («мета») рациональным и иррациональным, что позволяет ему стать подлинным субъектом. Но это возможно, когда человек, человечество осознает себя в качестве предмета собственных штудий. Рациональное постижение мира и мир как выражение рациональности – разнятся. Но для двух этих ипостасей мира возможен такой критерий: «если человек освободится от всего того, чем он не является, то останется его подлинная субстанция, человечность» [17].

Литература:

1. Шелер М. Философское мировоззрение // Шелер М. Избранные произведения / пер. А.В. Денежкина, А.Н. Малинкина, А.Ф. Филиппова; под ред. А.В. Денежкина. М.: Издательство «Гнозис», 1994. С. 3–128.
2. Кант И. Религия в пределах только разума // Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 78–278.
3. Швырёв В.С. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 176 с.
4. Хейзинга Й. В тени завтрашнего дня. URL: https://royallib.com/book/heyzinga_yohan/v_teni_zavtrashnego_dnya.htm (дата обращения: 09.09.2025).
5. Кант И. Ответ на вопрос: Что такое просвещение? // Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 6. М.: «Мысль», 1966. С. 25–36.
6. Розеншток-Хюсси О. Раса мыслителей, или Голгофа веры // Розеншток-Хюсси О. Избранное: Язык рода человеческого / Пер. с нем. и англ. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 7–35.
7. Розеншток-Хюсси О. Что есть человек? В защиту неспециалиста // Розеншток-Хюсси О. Избранное: Язык рода человеческого / Пер. с нем. И англ. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 77–88.
8. Розеншток-Хюсси О. Рабочие учат слишком мало, а учителя слишком много: разгадка Августином загадки времени // Розеншток-Хюсси О. Избранное: Язык рода человеческого / Пер. с нем. и англ. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 36–76.
9. Хайдеггер М. Отрешенность // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Избр. ст. позд. периода творчества / Пер. с нем. М.: Высш. шк., 1991. С. 102–111.
10. Хоркхаймер М. Затмение разума. К критике инструментального разума / М. Хоркхаймер; пер. с англ. А.А. Юдина; предисл. В.Ю. Кузнецов; науч. ред. В.Ю. Кузнецов. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2011. 224 с.
11. Сокулер З.А. Методология гуманитарного познания и концепция «власти-знания» Мишеля Фуко. М.: ГЭОТАРМедиа, 2011. URL: http://www.studentlibrary.ru/book/970409169V0078.html https://iphras.ru/elib/Ph_csc4_17.html (дата обращения: 10.09.2025).
12. Савельева Н.В. Между свободой и подчинением: «техники себя» в работах Мишеля Фуко // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2015. Т. 7. № 9. С. 7–15.
13. Фуко М. Надо ли считать, что все просветительские идеи не были реализованы? // История сексуальности. Т. I: Воля к знанию ВОЛЯ К ИСТИНЕ: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. М.: Касталь, 1996. 448 с. URL: https://predanie.ru/book/221390-i-volya-k-istine-po-tu-storonu-znaniya-vlasti-i-seksualnosti/ (дата обращения: 10.09.2025).
14. Карпов А.О. Нравственный вопрос образования // Философские науки. 2025. № 68(2). С. 7–32. https://doi.org/10.30727/0235-1188-2025-68-2-7-32
15. Хёйзинга Й. Задачи истории культуры // Хёйзинга Й Homo Ludens; Статьи по истории культуры / Сост., пер. и авт. вступ. ст. Д.В. Сильвестров; Науч. коммент. Д.Э. Харитоновича. М.: Про-

грессс-традиция, 1997. С. 115–151. URL: http://anna-ganzha.narod.ru/huizinga_homo_ludens.pdf (дата обращения: 10.09.2025).
16. Доброхотов А.Л. § 9. Культура как регион бытия // Доброхотов А.Л. Телеология культуры. М: Прогресс-Традиция, 2016. URL: livelib.ru:https://www.livelib.ru/book/112566/readpart-teleologiya-kultury-aleksandr-dobrohotov/~14 (дата обращения: 10.09.2025).
17. Зиммель Г. Избранное. Созерцание жизни / Сост. С.Я. Левит. М.; СПб.: Университетская книга, Центр гуманитарных инициатив, 2015. 416 с. URL: https://royallib.com/read/zimmel_georg/izbrannoe_sozertsanie_gizni.html#0 (дата обращения: 10.09.2025).

Rationality: the Value and/or the Anti-Value of Culture?

Ibragimova Z.Z., Saykina G.K., Yurinov V.Yu.
Kazan (Volga Region) Federal University

The purpose of this work is a critical and reflective analysis of a number of modern concepts of rationality, revealing its contradictory nature and inhumane orientation. This made it possible to problematize the thesis of "rationality as a cultural value" (V.S. Shvyrev) and to explore rationality in the plane of socio-epistemological discourse. The concept of "racial thinking" by O. Rosenstock-Hussey reveals the features of a phenomenon that, according to the authors, can be defined as "dehumanization of thinking." The scientific novelty of the research is the substantiation of the following theses: 1) the dominance of "calculating thinking" (M. Heidegger), "reason as an organ of calculation" (M. Horkheimer), "distributed power" (M. Foucault) can be described as a new – spiritual – form of human alienation, 2) rationality is not at all the dominant and highest expression of culture: the colossal power of the human mind, manifested by in his power over the external and his own nature, and thus in the creation of culture, he revealed himself at the same time in a self–denying capacity - as a possible source of the destruction of culture. In this regard, it is particularly important to clarify the reasons for the appearance in modern culture of absurd and inhuman "grimaces" of rationality caused by the renunciation of man from his destiny.

Keywords: rationality, reason, reason, computational thinking, existential thinking, man, culture, value

УДК 316.4.06
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-272-277

Применение социологических методов в педагогических исследованиях: по результатам контент-анализа статей научных журналов

Идиатуллина А.М.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры государственного управления, истории, социологии
Казанского национального исследовательского технологического университета

Натапова Н.В.
Кандидат социологических наук,
начальник информационно-аналитического отдела
Института развития образования Республики Татарстан (Казань)

Актуальность исследования обусловлена сложившейся практикой применения социологических методов в педагогических исследованиях для изучения социальных процессов в образовательной среде. Целью настоящего исследования является анализ практики применения социологических методов в педагогических исследованиях. Основным методом эмпирического исследования выбран контент-анализ научных журналов, ориентированных на направления педагогики: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования, 5.8.7. Методология и технология профессионального образования. В рамках поставленных задач контент-анализ позволил выявить частоту встречаемости социологических методов в педагогических исследованиях в научных статьях, соотнести количество публикаций, в которых используются социологические методы, с общим объемом статей по педагогике в научных журналах. Практическая значимость заключается в выявленных особенностях применения социологических методов в педагогических исследованиях. Полученные данные свидетельствуют о том, что, несмотря на использование социологических методов в педагогических исследованиях, их потенциал реализуется фрагментарно.

Ключевые слова: *социологические методы, педагогические исследования, контент-анализ*

Для цитирования: *Идиатуллина А.М., Натапова Н.В. Применение социологических методов в педагогических исследованиях: по результатам контент-анализа статей научных журналов // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 272–277. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-272-277.*

В настоящее время социологические методы все чаще применяются в педагогических исследованиях, т.е. методы эмпирического социологического исследования применяются при изучении социальных процессов в образовательной среде. Это обусловлено возможностью не только фиксации объективных характеристик учебных и воспитательных аспектов педагогической деятельности, но и понимания субъективных установок, ценностей, мотивов, потребностей и социальных взаимодействий участников

образовательного процесса. Таким образом, происходит процесс «встраивания» социологических процедур в научный аппарат педагогики через разработку программ социологического исследования и использование социологических методов. Процедурно исследование должно пройти последовательность всех операций, общую систему действий и способов организации исследования [1, с. 63]. В этой связи актуальным становится вопрос о соответствии применяемых социологических методов целям и задачам педагогического исследования, этическим нормам и требованиям научного сообщества по последовательному выполнению операций методологического, методического и организационно-технического характера.

Цель настоящего исследования заключается в анализе практики применения социологических методов в педагогических исследованиях. Для достижения поставленной цели в качестве основного эмпирического социологического метода исследования был выбран контент-анализ, который позволяет получить выводы путем анализа содержания текста о состояниях и свойствах социальной действительности. Данная техника может применяться как к анализу текста документов и публикаций, так и к анализу ответов на открытые вопросы опроса [2, с. 127].

Предметом контент-аналитического исследования являлись статьи в научных журналах, авторы которых в своих педагогических исследованиях использовали социологические методы.

Временной отрезок, в течение которого был сформирован массив, отобранный для контент-анализа, выбран с 2023 по 2024 гг. Сбор и анализ информации осуществлялся на основе разработанного кодировочного бланка контент-анализа, который включал определенные единицы счета. За единицу счета приняты: научная статья в журнале (одна статья), автор(ы), название статьи, используемые методы социологического исследования, выборка исследования. Общий массив рассматриваемых статей составил 812. Выборка исследования составила 148 статей (научных публикаций).

Были отобраны пять журналов, в первую очередь научные журналы, публикующие статьи, соответствующие научным направлениям – 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования, 5.8.7. Методология и технология профессионального образования. Во-вторых, отобраны журналы на русском языке. В-третьих, отобраны журналы, соответствующие следующим показателям: входят в перечень рецензируемых журналов ВАК или индексируемых в РИНЦ, печатное или сетевое. В результате отобраны пять изданий: «Педагогика» [3], «Вопросы образования» [4], «Ярославский педагогический вестник» [5], «Управление устойчивым развитием» [6], «Современное образование: актуальные вопросы и инновации» [7] (см. табл. 1). В журнале «Ярославский педагогический вестник» для анализа выбраны два раздела соответствующие выбранным научным специальностям, а именно разделы «Общая педагогика, история педагогики и образования» и «Методология и технология профессионального образования», в журнале «Управление устойчивым развитием» рассмотрен раздел «Педагогические науки». Исключен из выборки исследования журнал «Вопросы образования» за 2024 г. № 3(1), т.к. весь выпуск представлен на английском языке.

Таблица 1

Таблица выходных данных журналов

Журнал	Учредитель	Рецензирование	Тираж в 2023 г.	Тираж в 2024 г.	Периодичность издания (в год)
Педагогика	Трудовой коллектив редакции, Российская академия образования	ВАК (К1), индексируется в РИНЦ	1000	1000	12
Вопросы образования	НИУ «Высшая школа экономики»	Scopus, Web of scence, ВАК (К1), индексируется в РИНЦ	300	300	4
Ярославский педагогический вестник	ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского»; Министерство образования Ярославской области	ВАК (К1), индексируется в РИНЦ	500	500	6
Управление устойчивым развитием	ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технологический университет»	ВАК (К2), индексируется в РИНЦ	200	200	6
Современное образование: актуальные вопросы и инновации	ГАОУ ДПО «Институт развития образования Республики Татарстан»	индексируется в РИНЦ	Сетевое издание	Сетевое издание	4

Единицей счета контент-анализа выступили методы социологического исследования, а именно методы: анализ документов, контент-анализ, наблюдение, эксперимент, анкетный опрос, интервью, фокус-группа, экспертный опрос, кейс-стади и т.д. Не вошли в выборку исследования статьи, в которых отражены результаты исследований с применением таких методов как тестирование и опросники [8], являющиеся преимущественно методами, применяемыми в психологии и непосредственно в педагогике, к примеру, входные тестирования способностей учащихся или психодиагностики личности. Также не использовались для анализа публикации, содержащие результаты исследований, весь исследовательский аппарат которых выстроен на шкале американского социального психолога Р. Лайкерта [9].

Результаты исследования показывают, что бесспорным преимуществом любого исследования является комплексный подход с использованием различных эмпирических методов. В современных социальных и гуманитарных науках авторы часто комбинируют различные методы исследования:

• в психологии: психологические тесты, опросники, беседы;

• в педагогике: наблюдение за учащимися, эксперименты, анализ показателей учебного и воспитательного процесса;

• в социологии: анализ документов, контент-анализ, наблюдение, эксперимент, анкетный опрос, интервью, фокус-группы, экспертный опрос.

Комбинация методов сбора, систематизации и анализа информации обеспечивает глубину и достоверность исследованиям, тем более с привлечением методов других наук.

Результаты контент-анализа демонстрируют, что авторы преимущественно используют комбинацию педагогических и социологических методов. Наиболее распространённым методом сбора данных является анкетный опрос в онлайн-формате, что объясняется его простотой и экономичностью. Такой подход позволяет охватить большое количество респондентов за короткий промежуток времени.

Анализ показал следующие особенности применения социологических методов: преобладание опросных методов (анкетирование и интервью); широкое использование онлайн-формата сбора данных; недостаточное применение качественных методов (фокус-групп, экспертных опросов); отсутствие описания выборки исследования в значительной части работ.

Примеры успешного применения комбинированных методов:

• исследование профессионального развития учителей с использованием анкетирования [10];

• изучение эффективности проектно-исследовательской деятельности через комбинацию наблюдения и опроса [11];

• оценка влияния антикоррупционного просвещения с помощью эксперимента и анкетирования [12].

За период 2023–2024 гг. выявлено следующее соотношение публикаций с использованием социологических методов:

– «Управление устойчивым развитием»: 10 из 72 публикаций;

– «Вопросы образования»: 28 из 89 публикаций;

– «Ярославский педагогический вестник»: 52 из 137 публикаций;

– «Современное образование»: 31 из 196 публикаций;

– «Педагогика»: 27 из 318 публикаций (рис. 1).

Педагогическое сообщество признаёт, что использование социологических методов позволяет интегрировать междисциплинарное знание и получать более полную картину исследуемых процессов [13]. Однако существует необходимость повышения качества применения социологических методов в педагогических исследованиях.

Рассматривая соотношение по применению социологических методов в педагогических исследованиях, необходимо сказать, что в 38 % педагогических исследований, опубликованных в журнале «Ярославский педагогический вестник», и в 31,4 % исследований в журнале «Вопросы образования» выполнены с применением социологических методов. Проведенный контент-анализ научных статей показывает, что в 18,2 % педагогических исследований от рассматриваемого массива статей по педагогической проблематике используются социологические методы.

Применительно к журналам «Вопросы образования» и «Ярославский педагогический вестник» следует отметить тенденцию увеличения публикаций, демонстрирующих применение социологических

Рис. 1. Соотношение количества публикаций с использованием социологических методов к общему количеству публикаций в журналах или в их тематических разделах

методов авторами публикаций, в 2024 г. по сравнению с 2023 г. (рис. 2).

Рассматривая частоту встречаемости различных социологических методов в педагогических исследованиях, опубликованных в научных журналах, можно отметить следующее (рис. 3):

– метод экспертной оценки был выявлен только в статьях, опубликованных в двух журналах из выборки, а именно в журнале «Ярославский педагогический вестник» и журнале «Вопросы образования», за рассматриваемый период – две публикации;

– метод контент-анализа был выявлен только в статьях, опубликованных в трех журналах из выборки: «Ярославский педагогический вестник», «Вопросы образования» и «Педагогика», за рассматриваемый период – совокупно одинадцать публикаций;

– метод фокус-групп был выявлен только в статьях, опубликованных в трех журналах из выборки: «Ярославский педагогический вестник», «Педагогика» и «Вопросы образования», за рассматриваемый период – четыре публикации;

– эксперимент как метод именно социологического анализа был выявлен в статьях, опубликованных в журналах из выборки: «Ярославский педагогический вестник», «Управление устойчивым развитием», «Современное образование: актуальные вопросы и инновации», «Вопросы образования», за рассматриваемый период – восемь публикаций;

– наблюдение как метод был выявлен только в статьях, опубликованных в журнале «Ярославский педагогический вестник», за рассматриваемый период – семь публикаций с использованием данного метода;

– метод анализа документов/данных был выявлен в двух публикациях авторов, представленных в журнале «Современное образование: актуальные вопросы и инновации», и в двух публикациях журнала «Управление устойчивым развитием».

Метод опроса, а именно анкетный опрос является самым часто используемым методом сбора первичной информации. Анкетный опрос был выявлен в статьях, опубликованных во всех журналах выборки. За рассматриваемый период – 97 публикаций с использованием авторами указанного метода. Метод интервью применен авторами в 25 публикациях, представленных в журналах «Вопросы образования», «Ярославский педагогический вестник», «Педагогика» и «Современное образование: актуальные вопросы и инновации». Этот факт подтвердил гипо-

Рис. 2. Соотношение количества публикаций с использованием социологических методов к общему количеству публикаций в журналах или в их тематических разделах

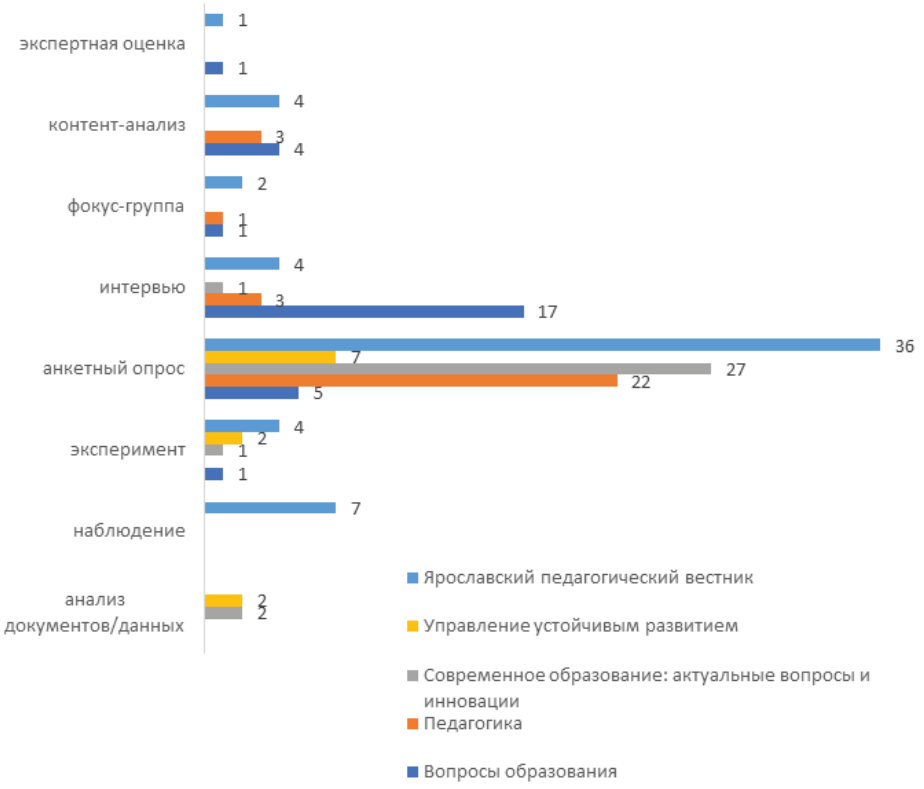

Рис. 3. Частота встречаемости социологических методов исследования в публикациях

тезу о том, что анкетный опрос и интервью являются самыми часто применяемыми авторами методами. Возможно, это объясняется тем, что они дают возможность получить индивидуальное, групповое и общественное мнение, а также информацию о фактах, событиях, оценках, связанных с жизнедеятельностью людей, наименее затратным способом, то есть в онлайн-формате, и охватить большой массив респондентов. Анализ публикаций также позволяет констатировать, что авторы не указывают в своих исследованиях метод анализа документов, хотя данный метод используется практически во всех научных исследованиях, и в большинстве случаев исследование начинается именно с анализа документов, регламентирующих различные учебные и воспитательные процессы.

Анализ результатов исследования показывает, что значительная часть работ (22,3 %) представлена без указания выборки исследования и ее обоснования. Аналогичный процент составляют исследования с применением метода опроса, где исследуемая совокупность ограничена небольшим количеством участников (20–100 чел.). Данные исследования относятся к разведывательному типу, в частности, к пилотажным исследованиям. Такие исследования представляют собой простейшую форму социологического анализа, в рамках которого решается ограниченный круг задач: проверка инструментария, уточнение целей и задач исследования, а также тестирование формулировки вопросов (рис. 4).

Среди особенностей применения социологических методов в педагогических исследованиях по результатам контент-аналитического исследования статей научных журналов можно выделить следующие.

Во-первых, результаты контент-анализа демонстрируют, что авторы исследований применяют комплексный подход, сочетая педагогические и социологические методы исследования. В журнале «Ярославский педагогический вестник» социологические методы используются в 38 % публикаций, в журнале «Вопросы образования» данный показатель составляет 31,4 %. В целом пятая часть рассматриваемых статей выборки исследования применяет социологические методы.

Во-вторых, анализ данных контент-аналитического исследования показал, что наиболее распространенными социологическими методами в педагогических исследованиях являются анкетный опрос и интервью. В основном используется анкетный опрос респондентов в онлайн-формате, что, по всей вероятности, объясняется фактором ограниченности ресурсов как временных, так и финансовых.

В-третьих, данные проведенного исследования показали, что не нашли широкого применения в педагогических исследованиях такие методы сбора первичной информации как анализ документов, контент-анализ и фокус-группы, а также экспертный опрос, эксперимент. Возможно, это объясняется недостаточной методологической подготовкой исследователей в области качественных социологических техник.

В-четвертых, анализ результатов исследования демонстрирует, что пятая часть научных педагогических работ с применением социологических методов имеет существенные методологические недостатки, а именно отсутствует описание и обоснование выборки исследования. В проанализированных работах используется недостаточно представленная выборка (200–100 респондентов), что характерно для разведывательного типа социологического исследования.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что применение социологических методов в педагогике становится все более востребованным инструментом, однако для повышения качества исследовательских работ необходимо расширять социологический инструментарий и совершенствовать подготовку в области методологии исследования.

Рис. 4. Количество исследований без указания выборки исследования и исследуемой совокупности респондентов

Литература:

1. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: «Добросвет», 1999. 596 с.
2. Аберкромби Н. Социологический словарь: Перев. с англ. / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. Тернер, под ред. С.А. Ерофеева. М.: ЗАО Экономика. 2004. 620 с.
3. Педагогика. URL: http://www.pedagogika-rao.ru/announcements/5/
4. Вопросы образования. URL: https://vo.hse.ru/index.php/vo/about
5. Ярославский педагогический вестник. URL: https://vestnik.yspu.org/?page=default#
6. Управление устойчивым развитием. URL:https://www.kstu.ru/article.jsp?id_e=74657
7. Современное образование: актуальные вопросы и инновации. URL: http://irortsmi.ru/o_jurnale/
8. Бочавер А.А., Корнеев А.А., Хломов К.Д. Опросник поведенческих норм и школьного климата // Вопросы образования. 2023. № 4. С. 55–84.
9. Бочавер А.А., Михайлова О.Р. Выгорание школьников: адаптация опросника на российской выборке // Вопросы образования. 2023. № 2. С. 70–100.
10. Липатова Т.Н., Хурамшина А.З., Латыйпова В.М. Вопросы профессионального развития учителей русского языка в общеобразовательных организациях: некоторые аспекты и тенденции (по результатам социологического исследования). // Современное образование: актуальные вопросы и инновации. 2023. № 4(19). С. 14–20. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://irortsmi.ru/wp-content/uploads/2024/01/2023_4.pdf (дата обращения: 26.06.2025).
11. Павлова И.В., Шамсутдинова Л.П., Давлетшина Л.А. Формирование проектно-исследовательской компетенции в условиях поэтапного внедрения обновленного ФГОС ООО // Современное образование: актуальные вопросы и инновации. 2023. № 1(16). С. 48–53. URL: https://irortsmi.ru/wp-content/uploads/2023/04/2023_1.pdf
12. Маркинова Е.В. Практика формирования антикоррупционной образовательной среды в инженерном вузе // Управление устойчивым развитием. 2024. № 5(54). С. 112–119.
13. Сальцева С.В. Методология и методы социологических наук в педагогике и образовании // Евразийский союз ученых (ЕСУ). 2014. № 4. С. 132–133.

Application of Sociological Methods in Pedagogical Research: Results of Content Analysis of Scientific Journal Articles

Idiatullina A.M.
Kazan National Research Technological University
Natapova N.V.
Institute for Education Development of the Republic of Tatarstan (Kazan)

The article examines the process of applying sociological methods in pedagogical research. The results of the content analysis of articles in scientific journals are presented. The parameter concerning the application of specific methods of sociological research in pedagogical research is chosen as a meaningful aspect of content-analytical research. For the content analysis, journals focused on scientific areas of pedagogy were selected: 5.8.1. General Pedagogy, history of pedagogy and education, 5.8.7. Methodology and technology of vocational education. The publications in five scientific journals for the period 2023-2024 were analyzed.

The presented data indicate the need to develop skills in applying various sociological methods in pedagogical research. The peculiarities of using sociological methods in pedagogical research include: combinations of pedagogical research methods with the use of sociological methods, a common method of collecting primary information is the sociological survey method (questionnaire survey and interview), data collection using a questionnaire is carried out in online format, publication of research data using sociological methods without specifying the study sample and its justification, the use of an intelligence type of sociological research.

Keywords: sociological methods, pedagogical research, content analysis

УДК 316.354:351/354
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-278-282

Управление трудовой мотивацией в условиях распространения прекарной занятости

Корсун И.И.
Аспирант кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

Актуальность исследования обусловлена масштабным распространением прекарной занятости среди молодежи, что создает новые вызовы для традиционных систем управления мотивацией персонала. Целью работы является выявление специфики трудовой мотивации молодежи в условиях нестабильной занятости и разработка на этой основе предложений по адаптации управленческих практик. Научная новизна заключается в эмпирической верификации двойственности трудовых установок и доминанты инструментальной мотивации на примере молодежи Свердловской области, а также в адаптации классических и современных теорий мотивации (включая теорию самодетерминации Э. Деси и Р. Райана) к современным трудовым реалиям. Эмпирическую базу составили результаты анкетного опроса (n = 641). Результаты показали, что установки на фриланс и нерегулярную занятость сопровождаются доминированием инструментального типа мотивации и ослаблением профессиональных факторов. Практическая значимость исследования заключается в предложении конкретных направлений адаптации систем мотивации и управления персоналом, ориентированных на интеграцию гибких форматов труда и нивелирование рисков прекаризации. Выводы работы ставят под сомнение применимость традиционных управленческих моделей и обосновывают необходимость перехода к гибким и персонализированным системам мотивации.

Ключевые слова: *мотивация труда, прекариат, инструментальная мотивация, молодежь, управление персоналом, фриланс, анкетный опрос*

Для цитирования: *Корсун И.И. Управление трудовой мотивацией в условиях распространения прекарной занятости // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 278–282. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-278-282.*

Современный рынок труда претерпевает масштабные изменения, связанные с цифровизацией, фрагментацией занятости и ростом гибких форм взаимодействия между работодателями и исполнителями. Одним из новых феноменов в этом контексте становится прекариат – социальная группа, объединяющая работников с нестабильной занятостью, низкой защищённостью и неопределёнными перспективами. Данный процесс особенно затрагивает молодёжь, находящуюся на начальных этапах профессиональной социализации.

По данным *HeadHunter*, в 2023 г. индекс соотношения резюме к вакансиям составил лишь 3,1 пункта – это минимальный показатель за последние годы [1]. Более 20 % трудоспособного населения заняты в неформальной, временной или фриланс-деятельности, что затрудняет адекватную фиксацию их экономического положения. Аналогичные процессы отмечаются и в международной перспективе: по оценке Ж.Т. Тощенко, нестабильные группы охватывают от 30 до 50 % трудоспособного населения [2, с. 154].

В условиях роста прекарной занятости возникают новые вызовы для управления трудовыми ресурсами. Модели мотивации, ориентированные на стабильную занятость и вовлечённость в деятельность организации, всё чаще демонстрируют сниженный эффект. Актуализируется вопрос о том, как изменения в трудовом поведении молодёжи влияют на её мотивационную структуру и какие подходы к управлению оказываются релевантными в новых условиях.

Основной целью нашего исследования стало изучение специфики управления трудовой мотивацией в условиях прекарной занятости. Реализация цели предполагает решение следующих задач. Во-первых, охарактеризовать современные концепции управления трудовой мотивацией. Во-вторых, раскрыть особенности функционирования прекариата в современных условиях. В-третьих, опираясь на результаты эмпирического социологического исследования установок молодежи на прекарную занятость, определить возможности управления трудовой мотивацией. В ходе исследования нами была выдвинута следующая гипотеза: распространение прекарной занятости сопровождается доминированием инструментального типа трудовой мотивации и снижает эффективность традиционных моделей управления персоналом.

Феномен прекарной занятости стал одним из ключевых факторов, трансформирующих современную структуру трудовых отношений. Расширение гибких форм занятости, таких как удалённая работа, фриланс, платформенная деятельность и неполная занятость, оказывает значительное влияние на поведение работников и механизмы их мотивации [3, с. 25]. Эти изменения связаны не только с экономическими реалиями, но и с культурными сдвигами, вызванными цифровизацией труда и переосмыслением роли работы в жизни человека.

Как показывает Р. Сеннетт, прекаризация проявляется в четырёх измерениях: экзистенциальном (размытость жизненных планов), социальном (утрата идентичности), профессиональном (сложность накопления компетенций) и экономическом (нестабильность дохода). Эти аспекты трансформируют не только формы труда, но и способы управления людьми. Прекарным становится не только занятость, но и образ жизни в целом, что ослабляет коллективную идентичность и ориентирует мотивацию на индивидуальные, краткосрочные цели [4, с. 73–74].

Классические теории мотивации таких авторов как В. Врум, Дж. С. Адамс, Л. Портер, Э. Лоулер предполагают рациональный выбор работника, основанный на сравнении затрат и вознаграждений, а также на восприятии справедливости по отношению к другим. Однако при нестабильных условиях прекарной занятости эта логика нарушается. Работники всё чаще сравнивают уровень вознаграждения не между собой и другими сотрудниками, а между текущей заработной платой и гипотетическим доходом при фрилансе, что формирует ощущение несправедливости и демотивирует.

Двухфакторная теория Ф. Герцберга вводит различие между гигиеническими (являющимися «внешними» по отношению к трудовому процессу – оплата труда и условия труда, корпоративная политика) и мотивационными факторами (свойственные самому процессу – интерес к работе, достижения, признание со стороны). Первые устраняют неудовлетворённость, которая препятствует мотивации, но при их удовлетворении только вторые могут мотивировать сотрудников к более эффективной работе [5, с. 113–114]. Прекариат лишён многих гигиенических условий – стабильности, соцпакета, институциональной поддержки, а мотивационные компоненты (признание, развитие, вовлечённость) не всегда доступны в условиях проектной или удалённой занятости [6, с. 158].

Теория Ф. Герцберга открывает направление внутренней мотивации персонала, в полной мере это явление раскрывает теория самоидентификации Э. Деси и Р. Райана. Эта теория описывает внутренне мотивированные действия как действия, сами по себе являющиеся вознаграждающими, и рассматривает мотивацию через призму удовлетворения трех ключевых психологических потребностей: автономии, компетентности и принадлежности [7, с. 68–70].

Согласно теории Э. Деси и Р. Райана, для актуализации мотивации сотрудника важно удовлетворять: потребность в автономии, которая представляет собой стремление чувствовать себя инициатором собственных действий, самостоятельно контролировать своё поведение; потребность в компетентности, под которой подразумевается желание субъекта достичь определённых внутренних и внешних результатов, стремление быть эффективным в чём-либо; потребность во взаимосвязи с другими людьми, которая обозначает стремление субъекта к установлению надёжных отношений, основанных на чувствах привязанности и принадлежности [7]. Если автономия частично обеспечивается в гибкой занятости, то потребности в социальной включённости и профессиональном росте остаются неудовлетворёнными. Их фрустрация негативно влияет на внутреннюю мотивацию.

Изменения на рынке труда ставят под сомнение универсальность всех существующих моделей. Распространение нестабильных форм занятости, таких как фриланс, самозанятость, проектная и удалённая работа, ведёт к деформации системы внешних стимулов, снижению влияния патерналистской логики и ослаблению идентификации с организацией [8, с. 108–109].

Такие условия подрывают традиционные системы нематериальной мотивации: карьерное продвижение, участие в корпоративной культуре, идентификация с организацией. Управление трудовой мотивацией в подобных условиях требует смещения акцентов: от долгосрочной лояльности – к проектной эффективности, от внутренней вовлечённости – к краткосрочным стимулам.

Молодое поколение, которое начинает свое профессиональное восхождение, становится наиболее уязвимой группой, поскольку присущие ей ценности свободы, гибкости и автономии нередко сочетаются с тревожностью, вызванной отсутствием стабильности и социальных гарантий. Такая двойственность делает мотивацию работников прекарной занятости сложно прогнозируемой и требует адаптации управленческих стратегий.

Степень ориентации молодежи на прекарную занятость демонстрируют результаты онлайн-опроса (авторская анкета, состоящая из 18 вопросов, была размещена на сервисе *Yandex Forms*), проведённого в мае–июне 2024 г. среди молодёжи Свердловской области в возрасте 18–30 лет. Объём выборки (квотный вид отбора) составил 641 чел.: доля работающей и учащейся молодёжи примерно одинакова; треть респондентов – юноши.

Результаты исследования показывают, что установка на нестандартную занятость получила значительное распространение. Так, более 60 % респондентов предпочли бы неполную или нерегулярную занятость – ответы представлены в таблице 1, а суммарно 60 % выразили готовность отказаться от стабильной занятости в крупной компании в пользу фриланса или проектной работы.

Анализ мотивационных факторов показывает, что ключевыми драйверами привлекательности фриланса являются параметры, связанные со свободой и автономией: гибкий график, свобода выбора проектов, отсутствие привязки к офису (рис. 1).

В противовес этому осознание рисков носит столь же массовый характер (рис. 2). Наиболее остро воспринимаются экономические риски – нестабильность дохода и неуверенность в будущем, что подтверждает гипотезу о доминанте инструментальной мотивации. Кроме того, отметим, что 43,8 % опрошенной работающей молодежи в настоящий момент не удовлетворены уровнем своих доходов.

Результаты соотносятся с данными других исследований [6, с. 158; 7, с. 72; 9, с. 70], согласно которым для молодёжи в условиях прекарной занятости характерна доминанта инструментальной мотивации и снижение значимости нематериальных факторов труда. Так, согласно данным А.В. Меренкова с коллегами, неопределенность становится источником трансформации трудовых ориентаций студентов, которые предпочитают нетипичные формы занятости, ненормированный рабочий день, свободный график работы, при этом понимая и принимая риски, связанные, например, с отсутствием социальных гарантий [10, с. 278].

Полученные эмпирические данные позволяют конкретизировать вызовы, которые феномен прекаризации создает для системы управления персоналом в организациях – они подтверждают наличие двойственной установки: высокая субъективная

Таблица 1

Установки молодежи на прекарную занятость (*n* = 641), %

Предпочтительная форма занятости	%
Работа на неполный рабочий день	50,9
Работа на полный рабочий день	38,2
Нерегулярная непостоянная работа	10,9
Итого	100

Рис. 1. Распределение ответов о привлекательных сторонах прекарной занятости, % от числа опрошенных (*n* = 641)

Рис 2. Распределение ответов о негативных сторонах прекарной занятости, % от числа опрошенных (*n* = 641)

привлекательность гибкой занятости сочетается с осознанием её рисков.

С точки зрения социологии управления, выявленная двойственность трудовых установок молодежи формирует принципиально новую среду для реализации мотивационных механизмов. С одной стороны, запрос на автономию и гибкость требует от менеджмента делегирования большей ответственности и свободы, перехода от контроля к координации. С другой стороны, высокая значимость инструментальных мотивов и осознание рисков указывают на необходимость усиления функций социальной защищенности и стабильности, традиционно обеспечиваемых именно организацией, а не рынком.

Предлагаемые направления адаптации можно рассматривать как элементы институционализации тренда прекаризации, то есть его внедрения в систему формальных и неформальных правил организации. Речь идет о формировании гибридных моделей управления, которые позволяют комбинировать гибкость внешних практик с устойчивостью внутренней корпоративной среды.

Такие модели должны комбинировать атрибуты проектно-ориентированного взаимодействия, характерного для фриланса, с элементами корпоративной поддержки, нивелирующими ключевые риски прекарной занятости.

Для управленческой практики это означает сдвиг от универсальных программ мотивации к персонализированным траекториям, учитывающим индивидуальную структуру мотивов каждого сотрудника. Таким образом, задача управления заключается не в отрицании тренда на прекаризацию, а в его институционализации — создании внутриорганизационных правил и норм, которые позволяют интегрировать гибкие форматы занятости в устойчивую организационную структуру, минимизируя деструктивные последствия для трудовой мотивации и эффективности.

Опираясь на эмпирические и теоретические данные, можно выделить три ключевых сдвига в мотивационной модели:

1. Нарушение представления о справедливом вознаграждении.

Работники сравнивают свой заработок не с доходами коллег, а с потенциальной доходностью на фрилансе, которая часто оказывается завышенной, но привлекательной. Это снижает удовлетворённость и мотивацию к работе в стабильных организациях.

2. Утрата принадлежности и горизонтальных связей.

Молодёжь всё чаще воспринимает себя как внеорганизационный субъект, что ослабляет внутреннюю мотивацию, особенно при дефиците групповой идентичности и обратной связи.

3. Автономия без роста компетенций.

Прекариат предлагает внешнюю свободу, но не всегда обеспечивает условия для профессионального развития, что ведёт к профессиональной фрагментации и снижению мотивации к усложнению задач.

Текущая ситуация требует адаптации управленческих практик. Среди возможных направлений трансформации:

– индивидуализация систем мотивации с фокусом на гибкие графики, обучение и проектную занятость;

– внедрение немонетарных инструментов признания и обратной связи;

– создание условий для горизонтального развития и соучастия в управлении;

– переход к более гибким форматам сотрудничества с внешними исполнителями.

Таким образом, управление мотивацией в условиях прекаризации требует не только корректировки стимулирующих факторов, но и изменения организационной культуры, способной интегрировать новых субъектов труда с иными трудовыми ожиданиями.

Проведённое исследование подтвердило гипотезу о влиянии распространения прекарной занятости на трансформацию трудовой мотивации молодёжи. Данные показывают сдвиг в сторону инструментального типа мотивации и растущее предпочтение гибких форм занятости, несмотря на осознание сопутствующих рисков.

С учётом этих изменений необходимо адаптировать системы мотивации и управления персоналом в организациях. Речь идёт не только об изменении инструментов стимулирования, но и о трансформации самой логики взаимодействия с молодыми работниками. Мотивация в условиях прекаризации должна рассматриваться как динамичный и комплексный процесс, требующий новых подходов со стороны управления профессиональными ресурсами. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования результатов для проектирования адаптивных моделей мотивации в организациях, ориентированных на молодых специалистов, вовлечённых в гибкие форматы труда.

Литература:

1. У водителей такси – самые высокие доходы среди рабочих специальностей // HeadHunter. 2025. URL: https://volgograd.hh.ru/article/32056 (дата обращения: 06.09.2025).
2. Тощенко Ж.Т. Новое социально-экономическое явление: прекариат // Ноономика и нообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. 2022. Т. 1. № 1. С. 146–161.
3. Камарова Т.А., Тонких Н.В. Цифровая занятость как фактор трансформации структуры занятости населения // Экономика труда. 2022. № 3. С. 24–33.
4. Ламихов Ю.Б., Антонова О.Г. Теоретические подходы к исследованию трудовой мотивации работников // Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. 2018. № 4 (48). С. 71–80.
5. Herzberg F., Mausner B. and Snyderman B.B. The Motivation to Work. New York : Wiley, 1959. 157 p.
6. Миронова О.И., Алексапольская М.М. Социально-психологические характеристики группы прекариата // Ноономика и нообщество. 2023. № 3. С. 154–161.
7. Ryan R.M., Deci E.L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being // American Psychologist. 2000. Vol. 55. № 1. P. 68–78.
8. Резанов П.Н., Волкова И.А. Социальная идентичность и нестабильные формы труда // Вопросы экономики. 2019. № 5. С. 102–117.
9. Мазанова Ю.О. Особенности трудовой мотивации молодежи, работающей на удаленном режиме // Актуальные проблемы социальных и психологических наук: теория, методология, практика: материалы симпозиума XIX (LI) Междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Кемерово, 23 апр. 2024 г. Кемерово: Кемеров. гос. ун-т, 2024. С. 68–71.
10. Меренков А.В., Антонова Н.Л., Бахтин Е.Л., Попова Г.И. Университеты как источник формирования прекарной занятости // Интеграция образования. 2023. Т. 27. № 2. С. 273–288.

Labor Motivation Management in the Context of Expanding Precarious Employment

Korsun I.I.
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg)

Relevance of the study is driven by the widespread proliferation of precarious employment among youth, which poses new challenges to traditional systems of personnel motivation management. The purpose of the work is to identify the specifics of youth labor motivation under conditions of unstable employment and to develop proposals for adapting managerial practices based on this analysis. Scientific novelty consists in the empirical verification of the duality of labor attitudes and the dominance of instrumental motivation using the case study of youth in the Sverdlovsk region, as well as in the adaptation of classical and modern motivation theories (including the self-determination theory by E. Deci and R. Ryan) to contemporary labor realities. The empirical base comprises the results of a questionnaire survey (n=641). Results showed that preferences for freelance and irregular employment are associated with a predominance of the instrumental motivation type and a weakening of professional factors. Practical significance of the research lies in proposing specific directions for adapting motivation and personnel management systems aimed at integrating flexible labor formats and mitigating the risks of precarization. The conclusions challenge the applicability of traditional management models and substantiate the need for a transition to flexible and personalized motivation systems.

Keywords: labor motivation, precariat, instrumental motivation, youth, personnel management, freelance, questionnaire survey

УДК 316.35.023.4
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-283-287

Актуальные аспекты использования термина «дизайн» в социологии малых групп

Крейк А.И.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии Новосибирского
государственного университета экономики и управления

Юркина Д.А.
Проводник Северо-Западного филиала
АО «Федеральная пассажирская компания»

Тема данной работы актуализирована необходимостью совершенствования теоретического инструментария социологии малых групп в соответствии с запросами современности. Соответственно, целью статьи является рассмотрение динамического аспекта структуры малых групп. Исходя из этого, задачами данной работы являются: а) обоснование использования термина «дизайн» в социологии малых групп; б) предложение «дизайн-подхода» в качестве обозначения динамического состояния структуры малых групп. Научная и прикладная значимость данной работы заключается в том, что в ней представлено обоснование возможности использования термина «дизайн» для обозначения динамического состояния структуры малой группы, и это может быть использовано для факторной операционализации при разработке программы эмпирических исследований по тематике малых групп. Данная работа позволяет исследователям обоснованно использовать термин «дизайн» и дизайн-подход для обозначения динамического состояния структуры малых групп. Научная новизна данной работы заключается в том, что она является конкретным вкладом в развитие терминологической основы социологии малых групп. Её ценность в том, что, будучи теоретической, она имеет также и прикладную направленность – её положения могут быть использованы при разработке эмпирических исследований по социологии малых групп.

Ключевые слова: *дизайн, социология малых групп, социологический термин, структура, двойственность семантики термина, дизайн-подход*

Для цитирования: *Крейк А.И., Юркина Д.А. Актуальные аспекты использования термина «дизайн» в социологии малых групп // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 283–287. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-283-287.*

Дизайн традиционно связывают со сферой искусства или художественно-проектной деятельностью. В настоящее время термин «дизайн» имеет три значения: «деятельность по планированию и

проектированию чего-либо; результаты планирования и проектирования в виде сценариев, эскизов, моделей; проявление планирования и проектирования в готовом продукте» [1, с. 37].

Следует отметить, что в последние годы сфера применения данного термина существенно расширилась, охватив многие области, например, дизайн бизнес-моделей, дизайн пользовательского опыта, социальный дизайн и другие. Это позволяет рассматривать дизайн не просто как сферу деятельности, но и как определённый способ мышления, ориентированный на целенаправленное проектирование сложных систем для удовлетворения человеческих потребностей. И именно в таком контексте (широком понимании) термин «дизайн» приобретает важный потенциал для социологии, который, в частности, можно применить для рассмотрения малых групп.

Необходимо принять во внимание, что некоторые исследователи рассматривают структуру группы как динамический феномен. В частности, Р. Бейлз в теории *SYMLOG (System for the Multiple Level Observation of Groups*), определил структуру группы как относительно устойчивую модель взаимосвязанных статусов, ролей, норм и коммуникационных каналов, которые организуют взаимодействие между её членами [2, с. 145]. Тогда, если опираться на идеи Р. Бейлза, можно констатировать, что дизайн в данном случае представляет собой процесс первоначального создания такой модели, создание каркаса, который в будущем будет заполняться реальными социальными взаимодействиями и при этом регулироваться.

Социологическое понимание термина «дизайн» предполагает его интерпретацию как процесса сознательного конструирования социальной реальности. В таком случае его можно соотнести с идеями теории социального конструирования реальности, разработанной П. Бергером и Т. Лукманом. Согласно их мнению, реальность является продуктом человеческой деятельности и объективируется в процессе хабитуализации (опривычивания) и институционализации [3, с. 89–90]. Тогда, по мнению авторов данной работы, дизайн малой группы можно рассматривать как ускоренный и целенаправленный процесс такой хабитуализации и институционализации, где не стихийные взаимодействия, а изначальный замысел устанавливает модели действия, ролевые ожидания и структуры групповых связей.

В таком социологическом контексте дизайн малой группы – это целенаправленная деятельность по проектированию и формированию её основных структурных и процессуальных параметров с целью оптимизации её функционирования для достижения определённых целей.

Продуктивной для рассмотрения термина «дизайн» является концепция «социальной архитектуры», разработанная Г. Минцбергом. Он рассматривает проектирование организационной структуры как создание архитектуры, где необходимо правильно сочетать различные элементы – стратегию, формализацию, процессы неформальных отношений [4, с. 13–14]. Применительно к малой группе можно исходить из того, что социальный проектировщик, так же как и архитектор, занимается её дизайном, комбинируя формальные и неформальные нормы, коммуникационные каналы и распределение ролей для создания её устойчивой и функционально необходимой конструкции. Исходя из этого, можно констатировать, что для организаций и малых групп именно аспект преднамеренности – целенаправленного создания структуры под задачу – является общим признаком.

Таким образом, по мнению авторов данной работы, можно утверждать, что социологическая интерпретация термина «дизайн» раскрывает его двойственную природу. С одной стороны, дизайн малой группы представляет собой процесс целенаправленного формирования групповой структуры, с другой – устойчивое состояние сложившейся системы взаимодействий. Эта двойственность позволяет рассматривать малую группу одновременно и как результат проектной деятельности, и как динамически развивающуюся социальную систему.

Содержание дизайна малой группы раскрывается через основные компоненты групповой структуры. Эти взаимосвязанные компоненты требуют системного подхода, поскольку изменение одного из них неизбежно влияет на функционирование других.

Итак, в качестве дизайна малой группы выступает её структура. Её проектирование начинается с учёта группового разделения труда. Э. Дюркгейм указывал на то, что специализация служит фундаментальным принципом социальной организации, которая, в свою очередь, повышает эффективность деятельности [5, с. 9]. В малой группе это выражается в чётком определении целей, задач, сфер ответственности и ролей, и, кроме того, социальные проектировщики выбирают между жесткими функциональными структурами и гибкой ротацией ролей. У Э. Дюркгейма это определяется характером решаемой задачи: обычные операции требуют высокой степени специализации, в то время как творческие задачи требуют большей гибкости ролей [5, с. 9].

Коммуникативная архитектура составляет основу групповых взаимодействий. Исследования В.А. Корниловича и А.Н. Холина показали, что коммуникативное пространство малых групп характеризуется высокой интенсивностью и скоростью альтернативных действий [6, с. 104]. Эти исследователи подчёркивают необходимость создания конвергентной группы на основе согласованных решений определённых членов группы путём ис-

пользования моделей внутренней и внешней коммуникации. Особенно важно создание условий для эффективного обмена информацией, когда учитывается не только содержание коммуникации, но и её эмоциональная составляющая [6, с. 104, 107].

Третий основной компонент дизайна малой группы – нормативная система. В.В. Плотников в исследовании социальной идентичности показывает, что групповые нормы выступают в качестве социального регулятора, задающего рамки поведения членов общества [7, с. 216]. Проектирование нормативной системы требует учёта как формальных предписаний, так и стихийно складывающихся неформальных норм [7]. По мнению авторов данной работы, если применять эти идеи к пониманию дизайна малой группы, особое внимание уделяется созданию механизмов формирования групповой культуры через систему общих практик и ритуалов.

Важно подчеркнуть, что дизайн малой группы может формироваться не только осознанно, но и путем её самоорганизации. В рамках синергетического подхода спонтанное возникновение социальных структур рассматривается как закономерный процесс [8, с. 10]. Как отмечает Е.Н. Князева, «самоорганизация представляет собой естественный механизм формирования сложных социальных систем, включая малые группы» [9, с. 76].

Этот подход находит развитие в теории аутопойезиса У. Матураны и Ф. Варелы, где социальные системы понимаются как самовоспроизводящиеся целостности [10, с. 48]. В. В. Василькова подчёркивает, что аутопойетические процессы в малых группах обеспечивают их устойчивость и адаптивность [11, с. 252].

Таким образом, по мнению авторов данной работы, дизайн малой группы в социологическом понимании представляет собой многомерный процесс, включающий проектирование структурных, коммуникативных и нормативных компонентов. Оптимальность дизайна малой группы определяется её способностью обеспечивать свою целостность при сохранении динамического баланса между формальными и неформальными характеристиками. При этом следует учитывать, что структура малой группы может формироваться как в режиме целенаправленного проектирования, так и путем естественных процессов самоорганизации.

Использование термина «дизайн» для обозначения процесса формирования структуры малой группы (целевого проектирования или в режиме самоорганизации) и динамического состояния её структуры можно обозначить как «дизайн-подход». Тем самым использование термина «дизайн» для обозначения структуры малой группы означает, что её структура рассматривается как динамический феномен: процесс «формирование/изменение сформированного»/динамическое состояние.

Введение термина «дизайн» для социологии малых групп требует учета его эвристического потенциала и возможных ограничений. Рассматривая дизайн малой группы как социологический феномен, можно определить ряд преимуществ и рисков, связанных с использованием данного термина.

Дизайн-подход применительно к малым группам определяется тремя достоинствами, которые названы ниже.

Первое – это возможность его использования для системного проектирования. С.С. Фролов отмечал, что структура малой группы представляет собой сложную систему взаимосвязанных позиций и ролей [12, с. 161]. С точки зрения авторов данной работы, дизайн-подход как проявление системного подхода позволяет изучать малые группы как целостную систему, где изменение одного элемента влечёт за собой преобразование во всей структуре малой группы.

Второе – типологизация. Как отмечает А.И. Кравченко, создание классификаций малых групп на основе их структурных особенностей способствует проведению сравнительных исследований [13, с. 264–270]. Соответственно, авторы данной работы полагают, что дизайн-подход позволяет осуществлять типологию малых групп, опираясь на их структурные параметры.

Ещё одним достоинством дизайн-подхода применительно к малой группе является его практическая направленность. Ж.Т. Тощенко подчёркивает, что понимание структуры группы – ключевое средство для эффективного управления социальными процессами в ней [14, с. 127]. Это позволяет разработать необходимую модель управления малыми группами.

Наряду с достоинствами использования дизайн-подхода для социологического рассмотрения малых групп, есть и определённые ограничения для этого. Основным является методологический редукционизм. С.С. Фролов подчёркивал, что чрезмерное фокусирование на структурных аспектах может привести к недооценке содержательной стороны групповых процессов [12, с. 26]. Это означает, что социологическое изучение малых групп не должно ограничиваться лишь формальным описанием их структур, игнорируя внутреннее содержание.

Второе ограничение дизайн-подхода применительно к малым группам, связано с опасностью схематизации социальной реальности. А.И. Кравченко указывает, что реальные социальные процессы не всегда соответствуют заранее разработанным схемам [13, с. 357]. Динамика малых групп в некоторых случаях характеризуется непредсказуемостью и спонтанностью, что затрудняет её полное соответствие формальным моделям.

Третье ограничение дизайн-подхода применительно к малым группам – это сложности опера-

ционализации дизайна малых групп. Ж.Т. Тощенко отмечает трудности с практическим применением теории и практики социального проектирования. Перенос терминологии из сферы проектирования в социологию, по его мнению, требует значительной концептуальной адаптации [14, с. 321–322]. Не все аспекты функционирования малой группы могут быть легко формализованы и спроектированы.

Таким образом, по мнению авторов данной работы, применение дизайн-подхода в социологии малых групп является продуктивным, но только при условии осознания его ограничений.

Литература:

1. Фоменко В.В. Проблема определения понятия «Дизайн» // Омский научный вестник. 2003. № 3. С. 37–40.
2. Bales R.F. SYMLOG: A System for the Multiple Level Observation of Groups. New York: Free Press, 1979. 450 p.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
4. Минцберг Г. Структура в кулаке: создание эффективной организации / Пер. с англ. под ред. Ю.Н. Каптуревского. СПб.: Питер, 2004. 512 с.
5. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. и послесловие Л.Б. Гофмана. М.: Наука, 1990. 575 с.
6. Корнилович В.А., Холин А.Н. Коммуникативная динамика малой группы: информационное сопровождение управленческих решений (на примере группового ситуационного анализа) // Коммуникология. 2017. № 1. С. 99–110.
7. Плотников В.В., Солонникова Н.В., Коротких В.Н. Конструирование социальной идентичности как фактор гендерного взаимодействия // Психология и педагогика служебной деятельности. 2024. № 4. С. 216–219.
8. Хакен Г. Синергетика. М.: Мир, 1980. 406 с.
9. Князева Е.Н. Синергетика: нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М.: ООО «КомКнига», 2007. 272 с.
10. Матурана У., Варела Ф. Древо познание. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.
11. Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: (Синергетика и теория социальной самоорганизации). СПб.: Изд-во «Лань», 1999. 480 с.
12. Фролов С.С. Социология: учеб. для высших учебных заведений. М.: Наука, 1994. 256 с.
13. Кравченко А.И. Социология: учеб. и практикум для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2025. 433 с.
14. Тощенко Ж.Т. Социология: учеб. для студентов, обучающихся по направлению подготовки бакалавров и магистров «Социология» (040100). М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 607 с. URL: https://znanium.com/catalog/product/1028936 (дата обращения: 12.10.2025). Режим доступа: по подписке.

Current Aspects of Using the Term «Design» in Sociology of Small Groups

Kreyk A.I.
Novosibirsk State University of Economics and Management
Yurkina D.A.
Northwest Branch Federal Passenger Company JSC

The topic of this work is updated by the need to improve the theoretical toolkit of small group sociology in accordance with the needs of our time. Accordingly, the purpose of the article is to consider the dynamic aspect of the structure of small groups. Based on this, the tasks of this work are: a) to justify the use of the term "design" in the sociology of small groups; b) propose a "design approach" as a designation of the dynamic state of the structure of small groups. The scientific and applied significance of this work is that it provides a justification for the possibility of using the term "design" to refer to the dynamic state of the structure of a small group and this can be used for factor operationalization in the development of a program of empirical research on small groups. This work allows researchers to reasonably use the term "design" and design approach to refer to the dynamic state of the structure of small groups. The scientific novelty of this work is that it is a concrete contribution to the development of the terminological basis of small group sociology. Its value lies in the fact that, being theoretical, it also has an applied orientation - its provisions can be used in the development of empirical studies on the sociology of small groups.

Key words: design, small group sociology, sociological term, structure, duality of term semantics, design approach

УДК 316.1
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-288-292

Современные социальные теории в исследовании отношений человека и искусственного интеллекта*

Минзарипов Р.Г.
Доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой общей и этнической социологии,
Президент Казанского (Приволжского) федерального университета

Порошенко О.Ю.
Доктор философских наук,
заведующая кафедрой социальной философии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Актуальность темы обусловлена быстрым развитием технологий и интеграцией ИИ в различные сферы человеческой деятельности, что вызывает необходимость переосмысления традиционных социологических подходов. Сегодня отечественная социология рассматривает взаимоотношения человека и искусственного интеллекта преимущественно сквозь призму так называемой «логики замещения», при которой упускается из виду взаимообусловленность действий человека и машины, воспринимаемых как два изолированных, хотя и взаимозаменяемых элемента. Между тем в условиях быстро развивающейся «Индустрии 6.0» стирается четкая грань между автоматическими механизмами и живыми разумными существами, создавая принципиально новую общую социальную действительность.

Цель исследования заключается в выявлении и обосновании новых теоретико-методологических подходов к изучению отношений человека и ИИ. Научная значимость работы заключается в разработке трех перспективных направлений методологических подходов: кибернетика, неогерменевтика и органицизм. Практическая значимость связана с необходимостью адаптации социологии к новым условиям цифровизации и интеграции ИИ в общественные процессы. Результаты работы могут быть использованы для разработки рекомендаций по формированию цифрового доверия и созданию безопасной среды для пользователей цифровых технологий.

Новизна исследования заключается в предложении новых методологических подходов, выходящих за рамки традиционной антропологической перспективы и открывающих возможности для междисциплинарного синтеза в изучении отношений человека и ИИ.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, взаимоотношение человека и искусственного интеллекта, современные социальные теории, философия, социологическая наука*

* Статья подготовлена в рамках проекта № FZSM-2023-0022 «Цифровая социализация и цифровая компетентность молодежи в условиях глобальных системных изменений: технологии регулирования, риски, сценарии» по государственному заданию, выданному Казанскому федеральному университету.

Для цитирования: *Минзарипов Р.Г., Порошенко О.Ю. Современные социальные теории в исследовании отношений человека и искусственного интеллекта // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 288–292. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-288-292.*

В начале третьего тысячелетия мы видим возрастающее влияние искусственного интеллекта (ИИ) практически во всех аспектах общественной жизни и повседневных практик индивидов. Тем не менее внимание исследователей-социологов к данному феномену пока еще остается весьма незначительным. Чаще всего ИИ изучается лишь как вспомогательное средство, используемое для статистического или текстологического анализа в социологии.

Наиболее распространенной исследовательской программой для социологов сегодня является изучение социальных феноменов в отрыве от материального (физического, биологического, технического), допуская существование абстрактной автономной сферы социального, выводимой из духовной сущности человека. В такой методологической перспективе социальное редуцируется до человеческого сознания и вербальной коммуникации (теории М. Вебера, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса). Отсюда вырастает логика тех представлений, что человек по отношению к вещам находится либо в привилегированном, либо в подчиненном положении, становясь объектом их субъектной деятельности. В качестве примеров можно привести как идеологию трансгуманизма, выступающую против любых трактовок техники, которые оспаривают этику «улучшения человека», так и дискуссии вокруг новых форм «технофеодализма», продолжающих борьбу за завоевание новых ресурсов [1]. Данные примеры показывают приверженность термодинамической идее, согласно которой разнообразие возможно только в рамках конкретной легитимной системы.

Представления о том, что машинный интеллект может заменить человеческий интеллект, выстраиваются в так называемой «логике замещения». Именно в такой логике К. Маркс писал об эмансипации рабочих от труда в ситуации полной автоматизации. В «логике замещения» игнорируется взаимность между человеком и машиной, они рассматриваются как две реальности, отдельные, но взаимозаменяемые. Как раз в этой «логике» сегодня применяются социальные теории, такие как «социология риска» У. Бека, Э.Гидденса, «флексибильного человека» Р. Сеннета, «искусственной социальности» П.К. Яблонского, А.В. Резаева, Н.Д. Трегубовой [2] и другие.

Проблематика таких подходов лежит в плоскости различий между естественным (человеческим) и искусственным интеллектом/«рациональным агентом», понимаемым как «определенное свойство системы, которое позволяет заменять человека в области обработки информации» [3].

К середине XXI в. современная цивилизация подходит к «шестой промышленной революции» (Индустрия 6.0), которая покроет Индустрию 5.0, основанную на технологических и экономических инновациях (ИИ, блокчейн, криптовалюта, интернет вещей и пр.). В Индустрии 6.0 будут использоваться квантовые вычисления и нанотехнологии.

Представители «Кремниевой долины» США активно работают над «Новым манхэттенским проектом»: компания *OpenAI* создала программы *Stargate* для развития огромных вычислительных мощностей (инвестиции полмиллиарда долларов), персонифицированной медицины, *AGI* для аналога человеческого гения, *Golden Dome* («золотой купол») для развертывания на орбите большого количества спутников; И. Маск запускает *Megastarlink* – программу спутниковой связи (от 8 тыс. до 40 тыс. спутников с опущенной орбитой к Земле + ракета, выводящая 200 т груза на орбиту), «Цифровой двойник Земли» для онлайн-моделирования физических событий Земли; П. Тиль разрабатывает *Palantir* – программу управления всеми этими программами в интересах США (в сентябре 2025 г. Великобритания заключила стратегическое соглашение с американской компанией Palantir, специализирующейся на технологиях разведки и анализа данных. Инвестиции составили около 2 млрд долл.); *Google, IBM, Microsoft* и *Intel* работают над программой «Квантовый компьютер».

Очевидно, что в ближайшие десятилетия новые технологии, развивая и дополняя друг друга, принесут невиданные изменения в человеке, обществе и культуре. Мировая экономика вынуждает общество уже сегодня адаптироваться к новым реалиям.

Современная социология нуждается не только в сборе и анализе эмпирических данных о новых реалиях, но и в прояснении теоретико-методологических оснований исследований. В качестве примера групп перспективных методологических подходов можно предложить три направления: кибернетика, неогерменевтика, органицизм.

Кибернетика. Важным поворотом в современной социологической теории представляется обращение к «кибернетической парадигме». В интервью журналу *Der Spiegel* в 1966 г. М. Хайдеггер на вопро «что следует за философией» ответил одним словом: «кибернетика». М. Хайдеггер провозгласил «конец метафизической философии» и начало триумфа управляемой организации научно-технического мира и соразмерного этому миру общественного порядка («эпоха полной безвопросности») [4]. «В мире, представляемом кибернетически, исчезает

различие между машинами-автоматами и живыми, одушевленными существами», – написал М. Хайдеггер [5, с. 446–447].

Кибернетическая парадигма актуальна для современного мира искусственного интеллекта, в которой организм сводится к машине, а жизнь – к расчету. Кибернетический метод уничтожил противопоставление витализма механицизму. Редукционистская кибернетика превратила единство человека и мира в замкнутую систему.

К концу XX в. социальная теория переходит к новому исследовательскому проекту – «повороту к материальности» (И. Гофман, Г. Гарфинкель).

Наиболее ярким примером такого «поворота» является социологическая методология Б. Латура. Противопоставляя свои идеи теориям социального конструктивизма и критической социологии П. Бурдье, Б. Латур трактует общество как следствие взаимодействия (сети) акторов, которые конструируют и организуют объект исследования. К акторам он относит как человеческие существа, так и «нечеловеков». «Акторно-сетевая теория» Б. Латура демонстрирует то, как в сплетении отношений активно проявляет себя «нечеловеческое» (актанты), образуя «гибридную» реальность. Поэтому, по Латуру, нельзя рассматривать общество как продукт деятельности только человеческих существ, современные технологии также являются частью общества. В таком подходе исчезает принятое деление на макро и микроуровни социальной реальности [6].

Неогерменевтика. На смену эпохи серийного производства товаров и информации (Индустрия 5.0) приходит эпоха серийного производства смыслов. «Жизненный мир» индивида и его смыслы сегодня являются необходимыми теоретическими концептами, позволяющими обстоятельно отвечать на актуальные вопросы развития социальных отношений в современном высокотехнологическом обществе с позиций эмпирических программ «социологии жизни», тем самым максимально учитывать смыслополагание людей в управленческих практиках всех социальных институтов общества.

Современный французский социолог М. Маффесоли призывает к радикальной смене «эпистемы», которая теперь, по его мнению, должна базироваться не на рациональном индивиде, а на субъективности массы [7]. Современная форма социальности – это «эмоциональное сообщество» и «взаимосвязь». Новые формы социальности М. Маффесоли находит в сферах развлечений, досуга, стиля жизни, моды, украшения тела, новых культов, повседневных ритуалов, экологии, музыки, спорта, информационных и коммуникационных сетей. В движение все эти формы приводит коллективная память, коллективное бессознательное и психологические механизмы группового поведения. Современная социальность сочетает в себе одновременно дикое и искусственное, архетипическое и новое технологическое. Современный индивид воспринимает новые медиа и коммуникационные технологии как «тотемы», а распространение интернета – это повторное «околдовывание мира» (приходит на смену веберовского «расколдовывания»). М. Маффесоли предлагает разрабатывать новую герменевтику для постижения символических функций современной мифологии в коллективной повседневности.

Выводы социолога М. Маффесоли подтверждаются тем фактом, что современные разработчики «нового манхэттенского проекта» выбирают методологическую установку «миметической теории» философов Р. Жирара и Ж.-М. Угурляна. В последние десятилетия исследователи ИИ пытаются найти взаимосвязь между миметической теорией (желания индивида являются копиями желаний «образцовых» носителей или «медиаторов», чьи объекты желания становятся его собственными объектами желания) и нейронаукой. Открытие «зеркальных нейронов» позволяет исследователям обосновать идею мимесиса средствами не только гуманитарных и социальных, но и естественных наук [8].

Органицизм. Еще в 60-е гг. XX в. французский философ Ж. Симондон опубликовал книгу «О способе существования технических объектов», международное признание которой произошло только в 2000-е гг. Согласно Ж. Симондону, «не техника порабощает и отчуждает человека, а человек своим утилитарным подходом порабощает и отчуждает технику от человеческого, в результате чего отчуждается сам… Поэтому не человека нужно освобождать от машины, а машину от человека – что, по Симондону, должно стать событием, сопоставимым с отменой рабства...» [9]. Чтобы техническое устройство рассматривалось именно как техническая категория, а не просто полезная вещь, чтобы оно воспринималось как итог творческого процесса и источник информации, помимо сугубо прикладного назначения, необходимо наличие соответствующих технических предпосылок у потребителя (будь то отдельный человек, общество или целая культура). Только тогда через посредничество этого устройства возникает особое взаимодействие между людьми – своего рода «трансиндивидуальная» модель, служащая основой социальных связей.

Современные цифровые кибернетические машины становятся органическими, то есть превращаются в гигантские системы: транснациональные банки, социальные сети, умные города, маркетплейсы и прочее, что свидетельствует о структурном сопряжении человеческих потребностей с технологией. Современный органицизм нашел свое отражение в концепции «космотехники» Ю. Хуэйя [10]. Космотехника – это слияние морального порядка (отношение к другим людям, «нелюдям», природным ресурсам, окружающей среде) и космического порядка

(продукт географии и воображения) посредством технической деятельности.

Актуальным сегодня становятся социологические исследования влияния культурных ценностей и установок на системное (цифровое) доверие. Проявление степени доверия во многом зависит от культурного контекста интерпретации различных составляющих, к которым можно отнести особенности менталитета, культурного кода, ценностных установок, паттернов поведения и пр. как отдельных индивидов, так и социальных групп. Культурные ценности влияют на системное доверие, формируя ожидания, убеждения, представления людей по отношению к поведению других систем/институтов. Новизна данного подхода состоит в том, что методами количественной и качественной социологии описывается «цифровое доверие» – уверенность пользователей в способности цифровых институтов, предприятий, организаций, технологий и процессов создавать безопасный цифровой мир – в рамках социальной теории «культуры доверия» П. Штомки [11], в которой процесс формирования норм и традиций доверия зависит от социально-исторического, культурологического контекстов и «коллективной памяти». Считается, что в современном социогуманитарном дискурсе феномен доверия выступает в качестве исходного метаотношения, выполняющего универсальную регуляторную роль в социальных отношениях.

Предлагаемые группы методологических подходов выходят за рамки антропологического дискурса, однако они позволяют, во-первых, изменить «установки» научных исследований отношения человека к ИИ исходя из принципа бинарной оппозиции, и, во-вторых, способствуют новому воплощению синтеза гегелевской диалектики через социологические концепции техноразнообразия современного общества.

Литература:

1. Варуфакис Я. Технофеодализм: что убило капитализм. М.: Ад Маргинем Пресс, 2025. 304 с.
2. От искусственного интеллекта к искусственной социальности: новые исследовательские проблемы современной социальной аналитики / А.В. Резаев, А.А. Иванова, В.С. Стариков [и др.]; под ред. А.В. Резаева; Всероссийский центр изучения общественного мнения. М.: ВЦИОМ, 2020. 255 с.
3. Russell S., Norvig P. Artificial Intelligence: A Modern Approach, Pearson Education Limited, Harlow, UK, 2016. 1136 p.
4. Heidegger M. The End of Philosophy and the Task of Thinking // Idem. On Time and Being / Trans. J. Stambaugh. N. Y., 1972. P. 55–73.
5. Хайдеггер М. Исток художественного творения; пер. с нем. А. В. Михайлова. М.: Академ. проект, 2008. 528 с.
6. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. 384 с.
7. Маффесоли М. Околдованность мира или божественное социальное // Социо-Логос: социология, антропология, метафизика: [сборник] / сост. и общ. ред. В.В. Винокурова и А.Ф. Филиппова. М.: Прогресс, 1991. С. 274–283.
8. Угурлян М. Миметическая психология и психиатрия: наследие Жирара // Логос. 2024. Т. 34. № 3. С. 81–96.
9. Симондон Ж. О способе существования технических объектов / сокращ. пер. и коммент. М. Куртова // Транслит. 2011. № 9. URL: http://www.translit.info/materialy/9-vypuski/zhilber-simondon-o-sposobe-sushhestvovaniya-tehnicheskih-obektov.
10. Хуэй Ю. Вопрос о технике в Китае. Эссе о космтехнике. М.: Ад Маргинем Пресс, 2023. 320 с.
11. Штомпка П. Доверие - основа общества. М.: Логос, 2012. 445 с.

Contemporary Social Theories in the Study of the Relationship Between Humans and Artificial Intelligence

Minzaripov R.G., Poroshenko O.Yu.
Kazan (Volga Region) Federal University

The relevance of the topic is determined by the rapid development of technologies and the integration of AI into different areas of human activity, which requires a reconsideration of traditional sociological approaches. In current domestic sociological research, the relationship between humans and artificial intelligence (AI) is usually studied within the framework of the so-called "substitution logic," ignoring the interrelation between humans and machines, considering them as two separate but replaceable realities. In modern society, with its "Industry 6.0," the stark difference between automated machines and living, animated beings is rapidly diminishing, forming a unified social reality.

The purpose of the study is to identify and justify new theoretical and methodological approaches to researching the relationship between humans and AI. The scientific value of the work lies in formulating three promising methodologically-oriented directions: cybernetics, neohermeneutics, and organicism. Its practical significance relates to the necessity of adapting sociology to new conditions of digitization and integrating AI into public life. The results may serve as a basis for devising guidelines aimed at establishing digital trust and ensuring safety for users of digital technologies.

The innovation of the research lies in introducing novel methodological frameworks that go beyond the limitations of conventional anthropological paradigms, thus facilitating an interdisciplinary convergence in the exploration of human-AI interactions.

Keywords: artificial intelligence, human-artificial intelligence interaction, contemporary social theories, philosophy, sociological science

УДК 316
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-293-298

Профессиональные и карьерные планы современного поколения молодежи (по результатам международного исследования)*

Нагматуллина Л.К.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии, политологии и менеджмента
Казанского национального исследовательского технического
университета им. А.Н. Туполева – КАИ

Ефлова М.Ю.
Доктор социологических наук, профессор, и.о. директора
Института социально-философских наук и массовых коммуникаций
Казанского (Приволжского) федерального университета

Максимова О.А.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры общей и этнической социологии
Казанского (Приволжского) федерального университета,
доцент кафедры социологии, политологии и менеджмента
Казанского национального исследовательского технического
университета им. А.Н. Туполева – КАИ

Минзарипов Р.Г.
Доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой общей и этнической социологии,
Президент Казанского (Приволжского) федерального университета

Актуальность исследования обусловлена необходимостью оценки потенциала и жизненных перспектив молодежи, выступающей гарантом стабильного функционирования и развития страны, а также мощным ресурсом для различных отраслей экономики.

Цель исследования состояла в выявлении особенностей формирования профессиональных и карьерных планов современной молодежи, определении влияния различных факторов на этот процесс. Среди задач выделяются изучение подходов к профессиональному выбору, оценка ожиданий

* Статья подготовлена в рамках проекта № FZSM-2023-0022 «Цифровая социализация и цифровая компетентность молодежи в условиях глобальных системных изменений: технологии регулирования, риски, сценарии» по государственному заданию, выданному Казанскому федеральному университету.

молодежи относительно трудоустройства и определение направлений карьерных траекторий молодежи на основе результатов международного исследования.

Как показали результаты анализа полученных данных, молодежь стремится строить карьеру в своей родной стране, предпочитая государственные структуры, коммерческие организации и самостоятельную занятость. Основными факторами, определяющими выбор места работы, выступают возможности карьерного роста и заработная плата.

Научная новизна исследования состоит в комплексном подходе к изучению процессов формирования профессиональных планов молодежи в международном масштабе. Практическая значимость заключается в разработке рекомендаций для оптимизации системы образования и трудоустройства молодежи, направленных на повышение эффективности интеграции молодых специалистов в экономику.

Ключевые слова: *молодежь, профессиональные планы, цифровое поколение, конкурентоспособные специалисты, карьерная траектория, трудоустройство, стартовые позиции на рынке труда*

Для цитирования: *Нагматуллина Л.К., Ефлова М.Ю., Максимова О.А., Минзарипов Р.Г. Профессиональные и карьерные планы современного поколения молодежи (по результатам международного исследования) // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 293–298. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-293-298.*

В настоящее время актуализация вопросов профессионального становления молодежи обусловлена необходимостью оценки потенциала и жизненных перспектив социальной группы, призванной выступать в качестве гаранта стабильного функционирования и развития страны, а также мощного ресурса, обеспечивающего различные отрасли экономики специалистами, способными в условиях возрастающего количества задач, требующих оперативного решения, обеспечить их успешную реализацию.

Осознание молодым поколением своего предназначения, умение адекватно оценивать возможности и силы, принципиальное признание приоритетной роли знаний и компетенций как фундаментальной основы осуществления профессиональной деятельности, при одновременном «повышении мотивации молодых людей к самообразованию и активному построению карьеры» [1], способствует осмысленному, тщательному конструированию профессиональных планов и выстраиванию карьерной «дорожной карты», формирует надежные условия жизненного самоопределения молодежи и кадрового обеспечения экономики трудовыми ресурсами с уровнем компетенций и профессиональной культуры, соответствующим высоким требованиям современного времени. В этой связи выявление тенденций формирования профессиональных планов, а также факторов, определяющих направленность карьерных траекторий молодежи, представляет интерес с позиции социологического анализа и выступает целью настоящего исследования.

Стремлением не ограничивать авторский замысел изучения жизненных стратегий молодежи сугубо анализом процесса конструирования образовательных траекторий и желанием увеличить объем репрезентативного социологического материала была обусловлена реализация исследования международного уровня, проведенного в июне – июле 2025 г. группой исследователей Казанского (Приволжского) федерального университета при участии авторов статьи и ставшего источником эмпирической информации, позволившей зафиксировать основные молодежные тенденции не только в области образования, но и в построении профессиональных и карьерных траекторий. Специфика социологического исследования, определяемая его уровнем и масштабами, когда проведенное массовое онлайн-анкетирование молодежи в цифровой среде обеспечило выборку объемом 2171 респондент и участие в нем представителей 79 стран, расположенных в Южной и Юго-Восточной Азии, Африке, Центральной Азии, Латинской Америке, Восточной Европе, на Ближнем Востоке, Кавказе, Балканах, а также Китая и России, охватило исследованием молодежь в возрасте от 14 до 35 лет. Исследование обеспечивается также наличием в нем двух логически взаимосвязанных сюжетов, рассматривающих в единстве образование и будущую профессиональную деятельность как области интереса современного молодого поколения, с которыми связаны ожидания благополучного будущего и реализации жизненных целей.

Анализ мнений, позиций и представлений молодежи относительно профессиональных и карьерных планов стал возможным благодаря участникам онлайн-опроса, респондентам – представителям разных стран, среди которых 51,4 % мужчин и 48,6 % – женщин, по-разному оценивающих свое мате-

риальное положение и выделенных по возрастному признаку в следующие подгруппы: 14–17 лет (11,0 %), 18–22 года (28,1 %), 23–28 лет (28,1 %), 29–35 лет (32,7 %), имеющих разное семейное положение: женат/замужем – 19,0 % опрошенных, не женат/не замужем – 81,0 %, и разный уровень образования на момент опроса.

Исследованием установлен ряд существенных моментов, демонстрирующих особенности формирования профессиональных планов и карьерных траекторий современной молодежью и делающих возможным выводы, отдельные из которых следует представить.

Поиск работы в соответствии с полученной специальностью входит в круг жизненных целей молодежи. Об этом свидетельствуют эмпирические данные, представляющие полную картину мнений по данному вопросу и согласно которой 52,7 % респондентов планируют в дальнейшем осуществлять трудовую деятельность в сфере, соответствующей полученному направлению подготовки. 22 % опрошенных отметили, что уже работают по специальности, и, как представляется, это та часть молодежи, которая совмещает учебу и работу. 18 % опрошенных, вероятно, еще окончательно не определились с областью приложения своих знаний и умений и, несмотря на то что в их ответах «может быть, буду работать по специальности» присутствует некая доля сомнения относительно данного решения, они все же полностью не исключают такой возможности. И только для 4,1 % респондентов, убежденных в том, что они не будут работать по специальности, скорее всего, актуальны другие альтернативные варианты реализации профессиональных планов. Как видим, молодежь выдерживает стратегию на поиск работы в соответствии с полученной специальностью, а значит, не считает ее бесперспективной. Более того, представленные числовые показатели, отражающие мнения респондентов, делают возможным вывод, что выбор будущей профессии большинство молодежи делает осознанно, поэтому и достаточно благополучная ситуация по наличию в нашем исследовании 51,1 % респондентов, которые не сожалели о своем выборе вуза и будущей специальности и чувства разочарования в процессе обучения не испытывали, способствует формированию у молодого поколения уверенности в дальнейшей востребованности на рынке труда.

Несомненно, продуманная и конструктивная стратегия профессионального выбора увеличивает шансы включения в трудовую деятельность после завершения обучения, а перспективы найти работу становятся более отчетливыми по мере повышения уровня образования. Данной точки зрения придерживаются наши респонденты, когда числовой показатель ответов опрошенных, оценивающих шансы на трудоустройство как «высокие», демонстрирует плавный рост по мере повышения уровня образования: от показателя 21,2 % при наличии у молодежи среднего профессионального образования (училища, техникумы, колледжи) до 37,6 % у имеющих высшее образование (аспирантура, учёная степень, звание). Таким образом, наличие образования является одним из существенных факторов, способствующих ускорению процесса поиска работы, а чем выше его уровень, тем больше предпосылок для оперативного трудоустройства. Поэтому инвестиции в образование способны полностью оправдать ожидания молодежи относительно профессиональной востребованности, а знания, полученные в процессе обучения, сформировать прочную основу будущей карьеры и обеспечить ее стабильную траекторию.

Согласно результатам опроса, молодежь разных стран достаточно оптимистична в своих прогнозах в отношении будущего трудоустройства. В совокупности мнений респондентов по вопросу онлайн-анкеты, где им предлагалось оценить вероятность найти работу после окончания обучения, и характеризуемых разнонаправленностью точек зрения, когда 26,8 % из них посчитали шансы трудоустройства высокими, 30,9 % склонны были полагать, что они «скорее высокие», 12,9 % убеждены, что они совсем «невысокие», наряду с 19,6 % опрошенных, считающих их «скорее невысокими», улавливается общий положительный настрой молодежи на успешное решение вопроса трудоустройства. Частным, показательным примером выраженности оптимистичных установок могут служить оценки и мнения отечественной молодежи, полученные в результате исследования, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в феврале – марте 2025 г. по изучению трудоустройства молодежи в современной России и согласно которым, 53 % опрошенных старшекурсников вузов и колледжей и 55 % молодых специалистов с высшим и средним профессиональным образованием полагают, что легко найдут интересующую их работу, более того, убежденность молодежи в том, что без работы не останется, придает ей уверенности в возможности, пройдя экспериментальным путем через серию занятостей, получить как лучшие условия, так и лучшую самореализацию [2]. При этом планы большей части респондентов – участников нашего исследования – ориентированы на осуществление рабочей деятельности в своей родной стране, но в разных секторах экономики. Так, например, 27,5 % видят возможность профессиональной самореализации в «родной стране, в государственном секторе», для 15,4 % респондентов более привлекательны коммерческие организации также своей страны, а 13,2 % опрошенных высказали желание «в родной стране организовать свой собственный бизнес или работать на фрилансе», у значительно меньшего

количества молодежи – 24,9 % опрошенных – преобладает желание найти работу в другой стране. Видение жизненных перспектив в данном ракурсе одинаково свойственно как для респондентов-мужчин, так и женщин, для младшей и старшей групп молодежи, участвовавшей в исследовании, а также опрошенной молодежи с разным материальным и семейным положением. Поэтому «кардинальное расширение пространства для созидательной деятельности, в том числе, конечно же, молодых людей» [3], при котором они видят «больше возможностей для самореализации на своей малой родине, в регионах, где они живут, учатся» [3], способно изменить планы молодежи в отношении рабочей деятельности, уменьшить количество желающих выйти на рынок труда других стран, а значит и минимизировать отток профессиональных кадров из страны.

Принципиальное стремление молодежи начать профессиональную деятельность в родной стране следует рассматривать в качестве сформированной тенденции, указывающей не только на наличие в стране условий для «повышения экономической активности граждан и возможностей реализации потенциала на рынке труда, получения новых компетенций, успешного построения карьеры» [4], но и на присутствие у молодого поколения в системе ценностных установок ориентации на созидательный труд во благо собственной страны, обеспечивая стимулирование ее экономического роста и развитие на основе сосредоточения высокопрофессиональных и конкурентоспособных специалистов в ключевых отраслях экономики.

В настоящее время трансформация рынка профессий, обусловленная инновационно-технологическим и цифровым развитием различных сфер жизнедеятельности, поднимает спрос на одни профессии при одновременном сокращении сегмента других за счет распространения цифровых средств, способных заместить человека при выполнении рабочих задач. В этих условиях осложняется поиск наиболее перспективных областей занятости, в которых успешный карьерный рост наиболее вероятен. Тем не менее наши респонденты попытались определить круг максимально, на их взгляд, востребованных сфер будущей трудовой деятельности и обладающих, согласно их мнениям, потенциалом стабильной, устойчивой позиции на рынке труда. В список таковых, ранжируемых респондентами по способности обеспечить будущий карьерный успех, и занимающих лидирующие позиции по числовым показателям, вошли: сельское хозяйство (38,2 % опрошенных), промышленность (37,1 %), образование (29,3 %), торговля (29,3 %), строительство (28,60 %), новейшие технологии и искусственный интеллект (27,2 %), здравоохранение (24,9 %), финансовая сфера, кредитование, страхование (22,1 %). При этом промышленность, здравоохранение, образование, строительство являются одинаково значимыми сферами как для респондентов-женщин, так и мужчин, в отличие от сферы новейших технологий и искусственного интеллекта, где женщины видят существенно больше перспектив (35,6 %) по сравнению с мужчинами (19,3 %). Особо следует отметить, что представители младшей молодежи 14–17-летних и возрастная подгруппа 18–22-летних ориентированы на сферу промышленности (49,0 % и 38,6 % респондентов соответственно) в большей степени, чем на реализацию профессиональных планов в области новейших технологий и искусственного интеллекта (43,9 %) и финансов (31,4 %). В этом отношении, например, российский рынок труда в сегменте рабочих профессий для промышленности демонстрирует высокий спрос со стороны работодателей на таких специалистов и способен предложить им достойную заработную плату [2]. Поэтому вопреки сложившимся представлениям относительно устремленности и перемещения современной молодежи в сферы, связанные с информационными технологиями и бизнесом, для молодого поколения предпочтительна работа в производственных структурах. Данная позиция может интерпретироваться, с одной стороны, как наилучший вариант увеличения шансов на реализацию профессиональных, карьерных планов, способных обеспечить молодежи удовлетворение потребностей в отношении материальной обеспеченности и занятия более высокого социального статуса, с другой – как положительная тенденция закрепления кадров в сфере, являющейся основой эффективного функционирования и развития экономики любой страны.

Современной молодежи свойственна достаточно высокая степень прагматичности в части решения вопросов трудоустройства. Поэтому двумя решающими критериями, определяющими выбор будущего места работы, для наших респондентов вне зависимости от их пола, возраста, уровня образования и состояния материального положения на момент опроса стали «возможности карьерного роста» (31 %) и «заработная плата» (21 %), что вполне объяснимо с позиции их непреходящей значимости для обеспечения жизненной успешности, устойчивости и стабильности. Включение респондентами в список наиболее приоритетных и значимых требований при выборе работы «возможности обучения и развития» (13,4 %) также вполне обоснованно в силу осознания молодежью важности данного компонента в качестве традиционно базового ресурса, способствующего развитию новых профессиональных компетенций, а значит, востребованности и устойчивости на рабочем месте в потоке динамичных современных изменений, успешному карьерному продвижению.

В целях достижения цели по встраиванию в трудовую деятельность молодежь проявляет вы-

сокий уровень активности в цифровой среде, что совершенно естественно для молодежи информационно-цифровой эпохи. Так, например, 60,8 % респондентов рассматривают сайты по поиску работы в качестве источника информации о наличии вакансий, 46,4 % опрошенных более склонны ориентироваться на социальные сети. Причем, эти ресурсы в качестве источника объективной информации в одинаковой степени востребованы участниками опроса – как мужчинами, так и женщинами, разного уровня образования и материального положения. Как видим, для опрошенной молодежи обращение в интернет-среду представляется наиболее оптимальным способом решения вопроса трудоустройства, между тем в современных условиях роста количества недостоверных данных в цифровом пространстве, на фишинговых сайтах и ложных аккаунтах, сопряженном с определенными рисками и несомненно требующим проверки подлинности источников информации и умения идентифицировать официально верифицированные каналы.

Наряду с вариативностью реализуемых молодежью практик по поиску работы в интернет-пространстве, для 29,1 % опрошенных мнение профессионального сообщества представляется наиболее авторитетным и заслуживающим внимания, 28,0 % респондентов в поиске стартовых позиций трудоустройства предпочли бы опереться на мнения друзей или родственников, 14,2 % в качестве возможной альтернативы упрощения процесса поиска работы рассматривают посещение ярмарок вакансий. Однако какой бы ресурс ни был задействован молодежью для поиска информации при выходе на рынок труда, дальнейшее вхождение в трудовую жизнь, адаптация в рабочем пространстве определяется не только уровнем теоретических знаний и практических навыков, но наличием в системе смыслообразующих жизненных установок, ценностей и мотивов трудовой деятельности, пониманием молодым поколением смысла и места труда в жизни [5], осознанием его роли и созидательной значимости.

Любая профессиональная деятельность будет эффективной, а карьерный рост гарантированным, если они не лишены мотивационной основы. В этом отношении значимость работы не определяется молодежью – участниками опроса исключительно с позиции достижения материального благополучия. В совокупности критериев, определивших степень ценности трудовой деятельности для респондентов разного пола, возраста, уровня образования и состояния материального положения, весомо прозвучала «возможность профессионального развития» (67,0 %) и «личностного роста» (50,4 %), немаловажное значение «командной атмосферы и сотрудничества в рабочем коллективе» было отмечено 40,3 % опрошенных, «возможность самовыражения» (28,1 %) и «ощущение себя частью команды» (24,8 %) также были серьезно воспринимаемы молодежью. Ответы показывают направленность мотивационной устремленности респондентов на профессиональную самореализацию и карьерное продвижение, когда молодое поколение активную включенность в деятельность рабочего коллектива в сочетании с универсальными «мягкими» навыками коммуникации, стратегического и креативного мышления, умением работать в команде рассматривает в качестве взаимосвязанных условий успешной интеграции в трудовую деятельность, реализации профессиональных планов. Поэтому и успех в карьере у молодежи ассоциируется не столько с высоким доходом (53,1 %), а в большей степени с моральным удовлетворением от работы и возможностью заниматься любимым делом (65,1 %). Статусное значение профессии, определяемое такими внешними атрибутами как ее престижность и авторитетность организации, в которой работает человек, остается в поле зрения 41,4 % опрошенной молодежи. Примечательно, что для молодого поколения характерна позиция, акцентирующая внимание на возможности приносить пользу обществу (28,8 %) в качестве одного из признаваемых результатов карьерного развития, причем чем младше молодежь, тем сильнее выражено это стремление, а соответственно, и числовое значение данного показателя у 14–17-летних и 18–22-летних выше, чем в старших возрастных подгруппах 23–28-летних и 29–35-летних (31,0, 37,5 и 28,9, 20,7 % соответственно). При этом для респондентов-женщин в отличие от респондентов-мужчин такие критерии оценки успешности в карьере как высокий доход (59,2 и 47,3 % соответственно) удовлетворенность любимой работой (76,2 и 54,7 %), престижность профессии (41,9 и 40,9 %) и возможность приносить пользу обществу (32,2 и 25,6 %) более весомы.

Таким образом, современная молодежь транслирует четкий запрос к рынку труда в виде «смыслов», предполагающий причастность к большому, общественно значимому делу, достижение благ в виде технологического развития страны, решения важных социальных задач, видения перспектив профессионального и личностного роста [2] и способных обеспечить реализацию намеченных жизненных стратегий.

Подводя итоги, отметим, что отсутствие диспропорции между количеством выпускаемых учебными заведениями специалистов и их востребованностью на рынке труда, формирование профессиональных и карьерных планов при соблюдении баланса между способностями, интересами человека и потребностями отраслей экономики в кадрах, способны обеспечить молодежи выгодные стартовые позиции на рынке труда, придать мощный импульс самореализации в профессии.

Литература:

1. Стратегия реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года. URL: http://static.government.ru/media/files (дата обращения: 05.11.2025).
2. Трудоустройство молодежи в современной России: возможности, проблемы, решения. Экспертно-аналитический доклад. URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/doklad_trudoustroistvo_molodezhi.pdf (дата обращения: 05.11.2025).
3. Путин: молодежь должна видеть больше вариантов для самореализации на малой родине. URL: https://tass.ru/politika/22952945 (дата обращения: 07.11.25).
4. Путин призвал давать молодежи и пожилым возможность карьерной реализации. URL: https://ria.ru/20250620/putin-2024270542.html?ysclid=mhhuiwkqz2788017092 (дата обращения: 07.11.2025).
5. Эфендиев А.Г., Абрамова Е.В. Мотивационная основа трудовой деятельности: опыт реализации многомерного подхода // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Т. 26. № 1. С. 26–57. DOI: https://doi.org/10.31119/jssa.2022.26.1.2

Professional and Career Plans of the Modern Generation of Youth (Based on the Results of an International Research)

Nagmatullina L.K.
Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev – KAI
Eflova M.Iu., Maximova O.A., Minzaripov R.G.
Kazan (Volga Region) Federal University

The relevance of the study stems from the necessity to evaluate the potential and life perspectives of young individuals who serve as guarantors of the country's sustainable operation and development, as well as a significant resource for diverse economic sectors.

The objective of the research was to uncover specifics in shaping professional and career aspirations within contemporary youth, identifying influences exerted by varied factors on these processes. Key objectives included examining methods of professional decision-making, evaluating youth's employment expectations, and outlining future career paths using findings derived from an international survey.

Analysis revealed that young adults predominantly seek career advancement within their native countries, favoring governmental institutions, private enterprises, or independent entrepreneurship. Primary determinants guiding occupational choices encompassed prospects for career progression and remuneration levels.

Scientific innovation resides in adopting a holistic perspective toward understanding the dynamics behind youth's professional planning across global contexts. Its practical value manifests through proposing measures to enhance educational frameworks and employment initiatives, thus improving integration efficiency of new professionals into economic activities.

Keywords: youth, professional plans, digital generation, competitive specialists, career trajectory, employment, entry-level positions in the labor market

УДК 316.46:314.15
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-299-302

Учебная мотивация и практики самодисциплины студентов: по данным эмпирического исследования

Сергеева З.Х.
Кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного, муниципального управления и социологии Казанского национального исследовательского технологического университета

Актуальность исследования учебной мотивации студентов обусловлена тем, что это одно из важнейших измерений трансформации современного образования и молодежной культуры.

Новизна представленного в статье исследования состоит в том, что автор оперирует понятием «внутренний аскет студента» – субъекта, который стремится к рациональному использованию времени в условиях постоянного требования продуктивности.

Результаты социологического исследования подтвердили гипотезу о том, что чем выше внутренняя учебная мотивация и самодисциплина, тем больше вероятность, что студент проявляет черты «внутримирской аскезы», воспринимая учебу как призвание, а не как принуждение.

Практическая значимость материалов статьи состоит в том, что на основании результатов опроса можно предложить рекомендации по оптимизации студенческих бюджетов времени и программ, направленных на тренировку у студентов навыков самоорганизации и учебной дисциплины.

Ключевые слова: *студенческая молодежь, учебная мотивация студентов, самодисциплина, «внутренний аскет студента»*

Для цитирования: *Сергеева З.Х. Учебная мотивация и практики самодисциплины студентов: по данным эмпирического исследования // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 299–302. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-299-302.*

Трансформации современного образования и молодежной культуры проявляются сегодня в том числе в изменении учебной мотивации студентов. Необходимость постоянно соответствовать растущим требованиям эффективности и производительности побуждает часть молодежи развивать самодисциплину и самоконтроль, умение ставить цели и достигать их (причем эти цели могут не всегда совпадать с требованиями семьи, школы и общества).

Чтобы выявить степень распространенности данных тенденций, в октябре 2025 г. нами было проведено социологическое исследование, ставшее продолжением целой серии авторских прикладных исследований [1–3]. Выборочная совокупность составила 115 студентов ($N = 115$) гуманитарных специальностей Казанского национального исследовательского технологического университета (57 %) и Казанского (Приволжского) федерального университета (43 %). 85 % участников исследования – бакалавры 2–4 курсов, 15 % – магистры. Средний возраст опрошенных – 19–23 года. 64,3 % респондентов – женщины и 35,7 % – мужчины. Гендерное и возрастное распределение опрошенных релевантно социально-демографическому составу студентов очных форм обучения гуманитарных направлений.

Исследование было направлено на выявление взаимосвязей учебной мотивации и самодисциплины у студентов. Результаты анкетирования подтвердили гипотезу о том, что чем выше внутренняя учебная мотивация и самодисциплина, тем выше вероятность, что студент проявляет черты «внутримирской аскезы», воспринимая учебу как призвание, а не как принуждение [4].

Исследование учебной мотивации опирается на длительную научную традицию теоретических и эмпирических исследований. В рамках данного исследования автор сочетает функциональный подход и теорию рационализации, вводя понятие «внутренний аскет студента» – субъекта, который осознает время как ресурс и стремится к его рациональному использованию в условиях постоянного давления требований продуктивности [5–7].

Обратимся к результатам проведенного опроса. Полученные данные показывают, что у современного студенчества растет учебная нагрузка, усиливается тенденция к совмещению учебы и работы, возрастает значимость свободного времени и его рационального использования. Внутренние мотивы, такие как интерес и саморазвитие, сочетаются с внешними карьерными устремлениями [7–10]. Молодежь поколения *Z* имеет иные, нежели более старшие поколения, ценности, а именно: гибкость, наличие «времени для себя», цифровую активность, желание баланса между учебой, работой и личной жизнью [6; 8; 11]. Учебная мотивация тесно связана с временной культурой и бюджетом времени. Распределение времени отражает, что именно важно для студента – учеба, работа, саморазвитие или досуг. В проведенном опросе под учебной мотивацией мы подразумеваем систему смыслов, целей и ценностей, которые определяют участие студентов в учебе и профессиональном саморазвитии.

Распределение ответов на вопрос об отношении к учебе показывает, что только 2,6 % участников опроса декларируют отчужденное отношение к обучению, считая это вынужденной необходимостью. Большинство студентов высказывают позитивное (46,1 %) или ответственное (27 %) отношение к учебе. Вместе с тем значительная доля (24,3 %) респондентов считают учебу «лишь средством достижения цели». Таким образом, в студенческой среде наблюдается преобладание позитивной внутренней учебной мотивации (совокупно 73,1 %) наряду с утилитарной ориентацией на ожидаемые карьерные результаты обучения.

Более детальное представление о ведущих типах учебной мотивации можно сформировать на основе анализа распределения ответов на перекрестные контролирующие вопросы: «Что для вас важнее в обучении?» и «Какова Ваша ОСНОВНАЯ мотивация к учебе?» Отвечая на эти вопросы, среди важных мотивов на первое место студенты ставят личное развитие, на второе – знания для будущей профессии, на третье – оценки и успех в учебе. Так, 89,6 % опрошенных студентов считают важным «личное развитие», и 80,9 % респондентов выбрали вариант ответа «знания для будущей профессии».

В целом среди обследованных студентов доминирует смешанный тип мотивации, сочетающий прагматические, карьерные и внутренние, познавательные устремления. Внешняя или социальная мотивация не является ведущей, что говорит о высокой автономности. В частности, мотив «одобрение преподавателей / родителей» набрал 12,2 % ответов. Аналогично, похожие формулировки: «социальное признание среди сверстников / преподавателей» и «давление со стороны семьи / ожидания родителей» набрали 14,8 и 11,3 % соответственно.

Приведем анализ ответов студентов на вопрос открытого типа, который позволил испытуемым выразить не только когнитивную оценку учебы, но и эмоционально-ценностную (табл. 1). Ответы, полученные на данный вопрос, открывают возможность

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос «Продолжите фразу: «Когда я думаю о своей учебе, я чаще всего чувствую…»

	Эмоциональные маркеры	Тип мотивации по Э. Деси и Р. Райану	Примеры ответов	Доля от *N* = 115
1	Позитивные: интерес, вдохновение, радость, гордость	Внутренняя мотивация	«Легкость», «Счастье», «Воодушевление», «Интерес», «Радость», «Удовлетворение», «Саморазвитие», «Наполнение умом», «Гордость», «Благодарность, что могу учиться»	≈ 40 %
2	Нейтрально-нормативные: долг, ответственность	Интроецированная мотивация	«Чувство долга», «Ответственность», «Обязательство», «Долг перед мамой»	≈ 20 %
3	Негативные: тревога, усталость, принуждение, страх	Внешняя мотивация	«Тревожность», «Усталость», «Боязнь не справиться», «Недовольство», «Потрачу время не туда»	≈ 25 %
4	Скука, нейтральность, равнодушие	Амотивированность	«Скукоту», «Ничего» «Нейтральность»	≈ 10 %
5	Амбивалентные ответы	Смешанная мотивация	«Интерес и усталость», «Смешанные эмоции», «Зависит от дисциплины», «Не понимаю, чего ждать от будущего» «Полезно, но скучно»,	≈ 5 %

провести их интерпретацию в терминах теории мотивации и сгруппировать данные по типам мотивации, опираясь на концепцию Э. Деси и Р. Райана [8; 9]. В современных исследованиях принято выделять такие типы учебной мотивации как: внутренняя, инструментальная, социально-нормативная, формально-адаптивная и демотивированный тип.

Результаты опроса показывают, что эмоциональное поле студентов поляризовано. Почти одинаковое количество позитивных и негативных ответов указывает на высокую эмоциональную амплитуду их актуального учебного опыта.

Можно говорить о трех наиболее значимых «эмоционально-мотивационных профилях» студентов. К первому профилю можно отнести ≈ 40 % опрошенных – это студенты с проявленной внутренней мотивацией, испытывающие радость, удовольствие от учебы. Назовем их «воодушевленные исследователи». Второй «эмоционально-мотивационный профиль» образуют ≈ 20 % обследованных – это студенты, демонстрирующие интроецированную мотивацию, ссылающиеся на долг и обязательства. Назовем их «ответственные исполнители». Наконец, к третьему профилю относится группа, которая объединяет студентов, испытывающих от учебы стресс, усталость, тревогу, скуку. Суммарно данная группа составляет ≈ 35 % от выборки – это студенты с внешней мотивацией. Назовем их «выгорающие и тревожные».

Таким образом, опираясь на результаты исследования, можно констатировать, что «учебное выгорание» студентов является актуальной проблемой. Вместе с тем интерес и удовлетворение все же остаются базовыми чувствами для большинства опрошенных студентов, сохраняющих внутреннюю мотивацию. Что касается чувств долга и ответственности, то они в целом позитивно влияют на эмоциональный климат среди обучающихся и стабилизируют учебный процесс, но могут также приводить к росту напряжения.

Вместе с тем, в целом по результатам опроса заметно, что рационально-поведенческие стратегии, такие как план, контроль, привычка, преобладают над репрессивными, связанными с ограничением отдыха. Это говорит о здоровом типе самодисциплины, без чрезмерной самоагрессии.

«Внутренний аскет студента» – это личностная и культурная установка, выражающая: стремление к самодисциплине и саморегуляции в учебе; ориентацию на внутренние цели (смысл, рост, призвание), а не только внешние стимулы (оценки, контроль); готовность к отложенному вознаграждению – работать «сейчас», чтобы получить результаты «потом»; умение контролировать импульсы (лень, отвлечения, желание немедленного удовольствия). В учебе аскетизм проявляется в стремлении планировать учебное время, выполнять задачи без внешнего давления. Такой человек уважает собственное и чужое время, избегает прокрастинации. В структуре мотивационных установок преобладает внутренняя мотивация: «мне это важно», «я расту». Этический базис – «все заслужено трудом». Труд, порядок, устойчивость, ответственность. Отдых рассматривается как восстановление, а не бегство.

«Внутримирская аскеза» присутствует у большинства опрошенных в мягкой форме – студенты склонны к ситуативному самоконтролю, а не перманентной аскезе. В частности, на вопрос «Какие чувства вызывает у вас идея "внутримирской аскезы" – дисциплины ради внутреннего роста?» 42,6 % опрошенных студентов ответили, что эта идея их вдохновляет; 22,6 % относятся к ней настороженно; 14,8 % считают идею аскезы устаревшей и 20,0 % ее не понимают. Почти половина студентов положительно воспринимают аскетическую установку («дисциплина ради внутреннего роста»), но около 1/3 – испытывают тревогу или непонимание, что указывает на разрыв между культурой самоконтроля и культурой самоподдержки.

Опираясь на полученные результаты, можно предложить следующую типологию «внутреннего аскетизма» у студентов:

– Ценностно-рациональный. Основан на убеждениях и идеалах: «учеба – мой путь». Ключевая черта: призвание, смысл, ответственность.

– Прагматический. Связан с целью успеха: «нужно дисциплинироваться ради карьеры».

– Морально-долговой. Внутреннее чувство долга перед собой и близкими. Такой студент демонстрирует навыки самоменеджмента и стремление к эффективности.

– Рефлексивно-экзистенциальный. Аскеза как способ осознания себя и жизни. В мотивации присутствует осознанность, философичность.

– Компульсивно-рациональный (невротический). Навязчивый контроль, страх неудачи, перфекционизм, тревожная самодисциплина.

Несмотря на ряд выявленных в ходе исследования проблемных зон, следует отметить, что опрошенные студенты декларируют достаточно высокий уровень удовлетворенности учебой и учебной жизнью. Так, на вопрос «Оцените по шкале от 1 до 5, насколько вы удовлетворены своей учебной жизнью» средняя оценка составила 3,69 балла.

Сформулируем общий вывод. В настроениях студентов наблюдаются тенденции к формированию новой этики труда и досуга, которая утверждает желание «жить, а не учиться ради выживания», и поэтому студенты все чаще переносят фокус своего внимания с дисциплины на саморегуляцию.

Литература:

1. Сергеева З.Х. Пандемия COVID-19 и переход на дистанционное обучение: результаты опроса студентов // Вестник экономики, права и социологии. 2021. № 1. С. 158–161.
2. Сергеева З.Х. Моделирование социального взаимодействия в виртуальных сетях // Управление устойчивым развитием. 2018. № 5 (18). С. 57–73.
3. Сергеева З.Х. Значимые события и ценности поколения зумеров (по материалам социальных автобиографий российских студентов) // Управление устойчивым развитием. 2025. № 1(56). С. 59–67.
4. Вебер М. Избранное: протестантская этика и дух капитализма / пер. с нем.: М.И. Левина, П.П. Гайденко, А.Ф. Филиппов. М.: РОССПЭН, 2006. 648 с.
5. Борзова Т.А. Мотивация студентов к обучению в современном вузе // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 5 (102). С. 11–13.
6. Шугаль Н.Б., Сутырина Т.А., Озерова О.К. Образовательные стратегии обучающихся: изменения за 20 лет: информационный бюллетень НИУ ВШЭ. М.: НИУ ВШЭ, 2022. 64 с.
7. Щеглова И.А., Дремова О.В., Бабаева Д.Б. Ландшафт внеучебной деятельности студентов российских вузов: информационный бюллетень НИУ ВШЭ. М.: НИУ ВШЭ, 2023. 24 с.
8. Мотивация успеха и боязнь неудачи (опросник А.А. Реана) / Реан А.А. Психология изучения личности: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 1999. 288 с.
9. Суворова И.Ю., Громова А.В., Толстова А.С. Эмпирическая проверка модели мотивации Э.Л. Деси и Р.М. Райана на примере студентов // Системная психология и социология. 2023. № 4 (48). С. 102–114.
10. Штомпель Л.А., Штомпель О.М., Тихомирова Е.Г., Костромицкая А.В. Динамика бюджетов времени российских студентов в условиях аудиторной, дистантной и «гибридной» форм обучения // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 69. С. 177–186.
11. Дзюба Т.И., Буря Л.В. Ценностные установки поколения Z // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. Vol. 3-2 (54). P. 17–21.

Academic Motivation, and Self-Discipline Practices of Students: Evidence from an Empirical Study

Sergeeva Z.Kh.
Kazan National Research Technological University

The relevance of studying student academic motivation lies in its relevance as one of the most important dimensions of the transformation of modern education and youth culture.

The novelty of this study lies in its use of the concept of the "student's inner ascetic" – an individual who strives to use time rationally in the face of constant pressure to be productive.

The results of the sociological study confirmed the hypothesis that the higher the student's intrinsic academic motivation and self-discipline, the more likely it is that they exhibit traits of "inner asceticism," perceiving study as a calling rather than a compulsion.

The practical significance of this study lies in the fact that the survey results can be used to propose recommendations for optimizing student time budgets and programs aimed at developing students' self-organization and academic discipline skills.

Keywords: students, student academic motivation, self-discipline, "student's inner ascetic

УДК 316.4
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-303-308

Институциональные и социальные механизмы гражданского участия в деятельности местных сообществ (опыт Франции)

Сытин А.В.
Соискатель кафедры общей и этнической социологии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Ершов А.Н.
Доктор социологических наук,
профессор кафедры регионологии и цифровой гуманитаристики
Казанского (Приволжского) федерального университета

Социально-политические процессы в мире и в России сталкиваются с новыми вызовами, событийная реальность быстро меняется. Повышение гибкости социального управления обеспечивается за счет выстраивания новых форм диалога между гражданами и органами власти на местах. Актуальность темы состоит в том, что институциональные формы участия местного населения в управлении делами остаются недостаточно гибкими, что приводит к возникновению социальных протестов и стихийных форм участия граждан в решении вопросов управления.

Цель исследования в данной статье – выявить потенциал социального управления на основе изучения опыта организации взаимодействия граждан, органов власти и местных сообществ (на примере Франции).

Научная значимость исследования заключается в выявлении условий, при которых участие граждан в управлении местными делами повышается, что позволяет впоследствии выстроить теоретическую модель эффективного государственного и социального управления на основе изучения и систематизации положительного опыта.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения полученных результатов и выводов в практике государственного и муниципального управления в России.

Научная новизна результатов состоит в систематизации опыта практического участия граждан в управлении местными делами и в анализе стратегий выстраивания горизонтальных взаимодействий «граждане – местные сообщества – органы власти» (на примере Франции).

Ключевые слова: *местное сообщество, гражданское участие, форма гражданского участия, государственное управление, демократия участия, местное самоуправление, социальный протест*

Для цитирования: *Сытин А.В., Ершов А.Н. Институциональные и социальные механизмы гражданского участия в деятельности местных сообществ (опыт Франции) // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 303–308. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-303-308.*

Социальный порядок обеспечивается за счет сочетания двух разнонаправленных сил: традиций и инноваций. В сегодняшней социально-политической практике это может означать поиск новых форм взаимодействия власти и общества посредством организации между ними диалога. Устаревание прежних, преимущественно вертикальных форм социального управления, требует своевременной замены на «горизонтальные», в которых важным актором являются местные сообщества и простые граждане.

Модель взаимодействия граждан и местных сообществ варьирует в зависимости от социально-политического контекста, культуры и традиций, сложившихся в той или иной практике управления страной. Особенно интересен в этой связи опыт некоторых европейских стран, обладающих такими традициями. В статье рассматривается кейс Франции, где высоки демократические стандарты и имеется давняя традиция диалога власти с местными сообществами и гражданами. Деятельность органов местного самоуправления приобрела публично-властный характер, местные органы получили право принимать обязательные для выполнения формально-правовые решения (ст. 72 Конституции Франции).

Возрастающая в этой стране роль муниципалитетов в управлении публичными делами требует совершенствования политической модели местного самоуправления и повышения эффективности работы муниципалитетов, оптимизации форм управления местными делами для обеспечения социально-экономического развития муниципалитетов. Совершенствование модели местного самоуправления предполагает более структурированный подход к развитию различных форм участия граждан в управлении публичными делами, вовлечению населения в процесс принятия решения вопросов, которые все больше выходят за рамки исключительных прерогатив муниципальных советов.

Цель статьи – выявить потенциал социального управления на основе изучения опыта организации взаимодействия граждан и местных сообществ (на примере Франции).

Исследование выстроено на социологическом анализе имеющихся практик взаимодействия граждан, местных сообществ и органов власти, в ходе которого выявлены условия повышения гражданского участия в решении вопросов местного значения. Применен типологический анализ, в рамках которого обозначены разные формы представительной и прямой демократии как инструментов гражданского участия. Использованы социологические методы вторичного анализа массовых опросов, дискурс-анализа, анализа документальных источников (на русском и французском языках).

Под местными сообществами в научной литературе понимается совокупность организованных групп граждан, принимающих участие в решении вопросов местного значения. К местным сообществам относятся муниципальные советы, различные общественные организации, локальные (местные) профессиональные сообщества, товарищества и объединения граждан, имеющих общие цели и интересы. Координация местных сообществ позволяет им добиваться совместных целей в решении общих вопросов, вести переговоры с органами власти, лоббировать интересы граждан на местном уровне. В этой связи местные сообщества выступают важным субъектом социально-политических отношений в государстве. Эта функция местных сообществ реализуется в различных формах.

В практике местного самоуправления Франции значимая роль отведена процедуре формирования социально-обусловленного бюджета. Данная форма взаимодействия власти и местных сообществ используется не так давно, но проявила себя как растущая тенденция. Суть в том, что граждане и их объединения, общественные ассоциации непосредственно участвуют в подготовке местных бюджетов. Статистика использования социально-обусловленного бюджетного процесса приведена в таблице 1.

Таблица 1

Динамика численности местных сообществ, использующих практику социально-обусловленного бюджетного процесса [1]

	2014 г.	2017 г.	2019 г.
Количество муниципалитетов по годам	6	46	150

Только за пять лет, с 2014 по 2019 гг. число муниципалитетов, использующих практику социально-обусловленного бюджетного процесса, выросло в 25 раз. По данным мэрии Парижа, сегодня около 2 % городского бюджета разрабатывается и утверждается непосредственно при участии горожан, то есть имеет ярко выраженный социально обусловленный характер [2]. Практика использования социально-обусловленного бюджетирования постоянно расширяется, но доля социально-обусловленного бюджета остается достаточно ограниченной. Так, в муниципалитете Парижа объем муниципального бюджета на одного жителя составляет около 3600 евро, тогда как объем социально-обусловленного бюджета – лишь 44 евро [1]. Статистика показателей социально-обусловленного бюджета на одного жителя в некоторых муниципальных образованиях приведена в таблице 2.

Передача ряда функций внутримуниципальным общественным структурам явилась хорошим стимулом для граждан и местных сообществ к участию в местных делах. Формы такого участия различны. К примеру, это принятие совместных решений по вопросам распределения городского бюджета на проектную деятельность и местные (городские)

Таблица 2

Бюджет на одного жителя муниципалитетов, использующих практику социально-обусловленного бюджетного процесса (в евро) [4]

Муниципалитеты Франции	Бюджет на одного жителя
Париж	44,0
Рен	43,0
Гран-Сад	25,0
Жани	17,0
Белфор	2,60
Марк	2,0

программы. Из нескольких тысяч проектов граждане путем голосования сами выбирают, на какие из них приоритетно выделить средства из городского бюджета. Кроме того, такие формы участия стимулируют граждан к занятию общественной и волонтерской деятельностью.

С учетом возрастающего объёма полномочий местного самоуправления при наличии тенденции к сокращению ресурсов муниципалитетов (особенно в небольших муниципальных образованиях), во Франции общественные организации и инициативные группы граждан начали брать на себя выполнение отдельных задач местных сообществ, например, по организации спортивных соревнований, культурных мероприятий, фестивалей, выставок и т.д. Как показывает практика, участие гражданского общества и волонтерских движений в выполнении отдельных задач местных сообществ позволяет сокращать расходы местных бюджетов, а сэкономленные ресурсы могут быть использованы на выполнение иных задач. Так, за последние 10 лет бюджетные затраты местных сообществ на проведение спортивных и культурных мероприятий постоянно сокращаются, а объем услуг, которые сегодня во Франции оказывают муниципалитеты за счет мобилизации гражданского потенциала (в частности, общественные и волонтерские организации), составляет около 10 % от общего объема услуг, предоставляемых местными сообществами [3]. Помимо национальной политики в сфере волонтерства, региональные и муниципальные власти самостоятельно приняли ряд программ по продвижению волонтерства, например, по обучению волонтеров, оказанию материальной и финансовой поддержки волонтерским организациям.

Одним из важных условий взаимодействия граждан, органов власти и местных сообществ выступает информационная открытость. Информирование граждан обо всех мероприятиях, реализуемых местной властью, становится неотъемлемым механизмом социального управления. Результаты показывают, что сокращение объема информации для граждан фактически сразу дает негативный эффект в виде сокращения кредита доверия к органам власти. Информирование граждан является необходимым условием для функционирования института местной демократии, так как интерес граждан к местным делам появляется и развивается при условии, что гражданин полностью проинформирован о деятельности муниципалитетов.

Помимо наличия доступа граждан к необходимой информации о деятельности органов местного самоуправления, информация об их работе также предоставляется в виде отчетов органов местного самоуправления. Это на сегодняшний день остается одной из самых распространенных форм так называемого «информационного» контроля власти со стороны граждан. В процессе распределения полномочий французские власти предприняли необходимые шаги для развития эффективных механизмов подотчетности органов местного самоуправления населению и постоянного и действенного контроля населения за деятельностью органов местного самоуправления с целью повышения эффективности работы органов местного самоуправления, укрепления доверия населения к местным властям и вовлечения населения в управление местными делами. По сегодняшним меркам органы местного самоуправления во Франции обязаны ежегодно готовить отчет о своей работе, который представляется на открытых заседаниях местных советов. Правовые нормы, регулирующие проведение отчетности в виде предоставления информации населению, закреплены в ст. 2141-1 Кодекса об административно-территориальных образованиях в качестве «основного принципа местной демократии». В Кодексе также закреплено право каждого жителя быть проинформированным о деятельности местных органов власти [4].

Формой подотчетности органов местного самоуправления выступают общественные слушания. Сегодня общественные слушания остаются одной из самых распространенных форм консультаций местных органов власти с гражданами и рассматриваются как одна из эффективных и востребованных форм отчетности. Общественные слушания позволяют населению не только получить информацию о деятельности органов местного самоуправления, но и оказывать влияние на принятие решений благодаря публичному обсуждению предлагаемых местными органами власти решений, например, в сфере финансирования проектов развития местных сообществ, реализации планов обустройства территорий, развития общественного транспорта в муниципальных образованиях и так далее.

Важной формой взаимодействия органов власти с местными сообществами и гражданами являются местные выборы, которые рассматриваются французскими экспертами как форма «политического» контроля населением за органами местного само-

управления. В том, что касается формы политического контроля в виде местных выборов, около 60 % французов считают данную форму достаточно эффективной [5]. Отмечается, что эффект применения формы контроля в виде выборов зависит от активности участия граждан. Но так как участие граждан в выборах сегодня имеет тенденцию к постепенному сокращению, то данная форма контроля может утратить свою эффективность. Согласно исследованиям, большинство французов не считают необходимым упразднять местные выборы или заменить их иными формами участия и выступают за умеренные реформы по совершенствованию этой процедуры.

Результаты исследований показывают неизбежную тенденцию снижения активности граждан в выборных процедурах и постепенное снижение уровня доверия к местным органам власти. Кризисные тенденции в сфере институциональных форм взаимодействия власти и граждан в 2019 г. привели к известным протестам «желтых жилетов». Институциональные механизмы имели высокий риск быть замененными на механизмы социальные, стихийные.

В соответствии с опросом Центра политических исследований Сьянс По «*Sevipov*», 69 % французов не верили в перспективы улучшения ситуации без активного участия населения в протестных движениях, что является еще одной причиной массовой поддержки движения «желтых жилетов». В качестве примера масштаба поддержки населения «желтых жилетов» можно привести данные о выступлении 17 ноября 2019 г., когда на улицы Парижа и крупных городов Франции вышли 287710 чел. (по данным властей) или около 1 млн (по данным организаторов) [6]. Протестная акция затронула 90 департаментов и 579 местных сообществ. Было заблокировано 2043 промышленных и инфраструктурных объекта, в числе которых – автотрассы, мосты, подъезды к автозаправкам и нефтеперерабатывающим заводам. «*Это не Революция! Это социальное восстание!*» – утверждал Кристоф Шалансон, координатор движения в департаменте Воклюз [6].

Однако, принимая во внимание новую, неинституционализированную форму самоорганизации граждан в форме движения «желтых жилетов», органы местного самоуправления не смогли выработать соответствующий механизм взаимодействий с подобным движением, которое можно рассматривать как одну из новых форм самоорганизации граждан, как попытку гражданского общества предложить новые механизмы управления публичными делами. Предприняв попытку создания политической партии «желтых жилетов», ее координаторы не смогли трансформировать широкую социальную поддержку в «политический капитал» и, тем самым, обеспечить свое «политическое представительство» в местных советах. В результате на муниципальных выборах в 2020 г. кандидаты от движения «желтых жилетов» получили поддержку лишь 3 % избирателей [7]. Тем не менее, несмотря на неудовлетворительный результат участия партии на местных выборах, движение «желтых жилетов» в целом способствовало росту социально-политической активности граждан, их участию в работе общественных организаций и поддержке общественных инициатив. Так, сегодня граждане, которые поддерживали или были участниками движения «желтых жилетов», активно используют традиционные формы участия в общественно-политической жизни местных сообществ, в частности, участвуют в работе гражданских советов, внутригородских районных советов, являются активными членами инициативных групп и общественных организаций.

Рост недоверия к органам местного самоуправления объясняется и тем фактом, что граждане считают себя отстраненными от процесса принятия политических решений органами местного самоуправления, в результате роста корпоративизма и несменяемости власти, отсутствует заинтересованный политический диалог между населением и органами местного самоуправления. Так, 32 % опрошенных считает, что ни одна представленная программа развития на местном или региональном уровне не выражает их интересы [7]. В данных условиях общественные структуры, которые аффилированы с политическими партиями или с местной политической элитой, также теряют доверие у населения.

Рост недоверия к органам местного самоуправления объясняется, в том числе, и неспособностью местной власти решать многие насущные проблемы населения (даже если это происходит по объективным причинам: нехватка ресурсов, передача необеспеченных финансами полномочий и т.д.), а общественные структуры, даже если они и предлагают альтернативные формы участия в управлении публичными делами, не могут заменить органы публичной власти и, как следствие, граждане теряют мотивацию для участия в работе общественных структур.

Основными формами институционального участия граждан в управлении местными делами в современной Франции являются такие как выборы в местные органы власти, референдум, участие в распределении местного бюджета, социально-обусловленный бюджет, общественная и волонтерская деятельность, мониторинг и контроль за действиями органов местного самоуправления, общественные слушания, информационное участие.

Проведенное исследование выявило наличие кризисных тенденций в развитии институциональных форм участия граждан в деятельности местных сообществ. В результате этих тенденций развиваются социальные механизмы взаимодействия, что выражается в стихийных и организованных протестных

движениях. Регулирование ситуации видится в возможности совершенствования форм демократии, в частности, усиления представительной демократии, испытывающей сегодня сложности, формами прямой демократии.

Предлагаемые меры по совершенствованию системы представительной демократии могут, в определенной степени, способствовать укреплению института местного самоуправления и повышению уровня доверия населения, но для достижения максимального эффекта данные меры целесообразно реализовывать параллельно с развитием дополнительных механизмов и форм демократии прямого участия. Действительно, проблема совершенствования системы представительной демократии состоит в том, что уровень доверия населения слишком низок, и канал связи между местными властями и населением работает слабо. Одним из инструментов, позволяющих решать эти проблемы, является институт прямой демократии.

Изучение опыта Франции в организации участия граждан в управлении местными делами позволило выявить высокий потенциал социального управления. Привлечение граждан к участию в деятельности местных сообществ позволяет сокращать бюджетные расходы на социальные проекты через усиление общественной и волонтерской деятельности. Данная практика также способствует более рациональному распределению бюджета на нужды местных сообществ, благоустройство и развитие местных территорий; позволяет развивать самые необходимые социальные проекты. Однако данная практика требует наличия важных условий, при которых участие граждан повышается. К таким условиям относятся:

– информационная открытость (все действия местных властей должны быть подотчетны и понятны населению);

– доверие граждан к местной власти;

– очевидность влияния граждан на решения местной власти (принимаемые властью решения должны в той или иной мере учитывать мнения и решения, инициированные гражданами);

– публичность принимаемых властью решений (граждане должны видеть процесс обсуждения и принятия решений, их обоснованность, равно как и причины отклонения тех или иных гражданских инициатив);

– сменяемость местной власти.

При наличии перечисленных условий процесс вовлечения граждан в управление местными делами имеет высокий потенциал влияния на развитие территорий. На этой основе целесообразнее всего выстраивать диалог власти, местных сообществ и граждан в современных условиях.

Литература:

1. Gestion municipale: le développement des budgets participatifs (пер. с фр.: Муниципальное управление: разработка партисипативных бюджетов). URL: https://www.vie-publique.fr/eclairage/271797-gestion-municipale-le-developpement-des-budgets-participatifs (дата обращения: 25.11.2025).
2. Сайт ассоциации французских мэров/ URL:: https://www.amf.asso.fr/page-toute-actualite/36012 (дата обращения: 06.11.2025)
3. Доклад о социальном положении во Франции 2021 года. Социально-экономический совет Франции. URL: https://www.vie-publique.fr/rapport (дата обращения: 22.09.2025).
4. Сайт нормативно-правовой информации. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/ (дата обращения: 11.10.2025).
5. Данные опроса общественного мнения, проведенного Центром политических исследований Сьянс По «Sevipov» в 2021 г. URL: https://www.sciencespo.fr/ (дата обращения: 21.10.2025).
6. «Желтые жилеты» готовят новые протесты во Франции. URL: https://korrespondent.net/world/4043678-zheltye-zhylety-hotoviat-novye-protesty-vo-frantsyy (дата обращения: 13.10.2025).
7. Traitement des données issues du grand débat national «LA Démocratie Et La Citoyenneté» Mission du Grand débat national Juin 2019 (перев. с франц.: Обработка данных из великих национальных дебатов «Демократия и гражданство» Миссия Великой национальной дискуссии, июнь 2019 г.). URL: https://granddebat.fr/pages/syntheses-du-grand-debat (дата обращения: 12.11.2025).

Institutional and Social Mechanisms for Civic Participation in Local Community Activities (the Case of France)

Sytin A.V., Ershov A.N.
Kazan (Volga Region) Federal University

Sociopolitical processes globally and in Russia are facing new challenges, and the reality of events is rapidly changing. Increasing the flexibility of social governance is achieved by developing new forms of dialogue between citizens and local authorities. The relevance of this topic lies in the fact that institutional forms of local population participation in governance remain insufficiently flexible, leading to the emergence of social protests and spontaneous citizen participation in governance decisions.

The purpose of this article is to identify the potential of social governance by examining the experience of organizing interactions between citizens, authorities, and local communities (using France as an example).

The scientific significance of the study lies in identifying the conditions under which citizen participation in local governance increases, which subsequently allows for the development of a theoretical model of effective public and social governance based on the study and systematization of positive experiences.

The practical significance of the study lies in the potential application of the obtained results and conclusions in the practice of public and municipal governance in Russia. The scientific novelty of the results lies in the systematization of the experience of practical citizen participation in the management of local affairs and in the analysis of strategies for building horizontal interactions "citizens – local communities – authorities" (using the example of France).

Keywords: local community, civic participation, form of civic participation, public administration, participatory democracy, local self-government, social protest

УДК 008 : 316
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-309-312

Цифровая идентичность в условиях надзорного капитализма: между самовыражением и коммодификацией

Тихонов О.В.
Кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры общей философии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Актуальность исследования обусловлена стремительной цифровизацией общества и ростом влияния надзорного капитализма, который трансформирует процессы формирования цифровой идентичности. Целью данной работы является анализ противоречивой природы цифровой идентичности как инструмента самовыражения и одновременно объекта коммерческой эксплуатации. В рамках исследования решались следующие задачи: концептуализация феномена цифровой идентичности; определение границ агентности пользователя в процессе конструирования цифровой идентичности; раскрытие механизмов коммодификации цифровой идентичности. Научная значимость работы заключается в применении социально-философского подхода, позволяющего раскрыть двойственную природу цифровой идентичности. В результате показано, что проектная деятельность пользователя по конструированию «Я» встраивается в логику платформ, где алгоритмическое «подталкивание» и извлечение «поведенческого излишка» превращают самопрезентацию в товар, что ведет к отчуждению и усилению инструменталистской власти над личностью.

Ключевые слова: *цифровая идентичность, надзорный капитализм, коммодификация, алгоритмизация, поведенческий излишек*

Для цитирования: *Тихонов О.В. Цифровая идентичность в условиях надзорного капитализма: между самовыражением и коммодификацией // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 309–312. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-309-312.*

По данным отчета *Global Digital* 2025, к началу 2025 г. количество интернет-пользователей достигло 5,56 млрд чел., что составляет 67,9 % мирового населения [1]. Эти показатели отражают не только технический прогресс, но и фундаментальные изменения в структуре социальных взаимодействий. Стремительная цифровизация и алгоритмизация социальной реальности оказывают значительное влияние на способы самопознания и самопрезентации личности. В этих условиях возникает феномен цифровой идентичности (далее – ЦИ), который формируется в процессе взаимодействия человека с цифровой средой.

Процессы цифровизации и алгоритмизации порождают не только новую форму идентичности, но и принципиально новые вызовы, связанные с властью цифровых платформ и логикой надзорного капитализма. Актуальность исследования цифровой идентичности обусловлена ее двойственной природой. С одной стороны, возникновение цифровой идентичности создает беспрецедентные возможности для самовыражения и коммуникации. С другой – она становится объектом пристального наблюдения, алгоритмической обработки и коммодификации, превращаясь в «новую нефть» цифровой экономики.

Ключевые задачи настоящей статьи обусловлены этим парадоксом:

1. Концептуализировать многомерный феномен ЦИ, выделив его ключевые свойства;

2. Проанализировать границы агентности пользователя в процессе конструирования ЦИ;

3. Выявить механизмы алгоритмической детерминации и коммодификации, трансформирующие самопрезентацию в товар.

Феномен цифровой идентичности привлекает внимание исследователей из различных областей знания. В сфере информационных технологий под цифровой идентичностью понимается «набор признаков сетевого субъекта, зафиксированный в виде электронных записей» [2]. В качестве сетевого субъекта может выступать как человек, так и организация, приложение или устройство. В данном контексте цифровая идентичность понимается как инструмент идентификации, который позволяет любому актору получить доступ к сетевым ресурсам. Важно отметить, что подобная трактовка не учитывает психологические и социальные аспекты самоидентификации пользователя-человека, что ограничивает ее применение в нашем исследовании.

Психологические исследования, в свою очередь, смещают фокус на процессы формирования и поддержания самотождественности в цифровой среде. Исследователи Л.Б. Шнейдер и В.В. Сыманюк определяют цифровую идентичность как «совокупное осознание и переживание своей компетентности, тождественности и уникальности в мире цифровых технологий, включающее ценностное отношение к себе, другим людям, информации и интернету в целом, характеризующееся целенаправленностью действия и умением полноценно решать задачи при помощи цифровых технологий, сопровождающееся формированием новых смыслов деятельности» [3]. Таким образом, психологический подход к цифровой идентичности акцентирует внимание на чувстве самотождественности пользователя. Однако подобная интерпретация не учитывает в полной мере технологические детерминанты и социальные структуры, опосредующие процесс конструирования цифровой идентичности.

В социально-философском дискурсе цифровая идентичность трактуется как «социально-технологический конструкт, который указывает на единство социального субъекта и его цифровых следов» [4, с. 100]. Это единство формируется через непрерывный процесс генерации и интерпретации цифровых следов. Под цифровым следом исследователи понимают всю совокупность данных, генерируемых пользователем интернета. Выделяют три слоя цифрового следа: 1) данные, которые пользователь размещает в интернете сам (фотографии в социальных сетях, комментарии, личные сообщения и т.д.); 2) информация о нашем поведении в сети (метаданные, *GPS*-положение и т.д.); 3) алгоритмический анализ первого и второго слоя с целью выработки поведенческих прогнозов [5, с. 210]. Таким образом, в рамках этого подхода цифровая идентичность конструируется и постоянно переопределяется не только самим субъектом, но и технологическими системами, которые собирают и анализируют его цифровые следы.

Итак, феномен цифровой идентичности не имеет единой трактовки, а его употребление контекстуально зависимо. В научном дискурсе выделяют три основных интерпретации: 1) процесс цифровой идентификации актора в цифровых системах; 2) чувство самотождественности в цифровом пространстве; 3) совокупность цифровых данных, производимых пользователем, и их алгоритмической обработки, формирующих его онлайн-репрезентацию, которой он тождественен. Для целей настоящего исследования, направленного на изучение коммодификации, ключевое значение приобретает социально-философский подход. Только он позволяет концептуализировать цифровую идентичность в ее двойственности: как инструмент самопознания и коммуникации для пользователя и одновременно как сырьевой ресурс для цифровой платформы. Эта двойственность является исходным условием для последующего анализа того, как акт самовыражения превращается в акт производства экономической ценности.

В условиях цифровой трансформации социальных взаимодействий процесс конструирования идентичности приобретает принципиально новые характеристики. В отличие от преимущественно спонтанной самопрезентации в реальной жизни, онлайн-среда позволяет пользователям не просто представлять, а осознанно конструировать свою цифровую идентичность. Формирование цифровой идентичности в пространстве интернета – это динамичный и многоаспектный процесс непрерывной самопрезентации индивида во всех аспектах его социальных ролей и повседневных практик. Исследователь А.В. Конева для обозначения этой черты современного человека вводит концепт «подиумное сознание», имея в виду навязчивую потребность демонстрировать себя и свою жизнь в сети [6, с. 57].

Ключевой характеристикой процесса конструирования цифровой идентичности является его проектность. Данное свойство выражается в целенаправленном и рефлексивном характере этого процесса. Пользователь одновременно выступает автором, исполнителем и редактором своего цифрового образа, разрабатывая стратегию самопрезентации и корректируя ее на основе обратной связи. Наиболее ярко этот процесс проявляется в практике построения «личного бренда», когда пользователь применяет маркетинговые стратегии для создания социальной востребованности как в профессиональной сфере, так и в межличностной коммуникации.

Подобно коммерческим брендам, цифровая идентичность имеет ограниченный жизненный цикл (5–7 лет), после чего требует существенной трансформации [7, с. 191].

Процесс конструирования цифровой идентичности происходит в условиях определяющего влияния алгоритмических систем персонализации и фильтрации контента в социальных сетях и других цифровых платформах. Иными словами, они формируют цифровую публичную сферу, определяя, какая информация будет выдана по запросу пользователя. Утверждения об объективности алгоритмов зачастую не соответствуют действительности и служат риторическим прикрытием, маскируя неизбежную субъективность, заложенные предубеждения, коммерческие и политические интересы. Эти алгоритмы являются основными инфраструктурными элементами цифрового публичного пространства, опосредуя не только доступ к информации, но и саму возможность самопрезентации и идентификации пользователя. Они определяют видимость контента, предлагают шаблоны для самопрезентации (например, «сторис», «рилсы») и «подталкивают» (*nudge*) пользователя к определенным формам поведения. Как отмечает Ричард Талер, подталкивание – «любой аспект архитектуры выбора, предсказуемо влияющий на поведение людей, не запрещающий ничего и не вносящий заметных изменений в экономические привычки. От этого вмешательства при желании легко уклониться. Оно ни в коем случае не налагает обязательства» [8, с. 10]. В цифровой среде это явление принимает форму постоянных микровоздействий: уведомлений, подсказок, алгоритмически сгенерированных рекомендаций и предустановленных шаблонов для коммуникации.

Таким образом, проектная деятельность пользователя по конструированию своего «Я» оказывается встроенной в идеологию «подталкивания», которая служит коммерческим интересам платформ. Шошана Зубофф прямо связывает эту практику с логикой надзорного капитализма, указывая, что «цели и операции автоматической модификации поведения разрабатываются и контролируются компаниями, стремящимися достичь своих собственных целей с точки зрения прибыли и роста» [1, с. 385]. Процесс создания личного бренда, отбора контента и управления впечатлениями все чаще происходит в рамках, заданных системой, которая путем «подстройки (tuning) и понуждения (herding)» [1, с. 385] формирует поведенческие паттерны пользователей. Следовательно, цифровая идентичность оказывается результатом не только целенаправленного труда пользователя, но и его непрямого взаимодействия с технологическими системами, которые направляют, ограничивают и стимулируют процесс ее конструирования в соответствии со своей логикой, сохраняя при этом иллюзию свободного авторского выбора.

Таким образом, деятельность пользователя по самовыражению и построению личного бренда, совершаемая в условиях постоянного алгоритмического «подталкивания» платформ, формирует детализированную и постоянно обновляемую цифровую идентичность. Однако в логике надзорного капитализма эта идентичность служит не только целям коммуникации. Её основная функция заключается в том, чтобы быть преобразованной в рыночный актив, что знаменует собой переход от конструирования идентичности к её тотальной коммодификации. Ключевым механизмом этого перехода является извлечение и присвоение так называемого «поведенческого излишка» (*behavioral surplus*). Шошана Зубофф так определяет суть этого процесса: «Надзорный капитализм начинает с открытия поведенческого излишка. Он оцифровывает больше поведения, чем требуется для улучшения обслуживания. Этот излишек передается машинному интеллекту – новому средству производства – который выдает предсказания пользовательского поведения. Этот продукт продается клиентам-бизнесам на новых рынках поведенческих фьючерсов. Цикл реинвестирования поведенческой стоимости оказывается подчинен этой новой логике» [1, с. 130]. В контексте нашего исследования этим «излишком» становится сама цифровая идентичность во всем ее многообразии: это не только очевидные действия (лайки, посты), но и неявные поведенческие реакции – метрики вовлеченности, эмоциональный фон, карта социальных взаимодействий и признаки поведенческой нерешительности.

Процесс коммодификации цифровой идентичности можно представить в следующем виде:

1. Извлечение и агрегация: платформы в режиме реального времени собирают «поведенческий излишек», привязывая его к уникальному идентификатору пользователя. Цифровая идентичность здесь предстает как сырье.

2. Обработка и прогнозирование: с помощью машинного обучения этот массив данных превращается в «продукты предсказания». Именно этот этап Ш. Зубофф называет ключевым производственным процессом.

3. Формирование товара и его реализация: Эти прогнозные модели и становятся конечным товаром, который продается «на новых видах рынков, на которых торгуют исключительно будущим поведением» [1, с. 131]

В результате происходит фундаментальное искажение изначальной цели конструирования идентичности в цифровом пространстве. Цифровая идентичность как акт самопознания и коммуникации превращается в цифровую идентичность как источник прогнозных данных. Пользователь, активно и часто творчески трудящийся над созданием своего «Я», одновременно и бессознательно работает на

увеличение капитализации цифровой платформы. Этот процесс порождает не просто отчуждение, но и новую форму власти, которую Зубофф называет «инструментаризмом», определяя его как инструментовку и инструментализацию поведения в целях его изменения, прогнозирования, монетизации и контроля [1, с. 460]. Таким образом, пользователь остается в иллюзии авторского выбора и контроля над своей идентичностью, в то время как сама эта идентичность и процесс ее конструирования становятся объектом рыночных спекуляций и инструментом управления.

Литература:

1. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Изд-во Института Гайдара, 2022. 784 с.
2. Черняк Л.Ю. Сервисы, идентичность и стандарты // Открытые системы. СУБД. 2006. № 4. С. 18–23.
3. Шнейдер Л.Б., Сыманюк В.В. Пользователь в информационной среде: цифровая идентичность сегодня // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 52. С. 7.
4. Пеннер Р.В. Цифровая идентичность: теория и методология // Вестник Московского Университета. Серия 7. Философия. 2024. Т. 48. № 2. С. 98–113.
5. Кондаков А.М., Костылева А.А. Цифровая идентичность, цифровая самоидентификация, цифровой профиль: постановка проблемы // Вестник РУДН. Серия: Информатизация образования. 2019. № 3 (16). С. 207–218.
6. Конева А.В. «Подиумное сознание» в эпоху культуры различия // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2018. № 1. С. 50–60.
7. Тульчинский Г.Л. Total Branding: мифодизайн постинформационного общества. Бренды и их роль в современном бизнесе и культуре. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2013. 280 с.
8. Таллер Р., Санстейн К. NUDGE. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье. М: Манн, Иванов и Фарбер, 2017. 312 с.
9. Digital 2025 Global Overview Report. URL: https://datareportal.com/reports/digital-2025-global-overview-report (дата обращения: 05.10.25).

Digital Identity under Surveillance Capitalism: Between Self-Expression and Commodification

Tikhonov O.V.
Kazan (Volga Region) Federal University

The relevance of this research is determined by the rapid digitalization of society and the growing influence of surveillance capitalism, which is transforming the processes of digital identity formation. The aim of this paper is to analyze the contradictory nature of digital identity as both a tool for self-expression and an object of commercial exploitation. The study addressed the following objectives: conceptualizing the phenomenon of digital identity; defining the boundaries of user agency in the process of constructing digital identity; and uncovering the mechanisms of digital identity commodification. The scientific significance of this paper lies in its application of a socio-philosophical approach, which allows us to uncover the dual nature of digital identity. It is demonstrated that the user's project-based activity of constructing the "self" is embedded in the logic of platforms, where algorithmic "nudging" and the extraction of "behavioral surplus" transform self-presentation into a commodity, leading to alienation and the strengthening of instrumental power over the individual.

Keywords: digital identity, surveillance capitalism, commodification, algorithmization, behavioral surplus

УДК 316.35.023.5
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-313-319

Влияние цифровой среды на процессы социализации подростков (на примере Казахстана)

Тоганова Ж.К.
Соискатель кафедры общей этической социологии Казанского (Приволжского) федерального университета, директор Кызылординского педагогического высшего колледжа имени М. Маметовой (Республика Казахстан, г.Кызылорда)

Стремительное развитие цифровых технологий, расширение интернет-пространства и глубинные трансформации информационной среды существенно изменяют процессы социализации подростков, что обусловливает высокую актуальность исследования. В новых условиях традиционные институты социализации – семья, школа, социальное окружение – перестают быть единственными агентами формирования норм, ценностей и моделей поведения, уступая значительную часть влияния цифровой среде.

Цель статьи – теоретически обосновать понятие «цифровая социализация» и раскрыть его концептуальное содержание в междисциплинарном контексте педагогики, социологии, психологии и медиакоммуникаций. В соответствии с поставленной целью определяются следующие задачи: анализ факторов, форм и механизмов цифровой социализации подростков; выявление положительных и отрицательных воздействий цифровой среды; определение рисков и угроз, возникающих в образовательной и социальной среде; а также рассмотрение возможностей интеграции цифровых ресурсов в процесс конструктивной социализации.

Научная значимость исследования заключается в уточнении теоретико-понятийного аппарата и систематизации современных научных подходов к изучению цифровой социализации. Практическая значимость работы состоит в выявлении направлений, способствующих минимизации рисков цифровой среды и повышению эффективности воспитательно-образовательных процессов в условиях цифровизации.

В результате проведенного анализа раскрыты ключевые особенности цифровой социализации подростков, определено место цифровой среды как самостоятельного и мощного агента влияния, показаны глобальные преобразования, формирующие специфику социализации в информационном веке. Сделаны выводы о необходимости разработки научно-педагогических моделей, направленных на поддержание безопасной, продуктивной и ценностно-ориентированной социализации подростков в цифровом обществе.

Ключевые слова: *подростковый возраст, цифровая среда, образование, цифровая социализация, риски, личностное развитие*

Для цитирования: *Тоганова Ж.К. Влияние цифровой среды на процессы социализации подростков (на примере Казахстана) // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 313–319. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-313-319.*

В современном мире процессы социализации личности постепенно переходят из офлайн-среды в цифровое пространство. Возрастающая роль информационно-коммуникационных технологий в жизни человека привела к формированию нового типа социализации – цифровой, где виртуальные взаимодействия становятся неотъемлемой частью социального опыта подростков. Однако вместе с расширением возможностей цифровой среды усиливаются и риски, связанные с киберзависимостью, нарушением границ личного пространства и снижением качества реальных социальных контактов. В связи с этим влияние цифровой социализации на развитие молодого поколения становится предметом активных научных и общественных дискуссий. Целью исследования является определение критериев оценки благополучия подростков в процессе цифровой социализации, а также анализ возникающих при этом проблем и рисков. Ожидается, что результаты исследования позволят выявить ключевые критерии благополучия подростков в условиях цифровой социализации, а также определить значимость потребностей в компетентности и социальном взаимодействии, характерных для данного возраста. Предполагается, что процесс цифровой социализации оказывает значительное влияние на формирование социальных, коммуникативных и когнитивных компетенций подростков.

Эффективность и направленность данного процесса в педагогическом контексте во многом зависят от уровня цифровой грамотности подростков, их критического отношения к информации, а также от характера взаимодействия с цифровой средой. Если образовательная система целенаправленно интегрирует цифровые технологии и способствует формированию медиаграмотности, то цифровая социализация может рассматриваться как фактор успешной адаптации подростков к современному обществу.

Прежде чем обратиться к результатам исследования, необходимо уточнить сущность понятия «социализация». В социологии социализация определяется как процесс формирования личности, в ходе которого индивид усваивает социальные нормы, ценности и модели поведения. Этот процесс начинается с раннего детства и продолжается до достижения гражданской зрелости. Однако, как отмечают антропологи, психологи и педагоги, социализация не ограничивается юношеским возрастом – она продолжается на протяжении всей жизни человека. Данный тезис подтверждается результатами многочисленных психолого-педагогических и социологических исследований [1; 2].

Современные дети растут в условиях, где цифровая среда становится не только средством коммуникации, но и самостоятельным агентом социализации, оказывающим влияние на когнитивное, эмоциональное и поведенческое развитие личности. Концепция экологического подхода к человеческому развитию, предложенная У. Бронфенбреннером, подчеркивает важность анализа взаимосвязей между индивидом и его средой, включая цифровое пространство [3].

Социализация подростка предполагает не только усвоение социальных норм и культурных образцов, но и активное взаимодействие с различными субъектами среды – учителями, сверстниками, семьей, а также с цифровыми сообществами. Образовательная среда при этом выступает важным пространством управляемой социализации, где у обучающихся формируются ценностные ориентации, социальная ответственность и способность к самостоятельному выбору.

Изучение проблемы цифровой социализации детей и подростков в условиях цифровизации общества требует обращения к работам социологов, педагогов и психологов, исследующих влияние информационно-коммуникационных технологий на процессы формирования личности.

В начале третьего десятилетия XXI в. в психологической науке утвердился консенсус относительно того, что формирование личности современного ребёнка происходит в специфических социальных условиях, где информационно-коммуникационные технологии становятся одним из ключевых факторов, определяющих структуру онлайн- и офлайн-деятельности детей и подростков. Цифровые трансформации, изменяя образ жизни современного человека, предъявляют новые требования к семье и школе, что приводит к возникновению как положительных, так и отрицательных тенденций в развитии подрастающего поколения. Это, в свою очередь, формирует новые возможности и риски социализации.

Современные исследования фиксируют качественное изменение феномена детства, что обусловливает необходимость психологического анализа нового этапа его развития – «цифрового детства» – с учётом информационно-коммуникационного, культурно-исторического и социально-психологического контекста.

Социализация реализуется через деятельность социальных институтов и агентов, обладающих соответствующими ролями и статусами [4]. К агентам первичной социализации традиционно относятся семья, педагоги, наставники и сверстники, а к агентам вторичной социализации – профессиональная среда, государственные и общественные институты, религиозные организации и средства массовой информации. Современные исследования отмечают, что в XXI в. к числу активных агентов социализации добавились коммуникационные платформы сети Интернет, оказывающие существенное влияние на мировоззрение и поведение подростков [3].

Социализация играет особую роль в юношеском возрасте, поскольку именно в этот период (до 17 лет,

по периодизации Л.С. Выготского) происходит активное усвоение социальных ролей и формирование личностных ценностей [4]. Первичная социализация охватывает ключевой этап становления личности, в то время как вторичная предполагает освоение более сложных социальных функций и ролей.

Процесс социализации, как и процесс обучения, имеет субъект-субъектный характер и осуществляется посредством подражания, идентификации, адаптации, внушения и эмпатии. При этом результаты обучения ориентированы преимущественно на сферу знаний и умений, тогда как результаты социализации выражаются в усвоении ценностей, социальных норм и моделей поведения.

Современные дети и подростки растут в среде, насыщенной цифровыми устройствами и информационными потоками. Уже с раннего возраста они активно используют смартфоны, планшеты, компьютеры и элементы искусственного интеллекта, которые становятся частью их повседневной жизни. Это формирует новые формы коммуникации, мышления и самоидентификации, что делает цифровую социализацию одним из ключевых направлений педагогических и психологических исследований XXI в.

Методологическую основу исследования составили современные концепции социологии, философии, психологии, педагогики и культурологии, раскрывающие фундаментальные положения социальной жизни человека в условиях цифровой трансформации [5; 6]. Эмпирическая часть исследования включала количественные и качественные методы. Основным инструментом количественного анализа выступило онлайн-анкетирование, проведённое в сентябре 2024 г. на платформе *Google Forms*. Всего в исследовании приняли участие 963 респондента, из них 334 чел. (34,7 %) – учащиеся школы-лицея информационных технологий № 3 имени С. Толыбекова (г. Кызылорда). Среди школьников доля обучающихся 8-х классов составила 15,7 %, а 9-х классов – 19 %.

Кроме того, 629 респондентов (65,3 %) – студенты Кызылординского педагогического высшего колледжа имени М. Маметовой (среднее специальное образование), среди которых 26,7 % приходится на обучающихся 1 курса, а 38,6 % – на студентов 4 курса.

Также в исследование были включены 120 педагогов, из которых 62 человека (51,7 %) являются учителями школы-лицея информационных технологий № 3 имени С. Толыбекова, а 58 педагогов (48,3 %) – преподавателями Кызылординского педагогического высшего колледжа имени М. Маметовой.

Выявление агентов и факторов, влияющих на процесс социализации детей и подростков, является важной задачей для современных социолого-педагогических исследований. Согласно теориям Т. Парсонса и Э. Дюркгейма, факторы, влияющие на социализацию личности, имеют всеобъемлющий характер [7; 8].

По результатам социологического исследования, проведённого среди студентов 1-го и 4-го курсов (в возрасте 14–17 лет) Кызылординского педагогического высшего колледжа им. М. Маметовой, была предпринята попытка определить цели использования студентами цифровых ресурсов.

Результаты показали, что 25 % студентов 1-го курса *используют цифровые ресурсы для получения знаний*, в то время как среди студентов 4-го курса этот показатель составил 36 %. Это свидетельствует о более устойчивом и осознанном отношении старшекурсников к образовательному использованию цифровых технологий по сравнению с младшими студентами.

Те, кто использует цифровые ресурсы *для совершенствования своих знаний и саморазвития,* составили 23 % среди студентов 1-го курса и 34 % среди студентов 4-го курса. Доля тех, кто применяет цифровые ресурсы *для общения*, составила 19 % у студентов 1-го курса и 22 % у студентов 4-го курса (табл. 1).

Таблица 1

Использование цифровых ресурсов студентами 1-го и 4-го курсов, %

	1-курс	4 курс
совершенствования своих знаний и саморазвития	25	34
для общения	22	22
ведение собственного блога, канала, рекламы	19	19
использование цифровых ресурсов в свободное время	17	18
чтение новостей	17	7

Меньшая часть обучающихся указала такие варианты, как *ведение собственного блога, канала, рекламы, использование цифровых ресурсов в свободное время и чтение новостей*.

В целом результаты исследования показали, что подростки преимущественно используют цифровые ресурсы для обучения, саморазвития и поддержания социальных контактов. Анализ особенностей использования цифровых ресурсов студентами разных курсов демонстрирует, что цифровая среда выполняет многоплановую функцию в процессах социализации и личностного развития молодежи. С течением времени растет ориентация студентов на совершенствование знаний и профессиональное развитие, что проявляется в увеличении доли использования цифровых технологий для обучения и саморазвития. При этом потребность в общении через цифровые платформы сохраняется стабильной на протяжении всего периода обучения. Интерес к созданию собственного контента и цифровым проектам также остается значимым, демонстрируя

активную позицию студентов в самопрезентации и цифровой деятельности. Снижение интереса к чтению новостей у старшекурсников может свидетельствовать о смещении фокуса с общей информационной среды на специализированные или профессиональные источники. В целом результаты подтверждают, что цифровая среда является важным агентом социализации, влияя на формирование профессиональных, социальных и личностных компетенций студентов (табл. 2).

Результаты исследования показывают, что цифровые ресурсы играют значимую роль в образовательной и профессиональной деятельности как школьников, так и студентов колледжа.

Наибольший процент респондентов в обеих группах отмечает, что интернет-источники помогают им узнавать дополнительную информацию: 76,5 % среди школьников и 82,7 % среди студентов колледжа. Это свидетельствует о высокой информативной ценности цифровой среды и её значимости для учебного процесса. Доля тех, кто считает, что интернет-ресурсы способствуют успеху в учебе, почти одинаковая: 27,3 % у школьников и 27,0 % у студентов. Это показывает, что, несмотря на широкий доступ к информации, влияние интернет-ресурсов на фактические учебные результаты оценивается умеренно. Использование интернета для развлечений относительно невысокое: 7,4 % школьников и 6,0 % студентов. Это может говорить о том, что большинство учащихся используют цифровые ресурсы преимущественно с образовательной и профессиональной целью, а не для досуга. Цифровые ресурсы помогают в профессиональном самоопределении 21,2 % школьников и 22,3 % студентов колледжа. Данные показывают постепенное возрастание значимости интернета для ориентирования в будущей профессиональной деятельности с возрастом и уровнем образования. Доля респондентов, указавших другие цели использования цифровых ресурсов, минимальна (1,5 и 1,0 %), подтверждая, что основные мотивы использования цифровых ресурсов сосредоточены вокруг образования и профессионального развития.

В ходе интервью с учителями школ и преподавателями колледжей, проведённых в рамках качественного этапа исследования, был задан следующий вопрос: «С какой целью, на ваш взгляд, обучающиеся используют цифровые ресурсы и насколько они необходимы?». По мнению преподавателей, цифровая социализация подрастающего поколения становится ключевым направлением воспитательной и образовательной работы в условиях современной информационной эпохи (табл. 3).

Следует отметить, что в данном исследовании были опрошены две разные категории педагогических работников – школьные учителя и преподаватели колледжей. Это разграничение принципиально важно, поскольку их профессиональные функции отличаются.

Поэтому обращение с открытым вопросом как к учителям, так и к преподавателям колледжей позволяет получить более полное и профессионально дифференцированное представление о целях использования цифровых ресурсов студентами и о степени их необходимости в образовательном процессе. Они отмечают стремление соответствовать требованиям цифровой эпохи и активно использовать цифровые ресурсы в своей педагогической деятельности. Вместе с тем выявлена небольшая группа преподавателей, проявляющих низкий интерес к данной теме, что может быть связано с личными установками или недостаточным уровнем цифровой компетентности.

Анализ ответов показал различия во взглядах преподавателей в зависимости от их педагогического стажа:

• преподаватели со стажем от 1 до 10 лет используют цифровые ресурсы преимущественно «для информационного развития», подчёркивая необходимость их применения как для педагогов, так и для студентов;

• преподаватели со стажем от 11 до 20 лет указывают на важность освоения цифровых технологий в профессиональной деятельности, акцентируя внимание не только на положительных, но и на негативных сторонах цифровизации. они подчеркивают необходимость «идти в ногу со временем» и критически осмысливать новые цифровые практики;

• преподаватели со стажем от 21 до 40 лет акцентируют внимание на том, что цифровые технологии стремительно интегрируются в современную культурную среду и способствуют формированию новых форм цифровой социализации. Многие из них признают необходимость по-

Таблица 2

Цели использования цифровых ресурсов студентами колледжа и учащимися средней школы

Варианты	Учащиеся школы	Студенты колледжа
Узнаю немало дополнительной информации об образовательном процессе благодаря интернет-источникам	65,5 %	68,7 %
Достигаю успеха в учебной деятельности благодаря использованию интернет-источников	17,3 %	18,2 %
Использую для просмотра развлекательного контента	5,4 %	4,0 %
Интернет-ресурсы помогают в профессиональном самоопределении	11,2 %	8,4 %
Другое	0,6 %	0,7 %

Таблица 3

Мнение преподавателей и учителей о значении и проблемах использования цифровых ресурсов

Стаж работы	Преподаватели колледжа	Учителя школы
1–10 лет	Цифровые технологии действительно являются необходимым инструментом информационного развития как для преподавателей, так и для студентов. На сегодняшний день эта проблема является крайне актуальной. Цифровые ресурсы необходимы как преподавателям, так и студентам для их профессионального и личностного развития. Современное развитие требует формирования информационной грамотности, а цифровые технологии выступают главным инструментом в педагогической деятельности	Школьные учителя считают, что использование учащимися цифровых ресурсов необходимо для улучшения их образования и саморазвития. Они отмечают, что цифровые технологии являются важным инструментом для формирования современных информационных навыков. Однако некоторые учителя отметили нехватку времени, недостаток опыта или интереса и подчеркнули, что не полностью удовлетворены текущей ситуацией
11–20 лет	В настоящее время меня интересует проблема цифровой социализации. Информационные технологии являются требованием времени, и я стремлюсь изучить их для правильного применения в своей профессиональной области. Современность характеризуется эпохой информационных и новых технологий, и помимо положительного влияния процесса цифровизации на развитие и социализацию личности, крайне важно учитывать и потенциальные негативные последствия	Учителя отмечают, что им не хватает опыта и времени для полноценного изучения вопросов цифровой социализации учеников. Кроме того, они подчёркивают, что в открытых источниках и интернете практически отсутствуют материалы по данной теме, что делает необходимым проведение специализированных исследований для более глубокого понимания процессов цифровизации и её влияния на развитие и социализацию личности
21–40 лет	Преподаватели с большим стажем отмечают, что цифровые технологии быстро проникают в современную культуру, формируя новые формы цифровой социализации. Для них эта тема является актуальной и интересной в профессиональном плане. Они понимают необходимость овладения навыками информационной социализации, так как это является требованием времени. Цифровые ресурсы должны использоваться в широком соответствии с современными образовательными и профессиональными стандартами	Учителя отмечают, что цифровая грамотность является современным требованием, однако они ещё не исследовали этот вопрос самостоятельно. Кроме того, количество доступных данных по данной теме ограничено, что подчёркивает необходимость проведения дополнительных научных исследований в области цифровой социализации и использования цифровых ресурсов

стоянного обучения и адаптации, подчеркивая, что информационная социализация – это требование времени.

Общий анализ показывает, что преподаватели разных уровней профессиональной подготовки признают значимость цифровых ресурсов как для образовательного процесса, так и для развития профессиональных и личностных компетенций студентов. Однако отмечается недостаток опыта и информации, что подчеркивает актуальность дальнейших научных исследований в области цифровой социализации.

Цифровая среда выступает важным агентом социализации студентов, оказывая существенное влияние на их учебную, профессиональную и социальную деятельность. Преподаватели с различным стажем работы признают необходимость овладения цифровой грамотностью и информационными технологиями. Несмотря на различия в восприятии актуальности и уровня подготовки, все респонденты подчеркивают недостаток систематических данных и методических материалов по цифровой социализации, что делает актуальным проведение дальнейших исследований для более глубокого понимания влияния цифровых ресурсов на развитие личности и социализацию студентов.

В связи с этим возникает острая потребность в развитии критического мышления в отношении цифрового контента, формировании навыков медиаграмотности и умения оценивать достоверность информации. В развитых странах уже реализуются меры по борьбе с дезинформацией, в том числе в образовательных учреждениях и социальных сетях. Подобные инициативы постепенно внедряются и в Казахстане, что является важным шагом к формированию ответственного отношения к цифровой информации [9].

Человек в повседневной жизни неизбежно взаимодействует с другими людьми – в семье, на работе, в учебных заведениях, в транспорте или общественных местах. Эти социальные взаимодействия способствуют обмену мнениями, формированию взглядов и укреплению межличностных связей. Именно через эти процессы индивид формирует собственное «Я» и социальную идентичность. Таким образом, человек не может существовать вне общества, а социализация представляет собой непрерывный процесс его личностного и социального становления.

Проведённое исследование позволило определить факторы, влияющие на формирование ценностных ориентаций личности (табл. 4).

Таблица 4

Факторы, влияющие на формирование ценностных ориентаций личности по мнению преподавателей

Ответы	Показатели
Семейное воспитание	28,0 %
Традиция	16,0 %
Интернет	14,0 %
Друзья	12,0 %
Книга, газета, журнал	11,0 %
Религия	8,0 %
Коллективы	5,0 %
Родственники	4,0 %
Одноклассники	1,0 %
Другое	1,0 %

По данным социологического опроса: 28 % преподавателей отметили, что на формирование ценностных ориентаций личности главным образом влияет семейное воспитание, а 16 % указали на влияние традиций. Поскольку традиции являются неотъемлемой частью семейных ценностей, эти два фактора можно рассматривать в тесной взаимосвязи. Формирование личности начинается именно в семье, где особую роль играют обычаи и традиции, передающиеся от поколения к поколению.

Наибольшее влияние на формирование личности ребёнка оказывает семья, которая выступает ключевым фактором в процессе становления ценностных ориентаций. Семья обеспечивает передачу социальных норм, нравственных принципов и культурных традиций, играя центральную роль в социализации ребёнка. При этом 14 % респондентов отметили значительное влияние интернета. Таким образом, семья сохраняет первенство, а цифровая среда занимает второе место по значимости. Это особенно важно в современных условиях, когда бесконтрольное использование интернета без участия семьи и образовательных учреждений может привести к искажённому восприятию ценностей и дезориентации в цифровом пространстве.

Кроме того, 12 % опрошенных указали на влияние друзей, а 11 % отметили роль книг, газет и журналов. Респонденты, выбравшие вариант «другое», подчеркнули влияние постоянного саморазвития, родных и друзей, а также социальной среды в целом.

Таким образом, результаты исследования подтверждают, что процесс формирования ценностных ориентаций носит комплексный характер и определяется сочетанием семейных, культурных, цифровых и социальных факторов, при этом семья сохраняет ведущую роль как основной агент социализации.

Результаты проведённого исследования свидетельствуют о том, что цифровая социализация в современном обществе представляет собой важный и многогранный феномен развития личности подростков. Цифровая среда оказывает непосредственное влияние на формирование познавательных, коммуникативных и социальных навыков молодёжи, меняя их способы получения знаний, формы общения и особенности усвоения социальных ролей.

Данные исследования демонстрируют двусторонний характер цифровой социализации. С одной стороны, цифровые ресурсы расширяют доступ к знаниям и предоставляют новые возможности для профессионального и интеллектуального развития личности. Студенты и школьники продемонстрировали, что интернет в основном используется для получения дополнительного образования, саморазвития и профессиональной ориентации. Цифровая среда позволяет им реализовать свои личные интересы, повысить творческую и коммуникационную активность.

С другой стороны, цифровая среда порождает новые социальные риски. Киберугрозы, информационный токсикоз, распространение фейкового контента, цифровая зависимость, ослабление прямых межличностных отношений – всё это требует контроля со стороны педагогов, осознанного потребления и медиаграмотности. Мнения педагогов также отражают эту двойственность: хотя цифровые технологии необходимы и полезны, культура их применения и педагогической поддержки недостаточно развита.

Исследование показало, что у значительной части учителей отсутствует научно-методическая база по проблеме цифровой социализации, что указывает на необходимость усиления специальных исследований в этом направлении.

Выводы исследования демонстрируют, что цифровая социализация должна быть управляемым процессом, эффективность которого напрямую зависит от поддержки семьи, профессиональной подготовки педагогов и качества мер информационной безопасности. Комплексная стратегия в этом направлении позволит обеспечить гармоничное развитие подрастающего поколения и полностью раскрыть их личностный потенциал.

Литература:

1. Soldatova G.U., Rasskazova E.I. Digital socialization of Russian adolescents: Through the prism of comparison with adolescents in 18

European countries // Social Psychology and Society. 2023. № 14(3). P. 11–30. https://doi.org/10.17759/sps.2023140302
2. Khalid K., Aftab N., Ahmed M., Khan Z., Muzaffar J.M. Development and psychometric validation of the digital socialization scale // Cogent Psychology. 2025. № 12(1). P. 78–88 https://doi.org/10.1080/23311908.2025.2455805
3. Bronfenbrenner U. The ecology of human development: Experiments by nature and design. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1979. 330 p.
4. Егорова Э.Н., Касвинов С.Г. Структура стабильного возраста в трудах Л.С. Выготского // Современные научные исследования и инновации. 2011. № 7. URL: https://web.snauka.ru/issues/2011/11/5136 (дата обращения: 02.08.2025).
5. Айтенова Э., Жигитбекова Б., Ешенкулова Д. Психологическое влияние социальных сетей на развитие подростков // Вестник КазНПУ имени Абая. Серия: Психология. 2024. № 81(4). С. 157–167 https://doi.org/10.51889/2959-5967.2024.81.4.014
6. Smelser N.J. Social paralysis and social change: British working-class education in the nineteenth century. Berkeley: University of California Press, 1967. 499 p.
7. Parsons T. О построении теории социальных систем: Интеллектуальная автобиография. М.: Академический проект, 2000. 16 с.
8. Дюркгейм Э. Правила социологического метода [Les Règles de la méthode sociologique]. Париж: Félix Alcan, 1895. 142 с.
9. Ақпараттық қоғамдағы балалар: ақпараттық-әдістемелік құрал. Нұр-Сұлтан: БиКА, 2019. URL: https://ekofond.kz/wp-content/uploads/2019/11/

The Impact of the Digital Environment on Adolescent Socialization Processes (a Case Study of Kyrgyzstan)

Toganova Zh.K.
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kyzylorda Pedagogical Higher College named after M. Mametova
(Republic of Kazakhstan, Kyzylorda)

The rapid development of digital technologies, the expansion of the Internet space and the profound transformations of the information environment are significantly changing the processes of socialization of adolescents, which determines the high relevance of the study. In the new conditions, traditional institutions of socialization – family, school, and the social environment — are no longer the only agents of shaping norms, values, and behaviors, yielding a significant part of their influence to the digital environment.

The purpose of the article is to theoretically substantiate the concept of "digital socialization" and reveal its conceptual content in the interdisciplinary context of pedagogy, sociology, psychology and media communications. In accordance with this goal, the following tasks are defined: analysis of the factors, forms and mechanisms of digital socialization of adolescents; identification of positive and negative impacts of the digital environment; identification of risks and threats arising in the educational and social environment; as well as consideration of the possibilities of integrating digital resources into the process of constructive socialization.

The scientific significance of the research lies in clarifying the theoretical and conceptual framework and systematizing modern scientific approaches to the study of digital socialization. The practical significance of the work is to identify areas that help minimize the risks of the digital environment and increase the effectiveness of educational processes in the context of digitalization.

As a result of the analysis, the key features of digital socialization of adolescents are revealed, the place of the digital environment as an independent and powerful agent of influence is determined, and global transformations shaping the specifics of socialization in the information age are shown. Conclusions are drawn about the need to develop scientific and pedagogical models aimed at maintaining safe, productive and value-oriented socialization of adolescents in a digital society.

Keywords: adolescence, digital environment, education, digital socialization, risks, personal development

УДК 316.74:37
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-320-325

Проблемы социокультурной адаптации иностранных обучающихся из стран Ближнего Востока к образовательной среде (на примере Казанского федерального университета)

Фазлеев А.Н.
Старший преподаватель кафедры теории
и методики физической культуры, спорта и ЛФК
Института фундаментальной медицины и биологии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Изучение проблематики адаптации иностранных студентов к условиям образовательной среды способствует поддержанию международного престижа России в мировом научном сообществе. Среди наиболее востребованных регионов России в плане образовательной миграции большой популярностью пользуется Татарстан как один из наиболее привлекательных регионов для иностранных студентов, обладающий значительным научно-образовательным потенциалом и ставящий целью активное вхождение в мировое образовательное пространство.

Целью исследования является изучение проблем, с которыми сталкиваются иностранные учащиеся из стран Ближнего Востока в процессе социокультурной адаптации к образовательному пространству Казанского федерального университета (КФУ). На наш взгляд, с одной стороны, иностранные студенты испытывают большие трудности в процессе адаптации в инородной социокультурной среде. А с другой стороны, Республика Татарстан является наиболее благоприятным пространством для их адаптации в связи со схожестью религии, традиций, конфессиональными особенностями региона.

Задача пилотного исследования: выявить реальный уровень проблем социокультурной адаптации иностранных обучающихся, дать рекомендации по их нивелированию.

Научная и практическая значимость исследования определяется выявлением актуальных проблем социокультурной адаптации иностранных студентов в новой для них социокультурной среде. По результатам исследования предложена примерная программа, включающая определенный комплекс структурно-институциональных изменений и воспитательных мероприятий, реализация которой позволит оптимизировать процесс вхождения иностранных студентов в инокультурную среду принимающей страны и образовательное пространство вуза на примере КФУ.

Ключевые слова: *социокультурная адаптация, социальные стереотипы, межкультурные конфликты, дискриминация, интеграция*

Для цитирования: *Фазлеев А.Н. Проблемы социокультурной адаптации иностранных обучающихся из стран Ближнего Востока к образовательной среде (на примере Казанского федерального университета) // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 320–325. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-320-325.*

Согласно имеющимся данным, в 2024 г. в вузах Татарстана обучалось более 147,3 тыс. иностранных студентов из 15 стран ближнего и 111 стран дальнего зарубежья. При этом более 50 % от общего коли-

чества иностранцев составляли студенты из стран Средней Азии и Ближнего Востока. За последние пять лет контингент иностранных студентов увеличился на 22 %, что свидетельствует о растущей привлекательности вузовского комплекса Татарстана для образовательной миграции [1]. Исследование проблем адаптации иностранных учащихся в новой образовательной среде приобретает особую актуальность на этом фоне [2].

Комплексный подход к академической и социокультурной адаптации на основе крупномасштабного исследования предложили П.А. Амбарова (с соавторами) [3] и И.А. Пугачев (с соавторами) [4]. Они разработали многоуровневую структуру, учитывающую как индивидуальные особенности студентов, так и специфику образовательной среды и социокультурного контекста. Основное внимание уделялось выявлению факторов успешной интеграции иностранных студентов в российское образовательное пространство, а также разработке практических рекомендаций для вузов по созданию благоприятных условий для их обучения и проживания. Результаты исследования, опубликованные в серии научных статей и монографий, стали основой для внедрения инновационных программ поддержки и сопровождения студентов, направленных на повышение их академической успеваемости, социальной активности и психологического благополучия.

Значительный вклад в изучение проблем связанных с адаптацией иностранных студентов в Татарстане внесли Г.Ф. Габдрахманова (с соавторами) [5], Л.Р. Низамова [6], И.Р. Набиуллин [7], Ф.Ф. Ишкинеева, С.А. Ахметова [8] и другие. Эти исследователи, несмотря на разность методологических подходов, определили спектр ключевых факторов, влияющих на успешную интеграцию иностранных студентов в социокультурную среду региона и образовательную среду вуза.

Социокультурная адаптация охватывает множество аспектов, всесторонне анализируемых авторами исследований, начиная с формальных взаимодействий в учебной среде и заканчивая повседневными привычками и рутинными действиями [9]. Институциональный же уровень, который определяет структуру всей образовательной среды, включая правила, нормы и ожидания, становится основой для успешной интеграции и нацелен на оптимизацию процесса привыкания иностранных студентов к новым условиям, требует более тщательного изучения.

В научной литературе, как показывает анализ исследований, в меньшей степени рассматриваются такие аспекты неформальной социокультурной адаптации, как проблемы «наклеивания ярлыков», дискриминации, конфликтов. Однако эти проблемы в учебном процессе, несомненно, способствуют дезадаптации, неэффективному формированию новой для иностранных обучающихся культуры, а также могут препятствовать освоению знаний, норм и ценностей, присущих определенному социокультурному пространству.

С целью изучения проблем социокультурной адаптации иностранных студентов из стран Ближнего Востока в Казанском федеральном университете автором было проведено пилотажное анкетирование 126 студентов 2 курса различных институтов КФУ (52 % – девушки, 48 % – юноши, возрастное распределение опрошенных – 20–22 года – 31,7 %, 23–25 лет – 44,4 %, старше 26 лет – 23,8 %). Результаты исследования обрабатывались с использованием программы SPSS (системы статистической обработки информации).

В начале исследования особое внимание было уделено языковой подготовке приезжих студентов, так как знание языка играет определяющую роль в процессе социальной коммуникации. По результатам исследования около половины (47,6 %) владеют русским языком, при этом 40 % понимают речь, но испытывают сложности с выражением своих мыслей, и только 8 % свободно владеют русским языком и оценивают свои знания на «отлично». Таким образом, более половины респондентов имеют языковые трудности: около 32 % отметили сложности в разговорной речи, а 20 % используют переводчик. Это говорит о том, что слабое знания языка может быть рассмотрено как потенциальный источник дезадаптации иностранных студентов. Также обучающиеся отметили, что незнание новой культуры, замедляет процесс адаптации, на что указали пятая часть опрошенных (табл. 1).

Таблица 1

Оценка адаптации иностранных студентов к новым условиям

Вопрос	Варианты ответов	Ответы
Как Вы привыкали к новой для Вас обстановке?	Было очень сложно, так как все новое и непривычное	21,1 %
	Было сложно из-за незнания языка	38,2 %
	Почувствовал большую разницу в культуре и нормах общения	18,4 %
	Было несложно, легко адаптировался	17,1 %
	Практически не почувствовал изменений в культурных нормах	2,6 %
	Свой вариант	2,6 %

Данные исследования подтверждают, что языковые барьеры создают значительные трудности для иностранных студентов в процессе адаптации: 38 % респондентов отметили незнание языка как основную проблему, а 21 % опрошенных указали на общую сложность адаптации. Более 50 % студентов не считают процесс адаптации лёгким.

Одним из условий успешной адаптации являются неформальные отношения с одногруппниками в об-

разовательном пространстве. Поэтому следующие вопросы были посвящены этим проблемам (рис. 1). Доля негативных оценок, характеризующих эти отношения, составляет 19 % от общего числа ответов. При этом важно отметить, что 35 % респондентов дали нейтральные оценки, что может говорить, во-первых, о том, что более трети опрошенных нейтрально оценивают взаимоотношения: не оценивают их положительно, но и не оценивают их как негативные; во-вторых, – о формальном характере взаимодействия обучающихся или недостаточной их вовлеченности в студенческую жизнь.

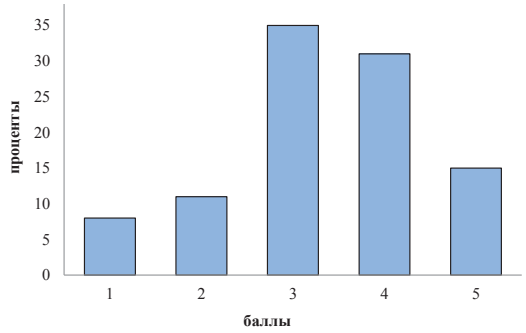

Рис. 1. Оценка взаимоотношений в учебной группе

Дальнейший анализ нейтральных оценок, например, через качественные интервью, поможет выяснить причины такой сдержанности и выявить потенциальные области для улучшения интеграции иностранных студентов в академическую среду.

Социальная интеграция индивида, в частности, посредством дружеских связей, приобретает особую значимость для иногородних студентов в условиях отсутствия непосредственной поддержки со стороны семьи и родственников, находящихся за пределами текущего места проживания (табл. 2).

Согласно полученным данным, около 20 % отметили, что не имеют никаких проблем с дружбой, так как завели друзей как среди местных студентов, так и среди соотечественников. Интересно отметить, что студентов, которые дружат только с соотечественниками, очень мало – менее 5 %. При этом около 18 % ответили, что испытывают трудности с поиском друзей. Также около 14 % считают, что иностранцам сложно заводить дружбу с местными.

Таким образом, сложившееся распределение ответов наталкивает на мысль, что есть определённая доля студентов, которые легко адаптируются в стране, куда переехали для получения образования. Однако так все благоприятно складывается далеко не у всех, и часть студентов сталкивается с рядом проблем, одной из которых становится отсутствие друзей.

Еще один аспект, очень важный при изучении и анализе проблем адаптации иностранных студентов, связан с проявлением дискриминации, основанной на этнических признаках (табл. 3).

Таблица 2

Оценка дружественных связей опрошенных

Вопрос	Варианты ответов	Ответы
Есть ли у Вас друзья?	да, я завел много новых друзей, среди которых есть и местные жители, и приезжие	20,2 %
	близко дружу и общаюсь только с соотечественниками	4,8 %
	все мои друзья только местные студенты	11,9 %
	я мало с кем близко общаюсь, предпочитаю уединение	21,4 %
	я хочу найти друзей, но у меня не получается	9,5 %
	я испытываю трудности с поиском друзей, так как я приехал из другой страны	17,9 %
	я вижу, что местные студенты не стремятся дружить с иностранцами	14,3 %

Таблица 3

Оценка опыта дискриминации опрошенных

Вопрос	Варианты ответов	Ответы
Сталкивались ли Вы с дискриминацией (религиозной, языковой, расовой) сами лично, либо ваши знакомые?	Да, лично сталкивался	30,2 %
	Да, было со знакомыми	38,1 %
	Нет	31,7 %

Более 68 % опрошенных обучающихся подчеркнули, что с дискриминацией, в той или иной степени, они столкнулись либо сами лично (30 %), либо это произошло со знакомыми (около 38 %). Они отметили, что подвергались оскорблениям, унижениям. То есть проблема дискриминации иностранных студентов существует и является недостаточно изученной, требуя дальнейших исследований.

Социальные стереотипы как ложные верования, распространенные в обществе и основанные на этнических различиях, воспринимаются в научном дискурсе как негативное явление. Несмотря на это, стереотипы обладают устойчивостью и негативно влияют на адаптацию (табл. 4).

Таблица 4

Оценка столкновения респондентами с поведением, основанном на стереотипах

Вопрос	Варианты ответов	Ответы
Сталкивались ли Вы с примерами приписывания Вам негативных качеств и ярлыков сами лично, либо ваши знакомые?	Да, лично сталкивался	19,0 %
	Да, было со знакомыми	30,2 %
	Нет	50,8 %

По результатам опроса, половина респондентов ответила утвердительно, при этом из них 19 % отметили, что имеют негативный личный опыт. А другая половина выбрала вариант, что не имеют опыта,

когда им или их знакомым приписывали какие-то качества, основываясь на их этническом происхождении. Однако те, кто заявил об отсутствии такого опыта, возможно, просто не осознавали, что столкнулись с подобным проявлением предвзятости. Это говорит о том, что проблема может быть более распространенной, чем кажется на первый взгляд, и требует более глубокого изучения.

На вопрос о наличии конфликтов ответы и мнения также были неоднозначными (табл. 5).

Таблица 5

Столкновение респондентов с конфликтами, травлей

Вопрос	Варианты ответов	Ответы
Сталкивались ли Вы со следующими проявлениями (примерами) сами лично, либо ваши знакомые: травля, конфликты?	Да, лично сталкивался	14,3 %
	Да, было со знакомыми	34,9 %
	Нет	50,8 %

В категории вопросов о травле и межэтнических конфликтах ответы также распределились поровну: половина респондентов не имели такого опыта, а другая половина заявляет, что такой опыт имеет место (при этом личный опыт – только у 14 %), сталкивались знакомые – 34,9 %. Отрадно, что доля таких ответов не составляет большинство, однако процент довольно значительный и нуждается во внимании как потенциальный проблемный фактор по исследуемой теме.

Положительные примеры доброго отношения и взаимопомощи также нуждаются во внимании для оценки и понимания общей картины, так как влияют на адаптацию и комфортное пребывание в чужой стране, особенно в ситуации, где нет близких людей и привычной культурной среды (табл. 6).

Таблица 6

Оценка столкновения респондентами с поведением, основанном на стереотипах

Вопрос	Варианты ответов	Ответы
Сталкивались ли Вы со следующими проявлениями (примерами) сами лично, либо ваши знакомые: доброжелательность, желание помочь?	Да, лично сталкивался	38,1 %
	Да, было со знакомыми	23,8 %
	Нет	38,1 %

Большинство (почти 62 %) опрошенных отметили, что имеют положительные примеры адаптации, при этом 38 % сталкивались с ними лично. При этом 38 % ответили отрицательно, что можно трактовать как наличие проблемных аспектов для обучающихся в процессе адаптации к новым социокультурным и образовательным условиям принимающей стороны. Порадовало то, что достаточно большой процент студентов столкнулся с комфортной для них атмосферой, что говорит о доброжелательности местного населения и студенчества Казани.

Таким образом, в плане неформальных взаимоотношений, существует ряд положительных моментов, таких как дружба и принятие местным сообществом приезжих. В то же время существуют проблемы, связанные с дискриминацией, конфликтами и социальными стереотипами. Важно отметить, что неформальные отношения требуют осознания потенциальных рисков и рационального управления.

Анализ деятельности специализированных структур по работе с иностранными студентами дает возможность оценить эффективность действий со стороны вуза, направленных на благоприятную адаптацию приезжих студентов. Обозначим их.

Клуб интернациональной дружбы: большинство опрошенных обучающихся (55 %) не знают о его существовании, по 17,5 % – оценивают его функционирование как положительно, так и отрицательно. Положительные отзывы, как правило, исходят от тех, кто участвовал в мероприятиях клуба, отмечая интересные встречи, языковую практику и возможность завести друзей из разных стран. Отрицательные оценки связаны с нерегулярностью мероприятий, недостаточной организацией и ощущением формальности, когда «дружба» сводится к обмену дежурными фразами.

Кружок «Полимирие»: большинство опрошенных, к сожалению, не знают о нем (57 %). Слышали о нем и имеют представление о его работе 43 %, из них всего 11 % дают положительную оценку его деятельности. Примерно такие же ответы зафиксированы в отношении и к деятельности Ассоциации иностранных выпускников КФУ.

Участие в студенческой жизни, в том числе в культурных мероприятиях, также показывает степень интегрированности студента в социум и уровень его адаптации. Согласно полученным данным, более половины студентов (около 62 %), принявших участие в опросе, не участвуют в студенческих мероприятиях. Примечательно, что 49 % из них хотели бы быть активными участниками студенческой жизни, и только около 13 % высказали нежелание принимать участие в данной сфере деятельности. Таким образом, у данного направления большой потенциал к распространению и приобщению большего количества иностранных студентов к широкому и насыщенному мероприятиями спектру студенческой жизни.

Резюмируя результаты оценки деятельности специализированных структур, можно сделать вывод, что эти подразделения недостаточно эффективно работают с иностранными студентами, часто формально, что требует разработки более эффективной стратегии их деятельности.

Данные исследования показали, что иностранные учащиеся из стран Ближнего Востока сталки-

ваются с целым комплексом проблем в процессе социокультурной адаптации в новой среде, включая культурный шок, стигматизацию, дискриминацию, конфликты и недостаточную эффективность деятельности официальных структур. В частности, недостаточное владение языком может существенно затруднить коммуникацию и интеграцию в местное сообщество, что негативно сказывается на общем уровне комфорта и удовлетворённости студентов от пребывания и обучения в принимающей стране.

В связи с этим необходимо разработать комплексную программу социокультурной адаптации иностранных учащихся, включающую как институциональные изменения, так и воспитательные мероприятия, способствующие решению вышеназванных проблем и охватывающие все значимые сферы: учебную и внеучебную (включая досуговую).

В частности, следует уделить внимание:

• *Совершенствованию формальных каналов коммуникации*, связанных с созданием эффективных служб поддержки иностранных студентов, разработкой информационных материалов на разных языках, организацией адаптационных курсов и тренингов по межкультурному общению.

• *Развитию неформальных каналов коммуникации:* поддержке студенческих объединений и клубов, организации совместных мероприятий, способствующих установлению дружеских связей между иностранными и местными студентами, созданию безопасного и инклюзивного пространства для общения.

• *Борьбе с социальными стереотипами и дискриминацией:* проведению образовательных кампаний, направленных на повышение осведомленности о культурном разнообразии, разработке и внедрению кодексов поведения, предусматривающих ответственность за проявления дискриминации, созданию механизмов для разрешения конфликтов и работы с жалобами.

Реализация этих мер позволит создать более благоприятную и поддерживающую среду для иностранных студентов, способствующую их успешной адаптации к новым для них социокультурным и образовательным условиям принимающей страны.

Литература:

1. Экспансия туркмен, особый интерес иранцев и китайцев: откуда студенты приезжают в Казань. URL: https://www.tatar-inform.ru/news/ekspansiya-turkmen-osobyi-interes-irancev-i-kitaicev-otkuda-studenty-priezzayut-v-kazan-5933128.
2. Алишев Т.Б. Иностранные студенты в вузах Республики Татарстан: привлечение и адаптация // Аккредитация в образовании. 2024. № 156. URL: https://akvobr.ru/new/publications/598
3. Амбарова П.А., Зборовский Г.Е., Никольский В.С., Шаброва Н.В. Академическая и социокультурная адаптация студентов в вузах России // Высшее образование в России. 2022. № 31 (12). С. 9–30.
4. Пугачев И.А., Будильцева М.Б., Варламова И.Ю. Адаптация иностранных учащихся к условиям обучения в российском вузе: комплексный подход // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2018. № 2. С. 225–235.
5. Габдрахманова Г.Ф., Сагдиева Э.А., Оморова Н.И. Учебная миграция в Республике Татарстан: адаптация и интеграция студентов из государств Центральной Азии. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; Изд-во «Артифакт», 2014. 152 с.
6. Низамова Л.Р. Межкультурные отношения и миграционные процессы в массовом сознании татарстанцев и дискурсе региональных массмедиа // Полиэтничный регион в XXI веке: демографические и социокультурные процессы. Казань: Изд-во Казанского ун-тета, 2015. С. 69–98.
7. Набиулин И.Р. Особенности адаптации иностранных студентов мусульманского вероисповедания в республике Татарстан. Научный результат / Социология и управление. 2023; (9 (3)). С. 21–36.
8. Ишкинеева Ф.Ф., Озерова К.А., Кавеева А.Д., Ахметова С.А., Фурсова В.В. Интернациональный характер современного образования: адаптация иностранных студентов в российском вузе // Вестник Института социологии. 2017. № 8 (1). С. 35–54.
9. Фазлеев А.Н. Некоторые аспекты социокультурной адаптации иностранных студентов к образовательной среде российского вуза // Russian Economic Bulletin. 2024. № 7 (6). С. 31–38.

Problems of Socio-Cultural Adaptation of Foreign Students from the Middle East to the Educational Environment (Using the Example of Kazan Federal University)

Fazleev A.N.
Kazan (Volga Region) Federal University

Studying the adaptation of international students to the educational environment helps maintain Russia's international prestige in the global scientific community. Among Russia's most sought-after regions for educational migration, Tatarstan enjoys widespread popularity as one of the most attractive for international students, boasting significant scientific and educational potential and aiming to actively integrate into the global educational space.

The aim of this study is to examine the challenges faced by international students from the Middle East during their sociocultural adaptation to the educational environment at Kazan Federal University (KFU). We believe that international students experience significant difficulties adapting to a foreign sociocultural environment. However, the Republic of Tatarstan offers the most favorable environment for their adaptation due to the region's similar religious traditions and confessional characteristics.

The objective of this pilot study is to identify the actual level of sociocultural adaptation challenges for international students and provide recommendations for mitigating them.

The scientific and practical significance of this study lies in its identification of pressing issues related to the sociocultural adaptation of international students in a new sociocultural environment. Based on the study's findings, a model program has been proposed, including a specific set of structural and institutional changes and educational activities. Its implementation will optimize the process of international students' integration into the host country's foreign cultural environment and the university's educational environment, using KFU as an example.

Keywords: socio-cultural adaptation, social stereotypes, intercultural conflicts, discrimination, integration

УДК 339.138
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-326-330

Особенности и перспективы внедрения омниканальной коммуникационной стратегии в деятельность современного российского университета

Шадрина Л.Ю.
Кандидат социологических наук, доцент,
заведующая кафедрой маркетинга, рекламы и связей
с общественностью Новосибирского государственного
университета экономики и управления

Статья исследует преимущества омниканальной стратегии коммуникаций в российских университетах. Основной целью является определение факторов эффективности интеграции онлайн и офлайн-каналов для улучшения клиентского опыта и формирования положительного имиджа вузов. Методы включают анализ эмпирических данных и изучение лучших отечественных практик. В исследовании рассматриваются механизмы взаимодействия с основными целевыми аудиториями: абитуриентами, студентами, выпускниками и работодателями. Исследование охватывает 24 ведущих российских университета, отобранных по принципу географического представительства. Представленные кейсы демонстрируют, что омниканальный подход способствует: повышению узнаваемости брендов университетов, улучшению взаимодействия с пользователями, формированию лояльного сообщества.

Научная значимость работы заключается в выявлении факторов эффективной интеграции онлайн и офлайн-каналов коммуникации в деятельности российских университетов, что способствует формированию целостной концепции омниканальной стратегии. Практическая значимость исследования состоит в определении конкретных принципов и инструментов успешной реализации омниканальной стратегии, направленных на повышение узнаваемости брендов университетов, улучшение взаимодействия с абитуриентами, студентами, партнёрами и работодателями.

Ключевые слова: *омниканальная коммуникационная стратегия университета, цифровые платформы, целевые аудитории, российский образовательный ландшафт, персонализация коммуникаций, интеграция онлайн и офлайн-коммуникаций, эффективность коммуникационных каналов*

Для цитирования: *Шадрина Л.Ю. Особенности и перспективы внедрения омниканальной коммуникационной стратегии в деятельность современного российского университета // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 326–330. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-326-330.*

Университеты сегодня функционируют в условиях высокой конкуренции, и ключевое место в системе продвижения вузов занимают коммуникационные стратегии, направленные на создание позитивного имиджа и привлечение целевой аудитории. Данная статья исследует особенности и перспективы внедрения омниканальной коммуникационной стратегии в деятельность российских университетов, подчёркивая значимость комплексного подхода к управлению информацией и взаимодействию с различными категориями стейкхолдеров.

Актуальность выбранной темы обусловлена несколькими важными факторами. Во-первых, усиливается конкуренция на рынке образовательных

услуг, вынуждая университеты искать новые эффективные способы взаимодействия с потенциальными и действующими студентами, а также с партнерами и работодателями [1]. Во-вторых, поведение и ожидания ключевых аудиторий значительно меняются под влиянием цифровизации и технологических преобразований, что требует гибкости и оперативности в принятии управленческих решений [2]. Наконец, современные реалии диктуют необходимость интеграции различных каналов коммуникации, поскольку традиционные методы постепенно теряют свою эффективность [3].

Именно поэтому возникает закономерный исследовательский интерес к вопросам влияния омниканальной коммуникационной стратегии на формирование лояльного сообщества и укрепление бренда университета. Возникает ключевой вопрос: какой эффект оказывает внедрение подобной стратегии и какие конкретные принципы и инструменты необходимы для её успешной реализации в условиях современной российской действительности?

Рассмотрение проблемы приобретает особую значимость, если обратиться к историческому развитию коммуникационных практик высших учебных заведений [4]. За прошедшие полвека произошло существенное изменение подходов к взаимодействию университетов с внешней средой. Первоначально коммуникации ограничивались преимущественно традиционными СМИ и прямой рекламой [5]. Однако стремительное распространение информационных технологий привело сначала к активному использованию интернет-ресурсов и официальных сайтов, а позднее – к широкому применению социальных сетей, мобильных приложений и иных цифровых решений. Сегодня мы наблюдаем тенденцию к созданию единой интегрированной информационной среды, охватывающей различные категории пользователей и объединяющей онлайн- и офлайн-взаимодействие [6]. Этот процесс свидетельствует о формировании новой омниканальной парадигмы, позволяющей университетам эффективно решать стоящие перед ними коммуникативные задачи и укреплять своё положение на рынке образовательных услуг.

Современный этап развития общества характеризуется ускоренной цифровизацией и ростом требований к качеству и скорости предоставления информации, что предъявляет особые обязательства к организации коммуникационных процессов в университетах [7]. В этих условиях особое значение приобретает разработка эффективных моделей взаимодействия с разнообразными целевыми аудиториями. Под омниканальной коммуникационной стратегией университета понимается интегрированная система управления всеми возможными каналами взаимодействия с внешними и внутренними группами, ориентированная на обеспечение непрерывного и унифицированного клиентского опыта вне зависимости от выбранного способа коммуникации. Эта концепция предполагает объединение онлайн-платформ (сайты, социальные сети, мобильные приложения) и офлайн-инструментов (личные консультации, презентации, конференции) в единую экосистему, способствующую укреплению бренда университета и повышению лояльности участников образовательного процесса.

Специфика применения омниканальной стратегии в университетской среде определяется особенностями самой образовательной модели [1]. Университет функционирует одновременно как центр подготовки специалистов, научный институт и культурный объект, взаимодействуя с широкой аудиторией: абитуриентами, студентами, преподавателями, выпускниками, работодателями и представителями государственных структур. Такая многогранность требует особой чувствительности к индивидуальным предпочтениям каждой группы, что отличает университетскую практику от коммерческой сферы, где чаще преобладает ориентация на узкую категорию потребителей.

В сравнении с иными видами коммуникационных стратегий, омниканальный подход выделяется рядом принципиальных характеристик. Прежде всего, это высокая степень интеграции каналов, когда каждый элемент системы поддерживает и дополняет остальные, создавая ощущение единого информационного пространства [8]. Важнейшей чертой является персонификация общения [9], предполагающая учет персональных предпочтений и истории взаимодействия с каждым участником образовательного процесса. Еще одним ключевым отличием выступает акцент на долгосрочном взаимодействии, направленном не столько на привлечение новых клиентов, сколько на удержание и развитие существующих отношений.

Подобные отличия делают омниканальную стратегию уникальным инструментом, обладающим значительным потенциалом для укрепления позиций университета в условиях растущей конкуренции и постоянных технологических перемен.

В настоящем исследовании применялся комплексный методологический подход, направленный на всесторонний анализ состояния и перспектив развития омниканальных коммуникаций в российских университетах. Предметом изучения стали официальные веб-ресурсы, страницы в социальных медиа, мобильные приложения и прочая открытая информация двадцати четырёх учебных заведений, принимающих участие в реализуемой государственной программе «Приоритет 2030» [10]. Осуществлялся тщательный контент-анализ информационных потоков, представленных на официальных платформах исследуемых университетов, с акцентом на наличие взаимосвязей и интеграционных характеристик

между различными коммуникативными каналами. Дополнительно проводился экспертный опрос сотрудников служб по связям с общественностью и маркетинговых подразделений вышеуказанных организаций посредством специально разработанного анкетирования, охватывающего такие аспекты, как степень интеграции коммуникационных инструментов, применяемые технологические решения и субъективная оценка эффективности реализованных омниканальных стратегий. Завершающим этапом стало проведение статистического анализа собранных сведений, предусматривающее использование методов корреляционного и регрессионного моделирования с целью установления количественных закономерностей и зависимостей между уровнем интеграции коммуникационных каналов и показателями удовлетворённости ключевых целевых аудиторий. Подобный многоуровневый аналитический алгоритм обеспечил получение достоверных и объективных данных, позволяющих адекватно отразить современное состояние и потенциальные направления дальнейшего развития омниканальных коммуникационных стратегий в образовательной сфере современной России.

Проведенное исследование, выполненное в период с октября 2024 г. по июль 2025 г., охватило 24 ведущих университета[1] Российской Федерации, отобранные по принципу равномерного территориального распределения – по три вуза из каждого федерального округа, входящих в федеральную программу «Приоритет 2030».

Целью исследования являлось детальное изучение механизмов реализации омниканальной коммуникационной стратегии университетов и выявление степени её влияния на вовлеченность целевых аудиторий. В процессе проведения исследования были глубоко проанализированы основные каналы коммуникации, традиционно используемые высшими учебными заведениями:

Во-первых, тщательное рассмотрение получили официальные сайты университетов, оценивалась их структура, функциональность, удобство навигации и наличие возможностей персонализации контента. Особенностью стало обнаружение тесной взаимосвязи официального сайта с остальными каналами коммуникации: практически повсеместно использовались виджеты и кнопки, мгновенно перенаправляющие посетителей на страницы университета в социальных сетях, мобильные приложения и контактные формы обратной связи.

Во-вторых, пристально изучались социальные сети («ВКонтакте», Telegram), ставшие важнейшим компонентом омниканальной стратегии. Регулярное размещение ссылок на официальный сайт и мобильные приложения прямо в постах и сторис создавало дополнительный импульс для расширения охвата аудитории и повышения частоты контакта с брендом университета.

Также отдельное внимание уделялось наличию мобильных приложений, которые зачастую дублировали основную информацию с сайта, дополняя её индивидуализированными уведомлениями и персональными рекомендациями. Приложения неизменно содержали ссылки на аккаунты университета в социальных сетях и позволяли быстро перейти на официальный сайт, что подтверждает принцип синергии каналов.

Кроме того, исследовались офлайн-мероприятия, такие как дни открытых дверей, образовательные выставки и карьерные форумы. Их особенность заключалась в обязательном сопровождении цифровыми сервисами: предварительная регистрация через сайт или мобильное приложение, получение QR-кодов и последующая отправка анкет обратной связи, что обеспечило неразрывную связь физических событий с цифровым пространством. Участие университетов в профессиональных выставках и форумах также сопровождалось активной поддержкой через онлайн-каналы: анонсирование предстоящих мероприятий на официальном сайте, продвижение в социальных сетях и приглашение зарегистрироваться через мобильное приложение.

Особого внимания заслуживал *email*-маркетинг, выступавший важным связующим звеном всей коммуникационной цепочки. Электронные рассылки содержали персональные приглашения посетить мероприятия, ссылки на публикации на официальном сайте и призывы подписаться на обновления в социальных сетях.

Практическим подтверждением эффективности подобного подхода служат многочисленные примеры успешного внедрения омниканальных стратегий

[1] ЦФО (Тульский государственный университет, Воронежский государственный университет). Москва (Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»). СЗФО (Псковский государственный университет, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого). Санкт-Петербург (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого). ЮФО (Донской государственный технический университет, Южный федеральный университет, Севастопольский государственный университет). СКФО (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставропольский государственный аграрный университет, Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова). ПФО (Вятский государственный университет, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Приволжский исследовательский медицинский университет). УФО (Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Тюменский государственный университет, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)). СФО (Кемеровский государственный университет, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Новосибирский государственный аграрный университет). ДФО (Дальневосточный государственный аграрный университет, Сахалинский государственный университет, Тихоокеанский государственный университет).

в российских университетах. Так, среди региональных вузов заслуживает внимания опыт Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург), где используется уникальная платформа электронной навигации по территории кампуса [11], интегрированная с официальным сайтом и социальными сетями университета [12; 13]. Благодаря этому студенты и гости легко находят нужные корпуса и аудитории, получая дополнительную информацию о мероприятиях и событиях университета. Томский государственный университет (Томск) также успешно реализует омниканальную стратегию, организовывая виртуальные экскурсии для абитуриентов с применением технологий дополненной реальности. Такие экскурсии проходят через мобильное приложение [14], которое знакомит участников с инфраструктурой университета. Впоследствии абитуриентов приглашают вступить в сообщества университета в социальных сетях и зарегистрироваться на реальные ознакомительные мероприятия. Другим показательным примером является Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» (Москва), где проведение дней открытых дверей сопровождается обязательной регистрацией через мобильное приложение [15]. По завершении мероприятий участники получают подробные отчёты и видеозаписи через электронную почту и социальные сети, что создаёт непрерывный цикл взаимодействия с целевой аудиторией.

Эмпирическое исследование продемонстрировало значительные изменения показателей вовлеченности целевых аудиторий при внедрении омниканальной коммуникационной стратегии в деятельности российских университетов. Согласно данным, представленным маркетинговыми службами исследуемых университетов, 85 % вузов успешно применяют технологии персонализации контента на собственных официальных ресурсах, что обеспечивает заметное повышение уровня вовлечения пользователей в пределах от 20 до 30 %. Активизация присутствия университетов в социальных сетях привела к среднему приросту численности подписчиков порядка 15 %, преимущественно благодаря систематическому продвижению актуальных событий и новостных публикаций. Дополнительным фактором повышения частоты взаимодействий с молодежной аудиторией, включая студентов и потенциальных абитуриентов, стало активное использование специализированных мобильных приложений, обеспечивающих увеличение интенсивности контактов приблизительно на 40 %.

Одновременно отмечается существенный эффект интеграции цифровых решений в традиционные формы офлайн-взаимодействия. Примером служит интеграция электронных сервисов в организацию дней открытых дверей, позволившая повысить регистрацию участников примерно на четверть. Аналогичный положительный тренд наблюдается и при применении технологий дополненной реальности на профильных образовательных мероприятиях и выставочных площадках, где зафиксирован рост интереса к поступлению почти на пятую часть.

Наиболее убедительные результаты были достигнуты при сочетании онлайн- и офлайн-методов коммуникации. Такой комплексный подход обеспечил максимальный коэффициент вовлеченности целевой аудитории, увеличившийся в среднем на треть относительно традиционных односторонних коммуникационных стратегий.

Исследование показало, что внедрение омниканальной коммуникационной стратегии в деятельности российских университетов повышает эффективность взаимодействия с целевыми аудиториями благодаря интеграции онлайн- и офлайн-каналов. Комплексный анализ 24 ведущих вузов позволил выявить ключевые механизмы формирования положительной репутации и роста вовлечённости пользователей. Результаты подтвердили гипотезу о значительном влиянии персонализированных коммуникаций на лояльность студентов, выпускников и работодателей. Выявлены тенденции усиления цифровой трансформации университетских коммуникаций, обусловленные изменением поведения и ожиданий современных пользователей образовательных услуг. Дальнейшие исследования целесообразно направить на разработку индивидуальных моделей омниканальных стратегий с учётом региональной специфики и диверсификации целевых групп.

Литература:

1. Василенок В.Л., Кургузова Е.Я. Конкуренция на рынке образовательных услуг// Экономика и экологический менеджмент. 2011. № 1. С. 13–17.
2. Терелянский, П.В. Целевая модель цифровой трансформации университетов / П.В. Терелянский, А.В. Троицкий, С.И. Ашмарина и др. // Управление образованием: теория и практика. 2021. № 1 (41). С. 22–36.
3. Тимофеев В.И. О некоторых методологических подходах к созданию комплекса интегрированных коммуникаций // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 4. С. 54–63.

4. Ромашко Т.В. Концептуализация коммуникационной деятельности отечественного вуза // Вестник Герценовского университета. 2014. № 1. С. 30–42.
5. Вавилов В.Е., Зубко И.Ю., Хусаинова А.А. Пути развития и целевые модели университетов в Российской Федерации // Прогрессивная экономика. 2024. № 1. С. 55–85.
6. Чудинов И.Л. Проблемы создания интегрированной информационной среды в вузе // Новые образовательные технологии в вузе: Шестая межд. науч.-метод. конф., 2–5 февраля 2009 г.: сб. тезисов докладов: Ч. 1. Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2009. С. 405–407.
7. Денисова А.Б. Информационно-коммуникативная система воспитательного пространства вуза // Образовательные ресурсы и технологии. 2020. № 1 (30) С. 17–23.
8. Балдин А.К., Биюшкина Н.И. Электронная информационно – образовательная среда как элемент информационной открытости университета // Технологии XXI века в юриспруденции. Материалы Пятой межд. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2023. С. 29–36.
9. Коновалова Е.Ю. Влияние социально-экономических изменений в обществе на культуру речи // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2012. № 2 (9). С. 157–159.
10. Постановление Правительства Российской Федерации от 13 мая 2021 г. № 729 «О мерах по реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030»». URL: https://нтр.рф/upload/iblock/2a3/2hz1s2e2yl0qk5p3x5v7un2b1vwl4rmd/Постановление%20Правительства%20РФ%20от%2013.05.2021%20№%20729.pdf (дата обращения: 18.11.2025).
11. Навигатор УрФУ. Интерактивная карта и сервис для навигации по учебным корпусам УрФУ. URL: https://how-to-navigate.ru/?ysclid=mi49dnat84392647001 (дата обращения: 01.08.2025).
12. Официальный сайт Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. URL: https://urfu.ru/ru/ (дата обращения: 25.07.2025).
13. Официальные социальные сети Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. URL: https://urfu.ru/ru/ https://max.ru/urfu https://ok.ru/uralfederal https://rutube.ru/u/urfu/ https://rutube.ru/u/urfu/ https://dzen.ru/urfu (дата обращения: 25.07.2025).
14. Цифровое приложение «Университет людей» Томского государственного университета. URL: https://apkpure.com/ru/университет-людей/com.tsu.universitet?ysclid=mi49tcazb0763153437 (дата обращения: 10.09. 2025).
15. Мобильное приложение Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ». URL: home.mephi.ru/app (дата обращения: 15.07. 2025).

Features and Prospects of the Implementation of an Omnichannel Communication Strategy in the Activities of a Modern Russian University

Shadrina L.Yu.
Novosibirsk State University of Economics and Management

The article explores the advantages of an omnichannel communication strategy in Russian universities. The main goal is to determine the effectiveness factors of integrating online and offline channels to improve the customer experience and create a positive image of universities. The methods include the analysis of empirical data and the best domestic practices. The mechanisms of interaction with the main audiences are studied: applicants, students, graduates, employers. The study covers 24 leading Russian universities, selected according to the principle of geographical representation. The presented cases show that the omnichannel approach increases brand awareness of universities, improves interaction with users and forms a loyal community. The scientific significance of the work lies in identifying the factors of effective integration of online and offline communication channels in the activities of Russian universities, which contributes to the formation of an integrated concept of an omnichannel strategy. The practical significance of the study is to identify specific principles and tools for the successful implementation of an omnichannel strategy aimed at increasing brand awareness of universities, improving interaction with applicants, students, partners and employers.

Keywords: omnichannel communication strategy of the university, digital platforms, target audiences, Russian educational landscape, personalization of communications, integration of online and offline communications, effectiveness of communication channels

УДК 316.7:330.1
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-331-335

Формирование комфортной городской среды в Санкт-Петербурге: особенности и перспективы развития

Апон М.Е.
Кандидат исторических наук,
доцент кафедры государственного и муниципального управления
Северо-Западного института управления –
РАНХиГС при Президенте РФ (Санкт-Петербург)

Актуальность исследования обусловлена возрастающей потребностью в повышении качества городской среды как ключевого фактора устойчивого развития мегаполисов. В условиях роста урбанизации и повышения требований граждан к комфорту проживания особую значимость приобретают поиск эффективных механизмов благоустройства и учёт специфики крупных городов, к числу которых относится Санкт-Петербург.

Цель исследования – выявить особенности формирования комфортной городской среды в Санкт-Петербурге и определить перспективные направления её развития. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: проанализировать существующую практику городского благоустройства; оценить уровень вовлечённости жителей в процессы принятия решений; выявить ключевые проблемы и барьеры; разработать предложения по совершенствованию механизмов формирования городской среды.

Научная значимость статьи заключается в систематизации факторов, влияющих на качество городской среды в условиях крупного исторического города, а также в разработке концептуальных подходов к её оптимизации с учётом региональной специфики. Практическая ценность исследования состоит в формировании набора рекомендаций для органов местного самоуправления и профильных ведомств, направленных на повышение эффективности программ благоустройства и рост удовлетворённости горожан.

В результате исследования выявлены основные особенности процесса формирования комфортной городской среды в Санкт-Петербурге, включая историко-архитектурную ценность территории и плотность застройки. Определены приоритетные направления развития: расширение инструментов общественного участия, цифровизация процессов согласования проектов, интеграция зелёных технологий. Сделан вывод о необходимости комплексного подхода, сочетающего сохранение культурного наследия с внедрением современных решений в сфере городского благоустройства.

Ключевые слова: *городская среда, благоустройство, качество жизни, урбанистика, Санкт-Петербург, комфортная среда, городское развитие, инфраструктура, общественные пространства*

Для цитирования: *Апон М.Е. Формирование комфортной городской среды в Санкт-Петербурге: особенности и перспективы развития // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 331–335. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-331-335.*

Урбанизация последних десятилетий привела к тому, что города стали играть ключевую роль в современном мире. Городское пространство теперь выполняет не только экономические, промышленные и культурные функции. Города представляют собой сложные системы, главная задача которых – обеспечить социальное благополучие жителей. Поэтому городская среда стала объектом всестороннего анализа и изучения с целью разработки действенных методов улучшения качества жизни и повышения уровня комфорта в городах. Благоприятные условия жизни, такие как развитая инфраструктура, удобные места для работы и отдыха, активная социальная и культурная жизнь, привлекают жителей, особенно молодых и квалифицированных специалистов. Это, в свою очередь, положительно сказывается на общем развитии города.

Сегодня большие города являются основными драйверами социально-экономического роста, привлекая значительные инвестиции. Это, в свою очередь, повышает требования горожан к качеству городской среды.

Создание удобной городской среды направлено на обеспечение удовлетворения личных и общественных нужд всех групп населения, включая лиц с ограниченной мобильностью [1, с. 160].

Эта цель стала основой Федерального проекта «Формирование комфортной городской среды», успешно реализуемого в Санкт-Петербурге: город входит в число лидеров среди регионов по темпам ввода в строй новых инфраструктурных объектов наряду с Москвой.

В ходе реализации проекта «Формирование комфортной городской среды» осуществляется оценка уровня комфорта городских территорий посредством Индекса качества городской среды. Как показано на рисунке 1, оценка пространств города осуществляется по ряду ключевых показателей. Эти показатели объединены в шесть значимых критериев, важных для жителей городов: безопасность, удобство проживания, экологическое благополучие и состояние здоровья, уникальность и многообразие среды, ее современность и актуальность, а также эффективность управленческих решений. Итоговая величина индекса отражает степень удобства конкретной территории для жизни населения.

Рис. 1. Индикаторы оценки комфортности городской среды

Алгоритмы их расчета представлены в Методике формирования индекса качества городской среды, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 марта 2019 г. № 510-р [2]. На основе значений, полученных по 36 индикаторам, рассчитывается совокупный индекс города, который измеряется по шкале от 0 до 360 баллов. Города с индексом в диапазоне от 0 до 180 баллов считаются обладающими неблагоприятной городской средой. Если индекс находится в пределах от 181 до 360 баллов, это указывает на благоприятную городскую среду. Такой подход позволяет сделать расчёт индекса максимально точным, объективным и эффективным.

Таким образом, формирование комфортной городской среды является комплексной задачей, включающей множество факторов. При этом комфортная городская среда чаще рассматривается как обустроенная территория, идеально подходящая для проживания, предоставляющая жителям здоровые, безопасные и удобные условия.

Рассмотрим на примере Санкт-Петербурга процесс и итоги реализации Федерального проекта «Формирование комфортной городской среды».

Санкт-Петербург активно участвует в реализации Федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» с 2017 г. За период участия в программе индекс качества городской среды вырос с исходных 238 баллов и в 2024 г. данный показатель составил 283 балла [3, с. 8]. Полученный результат позволяет говорить о высоком уровне комфортности городской среды.

В 2023 г. 87 % жителей Петербурга оценивали качество городской среды положительно. Такие данные приводит Всероссийский центр изучения общественного мнения на основе проведенного опроса [4]. Качество среды респонденты оценивали по нескольким факторам: финансирования, участия бизнеса, активности самих жителей и другим.

Санкт-Петербург известен своей уникальной архитектурой и культурным наследием. Поэтому при реализации проекта большое внимание уделяется сохранению исторической идентичности города. Все работы проводятся с учетом архитектурных особенностей района, чтобы новые элементы гармонично вписывались в существующую среду. Кроме того, Петербург является крупным туристическим центром, и проекты благоустройства ориентированы не только на местных жителей, но и на гостей города. Это создает дополнительные возможности для развития туризма и привлечения инвестиций.

За последние шесть лет в городе появилось 226 обновлённых общественных пространств, а в 2024 г. их число увеличилось ещё на 57, а также благоустроено порядка 340 дворовых территорий [5]. Следует отметить, что организация 12 пространств осуществлялась в рамках программы «Формирование

комфортной городской среды», тогда как создание 45 пространств – в рамках проекта «Комфортная городская среда Санкт-Петербурга». В число наиболее значимых объектов вошли: Линейный парк и три пляжа в Курортном районе (Дюны, Ласковый, Северный) [6, с. 284]. Общая сумма средств, вложенных в благоустройство в 2024 г., составила 12 млрд руб. Это почти вдвое больше, чем в 2023 г. В 2025 г. в Петербурге собираются обустроить 48 общественных пространств [5]. Одним из крупных объектов, планируемых к благоустройству, является исторический Овсянниковский сад (сад Чернышевского) в центре Санкт-Петербурга. Власти города подчеркивают, что отличительной чертой всех проектов является сочетание исторического наследия и современных трендов.

В Санкт-Петербурге был учреждён Центр компетенций по формированию благоприятной городской среды, выступающий специализированным подразделением, которое занимается оказанием экспертной, методической, проектной и информационно-аналитической поддержки региональному проекту «Формирование благоприятной городской среды» на территории города.

Центр концентрируется на систематизации и эволюции концептуальных подходов к совершенствованию городской среды, а также на интеграции передовых технологий для формирования удобных и привлекательных городских пространств. Кроме того, Центр осуществляет консультативную поддержку в сфере благоустройства, предоставляя доступ к передовым методологиям и практикам улучшения городских пространств через интернет-ресурсы и сопряженные социальные сети [7].

Безусловно, важным фактором реализации проекта стал принцип учета интересов жителей города, заложенный в нормативных документах. Такой подход предусматривает вовлечение жителей в процессы обсуждения, реализации, мониторинга и оценки эффективности проектов благоустройства городских территорий. В 2025 г. возобновлено осуществление инициативы по привлечению активных горожан к формированию комфортной городской среды, которая была приостановлена в 2023–2024 гг. Проект продолжил работу под обновлённым наименованием – «Твой бюджет. Благоустройство. Комфортный Петербург».

Однако, несмотря на значительные усилия и достигнутые успехи, реализация проекта сталкивается с рядом проблем, связанных с особенностями городской инфраструктуры, административными барьерами, недостаточным финансированием и невысоким уровнем вовлеченности жителей.

С апреля по июнь 2025 г. в рамках федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» прошло Всероссийское онлайн-голосование за новые объекты благоустройства. В нём участвовали почти 624 тыс. жителей Санкт-Петербурга – это лишь 1,5 % от взрослого населения города [8]. Согласно официальному отчёту Минстроя России [9], Санкт-Петербург традиционно не вошёл в число городов с наиболее активной позицией жителей по вопросам создания комфортной городской среды. Это указывает на необходимость повышения уровня вовлечённости петербуржцев – в частности, за счёт внедрения новых механизмов обратной связи.

Основным фактором, препятствующим организации комфортного пространства проживания, является ограниченность муниципальных и региональных бюджетов [1, с. 163]. Показательным примером является утвержденная на 2025 г. программа «Петербургские дворы»: на благоустройство и озеленение придомовых территорий выделено 1,5 млрд руб. [10]. К сожалению, из 26 муниципалитетов, победивших в конкурсе 2024 г., шесть не попали в итоговый список получателей субсидий. Причины исключения не уточняются, но ситуация вызвала вопросы у жителей оставшихся без финансирования округов. Это Нарвский округ, Дачное, Коломна, Гавань, Красное Село и Сампсониевское.

В 2024 г. городские власти Санкт-Петербурга выделили из бюджета 9 млрд руб. на улучшение условий городской среды. Финансирование региональной программы «Формирование комфортной городской среды» в 2026 г. сохранится на уровне 2025 г. и составит 7 млрд руб. [11].

Анализ проблем повышения уровня комфорта в урбанистической среде привёл к формулированию нескольких предварительных рекомендаций, которые включают оптимизацию управления производственными процессами через усиление организационно-технической подготовки, а также совершенствование механического оснащения и повышение профессиональной компетентности работников.

В целях создания благоприятных условий в городской агломерации исследователи предлагают оптимизировать процесс организационно-технологической подготовки для выполнения строительных и озеленительных мероприятий, а также работ по благоустройству территории [12]. Для осуществления этой задачи требуется разработка проектной документации, охватывающей все технологические аспекты, а также обучение инженерно-технического состава методам гибкого управления процессами в условиях изменяющихся сценариев на месте выполнения работ.

Однако в настоящее время отсутствует методологический подход, способный обеспечить системную организационно-технологическую подготовку для выполнения работ на объектах озеленения и благоустройства. Это связано с широкой вариативностью форм, масштабов и применяемых технологий, требующих разработки модели, алгоритма и программ-

ного обеспечения оптимизационных расчетов. В данной ситуации возможно создание или выбор технологически целесообразного сценария, а также определение оптимального числа и типоразмеров механизированных средств и состава бригады рабочих.

Интеграция молодежи в процессы формирования городской среды постепенно превращается в ключевой показатель общественного благополучия граждан. Особенно это заметно в сферах, связанных с проектированием и улучшением экологических пространств. Лидерская инициатива и активное участие на первоначальном этапе, наряду с высокими цифровыми навыками, критичны для переноса социальных взаимодействий в виртуальное измерение, что, в свою очередь, способствует формированию уважительного отношения молодежи к их урбанизированной среде. Важность такого сотрудничества для дальнейшего прогресса как самих городов, так и их жителей, трудно переоценить.

Для формирования комфортной городской среды в Санкт-Петербурге требуется учитывать несколько ключевых факторов. Во-первых, следует увеличить доступность и улучшить качество общественного транспорта, обеспечивая тем самым быстрый, удобный и безопасный путь для горожан. Во-вторых, необходимо усовершенствовать процессы и разработки, обеспечивающие всеобщий доступ к современным информационно-коммуникационным технологиям, включая интернет и социальные медиа. В-третьих, требуется адаптировать городскую среду под потребности людей разных возрастов. Наконец, для обогащения культурной жизни необходимо расширять и улучшать общественные досуговые пространства, а также оказывать поддержку и стимулировать местных жителей, активно развивающих городскую культуру.

Ключевые приоритеты в процессах организации благоприятных условий проживания в Санкт-Петербурге следует определять как улучшение городского микроклимата, сокращение степени воздушной контаминации, а также охрану зелёных насаждений и активных зон отдыха. Помимо этого, важно усовершенствовать городскую инфраструктуру, охватывающую такие компоненты, как транспортная система, обеспечение безопасности и эстетическое облагораживание территории. Внедрение данных мер повысит общую эффективность системного функционирования, что, в свою очередь, позволит формировать более устойчивую, привлекательную и безопасную городскую среду.

Литература:

1. Брянцева И.В., Попова Л.И. О факторах формирования комфортной среды проживания // Ученые заметки ОТГУ. 2025. Т. 16. № 1. С. 159–164.
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23.03.2019 г. № 510-р «Об утверждении Методики формирования индекса качества городской среды» (в ред. от 20.09.2023). URL: http://government.ru/docs/all/121155/ (дата обращения: 20.11.2025).
3. Индекс качества городской среды. 2024: приложение / Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации. М., 2024. 59 с. URL: https://www.minstroyrf.gov.ru/upload/iblock/9e3/mqlpyrcgs8ns25pezegjsez0es44lsm5/250331_INDEX_A4.pdf (дата обращения: 20.11.2025).
4. Петербург занял лидирующие позиции в опросе о качестве городской среды. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6123203 (дата обращения: 09.11.2025).
5. В Петербурге создадут более 40 новых общественных пространств в 2025 г. URL: https://www.dp.ru/a/2025/01/11/v-peterburge-sozdadut-bolee (дата обращения: 04.11.2025).
6. Донская О.Ю., Печерица Е.В. Ревитализация Санкт-Петербурга как фактор развития комфортной городской среды // Современные проблемы земельно-имущественных отношений, урбанизации территории и формирования комфортной городской среды: Сб. докладов Межд. науч.-практ. конф., Тюмень, 06 декабря 2024 г. Тюмень: Тюменский индустриальный ун-тет, 2025. С. 283–289.
7. Центр компетенций по вопросам формирования комфортной городской среды. URL: https://www.gov.spb.ru/ (дата обращения: 27.10.2025).
8. Александр Беглов: Новосибирский сквер в Приморском районе набрал наибольшее число голосов петербуржцев во Всероссийском онлайн-голосовании по выбору объектов благоустройства. URL: https://www.gov.spb.ru/ (дата обращения: 27.10.2025).
9. В V Всероссийском онлайн-голосовании за объекты благоустройства собрано более 16,5 млн голосов. URL: https://www.minstroyrf.gov.ru/ (дата обращения: 20.11.2025).
10. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 17.01.2025 г. № 13 «О распределении субсидий бюджетам внутригородских муниципальных образований города федерального значения Санкт-Петербурга на организацию благоустройства территории внутригородского муниципального образования города федерального значения Санкт-Петербурга и на осуществление работ в сфере озеленения на территории внутригородского муниципального образования города федерального значения Санкт-Петербурга в рамках реализации мероприятий муниципальных

программ, направленных на достижение целей государственной программы Санкт-Петербурга «Благоустройство и охрана окружающей среды в Санкт-Петербурге» по программе «Петербургские дворы», на 2025 год» // СПС Консультант.
11. Смольный направит на создание комфортной городской среды 23 млрд руб. за три года. URL: https://spb.vedomosti.ru/economics/news/2024/06/03/1041258-smolnii-napravit-na-sozdanie-komfortnoi-gorodskoi-sredi-23-mlrd-rub-za-tri-goda (дата обращения: 16.10.2025).
12. Трунова Н. Отчет о промежуточных результатах контрольного мероприятия «Проверка целевого и результативного использования межбюджетных трансфертов из федерального бюджета, направленных в 2019–2022 годах и истекшем периоде 2023 года на реализацию мероприятий федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» национального проекта «Жильё и городская среда», в Республике Башкортостан и Тверской области // Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2024. № 6 (320). URL: http://ivo.garant.ru/#/document/482306458 (дата обращения: 30.11.2025).

Formation of a Comfortable Urban Environment in St. Petersburg: Features and Development Prospects

Apon M.E.
North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (St. Petersburg)

The relevance of this study stems from the growing need to improve the quality of the urban environment as a key factor in the sustainable development of megacities. With increasing urbanization and increasing citizen expectations for comfortable living, the search for effective improvement mechanisms and consideration of the specific characteristics of large cities, including St. Petersburg, is particularly important.

The aim of the study is to identify the specific features of creating a comfortable urban environment in St. Petersburg and identify promising areas for its development. To achieve this goal, the following objectives were set: analyze existing urban improvement practices; assess the level of resident involvement in decision-making processes; identify key problems and barriers; and develop proposals for improving mechanisms for creating an urban environment.

The scientific significance of this article lies in its systematization of the factors influencing the quality of the urban environment in a large historical city, as well as in the development of conceptual approaches to its optimization, taking into account regional specifics. The practical value of the study lies in the development of a set of recommendations for local governments and relevant agencies aimed at improving the effectiveness of improvement programs and increasing citizen satisfaction. The study identified key features of the process of creating a comfortable urban environment in St. Petersburg, including the historical and architectural value of the territory and development density. Priority development areas were identified: expanding public participation tools, digitalizing project approval processes, and integrating green technologies. A conclusion was reached regarding the need for a comprehensive approach combining the preservation of cultural heritage with the implementation of modern urban improvement solutions.

Key words: urban environment, improvement, quality of life, urban studies, St. Petersburg, comfortable environment, urban development, infrastructure, public spaces

УДК 323
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-336-344

Стратегия государственного управления при работе с молодежью в Российской Федерации: региональный аспект

Бачуринская И.А.
Доктор экономических наук, доцент,
профессор кафедры государственного и территориального управления
Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Черных А.Е.
Аспират института подготовки и аттестации научно-педагогических кадров Санкт-Петербургского государственного экономического университета

В статье анализируются особенности региональной государственной молодежной политики в Российской Федерации на примере Санкт-Петербурга, рассматриваются региональные проекты, структура органов и учреждений по делам молодежи, результаты их деятельности, приводятся лучшие практики работы с молодежью в Санкт-Петербурге. Представлен SWOT-анализ состояния эффективности государственного управления в области реализации молодежной политики на региональном уровне, на базе которого сформулированы предложения по реализации Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации. Актуальность и новизна исследования состоят в анализе региональной государственной молодежной политики через призму новой Стратегии и национального проекта «Молодежь и дети», которые утверждены в 2024 г. Авторами сформулированы выводы о возможностях, выявленных в ходе анализа сильных и слабых сторон реализации государственной молодежной политики в Санкт-Петербурге, а также даны рекомендации относительно угроз, с которыми может столкнуться система органов и учреждений по делам молодежи. На основании проведенного анализа сформулированы тезисы о возможных направлениях развития молодежной политики в Санкт-Петербурге: усиление направления деятельности по поддержке молодых семей, популяризация профессии специалиста по делам молодежи, применение бережливых технологий и внедрение искусственного интеллекта при организации работы с молодежью, развитие сети учреждений. В заключении подчеркивается важность синергии учета мнения молодежи, специалистов негосударственного сектора и возможностей управленческого аппарата исполнительных органов государственной власти и подведомственных ей учреждений по делам молодежи при принятии управленческих решений в области молодежной политики.

Ключевые слова: *государственное управление, государственная молодежная политика, молодежь и дети, учреждения по делам молодежи*

Для цитирования: *Бачуринская И.А., Черных А.Е. Стратегия государственного управления при работе с молодежью в Российской Федерации: региональный аспект // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 336–344. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-336-344.*

Молодежь – это та часть общества, которая определяет, каким государство будет завтра, поэтому стратегия государственного управления при работе с молодежью выполняет важную функцию по обеспечению суверенитета государства и его безопасности. Воспитание и развитие молодежи имеет колоссальную значимость в вопросах реализации государственной национальной политики. Молодежь как социально-демографическая группа, наиболее восприимчивая как к положительным, так и отрицательным изменениям социально-экономических показателей и выступающая главным репродуктивным и трудовым потенциалом, несомненно, является одним из первостепенных направлений для государства [1]. Забота о молодежи, содействие в ее становлении, социализации и воспитании, передаче знаний, опыта и духовных ценностей от старшего поколения к младшему крайне важна, в том числе для обеспечения национальной безопасности государства [2].

Путь развития нормативной правовой базы по делам молодежи занял более 30 лет после распада Советского Союза и продолжается до сих пор. В настоящее время, после вступления в силу Федерального закона от 30.12.2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» (далее – Закон № 489-ФЗ) [3], ведется работа по разработке нормативной правовой базы, стратегических планов и программ в субъектах Российской Федерации [4]. По поручению Президента Российской Федерации Правительством Российской Федерации совместно с комиссией Государственного Совета Российской Федерации по направлению «Молодежная политика» разработана и утверждена «Стратегия реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года» (далее – Стратегия) [5], которая продолжает «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [6]. Актуальность исследования состоит в том, что Стратегия как национальный проект является новым, малоизученным научным сообществом документом. Региональное законодательство также находится в стадии приведения нормативной правовой базы в соответствии с федеральным законодательством. Кроме того, Стратегией впервые категорируется молодежь по возрастным группам, для каждой из которых определены особенности и потребности при учете специфики отдельных социальных групп: молодые ученые, сельская молодежь, молодежь с ограниченными возможностями здоровья, молодые семьи, молодые люди, прошедшие военную службу; особое внимание уделяется лицам, принявшим участие в специальной военной операции. При учете специфики административно-территориального деления и региональных особенностей субъектов нашего государства, степени развитости структуры учреждений по делам молодежи и их финансирования, реализация государственной молодежной политики уникальна в каждом регионе. Целью исследования в контексте актуальности обозначенной темы является изучение реализации Стратегии на региональном уровне на примере Санкт-Петербурга. Задачами исследования являются:

– рассмотрение структуры органов и учреждений по делам молодежи в определенном субъекте,

– изучение реализуемых проектов и лучших практик в сфере молодежной политики,

– выявление с помощью SWOT-анализа слабых сторон и возможных угроз, которые требуют особого внимания при принятии управленческих решений в сфере работы с молодежью.

В Санкт-Петербурге исполнительным органом государственной власти, отвечающим за работу с молодежью, является Комитет по молодежной политике и взаимодействию с общественными организациями (далее – Комитет). Для реализации целей и задач Закона № 489-ФЗ в Санкт-Петербурге существует сеть государственных учреждений, подведомственных Комитету, состоящая из 31 объекта городского и районного уровней. Учреждения городского уровня – это Молодежное пространство «Просто», которое является платформой для лекций и мастер-классов, групповой и индивидуальной работы; СПБ ГБУ «Центр патриотического воспитания молодежи «Дзержинец», который ведет работу с поисковыми отрядами, занимающимися восстановлением и увековечением памяти погибшим при защите Отечества, а также организует политику в области гражданско-патриотического воспитания, в том числе методическое сопровождение специалистов данной области, и проведение занятий военно-прикладного и спортивно-технического видов спорта; СПБ ГБУ «Дом молодежи Санкт-Петербурга», ориентированный на проведение массовых мероприятий и организацию повышения квалификации специалистов по делам молодежи; СПБ ГБУ «Центр поддержки молодежных инициатив «Вектор», проводящий профориентационную работу с молодежью, СПБ ГБУ «Городской центр социальных программ профилактики асоциальных явлений среди молодежи «КОНТАКТ» (далее – Центр «КОНТАКТ»), который реализует программы по профилактике асоциальных явлений и работает с молодежью, находящейся в «группе риска». На районном уровне государственную молодежную политику осуществляют 8 домов молодежи и 18 подростко-

во-молодежных центров (далее – ПМЦ), включающие в себя подростково-молодежные клубы (далее – ПМК). Кроме того, Законом № 489-ФЗ установлено, что молодежь также участвует в реализации молодежной политики посредством членства в совещательных органах, созданных при органах государственной власти субъектов. Например, в Санкт-Петербурге при районных администрациях с целью выработки предложений по вопросам реализации молодежной политики существуют Советы молодежи, которые состоят из представителей учащихся и работающих молодых людей. [7]. С целью приведения регионального законодательства в соответствии с федеральным, депутатами Законодательного Собрания Санкт-Петербурга подготовлен законопроект о наделении правом правительства города по установлению порядка участия молодежи в консультативных и совещательных органах [8].

Структура государственных органов и подведомственных учреждений по делам молодежи представлена на рисунке 1.

К системным проектам Комитета относятся организация досуговой деятельности, развитие волонтерского направления и работа в рамках акции взаимопомощи «МЫВМЕСТЕ», поддержка некоммерческих организаций посредством выделения субсидий, поддержка молодежных движений и выстраивание экосистемы сообществ молодежи, работа с кадровым потенциалом, сотрудничество с другими регионами и зарубежными представителями, развитие сети молодежных пространств. В соответствии с Законом Санкт-Петербурга «О реализации молодежной политики в Санкт-Петербурге» [10] учреждения оказывают услуги по организации досуговой деятельности детей, подростков и молодежи в виде кружков и секций, а также культурно-досуговых, спортивно-массовых и иных видах мероприятий для социально-демографической группы граждан в возрасте от 14 до 35 лет (включительно). Для достижения целей национального проекта «Молодежь и дети» Комитетом по молодежной политике и взаимодействия с общественными организациями осуществляется два региональных проекта. Источником финансирования проектов является бюджет Санкт-Петербурга и федеральный бюджет, сроки реализации с 01.01.2025 г. по 31.12.2030 г. Рассмотрим каждый проект детально.

Целью регионального проекта «Россия – страна возможностей (город федерального значения Санкт-Петербург)» является создание равных возможностей для самореализации детей и молодежи, что сопоставимо с Государственной программой «Создание условий для обеспечения общественного согласия в Санкт-Петербурге». Показатели проекта представлены на рисунке 2.

Показатели регионального проекта следующие: доля молодых людей, вовлеченных в мероприятия, направленные на профессиональное развитие, к 2030 г. должна достичь 75 % от базового значения 2023 г. в 0 % (к концу 2025 г. промежуточный результат должен составлять 19,56 %); охват молодежи мероприятиями, проводимыми на базе инфраструктуры молодежной политики, к 2030 г. должен достичь 42 % (к концу 2025 г. – 31,85 %). Среди проведенных мероприятий можно отметить следующие: организация и проведение образовательных заездов для молодых деятелей культуры и искусств «Таврида» в составе арт-кластера «Таврида»; создание законодательной основы для развития молодежного, в том числе школьного и студенческого инициативного бюджетирования.

Целью регионального проекта «Мы вместе (Воспитание гармонично развитой личности)» является продвижение среди детей и молодежи традиционных духовно-нравственных ценностей, что также сопоставимо с Государственной программой «Создание условий для обеспечения общественного согласия в Санкт-Петербурге». Показатели рассматриваемого проекта представлены на рисунке 3.

Задача проекта состоит в создании к 2030 г. условий для воспитания гармонично развитой, патри-

Рис. 1. Структура государственных органов и учреждений по делам молодежи в Санкт-Петербурге

Источник: составлено авторами на основе [9].

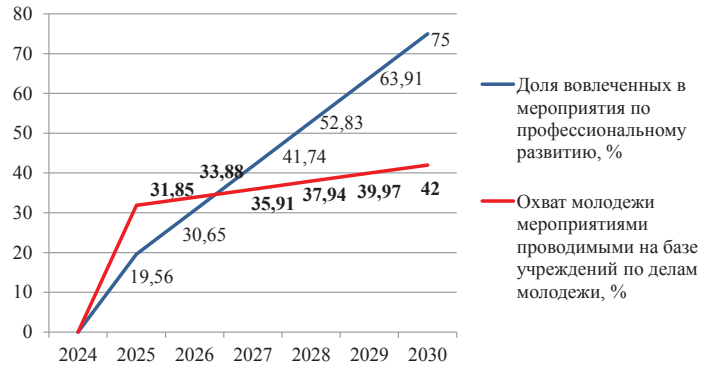

Рис. 2. Планируемые показатели регионального проекта «Россия – страна возможностей (город федерального значения Санкт-Петербург)»

Составлено авторами на основе [11].

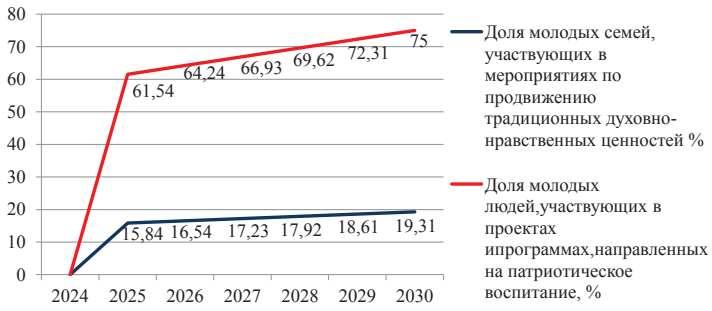

Рис. 3. Планируемые показатели регионального проекта Мы вместе (Воспитание гармонично развитой личности)»

Составлено авторами на основе [12].

отичной и социально ответственной личности на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей. Для оценки достижения поставленной задачи определены следующие показатели:

– доля молодых семей, в том числе молодых семей имеющих детей, участвующих в мероприятиях по продвижению традиционных духовно-нравственных ценностей, в том числе в проектах и программах, направленных на патриотическое воспитание, в добровольческую и общественную деятельность, к 2030 г. должна составить 19,31 % от базового значения 0 % (к концу 2025 г. промежуточный результат – 15,84 %);

– доля молодых людей, участвующих в проектах и программах, направленных на патриотическое воспитание, к 2030 г. должна составить 54,2 % (к концу 2025 г. промежуточный результат – 61,54 %).

С целью достижения указанных показателей определены следующие необходимые действия: проведение мероприятий, направленных на увеличение численности детей и молодежи в возрасте до 35 лет, вовлеченных в социально-активную деятельность через патриотические проекты; проведение информационной и рекламной кампаний; реализация практики поддержки добровольчества (волонтерства) по итогам проведения ежегодного конкурса по предоставлению субсидии субъектам Российской Федерации на реализацию практик поддержки и развития добровольчества (волонтерства) «Регион добрых дел».

С целью систематизации информации и проведения анализа состояния реализации государственной молодежной политики в Санкт-Петербурге используем метод SWOT-анализа (табл. 1), источником данных для которого послужили нормативные правовые акты Санкт-Петербурга в рассматриваемой области, документы и информационные материалы уч-

Таблица 1

SWOT-анализ состояния эффективности государственного управления в области реализации молодежной политики на региональном уровне на примере Санкт-Петербурга

Сильные стороны	Слабые стороны
1. Широкий спектр возможностей по организации досуга, обучения, профориентации молодежи. 2. Наличие системы молодежных инициатив и поощрение талантливой молодежи. 3. Поддержка СО НКО. 4. Международное и межрегиональное сотрудничество. 5. Развитие и поддержка молодежных объединений и организаций. 6. Привлечение молодежи к участью в федеральных акциях. 7. Развитие добровольчества и волонтерства. 8. Привлечение молодежи к участию в политических процессах и деятельности органов государственно власти.	1. Сокращение численности молодежи в Санкт-Петербурге. 2. Слабо развита сеть высшего образования, профессиональной переподготовки и повышения квалификации по подготовке кадров по делам молодежи внутри региона. 3. Недостаточное количество рекламы и информационных объявлений в непрофильных организациях. 4. Отсутствие точной системы подсчета охватов участников мероприятий.
Возможности	**Угрозы**
1. Расширение сети учреждений по делам молодежи и популяризация их деятельности. 2. Популяризация профессии специалиста по делам молодежи. 3. Внедрение бережливых технологий и искусственного интеллекта в деятельность органов государственной власти и подведомственных учреждений. 4. Открытость органов и учреждений по делам молодежи и удобство коммуникаций.	1. Влияние на сознание молодежи и попытки дестабилизации общества разрушением традиционных ценностей. 2. Продолжение оттока молодого населения в связи с изменениями социально-экономических показателей.

реждений по делам молодежи, статистические данные, ресурсы сети Интернет и социальных сетей.

Рассмотрим каждый из тезисов SWOT-анализа детально.

Сильные стороны и возможности

В Санкт-Петербурге в шаговой доступности располагаются 349 ПМК и 8 районных домов молодежи, которые позволяют реализовывать потенциал молодежи в рамках 5000 кружков и секций по различным направлениям. Учреждения работают по удобному графику, что позволяет организовать деятельность молодежи во внеучебное и внерабочее время. В рамках государственной молодежной политики оказываются услуги дополнительного образования для детей и молодежи по различным направлениям деятельности (естественно-научное, социально-педагогическое, техническое, гражданско-патриотическое, физкультурно-спортивное и др.). Такие услуги предоставляют дошкольные, общеобразовательные учреждения, учреждения дополнительного образования, физической культуры и спорта, культуры, социальной защиты населения.

Для повышения доступности дополнительного образования открываются его отделения на базе общеобразовательных учреждений. В рамках программы «Развитие образования» действует портал «Навигатор дополнительного образования», который помогает: выбрать программу дополнительного образования с учетом возраста, потребностей и интересов; учитывать состояние здоровья; находить ближайшие учреждения к месту жительства или к определенной точке (например, станции метро). Подключение учреждений дополнительного образования к «Навигатору» повышает доступность клубных формирований для молодежи.

Примерами поддержки инициатив служит ежегодная премия Правительства Санкт-Петербурга по 14 номинациям, а также премия для лучших молодёжных проектов. Кроме того, учреждения по делам молодёжи и образовательные организации активно содействуют молодым людям в участии в конкурсах, организуемых Федеральным агентством по делам молодёжи.

Социально ориентированные некоммерческие организации (СО НКО) также получают поддержку от городских властей. В 2024 г. субсидии и гранты были предоставлены 103 проектам на сумму более 160 млн руб. Для обмена опытом и представления Санкт-Петербурга на федеральном уровне регулярно организуются делегации на форумы и другие молодёжные мероприятия, включая арт-кластер «Таврида». В рамках международного и межрегионального сотрудничества Санкт-Петербург поддерживает взаимодействие с более чем 30 странами и реализует проект «Международные молодёжные смены», направленный на укрепление двустороннего сотрудничества. Молодёжь Санкт-Петербурга активно участвует в различных акциях федерального уровня и вовлечена в добровольческую деятельность. Например, общероссийская акция «МЫВМЕСТЕ» по поддержке военнослужащих и их семей объединила более 500 тыс. граждан.

На базе государственных учреждений функционирует более 800 отделений Общероссийского общественно-государственного движения детей и молодёжи «Движение первых», которое объединяет более 229 тыс. молодых людей. Цель движения – развитие молодёжного общества и воспитание молодого поколения в соответствии с традиционными ценностями.

Санкт-Петербург активно работает со студенческим сообществом и Советом работающей молодёжи, развивает новые объединения, такие как поисковое движение. Для формирования актуального плана реализации государственной молодёжной политики молодые граждане Санкт-Петербурга могут продвигать свои инициативы через Молодёжный парламент при Законодательном Собрании Санкт-Петербурга.

В связи с активной застройкой новых жилых кварталов возникает необходимость размещения объектов социальной инфраструктуры, включая учреждения по делам молодёжи. Планируется расширение сети Молодёжных пространств «Просто», которые на данный момент представлены только в 7 из 18 районов города, к 2027 г.

Важным аспектом является привлечение новых воспитанников в учреждения по делам молодёжи, что невозможно без проведения информационных кампаний. Повышение осведомлённости молодёжи о профильных учреждениях, не входящих в общеобразовательную сеть, может быть достигнуто путём размещения информации в объектах социальной инфраструктуры (станции метро, торговые центры и другие места массового скопления людей).

В рамках Соглашения о сотрудничестве между Правительством Санкт-Петербурга и Государственной корпорацией «Росатом» [13] реализуется проект «Эффективный регион», направленный на внедрение технологий бережливого производства в деятельность исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга и подведомственных им учреждений. Комитетом активно ведётся работа по данному направлению. Например, в рамках проекта «Оптимизация процесса адаптации новых работников к профильному рабочему процессу в структурных подразделениях Центра «КОНТАКТ» удалось повысить производительность и оптимизировать рабочее время сотрудников за счёт улучшения системы интеграции новых работников и повышения уровня их удовлетворённости рабочей средой. Проект «Оптимизация процесса организации индивидуальных консультаций по выбору профессии в СПб ГБУ «ВЕКТОР» позволил внедрить

онлайн-запись на индивидуальные консультации в любое удобное время с функцией напоминания о предстоящем событии. Успешные кейсы проекта «Эффективный регион» могут быть использованы другими учреждениями и органами как в рамках рассматриваемого субъекта, так и за его пределами.

Кроме того, особую значимость приобретает внедрение искусственного интеллекта (далее – ИИ) в решении социально-экономических, политических и образовательных задач [14]. ИИ в государственном управлении при работе с молодежью может быть применён для автоматизации существующих процессов, в первую очередь рутинных и повторяющихся. Применение чат-ботов, автоматизации работы с данными, интеграция в различные системы мониторинга процессов, в которых участвует молодежь, является будущим в сфере молодежной политики. А обучение в сфере ИИ набирает популярность, и учреждениями по делам молодежи ведется планомерная работа в данной области: семинары, лекции, хакатоны и др.

Сильной стороной и возможностью для улучшений также является открытость органов и учреждений по делам молодежи и удобство коммуникаций: на официальных сайтах и официальных страницах в социальных сетях у каждого есть возможность дать обратную связь в онлайн-формате, а заявки на участие в проектах сопровождаются помощью наставников. Это свидетельствует о заинтересованности органов государственной власти мнением молодежи и показывает готовность к конструктивному диалогу и генерации новых совместных решений.

Слабые стороны и угрозы

В эпоху гибридных войн и информационного противостояния обеспечение национальной безопасности и работа с молодежью по этому направлению играет решающую роль в сохранении суверенитета государства. Этика и семейные ценности вытесняются процессами глобализации и подменяются понятиями потребления, личного комфорта. Ориентация на европейский образ жизни может оказывать негативное влияние на самоидентификацию и самобытность, которые воплощаются в национальной политике. С. Хантингтон описывает российское общество как православную цивилизацию традиционного типа, которая противостоит западно-европейской цивилизации, нацеленной на экономический рост и накопление материальных благ [15]. В то же время Т.К. Ростовская рассматривает опыт реализации государственной молодежной политики международного уровня в контексте новых геополитических реалий и выделяет позитивный опыт привлечения различных молодежных общественных объединений и некоммерческих организаций при принятии управленческих решений [16]. Стоит отметить, что сохранение и популяризация традиционных ценностей не должны сопоставляться с отсутствием развития в обществе. Поправки в Конституцию Российской Федерации закрепили традиционные ценности в качестве базовых для российского общества [17], а Указом Президента Российской Федерации защита традиционных ценностей вошла в качестве целей в Стратегию национальной безопасности нашего государства [18]. Поэтому традиционные ценности должны быть встроены в систему координат современной российской молодежи [19]. Иной вопрос заключается в том, какими методами и инструментами следует руководствоваться при воспитании молодежи. Невозможно сформировать патриотичное мировоззрение и понимание традиционных ценностей у молодёжи без системного включения этих аспектов во все процессы молодёжной политики. Это ещё раз доказывает необходимость отказа от формального подхода в работе с молодым поколением. Поэтому так важно, чтобы и специалисты, работающие с молодежью, не «для галочки», а на своем примере обладали знаниями и разделяли мнение о важности традиционных ценностей. С этой целью необходимо проводить обучающие мероприятия в виде лекций и тренингов и «разговоров о важном» со специалистами по работе с молодежью.

Только с 2014 г. «Основами государственной молодежной политики» закреплено понятие специалиста по работе с молодежью. Обучение по профилям «организация работы с молодежью», «технологии реализации молодежной политики» и иным направлениям осуществляется в 50 учебных заведениях. Комитетом ведется работа по подготовке кадров в рассматриваемой сфере посредством обучающей программы «Время профессионалов», которую в 2024 г. освоило 400 специалистов, также на базе Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена открыта кафедра магистратуры по специальности «Специалист по работе с молодежью», где 30 чел. получают степень магистра. Кроме того, на городском уровне коллегия директоров учреждений по делам молодежи осуществляет свою деятельность по обмену опытом и изучению лучших практик, а также проводятся различные мероприятия для специалистов по развитию компетенций. Тем не менее в связи с планами по расширению сети учреждений по делам молодежи требуется постоянное пополнение кадрового резерва, повышение статуса таких специалистов, привлечение студентов на практику и в целом популяризация указанной профессии.

В рамках региональных проектов показателями эффективности служат охваты участников мероприятий. При анализе социальных сетей и официальных сайтов Комитета и учреждений по делам молодежи были проанализированы анонсы мероприятий. У некоторых мероприятий существуют простые формы регистрации с указанием личных

данных, а также если мероприятие проводится для воспитанников учреждений, обучающихся или студентов, то известно точное количество участников. В то же время некоторые мероприятия формата «свободного входа», рассчитанные на неограниченный круг лиц, не предполагают четкой регистрации, например, фестивали, проводимые в парках или на других открытых площадках. Отсутствие систем регистрации не позволяет определить точное количество людей и охват граждан от общего числа населения, принявших участие в мероприятиях с регистрацией, так как обмен регистрационной информацией невозможен. В связи с этим необходимо уделить внимание вопросу точного расчета охватов проводимых мероприятий.

Санкт-Петербург является вторым по количеству населения мегаполисом страны с высокими социально-экономическими показателями, тем не менее наблюдается сокращение численности молодежи. Необходимо отметить, что с 2020 г. со вступления в силу Закона № 489-ФЗ возраст молодежи увеличен с 30 до 35 лет. Если в 2018 г. численность молодежи составляла 1 664 624 чел. (30,3 % от общей численности населения), то в 2023 г. – 1 442 154 чел. (25,8 %). Фактор сокращения численности молодежи связан с демографическим кризисом 1990-х гг., так как наибольшее сокращение наблюдается в группе от 25 до 31 года включительно – на 35 % [20]. С целью повышения рассматриваемого показателя необходимо усилить демографическую политику, работать с молодыми семьями и провести информационную кампанию по имеющимся мерам поддержки со стороны государства для молодежи.

Вопрос эффективности принимаемых мер в рассматриваемой сфере должен соответствовать потребностям молодежи при учете ее субъективного мнения, а также с учетом экспертной оценки негосударственных специалистов [21].

Таким образом, исходя из SWOT-анализа, сформируем таблицу 2, включающую предложения, применимые к реализации Стратегии в Санкт-Петербурге.

Сегодня в любом современном государстве молодежь является стратегически важной социальной группой, от которой зависит формирование и накопление человеческого капитала и будущее общества в целом [22]. Российская Федерация – это мощное суверенное государство, обладающее огромными ресурсами для развития детей и молодежи. Самореализация при разделении традиционных ценностей, чувство патриотизма и ответственности, стремление к обеспечению конкурентоспособности государства, инициативность – цели Стратегии реализации молодежной политики. Существующая инфраструктура молодежной политики обеспечивает открытость и равный доступ к мерам государственной поддержки.

На примере Санкт-Петербурга рассмотрена реализация государственной молодежной политики. Результатами исследования являются:

– выявление факта недостаточного информирования об имеющихся возможностях молодежной политики.

– определение точек роста для рассматриваемой сферы: расширение сети учреждений по делам молодежи, усиление работы по конкретным направлениям, популяризация профессии специалиста по делам молодежи.

Важно понимать, что активное участие молодежи в управленческих процессах может привести к качественным изменениям при реализации государственной молодежной политики. Поэтому молодому поколению важно не только в пассивной форме участвовать в организуемых молодежных мероприятиях, но и делиться своими впечатлениями и предложениями по улучшению. Синергия усилий государства, представителей негосударственного сектора и молодежи – это главный компонент построения будущего для государства, поэтому пути дальнейшего исследования в рамках рассматриваемой темы состоят в изучении уже существующих механизмов и инструментов при работе с молодежью для дальнейшей выработки рекомендаций по повышению их эффективности и предложений по

Таблица 2

Предложения по реализации Стратегии в Санкт-Петербурге

Преобразование слабых сторон в возможности	Преобразование угроз в сильные стороны
1. Повышение имиджа Санкт-Петербурга среди иногородней молодежи посредством популяризации информации об имеющихся возможностях региона, привлечение молодых специалистов, представление льгот абитуриентам. 2. Развитие образовательной сети путем внедрения новых профильных образовательных программ и привлечение абитуриентов 3. Проведение информационной кампании в негосударственных организациях и в объектах социальной инфраструктуры. 4. Модернизация системы подсчета охватов участников мероприятий (обмен списками, регистрация через qr-коды непосредственно на мероприятиях).	1. Работа по формирования суверенитета сознания молодежи и популяризация традиционных ценностей через организацию патриотических и иных мероприятий, проводимых в нативной форме, понятной и приемлемой для молодежи. 2. Создание научных кластеров на базе образовательных учреждений и дальнейшее содействие в трудоустройстве, в том числе по новым актуальным профессиям. 3. Повышение осведомленности молодежи о имеющихся мерах поддержки, в том числе для молодых семей.

Составлено авторами.

совершенствованию системы государственного управления в вопросах реализации молодежной политики.

Литература:

1. Иванов Р.В. Региональная молодежная политика: экспертный анализ // Социология. 2021. № 1. С. 93–103.
2. Ковалев А.А. Разрушение базовых традиционных ценностей как угроза для национального менталитета // Социально-политические исследования. 2022. № 3 (16). С. 33–46. http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022- 3-16-33-46.
3. Федеральный закон от 30.12.2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
4. Boris O., Parakhina V., Nikulina A. The Effectiveness of Youth Policy in Russian Regions: Problems and Solutions in the Context of Digitalization // International Transaction Journal of Engineering, Management,& Applied Sciences & Technologies. 2022. № 13(10). P. 1–10.
5. Распоряжение Правительства РФ от 17.08.2024 г. № 2233-р «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС КонсультантПлюс.
6. Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 г. № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС КонсультантПлюс.
7. Отчет Комитета по молодежной политике и взаимодействию с общественными организациями за 2024 год // Администрация Санкт-Петербурга. Официальный сайт. URL: https://www.gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2025/01/24/22/Отчет_за_2024_год.pdf (дата обращения: 06.08.2025).
8. Закон Санкт-Петербурга О внесении изменения в статью 3 Закона Санкт-Петербурга «О реализации молодежной политики в Санкт-Петербурге» // Законодательное Собрание Санкт-Петербурга. URL: https://www.assembly.spb.ru/search/document/777365828/ (дата обращения: 02.09.2025).
9. Администрация Санкт-Петербурга. Официальный сайт. URL: https://www.gov.spb.ru (дата обращения: 11.08.2025).
10. Закон Санкт-Петербурга от 27.06.2013 г. № 425-62 «О реализации государственной молодежной политики в Санкт-Петербурге» (принят ЗС СПб 26.06.2013) // СПС КонсультантПлюс.
11. Паспорт регионального проекта «Россия – страна возможностей (город федерального значения Санкт-Петербург)». URL: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/kpmp/nacionalnyj-proekt-molodezh-i-deti/regionalnyj-proekt-rossiya-strana-vozmozhnostej-gorod-federalnogo-znac/ (дата обращения: 11.08.2025).
12. Паспорт регионального проекта «Мы вместе (Воспитание гармонично развитой личности)». URL: https://www.gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2025/02/24/19/Паспорт_000006413_Ю2_033_4.pdf (дата обращения: 11.08.2025).
13. Соглашение о сотрудничестве между Правительством Санкт-Петербурга и Государственной корпорацией по атомной энергии «Росатом» от 04.06.2021 г. № 1/22538-Д
14. Ведута Е.Н., Гегамян Л.А. Искусственный интеллект в обеспечении устойчивого экономического развития // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 110. С. 179–194. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-110-2025-179-194.
15. Huntington S.P. The clash of civilizations? // Foreign affairs. 1993. Vol. 72. № 3. P. 22–49.
16. Ростовская Т.К., Петрова Т.Э. Государственная молодежная политика в структуре современного мира // ЦИТИСЭ. 2017. № 3 (12). С. 25. eLIBRARY ID: 30797583.
17. Леонова О.В. Государственная молодежная политика Российской Федерации: практика формирования и новые законодательные парадигмы // Власть. 2020. Т. 28. № 6. С. 122–129. DOI: https://doi.org/10.31171/vlast.v28i6.7736.
18. Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
19. Финько М.В. Традиционные ценности в системе координат современной российской молодежи // Научный альманах стран Причерноморья. 2024. № 10(4). С. 12–17. https://doi.org/10.23947/2414-1143-2024-10-4-12-17
20. Аналитический вестник Санкт-Петербургский информационно-аналитический центр. URL: https://iac.spb.ru/upload/medialibrary/531/531ee0a10d5ffc6168d6fc569fab1bbe.pdf (дата обращения: 09.08.2025).
21. Зайцев Э.А. Теоретические подходы к оценке эффективности реализации молодежной политики // Власть и управление на Востоке России. 2025. № 1 (110). С. 158–166.
22. Maltseva D., Safonova O., Dedul A. Youth policy in the human capital management system: Russian practice // E3S Web of Conferences. 2021. № 311. С. 1–7. DOI: https://doi.org/10.1051/e3sconf/202131108014.

Strategy of Public Administration in Working with Youth in the Russian Federation: Regional Aspect

Bachurinskaya I.A., Chernykh A.E.
Saint-Petersburg State University of Economics

The article analyzes the features of regional state youth policy in the Russian Federation using St. Petersburg as an example, considers regional projects, the structure of youth affairs bodies and institutions, the results of their activities, and provides best practices for working with youth in St. Petersburg. A SWOT analysis of the state of public administration effectiveness in the field of youth policy implementation at the regional level is presented, on the basis of which proposals for the implementation of the Strategy for the Implementation of Youth Policy in the Russian Federation are formulated. The relevance and novelty of the study lies in the analysis of regional state youth policy through the prism of the new Strategy and the national project "Youth and Children", which were approved in 2024. The authors formulated conclusions about the opportunities that were identified during the analysis of the strengths and weaknesses of the implementation of state youth policy in St. Petersburg, and also gave recommendations regarding the threats that the system of youth affairs bodies and institutions may face. Based on the conducted analysis, theses were formulated on possible directions for the development of youth policy in St. Petersburg: strengthening the direction of activities to support young families, popularizing the profession of a youth affairs specialist, using lean technologies and introducing artificial intelligence in organizing work with youth, developing a network of institutions. In conclusion, it emphasizes the importance of synergy in taking into account the opinions of young people, non-governmental sector specialists and the capabilities of the management apparatus of executive bodies of state power and subordinate institutions for youth affairs when making management decisions in the field of youth policy.

Keywords: Public administration, state youth policy, youth and children, youth affairs institutions

УДК 316.4
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-345-348

Краудсорсинг как технология общественного участия в системе государственного управления: социологический анализ

Вафина Ю.А.
Кандидат социологических наук, доцент
кафедры государственного управления, истории и социологии
Казанского национального исследовательского
технологического университета

Описывая современное российское общество, нельзя не упомянуть ряд процессов, которые в нем происходят, а именно: быстрое развитие информационно-коммуникационных технологий и внедрение их во все сферы жизнедеятельности, запрос на повышение прозрачности власти, формирование гражданской активности. Указанные обстоятельства вызвали большой интерес к изучению краудсорсинга как технологии взаимодействия власти и общества. Целью исследования является изучение практики применения технологии краудсорсинга как механизма общественного участия в системе государственного управления.

В статье на основании анализа источников дано определение краудсорсинга, описаны возможности применения данной технологии для привлечения общественности в систему государственного управления и повышения ее эффективности, представлены результаты социологического исследования, проведенного автором для изучения практики использования краудсорсинговых технологий в региональном управлении.

Ключевые слова: *краудсорсинг, технология, общественное участие, социальное взаимодействие, информационно-коммуникативная технология, управление*

Для цитирования: *Вафина Ю.А. Краудсорсинг как технология общественного участия в системе государственного управления: социологический анализ // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 345–348. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-345-348.*

В настоящее время можно наблюдать большой интерес к внедрению информационно-коммуникационных технологий в различные сферы жизнедеятельности и, как следствие, к возможностям совместной коллективной деятельности в сети Интернет для решения различных социальных проблем. Эта практика, появившаяся в коммерческой сфере и продемонстрировавшая свою эффективность, быстро начала осваиваться некоммерческим и государственным сектором.

Кроме того, начало внедрения краудсорсинговых технологий в деятельность органов власти было положено реализацией административной реформы, проводимой в органах власти с 2003 г., и направленной на сближение органов власти с населением страны в вопросах публичного управления, в том числе с применением электронных технологий. В той или иной степени вопросы краудсорсинга затрагиваются в таких нормативно-правовых актах, как: Указ Президента Российской Федерации от 09.02.2011 г. № 167 «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов» [1], Стратегия развития информационного общества Российской Федерации на 2017–2030 годы [2], Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [3].

Слово «краудсорсинг» образуется из двух частей: *crowd* и *sourcing*, которые переводятся с английско-

го как «толпа» и «использование ресурсов», дословно – использование ресурсов толпы, использование коллективного разума для решения каких-либо задач. Идея краудсорсинга опирается на феномен «мудрой толпы». В книге «Мудрость толпы» Дж. Шуровьески утверждал, что применение познаний совокупной массы людей для решения какой-либо поставленной задачи может привести к более эффективным результатам, чем использование опыта нескольких человек из толпы [4].

Под краудсорсингом следует понимать передачу установленных производственных функций неограниченному кругу лиц, согласовывающих при этом свою работу, используя коммуникативные технологии. Данная технология позволяет органам государственной власти принимать наиболее эффективные управленческие решения с учетом мнения населения, предоставляя возможность высказать, обсудить и оценить предложения. Технология краудсорсинга также применяется для использования мнения граждан при разработке правовых актов, привлекая их непосредственно к разработке проектов нормативных документов, а не только для комментирования [5].

Краудсорсинг предоставляет уникальную возможность для государственных органов привлекать широкие слои общества к принятию решений и реализации проектов, что способствует повышению легитимности действий государственных структур и укреплению доверия со стороны общества к власти.

Изучая вопрос применения технологий краудсорсинга в российской практике управления, непременно необходимо назвать такие каналы воздействия общества на органы государственной власти, как Портал Экспертного совета при открытом правительстве РФ (далее – Экспертный совет онлайн) и официальный интернет-ресурс «Российская общественная инициатива», которую можно назвать главной платформой для политического краудсорсинга в России. Помимо этих онлайн-ресурсов, в России функционирует еще около 45 краудсорсинговых платформ федерального и свыше 250 – регионального уровня, информация о которых сконцентрирована на едином портале крауд-сервисов [6].

Перечислим наиболее успешные примеры использования технологии краудсорсинга в сфере государственного управления в РФ в таблице 1.

Примеры, представленные в таблице 1, подтверждают, что краудсорсинг играет важную роль в современном государственном управлении в России, способствуя укреплению общественного участия, повышению прозрачности и эффективности принятия решений. Учитывая потенциал краудсорсинга, стоит продолжать развивать его использование и интегрировать в практику государственного управления для достижения более широкой вовлеченности граждан в процессы принятия решений. Важно также совершенствовать правовую базу для использования краудсорсинга в государственном управлении, чтобы обеспечить его эффективность и защиту интересов всех участников процесса.

На региональном уровне технологии краудсорсинга также успешно применяются для обеспечения общественного участия в системе государственного управления. Рассмотрим более подробно опыт Республики Татарстан в данной сфере. Наиболее известными примерами использования технологии краудсорсинга в сфере государственного управления в республике можно назвать платформу «Открытая Казань», которая входит в перечень крупнейших краудсорсинговых платформ, работающих в России; портал обратной связи «Нужна помощь»; электроннуюприемную Президента Республики Татарстан; проект «Наш Татарстан»; ГИС РТ «Народный контроль» и ряд других.

Для оценки уровня информированности населения Республики Татарстан о реализуемых технологиях краудсорсинга и их эффективности автором было проведено разведывательное социологическое исследование жителей города Казани по указанной теме. В ноябре – декабре 2025 г. 103 жителя г. Казани прошли анкетирование по указанной теме с использованием интернет-технологий посредством рассылки *Google*-форм. Логическая структура опроса была составлена на основе материалов исследования по изучению технологий краудсорсинга,

Таблица 1

Успешные примеры использования технологии краудсорсинга в сфере государственного управления в РФ

«Активный гражданин»	Этот проект является одним из самых известных примеров краудсорсинга в России. Он был запущен в 2014 г. и представляет собой платформу для голосования по различным вопросам, связанным с городским развитием и благоустройством. За время своего существования проект собрал более 130 млн голосов и помог принять множество важных решений
«Моя улица»	На данной платформе граждане могут предложить свои идеи по благоустройству улиц и парков, а также оценить уже реализованные проекты
«Российская общественная инициатива»	Этот проект был запущен в 2013 г. и позволяет гражданам предлагать свои законопроекты на рассмотрение правительства. На данный момент на сайте зарегистрировано более 60 тыс. инициатив, и некоторые из них уже были приняты в качестве законов
«Открытый бюджет»	Данный проект предоставляет возможность гражданам контролировать бюджетные расходы своих городов и регионов. На сайте можно посмотреть информацию о доходах и расходах бюджета, а также оставить свои предложения по его оптимизации

проведенного коллективом кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ» [7].

Первоначально опишем состав респондентов, которые приняли участие в опросе. Подавляющее большинство среди них – женщины – 73,8 %, 26,2 % – мужчины. Возрастной состав опрошенных: респонденты в возрасте от 18 до 25 лет составили 28,1 %, 25–30 лет – 14,6 %, 30–40 лет – 19,4 %, 40–50 лет – 35,9 % и 50–60 лет – 1,95 %. Большинство опрошенных имеют высшее образование – 79,63 %, 19,4 % – незаконченное высшее и 0,97 % – среднее профессиональное образование. Сфера профессиональной деятельности опрошенных представлена следующим образом: 23,3 % – это студенты и учащиеся; 19,4 % заняты в сфере образования, 31,1 % работают в государственной организации или органе государственной власти; 23,3 % работают в коммерческой сфере и 2,9 % являются предпринимателями.

Результаты опроса, проведенного автором, показывают, что слышали о краудсорсинге как о способе вовлечения граждан в процесс социального взаимодействия с органами управления и соучастия в процессе разработки и принятия решений только треть опрошенных (34 %), примерно половина не слышали, а 16,7 % затруднились с ответом.

При этом 66,7 % респондентов имеют опыт участия в реализации управленческих проектов. Однако только четверть опрошенных считает, что условия для участия граждан в управлении созданы в республике в полном объеме. Размышляя о причинах, которые вынуждают граждан не принимать участие в государственном управлении, респонденты выделили следующие: пассивность граждан – 47,88 %; отсутствие заинтересованности руководства региона в общественном обсуждении решений и их осуществлении – 43,5 %, недооценка государственными управленцами роли общественного мнения – 33,3 %, отсутствие необходимого уровня знаний и осведомленности населения о возможности участия в управлении – 50 %; коррумпированность власти – 66,7 %.

При этом проявляли свою гражданскую активность в интернете 81,3 % опрошенных. Среди основных форм такой активности были названы: посещение сайтов партий, общественных (некоммерческих) организаций, политических лидеров – 20,9 %; участие в интернет-голосованиях по общественным вопросам – 62 %; пожертвования средств в благотворительные фонды – 23,4 %; оставляли сообщения в электронной приемной (Президента, различных органов власти) – 24,5 %. Ни один из респондентов не выбрал такие формы гражданской активности, как высказывания по общественным и политическим проблемам в блогах, социальных сетях, на новостных сайтах и участие в общественной экспертизе законопроектов.

По поводу оценки результата своего участия только треть опрошенных были удовлетворены полученным результатом (33,3 %), а порядка половины (49,5 %) совершенно не удовлетворены.

В рамках исследования также была осуществлена оценка степени информированности о функционировании ГИС РТ «Народный контроль». Эта система была запущена в апреле 2012 г. и представляет собой систему публикации и рассмотрения уведомлений граждан, содержащих информацию о проблемах благоустройства республики, города, села, района, улицы. Основная цель ГИС РТ «Народный контроль» – придать гласность проблемам населения на общедоступном ресурсе, а также создать механизм оценки гражданами эффективности деятельности органов государственной власти. Жители республики могут сообщить о волнующей их проблеме, указав ее местонахождение и приложив фотодоказательства, по 61 категории.

Рассматривая результаты проведенного исследования, можно сделать вывод, что информированность о функционировании системы «Народный контроль» достаточно высокая: 55,5 % опрошенных слышали о ней, вместе с тем 45,5 % дали отрицательный ответ. При этом небольшая доля опрошенных (всего 12,71 %) принимали участие в ее работе, абсолютное большинство участников исследования (87,29 %) дали отрицательный ответ на данный вопрос, при этом 33,3 % из этого числа опрошенных планируют начать пользоваться системой «Народный контроль».

Интересные данные об участии граждан в системе государственного управления были получены автором в результате полуформализованного интервью с сотрудниками нескольких министерств и ведомств Республики Татарстан. Во-первых, уровень информированности о краудсорсинге и его возможностях в сфере государственного управления среди служащих государственных органов в Республике Татарстан невысок. Во-вторых, уровень знаний и осведомленности населения о возможности участия в управлении также оценивается служащими как неудовлетворительный. Вследствие этого совместная работа становится неэффективной, по мнению интервьюируемых.

Среди основных причин сложившейся ситуации были названы: недостаточное количество информационных и просветительских мероприятий, недостаточное понимание и интерес к новым технологиям, а также недоверие к онлайн-сервисам.

Преодоление этих сложностей и внедрение технологий краудсорсинга для активизации общественного участия в системе государственного управления позволит увеличить прозрачность деятельности органов государственной власти, улучшить качество принимаемых управленческих решений, повысить ответственность как населения, так и органов власти перед обществом в процессе осуществления деятельности.

Литература:

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.02.2011 г. № 167 «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов» // СПС КонсультантПлюс.
2. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» // СПС КонсультантПлюс.
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 г. № 1632-р «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf (дата обращения: 04.12.25).
4. Шуровьески Дж. Мудрость толпы: почему вместе мы умнее, чем поодиночке, и как коллективный разум влияет на бизнес, экономику, общество и государство. М.: Вильямс, 2007. 296 с.
5. Лукина Д.С., Шубина Т.Ф. Краудсорсинг как технология взаимодействия власти и общества. URL: https://elis.psu.ru/ebooks/download/source/387639/Kraudsorsing_kak_tehnologiya_vzaimodeystviya_vlasti_i_obshchestva.pdf?ysclid=mjprapd6hr1769593 (дата обращения: 10.12.25).
6. Харитонова О.В., Бугаева Т.Н. Краудсорсинг в государственном и муниципальном управлении: сущность и перспективы использования // Вестник Евразийской науки. 2020. № 2. URL: https://esj.today/PDF/91ECVN220.pdf
7. Социологическая оценка краудсорсинговых практик населения региона. URL: https://apni.ru/article/2223-sotsiologicheskaya-otsenka-kraudsorsingovikh?ysclid=mjobf614un366858049 (дата обращения: 15.12.25).

Crowdsourcing as a Technology for Public Participation in the Public Administration System: Sociological Analysis

Vafina Yu.A.
Kazan National Research Technological University

Describing modern Russian society, one cannot fail to mention a number of processes that take place in it, namely the rapid development of information and communication technologies and their introduction into all spheres of life, the request to increase the transparency of power, and the formation of civic engagement. These circumstances have aroused great interest in the study of crowdsourcing as a technology for the interaction of power and society. The aim of the study is to investigate the practice of applying crowdsourcing technology as a mechanism for public participation in the public administration system.

The article, based on an analysis of sources, defines crowdsourcing, describes the possibilities of using this technology to attract the public into the public administration system and increase its efficiency, presents the results of a sociological study conducted by the author to study the practice of using crowdsourcing technologies in regional management.

Key words: crowdsourcing, technology, public participation, social interaction, information and communication technology, management

УДК 336.74
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-349-353

Влияние изменения ключевой ставки Центрального банка на экономическое состояние России в 2024-2025 годах

Гениберг Т.В.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры информационных технологий
Новосибирского государственного университета экономики
и управления «НИНХ»

В статье представлены итоги исследования влияния ключевой ставки Банка России на экономическое состояние страны в 2024–2025 гг. Выявлена проблема нарастания инфляционных процессов в первом полугодии 2024 г. В ответ на это государство использовало повышение ключевой ставки как инструмент «охлаждения» экономики. На основании данных Центрального банка РФ сделан обоснованный вывод, что это привело к росту кредитных ставок во втором полугодии 2024 г. и сокращению объемов финансирования экономических субъектов. Также это отразилось на росте ставок по вкладам и депозитам и, как следствие, на увеличении остатков на счетах физических и юридических лиц в коммерческих банках. В статье отмечается рост инвестиционных вложений хозяйствующих субъектов в золото и ценные бумаги с целью сохранения средств и получения прибыли.

Ключевые слова: *ключевая ставка, кредитная ставка, вклады, депозиты, инфляция, золото, денежная масса, ценные бумаги*

Для цитирования: *Гениберг Т.В. Влияние изменения ключевой ставки Центрального банка на экономическое состояние России в 2024-2025 годах // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 349–353. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-349-353.*

Экономическое состояние страны во многом зависит от политики государства и Центрального банка РФ. Предметами контроля регулирующих органов являются уровень инфляции, объемы кредитования коммерческих организаций и населения, экономическая активность хозяйствующих субъектов.

Выделим четыре временных периода в течение 2024–2025 гг., которые различаются экономической обстановкой в стране, сформированной под влиянием изменения ключевой ставки Банка России:

1. Январь – июнь 2024 г. – стабильная ключевая ставка на уровне 16 %.

2. Июль – октябрь 2024 г. – рост ключевой ставки с 16 до 21 %.

3. Ноябрь 2024 г. – май 2025 г. – удержание ключевой ставки на высоком уровне – 21 %.

4. Июнь – август 2025 г. – снижение ключевой ставки с 21 до 18 %.

Первый период – начало 2024 г. характеризуется нарастанием уровня инфляции, ускоряющимся темпом роста цен, увеличением объемов предоставленных кредитов малому и среднему предпринимательству. Относительно невысокий размер ключевой ставки – 16 % годовых – позволял экономическим субъектам активно пользоваться кредитными средствами коммерческих банков и направлять их на финансирование операций, не всегда обеспечивающих реальный рост экономического благосостояния страны. Обозначился сложно контролируемый рост цен.

Исследование данных Банка России показало, что рекордный уровень инфляции, увеличившийся в первом полугодии 2024 г. с 7,44 % годовых на

01.01.2024 г. до 9,13 % к 01.07.2024 г. (табл. 1) [1], показал острую необходимость включения государственных регулирующих инструментов для снижения высоких темпов обесценения денег.

С этого момента наступил второй из выделенных периодов: июль – октябрь 2024 г. Банк России традиционно выбрал в качестве такого инструмента регулирования ключевую ставку и 29.07.2024 г. повысил ее на 2 п.п. с 16 до 18 %, далее 16.09.2024 г. до 19 %, и 28.10.2024 г. до 21 % [1]. На таком уровне ставка продержалась до 09.06.2025 г. Проведем анализ того, как изменение ставки повлияло на состояние экономики и другие рыночные показатели.

Данные, представленные в таблице 1 и на рисунке 1, показывают, что параллельно с повышением ключевой ставки резко выросла средневзвешенная ставка по кредитам физическим лицам с 25,57 % на 01.07.2024 до 26,95 % на 01.08.2024 г. [2, с. 105]. Также существенно повысились процентные ставки по кредитам нефинансовым организациям до 1 года с 17,79 до 19,03 % соответственно [2, с. 108].

Это привело в дальнейшем к сокращению практически в два раза количества предоставленных ипотечных жилищных кредитов физическим лицам за месяц: с 202 367 единиц на 01.07.2024 г. до 107 156 на 01.08.2024 г., по объему таких кредитов – с 788,486 млрд руб. до 355,976 млрд руб. соответственно [2, с. 114].

Такая же динамика наблюдается и с объемом предоставленных кредитов малому и среднему предпринимательству в рублях за месяц. Данный показатель снизился с 1 573 001 млн руб. на 01.07.2024 г. до 1 377 752 млн руб. на 01.08.2024 г. [3, с. 114]. При этом стоит отметить, что в отношении юридических лиц темпы снижения были меньше, чем у населения, и составили 14 %.

На протяжении января – августа 2024 г. денежная масса М1 и наличные средства М0 оставались практически на одном уровне: М1 – 49–50 трлн руб., М0 – 16 трлн руб. (табл. 2) [2, с. 22]. На основании этого можно сказать, что изменения в экономических явлениях, показателях, тенденциях практически не отразились на денежной массе в стране. Она осталась на прежнем уровне в течение всего 2024 г. На основании того, что денежная масса не изменялась, при этом уровень цен был высоким, можно сказать, что наблюдалось снижение покупательской способности, население могло себе позволить приобретение меньшего количества товаров.

Изучение влияния ключевой ставки на объем вкладов физических лиц и депозитов юридических лиц, начиная с июля 2024 г., позволяет сделать вывод, что на фоне роста ставок по вкладам и депозитам объем средств, привлеченных кредитными организациями, тоже нарастал. Рост процентных ставок по вкладам населения до 1 года, кроме «до востребования», начинается несколько позже в сравнении с ключевой ставкой и отмечается с 16,33 % на 01.07.2024 г. до 18,96 % на 01.10.2024 г. [2, с. 97]. Как следствие, выросли вклады физических лиц – остатки на счетах с 49 802 134 млн руб. на 01.07.2024 г. до 52 007 394 млн руб. на 01.10.2024 г. [2, с. 94]. Для юридических лиц объем размещенных депозитов в кредитных организациях вырос с 45 498 418 млн руб. до 49 151 506 млн руб. соответственно (табл. 2) [2, с. 95].

Третий период – ноябрь 2024 г. – май 2025 г. В это время с 28.10.2024 г. по 09.06.2025 г. ключевая ставка Банка России держалась на высоком уровне – 21 %. Уровень инфляции при этом колебался: в течение предшествующего периода (август – но-

Таблица 1

Экономические показатели Российской Федерации в 2024–2025 гг., % [1, с. 57; 2, с. 97, 105, 108; 3, с. 100, 108, 111]

Дата	Ключевая ставка ЦБ РФ	Уровень инфляции	Процентные ставки по кредитам, предоставленным физ. лицам до 1 года	Процентные ставки по вкладам до 1 года, кроме «до востребования»	Процентные ставки по кредитам нефинансовым организациям до 1 года
01.01.2024	16,00	7,44	23,01	14,49	16,83
01.02.2024	16,00	7,69	23,45	14,61	16,84
01.03.2024	16,00	7,72	24,31	14,67	17,24
01.04.2024	16,00	7,84	24,35	14,81	17,12
01.05.2024	16,00	8,30	27,65	15,09	17,33
01.06.2024	16,00	8,59	25,87	16,45	17,01
01.07.2024	16,00	9,13	25,57	16,33	17,79
01.08.2024	18,00	9,05	26,95	16,76	19,03
01.09.2024	18,00	8,63	26,54	17,59	20,09
01.10.2024	19,00	8,54	24,78	18,96	20,90
01.11.2024	21,00	8,88	26,60	20,54	22,83
01.12.2024	21,00	9,52	32,73	21,57	23,98
01.01.2025	21,00	9,92	29,08	21,10	23,79
01.02.2025	21,00	10,06	28,44	21,00	20,55
01.03.2025	21,00	10,34	28,01	20,19	22,23
01.04.2025	21,00	10,23	28,71	19,32	22,74
01.05.2025	21,00	9,88	29,22	19,39	22,35
01.06.2025	21,00	9,40	27,82	18,71	21,75
01.07.2025	20,00	8,79	н/д	н/д	н/д
01.08.2025	18,00	8,14	н/д	н/д	н/д

Рис. 1. Экономические показатели России за 2024–2025 гг., % [1–3]

ябрь 2024 г.) отмечалось снижение инфляции с 9,05 до 8,88 %; в декабре 2024 г. – апреле 2025 г. наблюдался рост с 9,52 до 10,23 %. Затем к июню 2025 г. вновь произошло снижение до 9,4 % (табл. 1).

В этот период средневзвешенные кредитные ставки по ссудам до 1 года для физических лиц оставались весьма высокими, достигнув в ноябре 2024 г. 26,60 % годовых, в декабре 2024 г. – 32,73 %, в январе 2025 г. – 29,08 %, в мае 2025 г. – 29,22 % (табл. 1) [2, с. 105]. Это нашло отражение в объеме предоставления таких кредитов: задолженность клиентов снизилась с 37 391 176 на 01.12.2024 г. до 36 718 059 на 01.05.2025 г. [2, с. 102; 3, с. 105].

Процентные ставки по кредитам нефинансовым организациям до 1 года также повысились: с 16–17 % в первой половине 2024 г. до 23,98 % в декабре 2024 г. и 23,79 % в январе 2025 г. (табл. 1).

При этом наблюдается снижение объема предоставленных кредитов малому и среднему предпринимательству в месяц: с 1 539 651 млн руб. на 01.11.2024 г. до 943 116 млн руб. на 01.02.2025 г. и 951 862 млн руб. на 01.03.2025 г. (табл. 2).

Денежная масса (агрегат М1) снижалась в 2024 г. с 50 832 млрд руб. на 01.10.2024 г. до 48 530 млрд руб. на 01.12.2024 г. В течение всего 2025 г. агрегат М1 превышал 51 трлн руб. и на 01.06.2025 г. достиг 51 382 млрд руб., что говорит о росте денежной массы в наличной форме и переводных депозитах физических и юридических лиц. Наличная денежная масса (агрегат М0) во втором полугодии 2024 г. оставалась практически на одном уровне. А в 2025 г. сокращалась с 17 274 млрд руб. на 01.01.2025 г. до 16 507 млрд руб. на 01.06.2025 г. [3, с. 22]. Это говорит о том, что величина денежных средств на руках сократилась.

Перемещение денежной массы произошло в сторону вкладов и депозитов, средневзвешенная процентная ставка по которым выросла с 18,96 % на 01.10.2024 г. до 21,00 % на 01.02.2025 г. Оставаясь в течение всего 2025 г. на достаточно высоком уровне, она незначительно снизилась к 01.06.2025 г. до 18,71 %. Рост ставок по вкладам привел к увеличению объемов вкладов. Так, объем вкладов на 01.12.2024 г. составил 53 897 142 млн руб., на 01.01.2025 г. достиг 57 532 754 млн руб., а на 01.05.2025 г. – 59 407 443 млн руб. [3, с. 97].

Наблюдается иная динамика со средствами юридических лиц, привлеченными кредитными организациями. В 2024 г. объем этих средств нарастал с 43 461 872 млн руб. на 01.01.2024 г. до 46 212 048 млн руб. на 01.08.2024 г. и 53 790 231 млн руб. на 01.12.2024 г. [2, с. 95]. А в 2025 г. наблюдается сокращение средств на депозитах компаний с 51 886 127 млн руб. на 01.01.2025 г. до 46 643 560 млн руб. на 01.07.2025 г.[3, с. 98].

Четвертый период, выделенный в исследовании, протекал в июне – августе 2025 г. В это время клю-

Таблица 2

Экономические показатели России в 2024–2025 гг.

Дата	Кредиты, предоставленные физическим лицам – задолженность клиентов, млн руб.	Объем предоставленных кредитов малому и среднему предпринимательству в руб. за месяц, млн руб.	Денежный агрегат М1 (Наличные деньги + Переводные депозиты), млрд руб.	Наличные деньги в обращении, млрд руб.
01.01.2024	33726769	1841163	49686	17134
01.02.2024	33962427	933709	48595	16756
01.03.2024	34239193	1211640	49369	16709
01.04.2024	34810239	1522807	49338	16622
01.05.2024	35384427	1586883	50119	16738
01.06.2024	36037395	1951612	49987	16751
01.07.2024	36999758	1573001	50277	16706
01.08.2024	37279263	1377752	51098	16782
01.09.2024	37691027	1307954	50596	16801
01.10.2024	37879381	1322872	50832	16797
01.11.2024	38049872	1539651	49592	16796
01.12.2024	37391176	1245294	48530	16731
01.01.2025	36946696	1454135	51715	17274
01.02.2025	36784411	943116	51065	16807
01.03.2025	36684828	951862	51587	16635
01.04.2025	36695722	1370966	51135	16397
01.05.2025	36718059	1255527	51031	16539
01.06.2025	36842067	1030042	51382	16507
01.07.2025	36858428	1337146	52411	16702
01.08.2025	н/д	н/д	52536	16939

Составлено автором по данным источников [2–3].

чевая ставка Центрального банка РФ была снижена еще два раза: 28.07.2025 г. до 18 % и 15.09.2025 г. до 17 % [1]. Такое поступательное снижение отразилось на экономике России следующим образом.

Инфляция снизилась с 9,4 % на 01.06.2025 г. до 8,79 % на 01.07.2025 г. и 8,14 % на 01.08.2025 г. Это говорит о приостановке инфляционных процессов.

Объем предоставленных кредитов малому и среднему предпринимательству в рублях за месяц, как следствие, увеличился с 1 030 042 млн руб. на 01.06.2025 г. до 1 337 146 млн руб. на 01.07.2025 г. (табл. 2), т.е. на 30 %. Ссуды физическим лицам выросли в меньших темпах – всего на 0,04 %. Можно сказать, что экономика медленно реагирует на постепенное снижение ключевой ставки, и мы еще не наблюдаем эффекта от решений Банка России об изменении значения этого инструмента.

Денежный агрегат М1 в это время вырос в своем значении с 51 382 млрд руб. на 01.06.2025 г. до 52 536 млрд руб. на 01.08.2025 г. Синхронно вел себя агрегат М0 – наличные средства в обороте, увеличившись с 16 507 млрд руб. на 01.06.2025 г. до 16 702 млрд руб. на 01.07.2025 г. и 16 939 млрд руб. на 01.08.2025 г. [3, с. 22].

Вторым значимым после вкладов для экономики России инструментом сбережения и инвестирования средств выступило золото. Население России определило золото как альтернативу вкладам. За 2024–2025 гг. цена на золото увеличилась с 5 886,06 руб./грамм на 01.01.2024 г. до 8 260,33 руб./грамм на 01.07.2025 г. При этом на 1 декабря 2024 г. это значение достигло 9 134,93 руб./грамм (рис. 2) [4]. Цена на золото неукоснительно росла, что, скорее всего, выступило следствием роста спроса на этот инвестиционный инструмент.

По данным *Forbes.ru*, потребление золота в 2024 г. показало по-прежнему очень высокий уровень и составило 75,6 т. По данным Министерства финансов России, в 2023 г. оно достигало 95 т, в 2022 г. – 100 т, при этом в 2021 г. составляло только 7 т. физического золота. Так как покупка золота имеет накопительный эффект, то можно сказать, что за последние три года россияне приобрели около 270 т [5], что показывает повышенный интерес к этому способу сохранения накоплений.

К 07.10.2025 г. цена на золото достигла 10 369,03 руб./грамм. В ответ на что Министерство финансов было вынуждено издать распоряжение о том, что с 7 октября по 7 ноября оно вводит ограничение на продажу золота и иностранной валюты до 0,6 млрд руб./день. В сентябре это значение достигало 1,4 млрд руб./день [5].

Третье направление инвестирования средств – вложения в ценные бумаги, также как и золото, показало стабильный рост. Если во втором квартале 2024 г. темп роста вложений в ценные бумаги составил 1,45 % в сравнении с первым кварталом, то в четвертом квартале 2024 г. – 9,72 %, а в первом квартале 2025 г. уже 14,41 % [3, с. 84]. Во втором квартале отмечается снижение роста, но тем не менее рост наблюдается (табл. 3).

Анализ экономических показателей за 2024–2025 гг., оценка движения денежных средств между финансовыми, коммерческими организациями и населением позволяют сделать следующие выводы:

1. В первом полугодии 2024 г. ключевая ставка Банка России оставалась на уровне 16 %, уровень инфляции достиг высоких темпов роста – 9,13 %, что обозначило потребность принятия безотлагательных мер по сокращению роста цен.

2. В июле – октябре 2024 г. ключевая ставка поднималась Центральным банком РФ три раза, достигнув 21 %. Это вызвало рост кредитных ставок и снижение объемов финансирования для физических и юридических лиц. При этом наблюдалось повышение ставок по вкладам и депозитам и приток средств в коммерческие банки в связи с ростом доходности такого размещения средств.

3. С ноября 2024 г. по июнь 2025 г. ключевая ставка Банка России удерживалась на высоком уровне – 21 %. Это привело к определенному «охлаждению» экономики. Кредитные ставки также оставались вы-

Таблица 3

Результаты торгов на фондовых биржах в 2024–2025 гг., млн руб. [3, с. 84]

Период	Объем торгов	Темп роста, %
I квартал 2024	125 644 496	-
II квартал 2024	127 496 313	1,45
III квартал 2024	136 174 399	6,8
IV квартал 2024	149 408 712	9,72
I квартал 2025	151 562 012	14,41
II квартал 2025	159 756 500	5,4

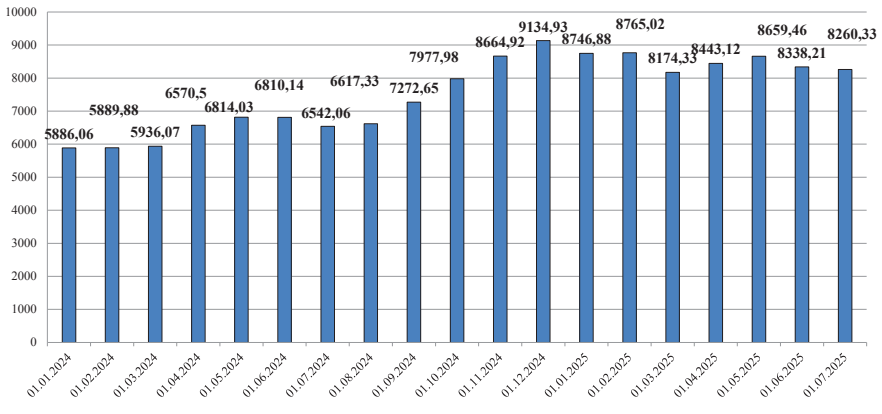

Рис. 2. Учетная цена на золото в Российской Федерации в 2024–2025 гг., руб./грамм [4]

сокими, объемы заемных средств для всех субъектов экономики сокращались. В то же время размеры остатков на депозитных счетах и вкладах росли, привлекаемые высокой доходностью.

4. Начиная с июня 2025 г., ключевая ставка начала медленно снижаться, достигнув к сентябрю 2025 г. 17 %. Инфляция по-прежнему остается на приемлемом уровне. Кредиты для коммерческих организаций нарастают, для физических лиц практически неизменны в объемах финансирования.

5. Денежная масса (агрегат М1) в 2024 г. снижалась, в 2025 г. росла. Финансовые ресурсы преимущественно перемещались во вклады и депозиты, привлекаемые высокими ставками.

6. Цена на золото за последние два года выросла практически в два раза. Объемы потребления золота остаются значительными. Экономические субъекты рассматривают золото как один из надежных, а в сложившихся рыночных условиях и прибыльных активов.

7. Темпы роста операций на фондовом рынке нарастали вплоть до третьего квартала 2025 г. Покупатели рассматривают ценные бумаги как альтернативу вложения в золото. Доходность по ценным бумагам остается высокой.

В итоге 2024–2025 гг. показали эффективное использование ключевой ставки Банка России как одного из инструментов денежно-кредитной политики. Нарастающий темп инфляции был приостановлен. Экономическая ситуация благодаря рыночным механизмам пришла в нормальное состояние. Во второй половине 2025 года обозначен курс на медленное снижение ключевой ставки, которое, скорее всего, продолжится и в 2026 г. Благодаря низким темпам таких изменений экономика сохранится в равновесном состоянии и выйдет на поступательный положительный рост.

Литература:

1. Инфляция и ключевая ставка Банка России // Официальный сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/hd_base/infl/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.From=01.01.2024&UniDbQuery.To=06.10.2025 (дата обращения: 04.10.2025).
2. Статистический бюллетень Банка России. 2025 г. № 1 (380). URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/55095/Bbs2501r.pdf (дата обращения: 04.10.2025).
3. Статистический бюллетень Банка России. 2025 г. № 8 (387). URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/57238/Bbs2508r.pdf (дата обращения: 04.10.2025).
4. Учетные цены на аффинированные драгоценные металлы // Официальный сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/hd_base/metall/metall_base_new/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.=0.012024&UniDbQuery.To=04.10.2025&UniDbQuery.Gold=true&UniDbQuery.Silver=true&UniDbQuery.Platinum=true&UniDbQuery.Palladium=true&UniDbQuery.so=1 (дата обращения: 04.10.2025).
5. Маркелов Р. Зачем Минфин более чем в два раза сокращает продажу валюты и золота. URL: https://rg.ru/2025/10/05/vyderzhat-kurs.html (дата обращения: 04.10.2025).
6. Будрис А. Что-то на богатом: почему в России покупают все больше золота. URL: https://www.forbes.ru/biznes/530650-cto-to-na-bogatom-pocemu-v-rossii-pokupaut-vse-bol-se-zolota (дата обращения: 04.10.2025).
7. Котченко К. «Люди повезли в карманах»: зачем россияне покупают слитки золота по 100 т в год. https://www.forbes.ru/investicii/509812-ludi-povezli-v-karmanah-zacem-rossiane-pokupaut-slitki-zolota-po-100-t-v-god (дата обращения: 04.10.2025).

The Impact of Changes in the Central Bank's Key Interest Rate on Russia's Economic Situation in 2024-2025

Geniberg T.V.
Novosibirsk State University of Economics and Management «NINH»

The article presents the results of a study of the impact of the Bank of Russia's key rate on the country's economic situation in 2024–2025. The problem of increasing inflationary processes in the first half of 2024 was identified. In response, the government used an increase in the key rate as a tool to "cool" the economy. Based on data from the Central Bank, it was concluded that this led to an increase in credit rates in the second half of 2024 and a decrease in the volume of financing for economic entities. This has also led to an increase in interest rates on deposits and, as a result, an increase in the balances on the accounts of individuals and legal entities in commercial banks. The article also notes an increase in the investment of business entities in gold and securities in order to preserve funds and generate profits.

Key words: key rate, credit rate, deposits, inflation, gold, money supply, securities

УДК 35.08
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-354-360

Совершенствование государственной антикоррупционной политики через призму расширения масштабов использования новых информационных технологий

Ким О.Л.
Доктор экономических наук, профессор, заведующая
кафедрой государственного и муниципального управления
Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина

Фугалевич Е.В.
Доцент кафедры государственного и территориального управления
Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Геврасев Н.С.
Специалист 1-й категории отдела энергетических
и топливных балансов Управления потребительского рынка
Комитета по тарифам Санкт-Петербурга

В настоящей статье рассматриваются вопросы государственной антикоррупционной политики в контексте расширения применения современных информационных технологий. Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения эффективности борьбы с коррупцией в условиях цифровой трансформации общества, что позволит обеспечить прозрачность антикоррупционных мер, оперативность их реализации и доступность для граждан. Цель исследования – определение роли и потенциала современных информационных технологий в развитии антикоррупционных механизмов на государственном и муниципальном уровнях. Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи: анализ международных рейтингов стран мира по индексу восприятия коррупции; исследование существующих технологий, их возможностей и ограничений; разработка рекомендаций по внедрению инновационных решений. Значимость исследования заключается в создании научных обоснований для интеграции инновационных информационных решений в антикоррупционную политику. Это будет способствовать: повышению уровня доверия граждан к государственным институтам; снижению уровня коррупции.

В результате проведённого исследования были выявлены ключевые направления использования новых технологий и определены перспективы их применения. В тексте статьи и выводах особое внимание уделяется: автоматизации межведомственного взаимодействия; совершенствованию механизмов взаимодействия органов власти с гражданами; минимизации возможностей маскировки коррупционных схем под непредумышленные ошибки. Также подчёркивается необхо-

димость системного подхода к внедрению цифровых решений для: повышения эффективности антикоррупционных мер; обеспечения устойчивого развития государственной антикоррупционной политики в условиях цифровой эпохи.

Ключевые слова: *индекс восприятия коррупции, государственная антикоррупционная политика, новейшие информационные технологии, автоматизированные информационные системы*

Для цитирования: *Ким О.Л., Фугалевич Е.В., Геврасев Н.С. Совершенствование государственной антикоррупционной политики через призму расширения масштабов использования новых информационных технологий // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 354–360. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-354-360.*

Коррупция остаётся одной из самых серьёзных проблем, с которой сталкиваются государства по всему миру. В последние десятилетия государства начинают понимать важность построения эффективных систем борьбы с коррупцией. Одним из ключевых направлений в этой борьбе стало внедрение новых информационных технологий, которые могут значительно улучшить прозрачность управленческих процессов и повысить эффективность антикоррупционных мер [1].

Эффективное применение информационных технологий позволяет существенно повысить уровень прозрачности и доверия к государственным учреждениям, снижая уровень коррупции. Это требует от государства не только инвестиций в технологии, но и готовности к изменениям в структуре управления и взаимодействии с обществом [2].

В начале исследования коррупционной проблематики в государственном секторе необходимо обратить внимание на рейтинг стран мира по индексу восприятия коррупции и какое место в нем занимает Россия (табл. 1).

Индекс восприятия коррупции (*Corruption Perceptions Index, CPI*) – это ежегодный рейтинг, который оценивает уровень коррупции в государственном секторе разных стран на основе восприятия экспертов и бизнес-сообщества (шкала индекса варьируется от 0 (высокий уровень коррупции) до 100 (практически полное её отсутствие)) [2].

Индекс в основном содержит усреднённые данные, собранные за три последних года, то есть он даёт представление о текущих оценках уровня коррупции экспертами, почти не фокусируясь на происходящих из года в год сдвигах. Данные для расчёта *CPI* собираются из 11 источников, включая опросы, проводимые Азиатским и Африканским банками развития, Всемирным банком и организацией *Freedom House*. Минимальное количество источников для одной страны – три [2].

Индекс составляется международной неправительственной организацией *Transparency International* с 1995 г. Важно отметить, что до 2012 г. данный индекс не являлся сравнимым, т.е. сравнивать положения стран можно было только в пределах индекса за конкретный год [2].

Из таблицы 1 видно, что рейтинг России снижается: в 2022 г. страна опустилась на одну строчку по сравнению с прошлым годом, заняв 137-е место в рейтинге восприятия коррупции среди 180 стран мира, набрав 28 баллов и оказавшись между Парагваем и Киргизией [2]. В 2023 г. Россия заняла 141-е место из 180 возможных, разделив позицию с Угандой, Киргизией и Гвинеей [2]. В 2024 г. Россия заняла 154-е место из 180 возможных, набрав 22 балла [2].

Рейтинг России продолжает падать с 2020 г. – тогда страна занимала 129-е место по уровню коррупции (табл. 2) [2].

Как показывает таблицы 2, индекс коррупции в России в среднем составлял 25,64 п. с 1996 по 2024 гг., достигнув исторического максимума в 30,00 п. в 2020 г. и рекордного минимума в 21,00 п. в 2000 г., 2008 г., 2010 г. [2].

Важно отметить, что уровень коррупции в мире в целом растет из-за ослабления демократических институтов.

В настоящее время для решения проблем коррупции в Российской Федерации активно разрабатывается системная политика борьбы с коррупцией и новые методы антикоррупционного регулирования, в том числе в цифровом пространстве. В соответствии с Федеральным законом от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (в ред. от 28.12.2024 г.), под коррупцией принято понимать злоупотребление служебным положением, дача или получение взятки, коммерческий подкуп или иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды, либо незаконное предоставление такой выгоды другими физическими лицами, а также совершение этих деяний от имени или в интересах юридического лица [3].

Расширение возможностей сети Интернет и ежегодный рост спроса на дистанционные государственные услуги со стороны граждан России привели к распространению реализуемого на базе

Таблица 1

Рейтинг стран мира по индексу восприятия коррупции с 2012 по 2024 гг.

Позиция	Страна	Место в рейтинге на 2024 г.	Индекс восприятия коррупции												
			2024	2023	2022	2021	2020	2019	2018	2017	2016	2015	2014	2013	2012
1	Дания	1	90	90	90	88	88	87	88	88	90	91	92	91	90
2	Финляндия	2	88	87	87	88	85	86	85	85	89	90	89	89	90
3	Сингапур	3	84	83	83	85	85	85	85	84	84	85	84	86	87
4	Новая Зеландия	4	83	85	87	88	88	87	87	89	90	91	91	91	90
5	Люксембург	5	81	78	77	81	80	80	81	82	81	85	82	80	80
6	Норвегия	5	81	84	84	85	84	84	84	85	85	88	86	86	85
7	Швейцария	5	81	82	82	84	85	85	85	85	86	86	86	85	86
8	Швеция	8	80	82	83	85	85	85	85	84	88	89	87	89	88
9	Нидерланды	9	78	79	80	82	82	82	82	82	83	84	83	83	84
10	Австралия	10	77	75	75	73	77	77	77	77	79	79	80	81	85
	…														
145	Уганда		26	26	26	27	27	28	26	26	25	25	26	26	29
146	Гватемала	146	25	23	24	25	25	26	27	28	28	28	32	29	33
147	Кыргызстан	146	25	26	27	27	31	30	29	29	28	28	27	24	24
148	Мозамбик	146	25	25	26	26	25	26	23	25	27	31	31	30	31
149	ЦАР	149	24	24	24	24	26	25	26	23	20	24	24	25	26
150	Парагвай	149	24	28	28	30	28	28	29	29	30	27	24	24	25
151	Бангладеш	151	23	24	25	26	26	26	26	28	26	25	25	27	26
152	Республика Конго	151	23	22	21	21	19	19	19	21	20	23	23	22	26
153	Иран	151	23	24	25	25	25	26	28	30	29	27	27	25	28
154	Азербайджан	154	22	23	23	30	30	30	25	31	30	29	29	28	27
155	Гондурас	154	22	23	23	23	24	26	29	29	30	31	29	26	28
156	Ливан	154	22	24	24	24	25	28	28	28	28	28	27	28	30
157	**Россия**	**154**	**22**	**26**	**28**	**29**	**30**	**28**	**28**	**29**	**29**	**29**	**27**	**28**	**28**
	…														
179	Сомали	179	9	11	12	13	12	9	10	9	10	8	8	8	8
180	Южный Судан	180	8	13	13	11	12	12	13	12	11	15	15	14	Н/Д

онлайн-платформ сервисного государственного управления (например, ЕСИА «Госуслуги») и стимулировали развитие «онлайн-взаимодействия» между физическими и юридическими лицами (например, заключение контрактов и подписание соглашений при помощи электронных подписей). Согласно программе «Национальная система пространственных данных», предполагается «…увеличение доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, до 95 % к 2030 году» [4]. При этом использование новейших технологий в государственном управлении открывает не только дополнительные возможности для упрощения получения гражданами услуг и взаимодействия друг с другом, но и формирует потенциал к сокращению масштабов коррупционных схем.

Тенденции к формированию крупных антикоррупционных проектов с использованием IT-технологий и онлайн-платформ устойчиво развиваются с начала 2010-х гг.: подобные проекты впервые начали активно обсуждаться в 2008–2010 гг., когда разгорелся крупный скандал в сфере государственных закупок. На тот момент Президент РФ Дмитрий Медведев предложил проверять заключенные через платформу *zakupki.gov.ru* контракты на статистические аномалии, которые указывают на наличие «откатов» [5] и, в связи с этим главе правительства Владимиру Путину было поручено сформировать действенную систему мониторинга цен, предметов закупки и довести ее до органов, осуществляющих закупки для госнужд [6].

Преимущества использования онлайн-платформ и информационных технологий в рамках антикор-

Таблица 2

Рейтинг России по индексу восприятия коррупции с 1997 по 2024 гг.

Год	Баллы	Место/из
1997	2,3	49/-
1998	2,4	76/85
1999	2,4	82/89
2000	2,1	82/90
2001	2,3	79/91
2002	2,7	71/102
2003	2,7	86/133
2004	2,8	90/146
2005	2,4	126/159
2006	2,5	121/163
2007	2,3	143/179
2008	2,1	147/180
2009	2,2	146/180
2010	2,1	154/178
2011	2,4	143/183
Система расчёта с 2012 г. (по 100-бальной шкале)		
2012	28	133/176
2013	28	127/177
2014	27	136/174
2015	29	119-122/168
2016	29	131-135/176
2017	29	135-141/180

рупционной деятельности основываются, в первую очередь, на исключении «человеческого фактора» – возможности умышленного (часто маскируемого под «непредумышленное») человеческого вмешательства в процесс заключения контракта, подписания документа или осуществления государственной услуги:

1) *При взаимодействии «гражданин – государственный служащий»*: отсутствие прямого личного контакта между получателем и непосредственным исполнителем государственной услуги (уполномоченным государственным служащим), обеспечиваемое использованием цифрового инструментария, значительно сокращает коррупционные возможности, в том числе дачу взяток, подкуп, неправомерное предоставление приоритетного права на получение государственной услуги. То же самое касается и юридических лиц. Кроме того, применение автоматизированных систем минимизирует влияние «человеческого фактора», что исключает возможность прикрытия коррупционных схем простой ошибкой сотрудника.

2) *При взаимодействии нескольких государственных ведомств/служб между собой* посредством автоматизированных информационных систем в рамках оказания государственной услуги серьезно снижается уровень сетевой коррупции [7]. Так, установление личных связей и «договоренностей» при взаимодействии онлайн крайне затруднительно, что делает координацию потенциальной коррупционной сети сложной или практически невозможной. Кроме того, межведомственный обмен информацией в единой информационной системе сохраняет данные о сотруднике, который направлял документы/сведения другому госоргану или исполнял какое-либо решение – это устраняет анонимность, устанавливая персональную ответственность служащего за каждое выполненное им действие, что также сокращает готовность совершать противоправные деяния.

Одним из значимых факторов «антикоррупционности» выступает автоматизация процедур, снижающая риски ошибок (в том числе преднамеренных «ошибок», которые могут служить прикрытием для коррупционных махинаций) и помогающая государственным служащим ориентироваться в крупных массивах данных. Так, например, передовые антикоррупционные практики применяются в Федеральной налоговой службе Российской Федерации (далее – ФНС РФ).

Автоматизированная информационная система ФНС РФ АИС «Налог-3» (далее – АИС), утвержденная приказом ФНС России от 14.03.2016 г. № ММВ-7-12/134@, представляет собой уникальный по своей обширности инструментарий, обеспечивающий не только эффективный, максимально прозрачный процесс сбора налогов в бюджет, но и минимизирующий риск формирования коррупционных схем и несанкционированного ухода физических и юридических лиц от налогообложения [8]. АИС получает сведения из баз данных других ведомств (ЗАГС, ГИБДД и др.), хранит и автоматически сопоставляет информацию о сделках физических и юридических лиц с целью обнаружения расхождений. В случае нахождения последних срабатывает «маркер недобросовестности», и информация о несоответствии выводится налоговому инспектору, работающему онлайн с документами данного физического и юридического лица. Инспектор при наличии данного предупреждения будет вынужден внимательно в «ручном режиме» проверить данные налогоплательщика и принять решение о дальнейших процедурах в отношении потенциально недобросовестного лица.

При этом факт сработавшего «маркера недобросовестности» сохраняется в системе, что лишает возможности потенциально коррумпированного служащего позднее сообщить, что нарушение просто не было им замечено. Таким образом, любые неправомерные действия инспектора (например, невыставление требований об устранении нарушения или умышленное игнорирование ошибки и закрытие декларации как «заполненной без нарушений» в целях предоставления незаконной выгоды для фи-

зического или юридического лица) при наличии такого маркера приведут к тому, что против него будет заведено служебное расследование с целью оценки на предмет коррупционной составляющей.

Ещё одной эффективной антикоррупционной практикой ФНС России, основанной на IT-инструментах, является автоматизированная система контроля за возмещением НДС из бюджета (АСК НДС) [9]. Это система *Big Data* с элементами машинного обучения, которая автоматически выявляет «утечки» НДС. Она в режиме реального времени отслеживает движение денежных средств, анализирует расхождения между товарными и денежными потоками, а также агрегирует внешние данные: банковские выписки; данные контрольно-кассовой техники; таможенные декларации; маркировки; госконтракты.

Эта система не только оптимизирует объём и качество работы налоговой инспекции, но и существенно снижает возможность создания коррупционных схем. Риск случайного одобрения незаконного возврата НДС при использовании только бумажной декларации значительно выше, чем при работе с АСК НДС. Коррумпированный служащий не сможет сослаться на то, что не обнаружил ошибок при проверке данных, поскольку система находит их автоматически.

Антикоррупционный потенциал современных технологий становится одной из ключевых причин расширения их применения в государственных органах. Наряду с ФНС, передовые практики внедряет Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр), которая одной из первых начала использовать распределённые реестры на основе технологии блокчейн. Блокчейн-системы, основанные на принципах прозрачности информации, доверия (запись в системе не может быть изменена), отсутствия посредников (информация записывается и проверяется без участия третьих лиц) позволяют создавать автоматизированные реестры. В этих реестрах сведения о проведённых транзакциях и контрактах вносятся путём консенсуса (сверки с данными, записанными на устройствах других пользователей реестра) и являются общедоступными. Все операции в такой системе отслеживаемы, и в случае обнаружения нарушения в цепочке записей пользователи могут определить, на каком этапе была предпринята попытка внести некорректные данные. Это позволяет выявлять противоправные действия коррумпированных должностных лиц [10].

В 2018 г. Ленинградская область стала пилотным регионом для эксперимента Росреестра по регистрации договоров долевого участия с использованием технологии блокчейн. Первый договор долевого участия с применением распределенного реестра был зарегистрирован 26 января 2018 г. К октябрю 2018 г. в рамках проекта было зарегистрировано 894 сделки. Использование блокчейна позволило значительно сократить сроки взаимодействия между Агентством ипотечного жилищного кредитования, Росреестром и Фондом защиты прав участников долевого строительства. Если раньше процедура в бумажном формате занимала месяцы, то блокчейн позволил официально оформить и передать информацию из Фонда в Росреестр за пять минут [11]. Достоверность информации подтверждали несколько участников — верифицирующих узлов: Росреестр, Фонд и Агентство. Если бы операция по регистрации договора долевого участия на каком-то этапе подверглась несанкционированному изменению (в том числе при попытке коррупционного вмешательства), другие верифицирующие узлы обнаружили бы и заблокировали недостоверную транзакцию.

Несомненно, с внедрением цифровизации связаны и определённые риски, например – совершение коррупционных действий в криптовалюте [12]. Однако и эта угроза была должным образом оценена и нивелирована. Если в 2018 г. государственным служащим разрешалось не подавать информацию о криптовалютах в справке о доходах (криптовалюты не были включены в форму справки о доходах из-за отсутствия их законодательного регулирования[13]), то к 2022 г. в декларацию уже включили пункт о наличии так называемых цифровых финансовых активов (ЦФА) [14]. Это серьезно сократило возможность использования криптоактивов в коррупционных схемах.

Подводя итог, необходимо констатировать, что внедрение информационных технологий и автоматизация части процессов в государственном управлении в полной мере соответствует основным задачам антикоррупционной политики России. Более того, институционализация цифрового межведомственного взаимодействия и формирование единых автоматизированных систем приводит к тому, что «цифровой след» работающего в системе служащего становится сдерживающим фактором для участия последнего в коррупционных схемах. Аналитические программные пакеты и технологии работы с большими массивами данных поставлены на службу органов государственной власти России: их активно используют ключевые ведомства страны, в том числе – упомянутые выше ФНС и Росреестр. Информационные технологии не только помогают увеличить эффективность работы и снизить нагрузку на служащих, но и выступают противодействием для коррупции.

Таким образом, статистика показывает, что расширение масштабов использования новых информационных технологий в государственной антикоррупционной политике является эффективным инструментом борьбы с коррупцией. Внедрение открытых данных, электронных услуг, блокчейна и искусственного интеллекта может значительно

повысить уровень прозрачности и доверия к государственным институтам. Эти тренды и статистические показатели подчёркивают необходимость и актуальность дальнейших инвестиций в технологии как в метод борьбы с коррупцией [15].

Литература:

1. Фугалевич Е.В. Цифровая трансформация системы государственного и муниципального управления Российской Федерации на современном этапе // Государственное и муниципальное управление: актуальные проблемы и современные тренды: Сб. науч. трудов II Межд. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 17–18 ноября 2022 г. СПб.: Санкт-Петербургский ун-тет технол. управления и экономики, 2023. С. 199–211.
2. Trading Economics – онлайн-платформа, которая предоставляет глобальные экономические показатели, данные о финансовых рынках и инструменты анализа. URL: https://ru.tradingeconomics.com/country-list/corruption-rank
3. Федеральный закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/bbbd4641125b222beaf7483e16c594116ed2d9a1/ (дата обращения: 22.10.2025).
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 01.12.2021 г. № 2148 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Национальная система пространственных данных» (в редакции постановления Правительства Российской Федерации от 25.08.2023 г. № 1384). URL: http://government.ru/docs/all/137941/ (дата обращения: 14.10.2025).
5. Сейнароев А. Б. Информационные технологии в реализации антикоррупционных практик на региональном уровне // Вестник экспертного совета. 2015. № 3. С. 123–130. URL: https://ski.ranepa.ru/upload/ski/docs/vestnik/3_2015.pdf.
6. Рентген госзакупок // Газета.Ru. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2010/08/10_a_3406365.shtml?updated (дата обращения: 21.10.2025).
7. Чирун С.Н. Консенсусная (сетевая) коррупция и проблемы эффективности государственной политики // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции. Сб. трудов по итогам Третьей Всеросс. науч. конф. с межд. участием. Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН. 2019. С. 91–110.
8. Приказ ФНС России от 14.03.2016 г. № ММВ-7-12/134@. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/docs/16553442/ (дата обращения: 20.10.2025).
9. Система АСК НДС-2 автоматизирует налоговые процедуры и сводит к минимуму влияние человеческого фактора. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn66/news/smi/5713368/ (дата обращения: 20.10.2025).
10. Гумаров И.А., Фарахиев Д.М. Технология blockchain как средство противодействия коррупции // Научный компонент. 2022. № 1 (13). С. 81–87.
11. Бутко А.В. Применение технологии блокчейн в земельном кадастре и реестре недвижимости // Программная инженерия: методы и технологии разработки информационно-вычислительных систем (ПИИВС-2018): Сб. научных трудов II Межд. науч.-практ. конф, Донецк, 14–15 ноября 2018 г. Т. 1. Донецк: Донецкий нац. технич. Ун-тет, 2018. С. 70–74.
12. Мойсиевская А.К. Реализация антикоррупционной политики в условиях цифровизации экономики и общества // Научные записки молодых исследователей. 2018. № 3. С. 62–68.
13. Минтруд разрешил чиновникам не указывать криптовалюты в справке о доходах // Информационное агентство «РБК». URL: https://www.rbc.ru/economics/10/01/2018/5a55c7da9a7947ff536d107e (дата обращения: 21.10.2025).
14. Федеральный закон от 14.07.2022 г. № 324-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48199 (дата обращения: 22.10.2025)
15. Фугалевич Е.В., Смешко О. Г. Оценка эффективности управления пространственным развитием (муниципальный и региональный уровни) // Вестник экономики, права и социологии. 2023. № 4. С. 124–129.

Improving Public Anti-Corruption Policy Through Expanding the Use of New Information Technologies

Kim O.L.
Pushkin Leningrad State University
Fugalevich E.V.
Saint-Petersburg State University of Economics
Gevrasev N.S.
St. Petersburg Tariff Committee

This article explores the issues related to the state anti-corruption policy in the context of expanding the use of new modern information technologies. The relevance of this research is driven by the need to enhance the effectiveness of anti-corruption measures in the digital transformation of society, ensuring transparency, efficiency, and accessibility of anti-corruption measures. The purpose of this study is to identify the role and potential of modern information technologies in the development of anti-corruption mechanisms at the state and municipal levels. The study aims to analyze international rankings of countries based on the Corruption Perceptions Index, examine existing technologies, identify their capabilities and limitations, and provide recommendations for their implementation. The significance of the study lies in creating scientific grounds for integrating innovative information solutions into anti-corruption policy, which will contribute to increasing citizens' trust in public institutions and reducing the level of corruption. As a result of the conducted research, key areas for using new technologies have been identified and prospects for their use have been determined. The text of the article and the conclusions emphasize the automation of interdepartmental interaction and interaction between government agencies and citizens, which results in minimizing the possibility of corruption schemes being disguised as unintentional errors. The article also highlights the need for a systematic approach to implementing digital solutions to enhance the effectiveness of anti-corruption measures and ensure the sustainable development of state anti-corruption policies in the digital age.

Key words: corruption perception index, state anti-corruption policy, latest information technologies, and automated information systems

УДК 341
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-361-366

Цифровизация правовых инструментов в сфере международной миграции (на примере стран СНГ)

Минигулова И.Р.
Кандидат философских наук,
доцент кафедры международного и интеграционного права
Уфимского университета науки и технологий

Актуальность темы исследования обусловлена глобальным процессом цифровизации всех сфер общественной жизни, в том числе сферы международной миграции. Современный мир характеризуется высокой мобильностью населения, которая обусловлена экономическими, социальными и политическими факторами. В связи с этим государства вынуждены адаптироваться к новым реалиям путём внедрения цифровых технологий в правовую сферу управления миграционными процессами. Это позволяет повысить эффективность контроля над перемещением мигрантов, упростить процедуры оформления документов и обеспечить безопасность границ. Таким образом, исследование цифровой трансформации правовых инструментов становится необходимым условием успешного функционирования современных государств.

Цель настоящей работы – провести обзорное исследование современного состояния правовых инструментов в сфере международной миграции в условиях цифровизации.

Научная значимость исследования заключается в анализе и систематизации знаний о цифровизации правовых инструментов в сфере миграции в странах СНГ. Исследование способствует расширению научных представлений о роли цифровых технологий в регулировании общественных миграционных отношений. Практическая значимость работы состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы органами власти и международными организациями для разработки рекомендаций по совершенствованию национальной и международной законодательной базы, направленных на повышение эффективности реализации функций государства в области миграции.

Основные результаты исследования заключаются в выявлении особенностей цифровизации в странах СНГ и их применении в правовом регулировании миграции. Выводы исследования указывают на необходимость комплексного подхода к внедрению цифровых решений, обеспечивающего баланс между эффективностью и соблюдением прав мигрантов. В исследовании также рассматривается вопрос информационной безопасности и защиты персональных данных.

Ключевые слова: *цифровизация, международная миграция, трудовая миграция, международная организация, СНГ, правовое регулирование*

Для цитирования: *Минигулова И.Р. Цифровизация правовых инструментов в сфере международной миграции (на примере стран СНГ) // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 361–366. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-361-366.*

Среди механизмов правового регулирования международной миграции значимым является сотрудничество государств в рамках региональных международных межправительственных организаций. В этой связи актуальным является изучение правовых инструментов в сфере миграции на примере интеграционного объединения Содружество Независимых Государств (далее – СНГ) в условиях цифровизации. Следует отметить, что «цифровизация изменяет механизмы государственного регулирования в миграционной сфере, делая со своей стороны удобные и понятные ресурсы в электронной форме» [1, с. 86–87]. Действительно, «решение проблем современной международной миграции начинается с диалога на высоком уровне, то есть с международно-правового сотрудничества государств, представляющего собой международно-правовой механизм, задающий общие векторы международно-правового регулирования миграционных перемещений» [2, с. 54].

Регулирование миграционных процессов в странах СНГ осуществляется международными договорами и соглашениями, направленными на упрощение передвижения граждан стран-участниц СНГ. В структуре СНГ функционирует Консультативный Совет по труду, миграции и социальной защите населения государств – участников СНГ. Согласно Положению о Консультативном Совете по труду, миграции и социальной защите населения государств – участников Содружества Независимых Государств, основными задачами являются формирование согласованной политики в сфере трудовых отношений, сотрудничество в решении проблем трудовой миграции, социальная защита и охрана здоровья. Нормативно-правовая база СНГ в сфере международной миграции представлена следующими актами:

– Соглашение о безвизовом передвижении граждан государств СНГ;

– Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам;

– Соглашение о сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся-мигрантов;

– Договор о правовом статусе граждан одного государства, постоянно проживающих на территории другого государства (стороны – Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация);

– Соглашение о сотрудничестве государств СНГ в борьбе с незаконной миграцией;

– Концепция сотрудничества государств – участников СНГ в противодействии незаконной миграции;

– Декларация о согласованной миграционной политике государств – участников Содружества Независимых Государств;

– Конвенция о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей государств-участников Содружества Независимых Государств.

Согласно статистическим данным ООН и Международной организации по миграции, «Российская Федерация входит в число лидеров государств, которые являются центром притяжения мигрантов, в том числе трудящихся-мигрантов со всего мира» [3, с. 107]. Изменение траекторий миграционных перемещений на примере Российской Федерации можно выявить на основе статистических данных, приведенных в таблице 1.

Таблица 1

Показатели международной миграции в Российской Федерации за 2023 г. [4]

Прибыло в Российскую Федерацию – всего (чел.)	**560434**
в том числе:	
из стран СНГ:	**490864**
Таджикистан	171234
Кыргызстан	54162
из стран дальнего зарубежья:	**69570**
Китай	11483
Индия	10868

Согласно статистическим отчетам Росстата, в 2023 г. в Россию прибыло наибольшее количество мигрантов из стран СНГ, среди которых лидерами являются Таджикистан и Кыргызстан [4]. Из стран дальнего зарубежья наибольшее количество мигрантов прибыло из Китая и Индии. Таким образом, главными поставщиками трудовых ресурсов в Россию являются Таджикистан и Кыргызстан. Вместе с тем внешняя трудовая миграция снимает напряжённость на рынке труда в государствах-донорах трудовых ресурсов. Однако есть и проблемные аспекты: государства-приема и государства-источники трудовых мигрантов сталкиваются с рядом вызовов. Для государства-источника отток высококвалифицированных кадров ослабляет интеллектуальный потенциал страны, отрицательно влияет на социально-экономическое развитие, а места выбывших специалистов занимают неподготовленные и некомпетентные кадры [5, с. 4]. А государства-приема трудовых мигрантов сталкиваются с незаконной миграцией и ростом преступлений, совершенных иностранными гражданами. МВД России на постоянной основе принимает комплексные системные меры по укреплению правопорядка в сфере миграции, усилению контроля за миграционными потоками, противодействию незаконной миграции и преступности среди мигрантов. Согласно «Аналитической справке о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь – сентябрь 2025 г.», установлено: «по итогам третьего квартала 2025 г. иностранными граждана-

ми и лицами без гражданства на территории Российской Федерации совершено 34,1 тыс. преступлений, что на 12,7 % больше, чем за январь – сентябрь 2024 г.» [6]. В докладе также отмечается эффективность Единого портала государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ), посредством которого было оказано 9,1 млн государственных услуг в сфере миграции в электронной форме. Таким образом, цифровизация правовых инструментов в сфере миграции является востребованной и эффективной.

Учитывая сложность миграционных процессов и интенсивность миграционных перемещений на территории стран СНГ, перспективным становится сотрудничество как на двустороннем уровне, посредством подписания двусторонних соглашений и договоров, так и в рамках деятельности СНГ в формате многостороннего сотрудничества.

В структуре СНГ функционирует Совет руководителей миграционных органов государств-участников СНГ. Деятельность Совета базируется на следующей нормативно-правовой базе:

– Межгосударственная программа совместных мер борьбы с преступностью на 2024–2028 гг.;

– Заявление глав государств – участников Содружества Независимых Государств о развитии сотрудничества в сфере миграции;

– Концепция сотрудничества государств – участников СНГ в противодействии незаконной миграции;

– Соглашение об образовании Совета руководителей миграционных органов государств – участников СНГ;

– Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с незаконной миграцией.

Так, 22 мая 2025 г. состоялось очередное заседание Совета руководителей миграционных органов государств-участников СНГ [7]. В рамках мероприятия, особое внимание было уделено обсуждению миграционной ситуации в странах СНГ, изменению национального миграционного законодательства, а также результатам сотрудничества с международными организациями в сфере миграции. Кыргызская Республика поделилась опытом реализации проектов «Мекен-карт» и «Цифровой кочевник». Внесенные изменения в Законы Кыргызской Республики «О внешней миграции» и «О внешней трудовой миграции» закрепили статус «Цифрового кочевника» для иностранных граждан, специализирующихся преимущественно в IT-технологиях. Совершенствование законодательства направлено на создание благоприятных условий для привлечения цифровых кочевников и укрепление позиций Кыргызстана как глобального IT-центра [8].

Автоматизированная информационная система «Мекен-карт» предназначена для автоматизации процессов оформления, персонификации и выдачи документа соотечественника с иностранным гражданством «Мекен-карт» в соответствии с Положением о порядке присвоения, обмена, прекращения и лишения статуса соотечественника с иностранным гражданством [9].

На заседании Совета руководителей миграционных органов государств-участников СНГ был обсужден опыт цифровизации миграционного учета Республики Казахстан. В последние годы в республике активно внедряются цифровые технологии. В рамках Концепции миграционной политики на 2023–2027 гг. Республики Казахстан проводится цифровизация системы регулирования миграционных процессов. С этой целью создан и функционирует портал *migration.enbek.kz*, предназначенный для ведения единого учета иностранных граждан и мониторинга миграционных потоков. За прошедший 2024 г. в Казахстане внедрено 15 цифровых услуг. В перспективе предусматривается внедрение Единой цифровой системы учёта миграции внутри страны и за рубежом [10].

Согласно Решению Совета Глав государств СНГ, председательство в СНГ в течение 2025 г. осуществляется Республикой Таджикистан. В Концепции председательства Республики Таджикистан в СНГ в 2025 г. сформулированы основные задачи, среди которых есть и задача по поддержанию усилий государств-участников по совместной разработке и внедрению инновационных решений, обмену опытом и лучшими практиками, созданию общих подходов к развитию цифровой инфраструктуры [11]. В Таджикистане функционирует Агентство инноваций и цифровых технологий при Президенте Республики Таджикистан, осуществляющее проведение единой государственной политики в области развития инноваций и цифровых технологий. Одна из главных функций Агентства – «управление и регулирование процесса внедрения электронного правительства, в том числе предоставления государственных услуг в цифровой форме, обращения электронных документов и использования электронной подписи, электронной торговли, автоматизации искусственного интеллекта и совершенствования технологических процессов» [12].

За последние годы Российская Федерация традиционно входит в топ-10 стран, лидирующих по показателям международной миграции. Миграционная политика и миграционное законодательство страны совершенствуются с учетом современных вызовов и рисков. В связи с этим активно проводится цифровизация. Следует отметить, что уже с 2005 г. в России функционирует Государственная система миграционного и регистрационного учёта (система «Мир»). К основным задачам проекта относятся обеспечение национальной безопасности, предотвращение незаконной миграции, а также изготовление, оформление, выдача и контроль обращения документов, удостоверяющих личность.

Таким образом, система «Мир» – это организационно упорядоченная совокупность информационных систем, их частей, объединенных в ведомственные сегменты участников.

В 2024 г. вступило в силу Постановление Правительства Российской Федерации от 7 ноября 2024 г. № 1510 «О проведении эксперимента по апробации правил и условий въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства» [13], в соответствии с которым с 30 июня 2025 г. до 30 июня 2026 г. для въезда в страну иностранным гражданам из безвизовых стран необходимо пройти процедуру регистрации в Единой системе аутентификации и не позднее чем за 72 часа до планируемого въезда в российское государство представить в электронной форме с применением мобильного приложения «*ruID*» заявление о въезде в Российскую Федерацию (мобильное приложение стало доступным в магазинах приложений с 23 июня 2025 года; приложение работает на русском, английском, армянском, казахском, киргизском, таджикском, узбекском языках). Нововведения не распространяются на иностранных граждан из Республики Беларусь и иностранных граждан и лиц без гражданства, не достигших 6-летнего возраста. Правила въезда в РФ для иностранных граждан в визовом режиме остаются без изменений.

На портале государственных услуг Российской Федерации в разделе «Помощь» – «Иностранным гражданам» представлена полная информация о приложении «*ruID*», миграционном учете, о патенте на работу, приглашении на въезд в Россию, разрешении на работу, разрешении на временное проживание, визах, виде на жительство, реестре контролируемых лиц [14]. Таким образом, цифровые правовые инструменты становятся эффективными средствами упорядочивания миграционных процессов.

Совершенствование миграционного законодательства реализуется с учетом современных вызовов. Так, 15 октября 2025 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин подписал Указ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы». В документе отмечается, что возникновение новых вызовов и угроз требует совершенствования миграционного законодательства. Перспективным решением является цифровизация процессов миграционного учета (внедрение новых механизмов биометрической идентификации личности, цифровизация процесса передачи сведений о результатах медицинского освидетельствования иностранных граждан), который будет способствовать повышению эффективности контроля въезда иностранных граждан в РФ. В Концепции определены основные направления реализации миграционной политики, в их числе: расширение практики использования цифровых технологий в сфере миграции; совершенствование электронного межведомственного взаимодействия; формирование цифрового профиля иностранного гражданина, создание информационной инфраструктуры государственного управления в сфере миграции; совершенствование технологических средств учета иностранных граждан по месту пребывания в РФ; цифровизация процесса привлечения иностранных граждан к трудовой деятельности на территории РФ.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о значительном влиянии цифровизации на правовые инструменты в сфере миграции. Анализ показал, что внедрение цифровых технологий способствует повышению эффективности управления миграционными процессами, улучшению взаимодействия государственных органов и мигрантов, а также снижению уровня бюрократии.

Основные выводы исследования включают следующее:

1. Повышение прозрачности. Цифровые технологии позволяют обеспечить открытость и доступность информации о правилах въезда, пребывания и трудоустройства мигрантов, что снижает риски нарушения закона и повышает доверие населения.

2. Оптимизация административных процедур. Электронные сервисы значительно сокращают временные затраты на оформление документов, упрощают процедуры регистрации и легализации, что положительно сказывается на привлекательности страны для трудовых мигрантов.

3. Развитие электронной идентификации. Использование биометрических данных и электронных паспортов обеспечивает надежную идентификацию лиц, предотвращение подделки документов и повышение уровня безопасности.

4. Интеграция баз данных. Создание единой информационной системы позволяет государственным органам оперативно обмениваться информацией, выявлять нарушителей и пресекать нелегальную миграцию.

Однако наряду с положительными аспектами цифровизации существуют и проблемы, требующие дальнейшего изучения и решения. К ним относятся обеспечение конфиденциальности персональных данных, защита от кибератак, необходимость адаптации правоприменительной практики к новым технологиям и обучение сотрудников компетентных органов работе с цифровыми инструментами. Вместе с тем не менее важной является и проблема цифровой грамотности международных мигрантов, заключающаяся в недостатке знаний о специальных цифровых технологиях и сервисах, предназначенных для иностранных граждан, намеревающихся стать трудящимися-мигрантами, а также отсутствие умений и навыков по их применению, что способ-

ствует усложнению интеграции и адаптации к труду на территории иностранного государства.

Таким образом, цифровизация является важным фактором модернизации правовой сферы миграции, способствующим созданию благоприятных условий для интеграции мигрантов и укреплению национальной безопасности. Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку мер по устранению существующих проблем и совершенствованию механизмов правового регулирования миграционных процессов на территории стран СНГ с учетом особенностей цифровой трансформации.

Литература:

1. Балдин С.А. Государственное управление в миграционной сфере в условиях цифровой трансформации экономики: риски и вызовы: дисс. … кан. экон. наук. М., 2025. 227 с.
2. Минигулова И.Р. Проблемы развития современной международной миграции // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2017. № 4(78). С. 49–55.
3. Минигулова И.Р. Современные тенденции миграции и правовые механизмы ее регулирования // Евразия – 2024: правовая и социально-экономическая интеграция в эпоху цифровизации и искусственного интеллекта. Сб. материалов Межд. науч.-практ. конф. Уфа, 2024. С. 103–110.
4. Международная миграция // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения: 02.11.2025).
5. Шарипова А.Г. Совершенствование механизма регулирования внешних трудовых миграционных процессов: теория, методология и практика (на материалах Республики Таджикистан): автореф. дисс. … д-ра. экон. наук. Душанбе, 2024. 44 с.
6. Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь–сентябрь 2025 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/72315437/ (дата обращения: 02.11.2025).
7. Информация о заседании Совета руководителей миграционных органов государств – участников Содружества Независимых Государств (22 мая 2025 года) // Официальный сайт СНГ. URL: https://e-cis.info/cooperation/3091/127803/ (дата обращения: 02.11.2025).
8. Кыргызстан становится привлекательной страной для цифровых кочевников // Официальный сайт Министерства экономики и коммерции Кыргызской Республики. URL: https://mineconom.gov.kg/ru/post/10666 (дата обращения: 02.11.2025).
9. Положение о порядке присвоения, обмена, прекращения и лишения статуса соотечественника с иностранным гражданством (в ред. постановления Кабинета Министров КР от 29 июня 2023 г. № 329, 28 декабря 2023 г. № 719, 7 апреля 2025 г. № 181) // Официальный сайт Министерства юстиции Кыргызской Республики. URL: https://cbd.minjust.gov.kg/158820/edition/1279/ru (дата обращения: 02.11.2025).
10. Ертаев А. проинформировал о миграционных процессах в Казахстане // Официальный сайт Министерство труда и социальной защиты населения Республики Казахстан. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/press/news/details/1096668?lang=ru (дата обращения: 02.11.2025).
11. Концепция председательства Республики Таджикистан в СНГ в 2025 году // Официальный сайт Исполнительного комитета СНГ. URL: https://eccis.org/img/news/28765/6772be667db92.pdf (дата обращения: 02.11.2025).
12. Об Агентстве. Общая информация // Официальный сайт Агентства инноваций и цифровых технологий при Президенте Республики Таджикистан. URL: https://egov.tj/site/innovation/about?lang=ru (дата обращения: 02.11.2025).
13. Постановление Правительства Российской Федерации от 07.11.2024 г. № 1510 «О проведении эксперимента по апробации правил и условий въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства» // Официальный портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202411130026 (дата обращения: 02.11.2025).
14. Раздел «Помощь». Иностранным гражданам // Официальный сайт Госуслуги. URL: https://www.gosuslugi.ru/help/faq/foreign_citizens (дата обращения: 02.11.2025).

Digitalization of Legal Instruments in the Field of International Migration (Using the Example of the CIS Countries)

Minigulova I.R.
Ufa University of Science and Technology

The relevance of this topic stems from the global digitalization of all spheres of public life, including international migration. The modern world is characterized by high levels of population mobility due to economic, social, and political factors. States are forced to adapt to these new realities by integrating digital technologies into the legal framework for managing migration processes. This allows for more effective control over the movement of migrants, simplifies document processing procedures, and ensures border security. Thus, studying the digital transformation of legal instruments is becoming a prerequisite for the successful functioning of modern states.

The purpose of this paper is to provide a review of the current state of legal instruments in the field of international migration in the context of digitalization.

The scientific significance of this study lies in its analysis and systematization of knowledge regarding the digitalization of legal instruments in the field of migration in the CIS countries. This research contributes to the expansion of scientific understanding of the role of digital technologies in regulating social migration relations. The practical significance of this work lies in the fact that the results can be used by government agencies and international organizations to develop recommendations for improving national and international legislative frameworks aimed at enhancing the effectiveness of state functions in the field of migration.

The study's key findings highlight the specifics of digitalization in the CIS countries and their application to migration regulation. The findings highlight the need for a comprehensive approach to implementing digital solutions that balances efficiency and respect for migrants' rights. The study also addresses information security and personal data protection.

Key words: digitalization, international migration, labor migration, international organization, CIS, legal regulation

УДК 339.9
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-367-371

Особенности экономического развития в условиях глобализации

Насретдинов И.Т.
Доктор экономических наук,
профессор кафедры международных экономических отношений
Казанского (Приволжского) федерального университета

В условиях трансформации современной мировой экономики происходит изменение набора параметров, определяющих инновационное и инвестиционное развитие национальных экономических систем.

Цель исследования – определение особенностей развития национальной экономики в новых геополитических реалиях. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: теоретическое рассмотрение особенностей влияния процесса глобализации на мировую экономику; анализ опыта стран, трансформирующих национальную экономику в современных условиях.

Теоретическая значимость исследования заключается в рассмотрении взаимодействия процессов глобализации с развитием национальной экономики. В результате проведённого исследования определены ключевые параметры развития национальной экономики и факторы обеспечения экономического роста: инновационные факторы; направленность инвестиционных потоков; трансформация структуры национальной экономики. Данные параметры являются наиболее значимыми в условиях изменения мировой экономической системы. Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы: при разработке стратегий экономического развития; в процессе модернизации национальной экономической системы; при формировании механизмов управления инновационным развитием.

Таким образом, исследование позволяет сформировать комплексное представление о современных тенденциях развития национальных экономических систем в условиях глобализации и цифровой трансформации мировой экономики.

Ключевые слова: *гобализация, экономический рост, импортозамещение, промышленность, мировой опыт*

Для цитирования: *Насретдинов И.Т. Особенности экономического развития в условиях глобализации // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 367–371. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-367-371.*

В современной мировой экономике процессы глобализации и регионализации играют определяющую роль при рассмотрении аспектов инновационного и инвестиционного взаимодействия между различными экономическими системами. Необходимость анализа положительных и негативных последствий процесса глобализации и рассмотрение инструментария реализации процессов глобализации требует использования методов эмпирического и статистического анализа, методов сравнения и обобщения. Целью исследования является выявление особенностей и параметров текущих процессов глобализации во влиянии на экономическое развитие различных экономических систем.

Среди общих особенностей текущих процессов глобализации в современной экономике можно выделить:

1. Трансформация основ мировых торговых процессов, когда на первый план выходят комплексные производственные и внешнеэкономические отношения, реализуемые в рамках формирования долгосрочных стратегических альянсов или союзов.

2. Совершенствование процессов развития мировых финансовых рынков как необходимого условия трансформации всей системы мировой торговли.

3. Согласование различных аспектов проведения промышленной политики (в рамках составляющих элементов реализации инвестиционного и инновационного развития) в различных экономических системах с целью достижения устойчивых положительных изменений в промышленном и экономическом развитии.

4. Усиление процессов научного и образовательного сотрудничества между странами, а также формирование системы воспроизводственных и хозяйственных отношений с целью эффективного применения имеющихся возможностей и ресурсов.

5. Открытость национальных экономических систем в рамках взаимодействия рынков труда, совершенствования человеческого капитала и усиления миграционных процессов.

В то же время в рамках мировой торговли при усложнении и развитии процессов глобализации формируются основы для усиления конкурентной борьбы между странами за ресурсы. При этом данная конкурентная борьба реализуется не в рамках отдельных экономик, а между группами стран.

На микроэкономическом уровне развитие процессов глобализации и регионализации экономики может анализироваться в рамках рассмотрения деятельности ТНК на мировом рынке.

Особенностью современного экономического развития в мировой экономике является формирование новых финансовых и промышленных центров с учетом инновационной трансформации ряда экономических систем. Достаточно интересно рассмотреть аспекты изменения роли ряда стран на мировом рынке в последние годы. Одним из базовых элементов экономического и промышленного развития в настоящее время становится также активизация процессов импортозамещения в рамках общего инновационного совершенствования экономических систем.

Интенсификация процессов импортозамещения как основного направления развития российской экономики приводит к необходимости анализа теоретических подходов к оценке роли импортозамещения, инновационной и инвестиционной политики в современной мировой экономике. В свою очередь, необходимость совершенствования процессов импортозамещения требует также соответствующей оценки применимости экономической политики государства (методов и соответствующего инструментария) к аспектам стимулирования экспорта из страны, что было рассмотрено П.В. Трифоновым [1]. Инновационность в реализации процессов импортозамещения в российской экономике активно анализировалась такими экономистами, как Н.М. Абдикеев [2], М.М. Балашов [3], A. Miller [4]. Оценивание возможностей реализации экономической политики государства, направленной на эффективное развитие промышленности и импортозамещающих производств, было проведено в работах Н.Ш. Ватолкиной [5] и Е.П. Грабчак [6]. Инновационные моменты в вопросах формирования импортозамещающей модели развития рассматривались в работе М.А. Бендикова [7]. Признание того факта, что, формируя процессы развития импортозамещающих производств, страны фактически уменьшают влияние развитых стран на собственную экономическую систему, также нашло отражение в научных исследованиях А.Т. Абдикаримовой [8].

Остановимся на трансформации таких экономических систем, как Индия и ОАЭ (дружественные экономические системы по отношению к российской экономике после 2022 г.), как примере изменения роли отдельных стран на мировом рынке в условиях глобализации, а также для оценки факторов, определяющих экономический рост в современном мире.

В отношении экономики Индии в настоящее время можно говорить об усилении позиций этой страны на мировом рынке по многим направлениям инновационной и инвестиционной привлекательности. В основе экономического развития страны лежат особенности развития таких факторов, как совершенствование промышленного инновационного процесса и наличие такого ресурса, как дешевая рабочая сила.

Экономика Индии традиционно продолжает оставаться индустриально-аграрной, в то время как на сферу услуг приходится более половины ВВП. Страна занимает ведущие позиции в мировой экономике по аутсорсингу и программированию. Промышленность продолжает развиваться в таких направлениях, как металлургия, машиностроение, фармацевтика и ювелирное дело.

По данным статистики (рис. 1), в 2025 г. ВВП Индии распределяется следующим образом:

1) сельское хозяйство – 17,94 %;

2) промышленность – 27,13 %;

3) услуги – 54,93 %.

В то же время Индия в настоящее время является вторым в мире производителем сельскохозяйственной продукции (567 млрд долл.). На первом месте находится экономика Китая с объемом сельскохозяйственной продукции в 1,267 трлн долл.

Промышленное производство в Индии достигает 888 миллиардов долларов (пятое место в мире). В сфере услуг Индия занимает седьмое место в мире (1,768 трлн долл.).

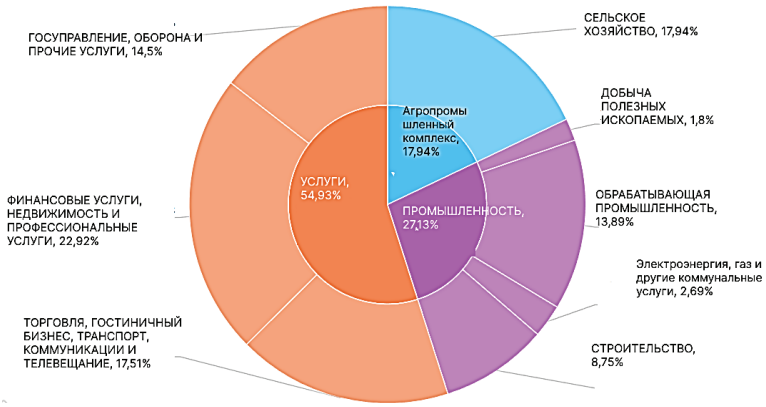

Рис. 1. Структура ВВП Индии по секторам 2024–2025 гг. [9]

Экономика Индии, как и экономические системы других стран (проходивших аналогичные этапы в своем развитии), делает ставку на развитие экспортоориентированных отраслей. В 2023 г. Индия уже занимала двенадцатое место в мире по объему экспорта (455 млрд долл.). При этом рост экспорта происходил именно в последние годы – с 341 млрд долл. в 2018 г. до 455 млрд долл. в 2023 г. В экспорте значимую долю занимают медикаменты, алмазы, телефоны, ювелирные изделия. Основными торговыми партнерами являются такие страны, как США, Китай, ОАЭ, Великобритания, Нидерланды [10]. Индия очень серьезно диверсифицирует развитие своей экономики в рамках государственных программ развития. В Индии реализуются большие инвестиционные программы развития промышленности и вложений в совершенствование инфраструктуры. В отношениях с Россией взаимное сотрудничество реализуется в рамках развития поставок российской нефти в Индию. В 2022–2023 гг. кратно выросли поставки в Индию российских удобрений; Россия вошла в тройку поставщиков и в сегменте коксующегося угля (рис. 2) [11].

По данным Министерства торговли и промышленности Индии, с января по август 2024 г. объём взаимной торговли составил 46,8 млрд долл., увеличившись на 6,8 % по сравнению с аналогичным периодом 2023 г. При этом российский экспорт достиг 43,4 млрд долл. (+5,4 %), а поставки индийских товаров выросли до 3,4 млрд долл. (+30 %). Россия сохранила четвёртое место среди крупнейших торговых партнёров Индии (после США, Китая и ОАЭ) [13]. Российская экономика продолжает проявлять интерес к сохранению и развитию экономических отношений с Индией, определяя экономику Индии как один из новых формируемых в мире центров экономического и промышленного развития.

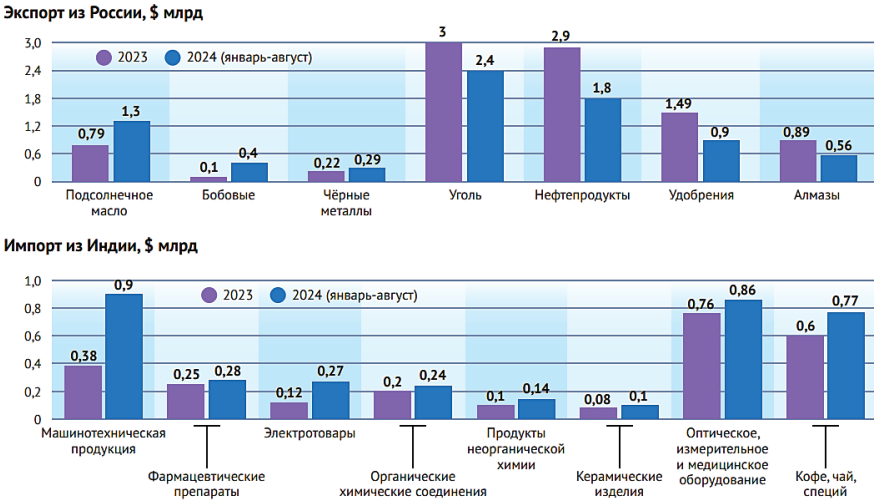

Рис. 2. Внешние торговые связи России и Индии [11]

При рассмотрении изменения роли ОАЭ в современной мировой экономике достаточно интересно остановиться на трансформации факторов экономического роста в ОАЭ. ОАЭ используют возможности, предоставляемые наличием полезных ископаемых, для трансформации экономической системы в целом. В таблице 1 проведен расчет корреляционной зависимости ВВП страны от ряда параметров.

Таблица 1

Корреляционная зависимость влияния секторов экономики на ВВП ОАЭ (по данным за 2014–2024 гг.)

Показатель	Добыча полезных ископаемых	Производство	Строительство	Транспортировка и хранение	ИКТ	Финансы и страхование
ВВП	0,8187	0,9633	0,7763	0,9542	0,9364	0,8024

Рассчитано автором на основе данных [12].

Среди факторов, влияющих на ВВП страны в последние годы, можно отметить усиление значимости таких секторов экономики, как строительство, транспортировка, производство. Фактически в отношении экономики ОАЭ можно говорить об осознании государством необходимости формирования условий для развития страны за счет диверсификации направлений инновационного и инвестиционного развития (помимо сектора добычи полезных ископаемых). Целенаправленное развитие новых секторов экономики становится в настоящее время основой для обеспечения устойчивого экономического развития страны в будущем.

Растущее влияние на экономический рост в ОАЭ ряда дополнительных факторов и рост их значимости отражает в настоящее время успешность трансформации экономической системы и адаптации экономики страны к новым ре-

алиям развития процессов глобализации и мировой экономической системы.

На основании проведенного рассмотрения особенностей развития ряда стран на мировом рынке можно утверждать, что, несмотря на различные стартовые условия и необходимость учета индивидуальных особенностей эволюции развития, опираясь на существующие ресурсы и преимущества, сформированные в национальной экономической системе, различные страны могут успешно решать вопросы обеспечения устойчивого экономического роста. Данный анализ позволяет обратить внимание на наиболее важные аспекты устойчивого развития и использовать опыт других государств в национальной экономике.

Литература:

1. Трифонов П.В. Анализ конкурентоспособности продукции высокотехнологичного сектора обрабатывающей промышленности РФ на внутренних и внешних рынках // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. № 230(4). С. 196–203. DOI: 10.38197/2072–2060–2021–230–4–196–203
2. Абдикеев Н.М., Богачев Ю.С., Трифонов П.В., Донцова О.И. Приоритетные направления развития авиационной промышленности // Полет. Общероссийский научно-технический журнал. 2020. № 9. С. 24–31.
3. Балашов М.М. Импортозамещение в отрасли энергетического машиностроения // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2020. № 11(2). С. 182–195. DOI: 10.17747/2618–947X2020–2–182–195
4. Miller A., Miller M. Study of the problems of technological integration in the manufacturing industry in Russia. Strategic Management. 2019. Vol. 24. № 3. P. 33–42. DOI: 10.5937/StraMan1903033M
5. Ватолкина Н.Ш., Горбунова Н.В. Импортозамещение: зарубежный опыт, инструменты и эффекты // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2015. № (6). С. 29–39. DOI: 10.5862/JE.233.3
6. Грабчак Е.П., Медведева Е.А., Голованов К.П. Импортозамещение – драйвер развития или вынужденная мера // Энергетическая политика. 2016. № (3). С. 74–85.
7. Бендиков М.А., Ганичев Н.А. Электронная импортозависимость и пути ее преодоления (на примере космической промышленности) // Экономический анализ: теория и практика. 2015. № (3). С. 2–17.
8. Абдикаримова А.Т., Жетписбаева М.К., Гимранова Г.И., Мусатаева А.А. Периферийная экономика и импортозамещение: возможности для Казахстана // Вестник Карагандинского университета. Серия: Экономика. 2019. № 2(94). С. 241–261.
9. Sector-wise GDP of India. URL: https://statisticstimes.com/economy/country/india-gdp-sectorwise.php
10. Latest Trends. URL: https://oec.world/en/profile/country/ind?selector359id=HS2
11. Кулик Л. Россия – Индия: формула экономического сотрудничества. URL: https://ru.valdaiclub.com/files/51341/
12. Economic Sectors and Activities (Current Prices) // UAE.Stat. URL: https://uaestat.fcsc.gov.ae/en
13. Ministry of Commerce and Industry. Department of Commerce. URL: https://tradestat.commerce.gov.in/eidb/country_wise_all_commodities_export

Specific Features of Economic Development Under Globalization

Nasretdinov I.T.
Kazan (Volga Region) Federal University

In the context of the transformation of the modern world economy, there is a change in the set of parameters that determine the innovative and investment development of national economic systems.

The purpose of the study is to determine the specifics of the development of the national economy in the new geopolitical realities. To achieve this goal, it is necessary to solve the following tasks: a theoretical consideration of the impact of the globalization process on the global economy; an analysis of the experience of countries transforming national economies in modern conditions.

The theoretical significance of the research lies in the consideration of the interaction of globalization processes with the development of the national economy. As a result of the conducted research, the key parameters of the development of the national economy and the factors of ensuring economic growth have been identified: innovative factors; the direction of investment flows; the transformation of the structure of the national economy. These parameters are the most significant in the context of changes in the global economic system. The practical significance of the research lies in the fact that its results can be used: in the development of economic development strategies; in the process of modernizing the national economic system; in the formation of innovative development management mechanisms.

Thus, the study allows us to form a comprehensive understanding of current trends in the development of national economic systems in the context of globalization and digital transformation of the world economy.

Keywords: globalization, economic growth, import substitution, industry, international experience

УДК 657
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-372-375

Институт исламского страхования: структура и стандарты учета

Снеткова Т.А.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры учета, анализа и аудита
Казанского (Приволжского) федерального университета

На современном этапе развития партнерского (исламского) финансирования в нашей стране становится актуальным создание необходимых условий для внедрения института исламского страхования, альтернативного существующей традиционной модели страхования. В статье на основе нормативно-правового анализа структуры института исламского страхования исследованы особенности учета операций по соглашениям такафул и порядок раскрытия информации о правах и обязанностях заинтересованных участников в рамках бизнес-модели исламского страхования, основанной на принципе партнерства и взаимного распределения рисков. Поскольку структура института такафул существенно отличается от традиционного (коммерческого) страхования, авторский обзор стандартов учета AAOIFI, разработанных и внедренных Организацией по бухгалтерскому учету и аудиту для финансовых организаций исламского страхования, основан на сравнении с общепринятыми принципами учета и формирования отчетности в соответствии с Международным стандартом финансовой отчетности (IFRS) 17 «Договоры страхования». Практическая значимость результатов исследования обусловлена необходимостью определения особенностей бухгалтерского учета и порядка составления финансовой отчетности для некредитных финансовых организаций – участников эксперимента по развитию партнерского (исламского) финансирования, в связи с осуществлением ими деятельности по исламскому страхованию.

Ключевые слова: *исламское страхование, договор страхования, соглашение такафул, стандарты учета AAOIFI*

Для цитирования: *Снеткова Т.А. Институт исламского страхования: структура и стандарты учета // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 372–375. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-372-375.*

Создание условий для развития партнерского финансирования в рамках проведения эксперимента в соответствии с Федеральным законом от 04.08.2023 г. № 417-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 28.12.2024 г.) и Указанием Банка России от 14.08.2023 г. № 6504-У обуславливает необходимость определения особенностей бухгалтерского учета для некредитных финансовых организаций в связи с осуществлением ими деятельности по партнерскому финансированию [1]. В российском законодательстве бизнес-модель традиционного (коммерческого) страхования основана на договоре страхования, по которому некредитная финансовая организация на основании лицензии, получая страховую премию, принимает на себя значительный страховой риск от страхователя, соглашаясь предо-

ставить держателю страхового полиса компенсацию в том случае, если определенное будущее событие, в наступлении которого нет уверенности (страховой случай), будет иметь неблагоприятные последствия для страхователя. Страховая организация, заключая договор страхования от своего имени, владеет и распоряжается страховыми взносами в обмен на выполнение своих обязательств выплатить страховое возмещение держателю страхового полиса.

Договоры страхования, используемые в международной практике коммерческого страхования, отражают механизм страхования как комбинации передачи риска и оказания услуг (и то, и другое имеет форму коммутативного договора), что противоречит сущности партнерства и взаимного распределения рисков, реализуемого в исламском страховании.

Исламское страхование по модели такафул – это заключение соглашения между группой лиц (обычно называемых участниками или страхователями) о покрытии вреда (ущерба), возникающих в результате определенных рисков, которым все они подвержены. Заключение соглашения такафул предполагает уплату взносов в форме пожертвования (*Tabarru*) и приводит к созданию страхового фонда участников (страхователей) такафул [2].

Страховой фонд участников – страхователей (такафул-фонд участников) имеет статус юридического лица (с точки зрения шариата) и несет самостоятельную финансовую ответственность. Средства этого фонда используются для возмещения ущерба, причиненного участнику в результате наступления страхового случая, в соответствии с определенным регламентом и установленным процессом документирования.

Соглашение такафул не является коммутативным обменным договором, поэтому к нему не может применяться такой же порядок учета договоров страхования, как в традиционных моделях коммерческого страхования, и, следовательно, принципы признания, оценки, представления и раскрытия информации по договорам страхования, относящимся к сфере применения МСФО (IFRS) 17 «Договоры страхования», неправомерно применять к операциям по исламскому страхованию [3].

Соглашение такафул – это комбинация некоммутативных (необменных, невознаграждаемых), инвестиционных и/или сервисных соглашений, заключенных между участниками страхового фонда такафул с целью обеспечения взаимного права участников исламского страхования на выплаты и дополнительные услуги, часть из которых может принадлежать институту такафул как поставщику услуг. Участники страхового фонда – организации в статусе юридического лица и дееспособные физические лица, становятся страхователями в исполнении заключенного соглашения такафул, желающие разделить риск в соответствии с принципами и нормами шариата.

В структуре института такафул страховая компания выполняет роль оператора такафул, является организацией в статусе юридического лица, обладающего лицензией на ведение бизнеса такафул (исламское страхование) в соответствии с требованиями принципов и правил шариата. Страховая организация такафул осуществляет свою деятельность на основе возмездного договора вакала (агентирования). Отношения между оператором такафул и страховым фондом участников носят характер принципала-агента. Оператор такафул осуществляет фидуциарную деятельность в качестве агента страхового фонда и не принимает на себя риски или вознаграждения, связанные с операциями исламского страхования.

Оператор такафул в отдельных случаях предоставляет первоначальный стартовый капитал для создания страхового фонда участников. Выплаченный таким образом стартовый капитал носит характер хиба (дар). Оператор такафул не имеет никаких оставшихся прав на стартовый капитал, предоставленный фонду участников исламского страхования, даже в момент ликвидации последнего.

В случае выявления дефицита страховая организация – оператор такафул обычно предоставляет фонду страхователей Кард-Хасан (*Qard Hasan*). Учреждение такафул должно раскрыть информацию о накопленном дефиците, образовавшемся у страхового фонда, и свои прогнозы, по крайней мере, на пять лет, в отношении возможного профицита (излишка) в будущих периодах для компенсации такого дефицита. Кард-Хасан имеет характер временного беспроцентного займа, который подлежит выплате, когда в страховом фонде участников такафул образуется излишек и/или будет сгенерирована достаточная ликвидность. Оператор такафул признает Кард-Хасан, предоставленный страховому фонду участников, в качестве дебиторской задолженности по номинальной стоимости выплаченной суммы, поскольку она подлежит погашению по требованию.

Помимо управления операциями исламского страхования, страховая компания такафул также может управлять от имени участников фонда страхователей инвестированием активов коллективно с целью осуществления инвестиций и получения дохода от них, на основе договора доверительного управления мудараба или инвестиционного агентского соглашения вакала (*Al-Wakala Bi Al-Istithmar*).

Страховая компания – оператор такафул, Страховой и (или) Инвестиционный фонды участников такафул являются организациями, которые ведут раздельный обособленный учет и формируют финансовую отчетность в соответствии с требованиями стандартов финансового учета FAS AAOIFI, хотя фонды участников такафул в большинстве случаев являются виртуальными организациями [4].

Структура института Такафул представлена на рисунке 1.

В профессиональной среде специалистов-практиков страхового дела при обсуждении отличий модели традиционного (коммерческого) страхования от страхования в соответствии с принципами и нормами шариата используются термины «такафул» и «исламское страхование» как взаимозаменяемые, что соответствует шариатским стандартам AAOIFI по исламскому страхованию и перестрахованию. Для того чтобы передать истинную природу механизма регулирования отношений по защите интересов физических или юридических лиц и стандартизировать терминологию, в стандартах финансового учета FAS AAOIFI (Организация по бухгалтерскому учету и аудиту для исламских финансовых учреждений или *Accounting and Auditing Organization for Islamic Financial Institutions*) рекомендуется использовать термин «такафул» вместо термина «исламское страхование» и обосновывать применение термина «институт такафул». Аналогичным образом обосновывается отказ от общепринятого в страховом деле термина «премия» и предлагается использовать «взносы участников». Такое различие было решено провести для того, чтобы четко отделить такафул, в соответствии с шариатскими стандартами 26 «Исламское страхование» и 41 «Исламское перестрахование», от бизнес-модели традиционного коммерческого страхования [5].

Организация по бухгалтерскому учету и аудиту для исламских финансовых учреждений (AAOIFI) в период с 1999 по 2003 гг. выпустила четыре специальных стандарта финансового учета FAS AAOIFI, применимых к исламскому страхованию такафул. В 2018 г. AAOIFI инициировала проект комплексного пересмотра финансовых стандартов учета FAS AAOIFI по исламскому страхованию такафул. В качестве первой части этого проекта в декабре 2022 г. выпускается FAS42 «Представление и раскрытие информации в финансовой отчетности учреждений такафул», который заменяет существующий FAS12 «Общее представление и раскрытие информации в финансовой отчетности исламских страховых компаний» [6]. Стандарт финансового учета AAOIFI FAS43 «Учет такафул: признание и оценка» является второй частью проекта, охватывающей в основном методы и принципы учета, терминологию в отношении механизма «такафул» в соответствии с общепринятой международной практикой учета и новыми нормативными требованиями к финансовой отчетности с точки зрения шариата. Данный стандарт FAS43 вносит существенные изменения и заменяет FAS13 «Раскрытие информации об основах определения и распределения профицита или дефицита в исламских страховых компаниях», FAS15 «Провизии и резервы в исламских страховых компаниях» и FAS19 «Взносы в исламских страховых компаниях» [6].

Стандарт финансового учета AAOIFI FAS42 «Представление и раскрытие информации в финансовой отчетности учреждений такафул» устанавливает принципы представления информации и адекватного отражения прав и обязанностей заинтересованных участников в рамках бизнес-модели такафул в соответствии с принципами и правилами шариата [6].

Стандарт финансового учета AAOIFI FAS43 «Учет такафул: признание и оценка» устанавливает принципы признания, оценки и отражения в финансовой отчетности соглашений такафул и сопутствующих услуг в секторе исламского страхования [6].

Следует отметить, что срок начала применения стандартов AAOIFI FAS 42 «Представление и раскрытие информации в финансовой отчетности учреждений такафул» и AAOIFI FAS 43 «Учет такафул: признание и оценка» установлен с 1 января 2025 г., и страховые организации, общества взаимного страхования и негосударственные пенсионные фонды согласно Указу Банка России от 16.08.2022 г. № 6219-У обязаны применять МСФО (IFRS) 17 «Договоры страхования» с 1 января 2025 г. и с отчетных периодов после этой даты.

Основная цель разработки и внедрения стандартов финансового учета FAS AAOIFI состоит в том, чтобы максимально согласовать методы учета и требования к раскрытию информации в финансовой отчетности некредитных финансовых организаций, которые принимают участие в исламском страховании, с общепринятыми принципами учета и с передовой международной

Рис. 1. Институт такафул

Составлено автором по результатам исследования [6].

практикой финансовой отчетности для страхового бизнеса [7]. Стратегия AAOIFI по разработке стандартов финансового учета для учреждений такафул заключается в том, чтобы максимально приблизить стандарты финансового учета FAS AAOIFI к международным стандартам учета и отчетности страховой деятельности, должным образом учитывая специфические требования, принципы и правила шариата.

На современном этапе проведения эксперимента по развитию партнерского финансирования в нашей стране особую актуальность приобретает создание необходимых условий для участников исламского страхования. Поскольку модель исламского страхования существенно отличается от бизнес-модели традиционного (коммерческого) страхования, проведенный в статье нормативно-правовой анализ структуры института такафул позволил определить особенности признания, представления и раскрытия информации по соглашениям исламского страхования. Законодательное регулирование страховой деятельности обуславливает возможность и необходимость применения стандартов финансового учета AAOIFI в целях формирования и раскрытия информации о финансовых операциях, характеризующих специфику деятельности некредитных финансовых организаций – участников исламского страхования.

Литература:

1. Указание Банка России от 14.08.2023 г. № 6504-У «Об особенностях бухгалтерского учета для участников эксперимента, являющихся некредитными финансовыми организациями, в связи с осуществлением ими деятельности по партнерскому финансированию и порядка составления участниками эксперимента бухгалтерской (финансовой) отчетности при осуществлении деятельности по партнерскому финансированию для некредитных финансовых организаций» (ред. от 14.08.2023) (Зарег. в Минюсте России 24.08.2023 г. № 74951) // СПС КонсультантПлюс.
2. Беккин Р.И. Организационно-правовые основы исламского страхования (такафула) // Проблемы современной экономики. 2014. № 1 (49). С. 268–271.
3. Международный стандарт финансовой отчетности (IFRS) 17 «Договоры страхования» (введен в действие на территории РФ Приказом Минфина России от 20.04.2021 г. № 65н) (ред. от 04.10.2023) // СПС КонсультантПлюс.
4. Жилкина А.Н., Орусбиев М.-Х.Р. Развитие такафула в системе российского страхования // Финансы и кредит. 2021. Т. 27. № 12. С. 2698–2718. https://doi.org/10.24891/fc.27.12.2698
5. Шариатские стандарты // Организация бухгалтерского учета и аудита исламских финансовых учреждений. М.: Изд-во «Читай», 2022. 976 с.
6. Accounting Standard. URL: https://aaoifi.com/accounting-standards-2/?lang=en
7. Умаров Х.С. Регулирование исламской модели бухгалтерского учета в условиях российской действительности // Аудитор. 2021. Т. 7. № 6. С. 30–40.

Institute of Islamic Insurance: Structure and Accounting Standards

Snetkova T.A.
Kazan (Volga Region) Federal University

At the current stage of the development of partner (Islamic) financing in our country, it is becoming urgent to create the necessary conditions for the integration of the institute of Islamic insurance, an alternative to the existing traditional insurance model. Based on a regulatory analysis of the structure of the Institute of Islamic Insurance, the article examines the specifics of accounting for transactions under Takaful agreements and the procedure for disclosing information about the rights and obligations of interested participants within the framework of the Islamic insurance business model based on the principle of partnership and mutual risk sharing. Since the structure of the Takaful Institute differs significantly from traditional (commercial) insurance, the author's review of the AAOIFI accounting standards developed and implemented by the Organization for Accounting and Auditing for financial Organizations of Islamic Insurance is based on a comparison with generally accepted accounting principles and reporting in accordance with the International Financial Reporting Standard (IFRS) 17 "Insurance Contracts". The practical significance of the research results is due to the need to determine the specifics of accounting and the procedure for preparing financial statements for non-credit financial organizations participating in the experiment on the development of partner (Islamic) financing in connection with their Islamic insurance activities.

Keywords: Islamic insurance, insurance contract, Takaful arrangement, AAOIFI Financial Accounting Standard

УДК 658.3
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-376-383

Риски кадровой безопасности в условиях удалённой работы: проблемы и управленческие решения

Черноморец А.Б.
Кандидат технических наук,
доцент кафедры безопасности
Северо-Западного института управления – филиал РАНХиГС
(Санкт-Петербург)

Шматко А.Д.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры безопасности
Северо-Западного института управления – филиал РАНХиГС
(Санкт-Петербург)

В условиях массового перехода к удалённой работе, ускоренного пандемией COVID-19, традиционные подходы к управлению персоналом и обеспечению кадровой безопасности требуют пересмотра. В статье анализируются ключевые риски, связанные с дистанционной занятостью: демотивация сотрудников, десоциализация, сложности адаптации и контроля производительности. Исследование основано на анализе нормативно-правовой базы, статистических данных, результатов социологических опросов и кейсов российских компаний («Яндекс», «Авито»). Выявлено, что, несмотря на значительные преимущества удалённой работы – такие как расширение кадрового резерва, снижение стресса и рост производительности – формат сопряжён с новыми угрозами, требующими комплексного подхода. В работе предложены практические меры по нивелированию рисков: внедрение систем геймификации, разработка индивидуальных планов развития; организация виртуального тимбилдинга; внедрение wellness-программ; построение доверительных моделей контроля на основе KPI. Сделан вывод, что высокий уровень кадровой безопасности в удалённом формате достигается не за счёт жёсткого контроля, а через синтез технологий, прозрачности, психологической поддержки и человекоцентричного управления. Успешное будущее за организациями, способными превратить вызовы удалённой работы в драйверы устойчивого развития.

Ключевые слова: *удалённая работа, кадровая безопасность, цифровизация труда, мотивация персонала, десоциализация, онбординг, контроль производительности, геймификация, доверительное управление, экономическая безопасность*

Для цитирования: *Черноморец А.Б., Шматко А.Д. Риски кадровой безопасности в условиях удалённой работы: проблемы и управленческие решения // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 376–383. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-376-383.*

Сфера трудовых отношений в Российской Федерации переживает глобальную трансформацию, выраженную в стремительной цифровизации. На сегодняшний день режим удалённой работы превратился в глобальную норму, заданную пандемией *COVID*-19.

Исторический контекст формата удалённой работы уходит корнями в 1970-е гг. Именно тогда американский программист Д. Ниллс продвигал данную идею, т.к. она могла стать мерой нейтрализации транспортных проблем и угрозы безработицы в сельских местностях. Он изобрёл новый термин «*teleworking*» (в переводе – работа на расстоянии), тем самым предвидев, что в будущем современные технологии позволят работать с любой точки Земли. В тот период в США в небольших масштабах уже начались изменения в системе организации трудовых отношений, а к середине 1990-х гг. формат «удалёнки» был достаточно распространен во многих отраслях [1]. Отметим также, что форма надомной работы встречалась и в Средние века: некоторые мастера (скорняки, бондари, горшечники и пр.) работали в лавках и мастерских, располагающихся в жилом доме, или вовсе на дому [2].

В Российской Федерации удалённая работа постепенно начала возникать с появлением интернета и основной фактор, который способствовал этому наравне с развитием информационных технологий, – гуманизация производственных отношений, которая выражается в большем внимании к индивидуальным потребностям сотрудников. В 2013 г. были внесены поправки в Трудовой кодекс РФ, чтобы восполнить правовые пробелы в системе правового регулирования дистанционной занятости (появилась глава 49.1 ТК РФ).

Однако настоящий прорыв и популярность «удалёнки» возросла на фоне пандемии коронавируса, где перевод сотрудников на дистанционный формат был на тот момент временной, но необходимой мерой даже для тех, кто скептически воспринимал такую форму организации труда. Статистика НИУ ВШЭ показывает, что до пандемии в удаленном режиме работало около 215 тыс. чел. по всей стране, а за 2020 г. их количество резко возросло до 1,2 млн работников [3]. Согласно данным сервиса поиска работы «HeadHunter», в апреле 2025 г. в Российской Федерации было открыто свыше 82,5 тыс. вакансий [4], предлагающих удалённый формат работы. Этот показатель подтверждает устойчивую актуальность и широкое распространение данной модели трудовой деятельности даже после завершения пандемического периода. Удалённая работа трансформировалась из временной меры в устойчивую форму организации труда, что требует пересмотра традиционных подходов к управлению персоналом. Данный формат нельзя рассматривать как краткосрочный тренд – он представляет собой новый вектор развития экономики. Как и любая инновация, дистанционная занятость сочетает значительные преимущества с потенциальными рисками, в том числе в сфере кадровой безопасности организаций.

Таким образом, возникает противоречие между необходимостью обеспечения высокого уровня кадровой безопасности и той степенью свободы и удобства, которые предоставляет удалённый формат как работодателям, так и сотрудникам. Целью настоящего исследования является выявление рисков кадровой безопасности, связанных с дистанционной занятостью, а также разработка практических методов и инструментов для их минимизации.

Внедрение удалённой работы в практику компаний ставит перед руководителями и HR-специалистами ряд стратегических и операционных задач, требующих решения:

– снижение текучести кадров в условиях отсутствия физического присутствия сотрудников в офисе;

– обеспечение защиты конфиденциальной информации в условиях децентрализации рабочих мест и цифровой анонимности;

– эффективная мотивация персонала и осуществление контроля за выполнением задач на расстоянии;

– своевременное выявление признаков демотивации и эмоционального выгорания у удалённых сотрудников;

– объективность оценивания производительности труда без перехода к избыточному контролю.

Приведённый перечень не является исчерпывающим и лишь частично отражает многообразие вызовов, с которыми сталкиваются современные организации.

Основная проблема удалённой работы заключается в одновременном сосуществовании её преимуществ (таких как снижение операционных издержек, повышение гибкости управления и доступ к географически распределённому кадровому резерву) и рисков кадровой безопасности (включая сложности мотивации, десоциализацию персонала и снижение лояльности). Эти риски усугубляются новизной самой практики и её институциональной незрелостью, что обусловливает отсутствие устоявшихся управленческих моделей. Формат остаётся правовым полем с пробелами и неопределённостью, а службы управления персоналом зачастую оказываются неподготовленными к его внедрению, поскольку их предыдущий опыт был ориентирован преимущественно на офисную среду.

Среди дополнительных факторов следует отметить межпоколенческие различия: представители поколения X, как правило, проявляют сопротивление к удалённой работе вследствие недостаточной цифровой грамотности и консервативных взглядов на организацию труда. Также важно учитывать отсутствие долгосрочных эмпирических данных: мас-

совое распространение удалённой работы в России началось примерно пять лет назад, что недостаточно для полноценной оценки её долгосрочного влияния, в частности на психологическое состояние и профессиональное развитие персонала.

Прежде чем перейти к анализу рисков кадровой безопасности, необходимо описать сущность, способы и особенности дистанционной занятости. Согласно ст. 312.1 Трудового кодекса РФ, удаленная работа – это выполнение определенной трудовым договором трудовой функции вне места нахождения работодателя, при условии использования для выполнения данной трудовой функции и для осуществления взаимодействия между работодателем и работником по вопросам, связанным с ее выполнением, информационно-телекоммуникационных сетей [5]. В таблице 1 представлены особенности формата дистанционной занятости в соответствии с ТК РФ.

По последним данным НИУ ВШЭ, основанным на выборочном обследовании рабочей силы Росстата, в России удаленно работает около 1 млн чел., что составляет чуть более 1 % от общей численности занятых [6]. Из них 35–45 % работают полностью удаленно, а 55–65 % трудятся в гибридном режиме, сочетая работу из дома и из офиса [7].

Таблица 1

Особенности формата дистанционной занятости

Аспект удаленной работы	Правовое регулирование и особенности
Виды удалённой работы	Постоянная, временная (менее 6 месяцев), периодическая (гибридный формат, т.е. сочетание дистанционного и офисного формата)
Правовое регулирование	ТК РФ, в частности гл. 49.1 (ст.ст. 312.1–312.9), локальные нормативные акты предприятия
Особенности оформления	Трудовой договор или дополнительное соглашение к нему могут быть заключены путём обмена электронными документами с использованием электронной подписи [5]
Обеспечение оборудованием	Работодатель обязан обеспечить удалённого сотрудника оборудованием ИЛИ компенсировать расходы по использованию собственных или арендованных сотрудником программно-технических средств и оборудования
Дополнительные гарантии	Выполнение работником трудовой функции дистанционно не может являться основанием для снижения ему заработной платы [5]
Особенности охраны труда (ст. 312.7)	Работодатель лишь частично исполняет обязанности по охране труда: – информирует работника о требованиях охраны труда при работе с оборудованием и средствами; – расследует и ведет учёт несчастных случаев и профессиональных заболеваний; –выполняет предписания трудовой инспекции и рассматривает представления органов общественного контроля; – обеспечивает обязательное социальное страхование работников от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

Выделим ключевые преимущества данного формата, которые положительным образом влияют на кадровую безопасность (табл. 2).

Несмотря на возможные преимущества данного формата, при неправильном подходе к его внедрению возникает ряд рисков и вызовов для кадровой безопасности.

Первый риск, возникающий при внедрении удалённого формата работы – сложности мотивации и стимулирования труда, т.к. в удалённом режиме неизбежно сокращаются возможности нематериальной мотивации персонала. По мнению Т.Ф. Манцеровой и А.С. Игнатюка, данный вызов сопровождается потерей синергетического эффекта от работы команды, снижением мотивации работников в среднесрочной и долгосрочной перспективе, снижением лояльности сотрудников к компании [10].

Тот факт, что специалист трудится удалённо, не снижает значимости нематериальных стимулов в его глазах. Как правило, ему также важно обеспечение удовлетворения собственных потребностей на более высоких уровнях пирамиды А. Маслоу, чем безопасность и физиологические потребности. Для подтверждения данного тезиса обратимся к социальному профилю удалённых сотрудников: по данным ВЦИОМ, удаленная работа является привилегией наиболее квалифицированной части рабочей силы. Подавляющее большинство удаленных работников имеют высшее образование – их доля в 2021 г. составляла 75 % [7]. Еще 18 % приходится на работников со средним профессиональным образованием, а среди работников с основным общим образованием или ниже удаленная работа практически не распространена [6].

Исследования портала *HeadHunter* [4] показывают, что наибольшая доля удалённых сотрудников занята в креативных сферах (ИТ, наука), в которых материальные стимулы часто уступают возможности трудиться над сложными амбициозными задачами, формировать экспертный авторитет (потребности в уважении и признании, самореализации). Если для офисных сотрудников могут быть предусмотрены обеспечение питанием, компенсация транспортных расходов, комфортные рабочие места, комнаты отдыха и эмоциональной разрядки, то в условиях удалённого формата занятости предоставление таких благ становится невозможным. К тому же руководство может пренебрегать дистанционными работниками в пользу офисного персонала, тратя гораздо больше ресурсов на их развитие

Таблица 2

Преимущества удалённой работы с точки зрения кадровой безопасности

№	Преимущество	Описание
1	Расширение кадрового резерва, географическая диверсификация рисков	Возможность нанимать сотрудников независимо от их географического положения, что позволяет привлекать кандидатов с уникальными навыками и опытом, которые могут быть недоступны в регионе ведения деятельности
2	Снижение физических рисков безопасности персонала	Удаленная работа позволяет снижать риски, связанные с транспортировкой конфиденциальных документов, а также угрозами личной безопасности сотрудников при перемещении к месту работы и обратно
3	Снижение психологического и физического стресса работников. Поддержание *work-life balance*	Исследователи из Токийского медицинского университета совместно с Университетом Кэйо в ходе двухволнового панельного исследования установили, что удалённая работа снижает уровень психологического и физического стресса независимо от изменений на работе, социальной поддержки, нарушений и общего времени сна в рабочие дни [8]
4	Повышение производительности труда	Согласно исследованию *Stanford University* (2022), производительность работников, работающих из дома, в среднем на 13 % выше, чем у офисных сотрудников [9]
5	Снижение текучести кадров	Исследование *Owl Labs* (2023) показало, что 74 % сотрудников предпочли бы работать в компании, предлагающей гибкие условия труда, а 56 % сотрудников готовы уволиться, если им запретят работать удаленно [9]

и обучение. Следствием этого будет являться потеря мотивации удалённых сотрудников, что неблагоприятным образом может влиять на показатели производительности труда и усилить текучесть кадров в организации.

Вторая проблема заключается в нехватке личного общения для удалённых работников, снижении количества контактов с интересными людьми, отсутствии знакомств. Такая устойчивая социальная изоляция может привести к снижению лояльности и продуктивности сотрудника, недопониманию между ним и коллегами, эмоциональному выгоранию, повышению риска ошибок.

Примечательно, что данные недостатки удалённой работы были признаны самыми популярными по результатам анкетирования и тестирования студентов ЮГУ в 2014 г., независимо от типа темперамента человека. На них указало более трети представителей каждого из четырёх типов темпераментов [2]. В более свежем опросе, проведённом среди 209 респондентов в 2024 году (большая часть участников опроса – удалённые работники в возрасте от 30 до 55 лет), данные проблемы также были включены в список ключевых трудностей: 12 % опрошенных отметили трудности в общении с коллегами, 11 % – одиночество [8].

Третий проблемный аспект – адаптация (онбординг) дистанционных сотрудников, для них данный процесс усложняется по двум причинам: нет прямого и быстрого контакта с коллективом, как при физическом присутствии в офисе, при этом от новых работников требуется высокий уровень самоорганизации.

Четвёртый риск кадровой безопасности связан со сложностью контроля производительности труда удалённых работников. При отсутствии должной системы контроля могут возникнуть проблемы при расчёте заработной платы, а также при разрешении различных трудовых споров. Последствие данного риска – это симуляция работниками трудовой деятельности и трата рабочего времени по собственному усмотрению, что приводит к снижению эффективности организации и замедлению сроков достижения её целей.

Для предупреждения или минимизации вышеуказанных рисков кадровой безопасности необходимо внедрять комплексные меры, которые будут сочетать в себе психологическую поддержку, внедрение новых технологий и управленческих практик и мотивационных стимулов.

Первый выявленный риск, связанный с затруднением мотивации, возможно минимизировать благодаря внедрению системы геймификации и нематериальных бонусов – причём данная практика востребована и среди офисных работников, поскольку она направлена сразу на несколько аспектов, не только на мотивацию: повышает вовлечённость, укрепляет командный дух, снижает стресс.

В качестве подробного примера такой системы приведём онлайн-платформу «*Bonusly*», используемую компаниями одновременно как в качестве инструмента мотивации, так и контроля.

Механизм внедрения следующий:

1. HR-менеджеры совместно с руководителями подразделений занимаются разработкой количественных и качественных критериев вознаграждения персонала – например, за помощь коллегам, завершение проекта в срок, устранение критической ошибки, предложение новых идей (могут быть установлены прочие специфические показатели, в зависимости от подразделения, в котором трудится удалённый работник, а также критерии, связанные с антикоррупционной политикой). Проводится обучение по использованию данной платформы для сотрудников (в формате краткого видео, показывающего основной функционал).

2. Каждый сотрудник ежемесячно получает виртуальные баллы (50–100), которые он имеет право распределять среди коллег по разработанным и из-

вестным критериям. Все транзакции баллов и причины их переводов находятся в публичном доступе, что позволяет исключить любые махинации и «выплаты своим», накрутки рейтинга. Возможно внедрение автоматических оповещений в систему для проверки на сговор в случаях, когда один сотрудник на протяжении месяца получает баллы только от одного коллеги.

3. Ежемесячно руководители публикуют в корпоративном чате «топ сотрудников» с описанием их вклада, а раз в квартал все баллы обнуляются и конвертируются в призы, стоимость которых будет зависеть от финансовых возможностей конкретного предприятия и накопленных каждым сотрудником баллов (от маленьких корпоративных бонусов в виде дополнительных дней оплачиваемого отпуска до подарочных сертификатов, оплаты санаторно-курортного отдыха или иных наград, носящих материальный характер).

4. По итогам каждого квартала проводится онлайн-церемония награждения наиболее активных и зарекомендовавших себя сотрудников. Для максимального удовлетворения потребностей работников предлагается предоставить им свободу выбора призов из списка, предлагаемого компанией (чтобы учесть мотивационный профиль каждой личности). Например, можно связать баллы с повышением или доступом к программам развития (для тех, у кого главным элементом стимулирования выступает самореализация, профессиональный и карьерный рост). Это универсальная система, поскольку она сочетает не только материальные стимулы мотивации (виртуальные бонусы в обмен на различные призы), но и нематериальные – в виде публичного признания заслуг, обратной связи и одобрения. Кроме того, она выполняет функцию контроля, как было упомянуто ранее. Прозрачная система премирования с элементами геймификации позволяет предотвратить манипуляции с *KPI*, следствием которых выступают фиктивные премиальные выплаты. Таким образом, она служит профилактикой сговоров и махинаций между отделами – вознаграждения происходят публично и открыто, что обеспечивает высокий уровень справедливости и снижает риски недовольства сотрудников в части распределения премий.

Вторая мера по укреплению мотивации больше направлена на тех удалённых сотрудников, в мотивационных профилях которых преобладает стремление к карьерному росту и развитию. Она связана с персонализацией карьерного роста на основе внедрения индивидуальных планов развития (ИПР) удалённых сотрудников.

Данный инструмент уже практикуется во многих крупных компаниях РФ, в частности, в «Яндексе»: каждый дистанционный работник раз в полгода проходит онлайн-сессию с карьерным коучем, что позволяет ему сформулировать текущие цели и получить доступ к наиболее релевантным для их достижения курсам на внутренней платформе Яндекс. Практикум.

Второй кадровый риск (десоциализация удалённых сотрудников), приводящий к выгоранию и трудностям в общении с коллегами, не следует недооценивать и пренебрегать им при организации удалённой занятости. Риск десоциализации оказался действительно значимым по результатам опросов как в 2014 г., так и в 2024 г., что обусловлено естественными социальными потребностями личности.

Для предотвращения вышеупомянутого риска организациям необходимо выделять ресурсы на виртуальный тимбилдинг и неформальное общение для тех сотрудников, чьё место жительства не совпадает с регионом ведения деятельности организации. В этом могут помочь инструменты «Яндекс. Телемост», «MTS.Link» и другие платформы для виртуальных офисов.

Для гибридных сотрудников возможна организация отдельных выездных ретритов, например, раз в полугодие.

Также немалую роль в профилактике стресса, эмоционального выгорания и других психологических факторов, которые могут негативно сказываться на продуктивности и вовлечённости, могут сыграть психологическая поддержка удалённого персонала и *wellness*-программы в различных форматах: заключение договора с психологическим сервисом (для организации онлайн-консультаций), найм корпоративного психолога, предоставление бесплатного доступа к приложениям с курсами по самотерапии и пр.

Третий кадровый риск, который был выявлен в ходе написания работы – трудности удалённой адаптации. Данный риск неизбежен, но существуют методы, позволяющие упростить и структурировать процесс онбординга.

Для снижения кадровых рисков и успешной адаптации новых удаленных сотрудников необходимо применять системный подход, который бы учитывал все аспекты взаимодействия сотрудника (с коллективом, с используемыми технологиями, с документацией), а также обратную связь от сотрудника и его оценку. Пример системы адаптации схематично отображён на рисунке 1.

Примером успешного опыта организации программ адаптации является компания *IBS*, которая внедрила цифровую платформу «Адаптация», включающую персонализацию плана, геймификацию, интерактивность и обратную связь. Система помогла снизить текучесть на испытательном сроке почти в два раза и повысить уровень удовлетворённости новичков с 10 до 90 % [11]. Данный кейс подтверждает, что инвестиции в онбординг окупаются ростом лояльности персонала, который, в свою очередь, положительно влияет на показатели текучести.

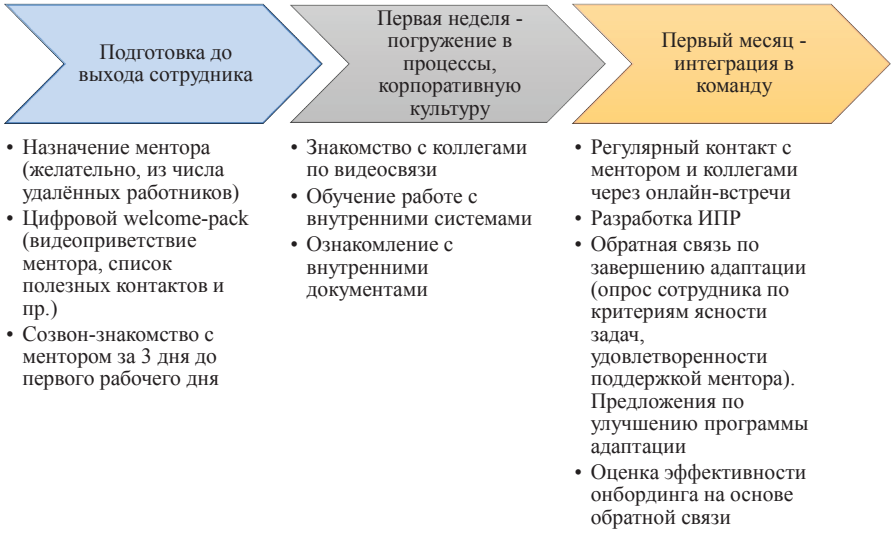

Рис. 1. Пример системы адаптации новых удалённых сотрудников (составлено автором)

Следующая группа инструментов направлена на нейтрализацию риска сложности контроля над дистанционными работниками. Одно из популярных решений проблемы – использование специализированных программ для контроля производительности и учёта рабочего времени. Стоимость данных сервисов невысока, однако они позволяют комплексно оценивать эффективность, собирать статистику по отделам и/или отдельным работникам. В некоторые из программ встроена функция случайных скриншотов для противодействия имитации активной рабочей деятельности, часть из них способны осуществлять запись экрана или следить за веб-камерами.

Однако следует учитывать, что на рынке уже появились ответные инструменты, которыми могут пользоваться недобросовестные работники – гаджеты, программы и устройства, симулирующие активность мыши (движение курсора, нажатие кнопок), что создаёт лишь иллюзию присутствия сотрудника на месте. Злоумышленники (хакеры) в курсе данной тенденции и активно пользуются этой возможностью, поэтому программы для имитации активности могут содержать вредоносные файлы, обеспечивающие удалённый доступ к данным, находящимся на устройстве, что может поставить под угрозу информацию, относящуюся к коммерческой тайне предприятия. Хакеры используют популярность удаленной работы, чтобы получить доступ к конфиденциальным данным и сетям, использовать уязвимости в удаленных системах и проводить фишинговые атаки на ничего не подозревающих пользователей [12]. В современных условиях цифровизации все больших сторон жизни человека – от ежедневных покупок до медицинской помощи и путешествий – такой доступ к персональным данным становится особенно опасным и влечет все большую волну киберпреступлений [13].

В 2022 г. редакция *Forbes* интересовалась экспертным мнением по поводу программ-шпионов для контроля персонала. Позиция большинства экспертов была следующей: использование работодателем различных систем мониторинга для поминутного контроля активности сотрудников за компьютером не мотивирует персонал к ударному труду и креативу, а зачастую, наоборот, подталкивает к обходу систем [14]. Например, сотрудники с навыками в разработке (а как известно, большая часть удалённых работников занята в сфере ИТ) могут также написать собственный скрипт, который будет открывать сайты в браузере, вводить в форму логин и пароль, совершать иные действия.

В целом такой жёсткий и авторитарный контроль нельзя признать в качестве оптимального варианта – вероятно, он приведёт к постоянному стрессу персонала и демотивации, подорвёт доверие между работником и работодателем. Внедрение программ-шпионов влечёт за собой больше недостатков и потенциальных рисков, чем преимуществ – помимо рисков кадровой безопасности, возрастают риски информационной и правовой составляющих экономической безопасности организации. На практике выделяют следующие виды рисков, связанных с применением специализированных программ контроля [14]:

– в облачное хранилище программы-шпиона могут попасть скриншоты таблиц с финансовой отчетностью компании, сделанные во время записи экрана сотрудника – риск утечки важных корпоративных данных;

– возможны судебные риски – при установке работодателем на домашний компьютер программ слежения, если кадры личной жизни сотрудников попадут на сервер компании, сотрудник может подать в суд на работодателя.

Следовательно, необходима открытая и доверительная система контроля, которая будет поощрять не количество фактически отработанных часов, а реальные достижения (табл. 3).

Такой подход к контролю за удалёнными сотрудниками с акцентом на доверии и ответственности, в отличие от более жестких форм контроля, не только снизит риски прокрастинации, но и повысит лояльность персонала.

Удалённая работа в нынешних реалиях воспринимается уже не как временный эксперимент, а как устойчивая модель будущего, при этом среди ключевых рисков кадровой безопасности – демотивация и десоциализация дистанционных сотрудников, затруднённые процессы онбординга и контроля над

Таблица 3

Система контроля удалённых работников

Элемент системы	Описание
Чёткие ключевые показатели эффективности и измеримые цели	Установление для каждого отдела/сотрудника *SMART*-целей (конкретных, измеримых, достижимых, релевантных, ограниченных по времени) с фиксацией этапов выполнения в общих документах (например, с использованием *Google Docs*)
Система обратной связи	Еженедельные письменные отчёты со следующей структурой: выполненные задачи, проблемы и запросы, план на следующую неделю
Фиксированные «часы доступности»	Сотрудники обязаны быть на связи в определённое время для оперативных вопросов и совещаний – например, в промежутке с 11:00 до 15:00, в остальное время действует гибкий график, если поставленные перед сотрудником задачи, как правило, выполняются им в срок
Прозрачность через общие инструменты	Использование бесплатных платформ для видимости прогресса. Создание *Google*-таблиц с задачами, где сотрудники отмечают статус («В работе», «На проверке», «Завершено»).

удалённым персоналом. Однако, как показывает опыт российских компаний, все возможные вызовы, связанные с внедрением формата удалённой работы, преодолимы. Для успеха необходим синтез технологий, управленческих инноваций и человекоцентричности. Ключевые меры, предложенные в работе, формируют системный ответ на угрозы:

1. Мотивация через геймификацию, сочетание материальных и нематериальных бонусов, внедрение индивидуальных планов развития. Преимущество таких систем мотивации в том, что они не только стимулируют вовлечённость и выполняют функцию мотивации, но и способствуют повышению прозрачности, исключая махинации с *KPI*, тем самым обеспечивая дополнительно функцию контроля над распределением премий.

2. Борьба с десоциализацией через виртуальный тимбилдинг с помощью специализированных программ, выездные ретриты для гибридных команд. Профилактика стресса и выгорания путём *wellness*-программ и оказания психологической поддержки.

3. Структурированный процесс адаптации для сокращения текучести новичков.

4. Процесс отслеживания сотрудников через их результаты, а не путём слежки. Чёткие *KPI*, еженедельные отчёты и фиксированные «часы доступности» смещают фокус с количества часов на качество и своевременность выполнения задач.

Таким образом, успех удалённого формата в организации зависит от баланса между доверием и технологиями. Жёсткий контроль за сотрудниками через программы-шпионы, как показывает практика, порождает стресс и риски утечек данных. Вместо этого компании-лидеры делают ставку на прозрачность и гибкость, а также не перестают инвестировать в корпоративную культуру, при этом, как показывают изученные кейсы, синтез геймификации, психологической поддержки и чётких *KPI* превращает риски в драйверы роста. Удалённая работа больше не является экспериментальным форматом – она стала лабораторией инноваций, где доверительная среда и уважение к автономии и потребностям работников являются основой устойчивого развития. В этом и заключается парадокс цифровой эпохи: чем больше свободы, тем выше ответственность – и тем прочнее безопасность.

Литература:

1. Голуб А.Н. Удаленная работа Джека Ниллеса // Экономика и социум. 2016. № 6-1 (25). С. 566–568.
2. Орлов В.Б., Бураншина Е.И. Удаленная работа как новая реалия трудовых отношений: анализ факторов предрасположенности к удаленной работе // Вестник Югорского государственного университета. 2014. № 4 (35). С. 40–46. DOI: 10.21685/2072-3032-2014-4-6.
3. Цифровая экономика. Удалённая занятость в России. М.: НИУ ВШЭ, 2024. URL: https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/976054144.pdf (дата обращения: 22.07.2025).
4. HeadHunter. URL: https://hh.ru (дата обращения: 20.07.2025).
5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I).
6. Удаленная работа в России вернулась к допандемийным уровням // Moscow Changes. URL: https://moscowchanges.ru/news/distantsionnaya-rabota-snova-ne-v-prioritete/ (дата обращения: 22.07.2025).

7. Удаленная работа в России: сколько сотрудников работает из дома и что думают работодатели, по данным ВЦИОМ и ВШЭ. URL: https://adpass.ru/udalennaya-rabota-v-nbsp-rossii-skolko-sotrudnikov-rabotaet-iz-nbsp-doma-i-nbsp-chto-nbsp-dumayut-rabotodateli-po-nbsp-dannym-vtsiom-i-nbsp-vshe/ (дата обращения: 22.07.2025).
8. Фомина Н.В., Гонгина В.Б. Социальные представления об удалённой работе у разных категорий сотрудников // Нижегородский психологический альманах. 2024. № 2. URL: https://psykaf417.esrae.ru/ru/40-r488 (дата обращения: 22.07.2025).
9. Гельманова З.С. Удаленная работа: экономическая выгода или угроза производительности / З.С. Гельманова, Ю.Н. Саульский, А.С. Петровская, И.В. Иванова [и др.] // In The World Of Science and Education. 2025. № 31. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/udalennaya-rabota-ekonomicheskaya-vygoda-ili-ugroza-proizvoditelnosti (дата обращения: 25.07.2025).
10. Игнатюк А.С., Манцерова Т.Ф. Проблемы мотивации в условиях удаленной работы // Московский экономический журнал. 2020. № 9. С. 521–526. DOI: 10.24411/2413-046X-2020-10649.
11. Грушевский С.А. Мягкая цифровая адаптация: лучшие практики по работе с новыми сотрудниками. URL: https://vc.ru/office/1821710-myagkaya-cifrovaya-adaptaciya-luchshie-praktiki-po-rabote-s-novymi-sotrudnikami (дата обращения: 25.09.2025).
12. Булгаков Д. Доступ запрещен: как защититься от хакеров при удаленной работе // Известия. URL: https://iz.ru/1483437/dmitrii-bulgakov/dostup-zapreshchen-kak-zashchititsia-ot-khakerov-pri-udalennoi-rabote (дата обращения: 27.07.2025).
13. Шамахов В.А., Погорелов Н.В., Бурлов Д.И. Инновационные направления развития цифровых технологий в индустрии туризма // Экономика и управление: проблемы, решения. 2023. № 12. URL: https://s-lib.com/issues/eiu_2023_12_t5_a25/. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2023.12.05.025.
14. Шакирова М. Кошки-мышки: как сотрудники обходят системы контроля компаний за рабочим временем // Forbes. 2025. URL: https://www.forbes.ru/svoi-biznes/453787-koski-myski-kak-sotrudniki-obhodat-sistemy-kontrola-kompanij-za-rabocim-vremenem (дата обращения: 27.07.2025).

HR Security Risks in Remote Work: Challenges and Management Solutions

Chernomorets A.B., Shmatko A.D.
The North-West Institute of Management – branch of the Russian Federation Presidential Academy of National Economy and Public Administration (St.-Petersburg)

Amid the widespread shift to remote work, accelerated by the COVID-19 pandemic, traditional approaches to HR management and personnel security require revision. This article analyzes the key risks associated with remote work: employee demotivation, social isolation, difficulties with adaptation, and performance monitoring. The study is based on an analysis of the regulatory framework, statistical data, sociological surveys, and case studies from Russian companies (Yandex, Avito). It is found that despite the significant advantages of remote work – such as expanding the talent pool, reducing stress, and increasing productivity – this format is associated with new threats that require a comprehensive approach. The article proposes practical measures to mitigate these risks: the implementation of gamification systems, individual development plans, virtual team building, wellness programs, and trust-based control models based on KPIs. It is concluded that a high level of personnel security in a remote environment is achieved not through strict controls, but through a synthesis of technology, transparency, psychological support, and human-centered management. The future lies with organizations that can transform the challenges of remote work into drivers of sustainable development.

Keywords: remote work, personnel security, digitalization of work, employee motivation, desocialization, onboarding, performance monitoring, gamification, trust management, economic security

УДК 355.01
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-384-388

Лабильность зон безопасности и контроля в социополитической стратегии России

Беляев В.А.
Доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой социологии, политологии и менеджмента
Казанского национального исследовательского технического
университета им. А.Н. Туполева – КАИ

Сибаева Г.Р.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры цифровых систем и моделей
Казанского государственного энергетического университета

Актуальность темы исследования объясняется нарастанием конфликта России с Западом. В политической социологии слабо разработан вопрос о причинах этого конфликта. В статье обоснована смена вектора угрозы для населения и суверенитета России и основные причины данного конфликта в виде разрушения зон безопасности и контроля России (причем с переходом от потенциальной угрозы для населения к непосредственной) и элиминации жизненных интересов России. В статье выделены два варианта восстановления зоны безопасности России: взаимная безопасность (в виде европейской или двусторонней системы), полный военный контроль приграничной территории. Научно-практическая значимость статьи проявляется в развитии трактовки характеристик зон безопасности и контроля.

Ключевые слова: *засечная черта, трансформация вектора национальных угроз, восточный рубеж, «санитарный кордон», линия Кёрзона, линия Молотова, пояс дружественных стран, лабильность зон безопасности для населения и контроля России, коллективная и двусторонняя зоны безопасности*

Для цитирования: *Беляев В.А., Сибаева Г.Р. Лабильность зон безопасности и контроля в социополитической стратегии России// Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 384–388. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-384-388.*

В стратегии России важнейшую роль стал играть украинский конфликт, однако остаются малоисследованными его причины, характер и перспективы. Все эти параметры зависят от целевого геополитического зонирования сфер взаимодействия России с внешним миром. Так, основными причинами конфликта и вовлечения в него РФ стали две: 1) разрушение зон безопасности для населения и контроля России, трансформация потенциальной угрозы для России в прямую и непосредственную; и 2) разрушение зон ответственности, влияния и жизненных интересов России. Это требует исследования геополитического объема, характера и перспектив развития указанных феноменов.

Какими были зоны безопасности и контроля у *Руси-России* на разных исторических этапах? Первой зоной безопасности являлась *Засечная черта* с X в. в пограничье, отсекающая врагов с юга и востока Руси (в XIV в. создана непрерывная линия засек, протянувшаяся от реки Оки через Дон до Волги,

особое развитие засеки получили в XVI–XVII вв.), когда создавали засеки (лесные завалы, земляные валы и рвы, частоколы и надолбы), строили специальные городки, а впереди них в 7–10 км – сторожевые башенки, на которых система сигнализации работала следующим образом: при появлении врага на сторожевых башнях зажигали мокрый хворост и листья, создавая белый дым, который был хорошо виден на большом расстоянии. Информация передавалась по цепочке от поста к посту до центрального пункта управления. Таким образом шла оборона от набегов кочевников и работорговцев с юга, в частности от Крымского ханства, суммарно угнавшего в рабы и продавшие на Запад до трети населения. Сходная история происходила в Средней Азии, где также пришлось отодвигать границы врага и ставить как засечные черты, так и казацкие города на территории северного Казахстана и Южной Сибири.

Следующий *этап* – длительная **трансформация** вектора зоны безопасности и, соответственно, контроля. Феодальная раздробленность на Руси началась до монгольского ига, но вследствие него сохранялась весьма долго. Однако она исчезла одновременно с появлением централизованных абсолютистских государств Запада Европы, особенно после рождения общенациональных рынков и обосновавшего необходимость преодоления раздробленности и концентрации суверенитета у государя Ж. Бодена в его «Шести книгах о государстве (республике)». Однако эти же государства точно так же, как и раньше, нападали на Русь-Россию.

Особым периодом и формой построения зоны безопасности Руси-России стали *казаки* (бежавшие в Степь («Дикое поле», юго-запад Руси), смешавшиеся там с местным населением и создавшие новую общность сельско-военизированного сословия) и *Калмыцкое ханство* (в пространстве между Доном и Волгой с середины XVII в.). Хотя первоначально в среде казачества были антисистемные восстания И. Болотникова, С. Разина, Е. Пугачёва, но одновременно казаки становились членами пограничных военных формирований, все более прочной засекой от неприятелей России. В итоге Русь-Россия замирила Крым, Среднюю Азию, пресекла угон населения в рабство, вернув себе выходы к морям, обезопасив южные и восточные границы.

Основным противником Руси-России вскоре стал агрессивный Запад. Уже в XIII в. были организованы крестовые походы против Руси. В 1612 г. Москва была сожжена поляками, долго сидевшими в Кремле. В XVIII в. их опыт пыталась повторить Швеция, в 1812 г. – Франция, в 1941 г. – Германия, т.е. постоянно шла угроза безопасности стране и православному народу с Запада (тогда как Золотая Орда была более веротерпима, нежели Запад).

Первоначально долговременным соперником Москвы стал сосед – Литва. Страна явно неславянская, и потому многие не могут понять оду «Клеветникам России» А. Пушкина, где говорится: «*Что возмутило вас? волнения Литвы? Оставьте: это спор славян между собою*». И на деле очень долгое время русские княжества разделялись на подконтрольные Литве (с середины XIII в.) и Москве, и было неясно, вокруг кого воссоздастся русское централизованное государство. Большинство населения в Литве составляли русские. Само княжество называлось «Великое князство Литовское, Руское, Жомойтское и иных [земель]», государственным языком был тогдашний русский, сходный со старобелорусским. Единственным источником писаного права в Литве была «Русская правда» (Правда Ярослава, Ярославичей с добавлением Поучения Владимира Мономаха). Литовцы первоначально были язычниками, потом стали православными, что также способствовало притяжению раздробленных княжеств к Литве. Таким образом, получается, что одни русские княжества примкнули к Литве, другие – к Москве, и на самом деле шли распри русских между собой.

Однако далее литовские и польские правители заключили династический брак (личную унию в 1386 г.) и сеймовую унию, в итоге литовские элиты вошли в состав польской элиты. Но для этого им пришлось стать католиками и во многом полонизироваться. Вот таким-то образом возник двойной гнёт у населения русских княжеств: и обычный, феодальный, и религиозный, ибо религия в то время включала в себя нравственные устои, все традиции и обычаи. Тем самым литовцы ментально ушли на Запад. И поэтому Польша с подчиненной ей Литвой стала Речью Посполитой. В этом ситуация отношений в Польше-Литве была сходна с ситуацией на современной Украине.

В итоге Польша противопоставила себя православию и Руси и восприняла антагонизм Литвы и Руси как собственный. Один из авторов статьи, когда в советское время был в Варшаве, видел в Коло (Королевском дворце) карты Польши, включавшие Смоленск, Брянск, Курск. Так что претензии Польши до сих пор сохраняются: воссоздание мифической Речи Посполитой «от можа до можа» остается национальной идеей польских элит. Вместе с тем названные факторы и облегчили победу Москвы в деле объединения русских княжеств.

Так, у Литвы, Польши, а также Швеции и Турции (у последних из их трактовки своей зоны интересов) появились «фантомные боли», тоска по утраченному былому имперскому величию после того, как Россия аннигилировала это величие [1]. Эти «фантомные боли» часто толкали указанные страны к агрессии против России.

В ответ зону безопасности населения и государства Руси-России, «засечную черту» с XVI–XVII вв. необходимо было строить прежде всего **с запада**, а не с востока.

Попытки построить систему взаимной безопасности в виде Венской, затем Версальской систем международных отношений, как известно, не увенчались успехом. Нарушали зону безопасности Руси-России с запада страны-прокси Англии. Сначала Великобритания называла свою «зону безопасности» против России «*Восточным рубежом*» в рамках своей «Большой игры». Восточный рубеж – это все соседствующие с Россией страны, которые должны были объединиться против нее. На деле Россия не была соседкой Англии или даже ее колоний и никогда не представляла угрозу существованию или суверенитету Англии. Зато «Восточный рубеж» на границах России являлся очагом агрессии против нашей страны.

Потом в 1917 г. произошла Великая Октябрьская социалистическая революция. И вместо «Восточного рубежа» Запад решил строить «*Санитарный кордон*» в качестве своей зоны безопасности. Все близлежащие к СССР страны, как бывшие российские (Финляндия, Польша, Прибалтика), так и нероссийские (Венгрия, Румыния и даже Болгария), Запад старался объединить против Советского Союза. Англия и Франция направляли их на нападение на СССР, но укрепление Советской страны вынуждало эти лимитрофы (страны межцивилизационного барьера, буферной зоны) ограничиваться засылкой диверсантов, ДРГ и террористов. Тем не менее это создавало угрозу жизни и суверенитету Советского Союза, разрушало зону безопасности его населения.

Среди возможностей восстановления зоны безопасности имеются два варианта: 1) дипломатия, *взаимная безопасность* (в виде или европейской, или двусторонней системы, или системы противостоящих военно-политических блоков, причем последняя вовсе не является гарантией безопасности); 2) полный военный *контроль* приграничной территории. СССР использовал оба варианта. Сначала он предлагал систему коллективной безопасности всех стран Европы, а после прихода Гитлера к власти – такую же систему против Германии. Запад ограничился кратковременным союзом с СССР по договорам с Францией и Чехословакией.

После разрушения этого союза во время Мюнхенского сговора 1938 г. СССР вынужденно задействовал второй вариант в 1939–1940 гг. В период Второй мировой войны у Гитлера были планы мирового господства, поэтому он все страны-лимитрофы направил против СССР или атаковал его с их территории. Предвидя это, СССР стремился *отодвинуть* зону своей безопасности на запад.

Так, в отношении границы с Польшей СССР воспользовался, в частности, тем, что разграничительная линия Керзона (которую провел министр иностранных дел Англии Дж. Керзон) проходила там, где и сейчас пролегает граница с Польшей (за исключением Белостокской области, отданной после войны Польше в силу слабой возможности обороны этого выступа). Тем самым 17 сентября – 5 октября 1939 г. СССР вернул захваченные Польшей в нарушение «линии Керзона» только сугубо украинские и белорусские земли. Таким образом, СССР восстановил не только свои зоны безопасности и контроля, но и зону ответственности (защиты братских народов) и зону жизненных интересов. Неслучайно сейчас *противники СВО и отодвигания границы этих зон на запад точно так же осуждают СССР за его действия по отодвиганию границы с Германией* (оккупировавшей Польшу с 1 сентября 1939 г.) на более дальнее расстояние. Противники СССР трактуют освободительный, практически бескровный, поход Красной армии в 1939 г. как новый раздел Польши. При этом игнорируются как благожелательная реакция политической элиты Франции и Англии и нейтральная – самой Польши на этот поход, так и возмущение начальника Генштаба сухопутных сил Германии Ф. Гальдера тем, что СССР вернул себе «восточные кресы» (это ответ тем, кто придумывает мифический союз Германии и СССР). Он писал, что после бегства правительства Польши к середине сентября осталось лишь «коммунистическое руководство в Варшаве» (запись в его военном дневнике от 18.09.1939 г.), а уже 20 сентября отмечал: «Решено: Русские займут Львов. Немецкие войска очистят Львов. **День позора** немецкого политического руководства. …Переходы [в рамках ухода немецких войск, отступающих от Львова и Бреста при наступающей туда Красной армии. – В.Б., Г.С.] должны проводиться с 25-километровым промежутком между нами и русскими» [2, с. 124–126], что говорит об отсутствии «совместных парадов» и о недостатке сил у Германии для схватки с СССР в 1939 г.

В интересах СССР было *отодвинуть* зону безопасности на достаточное расстояние. Благодаря этому Ленинград и Москва не были взяты гитлеровцами. Несмотря на старую «линию Сталина» (проходившую по прежней границе СССР) и на Лужскую линию обороны (которую Красная армия держала два месяца), они могли взять Ленинград, если бы граница проходила впритык к нему. То же касается и Одессы – несмотря на ее двухмесячную успешную оборону, ее гитлеровцы могли бы захватить сразу, если б СССР не вернул себе Молдавию перед войной.

Благодаря тому, что мы отодвинули *всю* западную прогитлеровскую границу перед войной (и создали «линию Молотова» по новой границе), СССР не отдал два из трёх городов, которые И. Сталин обещал помощнику Президента США Г. Гопкинсу удержать до начала зимы, лишь Киев был сдан. Когда В. Высоцкий пел «Идут по Украине солдаты группы "Центр"», казалось, что он ошибся: на Украину, на Киев, шла другая группа – «Юг», но Х. Гудериан вынужден был повернуть войска и тан-

ки на Украину, чтобы взять в кольцо Киев. И с юга, с южной группы, тоже были развернуты войска на Киев, что и позволило Гитлеру захватить Киев, но спасло Москву и Ленинград. Отодвигание границы, проходившей вплотную к Ленинграду, из-за победы в 1940 г. над Финляндией, а также присоединение Прибалтики тоже помогли спасти Ленинград. Следовательно, расширение зон безопасности и контроля необходимо включало выход на *границы* 1940 г.

В апреле 1943 г. командованием Красной армии было впервые объявлено о том, что она *не остановится на границе СССР*, что ее вступление в Европу – стратегическая необходимость с целью победы над фашизмом, защиты безопасности нашей страны и что второй задачей продвижения является освобождение братских народов Польши, Чехословакии и т.д. Чуть позже было заявлено Советским правительством о задаче восстановления государственности у указанных народов.

Страны-союзники Гитлера воевали против СССР, и потому их после войны даже в ООН не впускали. И только когда они подписали в 1948 г. мирный договор – единственный договор, не требующий ратификации, а действующий с момента подписи, – когда они прошли денацификацию и демократизацию, им было разрешено вступить в ООН: в 1955 г. Австрии, Болгарии, Венгрии, Италии, Румынии, Финляндии, в 1956 г. Японии.

С 1945 г. появилась возможность формирования *пояса дружественных стран* из числа всех соседей (как стран «народной демократии», так и капиталистической Финляндии). Такая зона демпфировала угрозу безопасности от этих соседей (особенно Польши и Германии) и восточных соседей (Китай, Северная Корея). Одновременно, учитывая появление у потенциального противника (в лице США и Англии) ядерных бомбардировщиков, необходимо было нейтрализовать угрозу их базирования на территории соседей второго плана: Болгарии, Югославии, Албании и советской зоны оккупации (зоны контроля) в восточной Германии – будущей ГДР, а также Австрии, которую удалось сделать нейтральной. Тем самым СССР отодвинул зону безопасности.

Часть этой зоны стала и зоной контроля после создания ОВД – Организации Варшавского договора, включавшей ГДР (т.е. советскую зону оккупации Германии), Польшу, Чехословакию, Венгрию, Румынию, Болгарию, одно время – Албанию. Это логично. исходя из того, сколько времени летят бомбардировщики НАТО и за сколько СССР сможет мобилизоваться и ответить.

А после разрушения СССР все население страны лишилось потенциальной зоны безопасности, но РФ настаивала даже при Ельцине, чтобы натовская армада не двигалась на восток [3], чтобы войска НАТО дальше Эльбы не шли и чтобы в связи с роспуском ОВД ФРГ тоже вышла из НАТО. Но все эти требования были отклонены, ГДР включили в ФРГ и НАТО, а потом в НАТО приняли ещё три страны, позже включили ещё целый ряд стран, включая бывшую нашу Прибалтику, входившую в СССР. Тем самым опять впритык к Санкт-Петербургу появились базы и войска Запада.

НАТО стала строить свою стратегию не просто окружения России, но и её уничтожения. Дело в том, что западная цивилизация носит экспансионистский характер, существует за счёт захвата чужих ресурсов и за счёт расширения. Но после войны большинство колоний при поддержке СССР начали выходить из колониальной системы Запада, хотя всё равно платили деньги и отдавали ресурсы Западу (политика неоколониализма). Кроме того, соцстраны перестали быть дойной коровой, и поэтому очень сузились возможности Запада. У западной Европы собственных природных ресурсов мало, несмотря на открытие в 1969 г. между Голландией и Норвегией нефтяных и газовых залежей. В силу этого необходимо захватывать другие земли.

Так появился восточный фланг НАТО, который включал в себя Латвию, Литву, Эстонию, бывшую ГДР в рамках ФРГ, в которую ее (ГДР, как и Западный Берлин) без всякого референдума включили. Потом приняли Польшу, Чехию, Словакию, Румынию, Венгрию, Болгарию, часть Югославии, которую тоже расчленили, как и СССР, ибо, по З. Бжезинскому, все православные страны надо расчленять. И также без референдумов.

Получается, что Запад придвигается к нашим границам, зона безопасности населения РФ исчезает. Это причина, по которой мы не могли дать Украине (богатой ресурсами и населением, которые можно использовать и против России) вступить в НАТО. Кроме того, зона безопасности РФ стала ущербной и в силу создания антироссийской организации из частей бывшего СССР. В антироссийскую организацию вошли Грузия, Украина, Азербайджан, Молдавия (ГУАМ) с 1997 г. (в 1999–2005 гг. – ГУУАМ, пока в эту организацию входил Узбекистан). Это стало попыткой формирования национальной идентичности в странах, не имевших никогда «своей» государственности. Для этого США не прекращали даже в 1990-е гг. политику поддержки оппозиции и антироссийских «цветных революций». Такие перевороты организовывались в зоне жизненных интересов РФ: в Киргизии, Армении, Молдове, Грузии, на Украине, были и сходные попытки в Узбекистане, Белоруссии, Казахстане. Начался процесс включения в НАТО Украины, Молдовы, Грузии [4].

В ответ Россия вновь попыталась дипломатическими методами в декабре 2021 г. вернуть зону безопасности ее населения путем предоставления НАТО гарантий невступления в этот блок Украины и Грузии и отказа от ведения любой военной деятельности на территории Украины, Грузии, Восточной Ев-

ропы и Средней Азии. Однако 26 января 2022 г. эти рациональные требования были отклонены НАТО, что не оставляло возможностей мирно решить назревший конфликт.

Кроме того, необходимо выделить *внутреннюю и внешнюю* зоны безопасности. Внутренняя зона безопасности прилегает к границам государства изнутри и часто бывает зоной ограниченного доступа (обычно шириной 7,5 км, но глубиной до 90 км). В 1935–1936 гг. для обеспечения безопасности границы СССР ряд народов, считавшихся неблагонадёжными или имевших этнически родственное государство за границей (поляки, немцы, ингерманландцы, эстонцы, латыши), были переселены в иные регионы страны [5]. Вошедшие в XXI в. в состав РФ регионы (Крым и др.) и пограничные с Украиной области России также относятся к внутренней зоне безопасности и имеют дополнительные меры обеспечения безопасности. Внешней зоной безопасности называются регионы за пределами границ государства, в случаях угрозы прямого нападения или иных атак с таких территорий, поэтому они могут расширяться (сдвигаться в сторону противника) по мере использования противником все более дальнобойного оружия. Обе зоны безопасности требуют наличия «зонтика» *реального контроля* за такими территориями, выражаемого только в разных формах.

В целом можно сделать вывод о том, что зона безопасности населения России является многосоставной, а потому конфликтной и лабильной, меняющейся в зависимости от поведения соседей и иных геополитических противников и от совершенствования ОМП. Переход зонирования от потенциальной угрозы России со стороны Запада к непосредственной делает проблему зоны безопасности экзистенциальной и насущной, требующей своего восстановления.

Литература:

1. Беляев В.А., Сибаева Г.Р. Региональные игроки как антагонисты: формы ирредентизма и «фантомные боли» соседей в разных типах современных цивилизаций // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2024. № 1(64). С. 12–20.
2. Гальдер Ф. Военный дневник. М.: Воениздат. 1968. Т.1. 765 с
3. Беляев В.А., Сибаева Г.Р. Тренды стратегии Запада: сжатие «петель Анаконды» // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2023. № 6(63). С. 34–45.
4. Шевцов О. От Брюсселя Брюсселю: и строгий ошейник в подарок. URL: http://www.stroyip.ru/news/news/news-33642.html (дата публикации: 19.01.2023).
5. Мартин Т. Истоки советской этнической чистки // Журнал современной истории. 1998. № 70(4). С. 813–861. DOI:10.1086/235168.

The Instability of Security and Control Zones in Russia's Sociopolitical Strategy

Belyaev V.A.
Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev – KAI
Sibaeva G.R.
Kazan State Power Engineering University

The relevance of the research topic is explained by the growing conflict between Russia and the West. The question of the causes of this conflict has been poorly developed in political sociology. The article substantiates the change in the vector of threat to the population and sovereignty of Russia and the main causes of this conflict in the form of the destruction of Russia's security and control zones (and with the transition from a potential threat to the population to an immediate one) and the elimination of Russia's vital interests. The article highlights two options for restoring Russia's security zone: mutual security (in the form of a European or bilateral system), and full military control of the border area. The scientific and practical significance of the article is manifested in the development of the interpretation of the characteristics of security and control zones.

Keywords: serif line, transformation of the vector of national threats, eastern frontier, cordon sanitaire, Curzon line, Molotov line, belt of friendly countries, lability of security zones for the population and control of Russia, collective and bilateral security zones

УДК 004.8
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-389-393

Угрожает ли искусственный интеллект человечеству?

Нуруллин Р.А.
Доктор философских наук, профессор кафедры общей философии
Института социально-философских наук
Казанского (Приволжского) федерального университета

В контексте развития информационной цивилизации изобретение квантового компьютера привело к созданию систем искусственного интеллекта (ИИ). Широкое внедрение ИИ во все сферы жизни общества вызывает обеспокоенность мыслящей общественности относительно организации дальнейшего развития человеческого мышления. Решение этой проблемы и достижение единства в системе отношений человек–машина требует четкого разграничения сфер интеллектуальной деятельности между ними.

Целью исследования является поиск несводимых друг к другу оснований человеческого и машинного мышления, знание которых позволило бы осуществить плодотворное единство двух нестандартных интеллектуальных форм отражения на принципах дополнительности.

Четкое знание специфических сторон функционирования человеческого и машинного интеллекта позволит человеку в будущем без потерь своих личностных качеств сосредоточить свои жизненные силы на создании новых открытий. Все это позволит цивилизации человечества выйти к тотальной автоматизации всех алгоритмизирующихся процессов в социуме, освободив человека для реализации культурного творчества.

В работе рассматриваются кантовская концепция разума в посткантовский периоды развития философской мысли. Если И. Кант просто декларировал разум в качестве априорных форм мышления, направляющих рассудок к научному познанию, то представители классической немецкой философии попытались подвести под представления И. Канта метафизическое основание. Г. Гегель, в попытке обоснования возможности человеческого разума, диалектически пришел к тому, что о мышлении Абсолюта можно говорить лишь с позиций Его интеллекта. Это позволяет: с одной стороны, разграничить понятия разума и интеллекта вообще, а с другой – дать возможность человеку определить свое особое место в культуре, развивающегося в структуре становления информационной цивилизации под управлением систем ИИ.

Определив разум как вопрошающее мышление, выходящее за пределы имеющихся знаний, можно классифицировать разум как творческое мышление, позволяющее человеку приходить к открытиям и новациям, поскольку разум всегда работает на границе знания и незнания. В отличие от разума, интеллект сосредоточен на поиске оптимальных решений, изобретений и инноваций, поскольку он действует в области «знания своего знания». Поэтому интеллект ответственен за творчество в своем инновационном значении.

Ключевые слова: *интеллект, разум, рассудок, восприятие, Абсолют, мышление, творчество, новации, инновации*

Для цитирования: *Нуруллин Р.А. Угрожает ли искусственный интеллект человечеству? // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 389–393. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-389-393.*

Изобретение квантового компьютера и бурное распространение систем искусственного интеллекта (ИИ) во все сферы жизни общества еще более ускорило и без того стремительный характер развития информационной цивилизации. Все это вновь актуализировало необходимость переоценки человеком своего особого места в мире. Человек как исходная единица анализа мышления и создатель машинного мышления не может оказаться полностью замещенным своим же созданием. Человек как творческая единица может делегировать лишь часть своих функций машинам. В данной работе речь идет о передаче искусственным системам интеллекта некоторых мыслительных способностей человека. Различение сфер интеллектуальной деятельности человека и машины требует получения четких дефиниций феноменов разума и интеллекта, которые в научной и философской литературе, будучи широкими по объему понятиями, часто определяются друг через друга. Проблема точного определения интеллекта сегодня приобретает особую остроту в связи с изобретением квантовых компьютеров, которые в условиях становления информационной цивилизации, как следствие, приводят к бурному внедрению во все сферы человеческой жизнедеятельности систем ИИ. В первом приближении, создание систем ИИ ставит под сомнение смысл существования человека в качестве самого разумного существа на Земле. Эти обстоятельства вынуждают современных мыслителей обратить свое внимание на поиск истинного места человека в системе информационной цивилизации, где человек и машина не отрицали бы друг друга, а сосуществовали на принципах взаимного дополнения. Все развитие цивилизации – это постепенное освобождение человека от тяжелого физического, а сегодня и рутинного умственного труда посредством постепенного делегирования машинам своих сначала физических, а потом интеллектуальных качеств. Умственная деятельность долгое время оставалась прерогативой человека, но и она оказалась подвластной системам ИИ. Возникает вопрос: «Можно ли в человеческом мышлении найти что-то исключительно принадлежащее человеку, что принципиально было бы неподвластно искусственным системам?»

Исходно решение этих проблем необходимо начинать с получения четких понятий феноменов разума и интеллекта. Выделение критериев различения этих феноменов позволило бы рационально распознавать отличительные особенности в функционировании человеческого и машинного интеллектов. Интеллект исторически связывался с творческими возможностями человеческого мышления в системе развития общественных отношений. Процесс творчества всегда был связан с созданием чего-то нового. Осмысление человека не только как раба, но и как помощника Бога получило свое отражение в эпоху позднего Средневековья и Возрождения. Именно в это время человек стал рассматриваться со-творец Личности Бога, который в акте творчества не только создает новый мир, но одновременно еще формирует свою индивидуальность в личность [1, с. 243–307].

Для того чтобы два вида интеллекта – естественный и искусственный – могли взаимодействовать, не угрожая друг другу уничтожением, а на принципах созидательной дополнительности, требуется выявление в них несводимых друг к другу творческих начал. Творчество связано с двумя формами деятельности: производством новаций, находящихся в основе всех идей и открытий культуры, и производством инноваций, лежащих в основе изобретений, которые определяют ускоренное развитие цивилизации. Человек как исходная мыслящая структура уже по природе должен обладать этими двумя формами производства новаций и инноваций. Если благодаря новациям человек организует внутренний мир своего мировоззрения, то благодаря инновациям он преобразует свой внешний мир – цивилизацию.

Способность человеческого разума выходить к новым смыслам трудно объяснить, исходя из анализа свойств только нижних (биологических и инстинктивных) этажей организации материи – мозга человека. Достижение определенного уровня развития материальной составляющей мозга выступает лишь необходимым условием для воплощения разума, где достаточные условия для возникновения феномена разума в качестве метацелостного свойства функционирования мозга человека оказываются спровоцированными высшими уровнями организации бытия. А потому при объяснении феномена разума, как способности мышления выходить за свои биологические границы, в разные периоды развития истории европейской мысли не обходилось без апелляции к высшим и более масштабным уровням существования, организованного Космосом, Богом, феноменами коллективного разума или обществом.

В философии докантовского периода характерно определение разума в качестве мышления человека, который позволяет его сознанию созерцать порядок в хаосе своих всевозможных отношений с миром вещей. Поэтому человеческий разум оказывается по своему смыслу ближе к рассудку. Так, для средневекового мышления считалось, что разум человеку дается Богом, чтобы он мог правильно ориентироваться в мире при помощи познания созданных Богом вещей. В этом смысле рассудок выступает проявлением божественного разума в мышлении человека.

Современное понимание разума в качестве направляющей силы функционирования человеческого рассудка было предложено в философии И. Канта. Он впервые определил разум в виде априорных форм мышления вечных идей-целей Космоса, Души и Бога, которые сами по себе недостижимы для рассудка, но способны вовремя сигнализировать мышлению человека о знании им своего незнания, когда он при помощи условных ограниченных определений рассудка пытается познать безусловные истины. Действительно, чтобы человеку выйти к принципиально новому знанию, ему необходимо узнать для себя то, что исходно он еще не понимает. Поэтому в задачу разума входит перманентное сообщение сознанию об ограниченности человеческого рационального мышления, когда он вдруг начинает впадать в иллюзии, думая, что при помощи рассудка, может выйти к отражению безусловных (абсолютных) идей разума [2].

В психологии интеллект характеризует умственные способности человека, которые определяют его возможности выполнения различных видов деятельности. Некоторые психологи пытаются определить интеллект в количественных единицах ума, которые можно измерить тестами [3, с. 76–93]. Выделяют различные виды интеллекта: академический, аналитический, биологический, искусственный, коммуникативный, вербальный, невербальный и многие другие [4, с. 153–154].

Из всего разнообразия существующих определений критерием интеллекта все же выступает правильность (логическая выветренность, валидность) суждений и действий, приводящих человека к необходимому результату в соответствии с его познавательными, практическими или другими целями. Можно сказать, что интеллект есть своего рода развертка ума во времени или способность человека правильно судить о будущем на основе знаний положения дел прошлого и настоящего. Таким образом, интеллект – это способность человека приходить к адекватным суждениям о будущем на основании синтеза знаний прошлого (своего индивидуального опыта и опыта истории культуры общества) с результатами анализа условий настоящего положения вещей.

По сути, интеллект формально работает как разум, но с одним существенным различием. Если разум нацелен на поиск принципиально нового знания или на творческое раскрытие неизвестного путем вопрошания за пределы наличных знаний – в область бесконечного формально-возможного бытия фундаментальных знаний, то интеллект прежде всего работает в поле конечного бытия реально-возможного знания [5, с. 264–272].

В этом значении вполне можно согласиться с рассуждениями Фомы Аквинского об интеллекте и разуме в его «Сумме теологии» [6, с. 31–35]. Согласно этим представлениям, интеллект действительно можно относить к сущности Бога, тогда как разум (за которым у Фомы скрывается рассудок) был направлен на постижение временных вещей. Да, действительно, если попытаться взглянуть на мир с позиций Абсолютного Бога, то окажется, что Он работает во всей полноте им же созданных знаний. В мышлении Абсолюта для Бога нет ничего нового и неожиданного, тогда как эта творящая деятельность Бога с позиций восприятия человека в познании выступает для него чудом осознания неожиданности бытия. Так как человеку в своем измерении (или в системе своих возможностей) не видна деятельность Бога. Поэтому интеллект Бога – это работа в поле «знания Богом своего знания».

Если с позиций Божественного Интеллекта фрактально [7, с. 23–51] спуститься на этаж ниже – на уровень человеческого интеллекта, то можно сказать, что вся творческая деятельность в сфере человеческого «знания своего знания», включая и системы, созданные человеком в качестве систем ИИ, будут составлять интеллектуальное творчество в его креативном понимании. Отсюда можно получить определение интеллекта как способность к креативному мышлению, под которым, с позиций человеческой деятельности, понимается его способность из одних знаний получать другие – новые знания. Интеллект – всегда работает в области имеющегося наличного знания. Если речь идет о человеческом интеллекте, то это область творческого мышления человека в области собственных знаний, полученных им в системе своего приобщения к культуре. Если речь идет об ИИ, то это тоже область конечных знаний, но в пределе масштабов знаний и смыслов на базе достижений всех культур человечества. Это та область творчества, которая соотносится с креативным мышлением инженера-изобретателя, особенность которого заключается в направленности не на открытие новаций, а на поиск инноваций, то есть получение новых знаний из комбинаций известных знаний. Так, одно открытие может служить идейным источником для создания множества инноваций и изобретений, которые определяют нелинейный характер развития цивилизации. Говоря о разуме, в отличие от интеллекта, имеется в виду способность человека к творческим открытиям и новациям, то есть это способность мышления выходить за пределы творчества из наличных знаний в область получения принципиально новых знаний, которые исходно всегда начинались с понимания человеком о своем незнании. Нелинейность развития цивилизации, отвечающая за производство и потребление благ и услуг, зависит от инноваций, динамика внедрения которых привязана к динамике смены поколения техники и технологий. Культура, в отличие от цивилизации, определяется новациями, генерация которых привязана к динамике смены поколения людей, а не технологий. Поэтому всегда

на сделанное единичное открытие будет приходиться десятки и сотни различных изобретений.

Таким образом, исходя из дефиниций разума и интеллекта, можно прийти к пониманию исключительного места человека в современном мире, где человеческий и машинный способ восхождения к новым смыслам не конкурировали между собой, а сосуществовали бы друг с другом на принципах дополнительности. Если разум в системе творческого мышления человека связан с вопрошанием за пределы наличного знания, а потому всегда оказывается нацеленным на новации и открытия чего-то принципиально нового, то интеллект функционирует в системе уже имеющихся знаний, существующих в некотором поле реально возможных изменений в памяти человека или культуры, а потому достигает в творческом мышлении лишь уровня креативности, который нацелен на создание нового из удачных комбинаций существующего знания. Отсюда можно прийти к следующему утверждению, что если в человеческом мышлении мы имеем дело с достижением синтетического единства разума и интеллекта, где творческая открытость обеспечивается высшими формами бытия общества, Космоса или Бога (кому что нравится, так как это не меняет сути), то машинное мышление в лице ИИ оказывается сосредоточенным лишь на интеллектуальной составляющей мышления. Тем самым ИИ не перечеркивает человека, а способствует его выходу к чистому творчеству путем высвобождения его из области выполнения рутинных как механических, так и рассудочно-вычислительных форм деятельности.

Литература:

1. Пико делла Мирандола Д. Речь о достоинстве человека // Эстетика Ренессанса: Антология. В 2 т. Сост. и нач. ред. В.П. Шестаков. М.: Искусство, 1981. Т. 1. 495 с.
2. Гайденко П.П. Иммануил Кант: от субстанции к субъекту, от бытия к деятельности // История новоевропейской философии в ее связи с наукой. М.: Книжный дом, 2011. 376 с.
3. Ушаков Д.В. Тесты интеллекта или горечь самопознания // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2004. № 4. Т. 1. С. 76–93.
4. Немов Р.С. Психологический словарь. М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДЛС, 2007. 560 с.
5. Нуруллин Р.А. Метафизика виртуалистики: монография. Казань: Изд-во Казан. гос. технол. ун-та, 2009. 544 с.
6. Печурчик Ю.Ю. Фома Аквинский о природе человеческой души // Среднерусский вестник общественных наук: Философские проблемы гуманитарного знания. 2009. № 2. С. 31–35.
7. Меньчиков Г.П. Из Хаоса Порядок. Неклассическая философия: сущность измерений. М.: ДеЛибри, 2024. 620 с.

Does Artificial Intelligence Threaten Humanity?

Nurullin R.A.
Kazan (Volga Region) Federal University

In the context of the development of information civilization, the invention of the quantum computer led to the creation of artificial intelligence (AI) systems. The widespread introduction of AI into all spheres of society is raising concerns among the thinking public regarding the organization of the further development of human thinking. The solution to this problem and the achievement of unity in the system of human-machine relations requires a clear delineation of the spheres of intellectual activity between them.

The aim of the study is to find irreducible foundations of human and machine thinking, knowledge of which would allow for the fruitful unity of two non-standard intellectual forms of reflection based on the principles of complementarity.

A clear understanding of the specific aspects of the functioning of human and machine intelligence will allow humans in the future to focus their energies on creating new discoveries without losing their

personal qualities. All this will allow human civilization to achieve total automation of all algorithmic processes in society, freeing people to realize cultural creativity.

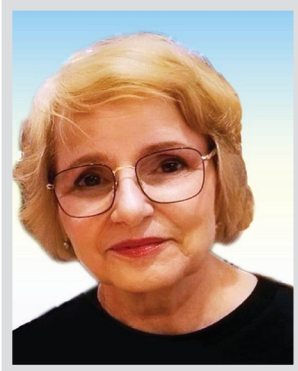
The paper examines Kant's concept of reason in the post-Kantian periods of development of philosophical thought. If Kant simply declared reason as a priori forms of thinking that guide the intellect towards scientific knowledge, then representatives of Classical German philosophy attempted to provide a metaphysical basis for Kant's ideas. G. Hegel, in an attempt to substantiate the possibility of human reason, dialectically came to the conclusion that one can speak about the thinking of the Absolute only from the standpoint of His intellect. This allows, on the one hand, to distinguish between the concepts of reason and intelligence in general, and on the other hand, to enable a person to determine his or her special place in culture, developing within the structure of the formation of an information civilization under the control of AI systems.

Having defined reason as questioning thinking that goes beyond existing knowledge, we can classify reason as creative thinking that allows a person to come to discoveries and innovations, since reason always works on the border of knowledge and ignorance. Unlike reason, intelligence is focused on finding optimal solutions, inventions and innovations, since it operates in the realm of "knowing one's knowledge". Therefore, intelligence is responsible for creativity in its innovative sense.

Keywords: intelligence, reason, intellect, perception, Absolute, thinking, creativity, innovations

УДК 316.7
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-394-400

О жизненном мире современного ученого-социолога

Цветкова Г.А.
Доктор социологических наук, профессор кафедры политической социологии и социальных технологий социологического факультета Института социально-экономических наук
Российского государственного гуманитарного университета

Актуальность заявленной темы обусловлена противоречивостью общественного сознания. Ибо, признавая интеллектуальный потенциал общества в лице ученых, в то же время современных ведущих ученых-социологов не знают. Это указывает на потребность укрепления легитимации социологии как науки через освещение жизненного мира ученых-социологов, среди которых одно из ведущих мест занимает член-корреспондент РАН Ж.Т. Тощенко. На основе биографических событий и фактов раскрыты основные его качества и жизненные ценности, особенности личностного и профессионального роста, совокупность их ключевых смыслов. Жизненный мир ученого рассмотрен с учетом многогранности деятельности и многостороннего вклада в исследование процессов общественного сознания, закономерностей и перспектив социальных изменений в обществе. По сути, отображен поиск решения важной методологической проблемы о судьбе и значимости личности ученого-социолога, понимания его роли в становлении базовых направлений социологии как науки. Исследование позволяет проследить, как личный опыт и профессиональные достижения учёного влияют на развитие социологической мысли и формирование новых подходов к изучению социальных процессов.

Ключевые слова: *Ж.Т. Тощенко, ученый, жизненный мир, жизненные и трудовые ценности, профессиональный путь, социология*

Для цитирования: *Цветкова Г.А. О жизненном мире современного ученого-социолога // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 394–400. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-394-400.*

Образ ученого в российском обществе, как показывают результаты социологического опроса ВЦИОМ, персонифицирован. При этом чаще всего в ответах респондентов фигурируют только такие известные личности как Д. Менделеев (2024 г. – 12 %, 2023 г. – 8 %), А. Эйнштейн (2024 г. – 11 %, 2023 г. – 10 %) и М. Ломоносов (2024 г. – 8 %, 2023 г. – 4 %)[1]. Но даже этих ученых называют лишь отдельные из опрошенных. Иными словами, получается, что наука для большинства людей ассоциируется с прошлым. Хотя в социальной структуре современного научного сообщества России есть незаурядные ученые, являющиеся широко известными не только у нас в стране, но и в мире.

К этим ученым в полной мере относится член-корреспондент РАН Жан Терентьевич Тощенко. Его вес в научном мире значителен. Более двадцати лет (с марта 1995 г. по декабрь 2017 г.) – он был глав-

[1] Данные мониторингового социологического исследования ВЦИОМ, посвященного представлениям о профессии ученого и инженера в российском обществе (23–24 мая 2024 г.). Метод опроса – телефонное интервью по стратифицированной случайной выборке, извлеченной из полного списка сотовых телефонных номеров, задействованных на территории РФ. В опросе приняли участие 1600 россиян в возрасте от 18 до 55 лет. Сайт ВЦИОМа. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-uchenogo-i-inzhenera-monitoring (дата обращения 15.12.2024 г.)

ным редактором журнала «Социологические исследования», создал и долгие годы был деканом социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета. Ж.Т. Тощенко – автор нескольких сотен научных публикаций, в том числе целого ряда фундаментальных монографий и учебников. Им завоеваны многие престижные научные награды им. П. Сорокина, М. Ковалевского, А. Шанявского, Мустафы Шокая, Н. Моисеева и др. Общий поощрительный список обширен: включает ордена, медали, почетные и благодарственные грамоты, дипломы и почетные знаки и т.д. В целом ему вручено свыше сорока наград разных уровней (всесоюзных, всероссийских, региональных, научных и учебных заведений, общественных организаций). В 2020 г. он возглавлял рейтинг российских социологов в номинации «Академические репутации в российской социологии» [1, с. 12]. 14 ноября 2024 г. Общероссийское профессорское собрание избрало Ж.Т. Тощенко Профессором года, подчеркнув его выдающуюся роль и значение в развитии отечественного высшего образования и такой его отрасли, как социологическое образование [2, с. 179]. Его отличает научная смелость, открытость, принципиальность, толерантность к чужому мнению. Ж.Т. Тощенко – ведущий отечественный ученый-социолог, о котором россияне должны знать и которым должны гордиться. Данный посыл и является целью публикации.

Эмпирической основой для статьи послужили материалы его интервью и бесед, академические работы, отзывы и рецензии на публикации, а также почти 35-летние авторские наблюдения при научно-исследовательских и педагогических с ним взаимоотношениях в трудовых коллективах разных вузов (АОН при ЦК КПСС, РАГС при Президенте РФ, РГГУ и др.). Более того, особенности жизненного мира ученого раскрыты благодаря архивным источникам, опубликованным воспоминаниям и его личным документам.

О личностном росте. Судьба Жана Терентьевича во многом особенная. Он из рода потомственных земледельцев, что, по сути, значительно выше официального статуса землевладельцев. Это были мастера, обладающие профессиональными навыками и умениями крестьянского ремесла, а значит, в полном смысле владеющие землей. По родословной его отца, исчисляющейся с конца XVIII в., все до седьмого поколения были земледельцами. Его дед (отец матери) имел 14 детей и 10 гектаров земли в Велижском районе (в настоящее время – Смоленская обл.). На этом огромном поле семья работала «с утра до утра». Их жизненная позиция («работа – дело жизни») была и остается для Жана Терентьевича ориентиром во всяких его делах.

Очень ответственно относились к труду и родители Жана Терентьевича, являющиеся учителями. Как он сам утверждает, они вели типичный образ жизни народной интеллигенции, у которых учились в детстве: не за страх, а за совесть служить людям. Родителями были организованы и реализованы курсы по ликвидации безграмотности. Личные, профессиональные и общественные заботы родители всегда сочетали, считая их едиными [3, с. 134]. Эти трудовые ценности в полной мере им унаследованы.

Жан Терентьевич родился в деревне Павловка Климовского района Брянской области. И, как он сам пишет, рано повзрослел. На это повлияли драматические события: Великая Отечественная война (ВОВ) и смерть отца. Ситуацию многократно усугубило то, что все произошло на его глазах: после зверских пыток отца расстреляли немецко-фашистские приспешники в 1941 г. [4, с. 51]. Как он вместе с семьей переживал утрату, он не вспоминает. Но, судя по тому, как он об этом говорит, горькое событие разделило его жизнь на «до и после».

В целом детство Жана Терентьевича прошло в военных условиях. Когда закончилась ВОВ с Германией, ему было 10 лет, и он заканчивал 3-й класс школы. Все школьные годы он учился и работал в колхозе, не давая себе ни в чем попустительства. Хотя мог не работать в колхозе, ибо дети учителей от этого освобождались, но он всегда трудился, выполняя все колхозные работы наряду с другими деревенскими детьми: пахал, сеял, косил, метал стога сена, работал на молотилке и многое другое. В страду работал гонщиком лошадей, а по осени возил и сдавал в заготзерно урожай. И когда сил уже не хватало, мешки с зерном таскал вместе со сверстниками.

При этом Жан Терентьевич во всем помогал маме, которая, несмотря на то, что была учительницей в начальной школе, привила ему любовь к крестьянскому труду. Наряду с колхозными работами справлялся и с домашним хозяйством: доил не только корову, но и козу. Как он вспоминает: «Подходишь к корове с ведром, она посмотрит, вздохнет, как бы разрешая ее доить, понимая, что хозяйка занята. А вот коза всегда норовила боднуть, лягнуть ногой, но я умудрялся, привязывал ее к забору» [5. с. 4].

Жан Терентьевич с 5-го класса ежедневно пешком ходил за многие километры в школу: сначала расположенную в соседней деревне, затем в районе. Но трудности закаляли волю и стремления молодого человека. Он хорошо учился. В олимпиаде по математике занимал первые места. Был комсоргом класса. Увлекался фехтованием, сочинял стихи и занимался рисованием. Одним словом, с детства он был общительным, обладал организаторскими

способностями, отличался трудолюбием, любознательностью, проявлял желание изучать, познавать и понимать суть социальных процессов. Вероятнее всего, с ранних лет он планировал выполнение своих дел, иначе не смог бы выполнить весь их объем. В настоящее время, как правило, Жан Терентьевич планирует свои дела на месяц и даже на год вперед [6], на наш взгляд, это позволяет ему быть в хорошей физической и созидательно-творческой форме.

Прошло несколько десятилетий, но Жан Терентьевич и сегодня с гордостью отмечает, что сохранил умения и навыки крестьянского ремесла. Судя по наблюдениям, да и по материалам его интервью, он с удовольствием продолжает выполнять сельскохозяйственные работы на своей загородной даче: косит, сажает, окучивает, пропалывает, топит баню, может заменить дверной замок и пр. Многие тонкости, связанные с выращиванием хорошего урожая, знает и применяет на практике. Свое восприятие природы он передал своим детям и внукам, научив их понимать окружающий мир: в каких местах находить грибы и ягоды, как различать пение птиц, как называются деревья, травы и пр. Его скрупулёзность, врожденная и в то же время естественная способность замечать и исследовать актуальные и важные, но не очевидные для других людей социальные явления и факты (парадоксальный человек, прекариат и пр.) заставляли и заставляют удивляться.

В этом контексте нельзя не отметить и то, что Жан Терентьевич всю жизнь стремился узнать свою страну, мир. Еще в студенческие годы ходил в турпоходы на территории различных субъектов России. Отпуск предпочитал проводить в лесах и тайге, на реках. При этом он не только тщательно исследовал и познавал, но и бережно относился и относится к природным и социальным ресурсам. Вместе с родными не считает зазорным убрать за нерадивыми отдыхающими мусор на берегу реки, расположенной недалеко от его дачи. Случалось присутствовать, когда он делал им замечание, стимулируя их к уборке оставленных ими отходов. При этом отдыхать призывал не в ущерб окружающей природе. Возможно, некоторые современные люди оценят его действия иначе, но для него важна чистота в помыслах и действиях людей.

Жан Терентьевич любит юмор, выразительность, точные и емкие формулировки тем. Среди его статей есть публикации с очень любопытным наименованием: «Как назвать тех, кто правит нами?» (1998 г.); «Посмотрим правде в глаза» (1989); «Что может и должна знать партия о себе» (1989 г.) и др. Интерес вызывает и название статьи «Как жить вместе, живя врозь» (1996 г.), посвященной проблемам постсоветского пространства. Она связана с его биографией. «Поскольку родился там, где "петух кукарекал сразу на три республики" – Россию, Украину и Белоруссию, в Брянской области. Для данной местности характерными были особые взаимоотношения между людьми разных национальностей, и, соответственно, это проявлялось в их речи. Говор отличался тем, что, имея в основе белорусский, он был насыщен и русскими, и украинскими словами и выражениями» [5, с. 4]. Это, как отмечает Жан Терентьевич, был специфический сленг, воспринятый профессорами Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (МГУ) как «варварский» язык, требующий исправления. И с языком «трех республик» Жану Терентьевичу пришлось усиленно бороться до безоговорочной победы, являясь студентом данного университета.

К сожалению, своеобразный сленг был не единственной преградой на пути Жана Терентьевича к статусу студента крупнейшего вуза СССР (МГУ) в качестве выпускника районной школы с серебряной медалью. Судьбе было угодно испытать его в университете с первых минут. Ибо ему отказали в приеме документов, т.к. в Москву приехал поздно (в последний день собеседований). Но он пошел к декану, известному ученому, ставшему в 1960 г. член-корр. АН СССР, А.В. Арциховскому (1902–1978), который внимательно его выслушав, спросил: «Готовы ли вы сейчас к собеседованию?». И после утвердительно ответа направил его в приемную комиссию.

Собеседование прошло успешно. Жан Терентьевич был в университет зачислен. Что этому способствовало? Его собранность, реальная оценка своих знаний, целенаправленность и настойчивость в достижении поставленной цели. Именно эти качества часто проявлялись и проявляются у него при принятии важных решений в сложных условиях. Хочется обратить внимание, что им изначально ставились высокие ориентиры в получении профессионального образования: не просто столичное образование, а учеба в Московском государственном университете – самом престижном вузе Советского Союза. Его не испугала и Москва, как крупный город в то время с более пятью миллионным населением по сравнению с его родной деревней, насчитывающей 64 двора.

Указанные выше качества служили Жану Терентьевичу основой и в его дальнейшей студенческой жизни, поскольку профессора МГУ были строгими. Вот как об этом вспоминает сам Ж.Т. Тощенко: «На первом курсе сдавал экзамен по истории древнего мира. Экзамен принимал А.Г. Бокшанин, потомственный представитель семьи московских интеллигентов. Он принимал экзамен по старым, дореволюционным меркам. Надо было знать около одной тысячи дат, последовательность смены фараонов, императоров, консулов. И, конечно, все события – войны, походы, завоевания и т.д. Гонял он меня долго. И я не сделал ни одной ошибки» [5, с. 4]. С теплотой он отзывается о лекциях и семинарах Б.А. Рыбакова, М.П. Тихомирова, Л.В. Черепнина и

др. [7, с. 8]. В этом наглядно проявляются его качества, являющиеся одними из важнейших в иерархии качеств личности – уважение и почтение к труду других. Это подтверждается не только в указании должности, но и сохранении в его исторической памяти особенностей поведения и персональных данных профессоров (ФИО). И это, несмотря, на то, что они были очень строгими к освоению знаний студентами. Явно обнаруживается и гордость за собственную работу – успешную подготовку к экзаменам. Хотя, безусловно, сложности были. Ибо требования к успеваемости были в то время жесткими, отчисляли сразу без каких-либо попустительств. Но, несмотря на это, Жан Терентьевич всегда отличался социальной активностью. Он был комсоргом, членом бюро курса, факультета. Уже с третьего курса, добившись высоких результатов в учебном процессе, стал отличником и даже стипендиатом им. И.В. Сталина [8].

Жан Терентьевич закончил МГУ с отличием, имея статус сталинского стипендиата, поэтому мог остаться в Москве и продолжить карьеру ученого. Но Жан Терентьевич поехал в Сибирь по путевке от ВЛКСМ на строительство железной дороги Абакан-Тайшет. «Трасса мужества» была одним из символов эпохи, осмыслением роли и места поколения 1970-х гг. в истории.

На наш взгляд, есть потребность более предметно раскрыть социальную значимость указанной выше стипендии. Учреждение всесоюзной стипендии было приурочено к 60-летию И.В. Сталина для наиболее выдающихся учащихся в высших учебных заведениях. Как отмечают специалисты, претендентов на сталинскую стипендию было много, т.к. количество стипендий было ограничено Постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР [8]. Например, Московскому университету выделялось всего сто стипендий по 500 руб. в месяц каждая. Хотя в 1960-х гг. в вузе обучалось до 25 тыс. чел. Конечно, быть сталинским стипендиатом было почетно. Значимую роль в этом играла и пропаганда данной стимулирующей формы. Первые сталинские стипендиаты были объявлены прошедшими по конкурсу в 1940 г. Но с годами конкуренция была не менее жесткой еще и потому, что стипендия И.В. Сталина была по тому времени высокой (78 руб. против 120–220 руб.). Это подтверждает и Жан Терентьевич, с гордостью вспоминая, что часть стипендии отправлял в помощь своей маме.

Надолго запомнил Жан Терентьевич и свою первую в жизни возможность работать с множеством исторических материалов государственного уровня. Доступ к ним он получил при изучении темы «Национальный вопрос в первые годы советской власти», которая и являлась темой его диплома, представленного им государственной квалификационной комиссии МГУ в 1957 г. Для сбора материалов к диплому он был направлен в Архив Октябрьской революции (АОР) – бывшее IV отделение Государственного архива РСФСР, позднее АОР вошел в структуру Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Архив комплектовался материалами по истории общественных событий в целом: революции и революционного строительства за 1917–1919 гг. и последующих годов. Также собирались журналы, газеты, листовки, плакаты, изданные в период революции [9]. Комплектование архива имело и другие особенности: прием личных фондов участников Октябрьской революции (например, документов В.А. Аванесова, Я.С. Дворжеца, М.Н. Покровского, В.В. Адоратского и др.). Судя по всему, правила приема документов в архиве были очень строгими. На это указывает единственный случай возврата принятых документов от А.М. Коллонтай за почти столетнюю историю ГАРФ. В январе 1922 г. от нее в архив поступили документы – пять опечатанных архивных папок с условием вскрыть их по истечении 25 лет. 6 октября того же года поступили еще три пакета с разными материалами. Но в октябре 1924 г. (через 34 месяца) А.М. Коллонтай обратилась к управляющему архива с просьбой вернуть документы. Они ей были возвращены [9].

Наличием в архиве указанного выше широкого спектра эмпирических материалов, вероятно, можно объяснить заинтересованность и стремление Жана Терентьевича, тогда еще молодого исследователя, дойти до сути проблемы. Как он вспоминает, с наслаждением проводил многие дни в архиве, изучая ранние документы революционного периода, которые затем сопоставлял с последующими постановлениями. Им был сделан и обоснован один из важных выводов: инициативы, возникшие в низах общества в период революции в сплошном потоке, превращались в самые разные предложения. Он учился видеть связь между событиями и фактами. К нему пришло и понимание того, что любой процесс и событие предопределены предысторией.

В дальнейшем (через 46 лет) изучение национальных проблем в первые годы советской власти, заявленных Жаном Терентьевичем в качестве темы диплома, стали частью фундаментальной социологической работы, результаты которой были им представлены в монографии «Этнократия. История современности» (2003 г.), сохранившие свое значение до настоящего времени. Следовательно, он бережно относится к исследовательскому труду: сохраняя и преумножая собранные и изученные им материалы.

Многолетняя работа с молодежью в Сибири только укрепила его стремление разобраться и определить особенности жизненного мира людей, выявить сущностные изменения и главные тенденции жизнесмысловых основ, имеющих наибольшую ценность для человека-труда. После поступления в Академию общественных наук при ЦК КПСС

(1964 г.), у Жана Терентьевича начался новый этап в жизни: превращения его из историка и экономиста в ведущего социолога страны.

Жан Терентьевич рано, в 38 лет, защитил докторскую диссертацию по философии (1973 г.), через два года стал профессором. Обычно между защитой кандидатской и докторской диссертациями проходит десять лет, ему хватило шести лет (кандидатскую защитил в 32 года /1967 г./), что свидетельствует о его организованности, ответственности, умении ясно видеть и решать поставленные цели и задачи. Кстати, в его дипломе кандидата философских наук в скобках указана прикладная социология. Как считает Жан Терентьевич, это был своего рода компромисс, т.к. защиты по специальности «социология» начались только в 1991 г.

О Жане Терентьевиче как об ученом писать легко, но и непросто. Ибо он широко известен среди представителей разных наук, каждый его юбилей отмечен многочисленными интервью и отзывами о его деятельности коллег из разных организаций. Например, в 2014 г. вышла публикация Б. Докторова: «Общественное сознание. Парадоксальный человек. Кентавризм. Фантомы к 80-летию Жана Терентьевича Тощенко» в журнале «Мониторинг общественного мнения». 2014. № 6. В конце прошлого года опубликована статья С.В. Козина (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону) и Т.П. Жидяевой (Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, Алатырский филиал): «Член-корреспонденту РАН Ж.Т. Тощенко 90 лет: очередной этап для новых свершений» в журнале «Управление наукой: теория и практика». 2024. Том 6. № 4 и пр. Его публикации и выступления на научных мероприятиях сопровождаются широким обсуждением.

Информативно в этом контексте третье издание «Библиографический указатель» из серии «Ученые РГГУ. Жан Терентьевич Тощенко» (2024 г.). Кроме библиографических данных, в него включен список публикаций разных лет, оценки коллег, список кандидатских и докторских диссертаций, защищенных под его руководством и многое другое. Кстати, мало кто из коллег и даже его друзей знал об огромном количестве присваиваемых ему в разное время почетных званий, наград и дипломов, что говорит о признании заслуг, ценности и важности его достижений. С другой стороны, указывает на личную скромность. Хотя помню, как в мае 1997 г., радовались и поздравляли его ученики и коллеги, узнав, что Жан Терентьевич избран член-корреспондентом РАН. Его кабинет был заполнен множеством подарочных букетов. Это был праздник для всех.

Уже более 50-ти лет Жан Терентьевич проводит крупные эмпирические исследования всероссийского и международного уровня в области целого ряда актуальных научных направлений: социологии труда, политической социологии, социологии управления, социологии жизни и пр., позволившие выявить и обосновать устойчивые ценностные ориентации, а также мировоззренческие принципы, которыми люди руководствуются в своих действиях и пр.

Он – основатель научной школы социологии жизни. Им обоснована новая социологическая концепция, согласно которой суть социологии составляет анализ состояния и противоречий сознания и поведения людей в условиях макро-, мезо- и микросреды. Оригинальной идеей является разработка на базе эмпирических исследований феномена «парадоксального» человека, что позволило открыть ряд специфических явлений (фантомы, кентавр-проблемы). Второе направление – исследование этнополитических и конфессиональных проблем, благодаря которому сформулированы предложения научного и прикладного характера по их решению. Им также разработана новаторская трактовка социальных проблем труда на основе обобщения опыта их решения на предприятиях СССР (России) и многое другое.

По его учебникам, монографиям и статьям учились и учатся уже несколько поколений специалистов-социологов. Его приглашают, и он с удовольствием встречается со студентами разных вузов (Финансовый университет, МГУ, СПбГУП и др.) [10].

Работы Жана Терентьевича издавались и издаются на английском, немецком, чешском, сербском, болгарском, японском, китайском, вьетнамском и др. языках. Он автор и соавтор 25 монографий и учебников, свыше 900 академических статей, опубликованных в журналах («Социологические исследования», «Социология», «Социологический журнал» и пр.), газетах («Правда», «Известия», «Независимая газета», «Новая газета» и др.). Он часто выступает на радио, участвует в телепередачах. По результатам поискового запроса eLIBRARY.RU с его данными выявлено 6715 публикаций[2], что указывает на массовую востребованность его работ профессиональным сообществом. Но, несмотря на это, и даже на то, что в текущем году ему исполнилось 90 лет, Жан Терентьевич постоянно повышает собственные профессиональные достижения, с каждым годом поднимая все выше планку творческих успехов. То, что им выявлено и доказано, превращает в общественную ценность, благодаря апробации и широкой пропаганде.

Жан Терентьевич – мастер широкого профиля, обладающий не только научным мышлением, но и организационно-управленческими способностями на уровне результативного руководителя. Причем, начиная с нуля, он не только создал, но и создает разного уровня и профиля организации (научные, учебные и пр.). Им сформированы эффективные

[2] Результаты поискового запроса через введение «Тощенко Ж.Т.» на сайте URL: eLIBRARY.RU. https://elibrary.ru/query_results.asp. (дата обращения: 21.06.2025.)

трудовые коллективы в области проектной деятельности на территории различных субъектов России (Красноярский край, Москва и пр.). Активная жизненная позиция не позволяет ему оставаться в стороне и от представительства не только в отечественных, но и зарубежных многочисленных научных организациях.

В профессиональной траектории Жана Терентьевича с учетом временных периодов условно можно выделить следующие этапы: 17 лет в родной деревне Павловка Климовского района Брянской области, 18 лет в Республике Хакасия и Красноярском крае и 55 лет в Москве (почти 3 раза по 18 лет). Безусловно, каждый из этапов отличается разными целями и задачами, поисками ответов на насущные вопросы. Обладая и определенными преимуществами, они с течением времени переставали соответствовать его потребностям, вызывая стремление к восхождению на новую профессиональную ступень. Но, по сути, все этапы жизненного мира Жана Терентьевича объединяет целостная последовательность событий, отражающих продвижение к его главному предназначению – стать не только ведущим социологом России, но и известным ученым международного уровня. Как-то, «оборачиваясь» в прошлое, Жан Терентьевич сказал: «Если бы в детстве мне сказали, что я стану профессором, членом Академии, я бы посчитал это шуткой. Профессор казался мне тогда чем-то нереальным, неземным» [6]. Сегодня его имя вписано земляками в почетный список ученых «Климовские имена в российской науке» [11]. Внесен он и в книгу Почета Всесоюзного общества «Знание». Ему присвоено звание Почетного доктора, Почетного профессора и Заслуженного профессора в нескольких ведущих научных и образовательных учреждениях России (Институт социологии РАН, МГУ, РГГУ).

Результаты анализа трудовой биографии Жана Терентьевича указывают на целый ряд характерных для него особенностей: а) отличное освоение общеобразовательных и профессиональных знаний (серебряная медаль в средней школе, красный диплом в МГУ); постоянное стремление к совершенствованию профессиональных знаний и обучение в вузах (МГУ, АОН при ЦК КПСС, Иркутский институт народного хозяйства), несмотря на высокий статус, отъезд для продолжения профессионального обучения (второй секретарь крайкома и аспирант АОН при ЦК КПСС); б) неоднократная смена профиля профессиональной деятельности (историк, инженер-экономист, инструктор ВЛКСМ, преподаватель и пр.); разнообразие сфер жизнедеятельности (производство, государственные органы власти, научные и учебные заведения, общественные организации и пр.); публичные руководящие должности разного уровня, восходящие снизу вверх (инструктор, зав отделом, второй, первый секретарь горкома, обкома, крайкома и пр.); в) постоянная работа с людьми разных социально-профессиональных групп (строители, преподаватели, научные работники, руководители предприятий и организаций, комсомольские и партийные работники и др.); г) постоянное совмещение различных должностей (декан факультета, зав. кафедрой, главный редактор журнала, профессор и пр.) и сочетание должностных обязанностей с учебной, исследовательской деятельностью и просвещением; тесная связь образовательного и профессионального пути; практически всегда работа в нескольких учреждениях (МГУ, РГГУ и пр.); чтение лекций студентам разных специальностей (физики, математики, биологи, журналисты, экономисты, философы, социологи и др.). Отсюда основной вывод — это сильный по образу жизни человек, многократно доказавший свою профессиональную состоятельность. Например, поражает одна из его монографий, изданная в 2025 г. – «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации»: общий объем 844 страницы; 16 глав; около 800 изданий, переработанных и включенных им в список использованной литературы.

Жан Терентьевич всегда шёл своим путём, который отвечал его стремлениям – и личным, и профессиональным, и общественным. Этому способствовало и то, что он с детства был личностью с высоким чувством собственного достоинства, собственным мнением и позицией, готовностью их обосновать и отстаивать, даже если они не совпадали со взглядами руководителей. Это трудовая биография необычного университетского ученого-социолога. Вероятно, поэтому его жизненный мир так многогранен.

С именем Жана Терентьевича многое связано. Им уже много сделано, многое делается. Он еще многое сделает для развития отечественного образования и науки. Его жизненные ценности и профессиональный путь как социолога служат для его коллег, учеников и студентов примером, вызывают одобрение и пожелание их дальнейшего освещения как важных ориентиров, определяющих поведение и взаимодействие людей в отстаивании традиционных трудовых ценностей, общих целей и интересов России в целом.

Литература:

1. Соколов М. Академические репутации в российской социологии. СПб.: ЦИАНО ЕУСПб, 2020. 46 с.

2. Зборовский Г.Е. Ж.Т. Тощенко: об образовании и вокруг // Социологический журнал. 2024. Т. 30. № 4. С. 178–183. DOI: https://doi.org/10.19181/socjour.2024.30.4.8.
3. Жан Терентьевич Тощенко: библиографический указатель / Минобрнауки России, Федер. гос. бюджетное образоват. учреждение высш. образования «Рос.гос. гуманитарный ун-т» (РГГУ); [сост. Н.В. Краснова; при участии А.В. Кученковой; под общ. ред. Л.Н. Простоволосовой]. (Ученые РГГУ). М.: РГГУ, 2016. С. 134, 136.
4. Социология возродилась в нашей стране сначала как политическая витрина. (Интервью члена-корреспондента РАН Ж.Т. Тощенко доктору философских наук Б.З. Докторову) // Социологический журнал. 2007. № 4. С. 50–69.
5. Цветкова Г.А. С его именем многое связано: к юбилею Жана Терентьевича Тощенко // «Аудитория» РГГУ. 2009. № 61–62. С. 4.
6. Социологом сделала меня Сибирь. Интервью с Ж.Т. Тощенко //Социологи РГГУ. Социологический факультет. URL: https://vk.com/@sf_rggu_official-sociologom-sdelala-menya-sibir (дата обращения: 07.07.2025.)
7. Тощенко Ж.Т. Новые явления в общественном сознании и социальной практики / Науч. ред. В.Г. Лукьянов; вступ. сл. А.С. Запесоцкого (Избр. Лекции ун-та; Вып. 83). СПб.: СПбГУП, 2008. 65 с.
8. Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 20 декабря 1939 г. «Об учреждении премии и стипендии имени Сталина» // Правда. 1939. 21 декабря.
9. Зелов Н.С. Личные фонды участников Октябрьской революции в ГА РФ. Сайт. ГА РФ. URL: https://statearchive.ru/866 (дата обращения: 16.01.2025.).
10. Жан Терентьевич Тощенко в гостях у Кафедры социологии. // Сайт Финансового университета. 2025. URL:https://www.fa.ru/university/structure/scientific-educational-departments/snmk/sociology/news/zhan-terentevich-toshchenko-v-gostyakh-u-kafedry-sotsiologii (дата обращения: 09.06.2025.)
11. Тощенко Ж.Т. Деятели науки – уроженцы Климовского края. Климовские имена в российской науке // Сайт Муниципального бюджетного учреждения культуры. Брянской обл. Климовской межпоселенческой центральной библиотеки. URL: https://bibliotekaklimovo.ru/blog/category/deyateli-nauki-urozhenczy-klimovskogo-k/ (дата обращения: 21.11.2024.).

On the Lifeworld of a Modern Sociologist

Tsvetkova G.A.
Russian State University for the Humanities

The relevance of the stated topic is due to the contradictory nature of public consciousness. For, while recognizing the intellectual potential of society in the form of scientists, at the same time, modern leading sociological scientists do not know. This indicates the need to strengthen the legitimacy of sociology as a science by highlighting the life world of sociologists, among whom Zh.T. Toshchenko holds a leading position. Based on biographical events and facts, the main qualities and life values, the features of personal and professional growth, and the combination of their key meanings are revealed. The scientist's worldview is considered in terms of the multifaceted nature of his activities and his multilateral contribution to the study of social consciousness processes, patterns, and prospects for social change in society. In fact, it reflects the search for a solution to an important methodological problem about the fate and significance of the personality of a sociologist, and the understanding of his role in the development of the basic directions of sociology as a science.

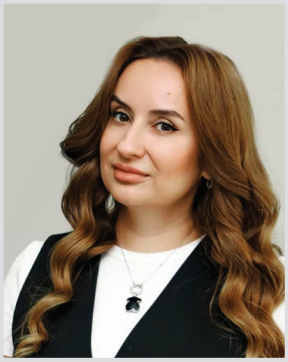
Keywords: Zh. T. Toshchenko, scientist, life world, personal growth, life and work values, professional path, sociology

УДК 659.1
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-401-406

Технологии в PR-стратегии: понятие, управление, интеграция

Воблая И.Н.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики, финансов и менеджмента
Новороссийского филиала Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации

Стрижак М.С.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики, финансов и менеджмента
Новороссийского филиала Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации

Сейфиева Е.Н.
Кандидат политических наук, доцент кафедры информатики,
математики и общественно гуманитарных наук
Новороссийского филиала Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации

В настоящей статье рассматриваются основные понятия и влияние цифровых технологий на трансформацию PR-стратегий. Особое внимание уделяется значению внедрения искусственного интеллекта, аналитики больших данных и использования технологий виртуальной и дополненной реальности в PR индустрии. На основе анализа отечественной и зарубежной практики обозначены преимущества интеграции инноваций в PR-деятельность, а также ключевые риски, связанные с безопасностью данных, этическими нормами и качеством реализации.

Актуальность исследования обусловлена стремительным развитием цифровых технологий и их воздействием на методы и инструменты, используемые в сфере публичных коммуникаций. В условиях глобализации и увеличения объемов информации, доступной для потребителей, эффективное управление PR-стратегиями становится критически важным для организаций, стремящихся к поддержанию конкурентоспособности и репутации.

Современные технологии, такие как аналитические платформы и инструменты автоматизации, трансформируют традиционные подходы к PR, позволяя осуществлять более точное таргетирование аудитории, мониторинг общественного мнения и проводить оценку эффективности коммуникационных кампаний. Это, в свою очередь, может способствовать формированию более адаптивных и устойчивых PR-стратегий, способных эффективно реагировать на вызовы и изменения в бизнес-среде.

В качестве основной цели авторами определен комплексный анализ роли современных технологий в формировании и реализации PR-стратегий. В рамках данной статьи осуществлен обзор кейсов компаний «Яндекс», Zarina, Wildberries и других, а также предложены рекомендации по повышению эффективности коммуникаций.

Практическая значимость настоящего исследования заключается во внедрении его результатов в практическую деятельность компаний, цель которых – создание более прозрачных и доверительных отношений с их целевой аудиторией. В условиях стремительно меняющихся требований к медиапространству, увеличения влияния цифровых технологий на общественное мнение, понимание механизмов интеграции становится критически важным.

Ключевые слова: *PR-стратегия, технологии, инновации, интеграция, Big Data, VR/AR, чат-бот, онлайн-сервис*

Для цитирования: *Воблая И.Н., Стрижак М.С., Сейфиева Е.Н. Технологии в PR-стратегии: понятие, управление, интеграция // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 401–406. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-401-406.*

Связи с общественностью (*PR*) играют ключевую роль в развитии бизнеса, особенно в эпоху цифровой трансформации. Современные исследователи определяют *PR*-стратегию как структурированную деятельность по продвижению компании на рынке через взаимодействие с целевой аудиторией [1, с. 179]. При этом главная задача *PR* – не просто информировать, а формировать благоприятное общественное мнение и выстраивать позитивный имидж организации. Ранее зарубежные авторы давали разные определения *PR*, отражающие цель влияния на аудиторию. В своей книге «Основы *PR*» Эрнст Галумов проанализировал множество классических трактовок определений *PR* известных специалистов. Приведем некоторые из них в таблице 1 [2, с. 15, 28].

Анализ классических трактовок *PR* позволил выделить несколько ключевых элементов. Так, Эдвард Бернейс, один из основоположников *PR*, акцентировал внимание на формировании общественного мнения при помощи силы убеждения и пропаганды.

Таблица 1

Понятия PR в трактовке исследователей

Исследователь	Определение PR
Эдвард Бернейс	PR – это усилия, направленные на то, чтобы убедить общественность изменить свой подход или действия, а также на гармонизацию деятельности организации и интересов общественности и наоборот
М.Е. Трейгер	PR – установление двустороннего общения для выявления общих представлений или общих интересов и достижения взаимопонимания, основанного на правде, знаниях и полной информированности
Дан Форрестол и Роберт Дилезинайдер	PR – это использование информации для влияния на общественное мнение

В свою очередь, Джеймс Груниг выделял важность двусторонней коммуникации и достижения согласия между организацией и ее целевой аудиторией. Скотт Катлип, Глен Брум и Аллен Сентер сходились во мнении, что *PR* – устанавливает и поддерживает взаимовыгодные отношения между организацией и общественностью, от которой напрямую зависит успех или неудача организации.

Таким образом, сегодня *PR* направлен на формирование позитивного имиджа организации, управление репутацией, разрешение кризисных ситуаций, взаимодействие со СМИ, организацию мероприятий и так далее. И как следствие, стремление к установлению долгосрочных и доверительных отношений с общественностью, основанных на важных принципах, таких как честность, прозрачность и взаимная выгода, можно считать ключевым аспектом *PR*.

Исторически, элементы PR использовались еще в античности: римские императоры чеканили монеты с собой и издавали эдикты, чтобы пропагандировать власть и формировать образ лидера в глазах граждан. Современная профессия *PR*-специалиста оформилась в начале XX в.: Айви Ли в 1906 г. опубликовал «Декларацию о принципах», заложив основы этики связей с общественностью, а Эдвард Бернейс разработал концепцию «инженерии согласия» на основе психоанализа. В 1980-х гг. американские ученые Джеймс Грюниг и Тодд Хант сформулировали четыре модели *PR*-коммуникаций (от односторонней рекламы до двустороннего диалога). Филип Котлер отмечал, что организации используют *PR* для привлечения внимания и исправления негативных представлений о себе. В России *PR*-практика начала активно развиваться лишь к концу XX в.: первые *PR*-специалисты появились в начале 2000-х гг., а с 2003 г. профессия стала узаконенной.

Сегодня российские компании перенимают зарубежный опыт, адаптируя его к национальным особенностям рынка.

В настоящее время *PR*-стратегии трансформируются под влиянием цифровых технологий. Традиционные инструменты (пресс-релизы, медиа-мероприятия) дополняются чат-ботами, платформами обратной связи и другими ИТ-решениями. Важным изменением стало смещение от одностороннего сообщения к открытому диалогу: инновационные чат-боты и онлайн-сервисы позволяют оперативно реагировать на запросы аудитории и укреплять доверие.

Ключевыми технологиями, которые внедряют в связи с общественностью, стали искусственный интеллект (ИИ), *Big Data и VR/AR*. Они открывают новые возможности в планировании стратегий, но одновременно требуют учёта специфических рисков. ИИ – одна из наиболее быстрорастущих технологий нашего времени. С 2022 г. в России резко возрос спрос на «нейросети»: поисковые запросы по этому слову выросли примерно в 15 раз. Анализ данных Яндекс.Нейростат показывает, что к январю 2025 г. запросов «нейросеть» стало около 6,63 млн в месяц (≈0,05 % от общего объема запросов), что отражает активное внедрение ИИ в бизнес-процессы [3].

Прогрессивные компании применяют ИИ для создания контента: например, онлайн-сервис «Главред» очищает тексты и улучшает их читаемость, хотя нейросеть еще не всегда учитывает контекст. В социальных сетях и на сайтах *PR*-коммуникации дополняют чат-боты. Виртуальные помощники позволяют круглосуточно отвечать сразу множеству пользователей быстро подготовленными или сгенерированными ответами, что повышает лояльность аудитории. Так, на портале Госуслуг *GPT*-чат-бот к июню 2024 г. самостоятельно решал около 80 % обращений (1,5 млн запросов в день) [4]. Клиенты мгновенно получают нужную информацию, что повышает репутацию бренда. Особенно наглядно эффективность инновации представлена на примере ретейлера *Zarina*. В мае 2021 г. в *Telegram*-боте бренда был проведен образовательный «марафон»: участники получали экспертный контент и участвовали в розыгрыше призов. В результате 68 % из стартовавших пользователей остались в боте и продолжили взаимодействие с брендом, а заказы в интернет-магазине выросли на 50 % [5]. Бот выступает как «персональный ассистент», автоматически поддерживающий воронку продаж и усиливающий интерес аудитории. Показатели таблицы 2 демонстрируют, что внедрение ИИ-решения в стратегии *Zarina* повышает вовлеченность и конверсию при минимальных затратах.

Аналитика больших данных обеспечивает персонализацию *PR*-кампаний. *Big Data* собирает ежедневные сведения о поведении пользователей в интернете, что позволяет выстраивать точный портрет аудитории. Так, розничные сети через программы лояльности анализируют покупки клиентов и предлагают персональные скидки, повышая удержание покупателя. Сервис Яндекс.Метрика использует технологии *Big Data* для оценки эффективности *PR*-кампаний: при посещении сайта с метриками собираются данные о действиях пользователей и анализируются для оптимизации стратегии [6]. Вместе с тем сбор и анализ больших данных несут риски: с одной стороны, расширяются возможности цифрового наблюдения за потребителем, с другой – возникает угроза утечки личной информации.

Виртуальная и дополненная реальность создают новые форматы вовлечения. *VR/AR*-проекты привлекают внимание ярким визуальным опытом и интерактивностью. Например, компания *TOMS* выпустила 4-хминутный *VR*-документальный фильм, в котором зрители через очки виртуальной реальности стали участниками благотворительной поездки в Перу: они видели, как владельцы бренда передают обувь нуждающимся детям [7]. Такой интерактив знакомит потребителей с ценностями компании на эмоциональном уровне.

В России Газпром использовал *VR* для организации виртуальной экскурсии по заводам и месторождениям, что повысило доверие к качеству предприятия [8]. Однако отечественные маркетологи пока осторожно относятся к таким технологиям: исследование AdIndex показывает, что многие сомневаются в эффективности *VR/AR* без возможности заранее оценить результат [9].

Практические примеры указывают на то, что технологии в *PR* могут давать и сбои. Например, в 2023 г. *Lamoda* запустила виртуальную примерочную: пользователи вводили свои параметры, а программа накладывала на их фото одежду. На

Таблица 2

Анализ вовлеченности аудитории

Метрика	Описание	Пример	Вывод
Уровень вовлеченности	Процент пользователей, взаимодействующих с контентом	Увеличение вовлеченности на 68 % у бренда *Zarina*	Высокая вовлеченность указывает на интерес аудитории к ИИ-формату
Конверсия	Доля пользователей, совершивших целевое действие	Рост заказов интернет-магазина *Zarina* на 50 %	Внедрение ИИ способствует росту продаж
ROI (Return on Investment)	Экономическая эффективность внедрения	Высокий *ROI* при низких затратах на чат-бот	Рентабельность ИИ-решений в *PR* высока

практике «примерочная» оказалась недоработанной – изображение одежды просто накладывалось поверх фото, и точность подбора размера вызывала вопросы у многих пользователей. Кроме того, сервис работал лишь на устройствах с *iOS*, что ограничило охват. Эти технические недоработки повлияли на имидж компании, подчеркнув важность тщательного тестирования перед внедрением *VR/AR*.

Важно учитывать и риски внедрения инноваций в *PR*. Наиболее критичная угроза – утечка данных. В 2022 г. российский ритейлер «ВкусВилл» столкнулся с утечкой информации о покупателях: часть публичных данных клиентов попала третьим лицам, что вызвало панику и падение доверия. Компания оперативно опубликовала статью в бренд-медиа о мерах по исправлению ситуации и пояснила, что база данных содержит лишь неопасные четыре последних цифры карт [10]. Разумная коммуникация помогла снизить репутационные потери.

Еще один риск – неправильная интерпретация контента. Так, маркетплейс *Wildberries* внедрил ИИ-анализ отзывов, но нейросеть не различала контекст и иронию, из-за чего функция оказалась мало полезной и даже могла негативно сказаться на восприятии технологии. В подобных случаях рекомендуют тестировать алгоритмы, совершенствовать их и привлекать пользователей для обратной связи.

В качестве отдельного случая рассмотрим «Яндекс». Компания с 2018 г. развивает проект доставки с помощью роботов-курьеров («Яндекс.Роверы»), что укрепляет ее имидж технологического лидера. Запуск новых моделей роботов в 2025 г. подчеркнул этот образ. По статистике поисковых запросов «яндекс ровер» пик спроса пришелся на январь 2025 г. [11]. Специалисты отмечают, что для успешного *PR* вокруг подобных инноваций необходимо повышать прозрачность: публично тестировать безопасность, широко освещать развитие проекта и научные аспекты. Такой подход – демонстрация доказательности и открытости – помогает «Яндексу» превратить техническое решение в понятную коммуникацию для общества.

Современные компании всё активнее интегрируют цифровые решения в *PR*-стратегии, что повышает эффективность коммуникаций, аналитику и управление репутацией. Синергия ИИ, *Big Data и VR/AR* открывает путь к инновационным *PR*-проектам: анализ данных и таргетинг позволяют формировать персонализированные кампании, а интерактивные технологии – создавать запоминающийся опыт. Например, ИИ может рекомендовать пользователю подходящий *AR*-контент на основе его предпочтений. Перспективно и применение нейросетей для создания виртуальных амбассадоров бренда: контролируемый цифровой образ марки позволит избежать рисков, связанных с реальным инфлюенсером.

С другой стороны, по мере роста использования технологий усиливаются угрозы – проблема безопасности данных и распространения фейков становится острее. Ключевыми трендами будут ужесточение контроля за цифровыми решениями и рост социальной ответственности бизнеса. Уже сейчас соблюдение этических стандартов и прозрачность в цифровых инициативах рассматриваются как конкурентное преимущество.

В перспективе *PR*-стратегии будущего будут сочетать аналитику *Big Data*, креативность ИИ и вовлекающие *VR/AR*-форматы. По данным исследования ВЦИОМ, в 2024 г. 68 % россиян использовали интернет для получения новостей и информации, что делает цифровые каналы ключевым инструментом *PR*-кампаний. Использование искусственного интеллекта для автоматизации рутинных задач, таких как мониторинг СМИ и анализ социальных сетей, также открывает новые перспективы для повышения эффективности технологий *PR*.

Успех интеграции передовых технологий во многом будет зависеть от гибкости организаций и готовности к инновациям. Связи с общественностью будущего – это симбиоз технологий, персонализации и устойчивых ценностей, что даст компаниям преимущество в скорости, точности и глубине взаимодействия с аудиторией.

Однако вместе с этим возрастают риски, связанные с распространением дезинформации и фейковых новостей. Согласно отчету «Лаборатории Касперского» [12] количество вредоносных программ, распространяемых через социальные сети и новостные агрегаторы, увеличилось на 35 % по сравнению с предшествующим периодом. Кроме того, остро стоит вопрос о росте угроз утечки конфиденциальной информации и кибератак на корпоративные ресурсы, используемые в *PR*-деятельности. Отсюда, одна из ключевых задач на сегодня состоит в разработке эффективных стратегий по противодействию дезинформации и защиты репутации компаний и организаций.

Одним из важных шагов в работе международного сотрудничества по обеспечению безопасности использования современных коммуникационных технологий является «Конвенция против киберпреступности; Укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям», инициированная Россией и 24 декабря 2024 г. одобренная Генеральной Ассамблеей ООН. Роль конвенции состоит в создании правовой основы для защиты репутации и интересов организаций и частных лиц в условиях растущей киберпреступности. Это означает, что у *PR*-специалистов появится возможность использовать

правовые механизмы для защиты своих компаний и сотрудников в случае, если они стали жертвами киберпреступлений, совершенных не только внутри страны, но и за ее пределами. Кроме того, конвенция поспособствует повышению доверия к цифровым каналам коммуникации, что является критически важным в *PR*-деятельности.

В заключение следует отметить, что технологические разработки заметно совершенствуют *PR*-подходы. Использование искусственного интеллекта позволяет автоматизировать взаимодействие бренда с клиентами и формировать положительный имидж при меньших затратах. Инструменты *Big Data* обеспечивают персонализацию коммуникаций и повышают точность таргетирования. Виртуальная и дополненная реальность усиливают визуальное воздействие через интерактивные элементы, привлекая внимание потребителей. При грамотном учете рисков интеграция ИИ, больших данных и *VR/AR* дает компаниям конкурентные преимущества и помогает строить эффективные *PR*-стратегии. Освоение этих цифровых решений, совместно с соблюдением этических норм, позволяет организациям повысить скорость и глубину взаимодействия с аудиторией, что является ключом к успешным связям с общественностью в цифровую эпоху.

Литература:

1. Савченко Е.А., Макарова Т.П. PR и PR-технологии: сущность, цели, задачи, функции // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. № 3. С. 178–180.
2. Галумов Э.А. Основы PR. М.: Летопись XXI века, 2004. 360 с.
3. Яндекс.Нейростат. Статистика знания и использования генеративных нейросетей. URL: https://ya.ru/ai/stat (дата обращения: 16.04.2025).
4. Чат-бот портала госуслуг дал 510 тыс. ответов на запросы пользователей // ТАСС. URL: https://tass.ru/obschestvo/21440919 (дата обращения: 17.05.2025).
5. Кейс Zarina и «Риалвеб»: как чат-бот может повлиять на бренд и вовлеченность аудитории // Adindex. URL: https://adindex.ru/case/2021/10/4/298570.phtml (дата обращения: 15.05.2025).
6. Яндекс.Метрика. Инструмент веб-аналитики. URL: https://yandex.ru/support/metrica/ru/ (дата обращения: 15.05.2025).
7. TOMS Virtual Giving Trip/ Food For Thought. URL: https://foodforthought.com.my/toms-virtual-giving-trip/ (дата обращения: 10.05.2025).
8. ГК «Газпром бурение» и Сноровка PRO: как тренажеры помогают обучать персонал // Modum Lab. URL: https://modumlab.com/modum-daily/gpn-snorovkapro (дата обращения: 15.04.2025).
9. Перспективы развития AR и VR в маркетинге // Adindex. URL: https://adindex.ru/publication/tools/technologies/2024/02/20/320557.phtml (дата обращения: 10.05.2025).
10. База данных. Что произошло // ЩИ Журнал ВкусВилла. URL: https://vkusvill.ru/media/journal/baza-dannykh-chto-proizoshlo.html (дата обращения: 20.04.2025).
11. Яндекс.Вордстат. Статистика поисковых запросов к Яндексу. URL: https://wordstat.yandex.ru/?region=all&view=graph&words=%D1%8F%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81%20%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1 %80 (дата обращения: 15.05.2025).
12. Как хакеры атакуют зумеров. URL: https://www.kaspersky.ru/blog/how-hackers-attack-gen-z/39871/ (дата обращения: 01.11.2025).

Technologies in PR Strategy: Concept, Management, and Integration

Voblaya I.N., Strizhak M.S., Seifieva E.N.
Novorossiysk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation

This article examines the key concepts and impact of digital technologies on the transformation of PR strategies. Particular attention is paid to the importance of implementing artificial intelligence, big data analytics, and the use of virtual and augmented reality technologies in the PR industry. Based on an analysis of domestic and international practices, the advantages of integrating innovations into PR activities are outlined, as well as the key risks associated with data security, ethical standards, and the quality of implementation.

The relevance of this study stems from the rapid development of digital technologies and their impact on public communications methods and tools. In the context of globalization and the increasing volume of information available to consumers, effective management of PR strategies is becoming critical for organizations seeking to maintain competitiveness and reputation.

Modern technologies, such as analytical platforms and automation tools, are transforming traditional PR approaches, enabling more precise audience targeting, public opinion monitoring, and campaign effectiveness evaluation. This, in turn, can contribute to the development of more adaptive and sustainable PR strategies capable of effectively responding to challenges and changes in the business environment.

The authors' primary objective is to comprehensively analyze the role of modern technologies in the development and implementation of PR strategies. This article provides a review of case studies from Yandex, Zarina, Wildberries, and other companies, and offers recommendations for improving communications effectiveness.

The practical significance of this study lies in the implementation of its findings in the practices of companies whose goal is to create more transparent and trusting relationships with their target audiences. In the context of rapidly changing media demands and the increasing influence of digital technologies on public opinion, understanding the mechanisms of integration is becoming critical.

Keywords: PR strategy, technology, innovation, integration, Big Data, VR/AR, chatbot, online service

УДК 351/354: 351.85
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-407-415

Трансформация компетенций руководителей организаций культуры в сфере культурной политики

Горушкина С.Н.
Кандидат социологических наук, ученый секретарь
Федерального института промышленной собственности,
доцент научно-образовательного центра «Теория и технологии
управления в сфере культуры, образования и науки»
Института государственной службы и управления РАНХиГС

Морковкина И.Е.
Старший научный сотрудник –
начальник сектора организации публикационной деятельности
Федерального института промышленной собственности

В статье рассмотрена проблема уровня компетенций руководителей организаций культуры, осуществляющих государственную политику в сфере культуры и креативных индустрий. Цель работы – выявить актуальные компетенции руководителей в сфере культуры на основе результатов анализа современных тенденций государственного управления. Задачами исследования являются систематизация инструментов государственной культурной политики и выработка рекомендаций по развитию управленческих навыков руководителей. Основные выводы по итогам исследования подтверждают причинно-следственную связь между уровнем компетенций управленческого звена и качеством принятия управленческих решений по реализации культурной политики. Научная новизна определяется предложенным авторами подходом к группировке инструментов государственного управления в сфере культуры, сделанным на основе анализа нормативных правовых актов Российской Федерации. Практическая значимость материалов статьи заключается в возможности их использования органами государственной власти и местного самоуправления при принятии решений в области подготовки управленческих кадров в сфере культуры.

Ключевые слова: *культурная политика, инструменты управления, компетенции руководителей культуры, креативные (творческие) индустрии, традиционные ценности, креативная экономика*

Для цитирования: *Горушкина С.Н., Морковкина И.Е. Трансформация компетенций руководителей организаций культуры в сфере культурной политики // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 407–415. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-407-415.*

В результате трансформации культурной политики, целью которой в начале XX в. было обеспечение массового культурного просвещения, а в 90-е гг. – сохранение единого культурного пространства, сегодня сфера культуры рассматривается не только как инструмент социальной политики, но и призна-

ется основой национальной безопасности, экономического процветания, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности страны [1].

Возвращение ведущей роли национальных государств привело к более активному отстаиванию ими права придерживаться собственных политической и экономической моделей развития, ценностных установок [2]. На фоне углубления глобальных трендов, в центре которых стоит вопрос идентичности и ценностей, понимание сути культурной политики, ее цели и инструментов формирования становится важнейшим критерием профессиональной пригодности руководителя.

Прежде всего речь идет о стратегическом видении культурной политики и концептуальном понимании ее сегментов, связанных с традиционными российскими духовно-нравственными ценностями.

Это аспекты национальной безопасности, нематериального этнокультурного наследия, исторического просвещения, связанные с достижением национальных целей, в том числе в контексте развития креативных (творческих) индустрий.

Актуальность исследования обусловлена тем, что скорость процессов и глубина творческих решений во многом зависят от уровня компетенций специалистов, непосредственно осуществляющих управление ресурсами и процессами, направленными на создание национального культурного контента в целях формирования традиционных духовно-нравственных ценностей.

Целью исследования является систематизация инструментов современной государственной культурной политики и обоснование необходимости развития компетенций руководителей организаций культуры в этой сфере.

Задачи исследования:

– выявить и систематизировать инструменты государственной культурной политики, закрепленные в документах стратегического характера;

– определить ключевые запросы к знаниям и навыкам современного управленца в сфере культуры;

– подготовить предложения по необходимым направлениям развития компетенций руководителей организаций культуры с учетом анализа итогов социологического опроса.

При подготовке данной статьи применен смешанный методологический подход ввиду комплексного характера исследования. Использованы общенаучные методы исследования (анализ, синтез, обобщение, сравнение), частно-правовые методы (формально-юридический, сравнительно-правовой), статистический анализ данных (корреляционный анализ, ранжирование).

Базовая основа формирования компетенций специалистов организаций культуры в сфере культурной политики. В условиях социально-экономической трансформации происходит изменение ценностно-смысловых оснований культурной политики, вследствие чего пересматриваются показатели эффективности использования ресурсов и результативности культурных процессов (рис. 1).

Согласимся с Л. Востряковым в том, что национальные концепции культурной политики не являются раз и навсегда определенными и статичными конструктами [3], поскольку каждое государство на определенном отрезке своего исторического пути избирает тот вектор культурного развития, который соответствует его общественно-политическим и экономическим установкам. На основе этого базиса формируется понятийный аппарат теории культурной политики, определяются приоритеты и обязательства государства по обеспечению доступа к культурным благам. Вместе с тем сами культурные процессы, развитие которых определяется уровнем науки, коммуникационных технологий и ролью творцов, оказывают влияние на выбор той или иной культурной концепции исходя из системы традиционных для каждого государства культурных ценностей.

Сегодня очевидно, что стремительный уровень развития технологий влечет за собой потребность в интенсификации работы по сохранению идентичности и традиционных культурных ценностей. И здесь речь идет не только о создании культурных продуктов и услуг, ориентированных на новые потребности людей, но прежде всего и об управлении сферой культуры в новой конфигурации внешней среды, которая оказывает активное воздействие на формирование ценностных установок с учетом задач, поставленных в стратегических документах и нормативных правовых актах по развитию креативных (творческих) индустрий.

Существующие в распоряжении представителей органов власти всех уровней управленческие инструменты, призванные сформировать ценностные установки для удовлетворения культурных потребностей нового поколения зрителей (посетителей) организаций культуры, представлены в таблице 1.

Рис. 1. Трансформация культурной политики

Составлено автором Горушкиной С.Н.

Таблица 1

Система управленческих инструментов формирования ценностных установок для удовлетворения культурных потребностей нового поколения зрителей (посетителей) организаций культуры

№ п/п	Наименование группы инструментов	Управленческие инструменты
1	Нормативная правовая база, каскадированная на всю иерархию публичной власти и местного самоуправления, которая представлена документами стратегического характера	Указы Президента Российской Федерации: от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»; от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [4]; от 08.05.2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» [5]; Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года [6]
2	Инструменты реализации	Разработка органами публичной власти планов мероприятий по реализации направлений государственной политики в сфере культуры и формирования традиционных духовно-нравственных ценностей
		Оценка проектов, программ и мероприятий на предмет соответствия традиционным ценностям при решении вопроса о целесообразности их государственной поддержки
		Мониторинг достижения целей государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей
		Осуществление органами публичной власти контроля за соответствием финансируемых за счет средств бюджетов мероприятий целям и задачам государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей
		Привлечение институтов гражданского общества, в том числе религиозных организаций, к участию в реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей
3	Научно-аналитические инструменты	Проведение исследований по вопросам, связанным с реализацией государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, включая оценку эффективности реализации соответствующих программ и проектов
		Разработка методических рекомендаций по реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей
4	Информационные инструменты	Взаимодействие органов публичной власти со средствами массовой информации и массовых коммуникаций в целях популяризации и продвижения традиционных ценностей

Подготовлено авторами.

Кроме того, на данный момент руководители сферы культуры должны обладать компетенциями, указанными в нормах Федерального закона от 08.08.2024 г. № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 330-ФЗ) [7]. В законе определены полномочия органов власти и требования к кадровому составу, включая необходимость формирования управленческих компетенций в работе с креативными кластерами, субъектами креативных индустрий и соответствующими инфраструктурными проектами.

Необходимость повышения управленческих компетенций руководителей организаций культуры прямо следует из целей и приоритетов Концепции развития креативных (творческих) индустрий (далее – Концепция) [8]. Концепция рассматривает развитие креативной экономики как один из ключевых драйверов национального роста, основанный на человеческом капитале, инновационном потенциале и историко-культурном наследии.

Согласно Концепции, успешное формирование творческих кластеров, реализация креативных проектов, а также развитие международной конкуренции требуют от руководителей организаций культуры современных знаний в сфере интеллектуальной собственности, а также навыков проектного управления, знаний цифровых технологий, эффективной мотивации творческого коллектива.

Механизмы реализации Концепции включают развитие школ креативных индустрий, кадровых центров, повышение квалификации и обновление содержания профессиональной подготовки руководителей, что непосредственно отражено в Плане реализации Концепции. Современные квалификационные требования обязывают руководителя знать специфику развития креативных индустрий, понимать механизмы управления творческими командами, проектами и продуктами [9]. К примеру, Минкультуры России утвердило «Типовой проект школы креативных индустрий» [10], где среди требований к кадровому составу указано наличие про-

фильного образования, опыта работы, а также компетентности в вопросах управления творческими процессами, проектами и коллективами.

В ряде региональных и федеральных программ как обязательное требование указывается знание тенденций креативной экономики, ее правовых основ, инфраструктурных инициатив и механизмов государственной поддержки.

Из вышесказанного следует, что руководители организаций культуры должны разбираться в специфике развития креативных индустрий, понимать механизмы управления творческими командами, проектами и продуктами, ориентироваться на стандарты и стратегические документы, связанные с культурной политикой, развитием креативных кластеров, цифровизацией культуры и интеграцией инновационных управленческих практик.

Таким образом, задачи управления современными процессами культурной политики во всем многообразии междисциплинарных подходов, связанных с гуманитарным знанием (культурология, экономика, юриспруденция), навыками менеджмента и IT-компетенциями, охватывают различные аспекты профессиональной подготовки в двух ключевых секторах – культурной политике (в контексте формирования традиционных духовно-нравственных ценностей) и в сфере креативных индустрий.

Здесь важно отметить, что стремительно меняющаяся под воздействием коммуникационных технологий культурная среда, а также высокий уровень социально-экономической дифференциации отдельных российских регионов и несбалансированная (а порой и недостаточная) обеспеченность объектами культуры требуют разработки новой концепции управления сферой культуры, роль которой сегодня рассматривается не только как благо, но и как ресурс экономического развития. В настоящее время на смену традиционному пониманию управления культурной политикой, предусматривающему регуляторные меры в отношении управления ресурсами (материальными, финансовыми, кадровыми) и процессами (мероприятия, творчество), приходит концепция «креативного управления». Согласно определению Ритвы Митчел, «на языке менеджмента это означает, что управление осуществляется через сетевые структуры, форумы, институты и административные системы, что далеко не обязательно означает "бюрократический" стиль воплощения политики, а подразумевает гибкость и открытость дальнейшим инновациям» [11].

Данная проблематика компетенций специалистов организаций культуры описывается в трудах российских ученых как комплекс вызовов в области формирования духовных ценностей и профессионального развития кадров креативных индустрий, где имеют место разрывы между теорией и практикой, дефицит системных подходов к воспитанию и обучению, несовершенство образовательных и управленческих механизмов (табл. 2).

Так, ведущий российский философ и культуролог О.Н. Астафьева отмечает, что уровень компетенций руководителей органов культуры в современной России определяется способностью управлять сложными социокультурными процессами и инте-

Таблица 2

Мнение авторов публикаций о ключевых подходах к вопросу повышения компетенций руководителей организаций культуры в сфере культурной политики и креативных индустрий

Автор/ Публикация/ Документ	Традиционные духовно-нравственные ценности	Креативные индустрии	Управление творческими командами и проектами	Цифровизация и инновационные практики	Рекомендации и решения
В.Э.Багдосяря, Ю.Ю Иерусалимский	Формирование механизмов передачи и контроля ценностей	Подготовка управленцев для креативных кластеров	Кейс-методы, проектное наставничество	Оцифровка и автоматизация	Мониторинг, обратная связь, адаптация стандартов
С.С. Листопадова	Сохранение культурной идентичности через современные индустрии	Синергия науки, IT и творчества – условие развития	Мультидисциплинарные команды, лидерство	Автоматизация, цифровая платформа «ГосТех»	Обучение, межсекторная кооперация, гибкие стратегии
Е. Маринина	Укрепление региональных и семейных ценностей	Векторы карьерного роста в креативных индустриях	Управление талантами, поддержка инициатив	Использование аналитики, ИИ, платформенных решений	Внедрение инноваций, сопровождение лидеров
Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.	Включены в национальные проекты и госдокументы	Развитие кластеров, взаимодействие с бизнесом	Проектный менеджмент, стратегическая компетентность	Высокая цифровая зрелость, национальный стандарт	Системное повышение квалификации

Составлено по данным источников [12–14].

грировать ценностные подходы при разработке и реализации культурной политики.

О.Н. Астафьева подчеркивает, что «важно умение формулировать проектные задачи, использовать инструменты поддержки принятия управленческих решений на стратегическом и оперативном уровне с использованием экосистемы с широкими возможностями для настройки и расширения функций по привлечению всех видов ресурсов, включая фандрайзинговые и грантовые площадки» [15].

Профессор И.В. Малыгина обращает внимание на феномен идентичности в контексте историко-культурной динамики, который требует от руководителя организации культуры не только опоры на культурное наследие, но и освоения инновационных стратегий для формирования будущих символических обменов. Автор рассматривает уровень компетенций руководителей организаций культуры как критически важный фактор успешной современной культурной политики и развития креативных индустрий. Она делает акцент на том, что руководитель должен быть не только носителем традиционных ценностей, но и агентом инноваций, способным обеспечивать диалог между разными культурными и творческими средами, а также управлять динамикой изменений в креативной экономике [16].

Т.В. Абанкина – один из ведущих российских экспертов по развитию креативных индустрий – рассматривает уровень компетенций руководителей органов культуры именно как системный фактор формирования конкурентоспособного креативного сектора. По ее мнению, профессиональные навыки лидеров организаций культуры должны охватывать стратегическое мышление, креативное предпринимательство, управление проектами, интеграцию талантов и работу с цифровыми платформами [17].

В экспертном аналитическом докладе, подготовленном группой авторов под руководством Т.В. Абанкиной, особо выделена значимость компетенций руководителей организаций культуры в области законодательства, а также навыки по управлению ресурсами и созданию экосистем для поддержки талантов, развития проектных команд и продвижения проектов [18].

Поддерживая позицию авторов, следует отметить, что современный руководитель должен быть проводником модернизации, способным организовывать социокультурные процессы, обеспечить программный подход и инициировать внедрение культурных практик в образование, производство и социальную среду. Одним из ключевых критериев является умение принимать решения в условиях конкуренции дискурсов, открытости и изменений.

Анализ публикаций отечественных авторов позволяет сформулировать проблемную зону, которая оказывает влияние на уровень профессиональных компетенций руководителей организаций культуры:

1) недостаточное владение цифровыми компетенциями у значительной части руководителей, в том числе недостаточность цифровых инструментов и аналитики для мониторинга и управления процессами, разрозненность цифровых платформ в отрасли;

2) недостаточное владение современными управленческими компетенциями для обеспечения интеграции механизмов передачи традиционных ценностей в повседневную работу учреждений;

3) слабое развитие креативных команд, проектной работы и наставничества, ограниченные возможности карьерного роста в индустрии.

Кроме того, имеет место неравномерное внедрение национальных и региональных стандартов, нехватка системного повышения квалификации управленцев.

Отмечается дефицит программ, способствующих развитию у будущих работников культуры компетенций в области духовно-нравственной культуры, включая ее содержание, исторические основания, междисциплинарные подходы. Проблема усугубляется разрывом между теоретико-методологическими основами компетентностного подхода и реальной практикой трансляции духовных ценностей в образовательной и культурной среде.

Исследования российских ученых также выявляют несколько острых проблем в развитии кадрового потенциала в креативных индустриях: неготовность выпускников творческих вузов к решению задач, связанных с бизнес-процессами, недостаток знаний в области правовой, финансовой и управленческой компетенции, а также дефицит умений по продвижению авторского продукта и работе с инновационными стратегиями.

Вероятно, одной из причин проблемы уровня компетенций являются недочеты системы образования, не отвечающей современным требованиям рынка креативных профессий, формирующей лишь ограниченный набор компетенций, тогда как работодатели ждут нестандартного мышления, креативных командных навыков и панорамного взгляда на профессиональные задачи. Фиксируется разрыв между образовательными стандартами и реальными кадровыми ожиданиями, что требует трансформации программ профессиональной подготовки и реализации новых моделей взаимодействия образования, бизнеса и творческих организаций.

В свою очередь, успешная интеграция инструментов креативной экономики в широкий спектр отраслей экономики и культуры невозможна без реализации ряда последовательных шагов, позволяющих обеспечить развитие новых управленческих практик, понимание специфики культурных и творческих проектов, а также умение реализовывать инновационные подходы в управлении творческими коллективами и продуктами.

Одним из первых шагов в данном направлении стало исследование фактического состояния уровня квалификации руководителей по вопросам государственной культурной политики и креативных индустрий.

Целесообразно привести данные ВЦИОМ. Несмотря на растущее внимание к креативным индустриям, широкая общественность в большинстве своём всё ещё не знает, что это такое. Об этом сообщил А. Даудрих, директор департамента социальных исследований ВЦИОМ: «68 % россиян впервые слышат про креативные индустрии – то есть только треть населения знакома с этим понятием. Однако 90 % считают, что развивать их в стране важно». Россияне чётко понимают ценность креатива для общества, в представлении респондентов он способствует:

– инновациям и прогрессу (17 %);

– самореализации и интеллектуальному обогащению (15 %);

– экономическому росту (13 %);

– росту качества жизни (11 %).

Интересно, что лишь 17 % ставят на первое место прибыль – большинство (65 %) предпочитают комбинированный подход, где творчество, польза и доход идут рука об руку [19].

В 2024 г. Центром «Теория и технологии управления в сфере культуры, образования и науки» ИГСУ РАНХиГС было проведено социологическое исследование, объектом которого стали компетенции руководителей муниципальных организаций и органов культуры муниципального звена.

Выбор целевой группы обусловлен значительным количеством органов местного самоуправления в сфере культуры – это 1925 муниципальных районов и городских округов. Именно в этом сегменте действует около 90 % организаций культуры [20].

Сегодня система повышения квалификации в основном затрагивает уровень руководителей органов управления культурой субъектов Российской Федерации в рамках федеральных программ, а также творческих специалистов в рамках федеральных (национальных) проектов. Тем самым важное управленческое звено, специалисты которого непосредственно осуществляют культурную политику на местах, не охвачено в полной мере системой профессиональной переподготовки.

Чем обусловлен выбор сегмента компетенций, характеризующий знания в сфере государственной культурной политики и креативных индустрий? Прежде всего, это значительный массив нормативных актов, принятых за последние годы по данной теме. То есть:

– представители целевой группы не получали в ходе обучения соответствующий объем знаний по данным направлениям деятельности;

– инструменты реализации новых направлений госполитики в сфере культуры по обозначенным сегментам не поддержаны методическими материалами.

Количество респондентов, опрошенных в ходе исследования, составило 912 чел., в том числе руководители муниципальных организаций культуры 771 чел. (84,5 %), руководители муниципальных органов культуры 141 чел. (15,5 %). Возраст и стаж работы респондентов принимались во внимание по факту, ограничения не применялись, максимальный возраст учитывался в группировке «60 лет и старше», максимальный стаж работы – «20 лет и более».

География охвата была представлена 19 субъектами Российской Федерации, в том числе 3 республиками, 4 краями, 12 областями.

Анализ результатов социологического опроса проводился в разрезе трех основных аспектов:

– уровень компетенций в сфере госполитики;

– уровень компетенций в сегменте госполитики по вопросу развития креативных индустрий;

– потребность респондентов в обновлении методологии проектного управления и повышения квалификации.

Анализ итогов опроса выявил, что незнание нормативно-правовой базы показали в основном руководители муниципальных учреждений культуры (89 %) в возрастной категории 40–60 лет и старше (81 %). Одновременно стаж работы в отрасли культуры более половины указанной категории респондентов находился в диапазоне 10–20 лет и более.

Кроме того, по итогам опроса выявлены негативные тенденции:

– интуитивное понимание целей и задач культурной политики;

– отсутствие видения перспективы в развитии креативных индустрий или отсутствие знаний по этой теме (рис. 2);

Рис. 2. «Какие перспективы принесет развитие креативных индустрий для развития сферы культуры в Вашем регионе?», в % от всей совокупности ответов

– непонимание пользы регистрации интеллектуальных прав (рис. 3);

– непонимание смысла в проектном подходе (табл. 3).

В ходе исследования вопросы задавались респондентам из двух основных групп (руководители органов культуры (ОК), руководители учреждений культуры (УК)). Несмотря на имеющиеся различия в содержании профессиональной деятельности управленца на уровне муниципального отраслевого органа власти и на уровне непосредственно хозяйствующего субъекта (то есть руководитель органа культуры имеет больший объем взаимодействия с нормативными правовыми актами, разработкой и изучением стратегических отраслевых документов, непосредственно получает информацию от региональных руководителей, тогда как у руководителя учреждения в деятельности преобладают хозяйственные аспекты), структура вопросов была построена исходя из актуальности для всех участников опроса. По итогу недостаточный уровень компетенций был продемонстрирован в обеих категориях.

Рис. 3. «По Вашему мнению, какие меры необходимо принимать для охраны интеллектуальных прав производителям креативных продуктов/услуг?», в % от всей совокупности ответов

Исследование показало, что эффективное функционирование системы управления сферой культуры в России возможно при условии эффективного функционирования всех уровней управления: федеральной, региональной и муниципальной власти, организаций.

На сегодняшний день федеральным уровнем власти обеспечивается нормативно-правовое регулирование и различные меры поддержки культуры.

В связи с чем от каждого руководителя требуется «держать руку на пульсе», особенно в условиях глобальных перемен и вызовов современного мира. При этом масштаб и скорость изменений не всегда позволяют обеспечить полноценное внедрение современных управленческих технологий в каждой организации. Для обеспечения качества и максимальной эффективности работы руководителей по реализации целей и задач государственной культурной политики необходимо модернизировать систему повышения квалификации управленческого звена в сфере культуры с учетом следующих подходов:

– систематичность (с определенной периодичностью) и обязательность обучения руководителей муниципальных органов культуры и руководителей организаций. Может быть реализовано также в формате федеральной или региональной целевой программы;

– практикоориентированное обучение, предполагающее, во-первых, отработку практических навыков на рабочих местах, во-вторых, разбор кейсов, наиболее релевантных

Таблица 3

Распределение респондентов, давших отрицательные ответы на вопрос «По Вашему мнению, проектный подход позволяет развивать сферу культуры?», в % от всей совокупности ответов

Вариант ответа	Статус рук-ля		Возраст			Стаж работы		
	ОК	УК	до 30 лет	30-60 лет	более 60 лет	до 3 лет	до 20 лет	более 20 лет
Нет, никак не влияет на выполнение муниципального задания	10 %	90 %	1 %	88 %	11 %	23 %	54 %	23 %
Нет, потому что добавляет работы, которая постоянно поступает от учредителя сверх плана	10 %	90 %	-	82 %	18 %	17 %	52 %	31 %
Нет, проектный подход не оказывает влияния на решение финансовых проблем	11 %	89 %	3 %	84 %	13 %	27 %	53 %	20 %
Нет, потому что отсутствуют специалисты, способные привлекать средства под проект	9 %	91 %	2 %	79 %	19 %	23 %	53 %	24 %
Не вижу смысла в проектном подходе, потому что все попытки получить грант на реализацию проекта не принесли результата	13 %	87 %	-	87 %	13 %	13 %	54 %	33 %

опыту обучаемых и условиям их деятельности (климатических, географических, экономических);

– использование комбинированных форматов обучения (активных и интерактивных форм), деловых игр, тренингов, моделирования, проектирования. При этом значимым аспектом в более длительных программах будут являться очные встречи, которые позволят обеспечить наиболее глубокое погружение в учебную среду и станут площадкой для нетворкинга.

К числу вопросов, недостаточные знания по которым выявлены в ходе исследования и которые целесообразно включить в модули обучения, относятся:

– основы государственного устройства и нормативно-правового регулирования сферы культуры;

– креативные индустрии (с учетом принятия Федерального закона № 330-ФЗ);

– методы проектного управления и управленческие технологии;

– технологии привлечения альтернативных источников финансирования (в том числе грантов, субсидий). В ходе опроса респондентами отмечена недостаточность финансирования сферы культуры, вместе с тем на сегодняшний день широко внедряются грантовые и другие формы поддержки, которые также могут стать дополнительным источником финансирования проектов в сфере культуры;

– интеллектуальная собственность (правовое регулирование, обеспечение охраны, правила работы). Направление, приобретающее особую актуальность в контексте движения к технологическому лидерству в целом, но также и необходимое в контексте Федерального закона № 330-ФЗ, одной из целей которого обозначается «развитие в Российской Федерации креативной экономики как разновидности организации хозяйственных отношений между субъектами гражданского оборота, основанной на широком использовании результатов интеллектуальной деятельности при создании, использовании, продвижении на внутреннем и внешнем рынках, распространении и (или) реализации продукции (выполнении работ, оказании услуг), а также ускоренное внедрение инноваций во всех областях деятельности»;

– цифровизация и цифровые технологии в управлении.

Следует отметить, что работа в направлении методологического обеспечения региональных образовательных программ по развитию креативных индустрий в целях сопряжения с государственной политикой по сохранению духовных ценностей в настоящее время ведется научно-образовательным Центром «Теория и технологии управления в сфере культуры, образования и науки» ИГСУ РАНХиГС [21]. Вместе с тем представляется необходимым широкое внедрение данной практики для обеспечения методической поддержкой всех уровней управленческого процесса в сфере культуры.

Выявленные в ходе исследования деловые качества и запросы респондентов подтвердили гипотезу о необходимости методического обеспечения разработки и использования новых механизмов и инструментов управления ресурсами и процессами, направленными на реализацию государственной культурной политики, а также концептуальных подходов к формированию программы непрерывного повышения квалификации управленческого звена, предоставляющего услуги в сфере культуры на уровне муниципальных образований.

Литература:

1. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС Гарант.
2. Спиридонова В.И. Императив возврата к национальной идентичности как фундамент полицентричного мира // Век глобализации. 2020. № 2. С. 33–44.
3. Востряков Л. Е. Культурная политика: основные концепции и модели. URL: https://studfile.net/preview/3049024/ (дата обращения: 04.11.2025).
4. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СПС Гарант.
5. Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» // СПС Гарант.
6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11 сентября 2024 г. № 2501-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СПС Гарант.
7. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» // СПС Гарант.
8. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2021 г. № 2613-р Об утверждении Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки до 2030 года // СПС Гарант.

9. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.08. 2022 г. № 2290-р О плане мероприятий по реализации в 2022-2024 гг. Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 // СПС Гарант.
10. Типовой проект школы креативных индустрий (утв. Минкультуры России 22.06.2023) // СПС Гарант.
11. Mitchell R. Cultural Policy Evaluation as a Means of a Schemata Construction and as a Policy Instrument, The Second International Conference on Cultural Policy Research. New Zealand: Wellington, 2002. P. 1–17.
12. Багдасарян В.Э., Иерусалимский Ю.Ю., арх. Сильвестр (Лукашенко С.П.) Традиционные ценности российского государства-цивилизации: учебное пособие. Ярославль: Шукаева и семья, 2024. 144 с.
13. Креатив как капитал: на Russian Digital Creative 2025 обсудили, почему творчество и технологии – фундамент новой экономики России. URL: https://ipquorum.ru/news/9787-kreativ-kak-kapital-na-russian-digital-creative-2025-obsudili-pochemu-tvorchestvo-i-tehnologii (дата обращения: 04.11.2025).
14. В Москве вышел доклад об итогах и векторах развития креативной экономики РФ. URL: https://www.kp.ru/daily/27743/5133779/ (дата обращения: 04.11.2025).
15. Астафьева О.Н. Культурная политика России: проектный вектор креативного сектора // Общество: философия, история, культура. 2024. № 12. С. 17–28.
16. Малыгина И.В. Феномен идентичности в контексте историко-культурной динамики // Международный журнал исследований культуры. 2023. № 2 (51). С. 44–55.
17. Абанкина Т.В. Креативную индустрию можно назвать народной экономикой. URL: https://ideuromedia.ru/news/tatyana-abankina-kreativnuyu-industriyu-mozhno-nazvat-narodnoy-ekonomikoy/» (дата обращения: 04.11.2025).
18. Экспертный аналитический доклад «Креативные индустрии как драйвер развития отечественной экономики и улучшения качества жизни людей». URL: https://www.unkniga.ru/media/uploads/docs/doc-creat-ind-kak-drayver.pdf (дата обращения: 04.11.2025).
19. ВЦИОМ Креатив как капитал: на Russian Digital Creative 2025 обсудили, почему творчество и технологии – фундамент новой экономики России. URL: https://ipquorum.ru/news/9787-kreativ-kak-kapital-na-russian-digital-creative-2025-obsudili-pochemu-tvorchestvo-i-tehnologii (дата обращения: 04.11.2025).
20. АИС «Статистика» ГИВЦ Минкультуры России. URL: https://stat.mkrf.ru/indicators/?ysclid=mh91y6whmm117612627 (дата обращения: 15.11.2024).
21. Астафьева О.Н., Малыгина И.В. Российская культура в контексте динамики экономических стратегий // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 4 (108). С. 15–26.

Transformation of the Competencies of Heads of Cultural Organizations in the Field of Cultural Policy

Gorushkina S.N.
Federal Institute of Industrial Property,
Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Morkovkina I.E.
Federal Institute of Industrial Property

The article expose the problem of the competence level of heads of cultural organizations implementing state policy in the field of culture and creative industries. The purpose of the work is to identify the relevant competencies of managers in the field of culture based on the results of an analysis of current trends in public administration. The objectives of the research are to systematize the instruments of state cultural policy and develop recommendations for the development of managerial skills of managers. The main conclusions of the study confirm the causal relationship between the level of managerial competencies and the quality of managerial decision-making in the implementation of cultural policy. The scientific novelty is determined approach proposed by the authors to group the instruments of public administration in the field of culture, based on the analysis of regulatory legal acts of the Russian Federation. The practical significance of the materials of the article lies in the possibility of their use by public authorities and local governments when making decisions in the field of training managerial personnel with relevant skills in the field of culture.

Keywords: cultural policy, management tools, competencies of cultural leaders, creative industries, traditional values, creative economy

УДК 316.7
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-416-421

Формирование качеств патриотизма и гражданственности у студентов-первокурсников в образовательном и воспитательном процессе

Дружинина И.А.
Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ

Сиразеева Т.Т.
Старший преподаватель кафедры философии, преподаватель Колледжа информационных технологий Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью создания обновленного контента практикума курса «Основы российской государственности» с последующим включением материалов статьи в образовательный процесс. В связи с обновлением в 2025/26 учебном году программы данного курса авторами планируется подготовка к изданию методического пособия в издательстве Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ (КНИТУ-КАИ).

Целью статьи является исследование важных качеств патриотизма и гражданственности у современной молодежи на примере образовательного и воспитательного процессов кафедры философии КНИТУ-КАИ и Музея КАИ. Изучены механизмы формирования этих качеств в процессе участия студентов в различных мероприятиях, посвященных Году защитника Отечества и 80-летию Великой Победы.

Проанализировано формирование сущностных традиционных ценностей, знаний, патриотических взглядов и навыков молодежи. Исследуется влияние принципа междисциплинарности в рамках курсов истории России, «Основы российской государственности», философии на формирование таких свойств личности, как любовь к Родине, гражданственность. Авторами показано, что в результате применения данного принципа в том числе формируется у молодежи чувство патриотизма.

В исследовании показаны методы, формы и примеры педагогического и воспитательного воздействия через реализацию курсов: «Основы российской государственности», истории, философии. В статье приведены практические примеры по реализации программ и указов правительства России по формированию качеств патриотизма и гражданственности. В данной работе сделан вывод о процессах формирования важных качеств и традиционных ценностей у студентов, которые стали активными участниками различных акций и мероприятий в процессе подготовки и проведения «Года защитника Отечества» и празднования 80-летия Великой Победы. Эти результаты можно применять в последующие годы в качестве примеров реализации в жизнь программ и указов руководства России в образовании и молодежной политике.

Ключевые слова: *духовно-нравственные ценности, пентабазис, страна, государство, общество, чувство патриотизма, жизнь, достоинство, права и свободы человека, гражданственность, философия, «Основы российской государственности», история России*

Для цитирования: *Дружинина И.А., Сиразеева Т.Т. Формирование качеств патриотизма и гражданственности у студентов-первокурсников в образовательном и воспитательном процессе // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 416–421. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-416-421.*

Современную молодежь необходимо увлечь философией, изучением основ идентичности и суверенитета нашего государства и историей России. Важно пробудить подлинный интерес, вдохновить на самостоятельное изучение гуманитарных дисциплин. Построить сегодня образование нужно так, чтобы молодые люди научились распознавать и противостоять фальсификациям исторических фактов, бережно хранить память о прошлом своей страны и умело проводить параллели между событиями минувших лет и вызовами сегодняшнего дня. Актуальность исследования выражается в развитии новых общественных проектов и институтов гражданского общества в области патриотического воспитания и сохранения историко-культурного наследия народов России. Важно сформировать в сознании молодежи и студентов дух уважения к традиционным ценностям, необходимый для гармоничного развития личности во взаимодействии с ключевым инструментарием государственной политики в области образования, что подтверждено в Указе Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [1]. Согласно Указу Президента России от 09.11.2022 г. № 809 традиционные ценности стали основой российского общества, укрепляющей суверенитет России. В Указе они определены следующими понятиями: «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России». [2]. С целью усиления позиции государства в предмете воспитания духовно-нравственной личности с активной гражданской позицией были внесены изменения в Федеральный закон от 29.12. 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» в части включения воспитательного компонента как одного из опорных и приоритетных в образовательном процессе [3]. Важность патриотического воспитания в своих выступлениях неоднократно подчеркивает Президент РФ В.В. Путин: «Убежден, что вопросы сохранения памяти о важнейших событиях нашего общего прошлого, недопущения попыток фальсификации истории, патриотического воспитания молодых людей всегда должны быть в фокусе нашего внимания» [4].

Чтобы выполнить указы и решения нашего руководства, мы должны изучить внутренний мир молодежи и студентов, постараться понять их мировоззрение и помочь им воспитать важные гражданственные навыки и компетенции. Качества патриотизма и гражданственности становятся более устойчивыми в шкале ценностей личности после изучения первокурсниками истории России, философии, «Основы российской государственности». У студентов формируются умения и навыки отождествления своих «индивидуальных достоинств и успехов» с «политической стабильностью своей Родины», зафиксированные в Указе президента России от 09.11.2022 г. № 809 [2], а также как происходит восприятие и понимание «особенностей исторического пути российского государства, самобытности его политической организации». В распоряжениях правительства РФ от 17.08.2024 года, утверждающих стратегию молодежной политики в РФ на период до 2030 г., самая важная позиция в числе основных направлений осуществления молодежной политики отводится именно «воспитанию гражданственности, патриотизму, преемственности традиций, уважению к отечественной истории, историческим, национальным и иным традициям народов Российской Федерации» [5]. Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» также является частью национального проекта «Образование». Уже в рамках проекта было создано патриотическое движение «Я горжусь», целью движения и проекта в целом было проведение самых разнообразных акций, наполненных патриотическим содержанием. У старшего поколения была выверенная и структурированная школа патриотического воспитания, еще хорошо сохранялась историческая память о великом подвиге советского народа, а у современной молодежи такая школа отсутствует. К сожалению, в современной российской молодежной среде проявляются «антипатриотические, протестные и даже экстремистские настроения» [6], что в перспективе может оказать разрушающее воздействие на государственную целостность. Сегодня в сложившейся политической ситуации в мире происходит мощная манипуляция как общественным, так и индивидуальным сознанием и по-

ведением молодежи, а это возможно, когда еще не сформирована четкая гражданская позиция и отсутствует устойчивое чувство любви к своей Родине. Но после получения среднего или средне-специального образования у вузовской молодежи появляются другие возможности для личностного развития. В рамках изучения темы мы провели социологический опрос, было опрошено 360 обучающихся. Выбор ребят для прохождения опроса был не случаен. Студенты колледжа информационных технологий (несовершеннолетние юноши и девушки), которые участвовали в опросе, стали впоследствии первокурсниками Института компьютерных технологий и защиты информации КНИТУ-КАИ. Опрос ребята проходили дважды: в 17 лет в колледже информационных технологий КНИТУ-КАИ до изучения курса «Основы российской государственности», а затем в 18 лет после изучения этого курса, введенного с сентября 2023 г. для первокурсников всех вузов России (он есть только в программе высшего образования). Такой принцип опроса и выборка нам помогли определить динамику, как изменилось их мировоззрение в процессе изучения гуманитарных курсов.

Анкетирование происходило анонимно в онлайн-формате, вопросы были такого характера: о традициях, обычаях своего региона, об истории родного города, поселка, улицы. Например: «Что нужно сделать для улучшения вашей "Малой Родины", в чем выражается ваша любовь к ней. Еще были блоки вопросов о том, что больше всего повлияло на формирование ваших патриотических чувств и какие важные мероприятия и события запомнились. Результаты опроса студентов колледжа продемонстрировали, что слабо представлена информированность студентов по истории своего города, улицы. 90 чел. – 25 % студентов из числа опрошенных не смогли назвать, например, в честь какого выдающегося деятеля названа улица, на которой они живут. У некоторых отсутствовала эмоциональная связь с родным городом, с улицей. 180 чел. – 50 % опрошенных студентов не смогли назвать свои любимые места в городе. Результаты первого опроса показали, что 252 чел., то есть 70 % опрошенных, считают, что на формирование их гражданско-патриотических чувств в первую очередь повлияло государство, общество, учебные заведения. Так, например, на вопрос «Как вы думаете, возможно ли одновременное чувство любви к своей Родине и ненависти к своему государству?» 180 чел. – 50 % респондентов отвечают утвердительно.

По результатам второго опроса был сформулирован следующий вывод в форме таблицы 1 с положительными ответами. В процессе анализа изменения мировоззрения этих же студентов был получен следующий результат, основанный на пентабазисе. «Пентабазис» – модель мировоззрения, предложенная руководством Российской Федерации, в которой раскрываются поэтапно ключевые элементы и ценностные ориентиры для формирования патриотизма и гражданственности, в которую входят такие понятия как: человек, семья, общество, государство, страна.

Соответственно, все элементы этой системы ценностей влияют на мировоззрение студенческой молодежи.

«Сегодня есть основания говорить о формировании новой информационной культуры, которая может стать элементом общей культуры человечества. Современная информационная культура вобрала в себя все предшествующие формы и соединила их в единое средство» [7, с. 122]. При этом необходимо помнить, что возможно использование всех уровней информационной культуры: когнитивного, поведенческого и эмоционально-ценностного. Это крайне важно в условиях внутренней и внешнеполитической нестабильности и усиленного стремления фальсифицировать отечественную историю в средствах массовой информации. Чтобы противостоять этому, разрабатываются соответствующие методы обучения – интересные, игровые, увлекающие. Опыт показывает, что живое общение и личный пример являются сегодня наиболее действенными и важными. В практике учебной работы гуманитарных направлений и кафедр, осуществляющих преподавание соответствующих дисциплин, которые сегодня нацелены на формирование качеств патриотизма и гражданственности, они активно используются.

В преподавании важно обратиться не только к разуму, но и к чувствам обучающихся в лекциях и на практических занятиях. Так, в лекции по «Основам российской государственности» включается аудио- и видеовоспроизведение исполнения песен Великой Отечественной войны. Например, на лекции «Официальные и неофициальные символы России и её музыкальный культурный код» И.А. Дружинина включает аудиозапись песни «Гляжу в озера синие…», проникающей в подсознание и души молодежи. Эта запись сделана И.А. Дружининой на

Таблица 1

Влияние семьи, общества, страны и государства (пентабазиса) на формирование патриотического мировоззрения студентов

Формирование гражданско-патриотических чувств	Человек	Семья	Общество	Государство	Страна
Историческая память	+	+	+	+	+
Патриотизм	+	+	+	+	+
Гражданственность	+	+	+	+	+

концерте, посвященном Дню России, который состоялся 12 июня 2023 г. в храме Тихого плеса (Верхнеуслонский район РТ). Также в ходе лекции идет рассказ о том, как рождалась мелодия этой песни прямо в небе над Карельским фронтом. Сочинил её летчик и композитор Леонид Афанасьев во время своего возвращения после выполнения сложного и тяжелого фронтового задания на подбитом Ил-2. Эта проникновенная музыкальная тема, записанная нотами на военном аэродроме, находит эмоциональный и душевный отклик в сознании слушателей, и сегодня она приобретает своеобразное символическое значение как неформальный символ народной души России. После включения записи, ставшей через 25 лет благодаря пронзительным словам И. Шаферана песней к кинофильму «Тени исчезают в полдень», в аудитории возникает особая тишина. Мы получаем отклики от студентов на уровне сопереживания и сочувствия данной ситуации с участием к судьбе раненого летчика. Именно в подобном воздействии и происходит формирование устойчивых гражданских качеств личности, как показано также и в предыдущем исследовании [8]. Для формирования у современной студенческой молодежи «осознанного патриотизма» необходимо эмоциональное воздействие.

Стали находкой для студентов и преподавателей нашего вуза разработки, призванные прививать эмоциональную и гражданскую культуру молодежи: литературно-музыкальная композиция, пронзительно и вдохновляюще показанная студентами, презентация книги «Небеса – свидетели» о прадедушке одной из наших студенток, а также видеоролики, созданные самими студентами: «Война в моей семейной истории», первый ролик – о своем родственнике – участнике войны, второй – взгляд в будущее глазами студентов. Эти работы развивают гражданское самосознание, чувство патриотизма, сопричастность с судьбами своего народа, напоминая о беспримерных подвигах людей в годы войны. Душевный, теплый отклик и неподдельный интерес аудитории вызвали темы, которые были до этого малоизвестны широкому кругу пользователей, такие как: «Сохранение культурных ценностей во время Великой Отечественной войны», «Эвакуация Эрмитажа», «Слухачи» Великой Победы», «Сибирь во время Великой Отечественной войны», «Подвиг советских лётчиц: «ночные ведьмы», «Нюрнбергский процесс», «Значение для СССР программы военной помощи по программе Ленд-лиза».

В докладах и презентационных материалах на эти темы удачно сочетались элементы научно-исследовательской работы и эмоциональности. Такое совместное сопереживание родителей, преподавателей и студентов не только сохраняет память, но и объединяет поколения в духе уважения и благодарности. Еще одна научно-практическая разработка – экскурсионный маршрут и путеводитель о подвиге нашего народа и вкладе в дело Победы в Великой Отечественной войне, о героях фронта и тыла, жителях России и Татарстана. Маршрут, разработанный профессором, доктором философских наук, заведующим кафедрой философии (1996–2024 гг.) Н.М. Солодухо, доцентами И.А. Дружининой, О.А. Липатовой, проходит путем подвига и трудовой славы: от Кремля через КАИ по городу Казани. В экскурсию по маршруту включено первое учебное здание КАИ, на фасаде которого 14 мемориальных досок, посвящены выдающимся КАИстам, в число которых входит и Королев Сергей Павлович – основатель современной космонавтики. Именно в Казани, на кафедре реактивных двигателей были применены одни из первых практических разработок реактивного движения в России. Согласно приказу по КАИ от 01.05.1945 г. № 187 в КАИ была организована первая в стране кафедра реактивных двигателей, и тогда единственная среди вузов страны, заведующим кафедры был приглашен будущий академик В.П. Глушко. Прославленный авиаконструктор С.П. Королев был утвержден тогда в должности старшего преподавателя. Включено в эту разработку посещение выставки в Музее КАИ, где рассказаны судьбы КАИстов, вернувшихся с фронтов войны и долгие годы проработавших в КАИ. Эта работа отражена и на сайте КНИТУ-КАИ. В раздел «КАИ в годы Великой Отечественной войны» включены материалы «научного полка», которые собраны и переработаны сотрудниками музея из сохранившихся в архивах документов, и воплотившиеся в различных изданиях и в мемориальных объектах. Этот новый экскурсионный интересный маршрут применим для гостей города, учащихся университетов, колледжей и школ [9].

Непосредственное психолого-педагогическое воздействие на умы и сердца молодежи также выполняет важную воспитательную роль. События прошлого влияют на настоящее, нужно этот смысл находить и осознавать самим, обучать этому студентов. «Память – это не просто знания о событиях прошлого. Память – это жизненный опыт, знание о пережитых явлениях. Историческая память – понятие коллективное. Она заключена в сохранении и понимании общественного исторического опыта. Коллективная память поколений может быть как внутри одной семьи, у населения целого города, у всей нации» [10].

Гражданско-патриотическое воспитание российской молодежи, несомненно, должно осуществляться комплексно, многопланово и одновременно адресно, охватывая все возрастные категории молодого поколения с учетом огромного потенциала современных информационно-коммуникационных технологий. Эффективное патриотическое воспитание молодежи должно быть комплексным, являться

важной частью всей системы образования и воспитания, ориентированной на формирование ответственных, гражданско активных и патриотически настроенных граждан России.

Российская система образования сегодня стремится к системности и структурированности, с её непосредственным участием происходит формирование традиционных российских духовно-нравственных ценностей, а также чувства патриотизма и гордости за историю России, но есть еще огромный резерв неиспользованных и неучтенных методов и средств. По результатам наших исследований мы также выяснили, что молодежь в подавляющем большинстве получает информацию об истории, символах, традициях и культурных достижениях нашего государства в учебных заведениях. В КНИТУ-КАИ есть девиз: «КАИ – крылья для жизни!» Мы уверены, что помогли создать прочную ценностную шкалу личности нашим студентам, которая будет базовой основой в их дальнейшей жизни.

Сегодня в сложной внутренней и внешней социально-экономической и политической ситуации правительством Российской Федерации формируется единая образовательная система для преподавателей и студентов, включающая изучение предметов: история России, философия и «Основы российской государственности». В этом контексте сегодня актуально звучат слова Д.С. Лихачева: «Я мыслю себе XXI век как век гуманитарной культуры» [11]. Сегодня необходимо сохранение гуманитарной основы российского государства, его идентичности, которая возникает через гражданственность и патриотизм каждой личности, формирующиеся благодаря изучению наших предметов.

Литература:

1. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СПС Гарант.
2. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 г «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС Гарант.
3. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СПС Гарант.
4. VIII Форум России и Белоруссии, 1 июня, 2021 г. URL: https://ria.ru/20210701/putin-1739384833.html (дата обращения: 19.07.2025).
5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.08.2024 г. № 2233-р утвердить «Стратегия реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС Гарант.
6. Бужинов Д.Ф., Путинцева Е.Н. Гражданско-патриотическое воспитание современного российского молодого поколения: проблемы, перспективы и потенциал использования интернет-технологий // Гуманитарные научные исследования. 2022. № 11. URL: https://human.snauka.ru/2022/11/55050 (дата обращения: 14.07.2025).
7. Дружинина И.А., Сиразеева Т.Т. Культурология (для технических вузов). М.: ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2019. 160 с.
8. Дружинина И.А., Абдуллина Т.А. Практика изучения темы: «Герои страны, герои народа» (к вопросу воспитания в курсе «ОРГ» на примере подвига героев Великой Отечественной войны) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2025. № 2. С. 83–86. DOI: 10.37882/2223-2982.2025.02.13.
9. Солодухо Н.М., Дружинина И.А., Липатова О.А. Маршрутом подвига и трудовой славы: от Кремля через КАИ по городу Казани. Путеводитель / авторы-составители зав. каф. философии, проф. Н.М. Солодухо, зав. Музеем КНИТУ-КАИ, доц. И.А. Дружинина, доц. каф. философии О.А. Липатова. Казань, Изд-во КНИТУ-КАИ, 2025. 48 с.
10. Осипова Д.С., Абузяров Т.Р., Дружинина И.А. Сохранение исторической памяти с помощью трансгуманизма на примере VR музея // XXVI Туполевские чтения (школа молодых ученых): Материалы Межд. молодёж. науч. конф. Сб. докладов, Казань, 09–10 ноября 2023 г. Казань: ИП Сагиев А.Р., 2023. С. 4094–4097.
11. Лихачев Д.С. О русской интеллигенции. Письмо в редакцию. // Новый мир. 1993. № 2. С. 3–9.

Formation of the Qualities of Patriotism and Citizenship in the Educational Process

Druzhinina I.A., Sirazeeva T.T.
Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev – KAI

The relevance of this study stems from the need to create updated content for the "Fundamentals of Russian Statehood" course workshop, with subsequent incorporation of the article's materials into the educational process. In connection with the course curriculum update for the 2025/26 academic year, the authors plan to publish a teaching aid at KNITU-KAI Publishing House.

The purpose of this article is to examine the important qualities of patriotism and civic responsibility in today's youth, using the educational and upbringing processes of the KNITU-KAI Department of Philosophy and the KAI Museum as examples. The mechanisms for developing these qualities are examined through student participation in various events dedicated to the Year of Defender of the Fatherland and the 80th anniversary of the Great Victory, as well as through courses such as Russian history, philosophy, and "Fundamentals of Russian Statehood."

An analysis is provided of the development of essential traditional values, knowledge, patriotic views, and skills in young people. This article examines the influence of the interdisciplinary approach on the development of such personality traits as love for one's homeland and civic responsibility within the framework of the courses "Russian history," "Fundamentals of Russian statehood," and philosophy. The authors demonstrate how this approach fosters a sense of patriotism in young people.

The study presents methods, forms, and examples of pedagogical and educational influences through the courses "Fundamentals of Russian statehood," history, and philosophy. The article provides practical examples of the implementation of Russian government programs and decrees on developing patriotism and civic responsibility. This paper concludes that the complex processes involved in developing important qualities and traditional values in students who actively participated in various events and activities during the preparation and implementation of the "Year of Defender of the Fatherland" and the celebration of the 80th anniversary of the Great Victory can be used in future years as examples of the implementation of the programs and decrees of the Russian leadership.

Keywords: spiritual and moral values, pentabasis, country, state, society, sense of patriotism, life, dignity, human rights and freedoms, citizenship, philosophy, Fundamentals of Russian Statehood, History of Russia

УДК 343.985.2
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-422-425

Типичные ошибки, допускаемые при производстве обыска в помещении

Иванов А.В.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Казанского филиала Российского государственного
гуманитарного университета имени В.М. Лебедева

Настоящая статья посвящена анализу типичных ошибок, имеющих место в ходе производства обыска в помещении. В работе приводятся примеры ошибок, допущенных при производстве обыска, как в прошлое, так и в настоящее время. Обращено внимание на тактические промахи следственных и оперативных работников, допускаемые вследствие невнимательности и небрежного отношения к проводимому следственному действию. Результатом исследования является вывод о том, что ошибки при производстве обыска могут возникать по различным причинам, включая как субъективные факторы (невнимательность, небрежность), так и объективные (недостаточная подготовка, отсутствие контроля). Предложенные рекомендации по выявлению и устранению ошибок позволят повысить эффективность данного следственного действия и обеспечить соблюдение прав всех участников процесса.

Ключевые слова: *обыск, расследование преступлений, ошибки при производстве обыска, следователь, обыскиваемое лицо, понятые*

Для цитирования: *Иванов А.В. Типичные ошибки, допускаемые при производстве обыска в помещении // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 422–425. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-422-425.*

Обыск является действием, сложным как в процессуальном, так и в тактическом плане. Процессуальная сложность обыска обусловлена требованиями уголовно-процессуального законодательства: необходимостью получения судебного разрешения на его производство и возбуждения ходатайства перед судом с согласия руководителя следственного органа или прокурора в соответствии со ст. 165 УПК РФ [1]. Тактическая сложность обыска выражается в непосредственно поисковых действиях, поскольку обыскиваемое лицо может скрыть искомые предметы весьма изобретательно. Например, С. устроила тайники для ценностей в задней стенке платяного шкафа, в каменной стене и в полу жилища [2, с. 89–90]. В ходе производства такого сложного процессуального действия нередко допускаются различные ошибки, которые позволяют суду признать результаты обыска противоречащими закону и недопустимыми. Ошибки, допускаемые в ходе производства обыска, можно разделить на три группы. 1. Ошибки процессуального характера. 2. Ошибки тактические (поисковые). 3. Ошибки, связанные с оформлением результатов обыска. Рассмотрим каждый вид ошибок отдельно.

Ошибки процессуального характера. Они могут быть связаны с нарушением уголовно-процессуальных норм, регулирующих порядок производства обыска или процессуальных прав участников следственного действия. Так, «Верховный Суд Удмуртской Республики апелляционным постановлением от 31 октября оставил без изменения постановление суда первой инстанции о признании незаконным обыска в жилище женщины, на тот момент не имеющей никакого процессуального статуса по делу, из-за нарушений ее права на защиту» [3]. Гражданка З. в ходе проведения обыска ее жилища заявила

о намерении вызвать адвоката. Однако следователь, проводивший обыск, не предоставил ей такую возможность и запретил пользоваться телефоном. Следователь пояснил, что адвокат будет ей предоставлен только после окончания обыска и доставления ее в следственный отдел. На момент производства обыска З. не обладала никаким процессуальным статусом по данному уголовному делу, и только после окончания обыска следователь допросил ее в качестве подозреваемой. Суд первой инстанции своим постановлением признал незаконным производство обыска по месту проживания З. Суд апелляционной инстанции оставил вынесенное решение без изменения.

Другими наиболее типичными процессуальными ошибками являются: проведение обыска неуполномоченным лицом (оперативным работником без отдельного поручения), отсутствие при обыске понятых, неразъяснение участникам обыска их процессуальных прав и обязанностей, отсутствие юридических оснований для производства обыска. Так, Краснодарский краевой суд в своем апелляционном постановлении от 26 августа 2020 г. по делу № 3/6-1037/2020 отменил постановление Октябрьского районного суда г. Краснодара о проведении обыска в жилище адвоката. В апелляционном постановлении было указано, что суд первой инстанции не исследовал предоставленные следователем материалы. В том числе: в отношении адвоката, в жилище которого был произведен обыск, не было возбуждено уголовное дело, и он не был привлечен в качестве обвиняемого; в постановлении следователя не было указано, какие предметы и документы, имеющие отношение к делу, предполагалось обнаружить. Краснодарский краевой суд принял решение отменить постановление нижестоящего суда, которым было разрешено проведение обыска в жилище адвоката [4]. В случае допущения лицами, производящими обыск, процессуальных ошибок, обыскиваемое лицо (или другие заинтересованные лица) вправе обжаловать это в порядке, предусмотренном ст. 124 УПК РФ. Кроме того, они имеют право заявить ходатайство об исключении полученных в результате обыска доказательств из перечня доказательств, предъявляемых в ходе судебного разбирательства. В случае удовлетворения такого ходатайства протокол обыска не будет иметь юридическую силу и не сможет использоваться в процессе доказывания. При этом заинтересованному лицу может быть компенсирован моральный вред, причиненный незаконными действиями сотрудников правоохранительных органов.

В целях предотвращения подобных ошибок следует проводить обыск в строгом соответствии с уголовно-процессуальными нормами и только при наличии правовых и фактических обстоятельств, добросовестно разъяснять всем участникам следственного действия их процессуальные права и обязанности.

Тактические (поисковые) ошибки. В процессе действий, направленных на непосредственное обнаружение искомых объектов, типичными являются следующие ошибки. 1. Неправильное проникновение на обыскиваемый объект, дающее находящимся там лицам время уничтожить или перепрятать искомые объекты. Пример из советской судебно-следственной практики: сотрудники милиции, прибывшие для производства обыска с целью обнаружения похищенных из музея картин, постучали в дверь жилища и объяснили цель своего визита. Находящиеся там лица не открыли дверь, несмотря на предупреждения об ответственности. Пока сотрудники милиции взламывали дверь, похищенные картины были уничтожены [5, с. 97]. 2. Отсутствие контроля за поведением обыскиваемых лиц, которые во время обыска могут передать кому-либо нежелательную информацию, перепрятать искомые предметы или совершить другие действия, невыгодные следствию. Курьезный случай, связанный с отсутствием должного контроля за поведением обыскиваемого лица, приводит в своих мемуарах бывший сотрудник НКВД М.П. Шрейдер [6]. В ходе обыска в жилище, проводимого у полковника медицинской службы, последний попросил у сотрудников НКВД разрешения «выпить воды» из стоящего на кухне чайника. Сотрудники, проводившие обыск, ему не препятствовали, и полковник выпил из чайника несколько стаканов прозрачной жидкости. После чего обыскиваемый упал на пол в бессознательном состоянии, вызванном сильным алкогольным опьянением. Оказалось, что он ранее вылил в чайник две бутылки водки, чтобы «спрятать» алкоголь от своей супруги. Во время обыска он выпил всю находящуюся в чайнике водку. Планируемый после обыска допрос стал невозможен, так как полковник пришел в себя только на следующие сутки. 3. Неправильный подбор лиц, приглашаемых на роль понятых. Понятые, заинтересованные в исходе дела в пользу обыскиваемого лица (его родственники, друзья, коллеги и пр.), могут препятствовать производству обыска, отказаться подписать протокол обыска или дать в суде ложные показания о том, что в их присутствии ничего не было изъято. Так, следователь, проводивший обыск в небольшом частном доме, пригласил в качестве понятых двух соседей. В процессе обыска были обнаружены и изъяты значительные ценности. Однако, когда следователь, завершив поисковую фазу обыска, начал составлять протокол, один из понятых схватил мешочек с изъятыми ценностями и скрылся. Другой понятой в это время, применяя физическую силу, воспрепятствовал попыткам следователя догнать беглеца. Когда следователю удалось вызвать сотрудников правоохранительных органов, понятые заявили, что никаких ценностей при них

изъято не было и никакого насилия в отношении следователя они не применяли. Похищенные понятым ценности были утрачены навсегда, производство дальнейшего обыска не дало никаких результатов [7]. 4. Ненадлежащее поведение понятых во время производства обыска. Например, понятые покидают помещение, в котором производятся поисковые действия, как раз в тот момент, когда там были обнаружены какие-либо объекты. Или понятые ведут себя излишне активно, самостоятельно ищут объекты, берут найденные предметы в руки и т.д. Понятые могут попытаться присвоить себе какие-либо вещи обыскиваемого лица. Так, приговором Каспийского городского суда был осужден местный житель, который, принимая участие в качестве понятого во время обыска в жилище, присвоил себе денежные средства обыскиваемого лица в сумме 350 тыс. руб. [8]. 5. Ненадлежащее поведение лиц, проводящих обыск. Например, следователь перед началом обыска не разъясняет обыскиваемому лицу цель следственного действия и не предлагает ему самостоятельно выдать искомые объекты. В ходе обыска следователь или оперативный сотрудник заходят в какое-либо помещение без понятых, после чего там обнаруживаются искомые объекты.

Для предотвращения подобных ошибок необходимо следующее. 1. Проникновение на объект должно быть неожиданным для обыскиваемого лица и не давать ему возможности для уничтожения или сокрытия искомых предметов. 2. В процессе обыска следует контролировать поведение обыскиваемого лица и следить за его эмоциональным состоянием, поскольку последнее может указать на местонахождение объектов обыска. Например, при приближении сотрудника правоохранительных органов к тайнику, хозяин жилища начнет нервничать. 3. Приглашать в качестве понятых только лиц, незаинтересованных в исходе дела, тщательно их инструктировать перед началом обыска с целью предотвращения вышеуказанных эксцессов. 4. Проводить поисковые действия только при участии понятых, не допуская их отсутствия в обыскиваемом помещении.

Ошибки, связанные с оформлением результатов обыска. Подобного рода ошибки могут «уничтожить» все результаты проведенного следственного действия и повлечь признание обнаруженных вещественных доказательств недопустимыми. Наиболее часто встречающимися являются следующие виды подобных ошибок. 1. В протоколе обыска не указывается место обнаружения изъятых объектов; не содержатся сведения об использованных в процессе поиска технических средствах, об освещении помещения, погодных условиях (если обыск, начатый в жилом доме, продолжается на прилегающей к дому территории). 2. Протокол обыска не подписывают участники следственного действия. Так, суд Ханты-Мансийского автономного округа признал незаконным обыск, произведенный старшим следователем СО СУ СК РФ, по ряду причин, включая следующую. Собственник жилища отказалась подписать протокол обыска, однако данный факт не был зафиксирован надлежащим образом в протоколе. Кроме того, в обыске принимало участие восемь человек, а протокол был подписан лишь шестью лицами. При этом идентифицировать подписи и подписантов не представилось возможным [9]. 3. Изъятые при обыске вещи не упаковываются и не опечатываются, в протоколе обыска не описываются их идентификационные признаки. Лицо, производящее обыск, заранее присваивает изъятому предмету определенный статус, который (в данный момент) еще не очевиден. Например, изъятый белый порошок в протоколе именуют «наркотическим средством», пятна бурого цвета – «кровью» и т.д. В целях избежания означенных ошибок следует обращать особое внимание на правильность составления протокола обыска и факт подписания его всеми участниками следственного действия.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. 1. Все вышеуказанные виды ошибок, допускаемых при производстве обыска, могут повлечь признание следственного действия незаконным, а полученных результатов – недопустимыми. 2. Данные ошибки могут быть выявлены на любой стадии уголовного процесса. 3. Знание причин появления ошибок позволит их своевременно предупредить. 4. Следует установить, почему конкретное лицо, проводившее обыск, допустило подобные ошибки. Какие факторы повлияли на это: недостаток личного опыта, невнимательность и небрежность, недостатки в организации деятельности следственного органа или другие причины.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г.; 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // СПС Гарант.

2. Боев О.Я. Тактика следственных действий: учеб. пособие. Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. 224 с.
3. «Адвокатам удалось признать незаконным обыск, произведенный в жилище их подзащитной» // Адвокатская газета. Орган Федеральной палаты адвокатов РФ. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/advokatam-udalos-priznat-nezakonnym-obysk-proizvedennyy-v-zhilishche-ikh-podzashchitnoy/ (дата обращения: 27.10.2025).
4. Апелляционное постановление № 22-5210/2020 от 25.08.2020 г. по делу № 3/6-1037/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/k17KNAHNQ2dx/?ysclid=mhbq7kwfta81731160. (дата обращения: 28.10.2025).
5. Ратинов А.Р. Обыск и выемка. М.: Госюриздат, 1961. 218 с.
6. Шрейдер М.П. НКВД изнутри. Записки чекиста. М.: Издат. дом: Возвращение, 1995. 260 с.
7. Баев О.Я., Солодов Д.А. Производство следственных действий: криминалистический анализ УПК России, практика, рекомендации. Практическое пособие. М.: Эксмо, 2010. 240 с.
8. В Каспийске осудили понятого, совершившего кражу во время следственного мероприятия // РИА Дагестан. URL: https://riadagestan.ru/news/investigation_and_courts/v_kaspiyske_sudili_ponyatogo_sovershivshego_krazhu_vo_vremya_sledstvennogo_meropriyatiya (дата обращения: 03.11.2025).
9. Апелляционное постановление № 22К-499/2019 от 02.04.2019 г. по делу № 22К-499/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/CL6QHWsxoNZ5/?ysclid=mhbqn0z66z75358464. Дата обращения: 3.11.2025.

Typical Mistakes Made when Conducting a Search of Premises

Ivanov A.V.
Kazan Branch of the Lebedev Russian State University of Justice

This article analyzes typical errors that occur during searches of premises. It provides examples of search errors, both historical and current. It also highlights "tactical blunders" committed by investigators and operatives due to inattention and a careless attitude toward the investigative action being conducted. The study concludes that errors during searches can arise for various reasons, such as a lack of control over the behavior of those being searched or the improper selection of witnesses. Methods for identifying and eliminating such errors are proposed.

Key words: search, crime investigation, errors during search, investigator, person being searched, witnesses

УДК 33
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-426-430

От пилота к масштабу: как гибридные архитектуры и модели управления определяют успех внедрения искусственного интеллекта в бизнесе

Павлова А.В.
Доктор экономических наук, проректор по учебной работе и цифровой трансформации, профессор кафедры сервиса и туризма Поволжского государственного университета физической культуры, спорта и туризма (Казань)

Ягудина Е.В.
Доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой управления человеческими ресурсами Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье рассматриваются актуальные аспекты практического внедрения искусственного интеллекта в бизнес-процессы современных организаций. Основное внимание уделяется анализу эффективности различных технологических архитектур и организационных моделей управления ИИ-проектами.

На основе исследования более 40 практических кейсов внедрения ИИ в российских и зарубежных компаниях авторы выявляют ключевые факторы успеха проектов. Особое внимание уделяется сравнению трёх основных моделей развёртывания ИИ: облачной, локальной и гибридной. Доказано, что гибридная архитектура обеспечивает оптимальный баланс между масштабируемостью, безопасностью и экономической эффективностью.

В работе также анализируются три основные модели управления ИИ-инициативами: централизованная, децентрализованная и гибридная «хаб-спиц». Показано, что последняя модель является наиболее эффективной для масштабирования ИИ-решений в крупных организациях.

Практическая значимость исследования заключается в разработке эволюционной траектории внедрения ИИ – от централизованной модели на начальных этапах к гибридной по мере роста зрелости организации. Авторы подчёркивают важную роль мультидисциплинарного Центра компетенций по ИИ как стратегического органа управления процессом цифровой трансформации.

Результаты исследования могут быть использованы руководителями компаний и специалистами по цифровой трансформации при планировании и реализации проектов внедрения искусственного интеллекта.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, гибридная архитектура, модель развёртывания ИИ, центр компетенций, модель «хаб-спиц», цифровая трансформация*

Для цитирования: *Павлова А.В., Ягудина Е.В. От пилота к масштабу: как гибридные архитектуры и модели управления определяют успех внедрения искусственного интеллекта в бизнесе // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 426–430. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-426-430.*

Внедрение искусственного интеллекта (ИИ) в коммерческие организации перестало быть предметом футурологических прогнозов и стало ключевым фактором конкурентоспособности в современной экономике [1]. Согласно прогнозам, общий экономический потенциал ИИ оценивается в 4,4 трлн долл. за счет роста производительности [2; 3], а к 2030 г. его вклад в мировую экономику может достигнуть 13 трлн долл. [4]. Этот масштабный сдвиг обусловлен стремительным развитием технологий, в частности генеративного ИИ, что позволило снизить стоимость доступа к программным продуктам: например, стоимость токенов *OpenAI* упала с 30 до 3 долл. за миллион при переходе с *GPT*-4 на *GPT*-4o за 16 месяцев [5]. В результате к 2024 г. не менее 50 % компаний использовало ИИ как минимум в двух бизнес-функциях, а к концу 2025 г. ожидается, что 92 % компаний увеличат инвестиции в эту технологию [2; 6]. Прогнозируется и рост глобального рынка ИИ – с 621,19 млрд долл. в 2024 г. до 2,74 трлн долл. к 2032 г., при этом на Северную Америку приходится 41 % рынка [7; 8]. Однако, несмотря на широкий охват и высокие ожидания, практика внедрения сталкивается с серьезными вызовами. Большинство компаний остаются на стадии пилотных проектов, и лишь 1 % руководителей считают свои компании «зрелыми» в плане внедрения ИИ, технологии интегрированы в рабочие процессы и дают значительный бизнес-эффект [2; 9]. Это свидетельствует о глубоком разрыве между технологическим потенциалом и организационной готовностью, что делает исследование факторов успеха и барьеров внедрения крайне актуальным для современного менеджмента.

В исследовании использован междисциплинарный подход, объединяющий методы системного анализа, контент-анализа, кейс-стади и экономико-математического моделирования. Были проанализированы более 40 кейсов внедрения ИИ в России и за рубежом, включая компании из энергетики, финансов, промышленности и ритейла. Также использованы данные от *McKinsey, Gartner, IDC, ABI Research*, а также отчеты технологических платформ, таких как *Microsoft, Google, AWS*, и научные публикации в рецензируемых журналах. Данный подход обеспечивает высокую достоверность и актуальность анализа, так как опирается на первичные данные, полученные в результате масштабных опросов и исследований. Например, отчет *McKinsey* 2024 г. основан на опросе 1600 менеджеров и 16 000 сотрудников [2], а исследование *Infosys AI Business Value Radar* охватило 3240 компаний и 132 кейса использования ИИ [10].

Методологически исследование опиралось на сравнительный анализ моделей *CAPEX/OPEX*, расчет *ROI* по ИИ-проектам, а также *SWOT*- и сценарный анализ для оценки рисков: *vendor lock-in*, регуляторная неопределенность, дефицит кадров. Особое внимание уделено сравнению гибридной модели (*cloud* + *on-premises* + *edge*) с чисто облачной или локальной архитектурой.

Практика внедрения искусственного интеллекта в деятельность коммерческих организаций характеризуется разнообразием подходов к управлению и реализации проектов. Анализ источников позволяет выделить несколько типов внедрения и, что более важно, различные организационные модели управления, которые определяют эффективность и масштабируемость инициатив.

Основные типы ИИ, релевантные для бизнеса, включают генеративный ИИ (создание контента), машинное обучение (прогнозирование спроса), обработку естественного языка (*NLP*), роботизированную автоматизацию процессов (*RPA*) и компьютерное зрение [6; 11]. Внедрение может осуществляться через различные варианты: использование *API*-сервисов (например, *ChatGPT*), услуг третьих сторон, разработку собственных решений или платформ инференса третьих сторон [12].

Выбор технологических решений и модели развертывания является ключевым фактором успеха при внедрении искусственного интеллекта, так как он напрямую влияет на безопасность, производительность, затраты и соответствие нормативным требованиям. Современная практика демонстрирует переход от простых, изолированных решений к сложным, интегрированным архитектурам. Основные технологические инструменты включают генеративный ИИ (например, *OpenAI, Anthropic, Google Gemini*), платформы бизнес-аналитики с поддержкой ИИ (*BI*), инструменты автоматической генерации кода (например, *GitHub Copilot*) и аналитические платформы для выявления скрытых паттернов. Ключевые провайдеры облачных платформ, такие как *Amazon Web Services (AWS*), *Microsoft Azure и Google Cloud Platform (GCP*), предлагают комплексные сервисы для разработки, обучения и развертывания моделей машинного обучения: A*WS SageMaker, Azure Machine Learning* и *Google Cloud Vertex AI* соответственно [9; 13]. Эти платформы обеспечивают доступ к динамически распределяемым вычислительным мощностям и управляемым сервисам, что упрощает эксперименты и масштабирование [14].

Модели развертывания ИИ можно классифицировать на три основные:

– облачная (*cloud*);

– локальная (*on-premises*);

– гибридная.

Облачная модель предполагает использование ресурсов публичного облака, таких как *AWS, Azure* или *GCP*. Ее основные преимущества – масштабируемость, быстрое развертывание, низкие стартовые затраты (*OPEX*) и доступ к передовым инстру-

ментам [15; 16]. Однако она сопряжена с рисками безопасности, особенно при обработке чувствительных данных, и зависимости клиента от продуктов и услуг одного поставщика (*vendor lock-in*) [12; 17].

Локальная модель подразумевает развертывание ИИ-моделей на корпоративных серверах внутри компании [14]. Она обеспечивает максимальный контроль над данными, безопасность и предсказуемую производительность, что критично для регулируемых отраслей, таких как финансы и здравоохранение [12; 18]. Недостатками являются высокие первоначальные инвестиции (*CAPEX*) и ограниченная масштабируемость [16].

Наиболее распространенной и перспективной моделью в 2025 г. является гибридная архитектура. Она сочетает преимущества облачных и локальных решений, позволяя компаниям оптимизировать затраты, соблюдать нормативные требования и обеспечивать высокую производительность [19; 20]. Основные паттерны гибридного развертывания включают обучение моделей в облаке и развертывание на локальных серверах (*split approach*), разделение модели между облаком и локальной средой (*split-model architectures*), децентрализованное обучение (*federated learning*) и согласованное управление вычислениями как на периферии, так и в облаке (*edge-cloud orchestration*) [19; 21].

Этот подход особенно эффективен, когда на этапе обучения требуются огромные вычислительные мощности, которые доступны в облаке, а на этапе вывода критичны низкая задержка и контроль над данными [19; 22]. Например, в финансовом секторе обучение может проходить в облаке, а вывод – на локальных *GPU*-кластерах для обеспечения задержки в 2–5 мс, что необходимо для высокочастотного трейдинга, в то время как облачный вывод дает задержку 50–200 мс [19; 21]. В здравоохранении данные пациентов обрабатываются локально для соблюдения конфиденциальности, а анонимизированные данные используются в облаке для разработки моделей [19; 20]. В производстве же ежедневно генерируется до 2 ТБ данных с датчиков, и их локальная обработка снижает затраты на передачу данных на 60–80 % [19; 21].

Гибридная модель требует сложной инфраструктуры, включающей локальные *GPU*-кластеры, облачную инфраструктуру для обучения, реестр моделей (например, *MLflow, Kubeflow*), развертывание и управление приложениями через *Kubernetes*[1] и защищенную сеть [19; 23]. Для оптимизации используются методы квантования моделей (снижение размера на 50–75 % с минимальной потерей точности), дистилляция знаний и аппаратной оптимизации (например, с помощью *TensorRT*), что позволяет ускорить вывод в 2–5 раз [19; 21]. Безопасность в гибридной среде обеспечивается сквозным шифрованием с управляемыми клиентом ключами, архитектурой нулевого доверия (*zero-trust*) и микросегментацией [19; 24].

Выбор модели зависит от ряда факторов, включая тип нагрузки, чувствительность данных, требования к задержкам, бюджет (*CAPEX vs OPEX*), масштабируемость и уровень внутренней экспертизы. В 2025 г. наблюдается тренд на рост числа компаний, выбирающих локальные или частные облачные решения для ИИ из-за экономии на масштабе, защиты данных и повышения эффективности [17]. Таким образом, гибридная модель развертывания становится стратегическим выбором для компаний, стремящихся к балансу между инновациями, безопасностью и рентабельностью.

Однако наиболее критическим аспектом является не технологический выбор, а организационная модель, которая управляет этим процессом.

Ведущие консалтинговые и исследовательские компании выделяют три основные модели управления внедрением ИИ.

Первая – централизованная модель. В этой модели все ИИ-инициативы управляются единой командой, такой как Центр компетенций (*AI CoE*), который отвечает за стратегию, стандарты, технологии и управление [25; 26]. Эта модель обеспечивает сильный контроль, стандартизацию и согласованность, что особенно важно на начальных этапах внедрения. Например, *Matt Cornett* из *Transamerica* возглавляет централизованную команду, подчиняющуюся главному административному директору, что позволяет эффективно управлять талантами и инфраструктурой [27]. Однако у этой модели есть недостатки: она может замедлять инновации, создавать узкие места и отдалять ИИ-специалистов от бизнес-подразделений, что снижает понимание предметной области [28].

Вторая модель – децентрализованная. В этом подходе команды в сфере данных и ИИ распределены по бизнес-подразделениям и подчиняются локальным руководителям [26; 27]. Преимущества такой модели заключаются в близости к конкретным бизнес-процессам, глубокой предметной экспертизе и операционной гибкости, что способствует быстрому реагированию на потребности подразделения. Однако она приводит к изоляции специалистов, дублированию усилий, отсутствию стандартизации и сложностям в координации на уровне всей компании. Патрик Харрисон, директор по разработке искусственного интеллекта в глобальной компании, занимающейся финансовой аналитикой, отмечает, что для решения этих проблем им пришлось внедрять сеть поддержки и централизованную платформу [27].

Третья и, по мнению многих экспертов, наиболее эффективная модель – гибридная модель «хаб-

[1] *Kubernetes* – это портативная расширяемая платформа с открытым исходным кодом для управления контейнеризованными приложениями и сервисами, которая облегчает как декларативную настройку, так и автоматизацию.

спиц» (*hub-and-spoke*). Эта модель сочетает централизованное стратегическое руководство («хаб») с децентрализованной операционной автономией («спицы») [25; 26; 29]. Центральный «хаб» (например, *AI CoE*) отвечает за разработку стратегии, установление стандартов, управление данными, обеспечение безопасности и развитие компетенций. Он обеспечивает единую стратегию и сквозной контроль. В то же время «спицы» – это бизнес-подразделения, которые берут на себя приоритизацию задач, внедрение решений и оценку их эффективности, что обеспечивает высокую вовлеченность и ускорение инноваций на локальном уровне. Исследования показывают, что компании, успешно масштабирующие ИИ, в 3 раза чаще используют эту модель [25]. *McKinsey* же отмечает, что 70 % банков с централизованными командами успешно осуществляют промышленный запуск решений, против 30 % при децентрализованных моделях, что подчеркивает важность централизованного контроля даже в гибридной модели [25].

Авторская интерпретация результатов позволяет сделать вывод о том, что выбор модели зависит от зрелости организации. На ранних этапах, когда необходимо сформировать экспертизу и управление, рекомендуется начинать с централизованной модели [25; 27]. По мере роста и увеличения числа инициатив, организация должна переходить к гибридной модели «хаб-спиц», чтобы совместить контроль и инновации. Для малых и средних предприятий может быть предпочтительна централизация, а для крупных корпораций — гибридная модель. Эффективный *AI CoE* в рамках гибридной модели должен быть мультидисциплинарным и включать стратегов в области ИИ, специалистов по данным, юристов, экспертов по безопасности и менеджеров по изменениям [29]. Он должен функционировать не как технический, а как стратегический центр, обеспечивая связь между технологическими возможностями и бизнес-целями.

Таким образом, гибридная модель «хаб-спиц» представляет собой наиболее сбалансированный и устойчивый подход к управлению внедрением ИИ, способный преодолеть ограничения как централизованной, так и децентрализованной моделей.

Литература:

1. GenAI4EU: Funding opportunities to boost Generative AI “made in Europe”. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/genai4eu
2. AI in the workplace: A report for 2025. URL: https://www.mckinsey.com/capabilities/mckinseydigital/our-insights/superagency-in-the-workplace-empowering-people-to-unlock-ais-fullpotential-at-work
3. From early pilot to lasting value: 6 critical success factors for AI transformation. URL: https://konecta.com/news-insights/from-early-pilot-to-lasting-value-6-critical-success-factors-for-ai-transformation
4. Gibson K. AI-Driven Business Models: 4 Characteristics. URL: https://online.hbs.edu/blog/post/ai-driven-business-models
5. Gesser A., Moodie G., Bernabei D. Why Businesses Are Accelerating AI Adoption and Eight Hallmarks of Success. URL: https://www.debevoise.com/insights/publications/2025/09/why-businesses-are-accelerating-ai-adoption-and
6. Benefits of Artificial Intelligence (AI) for Business. URL: https://online.uc.edu/blog/business-benefits-artificial-intelligence-ai/
7. Real-Life Examples of how AI is used in Business. URL: https://onlinedegrees.sandiego.edu/artificial-intelligence-business/
8. Types of AI for Businesses Powering Industries Today. URL: https://makingsense.com/blog/post/types-of-ai-for-business
9. AI Model Deployment Platforms to Consider in 2025. URL: https://www.domo.com/learn/article/ai-model-deployment-platforms
10. High M. AI Adoption Accelerates as Businesses Look to Drive Impact. URL: https://aimagazine.com/articles/infosys-enterprise-ai-shifts-from-experimentation-to-impact
11. Spittlehouse R. The 5 Types of AI Every Small Business Should Know. URL: https://pcg.io/insights/5-types-of-ai-small-business-guide/
12. Hayden R. Comparing Generative AI Deployment Options for Your Enterprise. URL: https://www.abiresearch.com/blog/comparison-of-generative-ai-deployment-options
13. Parsons D., Corneil Ch. Six critical success factors to realize AI potential. URL: https://www.slalom.com/us/en/insights/six-critical-success-factors-to-realize-ai-potential
14. AI Deployment: Types, Challenges & Best Practice. URL: https://www.ai21.com/knowledge/aideployment/
15. What are public, private, and hybrid clouds? URL: https://azure.microsoft.com/en-us/resources/cloud-computing-dictionary/what-are-private-public-hybrid-clouds
16. Sirota A. Cloud AI vs. on-premises AI: Where should my organization run workloads? URL: https://www.pluralsight.com/resources/blog/ai-and-data/ai-on-premises-vs-in-cloud

17. How to Choose the Best Deployment Model for Enterprise AI: Cloud vs On-Prem. URL: https://www.allganize.ai/en/blog/enterprise-guide-choosing-between-on-premise-and-cloud-llm-and-agentic-ai-deployment-models
18. Commission launches AI innovation package to support Artificial Intelligence startups and SMEs. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_24_383
19. Reddin N. Hybrid AI: Combining On-Premise & Cloud AI for Enterprise Use Cases. URL: https://blog.american-technology.net/hybrid-ai-combining-on-premise-cloud-ai-for-enterprise/
20. Train in the Cloud, Deploy On-Prem: Making Hybrid AI Work. URL: https://sutejakanuri.medium.com/train-in-the-cloud-deploy-on-prem-making-hybrid-ai-work-foryou-718e5d8f00b9
21. Hybrid AI: Combining On-Premise & Cloud AI for Enterprise Use Cases. URL: https://www.linkedin.com/pulse/hybrid-ai-combining-on-premise-cloud-enterprise-tjlac
22. Tobin D. Data Transformation Challenge Statistics – 50 Statistics Every Technology Leader Should Know in 2025. URL: https://www.integrate.io/blog/data-transformation-challenge-statistics/
23. Amit E. Govrin Cloud, On-Prem, or Hybrid? How To Create Enterprise AI Strategy. URL: https://www.kubiya.ai/blog/enterprise-ai-strategy
24. Kutz J. Benefits of a Hybrid Cloud Deployment Model. URL: https://airbyte.com/data-engineering-resources/benefits-hybrid-cloud-deployment-model
25. Bhatnagar K. Centralized vs. Decentralized: Choosing the Right Gen AI Operating Model for Your Bank. URL: https://arya.ai/blog/centralized-vs-decentralized-gen-ai-operating-model
26. Kharche A. AI CoEs: Centralized vs Federated Models for Scalable Delivery. URL: https://www.linkedin.com/pulse/ai-coes-centralized-vs-federated-models-scalable-delivery-kharche-smgef
27. Companies, 3 Ways to Structure Data Science. URL: https://domino.ai/blog/3-companies-3-ways-to-structure-data-science
28. Karthik R. Comparative Analysis of Centralized vs. Decentralized Governance Models for AI-BI in Multi-Cloud Enterprises // Journal of Computer Science and Technology Studies. 2025. № 7(6). P. 873–879. https://doi.org/10.32996/jcsts.2025.7.103
29. Nandi M. How to Build an AI Center of Excellence. URL: https://www.datasciencecentral.com/how-to-build-an-ai-center-of-excellence/

From Pilots to Scale: How Hybrid Architectures and Governance Models Shape the Success of AI Adoption in Business

Pavlova A.V.
The Volga State University of Physical Culture, Sports and Tourism (Kazan)
Yagudina E.V.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article examines current aspects of practical implementation of artificial intelligence in business processes of modern organizations. The main focus is on analyzing the effectiveness of various technological architectures and organizational management models for AI projects.

Based on a study of over 40 practical cases of AI implementation in Russian and international companies, the authors identify key success factors for projects. Particular attention is paid to comparing three main AI deployment models: cloud, on-premises, and hybrid. It is proven that hybrid architecture provides an optimal balance between scalability, security, and cost-effectiveness.

The paper also analyzes three main models of AI initiative management: centralized, decentralized, and hybrid hub-and-spoke. It is shown that the latter model is the most effective for scaling AI solutions in large organizations.

The practical significance of the research lies in developing an evolutionary trajectory for AI implementation — from a centralized model at initial stages to a hybrid model as the organization matures. The authors emphasize the important role of a multidisciplinary AI Center of Excellence as a strategic body managing the digital transformation process.

The research findings can be used by company executives and digital transformation specialists when planning and implementing AI implementation projects.

Keywords: artificial intelligence, hybrid architecture, AI deployment model, Center of Excellence, hub-and-spoke model, digital transformation

Информация об авторах

Аламова Светлана Мухаметовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Университета управления «ТИСБИ»
420111, Казань, ул. Муштари, 13 Тел. +7(843)236-92-97 e-mail: sm-alamova@mail.ru
Александрова Анна Сергеевна – аспирант кафедры государственного и административного права Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева
443011, Самара, ул. Потапова, 64 Тел.: +7(846) 334-54-02 e-mail: anna.alex2000@yandex.ru
Алексеев Сергей Анатольевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного управления, истории, социологии Казанского национального исследовательского технологического университета
420015, Казань, ул. К.Маркса, 68 Тел.: +7(843)231-42-16 e-mail: office@kstu.ru
Амелькина Оксана Васильевна – аспиранта кафедры философии и общественных наук Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, ассистента кафедры государственного управления и истории Пермского национального исследовательского политехнического университета
614068, Пермь, ул. Букирева, 15 Тел.: +7 (342) 2-340-112 e-mail: Om_company@mail.ru
Антипин Иван Александрович – доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета
620144, Екатеринбург, ул. 8-е Марта/Народной воли, д. 62/45 Тел.: +7(343) 257-91-40 e-mail: usue@usue.ru
Апон Марина Евгеньевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления – РАНХиГС при Президенте РФ
199178, СПб., Средний пр. Васильевского острова, д.57/43 Тел.: +7 (812) 335-94-94 e-mail: sziu@sziu.ru
Асылбаева Полина Анатольевна – соискатель кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологии
450076, Уфа, ул. Заки Валиди, 32 Тел.: + 7 (347) 229-96-16 e-mail:aslpl@bk.ru
Ахмадзода Рустам Саидахмад – адъюнкт кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, Москва, ул. Академика Волгина, д.12 Тел.: +7(495) 336-22-44 e-mail: 7888.83@mail.ru
Бабичев Михаил Александрович – кандидат экономических наук, инженер сектора методов исследования проблем развития регионов Омского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук
644024, Омск, пр-т Маркса, 15 Тел.: +7(381-2) 37-17-36 e-mail: mixa156@mail.ru
Бачуринская Ирина Анатольевна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры государственного и территориального управления Санкт-Петербургского государственного экономического университета
91023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21 Тел.: +7(812) 571-00-55 e-mail: e-mail: basia@mail.ru
Белозерова Ирина Ивановна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН)
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6 Тел.: +7 (499) 936-87-87 e-mail: belozerova_ii@pfur.ru
Беляев Владимир Александрович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, политологии и менеджмента Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ
420111, Казань, ул. К. Маркса, д. 10 Тел.: +7(843)231-01-91 e-mail: vlad_belyaev@list.ru
Брыкова Светлана Сергеевна – старший преподаватель кафедры экономической теории, государственного и муниципального управления Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова
670000, Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а Тел.: +7(3012) 297-170 e-mail: s8yckova@yandex.ru
Бурганова Лариса Агдасовна – доктор социологических наук, профессор кафедры общей и этнической социологии Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru
Бушенева Юлия Ивановна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и управления Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, д.10 Тел.: +7 (812) 465-66-99 e-mail: busheneva@yandex.ru
Вафина Юлия Александровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного управления, истории и социологии Казанского национального исследовательского технологического университета
420015, Казань, ул. К.Маркса, 68 Тел.: +7(843)231-42-16 e-mail: office@kstu.ru
Воблая Ирина Николаевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, финансов и менеджмента Новороссийского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
353907, Новороссийск, ул. Видова, д. 56 Тел.: +7 (8617) 21-15-98 e-mail: savinvaav@mail.ru
Волченко Татьяна Александровна – аспирант факультета экономики и таможенного дела Казанского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации
420045, г. Казань, ул. Н. Ершова, 58 Тел.: +7(843) 272-80-91 e-mail: votak@yandex.ru
Выстропов Валентин Геннадьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры управления органами внутренних дел в особых условиях центра командно-штабных учений Академии управления МВД России
125993, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8 Тел.: +7(499) 745-82-02 e-mail: mvd_vystropov@mail.ru
Гарифуллина Резеда Саитовна – доктор педагогических наук, профессор кафедры культурного наследия и туризма Казанского государственного института культуры
420059 Казань, Оренбургский тракт, 3 Тел.: +7(843)277-58-36 e-mail: info@kazguki.ru
Геврасев Никита Сергеевич – специалист 1-й категории отдела энергетических и топливных балансов Управления потребительского рынка Комитета по тарифам Санкт-Петербурга
191023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 14/52А Тел.: +7(812) 576-21-50 e-mail: gevrasev02@mail.ru
Гениберг Татьяна Владимировна – кандидат экономических наук, доцент кафедры информационных технологий Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ»
630099, Новосибирск, ул. Каменская, д. 56 Тел.: +7(383) 224-59-55 e-mail: geniberg@mail.ru
Горушкина Светлана Николаевна – кандидат социологических наук, ученый секретарь Федерального института промышленной собственности, доцент научно-образовательного центра «Теория и технологии управления в сфере культуры, образования и науки» Института государственной службы и управления РАНХиГС
119571, Москва, пр-кт Вернадского, 82, стр.1 Тел.: +7 (499) 956-99-99 e-mail: information@ranepa.ru
Горчакова Дарья Сергеевна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5 Тел.: +7 (499) 125-00-79 e-mail: 47daryl@mail.ru
Горяева Светлана Николаевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук и психологи Астраханского государственного технического университета
414056, Астрахань, ул. Татищева, д. 16 Тел.: +7(8512) 61-43-66 e-mail: s.goryaeva@astu.ru

Грачёва Ольга Алексеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии
410056, Саратов, ул. Вольская, дом 1 Тел.: +7(8452) 29-56-58 e-mail: letsik91@mail.ru
Губайдуллин Равиль Расимович – директор ООО «Татнфеть-Инжиниринг»
423259, Лениногорск, ул. Чайковского, 31 Тел.: +7(843) 238-15-93 e-mail: Raviltmny@mail.ru
Гудкова Оксана Евгеньевна – доктора экономических наук, доцент кафедры бизнеса и управления Московского университета им. С.Ю. Витте (филиал в г. Рязань)
490013, Рязань, Первомайский проспект, 62 Тел.: +7 (4912) 76-56-62 e-mail: gudkovaok@mail.ru
Двас Григорий Викторович – доктор экономических наук, профессор, ректор Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, д.10 Тел.: +7 (812) 465-66-99 e-mail: greg@dvas.ru
Дружинина Илона Анатольевна – кандидат исторических наук, доцента кафедры философии Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ
420111, г. Казань, ул. К. Маркса, д. 10 Тел.: +7(843)231-01-91 e-mail: IADruzhinina@kai.ru
Дьякова Вера Валерьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук и психологи Астраханского государственного технического университета
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, д. 16 Тел.: +7(8512) 61-43-66 e-mail: vvdyakova@yandex.ru
Ершов Андрей Николаевич – доктор социологических наук, профессор кафедры регионологии и цифровой гуманитаристики Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru
Есвейн Рудольф Игоревич – аспирант Уральского государственного экономического университета, главный специалист управления программно-целевого планирования и оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления Департамента экономики Администрации города Екатеринбурга
620144, Екатеринбург, ул. 8-е Марта/Народной воли, д. 62/45 Тел.: +7(343) 257-91-40 e-mail: usue@usue.ru
Ефлова Мария Юрьевна – доктор социологических наук, профессор, и.о. директора Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: meflova@gmail.com
Закирова Аяз Маратович – аспирант кафедры общей и этнической социологии, ассистент кафедры государственного и муниципального управления Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru
Захаров Никита Владимирович – старший инспектор оперативного направления Линейного отдела МВД России на станции Тула, старший лейтенант полиции
300041, Тула, ул. Путейская, 27 Тел.: +7(4872)55-91-28
Ибрагимова Алиса Ахтямовна – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра исламоведческих исследований Академии наук РТ, доцент кафедры менеджмент Казанского государственного энергетического университета
420066, Казань, ул. Красносельская, 51 Тел. +7(843)543-90-24 e-mail: alisa.garifullin@mail.ru
Ибрагимова Зульфия Зайтуновна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры общей философии Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: yuldyz@rambler.ru
Иванов Антон Викторович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного гуманитарного университета
420097, Казань, ул. Шмидта, д. 35 а Тел.: +7(843) 236-93-16 e-mail: rggu-kazan@mail.ru
Идиатуллина Анжелика Маратовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного управления, истории, социологии Казанского национального исследовательского технологического университета
420015, Казань, ул. К.Маркса, 68 Тел.: +7(843)231-42-16 e-mail: e-mail: iam141@yandex.ru
Квасников Владимир Анатольевич – руководитель Управления Федерального казначейства по Самарской области
443110, Самара, ул. Ново-Садовая, 24а Тел.: +7 (846) 334-52-50 ufk42@roskazna.ru
Ким Ольга Леонидовна – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, д.10 Тел.: +7 (812) 465-66-99 e-mail: ol_kim@hotmail.com
Кокорева Валерия Николаевна – специалист 1-й категории отдела по работе с обращениями граждан и организаций Комитета по тарифам Санкт-Петербурга
191023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 14/52А Тел.: +7(812) 576-21-50 e-mail: lerik.rodzevich@gmail.com
Корнилова Александра Евгеньевна – аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова
428015, Чебоксары, Московский пр-т, д. 15 Тел.: +7 (8352)45-02-79 e-mail: kornilova_aleksandra@bk.ru
Корсун Ирина Игоревна – аспирант кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19 Тел.: +7(343)375-44-44 e-mail: i.i.korsun@urfu.ru
Крейк Альфред Иосифович – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления
630099, Новосибирск, ул. Каменская, д. 56 Тел.: +7(383) 224-59-55 e-mail: rector@nsaem.ru
Лимарь Анна Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени Д.И. Путилина
308024, Белгород, ул. Горького, 71 Тел.: +7(4722) 55-71-13 e-mail: belui@mvd.ru
Лиходаев Евгений Геннадьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии
410056, Саратов, ул. Вольская, дом 1 Тел.: +7(8452) 29-56-58 e-mail: vindex77@mail.ru
Максимова Ольга Александровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и этнической социологии Казанского (Приволжского) федерального университета, доцент кафедры социологии, политологии и менеджмента Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ
420111, г. Казань, ул. К. Маркса, д. 10 Тел.: +7(843)231-01-91 e-mail: olga_max@list.ru
Минзарипов Рияз Гатауллович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и этнической социологии, Президент Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: rminzaripov@kpfu.ru
Минзянова Диляра Фарильевна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности Казанского юридического института МВД России
420018, Казань, ул. Магистральная, 35 Тел.: +7 (843) 277-80-77 e-mail: Dilyara_444@bk.ru
Минигулова Ильмира Рафисовна – кандидат философских наук, доцент кафедры международного и интеграционного права Уфимского университета науки и технологий
450076, Уфа, ул. Заки Валиди, 32 Тел.: + 7 (347) 229-96-16 e-mail:ilmira_mini@mail.ru

Михайлов Фёдор Борисович – кандидат экономических наук, доцент кафедры управления человеческими ресурсами Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: mifb@rambler.ru
Михайлова Ирина Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени Д.И. Путилина
308024, Белгород, ул. Горького, 71 Тел.: +7(4722) 55-71-13 e-mail: belui@mvd.ru
Морковкина Инга Евгеньевна – старший научный сотрудник – начальник сектора организации публикационной деятельности Федерального института промышленной собственности
125993, Москва, Бережковская наб., 30, корп. 1 Тел.: +7 (499) 240-6015 e-mail: fips@rupto.ru
Мустафина Гульяр Назметдиновна – старший преподаватель кафедры информатики и вычислительной математики, начальник центра информационных технологий Набережночелнинского государственного педагогического университета
423806, Наб. Челны, ул. Низаметдинова Р.М., 28 Тел.: +7 (8552) 46-62-16 e-mail: ngpi@tatngpi.ru
Мягков Герман Пантелеймонович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирясова
420111, г. Казань, ул. Московская, д. 42 Тел.: +7 (843) 231-92-90 e-mail: info@ieml.ru
Мясников Дмитрий Алексеевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры управления человеческими ресурсами Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: dmitriymyasnikov@mail.ru
Нагматуллина Людмила Константиновна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, политологии и менеджмента Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ
420111, г. Казань, ул. К. Маркса, д. 10 Тел.: +7(843)231-01-91 e-mail: nagmlk@yandex.ru
Насретдинов Ильдар Талифович – доктор экономических наук, профессор кафедры международных экономических отношений Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: itnasretdinov@kpfu.ru
Натапова Наталья Валерьевна – кандидат социологических наук, начальник информационно-аналитического отдела Института развития образования Республики Татарстан
420015, г.Казань, ул. Большая Красная, 68 Тел.: +7 (843) 236-62-42 e-mail: e-mail: nvnatapova@mail.ru
Ноженко Дмитрий Юрьевич – кандидат экономических наук, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Уральского государственного экономического университета
620144, Екатеринбург, ул. 8-е Марта/Народной воли, д. 62/45 Тел.: +7(343) 257-91-40 e-mail: nogenkod74@mail.ru
Нуруллин Рафаиль Асгатович – доктор философских наук, профессор кафедры общей философии Института социально-философских наук Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: nurulla958@mail.ru
Олифир Денис Игоревич – кандидат географических наук, доцент кафедры туризма, гостеприимства и сферы обслуживания Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, д.10 Тел.: +7 (812) 465-66-99 e-mail: e-mail: denis-olifir@yandex.ru
Павлова Аделия Вадимовна – доктор экономических наук, профессор кафедры сервиса и туризма, проректор по учебной работе и цифровой трансформации Поволжского государственного университета физической культуры, спорта и туризма
420138, Казань, Деревня Универсиады, д. 33 Тел.: +7 (843) 221-09-02 e-mail: 930895@list.ru
Паникарова Светлана Викторовна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры региональной экономики, инновационного предпринимательства и безопасности Уральского федерального университета имени первого президента России Б.Н. Ельцина
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19 Тел.: +7(343)375-44-44 e-mail: S.V.Panikarova@urfu.ru
Петрякова Елена Александровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук и психологи Астраханского государственного технического университета
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, д. 16 Тел.: +7(8512) 61-43-66 e-mail: elena_a_petryakova@inbox.ru
Порошенко Ольга Юрьевна – доктор философских наук, заведующий кафедрой социальной философии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: olgaporo@mail.ru
Растопшин Роман Анатольевич – заместитель начальника собственной безопасности ГУ МВД РФ по городу Санкт-Петербург и Ленинградской области, полковник полиции
191015, Санкт-Петербург, Суворовский пр., 50/52 Тел.: +7 (812) 573-26-76 e-mail: rebrading2@gmail.com
Рыбушкин Николай Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: i_naughty@mail.ru
Рыжов Игорь Викторович – доктор экономических наук, профессор кафедры управления инновациями и коммерциализации интеллектуальной собственности Российской государственной академии интеллектуальной собственности
117279, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 55а Тел.: +(499)460-0520 e-mail: info@rgiis.ru
Сайкина Гузель Кабировна – доктор философских наук, профессор кафедры общей философии Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: gusels@rambler.ru
Сафин Фадбир Магусович – доктор экономических наук, профессор кафедры культурного наследия и туризма Казанского государственного института культуры, профессор кафедры Всемирного культурного наследия Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru
Сезонова Ольга Николаевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, маркетинга и управления персоналом Курского государственного университета
305000, Курск, ул. Радищева, 33 Тел.: +7 (0712) 56 02 64 e-mail: Sizaya@ya.ru
Сейфиева Елена Николаевна – кандидат политических наук, доцент кафедры информатики, математики и общественно гуманитарных науки Новороссийского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
353907, Новороссийск, ул. Видова, д. 56 Тел.: +7 (8617) 21-15-98 e-mail: ensejfieva@fa.ru
Сергеева Зульфия Харисовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного, муниципального управления и социологии Казанского национального исследовательского технологического университета
420015, Казань, ул. К.Маркса, 68 Тел.: +7(843)231-42-16 e-mail: zhsergeeva@rambler.ru
Сибаева Гульназ Рашитовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры цифровые системы и модели Казанского государственного энергетического университета
420066, Казань, ул. Красносельская, 51 Тел. +7(843)543-90-24 e-mail: sigura2@mail.ru
Сидоренко Андрей Валерьевич – аспирант факультета экономики и бизнеса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, аналитик АО «Газпромбанк»
125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49 Тел.: +7(499) 943-98-55 e-mail: andreysidorenkoval@gmail.com

Сиразеева Талия Тимерхановна – старший преподаватель кафедры философии, преподаватель Колледжа информационных технологий Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ
420111, г. Казань, ул. К. Маркса, д. 10 Тел.: +7(843)231-01-91 e-mail: tsirazeeva@rambler.ru
Скоробогатов Андрей Валерьевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирясова
420111, г. Казань, ул. Московская, д. 42 Тел.: +7 (843) 231-92-90 e-mail: av.skorobogatov@mail.ru
Скоробогатова Анна Ильдаровна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой педагогической психологии и педагогики Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирясова
420111, г. Казань, ул. Московская, д. 42 Тел.: +7 (843) 231-92-90 e-mail: a.i.skorobogatova@mail.ru
Снеткова Татьяна Анатольевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры учета, анализа и аудита Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru
Соколов Алексей Павлович – доктор экономических наук, профессор кафедры цифровой экономики и предпринимательства Российской государственной академии интеллектуальной собственности, профессор базовой кафедры управления инновационной и промышленной политикой Российского государственного университета им. Г.В. Плеханова
117997, Москва, Стремянный пер., 36 Тел.: +7(499) 237-86-56 e-mail: sap9556565@gmail.com
Соколовская Анастасия Андреевна – старший преподаватель кафедры финансового контроля и казначейского дела, младший научный сотрудник Института финансовых исследований Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49 Тел.: +7(499) 943-98-55 e-mail: analysenko@fa.ru
Стрижак Марина Сергеевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, финансов и менеджмента Новороссийского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
353907, Новороссийск, ул. Видова, д. 56 Тел.: +7 (8617) 21-15-98 e-mail: masstrizhak@fa.ru
Сытин Аркадий Викторович – соискатель кафедры общей и этнической социологии Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru
Тихонов Олег Викторович – кандидат философских наук, старший преподаватель, кафедра общей философии Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: hlgw23@gmail.com
Тоганова Жаксыгуль Кохановна – соискатель кафедры общей этической социологии Казанского (Приволжского) федерального университета, директор Кызылординского педагогического высшего колледжа имени М. Маметовой
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: karshiga.ru@mail.ru
Фазлеев Артур Наилевич – старший преподаватель кафедры теории и методики физической культуры, спорта и ЛФК Института фундаментальной медицины и биологии Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: fazzleie@mail.ru
Фугалевич Елена Владимировна – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и территориального управления Санкт-Петербургского государственного экономического университета
91023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21 Тел.: +7(812) 571-00-55 e-mail: fugalevich_elena@mail.ru
Хабибуллин Марат Ильгизарович – аспирант кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: aspirantmarat@outlook.com
Хамаганова Ксения Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС
199178, СПб., Средний пр. Васильевского острова, д.57/43 Тел.: +7 (812) 335-94-94 e-mail: sziu@sziu.ru
Цветкова Галина Александровна – доктор социологических наук, профессор кафедры политической социологии и социальных технологий социологического факультета Института социально-экономических наук Российского государственного гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская площадь, д. 6 Тел.: +7(495) 250-6118 e-mail: rsuh@rsuh.ru
Черноморец Анна Борисовна – кандидат технических наук, доцент кафедры безопасности Северо-Западного института управления РАНХиГС
199178, СПб., Средний пр. Васильевского острова, д.57/43 Тел.: +7 (812) 335-94-94 e-mail: Anna.chernomorets@gmail.com
Черных Анна Евгеньевна – аспират института подготовки и аттестации научно-педагогических кадров Санкт-Петербургского государственного экономического университета
91023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21 Тел.: +7(812) 571-00-55 e-mail: anyachernykh0@gmail.com
Шадрина Любовь Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой маркетинга, рекламы и связей с общественностью Новосибирского государственного университета экономики и управления
630099, Новосибирск, ул. Каменская, д. 56 Тел.: +7(383) 224-59-55 e-mail: rector@nsaem.ru
Шишкина Елена Александровна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета
620144, Екатеринбург, ул. 8-е Марта/Народной воли, д. 62/45 Тел.: +7(343) 257-91-40 e-mail: le_gre@mail.ru
Шлычков Владимир Валерьевич – начальник Межрегионального филиала Федерального казенного учреждения «Центр по обеспечению деятельности Казначейства России» в г. Владивостоке
690001, Владивосток, ул. Дальзаводская, 1 Тел.: +7 (4232) 39-23-55 e-mail: ShlychkovVV@roskazna.ru.
Шматко Анна Дмитриевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры безопасности Северо-Западного института управления РАНХиГС
199178, СПб., Средний пр. Васильевского острова, д.57/43 Тел.: +7 (812) 335-94-94 e-mail: sziu@sziu.ru
Штанько Алексей Юрьевич – аспирант кафедры региональной экономики, инновационного предпринимательства и безопасности Уральского федерального университета имени первого президента России Б.Н. Ельцина
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19 Тел.: +7(343)375-44-44 e-mail: ssshtanko@gmail.com
Юринов Владимир Юрьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: vol-yurinov1@yandex.ru
Юркина Диана Алексеевна – проводник Северо-Западный филиал АО «Федеральная пассажирская компания», студент Новосибирского государственного университета экономики и управления
630099, Новосибирск, ул. Каменская, д. 56 Тел.: +7(383) 224-59-55 e-mail: rector@nsaem.ru
Юрьева Оксана Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры управления человеческими ресурсами Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru
Ягудина Елена Валерьевна – доктор экономических наука, профессор, заведующая кафедрой управления человеческими ресурсами Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: efahr@mail.ru